

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
НОВОСИБИРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
Гуманитарный институт

Лаборатория гуманитарных исследований

А. С. Зуев, П. С. Игнаткин, В. А. Слугина

ПОД СЕНЬ ДВУГЛАВОГО ОРЛА:
инкорпорация народов Сибири
в Российское государство
в конце XVI — начале XVIII в.

Новосибирск
2017

УДК 94(571)''16/18''+39:34
ББК Т3(2)45-04
3 930

Рекомендовано к печати Ученым советом Гуманитарного института
Новосибирского государственного университета
(протокол № 11 от 6.02.2018 г.).

Рецензенты:

д-р ист. наук *В. В. Трепавлов*

(Институт российской истории РАН, г. Москва),

д-р ист. наук *А. А. Борисов*

(Институт гуманитарных исследований

и проблем малочисленных народов Севера СО РАН, г. Якутск),

канд. юрид. наук *Н. И. Красняков*

(Новосибирский государственный университет, г. Новосибирск)

3 930 Зуев, А. С.

Под сень двуглавого орла: инкорпорация народов Сибири
в Российское государство в конце XVI — начале XVIII в. / А. С. Зуев,
П. С. Игнаткин, В. А. Слугина ; Новосиб. гос. ун-т. — Новосибирск :
ИПЦ НГУ, 2017. — 444 с.

ISBN 978-5-4437-0710-5

В монографии выявляются и исследуются основные идеологемы, стратегии и механизмы, с помощью которых Российское государство политико-идеологически обосновывало и легитимировало свои права на Сибирь и ее народы, параметры формирования русской стороной образов полиэтничного пространства Сибири, процедуры освоения и присвоения социально-политических структур сибирских народов русской властью, ритуалы, практики и формы политико-правового оформления российского подданства сибирскими народами, факторы, способствовавшие политической адаптации сибирских народов к предложенной им русской властью системе политических отношений.

УДК 94(571)''16/18''+39:34
ББК Т3(2)45-04

Исследование проведено в рамках государственного задания
в сфере научной деятельности (проект № 33.5677.2017/8.9).

© Новосибирский государственный
университет, 2017

© А. С. Зуев, П. С. Игнаткин,
В. А. Слугина, 2017

ISBN 978-5-4437-0710-5

ВВЕДЕНИЕ

Проблемы межэтнических, межрелигиозных и в целом межкультурных отношений как в России, так и во всем мире были и остаются одними из самых актуальных. Их значимость особо повысилась в последние десятилетия в результате набирающего силу так называемого «этнического ренессанса», охватившего многие страны. Для успешного и оптимального решения этих проблем, формирования и поддержания конструктивного взаимодействия народов — носителей разных культур огромное значение имеет изучение исторического опыта в разных хронологических и территориальных рамках. Особого внимания заслуживает сибирский вариант российского проекта строительства полиэтничного государства, поскольку его воплощение в жизнь обеспечило устойчивое пребывание коренных народов Сибири в составе России. Это обусловлено многими факторами, в том числе обстоятельствами и характером их включения в российское государственное пространство.

Присоединение Сибири Российским государством, осуществленное в основном в конце XVI — начале XVIII в., оказало колоссальное влияние на развитие России, которая превратилась в самую большую в мире державу, расположившуюся в двух частях света — в Европе и Азии, а также на сибирские народы, которые вынуждены были приспособиться к принципиально новым для них политическим, социальным, экономическим и культурным условиям. Это же событие в силу этнокультурного многообразия сибирского населения стало важнейшей вехой на пути формирования полиэтничного российского социума. Государство, которое в обозначенный хронологический

период позиционировало себя как Русское православное царство, вынуждено было искать оптимальные пути взаимодействия с нерусскими народами, различавшимися своей социально-политической организацией, культурой, хозяйственной деятельностью. Этот поиск привел к разработке и осуществлению особой политики в отношении указанных народов — политики, которая, несмотря на отдельные неудачи, весьма длительное время — вплоть до начала XX в. — обеспечивала стабильное существование полиэтничной и мультирелигиозной Российской империи. Эта политика менялась во времени и варьировалась, порой значительно, применительно к разным народам и территориям. Ее вариации во многом задавались практикой взаимоотношения российской власти и нерусских народов, включенных в состав Российского государства. И, как отмечают многие исследователи, «уникальный и в целом позитивный опыт этого государства по управлению поликонфессиональным и поликультурным пространством имеет всемирно-историческое значение и заслуживает внимательного изучения»¹.

Темпы, варианты и степень интеграции русской государственности и культуры (в широком смысле этого слова), с одной стороны, и мозаики потестарных и хозяйственно-культурных типов сибирских народов — с другой, определялись в первую очередь двумя взаимосвязанными, но неравнозначными факторами.

Во-первых, способностью автохтонов Сибири к политической адаптации — приспособлению к российской политической системе и режиму, к новым правилам и нормам политической жизни. С политической адаптации начинались адаптационные процессы в других сферах жизнедеятельности, именно она постоянно задавала их алгоритм. Иначе говоря, от степени признания или непризнания российской государственной власти, степени включения в российскую политическую систему во многом зависели социокультурные

¹ Азнабаев Б. А., Анисимов М. Ю., Артамонов В. А. и др. Империография Бориса Нольде // Нольде Б. Э. История формирования Российской империи. СПб., 2013. С. 113.

и экономические изменения, протекавшие у сибирских народов². Сама способность к политической адаптации во многом определялась базовыми политическими, социокультурными и психологическими характеристиками этносоциумов, их предрасположенностью к восприятию изменений, наличием у них адаптационных механизмов и умения менять свои нормативно-поведенческие стереотипы³.

Во-вторых, целевыми установками государства, во многом задававшими механизмы и динамику указанных выше адаптационных процессов. Как известно, государство в истории России всегда играло ключевую роль. На протяжении многих веков именно оно являлось «собирателем» земель, составивших территорию Российского царства-империи. Именно оно, вкупе с Русской православной церковью, определяло параметры поведения своих подданных в политической, социальной, идеологической и культурной сферах. Оно стремилось к тому, чтобы адаптировать иные социально-политические организмы, включаемые в свой состав, к своим запросам и потребностям, и его политика сильнейшим образом влияла на направленность, характер и масштабы взаимоотношений русского и иных народов. Это обстоятельство делает изучение государственной политики в отношении нерусских народов чрезвычайно важной для понимания процессов формирования структур полиэтничного государства, эволюции взаимоотношений центра

² Признавая приоритет политической адаптации, не следует, однако, отрицать того факта, что все указанные процессы были диалектически взаимосвязаны. Темп и направленность перестройки хозяйственной деятельности, социальных трансформаций и инноваций в культуре оказывали обратное стимулирующее или тормозящее воздействие на характер и динамику политической адаптации.

³ На адаптационные факторы впервые обратил внимание еще Г. Ф. Миллер, который, как замечает А. Х. Элерт, «особенности подчинения сибирских народов русской власти ... связывает главным образом с уровнем их «умственной» культуры, со спецификой психологии» (Элерт А. Х. Проблемы вхождения коренных народов Сибири в состав России в неопубликованных трудах Г. Ф. Миллера // История русской духовной культуры в рукописном наследии XVI–XX вв. Новосибирск, 1998. С. 123).

и периферий, межэтнических отношений, генезиса национальных самосознаний, идеологий и движений⁴.

Политика Российского государства в отношении сибирских народов изучается давно и плодотворно⁵. Первые наблюдения по этой теме сделал еще в середине XVIII в. основатель научного исторического сибиреведения Г. Ф. Миллер в своем известном труде «Описание Сибирского царства...» (изданном в XX в. под названием «История Сибири»⁶). Но долгое время аборигенная политика не выделялась как специальный предмет исследования, а освещалась в большей или меньшей степени в обобщающих трудах по истории Сибири и ее регионов⁷. Лишь с середины XIX в., когда российские интеллектуалы занялись поиском русской идентичности и русской национальной идеи, а на повестку дня был остро поставлен вопрос о русификации имперских окраин, стали появляться работы, акцентировавшие внимание на «национальном вопросе» и «национальной политике». Одной из первых стало исследование Н. А. Фирсова «Положение инородцев северо-восточной России в Московском государстве» (Казань, 1866). Большой вклад в изучение темы внесли также сибирские областники (С. С. Шашков, Н. М. Ядринцев, Г. Н. Потанин и др.), однако применительно в основном лишь к имперскому периоду российской истории. В конце XIX — начале XX в. появилось

⁴ См. также: *Каппелер А.* Россия — многонациональная империя: Возникновение. История. Распад. М., 2000. С. 7, 8.

⁵ Подробнее см.: *Коваляшкина Е. П.* «Инородческий вопрос» в Сибири: Концепции государственной политики и областническая мысль. Томск, 2005. С. 6–18; *Зуев А. С.* Отечественная историография присоединения Сибири к России. Новосибирск, 2007.

⁶ *Миллер Г. Ф.* История Сибири. М., 1999–2005. Т. 1–3.

⁷ См., например: *Фишер И. Э.* Сибирская история с самого открытия Сибири до завоевания сей земли российским оружием. СПб., 1774; *Словцов П. А.* Историческое обозрение Сибири. Новосибирск, 1995 (первое издание опубликовано в 1838–1844 гг.); *Небольсин П. И.* Покорение Сибири. Историческое исследование. СПб., 1849; *Андриевич В. К.* История Сибири. СПб., 1889. Ч. 1, 2; *Буцинский П. И.* Сочинения в двух томах. Тюмень, 1999. Т. 1, 2 (первое издание — 1889–1893 гг.).

немало книг и статей, освещавших проблемы и перспективы «иностранческой» политики государства в Сибири, но хронологически они ограничивались рамками поздней империи⁸. Заключительным аккордом изучения темы в дореволюционной историографии стала серия исследований В. И. Огородникова, посвященная рассмотрению аборигенной политики государства и русско-аборигенным отношениям преимущественно в XVII в.⁹

С началом нового, советского, периода в истории страны в целом и отечественной историографии в частности обозначенная тема отошла на задний план, сделавшись лишь дополнением к решению других исследовательских задач. Но она опять же неизменно присутствовала во многих трудах 1920–1980-х гг., раскрывавших разные страницы истории Сибири XVII в. Все они в совокупности внесли значимый вклад в поиск новых фактических данных, их интерпретацию и анализ, в выявление аспектов, направлений, этапов и результатов государственной политики¹⁰.

⁸ См., например: *Смирнов И. Н.* Обрусение инородцев и задачи обрусительной политики // *Исторический вестник*. 1892. Т. 47; *Якобий А. И.* Угасание инородческих племен Тобольского Севера. СПб., 1900; *Мирошников М. А.* О положении русских инородцев. СПб., 1901; *Головачев П. М.* Взаимное влияние русского и инородческого населения Сибири. М., 1902; *Серебряников И. И.* Иностранческий вопрос в Сибири. Иркутск, 1917.

⁹ *Огородников В. И.* Русская государственная власть и сибирские инородцы в XVI–XVIII вв. // Сб. тр. профессоров и преподавателей Иркут. ун-та. Иркутск, 1921; *Он же.* Из истории покорения Сибири. Покорение Юкагирской земли. Чита, 1922; *Он же.* Из истории инородческих волнений в Сибири // *Вестн. просвещения*. Журнал министерства просвещения. Чита, 1922. № 1; *Он же.* Очерк истории Сибири до начала XIX столетия. Владивосток, 1924. Ч. 2. Вып. 1: Завоевание русскими Сибири. В. И. Огородников публиковал свои труды на территории, неподконтрольной советской власти, в связи с чем автора нельзя отнести к представителям зарождавшейся советской историографии.

¹⁰ Мы назовем лишь те труды, которые представляют для нас наибольший интерес в плане раскрытия темы: *Бахрушин С. В.* Сибирские туземцы под русской властью до революции 1917 года // *Советский Север: Первый*

Поворот к детальному и вдумчивому изучению истории взаимоотношений Российского государства и народов Сибири произошел в 1990-е гг. Обострение сначала в СССР, затем на постсоветском пространстве межэтнических противоречий, задача сохранения единства России и поиск оптимальных форм мирной консолидации ее полиэтничного населения сделали исследования по «национальной» проблематике едва ли не самыми актуальными и востребованными властью и обществом. Интерес исследователей к указанной проблематике детерминировался и другими причинами: необходимостью пересмотра ряда выводов, доставшихся современным историкам в наследство от предшествующей историографии, выявлением и введением в научный оборот ранее не известных источников, постановкой новых исследовательских проблем в целях более адекватного описания и понимания исторических процессов, использованием исследователями для анализа конкретных вопросов и решения по-

сб. ст. М., 1929; *Он же*. Науч. тр. М., 1955. Т. 3: Избранные работы по истории Сибири XVI–XVII вв. Ч. 2: История народов Сибири в XVI–XVII вв.; *Окладников А. П.* Очерки из истории западных бурят-монголов (XVII–XVIII вв.). Л., 1937; *Токарев С. А.* Очерки истории якутского народа. М., 1940; *Он же*. Общественный строй якутов XVII–XVIII вв. М., 2012 (первое издание — 1945 г.); *Бояршинова З. Я.* Население Томского уезда в XVII в. // Труды Томск. гос. ун-та. Сер. ист.-филол. 1950. Т. 112; *Потапов Л. П.* Краткие очерки истории и этнографии хакасов (XVII–XIX вв.). Абакан, 1952; Якутия в XVII веке (Очерки). Якутск, 1953; *Залкинд Е. М.* Присоединение Бурятии к России. Улан-Удэ, 1958; *Долгих Б. О.* Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. М., 1960; *Иванов В. Н.* Социально-экономические отношения у якутов. XVII век. Якутск, 1966; *Фёдоров М. М.* Правовое положение народов Восточной Сибири (XVI — начало XIX в.). Якутск, 1978; *Он же*. История правового положения народов Восточной Сибири в составе России (XVII — начало XIX в.). Иркутск, 1991; *Уманский А. П.* Телеуты и русские в XVII–XVIII веках. Новосибирск, 1980; *Пелих Г. И.* Селькупы XVII в. Очерки социально-экономической истории. Новосибирск, 1981; *Томилов Н. А.* Тюркоязычное население Западно-Сибирской равнины в конце XVI — первой четверти XIX в. Томск, 1981; *Зибарев В. А.* Юстиция у малых народов Севера (XVII–XIX вв.). Томск, 1990.

ставленных задач мультидисциплинарных методов и подходов. В результате научная и околонучная литература постсоветского времени, посвященная теме «Российское государство и народы России», насчитывает уже сотни монографий и тысячи статей, проведены десятки конференций разного уровня. Появилось и немало обстоятельных исследований, выполненных на сибирском или в том числе сибирском материале¹¹.

Внимание к аборигенной политике Российского государства, в том числе в XVII в., и ее последствий для коренного населения Сибири уделялось и в зарубежной, прежде всего англо- и германоязычной историографии, представители которой стремились понять, насколько проч-

¹¹ См., например: *Главацкая Е. М.* Политика русского правительства в отношении коренных народов Севера Западной Сибири в XVII в.: (На материалах Верхотурского, Пелымского, Березовского уездов): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 1992; *Модоров Н. С.* Россия и Горный Алтай: политические, социально-экономические и культурные отношения (XVII–XIX вв.). Горно-Алтайск, 1996; *Павлинская Л. Р.* Коренные народы Байкальского региона и русские. Начало этнокультурного взаимодействия // Народы Сибири в составе государства Российского. СПб., 1999; *Она же.* Буряты. Очерки этнической истории (XVII–XIX вв.). СПб., 2008; *Зуев А. С.* Русские и аборигены на крайнем Северо-Востоке Сибири во второй половине XVII — первой четверти XVIII в. Новосибирск, 2002; [*Гемев И. Н., Курилов В. Н., Люцидарская А. А.*] Власть и коренные народы Сибири (XVI–XX века) // Азиатская Россия в геополитической и цивилизационной динамике. XVI–XX века. М., 2004; *Шерстова Л. И.* Тюрки и русские в южной Сибири: этнополитические процессы и этнокультурная динамика XVII — начала XX века. Новосибирск, 2005; *Ковалышкина Е. П.* «Инородческий вопрос» в Сибири...; *Бутанцев В. Я.* История вхождения Хакасии (Хонгорая) в состав России. Абакан, 2007; *Верняев И. И.* Очерки истории этноконфессиональной политики в России. СПб., 2017.

Данная тема нашла отражение и в обобщающих трудах по истории отдельных регионов: История Хакасии с древнейших времен до 1917 г. М., 1993; Древний город на Оби: История Сургута. Екатеринбург, 1994; Очерки истории Коды. Екатеринбург, 1995; Очерки истории Югры. Екатеринбург, 2000; История Республики Алтай. Горно-Алтайск, 2002; История Ямала. Екатеринбург, 2010. Т. 1. Кн. 2; История Бурятии. Улан-Удэ, 2011. Т. 2.

но присутствие России в Северной Азии, чем оно обусловлено и какие его перспективы¹². Сама политика осмысливалась ими преимуще-

¹² Отметим, что, хотя история Сибири и ее народов в составе России стала интересовать иностранцев-европейцев с конца XVI — начала XVII в., ее серьезное изучение началось лишь со второй половины XIX в. Обзоры зарубежных англо- и германоязычных исторических сибиреведческих исследований см.: *Dmytryshyn B. Russian Expansion to the Pacific, 1581–1700: A Historiographic Review // Siberica. A Journal of North Pacific Studies. 1990. Vol. 1. № 1* (рус. перевод: *Дмитришин Б. Русская экспансия к Тихому океану, 1580–1700 гг.: Историограф. обзор // Краевед. бюллетень / Южно-Сахал. краевед. музей. Южно-Сахалинск, 1995. № 2*); *Корчагин Ю. В. Русская колонизация и народы Севера в зарубежной историографии // Доклады межвуз. науч.-теор. конф. Петропавловск-Камчатский, 1994. Ч. 1; Он же. Политика российского самодержавия и традиционные общества народов Севера в зарубежной историографии // Доклады межвуз. науч.-теор. конф. Петропавловск-Камчатский, 1994. Ч. 2; Он же. Зарубежная историография о вхождении северных народов в состав России // Из истории народов Камчатки. Петропавловск-Камчатский, 2000; Чернавская В. Н. Концепция «русской восточной экспансии» в англоязычной историографии истории Дальнего Востока России (XVII–XVIII вв.) // Вестн. Дальневост. отд-ния РАН. Владивосток, 1994. № 5/6; Она же. Сибирь и Дальний Восток в англоязычной историографии: К методологии вопроса // Краевед. бюллетень / Южно-Сахалин. краевед. музей. Южно-Сахалинск, 1995. № 4; Она же. Англоязычная историография и вопросы открытия и освоения русского Дальнего Востока (XVII — первая половина XIX в.) // Русские первопроходцы на Дальнем Востоке XVII–XIX вв. (Ист.-археол. исследования). Владивосток, 1995. Т. 2; *Малышев Е. Проблемы русской колонизации Северной Азии в современной немецкой историографии // Вестн. Челяб. ун-та. 2003. № 1. Сер. 10: Востоковедение. Евразийство. Геополитика; Аманьев Д. А. Правительственная политика в отношении коренного населения Сибири и Дальнего Востока в конце XVI — первой половине XIX века в оценках англо- и германоязычной историографии // Вестн. НГУ. Серия: История, филология. 2006. Т. 5. Вып. 3: Археология и этнография (Прил. 1); Он же. История Сибири конца XVI — XIX вв. в англо- и германоязычной историографии. Новосибирск, 2012; *Воробьева Т. В. Калифорнийская историческая школа о расширении территории Российского государства. Петропавловск-Камчатский, 2012.***

ственно в рамках концепций «русской восточной экспансии», «русского империализма», «фронтيرا» и «русификации (в самом широком смысле) окраин». При этом важно отметить, что до 1990-х гг. спектр изучаемых в зарубежной историографии вопросов не намного отличался от исследовательских интересов советских историков и сводился по сути к выявлению сущности разных аспектов государственной политики в Сибири, ее результатов и степени воздействия на местные народы¹³. А с 1990-х гг. за рубежом также наблюдается активизация

К сожалению, в российской историографии отсутствуют аналитические обзоры научной литературы, посвященной истории Сибири и написанной на иных, кроме английского и немецкого, языках. Данное обстоятельство не позволяет составить представление о том, насколько основательно в иных странах, кроме США, Англии и Германии, изучается политика Российского государства в отношении нерусских народов в XVII в.

¹³ См. основные англо- и германоязычные исследования, в которых уделяется внимание российской политике в Сибири в XVII веке: *Golder F. Russian Expansion on the Pacific, 1641–1850: An Account of the Earliest and Later Expeditions Made by the Russians Along the Pacific Coast of Asia and North America, Including Some Related Expeditions to the Arctic Regions.* Cleveland, 1914; *Lantzeff G. V. Siberia in the Seventeenth century. A Study of the Colonial Administration.* Berkeley and Los Angeles, 1943; *Fisher R. H. The Russian fur trade, 1550–1700.* Berkeley; Los Angeles, 1943; *Kerner R. The Urge to the Sea: The Course of Russian History. The Role of Rivers, Portages, Ostrogs, Monasteries and Furs.* Berkeley; Los Angeles, 1946; *Dallin D. J. The rise of Russia in Asia.* L., 1950; *Kolarz W. Russia and her colonies.* N. Y., 1953; *Semyonov Y. Siberia: Its Conquest and Development.* L., 1963; *Semenov Y. Sibirien: Eroberung und Erschliessung der wirtschaftlichen Schatzkammer des Osten.* Olten; Stuttgart; Salzburg, 1964; *Armstrong T. Russian Settlement in the North.* Cambridge, 1965; *Harrison J. The Founding of the Russian Empire in Asia and America.* Coral Gables, Florida, 1971; *Lantzeff G. V., Pierce R. Eastward to Empire. Exploration and Conquest on the Russian Open Frontier, to 1750.* Montreal; L., 1973; *Huttenbach H. Muscovy's Penetration of Siberia. The Colonization Process, 1555–1689 // Russian Colonial Expansion to 1917.* L.; N. Y., 1988; *Gruper K. J. Die Geschichte der Kosaken. Wilder Osten. 1500–1700.* Мюнхен, 1976; *Collins D. Russian's conquest of Siberia; Evolving Russian and Soviet Interpretations // European Studies Review.* 1982. Vol. 12. № 1; *Collins D. N. Conquering and Settling Siberia in XVII–XVIII cent. //*

внимания исследователей к «национальной» политике России, к ходу и результатам российских вариантов «нациостроительства» и «империостроительства», к социально-экономическим и культурным преобразованиям в среде сибирских аборигенов, глубине и последствиям их инкорпорации в российский социум¹⁴.

В целом следует признать, что процесс присоединения Сибири Россией и включения сибирских народов в состав российских подданных, а также русско-аборигенные отношения в период до начала XVIII в. изучены многими поколениями отечественных и зарубежных исследователей весьма основательно, в научный оборот введен боль-

The History of Siberia: From Russian Conquest to Revolution. L., 1991; *Dmytryshyn B.* Administrative Apparatus of the Russian Colony in Siberia and Northern Asia, 1581–1700 // *Ibid*; *Forsyth J.* The Siberian native peoples before and after the Russian conquest // *Ibid*.

Из франц. исследований см.: *Portal R.* La Russes en Sibirie au XVIIe siecle // *Revue d'histoire moderne et contemporaine.* 1958. Janvier-Mars. P. 5–38 (рус. пер.: *Порталь Р.* Русские в Сибири в XVII веке // *Исследования по истории, историографии и источниковедению регионов России.* Уфа, 2005. С. 51–77).

¹⁴ См.: *Forsyth J.* A History of the Peoples of the Siberia: Russia's North Asian Colony. 1581–1990. Cambridge, N. Y., 1992; *Kappeler A.* Russland als Vielvölkerreich. Entstehung. Geschichte. Zerfall. München, 1993 (рус. пер.: *Каннелер А.* Россия — многонациональная империя...); *Slezkine Y.* Arctic Mirrors: Russia and the Small Peoples of the North. Ithaca, L., 1994 (рус. пер.: *Слэзкин Ю.* Арктические зеркала: Россия и малые народы Севера. М., 2008); *Khodarkovsky M.* La conquete de l'Est // *Les Siberiens: De Russie et d'Asie, une vie, deux mondes.* P., 1994; *Balzer M. M.* The Tenacity of Ethnicity: A Siberian Saga in Global Perspective. Princeton, 1999; *D'Encausse H. C.* L'Empire d'Eurasie: Une histoire de l'empire Russe de 1522 a nos jours. Paris, 2005 (рус. пер.: *Д'Анкокс К. Э.* Евразийская империя: история Российской империи с 1522 г. до наших дней. М., 2007); *Witzenrath C.* Cossacks and the Russian Empire, 1598–1725: Manipulation, Rebellion and Expansion into Siberia. L.; N.Y., 2007.

Эти темы находят отражение и в научно-популярных монографиях (См., например: *Lincoln W. B.* The Conquest of a Continent. Siberia and the Russians. N. Y., 1994; *Dahlman D.* Sibirien: Vom 16. Jahrhundert bis zur Gegenwart. Paderborn, 2009 (рус. пер.: *Дальман Д.* Сибирь с XVI в. и до настоящего времени. М., 2015); *Ziegler G.* Der achte Kontinent: Die Eroberung Sibiriens. Berlin, 2005.

шой массив архивных источников, немалая часть которых опубликована. Благодаря этому современная историческая наука располагает достаточно полным представлением как о самом процессе присоединения Сибири и ее народов, так и о его причинах и результатах. Имеются также серьезные наработки, позволяющие судить о темпах и характере этнодемографических и миграционных процессов, протекавших в Сибири на протяжении конца XVI — начала XVIII в., об основных направлениях трансформации хозяйственной деятельности, социальной структуры, потестарно-политической организации и норм обычного права сибирских народов под воздействием русской государственности и в целом русского присутствия, о культурно-бытовом взаимовлиянии русского и коренного населения.

В исследовании собственно взаимоотношений русской власти и нерусских народов большое внимание уделялось основным целям, модальным установкам и параметрам аборигенной политики, методам и механизмам ее осуществления в Сибири. Была проанализирована российская административная практика в отношении сибирских народов, определены основные методы включения их традиционных институтов в административно-правовую государственную систему, а также место и функции данных институтов в этой системе. Историки констатировали, что государство не изобретало новые формы управления аборигенами, а приспособило к своим нуждам существовавшие у них «родоплеменные» органы самоуправления, подчинив их своим интересам. В связи с этим были сделаны два принципиальных вывода, получивших в историографии (как отечественной, так и зарубежной) широкое распространение: во-первых, об отсутствии у русского правительства какой-либо идеологической программы «Сибирского взятия»; во-вторых, о том, что русская власть в конце XVI–XVII вв. почти не вмешивалась во внутреннее устройство, управление и нормы общежития, существовавшие у аборигенов, и лишь с начала XVIII в. приступила к их культурной, социальной, административной и правовой русификации. Были обозначены и основные варианты инкорпорации потестарной элиты и рядовых улусных людей в российский социум: превращение

их в подданных-ясачных, привлечение к государственной службе и христианизация.

Большой интерес, особенно у советских историков, вызывали экономические причины, влиявшие на государственную аборигенную политику, в связи с чем изучению подверглось становление в Сибири ясачной системы. Это позволило прийти к выводу, что взаимоотношения российской власти и коренных народов определялись в первую очередь материальными интересами государства — его заинтересованностью в увеличении пополнения казны за счет сибирской пушнины, взимаемой в виде ясака-дани с аборигенов.

В последние годы исследователи, как отечественные, так и зарубежные, взяв на вооружение мультидисциплинарные методы и обратившись к изучению проблем межкультурных коммуникаций, при рассмотрении государственной политики, не отрицая ее экономических детерминант, более пристальное внимание стали уделять ее идеологическим основаниям, влиянию на нее стереотипов политического и общественного сознания и в целом культурных представлений эпохи Московской Руси. Благодаря этому удалось выяснить, что для государства и для русских людей не имело принципиально важного значения этнокультурное и антропологическое своеобразие сибирских народов, вследствие чего этническая принадлежность подменялась социально-податной, а это облегчало и ускорило инкорпорацию аборигенов в общероссийский общественный организм. Кроме того, результаты исследований позволяют вполне определенно утверждать, что базовые установки сибирского варианта аборигенной политики определялись существовавшей в стране авторитарной (самодержавной) и патримониальной политической системой и присущей ей идеологией, доминированием государства над обществом, его гипертрофированной ролью во всех сферах жизни, в том числе в экономике. В рамках изучения межкультурных коммуникаций и в русле культурно-антропологического подхода в новейшей историографии обозначился и явный интерес к ментальным и мировоззренческим установкам, определявшим параметры конфронтационного или конформистского восприятия российской

власти и русских сибирскими народами и их соответствующего поведения.

Отмечая безусловно огромный вклад историков-сибиреведов в понимание самых разных сторон государственной политики в отношении сибирских народов и в целом русско-аборигенных отношений, нельзя не обратить внимание и на то, что в их изучении еще немало дискуссионных вопросов, а ряд аспектов остаются слабо или вовсе не изученными.

До сих пор историки по-разному характеризуют процесс присоединения Сибири Россией: одни считают его «завоеванием» и отмечают сходство методов русских и европейских колонизаторов, другие акцентируют внимание на мирной стороне процесса и даже подчеркивают добровольность «вхождения» многих народов Сибири в состав России, третьи указывают на сочетание русской властью силовых и мирных способов подчинения аборигенов. По-разному оценивается и аборигенная политика государства: либо как преимущественно жесткая, либо как лояльная к местному населению; либо как схожая в своих основных чертах с колониальной политикой европейских держав, либо как имеющая с ней мало общего. Разнятся и оценки последствий государственной политики и в целом русского присутствия для сибирских народов: отмечая в основном их противоречивое воздействие (сочетание отрицательных и положительных сторон), одни исследователи подчеркивают их преимущественно негативные результаты, другие, наоборот, — преимущественно позитивные.

Наконец, в последнее время обозначился еще один дискуссионный вопрос: о масштабах и степени использования Московским государством в своей сибирской политике так называемого «ордынского наследия». И если значительная часть исследователей стремится доказать, что российская политика по сути калькировала ордынские методы подчинения иных народов и управления ими, а русские цари, присоединяя Сибирь, выступали в роли преемников ордынских ханов и как таковые реализовывали свои права на «наследие» Золотой

Орды¹⁵, то другие отрицают особую значимость в этой политике ордынских компонентов и полагают, что русская власть воспринимала, оценивала и презентовала подчинение народов Сибири не как реализацию плана по овладению ордынским наследием, а как расширение пределов Русского православного царства¹⁶.

К числу исследовательских тем, которые, хотя и обозначены современной исторической наукой, но нуждаются в дополнительном изуче-

¹⁵ См., например: *Шерстова Л. И.* Тюрки и русские в южной Сибири... С. 64–67; *Она же.* Внешняя политика Московского царства: сибирский опыт // *Международные отношения в Центральной Азии: история и современность: материалы междунар. науч. конф.* Барнаул, 2008; *Она же.* Аборигенная политика московского царства в Сибири: проблема синтеза социально-политических институтов в XVII в. // *Вестн. Томск. гос. ун-та.* 2012. № 365; *Она же.* Восприятие русской власти аборигенами Сибири в XVII в.: евразийский (центральноазиатский) контекст // *Сибирские исторические исследования.* 2013. № 1; *Она же.* Аборигенная политика России и этнополитические процессы в Сибири: конец XVI — начало XX в. Томск, 2017. С. 24–26, 30–31, 37, 44–45, 56–57; *Ходарковский М.* В чем Россия «опережала» Европу, или Россия как колониальная империя // *Окраины Московского государства и Российской империи: инновационные подходы в изучении имперской истории России.* Казань, 2015. С. 75–76, 77; *Бахлов И. В., Напалкова И. Г.* Национальная периферия в Российской империи: специфика положения и организация системы управления // *Федерализм.* 2011. № 1. С. 168–169; *Россия и народы Дальнего Востока: исторический опыт межэтнического взаимодействия (XVII–XIX вв.).* Владивосток, 2017. С. 23; *Акишин М. О.* Шертование народов Сибири при присоединении к России // *Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: История, филология.* 2013. Т. 12. Вып. 5. С. 233, 239; *Он же.* Русское государство, международное право и присоединение Сибири: постановка вопроса // *Вопросы правоведения.* 2013. № 3. С. 431; *Он же.* Правовые формы становления отношений России с народами Центральной Азии и Китаем в XVII веке // *Вестн. Санкт-Петерб. юрид. академии.* 2013. № 2. С. 14. Свои статьи по истории Сибири XVII в. М. О. Акишин недавно переиздал под одной обложкой (см.: *Акишин М. О.* Присоединение Сибири к России (XVI–XVII века): историко-правовое исследование. Б.м., 2017).

¹⁶ См.: *Зуев А. С.* Присоединение Сибири Россией: ордынское наследие и исторические реалии // *Развитие территорий.* 2015. № 1. С. 92–104.

нии и анализе, относятся идеологические парадигмы, стратегии и практики адаптации Российским государством сибирских народов к своей политической, социальной и правовой системе в конце XVI — начале XVIII в., т. е. в тот период, когда основная часть Сибири, под которой мы понимаем всю территорию от Урала до Тихого океана и от Ледовитого океана до азиатских степей, была включена в состав России. Тема адаптации (в обозначенных нами параметрах) является многоаспектной и разноплановой, ее изучение неизбежно будет расширять исследовательское поле, ставить перед историками все новые и новые вопросы и заставлять их совершенствовать исследовательские методы. В настоящей монографии авторы ставят перед собой цель рассмотреть лишь несколько аспектов этой темы, ранее специально не изучавшихся ни в отечественной, ни в зарубежной историографии.

Предварив основную тему исследования краткими обзорами состояния сибирских народов накануне их присоединения Россией, хода самого присоединения и стратегических установок государственной политики в отношении Сибири и ее народов, мы сосредоточим усилия на решении ряда взаимосвязанных и взаимопересекающихся задач.

Мы постараемся определить основные идеологемы, способы и механизмы, с помощью которых Российское государство осуществляло политическую идентификацию¹⁷ сибирского пространства: идеологически обосновывало и легитимировало свои права на Сибирь и ее народы, свою власть над ними, а также адаптировало и причисляло социально-политические структуры и отношения, существовавшие у аборигенов, к своей политико-правовой и социальной системе. Для решения этой задачи мы аккумулировали наиболее значимые для нас наблюдения и выводы, сделанные историками, изучавшими различные аспекты политической культуры Московского царства, в том числе его политической идеологии и практики¹⁸, а также об-

¹⁷ О понятии «политическая идентификация» см.: Политическая идентичность и политика идентичности. М., 2011. Т. 1. С. 7–24.

¹⁸ Формированию основ русской политической культуры и государственной идеологии посвящена обширная литература. См., например: *Савва В. И.* Московские цари и византийские василевсы. К вопросу о влиянии

ращавшими свой исследовательский интерес к политико-идеологическому и религиозно-идеологическому конструированию русской властью образа Сибири как своей территории¹⁹. В осмыслении и понимании московской политики XVII в. на нерусских окраинах нам помогли и исследования, посвященные анализу российских вариантов «империи- и нациостроительства», «национальной» политики

Византии на образование идеи царской власти московских государей. М., 2012; *Милуков П. Н.* Очерки по истории русской культуры. М., 1994. Т. 2. Ч. 1; *Дьяконов М. А.* Власть московских государей: Очерки из истории политических идей Древней Руси до конца XVI века. М., 2013; *Скрынников Р. Г.* Третий Рим. СПб., 1994; *Синицына Н. В.* Третий Рим: Истоки и эволюция русской средневековой концепции. М., 1998; *Успенский Б. А.* Царь и патриарх: харизма власти в России (Византийская модель и ее русское переосмысление). М., 1998; *Богданов А. П.* Российское православное самодержавное царство // *Мировосприятие и самосознание русского общества.* М., 1999. Вып. 2; *Бушкович П.* Православная церковь и русское национальное самосознание XVI–XVII вв. // *Ab Imperio.* 2003. № 3; *Боханов А. Н.* Самодержавие. Идея царской власти. М., 2002; *Кромм М. М.* К пониманию московской «политики» в XVI в.: дискурс и практика российской позднесредневековой монархии // *Одиссей. Человек в истории. Время и пространство праздника.* М., 2005; *Сахаров А. Н.* Древняя Русь на путях к «Третьему Риму». М., 2006.

¹⁹ *Преображенский А. А.* Русские дипломатические документы второй половины XVI в. о присоединении Сибири // *Исследования по отечественному источниковедению.* М.; Л., 1964; *Он же.* Урал и Западная Сибирь в конце XVI — начале XVIII века. М., 1972. С. 44–55; *Каиштанов С. М.* Сибирский компонент в титулатуре московских государей XVI–XVII вв. // *Общественное сознание населения России по отечественным нарративным источникам XVI–XX вв.* Новосибирск, 2006; *Пчелов Е. В.* Символы сибирского царства // *Известия Урал. гос. ун-та. Серия 2: Гуманит. науки.* 2009. № 4; *Он же.* Территориальный титул российских государей: структура и принципы формирования // *Российская история.* 2010. № 1; *Инютина Л. А.* Понятие власти в пространственной картине мира, выраженной лексикой сибирских летописей XVII–XVIII вв.: Есиповская летопись // *Social science (Обществ. науки).* 2011. № 3; *Игнаткин П. С.* Официальный образ Сибири в Московском государстве конца XVI — начала XVII века // *Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: История, филология.* 2013. Т. 12. Вып. 1: История.

и «колониального дискурса», даже выполненные на материалах других хронологических периодов и других регионов²⁰.

В целях более полного и глубокого понимания хода и результатов указанной выше адаптации нами обращено внимание на то, как русская центральная и местная администрация, а также землепроходцы с помощью лексем, имевшихся в арсенале московского социально-политического дискурса, конструировали понятные им самим образы сибирских аборигенов. Речь пойдет о вербальной понятийно-терминологической адаптации, а вместе с тем об идентификации, классификации и ранжировании русской стороной социальных и потестарно-политических структур сибирских народов, что

²⁰ См., например: Национальная политика России: история и современность. М., 1997; Национальные окраины Российской империи: становление и развитие системы управления. М., 1997; Российская многонациональная цивилизация: Единство и противоречия. М., 2003; Российская империя: стратегии стабилизации и опыты обновления. Воронеж, 2004; Российская империя в сравнительной перспективе. М., 2004; Российская империя в зарубежной историографии. Работы последних лет: Антология. М., 2005; *Russian Empire Space, People, Power, 1700–1930*. Bloomington, 2007; Западные окраины Российской империи. М., 2006; Сибирь в составе Российской империи. М., 2007; Северный Кавказ в составе Российской империи. М., 2007; Центральная Азия в составе Российской империи. М., 2008; Управление Россией. Опыт. Традиции. Новации. XVI–XX века. М., 2007; *Kanneler A.* Россия — многонациональная империя...; Российская империя: от истоков до начала XIX века. Очерки социально-политической и экономической истории. М., 2011; Российское государство от истоков до XIX века: территория и власть. М., 2012; *Трепавлов В. В.* Формирование системы отношений между центром и национальными окраинами в России (XVI–XX века) // Россия в XX веке: проблемы национальных отношений. М., 1999; *Он же.* «Национальная политика» в многонациональной России XVI–XIX веков // Историческая психология и социология истории. 2009. Т. 2. № 1; Этнический и религиозный факторы в формировании и эволюции российского государства. М., 2012; *Мионов Б. Н.* Управление этническим многообразием Российской империи. СПб., 2017. Особо отметим большой массив публикаций по «имперской» и «национальной» проблематике в альманахе «Ab Imperio», издаваемом с 2001 г.

оказывало влияние на процесс их инкорпорации в российскую государственность. В изучении этого вопроса существенную помощь нам оказали многочисленные исследования, в которых в том или ином контексте интерпретируются значения слов-классификаторов, использовавшихся русскими при описании сибирских этносоциумов (как, например, «землица», «улус», «род», «волость», «князец», «улусный мужик») ²¹. Кроме того, мы воспользовались результатами

²¹ См., например: *Степанов Н. Н.* Социальный строй у тунгусов в XVII веке // Советский Север. Л., 1939. С. 54, 65, 68–69; *Токарев С. А.* Общественный строй якутов XVII–XVIII вв. С. 36–53; Якутия в XVII веке. С. 86, 88, 89; *Порохова О. Г.* Лексика сибирских летописей XVII века. Л., 1969. С. 74–76, 79, 80; *Таксами Ч. М., Туголуков В. А.* Административные волости, улусы и роды у народов Сибири (XVII — начало XX в.) // Социальная история народов Азии. М., 1975. С. 81, 82; *Сафронов Ф. Г.* Якуты. Мирское управление в XVII — начале XX века. Якутск, 1987. С. 7, 48–50; *Дёмин М. А.* Коренные народы Сибири в ранней русской историографии. СПб.; Барнаул, 1995. С. 62–85; *Он же.* Литературно-исторические сочинения XVII века о коренных народах Западной Сибири // Народонаселение Сибири: стратегии и практики межкультурной коммуникации (XVII — начало XX века). Новосибирск, 2008. С. 52, 53, 56–57; *Шерстова Л. И.* Тюрки и русские в южной Сибири... С. 67–68, 97; *Борисов А. А.* Социальная история якутов в позднее средневековье и Новое время: (опыт комплексного исследования). Новосибирск, 2010. С. 22, 23, 25, 32, 78, 80, 250; *Бурькин А. А.* Языковая ситуация в Западной Сибири в XVI–XVII вв. и практика общения русских служилых людей с коренными жителями: этнические, социальные, гендерные аспекты двуязычия в исторической динамике // Словоцковские чтения 2006. Тюмень, 2006. С. 158–161; *Он же.* Историко-этнографические и историко-культурные аспекты ономастического пространства региона: (топонимика и этнонимика Восточной Сибири). СПб., 2006. С. 92–113; *Он же.* Иноязычная ономастика русских документов XVII–XIX вв., относящихся к открытию и освоению Сибири и Дальнего Востока России, как исторический источник: Дис. ... д-ра ист. наук. СПб., 2011. С. 356–426; *Слѣзкин Ю.* Арктические зеркала... С. 47–58; *Игнаткин П. С.* Собираательно-обобщающие названия аборигенов Сибири в русском коммуникативном пространстве XVI–XVII вв. // Исторический ежегодник. Новосибирск, 2013. Вып. 7; *Он же.* Соционим «иноземцы»

научных изысканий, ведущихся в рамках исторической лингвистики и лингвокультурологии, а также историко-культурной антропологии, имагологии и «истории понятий». Особую ценность для нас, прежде всего своими методологическими подходами, представляли труды, раскрывающие взаимосвязи языка и культуры (в том числе представлений об окружающем мире)²², описывающие механизмы

применительно к народам Сибири в деловой письменности Московской Руси (вторая половина XVI — начало XVII в.) // Гуманит. науки в Сибири. 2013. № 4; *Он же*. Историография изучения соционима «иноземцы» применительно к аборигенам Сибири в дискурсе Московского государства XVI–XVII вв. // Центральноазиатские исторические чтения. Кызыл, 2013. Вып. 2; *Он же*. Этнографическая и социально-политическая классификация коренных народов Сибири в Московской Руси XVI–XVII вв.: роль природно-географических объектов и пространственных ориентиров // Исторический ежегодник. Новосибирск, 2014. Вып. 8; *Он же*. Классификация потестарных объединений сибирских народов в делопроизводственных документах Московской Руси XVI–XVII веков: этнополитонимы «земля» / «землица» // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: История, филология. 2015. Т. 14. Вып. 1: История; *Конев А. Ю.* Термин «волость» в административной политике и практике управления населением Западной Сибири в конце XVI — начале XVIII века // Сибирская деревня: история, современное состояние, перспективы развития. Омск, 2012. Ч. 1; *Он же*. Колониальный дискурс имперских классификаций: историки о термине «иноземцы» в отношении народов Сибири // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Тамбов, 2014. № 6. Ч. 1.

²² См.: *Порохова О. Г.* Лексика сибирских летописей XVII века; *Волков С. С.* Лексика русских челобитных XVII века. Формуляр, традиционные этикетные и стилевые средства. Л., 1974; *Сергеев Ф. П.* Формирование русского дипломатического языка. Львов, 1978; *Уфимцева А. А.* Роль лексики в познании человеком действительности и в формировании языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке: язык и картина мира. М., 1988; *Лобачёва Г. В.* Представления россиян о монархии: лексико-семантический аспект. Саратов, 1998; *Колесов В. В.* Мир человека в слове Древней Руси. Л., 1986; *Он же*. Слово и дело: Из истории русских слов. СПб., 2004; *Он же*. Русская ментальность в языке и тексте. СПб., 2006; *Вежбицкая А.* По-

восприятия (идентификации) одними этносами других и формирования у них образов «своих», «иных» и «чужих»²³, а также анализирующие возникновение и эволюцию тех или иных понятий в разные эпохи²⁴. Подобного рода исследования в последнее время стали проводиться и применительно к истории Сибири XVII в.²⁵

нимание культур через посредство ключевых слов. М., 2001; *Зиновьева Е. И.* Очерки по фразеологии обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII веков. СПб., 2012; и др.

²³ См.: *Гасанов И. Б.* Национальные стереотипы и «образ врага». М., 1994; *Вальденфельс Б.* Своя культура и чужая. Парадокс науки о «Чужом» // *Логос*. 1994. № 6; *Россия и мир глазами друг друга: из истории взаимовосприятия*. М., 2000–2009. Вып. 1–5; *Соколовский С. В.* Образы «Других»: историческая топология мышления о коренных народах в России // *Этнометодология: проблемы, подходы, концепции*. М., 1998. Вып. 5; *Он же.* Образы Других в российской науке, политике и праве. М., 2001; *Шипилов А. В.* «Свои», «чужие» и «другие». М., 2008; *Власть и образ: очерки потестарной имагологии*. СПб., 2010; *Поляков О. Ю., Полякова О. А.* Имагология: теоретико-методологические основы. М., 2013; и др.

²⁴ См., например: *Ильин М. В.* Слова и смыслы. Опыт описания ключевых политических понятий. М., 1997; *Соколовский С. В.* Понятие «коренной народ» в российской науке, политике и законодательстве // *Этнограф. обозрение*. 1998. № 3; *Слокум Д. У.* Кто и когда были «инородцами»? Эволюция категории «чужие» в Российской империи // *Российская империя в зарубежной историографии...; Исторические понятия и политические идеи в России. XV–XX века*. СПб., 2006; *История понятий, история дискурса, история метафор*. М., 2010; «Понятия о России»: к исторической семантике имперского периода. М., 2012. Т. 1, 2; *Словарь основных исторических понятий*. М., 2014; и др.

²⁵ См.: *Кузьминых В. И.* Образ русского казака в фольклоре народов Северо-Восточной Сибири // *Урало-сибирское казачество в панораме веков*. Томск, 1994; *Люцидарская А. А.* От «иноземцев» к «инородцам» (один из аспектов колонизации Сибири) // *Аборигены Сибири: проблемы изучения исчезающих языков и культур*. Новосибирск, 1995. Т. 2; *Она же.* Противостояние культур в ходе колонизации Сибири // *Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: История, филология*. 2006. Т. 5. Вып. 3: *Археология и этнография* (приложение 1); *Она же.* Диалектика взаимодействия культур в ходе

колонизации Сибири // Этнография Алтая и сопредельных территорий. Барнаул, 2008. Вып. 7; Тураев В. А. Россия и народы Дальнего Востока: взаимодействие двух миров // Вестн. Дальневост. отделения РАН. 1997. № 1; Перевалова Е. В. «Русские» в представлениях обских угров и лесных ненцев // Русские старожилы. Материалы III-го Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири. Тобольск; Омск, 2000; Трепавлов В. В. Образ русских в представлениях народов России XVII–XVIII в. // Этнограф. обозрение. 2005. № 1; Зуев А. С. Оценочное восприятие русскими чукчей и коряков (вторая половина XVII — XVIII век) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 2006. Т. 12. Ч. 2; Дёмин М. А. Литературно-исторические сочинения XVII века о коренных народах Западной Сибири; Шерстова Л. И. Представления о «чужих» в ментальной традиции аборигенов Южной Сибири // Народонаселение Сибири: Стратегии и практики межкультурной коммуникации...; Узикова С. С. Образ коренных жителей Сибири в Есиповской и Строгановской летописях // Сибирский субэтнос: культура, традиции, ментальность. Красноярск, 2010; Березиков Н. А. Образ «чужого» в системе мотивов служилого человека на юге Сибири в XVII в. // Этнография Алтая и сопредельных территорий; Он же. Казаки-землепроходцы и аборигены Сибири: первые встречи и рождение образов // Гуманит. науки в Сибири. 2010. № 3; Игнаткин П. С. Русские соционимы и понятия как фактор формирования новых социальных идентичностей у аборигенов Сибири в конце XVI — XVII вв. // Материалы 51-й Междунар. науч. студ. конф. «Студент и научно-технический прогресс»: История. Новосибирск, 2013; Он же. К вопросу о вербально-коммуникативных аспектах подчинения аборигенов Сибири Московским государством в конце XVI — начале XVIII в. // Актуальные проблемы исторических исследований: взгляд молодых ученых. Новосибирск, 2013; Зуев А. С., Игнаткин П. С. Параметры социально-политической идентификации коренных народов Сибири в Московском государстве XVII в.: к вопросу о семантике соционима «иноземцы» // От Смуты к Империи. Новые открытия в области археологии и истории России XVI–XVIII вв. М.; Вологда, 2016; Зуев А. С., Игнаткин П. С. «Иноземцы» — «свои» и «иные»: понятийно-терминологическая классификация социально-политического статуса сибирских аборигенов в Московском государстве (конец XVI — начало XVIII века) // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: История, филология. 2016. Т. 15, № 8: История.

В настоящем исследовании будут также рассмотрены механизмы и практики политико-правового оформления подданства сибирских народов Российскому государству, в том числе проанализированы процедуры шертования и содержание шертовальных записей, которые оформляли и фиксировали присягу аборигенов на верность российскому монарху. В увязке с этим в поле нашего зрения окажется и трактовка русской властью характера подданства, своих функций и прерогатив в отношении подчиненных народов, их обязанностей и прав. В связи с этим заметим, что, хотя шертование и шертовальные записи (шерты) часто упоминаются в литературе, описывающей процесс подчинения русскими сибирских народов, специальному изучению они стали подвергаться лишь недавно²⁶, в том числе авторами настоящей монографии²⁷. Следует сказать, что и в целом проблемы

²⁶ Первым историко-юридический анализ шертей сибирских народов принял М. М. Фёдоров. Однако он оперировал узким кругом лишь опубликованных источников, вследствие чего его анализ оказался кратким и поверхностным (Фёдоров М. М. Правовое положение народов Восточной Сибири... С. 20–24). В последнее время изучением практики шертования сибирских народов занимались уже несколько исследователей (См.: Конев А. Ю. Правовые источники шертей-присяг сибирских иноземцев XVI–XVIII вв. // VI Конгресс этнографов и антропологов России (секция «Норма, обычай, право»). СПб., 2005. С. 244; Он же. Шертоприводные записи и присяги сибирских «иноземцев» конца XVI — XVIII вв. // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. Тюмень, 2005. № 6; Солодкин Я. Г. Существовала ли «шертоприводная запись» сибирских «иноземцев» московскому государю в начале похода Ермака // Проблемы дипломатики, кодикологии и актовой археологии. М., 2012; Он же. О начале шертования сибирских «иноземцев» московским государям (вопросы хронологии) // Вестн. Нижневартковского гос. ун-та. 2016. № 3; Первалова Е. В. Шерть, «медвежья присяга» и пляска с саблями // Уральский исторический вестник. 2013. № 4; Акишин М. О. Шертование народов Сибири при присоединении к России; Чимитдоржиева Л. Ш. Проблема шерты на русско-монгольских (алтан-хановских) переговорах в начале XVII века // Центральная Азия и Сибирь. Барнаул, 2003; Иванов В. Н. Принятие российского подданства народами Якутии в XVII веке // Якутский архив. 2009. № 2.

²⁷ Слугина В. А. Шертные записи сибирских «иноземцев» и их политико-правовое значение // Материалы 49-й Междунар. науч. студ. конф. «Сту-

дент и научно-технический прогресс». История. Новосибирск, 2011; *Она же*. Проблема подтверждения шертоприводных обязательств сибирскими «иноземцами» в XVII в. // *Материалы 51-й Междунар. науч. студ. конф. «Студент и научно-технический прогресс»: История*. Новосибирск, 2013; *Она же*. Делопроизводственные источники в Сибирских летописях: вопросы датировки шертоприводной записи Ермака // *Вестн. Клио*. Новосибирск, 2013. Вып. 4; *Она же*. Условия подданства сибирских «иноземцев» русскому государю в шертоприводных записях и делопроизводственных источниках XVII в. // *Актуальные проблемы исторических исследований: взгляд молодых ученых*. Новосибирск, 2013; *Она же*. Присяги народов Сибири: формулярный анализ шертоприводных записей XVII в. // *Совет молодых ученых ИРИ РАН 2012–2013: Школа-конференция молодых ученых ИРИ РАН [Электронный ресурс. URL: <http://www.mkonf.iriran.ru/papers.php?id=148>; дата обращения: 11.01.2014]*; *Она же*. Статья-запрещение в текстах сибирских шертоприводных и крестоцеловальных записей XVII в. // *Материалы 52-й Междунар. науч. студ. конф. «Студент и научно-технический прогресс». История*. Новосибирск, 2014; *Она же*. Санкции в сибирских крестоцеловальных и шертоприводных записях XVII в. // *Актуальные проблемы исторических исследований: взгляд молодых учёных*. Новосибирск, 2014; *Она же*. Подданство народов Сибири российскому государю в XVII в.: сравнительный анализ статей шертоприводных и крестоцеловальных записей // *Труды института российской истории*. М., 2014. Вып. 12; *Она же*. Шертоприводные записи как инструмент оформления подданства сибирских народов российскому государю в XVII веке // *Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: История, филология*. 2015. Т. 14. Вып. 1: История; *Она же*. Русская и «иноземская» присяга российскому государю в Сибири в XVII в. // *Актуальные проблемы исторических исследований: взгляд молодых ученых*. Новосибирск, 2015; *Она же*. Процедуры шертования народов Сибири в XVII–XVIII в. // *Актуальные проблемы исторических исследований: взгляд молодых ученых*. Новосибирск, 2016; *Она же*. Контингент сибирских иноземцев, присягнувших российскому монарху в XVII веке (по данным шертовальных книг) // *Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: История, филология*. 2017. Т. 16, № 8: История; *Зуев А. С., Слугина В. А.* «Служити государю своему царю и великому князю Алексею Михайловичу». Русская присяга и шертовальная запись середины XVII в. // *Исторический архив*. 2011. № 2; *Они же*. Летописные известия о шертовании сибирских народов во время похода Ермака и исторические реалии // *Российская история*. 2015. № 3.

правового оформления подданства нерусских народов Московскому государству стали предметом пристального внимания исследователей лишь в последние десятилетия, причем не только историков²⁸, но и юристов²⁹. При этом сформулированы две точки зрения: одни

²⁸ См., например: *Трепавлов В. В.* «Шертные» договоры: российский прообраз протектората // *Россия и Восток: проблемы взаимодействия*. Челябинск, 1995. Ч. 1; *Он же.* «Под государевой высокою рукою»: проблема русского подданства кочевников в историографии и источниках // *Россия и мировая цивилизация: к 70-летию чл.-кор. РАН А. Н. Сахарова*. М., 2000; *Он же.* Присоединение народов к России и установление русского подданства (проблемы методологии изучения) // *Этнокультурное взаимодействие в Евразии: программа фундамент. исслед. Президиума РАН*. М., 2006. Кн. 2; *Он же.* Лояльность в обмен на ярлык: Присоединение башкир к России // *Родина*. 2007. №9; *Арапов Д. Ю.* Мусульманская присяга в русском дипломатическом церемониале в Средние века и раннее Новое время // *Репрезентация власти в посольском церемониале и дипломатический диалог в XV — первой трети XVIII века*. М., 2006; *Великая Н. Н., Клычников Ю. Ю.* Интересы России на Северном Кавказе в отражении горских присяг (XVI — начало XIX вв.) // *Кавказский сборник*. М., 2011; *Моисеев М. В.* Шертные грамоты в русско-ногайских отношениях в XVI в.: виды, формуляр, процедуры заключения // *Проблемы дипломатики, кодикологии и актовой археографии*. М., 2012; *Он же.* Шертные грамоты в контексте русско-ногайских отношений XVI в. // *Средневековые тюрко-татарские государства*. 2014. №6; *Тепкеев В. Т.* Русско-калмыцкие переговоры и шерть 1673 г. // *Вестн. Калмыцкого ин-та гуманитар. исследований РАН*. 2010. №1; *Он же.* Русско-калмыцкие переговоры и шерть 1657 г. // *Вестн. Калмыцкого ин-та гуманитар. исследований РАН*. 2013. №4.

²⁹ *Шаблей П.* Подданство в Азиатской России: исторический смысл и политико-правовая концептуализация // *Вестн. Евразии*. 2008. №3; *Николаев В. Б.* Подданство Российской империи: его установление и прекращение (историко-правовой анализ): Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н.-Новгород, 2008; *Шауро И. Г.* Присяга как один из способов вступления в русское подданство в XVI–XVII веках // *Черные дыры в Российском законодательстве*. 2010. №3; *Она же.* Принципы русского подданства: проблемы определения и общая характеристика // *Черные дыры в Российском законодательстве*. 2010. №4; *Она же.* К вопросу о крещении в православие как

исследователи (Л. И. Шерстова, В. В. Трепавлов, Р. Ю. Почекаев, М. О. Акишин, М. Ходарковский) полагают, что процедура шертования была заимствована русской властью из золотоордынской (тюрко-монгольской) правовой практики, тогда как другие (А. Ю. Конев, А. С. Зуев, В. А. Слугина) указывают на формальное и содержательное сходство шертовальных записей с присягой (крестоцеловальной записью) собственно русских православных подданных.

Наконец, мы обратим внимание на те факторы, которые способствовали политической адаптации собственно сибирских народов к предложенной им русской властью системе политических отношений. Исследуя этот аспект, мы использовали как собственные наработки по изучению вариантов и механизмов адаптации сибирских народов к политической системе Московского государства в XVII в.³⁰,

способе принятия русского подданства в Московском государстве в XVI–XVII веках // Мир юридической науки. 2011. № 2; *Она же*. Возникновение и развитие института подданства в России в XVI — начале XX в.: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2013; *Боков Ю. А.* К вопросу об использовании понятий «гражданин» и «подданный» в правовых и научных источниках // Современные проблемы науки и образования. 2012. № 5; *Почекаев Р. Ю.* Правовая основа отношений Московского царства с кочевыми подданными (на примере русско-монгольских отношений XVII в.) // *Studia culturae*. 2013. № 18; *Лиджева Н. Г.* Принятие калмыками российского подданства: историко-правовой аспект // Вестн. Моск. гос. обл. ун-та. Серия «Юриспруденция». 2012. № 3; *Фан И. Б.* Политико-правовой статус личности эпохи Московского царства: архаика или современность? // Социум и власть. 2013. № 3; *Пархоменко В. В.* Проблема подданства в Российской империи, этапы развития законодательной базы в отношении иностранцев (вторая половина XVII — начало XIX в.) // Вестн. Северо-Кавказского федерального ун-та, 2013. № 6. Заметим, что проблема подданства находилась в центре внимания юристов конца XIX — начала XX в., в частности, таких известных как В. М. Гессен, Н. О. Куплевацкий, Ф. Ф. Кокоскин.

³⁰ См.: *Зуев А. С.* Русско-аборигенные отношения на крайнем северо-востоке Сибири во второй половине XVII — XVIII веках: от конфронтации к адаптации // Народонаселение Сибири: Стратегии и практики межкультурной коммуникации...; *Он же*. Механизмы адаптации сибирских народов к российской власти во время присоединения Сибири к России (конец

так и наблюдения, сделанные другими исследователями, изучавшими усвоение разными этносоциумами элементов русской правовой, административной и политической культуры, их влияние на формирование у аборигенов новых мировоззренческих и политических установок, способствовавших их приспособляемости к русской власти³¹. В рамках изучения этих проблем большой интерес представляет обращение историков-сибиреведов к раскрытию роли «дипломатического» дарообмена в установлении мирных русско-аборигенных отношений³².

XVI — начало XVIII века) // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: История, филология. 2014. Т. 13. Вып. 8; *Она же*. Роль механизмов адаптации сибирских народов и их элит к русской власти в период присоединения Сибири к России // *Окраины Московского государства и Российской империи: инновационные подходы в изучении имперской истории России*. Казань, 2015.

Отметим, что политическая адаптация нерусского населения в составе Московской Руси и Российской империи только в последнее время оказалась в поле зрения историков. См., например: *Гришкина М. В.* Удмурты: присоединение и механизмы адаптации в Российском государстве // *Российская история*. 2010. № 3; *Доржиева Е. В.* Адаптационно-деятельностные модели культуры традиционной калмыцкой элиты в Российской империи в XVIII–XX вв. // Вестн. Рос. ун-та дружбы народов. Серия «История России». 2007. № 1.

³¹ См.: *Конев А. Ю.* Правовые аспекты судостроительства аборигенов Сибири в конце XVI–XVII в. // *Проблемы взаимодействия человека и природной среды*. Тюмень, 2002. Вып. 2; *Шерстова Л. И.* Тюрки и русские в южной Сибири...; *Трепавлов В. В.* «Белый царь»: образ монарха и представления о подданстве у народов России XVI–XVIII вв. М., 2007; *Перевалова Е. В.* «Белый царь» в угоро-самодийской традиции // *Народонаселение Сибири: Стратегии и практики межкультурной коммуникации...*; *Люцидарская А. А.* Государственные практики культурно-хозяйственной адаптации коренных народов Сибири XVII — начала XVIII в. // *Гуманит. науки в Сибири*. 2014. № 2; *Она же*. Инкорпорация сибирских аборигенов в государственные структуры России // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: История, филология. 2014. Т. 13. Вып. 1; *Она же*. Власть и сибирские новокрещены в XVII — начале XVIII в.: поиски согласия // *Гуманит. науки в Сибири*. 2015. № 2.

³² См.: *Зуев А. С.* Ясак, подданство и договорной дарообмен: чукотский вариант (XVII–XIX вв.) // *Уральский исторический вестник*. 2009. № 2;

Если выразиться кратко, то генеральной целью изложенного в монографии исследования стало стремление осмыслить и понять, как Российское государство, проводя подчинение сибирских народов, заметно различавшихся между собой по языку, хозяйственному укладу, социальной и властной организации и резко отличавшихся по тем же параметрам от русского населения, решало задачу их вербального (понятийно-терминологического) «освоения», осмысливания их как «своих», а также практического превращения их из «чужих / иных» в «своих» и в конечном счете их «присвоения», т. е. инкорпорации в свой состав³³. И здесь следует оговорить, что в фокусе

Люцидарская А. А. Дарообмен и практика взаимодействия Русского государства с народами Сибири // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 2012; *Бродников А. А.* Подарки аборигенам как элемент механизма их вовлечения в ясачный платеж (на примере Ленского волока и прилегающей территории) // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: История, филология. 2013. Т. 12. Вып. 1; *Конев А. Ю.* Дар, дань и торговля: антропология взаимодействия автохтонов Сибири и русских в XVII–XIX вв. // Этногр. обозрение. 2017. № 1. С. 43–56.

Институт «дипломатического» дарообмена со времен классического труда М. Мосса (*Мосс М.* Общества. Обмен. Личность: Труды по социальной антропологии. М., 1996. С. 88–222) активно изучается в зарубежной и отечественной историко-культурной антропологии.

³³ Эта тема кратко освещалась нами в ряде публикаций: *Зувев А. С.* Адаптация Российским государством социальных и потестарных структур сибирских народов (конец XVI — XVII в.) // Проблемы истории государственного управления и местного самоуправления Сибири в конце XVI — начале XXI в. Новосибирск, 2011; *Он же.* Освоение и присвоение Московским государством социально-политического пространства Сибири в конце XVI — XVII веке // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: История, филология. 2013. Т. 12. Вып. 8.

Проблема освоения и присвоения русским колонизирующим обществом колонизируемого пространства Сибири в информационно-семиотическом контексте поднимается в исследовании В. В. Пестерева (*Пестерев В. В.* Организация населения в колонизируемом пространстве: Очерки истории колонизации Зауралья конца XVI — середины XVIII в. Курган, 2005).

нашего исследования окажутся не только собственно сибирские народы, подчиненные русской властью или находившиеся в процессе подчинения к началу XVIII в., но и народы, обитавшие вблизи южных границ Сибири (центральноазиатские номады), попытки подчинения которых в рассматриваемый нами хронологический период не увенчались успехом.

Для решения поставленных задач мы задействовали широкий круг источников, представленных в первую очередь нормативными (распорядительными) документами — грамотами, указами, наказами, наказными памятями; публично-правовыми актами — жалованными словами, шертовальными записями; отчетной документацией — разного типа донесениями и показаниями сибирских администраторов и служилых людей; учетно-статистической документацией — книгами ясачного сбора, шертоприводными книгами; заявительно-просительной документацией — челобитными как русских людей, так и аборигенов. Кроме того, привлекались нарративные материалы — летописи, фольклор, историко-этнографические описания. Значительная часть этих источников была опубликована в XIX — начале XXI в., в связи с чем обращение к архивам, где хранятся документы по интересующему нас периоду сибирской истории (Российский государственный архив древних актов, Санкт-Петербургский филиал Архива РАН, Научно-исторический архив Санкт-Петербургского Института истории), носило вспомогательный характер. Исключение составили лишь шертовальные записи и шертоприводные книги. Эти источники в своей массе еще не введены в научный оборот (на сегодняшний день имеются публикации всего нескольких записей), тогда как в архивах хранится и выявлено нами немалое их число.

Терминология, применяемая в настоящем исследовании, носит универсальный научный характер. Она хорошо известна, является устоявшейся, общеупотребительной и не требует особых разъяснений. Но к некоторым словам, выступающим в качестве определителей ряда явлений, мы дадим пояснения, оговорив те значения, которые им придаем.

Употребляемый нами соционим *аборигены* не несет никакой оценочной коннотации и используется в соответствии с существующей историографической практикой исключительно в его классическом понимании — как обозначение коренного автохтонного населения, давно проживающего на определенной территории. Аналогичное значение мы придаем и социополитониму *иноземцы*, которым русские в XVI — начале XVIII в. называли представителей «иных земель», а применительно к Сибири — местных коренных жителей³⁴. Особо оговорим, что это слово не будет заключаться в кавычки (как это часто делается в исторической литературе), поскольку применительно к обществу Московской Руси в рассматриваемые хронологические рамки оно являлось ровно таким же названием-определителем социальной группы, как, например, служилые, посадские и промышленные люди, купцы, дворяне, дети боярские (а эти слова-определители в научной исторической литературе не закавычиваются).

В качестве этнонимов будут использоваться те названия сибирских народов, которые были приняты в русском языке в рассматриваемое время, но с пояснениями в тех случаях, когда эти названия не соответствуют современным. Под *русскими* в нашем исследовании понимаются не только собственно этнически русские, но и все те, кто осуществлял присоединение Сибири к России и ее освоение, а среди них, помимо собственно русских, были представители многих народов, включенных к концу XVI в. в состав России — коми-зыряне, коми-пермяки, поволжские татары, марийцы, мордва и др., а также украинцы, белорусы, поляки, литовцы и выходцы из стран Западной Европы, попадавшие в Сибирь в основном в качестве ссыльных военнопленных. Кроме того, в составе тех, кто реализовывал на местном уровне государственную политику, были и многочисленные представители коренного сибирского населения, разными способами оказавшиеся на русской службе. Наконец, ко второй половине XVII в. среди тех, кто считался русскими,

³⁴ О тех смысловых значениях, которые имело слово *иноземцы* в русском социально-политическом дискурсе, подробно будет рассказано в одном из разделов монографии.

было немало метисов — потомков (во втором — третьем поколении) русских первопоселенцев и аборигенов³⁵. Иначе говоря, слово *русские* в контексте нашего исследования является не этнонимом, а политонимом, обозначением всех тех, кто прямо ассоциировался с Русским государством и представлял его, и тем самым отличался от коренных обитателей Сибири — иноземцев, находившихся в конце XVI — начале XVIII в. в процессе инкорпорации в русскую государственность.

Вводимый нами термин *этносоциум* по сути является синонимом словосочетания «этнотерриториальная общность» и, соответственно, используется для обозначения групп людей, объединенных общими этнокультурными признаками и проживающих на определенной территории.

Политонимы *Русское царство*, *Московская Русь*, *Русское / Московское / Российское государство*, *Россия* и производные от них словосочетания *московская / русская / российская политика* применительно к XVI — началу XVIII в. в соответствии с существующей историографической традицией используются как синонимы³⁶. Под *аборигенной политикой* в рамках нашего исследования мы подразумеваем политику государства в отношении нерусских коренных народов Сибири. Словосочетание *аборигенная политика* используется в историческом сибиреведении, но пока крайне редко³⁷, поскольку

³⁵ В разных регионах Сибири за такими потомками впоследствии закрепились разные прозвища — гураны, карымы (в Забайкалье), болдыри, чалдоны (в некоторых местах Западной Сибири), сахалыры (в Якутии) и т. п.

³⁶ Наличие в историографии нескольких политонимов для наименования Русского / Российского государства в XVI–XVII в. отражает, надо полагать, переходное состояние самого государства, которое из преимущественно моноэтничного (собственно русского) княжества превратилось в это время в полиэтничное царство-империю.

³⁷ См., например: Зуев А. С. Аборигенная (инородческая) политика России в Сибири // Историческая энциклопедия Сибири. Новосибирск, 2009. Т. 1; Шерстова Л. И. Аборигенная политика московского царства в Сибири...; Она же. Аборигенная политика России и этнополитические процессы в Сибири...; Самрина Е. В. Основные этапы и положения аборигенной

несет в себе смысловой заряд современных представлений об аборигенах как народах, остановившихся в своем развитии, находящихся на «первобытной стадии». В связи с этим оно (равно как и соционим *аборигены*) никогда не употребляется в научной литературе в отношении более «цивилизованных» народов, включенных в состав России, как например, украинцев, литовцев, поляков и т. д. Применительно к XIX в. исследователи иногда пишут об «инородческой политике», но этот определитель нельзя употреблять к более раннему времени, поскольку «инородцы» как особая социальная конструкция, созданная государством, — явление только XIX — начала XX в. Точно также не годится и словосочетание «национальная политика», нередко используемое в новейшей историографии в качестве обобщенного наименования государственной политики в отношении всех нерусских народов на протяжении весьма длительного времени: с XVI в. и до современности³⁸. Не годится потому, что в России в рамках изучаемого нами периода никаких наций и соответственно представления о них не существовало³⁹. Заметим, кстати, что само государство долгое время вообще никак не номинировало свою политику в отно-

политики Российского государства в Хакасско-Минусинском крае в XVII–XVIII вв. // Гуманит. научные исследования. 2014. № 1.

³⁸ Некоторые исследователи, понимая неадекватность определения «национальная политика» применительно к доимперскому и имперскому периодам истории России, закавычивают его (например: *Трепавлов В. В.* Особенности и закономерности «национальной политики» в России XVI–XIX вв. // *История и историки: историографический вестник*. М.: Наука, 2006. С. 172–182; *Он же.* «Национальная политика» в многонациональной России XVI–XIX веков), а некоторые уточняют его этническую составляющую (например: *Теплоухова М. В.* Этнонациональная политика в Российской империи XIX — начала XX в. // *Ойкумена*. 2011. № 2).

³⁹ О появлении и распространении в российском социально-политическом дискурсе понятия «нация» см.: *Миллер А. И.* Нация, или Могущество мифа. СПб., 2016. См. также: *Канпелер А.* Образование наций и национальные движения в Российской империи // *Российская империя в зарубежной историографии...*; *Вортман Р.* Национализм, народность и Российское государство // *Неприкосновенный запас*. 2001. № 3.

шении нерусских народов, и только к концу XIX в. в политическом лексиконе появились названия-определители «инородческая политика», «политика в инородческом вопросе», «национальный вопрос» и т. п. Исходя из вышесказанного, мы и сочли возможным использовать термин-определитель *aborигенная политика* как более точно соответствующий историческим реалиям присоединения Сибири Россией.

Наконец, следует определиться с термином *подданство*. В исторической литературе этому термину, как правило, не дается какого-либо определения. Под подданством историки без поясняющих комментариев, как само собой разумеющееся, понимают такое состояние, когда личность или социальная группа принадлежит к обществу людей, находящихся под юрисдикцией государства, возглавляемого монархом, который обладает неограниченной властью над своими подданными. В отличие от историков правоведы весьма неоднозначно трактуют понятие подданства. В отечественной историко-юридической науке дискутируются вопросы о времени появления института подданства в России, о способах и характере его приобретения и правового оформления, о соотношении подданства и гражданства и т. д. Не вникая в содержательную часть этой дискуссии, отметим, однако, что мы не согласны с теми исследователями-юристами, которые считают, что до начала XVIII в. подданными Русского государства / государя являлись только православные, что единственным вариантом принятия подданства являлось крещение⁴⁰, что в XVI–XVII вв. подданство имело бытовой,

⁴⁰ Тезис о тождестве русского подданства и православия восходит к высказыванию В. О. Ключевского, на которое часто ссылаются историки-юристы, изучающие институт подданства: «Теперь (в XVI–XVII вв. — *Авт.*) подданным стал считаться русский, т. е. частный человек одного племени и веры с московским государем» (*Ключевский В. О. История сословий в России // Сочинения в 9 т. М., 1989. Т. 6. С. 307*). Но В. О. Ключевский данное определение относил не вообще ко всем подданным русского царя, а только к коренному (этнически русскому — славянскому) населению Московской Руси, противопоставляя данный вариант подданства тому варианту, кото-

а не юридический характер, а сам институт подданства получил целенаправленную правовую регламентацию только с Петровских реформ⁴¹.

Синтезируя наблюдения и выводы, сделанные историками и правоведами, изучавшими возникновение и развитие института подданства, мы считаем возможным определить подданство как состояние принадлежности индивида к населению какого-либо государства с формой правления в виде неограниченной монархии. «В государствах монархических, — писал один из ведущих юристов, изучавших институт подданства, В. М. Гессен, — отношение подданства мыслится как отношение индивида к монарху»⁴². Подданство характеризовалось наличием личной политико-правовой связи между подданным (индивидом) и правителем государства (монархом). Такая связь обеспечивалась присягой, имевшей сакральный характер и даваемой индивидом или группой индивидов лично монарху.

Мы согласны с теми правоведами (и историками), которые полагают, что подданство как правовой институт в России зародился вместе с появлением единого государства — Московской Руси, возглавлявшегося самодержавным (суверенным и единоличным) правителем, т. е. в XVI в. И хотя на протяжении рассматриваемого нами

рый существовал в предшествующее время, когда «подданными считались покоренные» (Там же).

⁴¹ См., например: *Гессен В. М.* Подданство, его установление и прекращение. СПб., 1909. Т. 1. С. 31, 202–203; *Кутафин О. Е.* Российское гражданство. М., 2003. С. 25; *Николаев В. Б.* Подданство Российской империи: его установление и прекращение (историко-правовой анализ); *Пархоменко В. В.* Проблема подданства в Российской империи, этапы развития законодательной базы... С. 138; *Лиджеева Н. Г.* Принятие калмыками российского подданства: историко-правовой аспект. С. 45–46. К такой трактовке подданства склоняются и некоторые историки (см., например: *Конев А. Ю.* Народы Сибири в социально-правовом измерении империи: современные подходы к изучению // *Азиатская Россия: люди и структуры империи.* Омск, 2016. С. 140; *Опарина Т. А.* Иноземцы в России XVI–XVII вв. Очерки исторической биографии и генеалогии. М., 2007. Кн. 1. С. 6).

⁴² *Гессен В. М.* Подданство, его установление и прекращение. С. 123.

хронологического периода не существовало четкого законодательного определения подданства⁴³, тем не менее шел процесс его юридического оформления, что выражалось в издании нормативных актов, имевших бессистемный и даже противоречивый характер, но все же направленных на правовую регламентацию отношений подданства. Как полагает И. Г. Шауро, уже «к XVII веку термин “подданство” использовался в значении, близком к современному»⁴⁴. По ее же мнению, «содержание русского подданства, т. е. правовые последствия, связанные с его обладанием, претерпевало постоянные изменения, но, по сути, сводилось к следующим положениям (в разном их сочетании): подчинение лица государственной власти, в том числе распространение на его действия нормативных актов страны (точнее, государства. — *Авт.*); предоставление различным категориям лиц различного объема прав и свобод, возложение дифференцированных обязанностей; защита лица со стороны государства, в том числе во время нахождения за рубежом»⁴⁵; «важнейшим принципом российского подданства был принцип его ограниченности, т. е. наличие положений, сужающих объем прав подданных по признакам социальной, религиозной, национальной или территориальной принадлежности»⁴⁶.

В XVI–XVII вв. основополагающим публично-правовым нормативным актом, юридически фиксирующим состояние подданства (особо заметим, вне зависимости от вероисповедания и этнической принадлежности), являлась присяга — *крестоцелование, рота, правда, шерть*. Соответственно, подданство имело не бытовой, а юридический характер. В свою очередь, определяющими в состоянии подданства выступали обязанности индивида, выражавшиеся в выполнении разного рода повинностей в пользу лично монарха.

⁴³ Заметим, что за все время существования самодержавия российское законодательство так и не сформулировало определение подданства.

⁴⁴ Шауро И. Г. Возникновение и развитие института подданства в России в XVI — начале XX в. С. 11.

⁴⁵ Там же. С. 17.

⁴⁶ Там же. С. 19.

Поэтому подданство в Московской Руси, как это хорошо показал еще В. О. Ключевский⁴⁷, осуществлялось через «приписку» к определенным социальным группам, имевшим разные обязанности, не соединенные с публичными политическими правами. Монарх также брал на себя ряд обязательств, направленных на защиту подданных от беззакония и внешней угрозы и имевших юридическое оформление, прежде всего в так называемых *жалованных грамотах и словах*. Правда, учитывая то обстоятельство, что русский царь являлся не только суверенным правителем, но и верховным собственником всех подданных, и отвлекаясь от религиозного понимания царской власти как равной заботы о всех «рабах божьих», данное правоотношение являлось не только обязанностью, но и правом хозяина защищать свою одушевленную собственность.

Слияние в прерогативах русского монарха прав правителя (*imperium*) и собственника (*dominium*) и формирование Русского государства как «государства-вотчины» («вотчинного», или патримонического государства) обеспечили единство в русской политической культуре XVI–XVII вв. понятий *государь* (правитель-собственник) и *государство* (совокупность населения и территории, принадлежащих государю и находящихся под его полной властью), то и другое воспринималось как неразрывное целое⁴⁸. Правители Московской Руси конца XV–XVII вв. в полной мере могли заявлять: «государство — это я». В связи с этим мы считаем вполне приемлемым употреблять применительно к данному времени как синонимичные понятия *подданство русскому / российскому государю / монарху /*

⁴⁷ См.: Ключевский В. О. История сословий в России. С. 242–243, 309–312.

⁴⁸ О понятиях *государь* и *государство* см., например: Хархордин О. В. Что такое «государство»? Русский термин в европейском контексте // Понятие государства в четырех языках. СПб.; М., 2002; Толстиков А. В. Представления о государе и государстве в России второй половины XVI — первой половины XVII в. // Одиссей. Человек в истории. М., 2002. Четкое разделение понятий *государь* и *государство* произошло в российском общественно-политическом дискурсе только в XVIII в. под влиянием европейской политико-правовой мысли и процесса модернизации государственного устройства.

царю, подданство Русскому / Российскому государству и производное от последнего — *русское / российское подданство*. Подобный подход общепринят в исторических и историко-юридических трудах и не вызывает у исследователей каких-либо возражений.

* * *

Работа над монографией велась несколько лет, в том числе в ходе выполнения ее авторами следующих научно-исследовательских проектов: «Народонаселение Сибири: стратегия и варианты межэтнических взаимодействий в историческом контексте (XVI–XX вв.)» (Проект Программы фундаментальных исследований СО РАН, 2006–2008 гг.), «Коммуникативная культура русских казаков-первопроходцев: традиции и новации в процессе освоения полиэтничного пространства Сибири (конец XVI — XVIII в.) (Проект Программы фундаментальных исследований Президиума РАН, 2009–2011 гг.), «Адаптация населения Сибири к политическим системам и режимам Российского государства в XVII–XX вв.: новые источники, проблемы и результаты исследований» (Госконтракт в рамках Федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России», 2010–2012 гг.), «Идеологемы, механизмы и практики политико-правового оформления подданства сибирских народов Российскому государству в конце XVI — начале XVIII в.» (Грант РГНФ, 2013–2015 гг.).

ГЛАВА 1

ПРИСОЕДИНЕНИЕ СИБИРИ К РОССИИ В КОНЦЕ XVI — НАЧАЛЕ XVIII ВЕКА

Народы Сибири накануне русской колонизации¹

В конце XVI–XVII в., по примерным подсчетам историков, на огромной территории Сибири проживало всего 200–220 тыс. человек, являвшихся автохтонными жителями. Это население, более плотное на юге и более редкое на севере, различалось по языку, хозяйственному укладу и социальной организации.

На севере Западной Сибири, в тундре от Урала до реки Хатанги, обитали северные самодийцы — ненцы, энцы, нганасаны, получившие от русских общее наименование самоеды (самоядь), ведшие кочевой образ жизни. Южнее их в таежной полосе проживали вогулы

¹ Раздел написан на основе многочисленных историко-этнографических и исторических исследований, перечисление которых заняло бы слишком много места. Поэтому ограничимся тем, что назовем основных авторов, трудами которых мы воспользовались: Е. А. Алексеенко, С. В. Бахрушин, А. А. Борисов, З. Я. Бояршинова, В. Я. Бутанаев, И. С. Вдовин, Г. М. Василевич, И. С. Гурвич, Б. О. Долгих, Е. М. Залкинд, И. Я. Златкин, В. Н. Иванов, Д. М. Исхаков, Л. Е. Куббель, Е. П. Мартынова, Н. С. Модоров, А. П. Окладников, Л. Р. Павлинская, Г. И. Пелих, Е. В. Перевалова, Н. Н. Степанов, В. А. Туголуков, С. А. Токарев, Н. А. Томилов, В. А. Тураев, А. П. Уманский, Е. Г. Федорова, Л. И. Шерстова.

(вогуличи) и остяки — так русские звали обских угров — манси и хантов. Остяками также именовали южных самодийцев — селькупов, обитавших на средней Оби и ее притоках, и кетоязычное население среднего Енисея — инбаков, земшаков, кайволдынцев и др. Степные и лесостепные районы юга Западной Сибири от Урала до реки Обь занимали тюрки-татары, делившиеся на несколько территориальных групп: тюменских, тобольских, ясколбинских, барабинских, чатских, эуштинских, чулымских и др. Верховья рек Оби и Енисея с их притоками являлись ареалом расселения множества тюркоязычных этносов — белых калмыков (телеутов), енисейских киргизов, кумандинцев, тубаларов, шорцев, абинцев, ачинцев, качинцев и др., составивших впоследствии два народа — алтайцев и хакасов. В горном Алтае и Саянах тюрки соседствовали с самодийцами — моторами, камасинцами, саянцами и др., которые постепенно тюркизировались и впоследствии в своей основной массе влились в состав тувинцев. К востоку от среднего Енисея соседями тюрков были кетоязычные котты, асаны, яринцы и др., полностью растворившиеся в последующие века в соседних этносах.

Почти по всей Восточной Сибири, от Енисея до Охотского моря и от тундры до монгольских степей и Амура, расселялись тунгусы — предки современных эвенков, эвенов и негидальцев. Они делились на три группы: оленных тунгусов, бродивших по бескрайним просторам горной тайги, пеших тунгусов (тунгусов-ламутов), обитавших по побережью Охотского моря, и конных тунгусов, кочевавших в степях Забайкалья. В Западном Прибайкалье, по реке Ангаре и в верховьях Лены, и в Забайкалье, по рекам Селенге и Уде, жили кочевые монголоязычные этносоциумы, впоследствии составившие основу бурят. На верхнем и среднем Амуре проживали оседлые племена монголо-язычных дауров и тунгусоязычных дючеров, в низовьях Амура и Приморье — натки, гиляки (нивхи) и предки нанайцев, ульчей, удэге, а по рекам Лене, Вилюю, Яне — тюркоязычные (с монгольской примесью) якуты.

Северо-восток Сибири от низовьев Лены до Анадыря занимали юкагиры. На севере Камчатки и прилегающем к ней побережье

Берингова и Охотского морей жили коряки, на Чукотском полуострове и в низовьях Колымы — чукчи. Юагиры, коряки и чукчи делились на оленных (кочевых) и сидячих (проживавших оседло на морском побережье). Сидячими являлись также эскимосы, занимавшие побережье Чукотки, и смешанное корякско-ительменско-айнское население Камчатки, которое русские называли камчадалами (в средней части полуострова) и курильскими мужиками (в южной части).

Хозяйственные занятия и образ жизни сибирских народов были оптимально адаптированы к природно-климатическим условиям Сибири. Те из них, кто жил по морскому побережью, занимался преимущественно промыслом морских млекопитающих (тюленей, моржей, китов), в тундре и тайге — охотой, рыболовством, оленеводством, в лесостепи и степи — разведением лошадей, овец и крупного рогатого скота. Скотоводством занимались и якуты в среднем течении реки Лены. У всех групп населения вспомогательное значение в хозяйстве играло собирательство, а у скотоводов и морских зверобоев — охота и рыболовство. Земледелие, хотя и существовало в Сибири еще с древнейших времен, но имело место на ограниченных территориях — на юге Западной Сибири, в предгорьях Алтая, Минусинской котловине, Западном Прибайкалье и Приамурье. Оно было неразвитым («мотыжным») и давало лишь дополнительные продукты питания. Только на Амуре у дауров земледелие являлось основой жизнеобеспечения.

Народам, обитавшим в степной, лесостепной и таежной Сибири, были известны добыча и обработка металла. Но народы, населявшие северные и северо-восточные районы — самоеды, юагиры, коряки, чукчи, эскимосы и камчадалы, — орудия труда и оружие изготавливали из дерева, камня и кости, а металлические изделия, полученные в результате обмена у южных соседей, у них встречались крайне редко.

У всех сибирских народов существовал обмен результатами хозяйственной деятельности — добытых или произведенных продуктов, но его объем и интенсивность зависели от географической близости к экономически более развитым районам. Если обитатели

Северо-Восточной Сибири обменивались необходимыми им вещами спорадически и в форме дарообмена, то у населения Восточного Приуралья и Южной Сибири существовали стабильные, уже собственно торговые отношения с Русью, Ногайской Ордой, Казанским ханством, Средней Азией, Монголией и Китаем.

Социальная и политическая организация сибирских народов накануне появления в Сибири русских изучена в силу скудости источников неравномерно и далеко не полно. Многие параметры и компоненты этой организации остаются невыясненными, а исследовательские реконструкции носят гипотетический характер. Разработке проблемы существенно мешает отсутствие в историко-этнологическом сибиреведении, как и в целом в исторической политологии и социологии, единого и общепринятого понятийно-категориального аппарата, в том числе критериев типологизации сибирских этносоциумов. В самом общем виде, отвлекаясь от деталей и нюансов, их социально-политическую организацию можно обрисовать следующим образом.

Первичной и основной социальной ячейкой являлась малая или большая семья, в которой властные функции исполнял старший (но дееспособный) мужчина. Несколько таких семей на основе родства и / или совместного проживания, коллективного хозяйствования и клиентских отношений объединялись в постоянные или временные общины или, точнее, кланы-патронимии (которые русские часто именовали «родами»), а последние, в свою очередь, по тем же принципам — в более крупные объединения, устойчивость, сплоченность, размеры и численность которых были разными.

В таежной и тундровой зоне в условиях преимущественно промысловой деятельности и низкой плотности населения крупные объединения были нестабильны и аморфны, они возникали, как правило, для ведения военных действий, которые не носили системного и массового характера. Вождями общин (по русской терминологии, «лучшими людьми» или «князцами») и их объединений («князцами», «лучшими князцами», «гойонами») становились наиболее авторитетные главы семей, обладавшие организаторскими и военными способ-

ностями, наибольшими материальными и людскими ресурсами. Эти главы нередко одновременно выполняли и функции шаманов, однако не имели над сородичами никакой принудительной власти.

Дифференциация внутри таких промысловых обществ базировалась исключительно на половозрастных критериях: все взрослые мужчины («люди», «мужики») обладали равными правами. Имущественное неравенство, хотя и присутствовало, но было весьма динамичным, поскольку материальный достаток напрямую зависел от удачного или неудачного промысла. Известна была и личная зависимость — так называемое «домашнее рабство», в которое попадали представители «чужих» народов и общин, захваченные в плен. Обычно это были женщины и дети, пленных же мужчин, как правило, убивали.

В западных и южных районах Сибири, где плотность населения была выше, война «всех против всех» была обычным явлением, и, кроме того, прослеживалось влияние соседних государств: у остяков, вогулов, некоторых групп самодийцев, у тюркоязычных и монгольских народов, а также у забайкальских конных тунгусов крупные объединения отличались стабильностью. Были они и у якутов, которые в XIII–XIV вв. переселились из Западного Прибайкалья в районы средней Лены. У этих же народов существовало стабильное имущественное неравенство, напрямую связанное с явно выраженной социальной стратификацией. В таких социумах выделялись следующие группы.

Властная элита, организованная по родовому принципу (когда власть и статус передавались по наследству в пределах одного рода), обладавшая богатством, распоряжавшаяся лучшими промысловыми и пастбищными угодьями и получавшая от подвластного населения добровольные дары и / или принудительную дань. К ней относились:

– главы-лидеры (вожди) крупных объединений, которых русские звали сначала «князьями», «большими князьями», затем «князьками / князцами», а подвластную им территорию — «улусом», «землицей» или «землей»; принадлежность к этой категории определялась прежде всего знатностью рода; правда, властные функции этих

вождей ограничивались, как правило, организацией лишь военных и ритуальных мероприятий, право же суда и наказания ограничивалось обычно пределами их собственного клана-патронимии;

– предводители общин, кланов или их объединений («сотен», «юрт», «улусов») — «князцы», беки, мурзы, тайши, шуленги, зайсаны, тойоны, нойоны, башлыки и т. д., или просто «лучшие люди»;

– воины («дружина»), которые несли постоянную или периодическую военную службу при вышеупомянутых главах общин или крупных объединений.

«Черные», или *улусные люди* — свободные члены семей и общин, по традиции владевшие и пользовавшиеся определенными промысловыми угодьями, находившиеся под патронатом и протекторатом отдельных представителей правящей элиты и выполнявшие в их пользу различные повинности, в том числе военной службой (отношения клиентелы); среди этой категории была заметна имущественная дифференциация.

Зависимые люди: «домашние рабы» из числа военнопленных или купленных «чужих», а также закабаленных за долги обедневших соплеменников; «вскормленники» — дети, отданные на воспитание и прокормление; «захребетники» — неимущие члены общин, находившиеся в услужении у состоятельных соплеменников. Нередко «рабы» несли военную и охранную службу при хозяине («боевые холопы» в русской терминологии того времени).

Политическая конфигурация и территориальные размеры объединений были разными у разных народов и даже их отдельных групп. Так, у остяков и вогулов существовало несколько княжеств (опять же по русской терминологии) — Кодское, Пелымское, Кондинское, Обдорское, Ляпинско-Куноватское, Казымское, Бардаково и др., а также (у среднеобских остяков-селькупов) так называемая Пегая орда². Каждое из этих объединений имело сво-

² Название «Пегая орда» русские могли заимствовать либо от хантов, у которых оно имело значение «чужая часть (сторона)» или «чужой народ», либо, скорее всего, от самих селькупов, у которых лексема «пегая» (в русской озвучке) во всех селькупских диалектах («пякка», «пёк», пәнгы, пеккы,

их князей, из которых один считался за главного. Их население вело преимущественно оседлый образ жизни, поэтому княжества, а внутри них более мелкие объединения («сотни», «юрты») имели вполне определенные границы.

В отличие от оседлых народов у кочевников их отдельные «роды» и улусы могли перемещаться в пределах своей «землицы» и даже откочевывать — мигрировать за ее пределы, переходя из одного крупного объединения в другое. Изредка случались и миграции крупных объединений.

У якутов русские застали улусные объединения — мегинцев, кангаласцев, катуленцев, бетунцев, одейцев, борогонцев и др., в каждом из которых было несколько родственных семейных кланов. Схожая организация была и у бурят. Их «роды» и улусы составляли крупные объединения — эхиритов, булагатов, икинатов, хори-туматов, хонгодоров и др. При этом если «роды» и улусы имели стабильную властную элиту, то в их объединениях таковая уже отсутствовала. Лишь в случае войны из числа «родовых» и улусных вождей мог выдвинуться временный лидер. У телеутов в степном Алтае к началу XVII в. оформилось крупное политическое объединение, известное по русским источникам как «Телеутская земляца» или «Большой улус», возглавлявшийся одним предводителем — князем. В начале 1630-х гг. это объединение распалось на два «улуса», а в 1640-е гг. пало в зависимость от ойратов.

Более организованное и стабильное политическое устройство присутствовало у народов Хакасо-Минусинской котловины. Здесь многочисленные тюркские, кетские и самодийские этносоциумы входили в состав четырех княжеств — Езерского (Ызырского, Исарского), Алтысарского, Алтырского (Алатырского) и Тубинского³. Во всех княжествах господствующие позиции занимали енисейские кир-

пекц и т. п.) означала «лося», «сохатого» (См.: Чиндина Л. А. Пегаея Орда — Большого лося сильный народ // Вестн. Томск. гос. ун-та. 2013. № 3. С. 94).

³ Некоторые исследователи не считают Тубинское княжество (улус) киргизским (См.: Абдыкалыков А. Енисейские киргизы в XVII веке (исторический очерк). Фрунзе, 1968. С. 7).

гизы, они кочевали, где хотели, а все остальное население находилось от них в зависимости и считалось их кыштымами⁴. Из знатных киргизских родов были правители княжеств — князья (беги), которые зачастую являлись близкими родственниками. Они в качестве полноправных правителей могли переходить из одного княжества в другое. Самым влиятельным из княжеств считалось Алтысарское, его правитель номинально был главным среди прочих князей, над которыми, однако, не имел реальной власти (точнее, его реальная власть зависела от масштаба его авторитета у других князей). Управление подвластным населением князья осуществляли при помощи ясаулов (чазоолов), которые претворяли в жизнь княжеские приказы и собирали дань, судей — яргучи (чаргычи) и дружинников-батыров. Князья контролировали и владели кыштымами в пределах своего княжества. Такая социально-политическая организация «Киргизской земли» дает основание некоторым историкам писать о наличии у киргизов «своеобразной государственности»⁵.

⁴ Не вникая в этимологию соционима *кыштым*, по поводу которой в исследовательской литературе существуют разные точки зрения, зафиксируем лишь то, что ко времени появления в Сибири русских так в ряде ее южных районов называлось зависимое население, бывшее чьими-то данниками.

⁵ В историографии наиболее активно точку зрения о существовании у енисейских киргизов государственности, правда, с неразвитой формой политических институтов и слабой институционализацией управленческих функций, отстаивает В. Я. Бутанаев, который даже считает, что политическое объединение киргизов имело самоназвание — Хоорай / Хонгорай (Бутанаев В. Я. К вопросу о Киргизско-Хакасских этнографических связях // Киргизы: этногенетические и этнокультурные процессы в древности и средневековье в Центральной Азии. Бишкек, 1996; Он же. Степные законы Хонгорая. Абакан, 2004. С. 9–33; Он же. История вхождения Хакасии (Хонгорая) в состав России. Абакан, 2007. С. 11–49).

К типу «кочевых государств»⁶ относились татарские юрты⁷ — княжества и ханства, являвшиеся осколками Монгольской империи

⁶ О «кочевых государствах» см.: *Кычанов Е. И.* Кочевые государства от гуннов до маньчжуров. М., 1997; *Исхаков Д. М., Измайлов И. Л.* Этнополитическая история татар (III — середина XVI вв.). Казань, 2007; *Трепавлов В. В.* Степные империи Евразии: монголы и татары. М., 2015.

⁷ Мы согласны с Д. М. Исхаковым, что применительно к сибирским татарским княжествам и ханствам корректнее использовать понятие «юрт», «обозначающее в тюркской политической номенклатуре не только государство, но и входящее в него княжество» (*Исхаков Д. М.* Институт сибирских князей: генезис, клановые основы и место в социально-политической структуре Сибирского юрта // Гасырлар авазы — Эхо веков [Электронный ресурс. URL. http://www.archive.gov.tatarstan.ru/magazine/go/anonymous/main/?path=mg:/numbers/2008_2/05/01/; дата обращения: 08.12.2010]. «Изначально в древнетюркском языке, — замечает Б. Р. Рахимзянов, — слово “юрт” означало “дом”, “владение”, “местожительство”, “страна”, “земля”. Юртом могли называть как независимое государство, так и отдельную часть данного государства», выделенную сюзереном своему вассалу. Все эти смысловые значения слова «юрт» были восприняты русскими людьми (*Рахимзянов Б. Р.* Москва и татарский мир: сотрудничество и противостояние в эпоху перемен. XV–XVI вв. СПб., 2016. С. 11, 89, 102, 267).

В последнее время появилось несколько серьезных исследований, посвященных истории сибирских татарских юртов (см., например: *Исхаков Д. М.* Введение в историю Сибирского ханства. Очерки. Казань, 2006; *Он же.* Позднесолотоордынская государственность тюрко-татар Сибирского региона: в поисках социально-политических основ // История, экономика и культура средневековых тюрко-татарских государств Западной Сибири. Курган, 2011; *Карсакова Г. Б.* Западная Сибирь после монгольского завоевания и образование Сибирского ханства // Проблемы востоковедения. 2011. № 1; *Соболев В. И.* История сибирских ханств (по археологическим материалам). Новосибирск, 2008; *Матвеев А. В., Татауров С. Ф.* Сибирское ханство Кучума царя. Некоторые вопросы государственного устройства // Средневековые тюрко-татарские государства. 2009. № 1; *Они же.* К вопросу об административно-территориальном устройстве Сибирского ханства // История, экономика и культура средневековых тюрко-татарских государств Западной Сибири. Курган, 2011; *Они же.* Сибирское ханство: военно-политические аспекты истории. Казань, 2012.

и существовавшие на территории Западной Сибири в XV–XVI в. Их история, весьма скупо отраженная в источниках, отмечена борьбой двух династий — шейбанидов (шибанидов), являвшихся потомками Чингис-хана и как таковых имевших право титуловаться ханами (по русской политической терминологии — «царями»), и тайбугидов — представителей татарского «Тайбугина рода»⁸, которые являлись беками (князьями).

Первое государственное образование в Западной Сибири — Тюменский юрт (ханство), являвшийся частью Узбекского ханства (государства Шейбанидов). В конце XV — начале XVI в. власть в Тюменском юрте захватили тайбугиды, которые перенесли столицу из г. Чимги-Тура (Тюмень) в г. Искер (Сибирь), в результате возник Сибирский (Искерский) юрт — княжество (бекство) Тайбугидов, сохранивший, однако, политические связи и, возможно, зависимость от государства Шейбанидов, столицей которого являлась Бухара. В 1550-х гг. шейбаниды из Средней Азии стали предпринимать попытки вернуть себе сибирские владения. Их усилия увенчались успехом: в 1563 г. они, видимо, при поддержке части сибирской татарской знати, заняли Искер, отстранили от власти тайбугидов, и княжество вновь превратилось в ханство, но при этом возросла его зависимость от Узбекской Шейбанидской державы.

Государственное устройство Сибирского юрта — княжества, затем ханства, являлось в целом типичным для государств, созданных

⁸ По мнению большинства исследователей, тайбугиды по происхождению, как и шейбаниды, были монголами. Согласно самым распространенным версиям, они восходят либо к Тайбуге — сыну керэитского Тогрул-хана, сыгравшего видную роль в возвышении Чингис-хана, либо к сыну чингисида хана Тохтамыша, который разорил Москву в 1382 г., либо к клану мангутов из рода борджигинов, к которому принадлежал и Чингис-хан, либо к роду салджиутов, которые, как и борджигины, восходят к мифической прародительнице предков Чингис-хана Алан-гоа. При всех разногласиях эти версии сходятся в том, что «Тайбугин род» был весьма знатным и мог поспорить с шейбанидами в правах на Сибирский юрт. Правда, ряд исследователей полагает, что тайбугиды были местного сибирско-татарского происхождения.

кочевниками монголо-тюркского мира⁹. Власть правителя (бека-князя, хана) опиралась на поддержку знатных татарских (тюменских и тобольских) родовых кланов, представители которых становились беклярибеками (военачальниками), карача-беками (ближайшими советниками) и аталыками (воспитателями детей и внуков правителя, игравшими заодно и роль советников). Клановладельцы обладали определенными территориями — улусами и юртами. Административный аппарат был представлен ясаулами и даругами, осуществлявшими выполнение княжеских / ханских распоряжений и собиравшими дань, и казиями-судьями. Но централизация власти была слабой, отсутствовал единый порядок управления территориями и заселявшими их народами. Во внутренние дела кланов, возглавлявшихся беками (биями) и мурзами, верховный правитель не вмешивался, но они обязаны были с отрядами своих воинов участвовать в его военных предприятиях, получая за это часть добычи. При хане Кучуме, а возможно, и ранее, в подчиненном положении от Сибирского юрта находились часть остяков и вогулов, тюркоязычные барабинцы, чаты, эуштинцы, томские татары, а также башкиры, жившие на восточных склонах Урала. В пользу хана они платили дань-ясак и несли военную службу, сохраняя, однако, полную самостоятельность во всем, что не нарушало ханских интересов. Следует особо заметить, что при Кучуме, являвшимся чужаком для сибирских (тюменских и тобольских) татар и не имевшем в Сибирском юрте собственных родовых владений, по сути единственной опорой ханской власти стали его родственники и его армия, из командного состава которой стал формироваться новый социальный слой — служилая знать. При этом, как отмечают исследователи, «отсутствие единого принципа административно-территориального деления и сложность во взаимоотношениях с местной родовой знатью препятствовали нормальной работе государствен-

⁹ О характеристиках формы политической организации Сибирского юрта, существующих в историографии, см.: *Коблова Е. Ю.* Государственные образования Шибанидов и Тайбутидов Западной Сибири в отечественной историографии (середина XVIII — начало XXI вв.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Тюмень, 2009. С. 16.

ного аппарата. Недополучая ясак, хан Кучум испытывал постоянную нехватку средств на содержание армии и государственного аппарата, вследствие чего был вынужден проводить постоянные военные походы для восполнения своей казны»¹⁰.

Во всех вышеназванных этнополитических объединениях заметную роль в принятии важных политических решений играли собрания предводителей наиболее сильных в военном отношении кланов и улусов. В чрезвычайных ситуациях, в первую очередь для обсуждения вопросов войны и мира, могло созываться собрание свободных мужчин-воинов.

Основная масса сибирского населения являлась язычниками, их мировоззрение и верования базировались на анимизме и фетишизме, представлениях о тесной сопричастности человека и природы и были связаны с хозяйственно-промысловой деятельностью и природными явлениями. Весьма развиты были культы предков, отдельных животных, природных явлений и объектов, добрых и злых духов. Вся жизнь и хозяйственная деятельность определялись набором запретов, обрядов и ритуалов. Посредниками между миром живых и миром духов выступали шаманы.

Среди сибирских татар с конца XIV в. стал распространяться ислам, позиции которого серьезно усилились при хане Кучуме. Основными проводниками ислама и мусульманской культуры в Сибирском юрте были «бухарцы» — выходцы из Средней Азии, главным образом из Бухары. Из их среды комплектовались кадры духовенства — сеиды, шейхи, муллы и др. Исламизация охватила и часть властной вогульской элиты. К народам Алтае-Саянского нагорья и Забайкалья с XVII в. уже активно проникал буддизм в форме ламаизма.

До прихода русских Сибирь, несмотря на свое редкое население, была ареной частых больших и малых войн. Кочевой образ жизни большинства сибирских народов неизбежно толкал их к борьбе за новые территории. Вооруженные столкновения между мелкими

¹⁰ Матвеев А. В., Татауров С. Ф. К вопросу об административно-территориальном устройстве Сибирского ханства. С. 37.

и крупными этнотерриториальными объединениями были обычным явлением. Более сильные подчиняли слабых, превращая их в кыштымов — зависимое население, обязанное выплачивать дань. В свою очередь эти «сильные» нередко вынуждены были откупаться данью от еще более могущественных соседей. Так, остяцкие княжества, подчиняя своему влиянию самоедов, обитавших к северу и востоку от них, сами, как указывалось выше, входили в политическую структуру Сибирского юрта. Кыштымов имели енисейские киргизы, телеуты и буряты, но все они в свою очередь находились в разной степени подчинения монгольским ханам.

С юга Сибирь обрамлял кочевой мир тюрков и монголов. Юго-западными и южными соседями Сибирского юрта были тюркоязычные башкиры и киргиз-кайсаки (казахи), раздробленные на несколько орд. Причем башкиры с середины XVI в. уже находились в зоне сильного политического влияния Русского государства. К востоку от киргиз-кайсацких кочевий начинались владения монголов. К югу от Алтая в районе оз. Зайсан, Тарбагатайского хребта и Джунгарского Алатау кочевали ойраты, к северо-востоку от них в котловине Больших озер, там, где Алтай соединяется с Саянами, — хотогойты, еще далее к востоку в северной части собственно Монголии — халха. В русских источниках уже с конца XVI в. хотогойты и халха фигурируют как «мунгалы», а ойраты — как «калмыки» («калмаки») или «черные калмыки».

После распада Монгольской империи во второй половине XIV в., вся последующая история монголов представляла собой непрерывавшуюся междоусобную борьбу, а также войны с соседними государствами, в ходе которых то возникали, то распадались и исчезали крупные и мелкие монгольские объединения. Существовавшие на территории Монголии халхаские ханства к концу XVII в. были полностью подчинены Цинской империей, основанной в Китае маньчжурами. Хотогойты в XVI в. создали государство, первый правитель которого Шолой-Убаши стал именовать себя алтын-ханом («золотым» ханом). Государство алтын-ханов в первой половине XVII в. распространило свою власть на Алтай, Туву и Хакасо-Минусинскую

котловину. В конце XIV в. сложился ойратский союз, основу которого составили торгоуты, чоросы, дербеты и хошоуты. С конца XVI в. часть ойратов, преодолевая сопротивление киргиз-кайсаков и ногайцев, начала перекочевывать на запад и во второй трети XVII в. оказалась на правом берегу Волги, где под именем «калмыков» приняла русское подданство.

Ойраты, оставшиеся на «родовой» территории, в 1635 г. создали государство, вошедшее в историю под названием Джунгария, лидирующие позиции в котором имели чоросы (зюнгары, джунгары). Джунгария вела активную наступательную внешнюю политику. В 1640-х гг. она поставила в зависимость от себя Телеутскую землицу, в 1667 г. разгромила государство алтын-ханов, включив в свои владения Алтае-Саянское нагорье и подчинив киргизские княжества. После этого джунгары развернули борьбу с Цинской империей за власть над Монголией, а также с киргиз-кайсаками и среднеазиатскими государствами.

Хроника подчинения Российским государством сибирских народов

Знакомство русских с Сибирью началось в XI в., когда новгородцы проложили путь в землю загадочной югры, обитавшей в Северном Приуралье и Зауралье. В XII — первой половине XV в. новгородские дружины изредка появлялись в Югре (Югорской земле)¹¹, вели

¹¹ Югра (Югорская земля) — в XII–XVII вв. русское название территории, расположенной на Северном Урале и севере Западной Сибири между Югорским Шаром и устьем р. Таз. Югрой, югричами русские до начала XVII в. обобщенно называли и народы, проживавшие на этой территории — угров (остяков и вогулов) и самодийцев (самоедов — ненцев). В последнее время этноистики развивают версию, высказанную еще в 1894 г. А. А. Дмитриевым, о югричах как «особенном народе», отличном от вогулов, остяков и самоедов, который либо был ассимилирован к началу XVII в. вогулами и остяками, либо уничтожен походами русских дружин во второй половине

здесь пушной промысел, меновой торг и сбор дани. В XII — начале XIII в. на «меховом пути» с новгородцами соперничало Владимиро-Суздальское княжество, подчинявшее Прикамье. Однако экспансия последнего была прервана монгольским нашествием. В 1265 г. в договорных грамотах новгородцев со своими князьями Югорская земля впервые упомянута среди подчиненных Новгороду волостей. Но вряд ли существовала какая-либо реальная зависимость югорских вождей от боярской республики, к тому же к началу XV в. большая часть приуральской югры мигрировала за Урал в Сибирь. К 1364 г. относится первый известный поход новгородцев за Урал, в нижнее Приобье, а к 1446 г. — последний.

Со второй половины XIV в. на Приуралье стало распространяться влияние Московского княжества, организовавшего христианизацию коми-зырян и подчинение Прикамья. Во второй половине XV в. московские войска провели несколько рейдов на Урал и в Сибирь — в низовья Оби и Иртыша, где собирали дань в великокняжескую казну (1462, 1465, 1483, 1499–1500 гг.). После утраты Новгородом в 1478 г. независимости все его северные владения вошли в состав Московского государства. К концу XV в. власть Москвы формально признал ряд остяжских и вогульских княжеств Нижнего Приобья. К 1480 г. Москва установила отношения

XV в. (См.: *Дмитриев А. А.* Покорение угорских земель и Сибири // Пермская старина. Пермь, 1894. Вып. 5. С. 28, 31, 95, 104; *Курлаев Е. А.* Летописная югра — древнепермский народ? // Обские угры. Тобольск; Омск, 1999. С. 48; *Напольских В. В.* О происхождении названия Югра // Сибирь в панораме тысячелетий. Новосибирск, 1998. Т. 2. С. 343–347; *Фёдорова Е. Г.* Обские угры: вехи этнической истории // Народы Сибири в составе Государства Российского (очерки этнической истории). СПб., 1999. С. 19–20). Предположение, высказанное Е. А. Курлаевым, об уничтожении русскими югры является совершенно несостоятельным: во-первых, русские отряды, ходившие в Югру, в силу своей малочисленности были не в состоянии осуществить сплошную «зачистку» немалой по площади территории; во-вторых, русская власть, расширяя сферу своего господства, никогда не стремилась к уничтожению народов, поскольку ей нужны были плательщики дани, а не просто пустые земли.

с Тюменским юртом, которые из первоначально союзных стали враждебными: в 1483 г. московская рать воевала с татарами на Тавде и Тоболе, в 1505 г. тюменские татары совершили набег на русские владения в Перми Великой. В начале XVI в. Тюменский юрт исчез, его земли отошли к возникшему Сибирскому юрту, в котором утвердилась династия тайбугидов¹².

В первой половине XVI в. Московское государство не проявляло активности на сибирском направлении, хотя и не отказывалось от расширения сферы своего политического влияния. В 1525 г. великий князь Василий III взял под свое покровительство (правда, формальное) ряд югорских самоедских родов, вожди которых (в русской терминологии того времени — князья) обратились к нему за защитой от «югорского князя Кутыгея». К середине XVI в., возможно, осуществлялся и нерегулярный сбор дани с Югорской земли. В это же время купцы и промышленные люди помимо сухопутного освоили морской маршрут из Двины и Печоры на Обь, и с середины XVI в.

¹² О продвижении русских в Сибирь до начала XVI в. см.: *Оксенов А. В.* Сношения Новгорода Великого с Югорской землей (ист.-геогр. очерк по древнейшей истории Сибири) // Литературный сборник «Восточного Обозрения». СПб., 1885; *Он же.* Политические отношения Московского государства к Югорской земле (1455–1499) // ЖМНП. 1891. Ч. 273. № 1; *Дмитриев А. А.* Покорение угорских земель и Сибири. С. 20–27, 47–77; *Скрынников Р. Г.* Сибирская экспедиция Ермака. Новосибирск, 1982. С. 82–87; *Фёдорова Н. В.* Русь и Югра: история взаимоотношений (XI–XIII вв.) // Русские старожилы. Тобольск; Омск, 2000. С. 119–120; *Чагин Г. Н.* Северная Русь и Пермские земли в XI–XV вв. // Проблемы истории России. Екатеринбург, 2000. Вып. 3; *Алексеев Ю. Г.* Походы русских войск при Иване III. СПб., 2007. С. 274–277; *Овчинникова Б. Б.* Взаимодействия Новгорода с Югрой (XI–XV вв.) // Проблемы истории России. Екатеринбург, 2008. Вып. 7; *Шашков А. Т.* Югра в эпоху Средневековья // Он же. Избранные труды. Екатеринбург, 2013. С. 586–596; *Пузанов В. Д.* Русские походы в Югру XI–XVI вв. // Вестн. угроведения, 2014. № 3; *Парунин А. В.* Посольские книги как источник по истории Тюменского ханства // История, экономика и культура средневековых тюрко-татарских государств Западной Сибири. Курган, 2011.

на севере Западной Сибири стали возникать первые русские поселения — торговые и промысловые фактории-зимовья¹³.

Во время московско-казанской войны 1545–1552 гг. правители Сибирского юрта (княжества) участвовали в антирусской коалиции, их отряды совершали набеги на Пермь Великую¹⁴. В 1550-х гг. произошел перелом в русско-татарских отношениях. К Московскому государству были присоединены Казанское и Астраханское ханства, русское подданство признала Большая Ногайская Орда. В 1555 г. владетели Сибирского юрта бек Едигер (Ядгар, Йадигар) и его брат бек Булат (Бекбулат, Бек-Пулад)¹⁵ по не вполне понятным причинам (либо ища поддержки в борьбе с Кучумом, либо следуя примеру ногайцев, либо желая продемонстрировать лояльность московскому правителю, взявшему Казань) признали над собой протекторат Ивана IV с ежегодной уплатой ему дани¹⁶. В 1558 г. Москва послала даньщиков в Югорскую землю для сбора ясака. Однако начавшаяся Ливонская война отвлекла внимание русской власти от Сибири. В 1563 г. Едигер и Булат потерпели поражение от шейбанидов и были

¹³ См.: *Шашков А. Т.* Югра в эпоху Средневековья. С. 602–604; *Вершинин Е. В.* Русская власть и сибирские самодеды в XVI–XVII в. // *Вестн. Ново-сиб. гос. ун-та. Серия: История, филология.* 2003. Т. 2. Вып. 2. С. 6–7.

¹⁴ *Шашков А. Т.* Югра в эпоху Средневековья. С. 607.

¹⁵ Судя по тому, что в источниках чаще упоминается Едигер, то он, надо полагать, был старшим правителем, а Булат — младшим соправителем. Институт соправителей был известен в кочевых обществах с древности.

¹⁶ В 1555 г. к Ивану IV прибыли послы «от сибирского князя Едигера и ото всей земли Сибирской» с челобитьем, «чтобы государь их князя и всю землю Сибирскую взял во свое имя». Послы Едигера приезжали в Москву в 1556, 1557, 1558, 1559, 1563 г. (ПСРЛ. СПб., 1904. Т. 13. Первая половина. С. 248, 285, 313, 370; см. также: Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским. Т. 2: 1533–1560 гг. // *Сб. РИО.* СПб., 1887. Т. 59. С. 479–480; *Маслюженко Д. Н., Рябинина Е. А.* Реставрация Шибанидов в Сибири и правление Кучум хана во второй половине XVI века // *Средневековые тюрко-татарские государства.* 2009. № 1. С. 97–99.

убиты¹⁷. Кто из шейбанидов сразу после победы стал править в Искере, точно неизвестно. Согласно наиболее распространенному мнению, это был сын узбекского хана Муртазы — Кучум. Однако есть версия, что в захвате Искера участвовал и сам Муртаза, который и стал главой Сибирского юрта, и лишь после его смерти в 1564 г. ханом был избран Кучум¹⁸. В преданиях же сибирских татар говорится о том, что до Кучума ханом был его старший брат Ахмет (Ахмед, Ахмад)-Гирей¹⁹. Таким образом, нельзя исключить, что Кучум стал править в Сибирском юрте, по крайней мере самостоятельно, лишь какое-то время спустя после его захвата²⁰.

Заняв сибирский трон, Кучум, согласившись было в 1571 г. дать присягу-шерть и платить дань Ивану IV²¹, начал вести в последующем преимущественно враждебную политику в отношении Москвы. В 1573–1582 гг. его отряды при поддержке пелымского

¹⁷ См.: *Абдиров М.* Хан Кучум: известный и неизвестный. Алматы, 1996. С. 38, 39; *Нестеров А. Г.* Искерское княжество Тайбугидов (XV–XVI вв.) // Сибирские татары. Казань, 2002. С. 22. По другой версии, убит был только Едигер (*Копылов Д. И.* Ермак. Иркутск, 1989. С. 214; *Исхаков Д. М., Измайлов И. Л.* Этнополитическая история татар... С. 269), но тогда остается непонятно, куда делся его брат.

¹⁸ См.: *Абдиров М.* Хан Кучум... С. 40.

¹⁹ *Исхаков Д. М.* Сеиды в позднезолотоордынских татарских государствах. Казань, 1997. С. 54–57. См. также: *Трепавлов В. В.* Сибирский юрт после Ермака: Кучум и Кучумовичи в борьбе за реванш. М., 2012. С. 13.

²⁰ По мнению ряда исследователей, Кучум с 1563 г. действовал от имени своего отца Муртазы, объявленного ханом Сибирского юрта. С 1565 г. сибирским ханом был Ахмет-Гирей. И только после его смерти в 1569 г. Кучум стал полновластным ханом (*Копылов Д. И.* Ермак. С. 68–80; *Шайков А. Т.* Югра в эпоху Средневековья. С. 610. См. также: *Маслюженко Д. Н., Рябинина Е. А.* Реставрация Шибанидов в Сибири и правление Кучум хана... С. 102). Есть версия, что Ахмет-Гирей не умер в 1569 г., а являлся соправителем Кучума еще в 1572–1578 гг. (*Маслюженко Д. Н., Рябинина Е. А.* Реставрация Шибанидов в Сибири и правление Кучум хана... С. 106).

²¹ См.: СГГД. М., 1819. Ч. 2. С. 63–65; Опись архива Посольского приказа 1626 года. М., 1977. Ч. 1. С. 289.

предводителя Аблегирима совершили нападения на русские владения в Приуралье²². В условиях Ливонской войны Иван IV поручил оборону северо-восточных границ государства купцам, солепромышленникам и землевладельцам Строгановым, которые наняли вольных казаков²³. В 1581 или 1582 г. казачий отряд под руководством атамана Ермака по собственной инициативе, возможно, поддержанной Строгановыми, двинулся в сибирский поход, который, начавшись как типичный казачий разбойничий набег, кардинально изменил ситуацию в Западной Сибири, характер и динамику сибирской политики Москвы²⁴.

Разгромив войско Кучума и союзных ему остяков и вогулов, дружина Ермака заняла столицу ханства — Искер. К 1585 г. казаки нанесли еще ряд поражений кучумовым татарам и объясачили часть

²² Некоторые исследователи полагают, что Кучум не проводил сколько-нибудь ярко выраженной антирусской агрессивной политики, а нападения вогулов при возможной поддержке сибирских татар явились ответом на грабежи со стороны промышленных людей, подчиненных Строгановым (*Маслюженко Д. Н., Рябинина Е. А. Реставрация Шибанидов в Сибири и правление Кучум хана... С. 108*).

²³ По некоторым летописным данным, Иван IV в 1572 г. послал «воевать царя Кучума» воеводу князя А. Лыченицына с ратными людьми, но поход закончился поражением: «В лето 1572 года, до Ермакова приходу в Сибирь за осьмь лет, от царя и великого князя Ивана Васильевича всея России прислан был в Сибирь полковой воевода князь Афанасий Лыченицын с ратными людьми проведать царство Сибирское и воевать царя Кучума. Но те ратные люди побиты от Кучума царя в Сибири, а иные в полон взяты; многие от них того приходу утекоша через Камень к Русе» (*Записки, к сибирской истории служащие // Древняя Российская Вивлиофика. 2-е изд. М., 1788. С. 104*). Однако это сообщение не подтверждается другими источниками, вследствие чего историки ему не доверяют (*См.: Преображенский А. А. Урал и Западная Сибирь в конце XVI — начале XVIII века. М., 1972. С. 23*).

²⁴ В современной историографии встречаются совершенно нелепые утверждения, что секретной целью похода Ермака являлась «разведка путей в Китай» (*Захаренко И. А. Русские географические исследования и освоение Сибири в XVII в. // Вопросы истории. 2009. № 2. С. 41*).

татар, остяков и вогулов. После гибели Ермака остатки его дружины в 1585 г. ушли на Русь. Но к этому времени русское правительство, узнав об успехах казаков, приняло решение о подчинении восточных территорий, богатых пушниной²⁵.

С 1585 г. в Западную Сибирь стали прибывать правительственные отряды, которые занялись строительством острогов и подчинением окрестного населения. К концу XVI в. были основаны Обский городок, Тюмень, Тобольск, Лозьвинский городок, Пелым, Березов, Сургут, Тара, Обдорский городок, Нарым, Кетск, Верхотурье, Туринск, и земли сибирских татар, обских угров (остяков и вогулов) и части самоедов оказались в составе России. Некоторые из местных правителей-князцов (Лугуй, Алач, Игичей, Бардак, Цынгоп) без сопротивления признали русскую власть и даже оказали ей военную поддержку (прежде всего правители Кодского княжества). Однако ряд «княжеств» (Пелымское, Кондинское, Обдорское, Ляпинско-Куноватское), а также Пегая орда были покорены силой оружия — сразу или после неудачных попыток сопротивления. В Сибирском ханстве началась междоусобица: против Кучума выступил последний представитель династии тайбугидов племянник Едигера и сын Булата Сейид-Ахмад (Сейдяк, Саид-Ахмед), на сторону которого переметнулся ряд кучумовых мурз. Сам Кучум бежал в Барабинскую степь и продолжил борьбу с русскими. В 1587 г. Сейид-Ахмад был пленен первым тобольским воеводой Д. Чулковым. После этого большая часть сибирских татар признала новую власть, их знать была зачислена на русскую службу. В 1598 г. русско-татарский отряд под командованием А. Воейкова на р. Ирмень (приток Оби) нанес окончатель-

²⁵ Подробнее о взаимоотношениях Московского государства и Сибирского юрта во время правления хана Кучума и о походе Ермака см.: *Скрынников Р. Г.* Сибирская экспедиция Ермака. Новосибирск, 1982. С. 92–103, 150–170, 191–263; *Шашков А. Т.* Югра в эпоху Средневековья. С. 610–622; *Маслюженко Д. Н., Рябинина Е. А.* Москва и Искер в 1569–1582 гг. в контексте международной политики // Средневековые тюрко-татарские государства. 2012. № 4.

ное поражение Кучуму. Сибирский юрт как стабильное государственное образование прекратил свое существование²⁶.

К началу XVII в. русское подданство признали тарские, барабинские и чатские татары. Приехавший в Москву князец зуштинских татар Тоян Ермашетеv обратился с просьбой о строительстве в его землях русского укрепления для защиты от набегов енисейских киргизов. В 1604 г. русско-татарский отряд при поддержке кодских остяков основал Томск, ставший опорной базой русского освоения среднего Приобья. В 1618 г. на земле кузнецких татар (абинцев и кумандинцев) был поставлен Кузнецк. В результате почти вся территория Западной Сибири была подчинена русскими. Однако отдельные группы местного населения периодически на протяжении XVII в. поднимали восстания: волнения вогулов на Конде в 1606 г., осада Березова пелымскими вогулами и сургутскими остяками в 1607 г., выступление остяков и татар против Тюмени в 1609 г., вогулов — против Пелыма и Верхотурья в 1612 г., остяков и самоедов — против Березова в 1665 г.; попытки восстания нижеобских остяков и самоедов в 1662–1663 гг. и в начале XVIII в., и т. д. Практически вне досягаемости русской власти оставались тундровые самоеды, кочевавшие от Печоры на западе до Таймыра на востоке, нерегулярно платившие ясак и неоднократно в XVII в. и даже позже — в XVIII в. совершавшие нападения на остяков, ясачных сборщиков, промышленных и торговых людей, на русские зимовья и Обдорский городок (в 1649, 1678/79 гг.). Отношения с ними русская администрация предпочитала строить через обдорских остяцких князцов²⁷.

²⁶ О покорении русскими Северо-Западной Сибири в конце XVI в. см.: *Скрынников Р. Г.* Сибирская экспедиция Ермака. С. 263–278; *Шайков А. Т.* Начало присоединения Сибири // Проблемы истории России. Екатеринбург, 2001. Вып. 4. С. 24–44; *Он же.* Югра в эпоху Средневековья. С. 623–637; *Трепавлов В. В.* Сибирский юрт после Ермака... С. 10–61; Сам Кучум вскоре после поражения погиб, но место и обстоятельство его гибели остаются неизвестными (*Трепавлов В. В.* Сибирский юрт после Ермака... С. 60).

²⁷ О взаимоотношениях русской власти и названных западно-сибирских народов в XVII в. см.: *Огородников В. И.* Очерк истории Сибири до начала

Главная материальная ценность, которую русские извлекали из Сибири, — пушнина²⁸ — определяла и основные маршруты их движения — по таежной полосе, где была незначительная плотность аборигенного населения. Основными путями передвижения являлись реки, покрывающие густой сетью территорию всей Сибири²⁹.

Еще к 1580-м гг. русские мореходы освоили морской путь из Белого моря в Мангазею — район устьев рек Таз и Енисей. К началу XVII в. промышленные люди поставили здесь зимовья и наладили торговлю с местными самоедами. В 1601 г. отряд, посланный из Тобольска, построил на р. Таз город Мангазею, который стал важной опорной базой для землепроходцев, отправлявшихся далее

XIX столетия. Владивосток, 1924. Ч. 2. Вып. 1: Завоевание русскими Сибири. С. 32–40; *Бахрушин С. В.* Самоеды в XVII в. // Он же. Науч. тр. М., 1955. Т. 3. Ч. 2; *Он же.* Остяцкие и вогульские княжества в XVI–XVII вв. // Там же. С. 110–151; *Шашков А. Т.* Югра в эпоху Средневековья. С. 652–654; *Люцидарская А. А.* Русско-мансийские отношения конца XVI–XVII в. // Этнограф. обозрение, 1998. № 3; *Вершинин Е. В.* Русская власть и сибирские самоеды... С. 8–21.

²⁸ О добыче (разными способами) пушнины как главном или одном из главных побудительных факторов движения русских «встречь солнцу» писали и пишут почти все историки. Но они же отмечают, что помимо пушнины и иных материальных ценностей были и другие факторы, стимулировавшие русскую экспансию на восток: государство было заинтересовано в поиске новых торговых партнеров и полезных ископаемых, в расширении территориальных владений и контингента подданных, русские люди — в бегстве от государственных налогов и крепостного права, от произвола и злоупотреблений государевых воевод и приказных людей, в поиске «земли, воли и лучшей доли».

²⁹ Об использовании русскими речных путей в ходе продвижения по Сибири см.: *Загоскин Н. П.* Русские водные пути и судовое дело в допетровской России. Историко-географическое исследование. Казань, 1910. С. 304–345; *Бахрушин С. В.* Очерки по истории колонизации Сибири в XVI и XVII вв. // Он же. Науч. тр. М. 1955. Т. 3. Ч. 1. С. 111–136; *Дьяченко В. И.* Пути и особенности колонизации русскими Таймыра // *Сибирь в контексте русской модели колонизации (XVII — начало XX в.).* СПб., 2014. С. 83–107.

на восток. К 1607 г. были сооружены Туруханское (в устье Турухана) и Инбацкое (в устье Елогуя) зимовья, затем началось продвижение русских по Подкаменной и Нижней Тунгускам, Пясины, Хете и Хатанге. Подчинение и объясачивание обитавших здесь самоедов и тунгусов затянулось на весь XVII в., причем некоторые их группы («юрацкая пуровская самоедь») оказывали русским сопротивление и в дальнейшем.

В Мангазею русские попадали в основном морем, но к 1619 г. правительство, обеспокоенное попытками английских и голландских мореплавателей освоить путь на Обь и Енисей и недовольное беспрошльным вывозом сибирской пушнины, запретило Мангазейский морской ход. Это привело к освоению южных путей из Западной Сибири в Восточную — по притокам средней Оби, прежде всего по р. Кеть. В 1618 г. на волоке между Кетью и Енисеем был основан Маковский острог, на Енисее в 1618 г. — Енисейск и в 1628 г. — Красноярск, в 1628 г. на р. Кан — Канский острог и на р. Ангара — Рыбенский острог. Самодейские и кетоязычные народы Среднего Енисея быстро признали русское подданство, но жившие к востоку от Енисея в Западном Приангарье тунгусы оказали упорное сопротивление, их подчинение затянулось до 1640-х гг.³⁰

Продвижение русских на юг Сибири в XVII в. натолкнулось на активное противодействие кочевых народов. В западно-сибирских степях отпор русской власти пытались организовать дети и внуки Кучума — кучумовичи, которые, пользуясь поддержкой сначала ногайцев, затем калмыков и джунгар, совершали набеги на русские и ясачные поселения и инициировали восстания в 1628–1631 гг. тарских, барабинских и чатских татар, в 1662 г. — части татар и вогулов.

³⁰ О присоединении северной и средней части Енисейского края см.: Александров В. А. Русское население Сибири XVII — начала XVIII в. (Енисейский край). М., 1964. С. 11–42; Бродников А. А. Присоединение к Русскому государству левобережья Среднего Енисея // Вестн. НГУ. Серия: История, филология, 2002. Т. 1. Вып. 3; Он же. Присоединение правобережья Среднего Енисея к Русскому государству // Сибирь: проблемы истории повседневности XVII–XX вв. Новосибирск, 2005.

К началу XVIII в. кучумовичи как активная политическая сила сошли с исторической сцены³¹.

В первой половине XVII в. русское степное пограничье тревожили калмыки (ойраты), кочевавшие из Монголии по Казахстану в Поволжье, во второй половине века — башкиры, поднимавшие антирусские восстания в 1662–1664 и 1681–1683 гг. С конца XVII в. начались набеги киргиз-кайсаков (казахов), подкочевавших к западно-сибирским границам. В верховьях Иртыша, Оби и Енисея русские столкнулись с военно-политическими объединениями телеутов (улус Абака и его потомков) и енисейских киргизов, не желавших мириться с потерей подвластной им территории и зависимых от них кыштымов, которых русские стремились перевести в свое подданство. Опорными базами распространения русской власти в степи являлись Томск, Кузнецк, Енисейск и остроги — Мелесский (основан в 1621 г.), Чатский (около 1624 г.), Ачинский (1641 г.), Караульный (1675 г.), Ломовский (1675 г.).

Основное беспокойство русским доставляли киргизские княжества, сами являвшиеся вассалами и данниками сначала государства хотогойских алтын-ханов, затем Джунгарии. Лавируя между интересами русского царя, монгольского алтын-хана и джунгарского хунтайджи (контайши), киргизы то заключали мир с русскими и даже соглашались платить ясак, то совершали нападения на Томский, Кузнецкий и Красноярский уезды, в том числе осаждали Томск (1614 г.), Красноярск (1667, 1679, 1692 гг.), Кузнецк (1700 г.), сжигали Абаканский (1675 г.), Ачинский (1673, 1699 гг.), Канский (1678 г.) остроги. Аналогично выстраивались русско-телеутские отношения: будучи первоначально союзными (договоры 1609 и 1621 гг.),

³¹ См.: *Трепавлов В. В.* Сибирский юрт после Ермака... С. 62–143. См. также: *Дмитриев А. А.* Верхотурский край в XVII веке // Пермская старина. Пермь, 1897. Вып. 7. С. 27–33; *Волкова К. В.* Восстание татар Тарского уезда 1628–1631 гг. // Экономика, управление и культура Сибири XVI–XIX вв. Новосибирск, 1965; *Худяков Ю. С.* Восстание татарских этнических групп в Западной Сибири в конце 1620-х — начале 1630-х гг. // Гуманит. науки в Сибири. 2015. № 1.

они в дальнейшем становились то враждебными (участие телеутов в татарском восстании 1628–1629 гг.), то мирными. Русская сторона, используя противоречия между алтын-ханами и Джунгарией, телеутами и киргизами, не только сдерживала натиск кочевников, но и наносила им неоднократные ощутимые поражения (киргизам в 1609, 1615, 1629, 1641, 1680–1682, 1692, 1701 гг.; телеутам, джунгарам и чатским татарам в 1631 г.) и упорно объясачивала пестрое в этническом отношении южносибирское население — кумандинцев, тубаларов, телесов, тау-телеутов, челканцев, теленгитов, чулымцев, качинцев, аринцев, кызыльцев, басагарцев, мелесцев, сагайцев, шорцев, мадов, маторов, саянцев-сойотов и др. Помимо военной силы, царское правительство стремилось закрепиться в южной Сибири путем переговоров с киргизскими князьями, алтын-ханами и хунтайджами.

Борьба за подданных между Россией, государством алтын-ханов и Джунгарией, а также между Россией, телеутскими и киргизскими княжествами привела к установлению в Барабинской степи, на Алтае, в Горной Шории, Кузнецкой и Хакасо-Минусинской котловинах и Западных Саянах (Саянская и Кайсоцкая земли) многоданничества, когда значительная часть местного населения вынуждена была платить дань русским, киргизам, телеутам, джунгарам и монголам. В ходе этой борьбы кыштымы ориентировались на того, кто в данный конкретный момент был сильнее. Они то признавали русскую власть, то отказывались платить ясак и участвовали в антирусских выступлениях. Но число восстаний, когда кыштымы действовали самостоятельно, было невелико, они, как правило, присоединялись к киргизам, телеутам, джунгарам или пользовались их поддержкой.

В 1667 г. государство алтын-ханов было разгромлено Джунгарией и в 1686 г. исчезло. После этого Алтай (Телеутская земля) и юг Хакасско-Минусинской котловины (Киргизская земля) вошли в состав джунгарских владений. На русско-джунгарском пограничье установился режим двоеданничества. Отдельные группы телеутов, не признав господство Джунгарии, в 1660–1670-х гг. перекочевали в российские пределы, были расселены в Кузнецком и Томском уездах, часть

из них вместо уплаты ясака обязалась нести военную службу царю (так называемые «выезжие телеуты»).

С конца XVII в. началось острое соперничество Джунгарии и Цинского Китая за обладание монгольскими землями. Развернулась также борьба между Джунгарией и казахами. Все это отвлекало внимание и силы джунгар от юга Западной Сибири, Алтая и Хакасии, вынуждало их не обострять отношения с Россией. В 1703–1706 гг. в целях увеличения своего войска джунгары увели в свои земли большую часть енисейских киргизов и алтайских телеутов. Воспользовавшись этим, русская сторона, ликвидировав оставшиеся малочисленные группы киргизов, быстро заняла освободившуюся территорию, куда стали переселяться ясачные люди — белтиры, сагайцы, качинцы, койбалы. Со строительством Умревинского (1703 г.), нового Абаканского (1707 г.), Саянского (1718 г.), Бикатунского (1709 г., затем 1718 г.), Чаусского (1713 г.), Бердского (1716 г.) острогов и Белоярской крепости (1717 г.) в состав России вошли Северный (степной) Алтай и Хакасо-Минусинская котловина³².

³² О продвижении русских в верховья Оби и Енисея и их взаимоотношениях с местными и окрестными народами написано немало исследований. Назовем основные: *Бахрушин С. В.* Енисейские киргизы в XVII в. // Он же. Науч. тр. Т. 3. Ч. 2; *Абдыкалыков А.* Енисейские киргизы в XVII веке (исторический очерк). С. 64–106; *Александров В. А.* Русское население Сибири... С. 42–58; *Уманский А. П.* Телеуты и русские в XVII–XVIII веках. Новосибирск, 1980; *Он же.* Телеуты и их соседи в XVII — первой четверти XVIII века. Барнаул, 1995. Ч. 1, 2; *Модоров Н. С.* Россия и Горный Алтай: политические, социально-экономические и культурные отношения (XVII–XIX вв.). Горно-Алтайск, 1996. С. 30–61; *Боронин О. В.* Двояданничество в Сибири. XVII — 60-е гг. XIX вв. Барнаул, 2004. С. 28–118; *Шерстова Л. И.* Тюрки и русские в южной Сибири: этнополитические процессы и этнокультурная динамика XVII — начала XX века. Новосибирск, 2005. С. 69–87; *Дацвишен В. Г.* Саянский рубеж. Южная часть Приенисейского края и русско-тувинские отношения в 1616–1911 гг. Томск, 2005. С. 29–55; *Бутанаев В. Я.* История вхождения Хакасии (Хонгорая) в состав России. С. 58–109; *Пузанов В. Д.* Военные факторы русской колонизации Западной Сибири (конец XVI — XVII в.). СПб., 2010. С. 67–114; *Тыжнов И. И.* Очерки по истории Средней Сибири XVII–XVIII столетий. Томск, 2013. С. 67–172.

Достигнув Енисея, русские в 1620-х гг. двинулись далее на восток, начав подчинение Западного Прибайкалья, Забайкалья и Якутии. В отличие от Западной Сибири, где в основном по правительственным предписаниям оперировали относительно крупные воинские контингенты, в Восточной Сибири действовали, хотя и под общим контролем и руководством властей, но нередко по собственной инициативе и на свои средства небольшие отряды землепроходцев, состоявших как из государевых служилых людей, так и вольных промысловиков-охотников (промышленных людей)³³.

В 1625–1627 гг. В. Тюменец, П. Фирсов и М. Перфильев прошли вверх по Ангаре и собрали сведения о «братских людях» (бурятах), в 1628 г. в Западное Прибайкалье совершили походы П. Бекетов — по Ангаре в верховья Лены и В. Черменинов — по р. Уда. Буряты (булагаты, ашехабаты, икинаты, эхириты, хонгодоры, хоринцы, готелы), обитавшие к западу от оз. Байкал, первоначально отнеслись к русским миролюбиво, однако объясачивание и грабежи, учиненные казаками (действия отряда Я. Хрипунова и красноярской казачьей вольницы в 1629 г.), а также строительство Илимского (1630 г.), Братского (1631 г.), Киренского (1631), Верхоленского (1641 г.), Осинского (1644–1646 г.), Нижнеудинского (1646–1648 г.), Култукского (1647 г.) и Балаганского (1654 г.) острогов вынудили их взяться за оружие. В 1634 г. буряты разгромили отряд Д. Васильева и уничтожили Братский острог (который был восстановлен), в 1636 г. осаждали Братский, в 1644 — Верхоленский и Осинский остроги, в 1658 г. значительная часть икинатов, ашехабатов, булагатов, эхиритов и хонгодоров, подняв восстание, бежала в Монголию. Но сопротивление бурят было разрозненным, среди них продолжались междоусобицы, в которых соперничавшие роды и улусы пыта-

³³ См.: *Огородников В. И.* Очерк истории Сибири до начала XIX столетия. С. 40–41, 43, 44; *Зуев А. С.* Русские и аборигены на крайнем Северо-Востоке Сибири во второй половине XVII — первой четверти XVIII вв. Новосибирск, 2002. С. 38–41; *Никитин Н. И.* Присоединение Сибири // Российская империя: от истоков до начала XIX века. Очерки социально-политической и экономической истории. М., 2011. С. 120–121.

лись опереться на казаков. К 1660-м гг. активное противодействие предбайкальских бурят было подавлено, они признали русское подданство.

Предбайкальские тунгусы, являвшиеся данниками бурят, относительно быстро и мирно переориентировались на признание русской власти. С основанием в 1661 г. Иркутска присоединение Западного Прибайкалья было закончено. В 1669 г. был поставлен Идинский, в 1671 г. — Яндинский, около 1675 г. — Чечуйский, в 1690-х гг. — Бельский, в 1676 г. — Тункинский острог, обозначивший границу русских владений в Восточных Саянах³⁴.

В 1621 г. в Мангазее были получены первые известия о «большой реке» Лене. В 1620-х — начале 1630-х гг. из Мангазеи, Енисейска, Красноярска, Томска и Тобольска на Лену, Вилку и Алдан ходили военно-промысловые экспедиции А. Добрынского, М. Васильева, В. Шахова, В. Бугра, И. Галкина, П. Бекетова и др., которые объясняли местное население. В 1632 г. был основан Якутск, в 1635/36 г. — Олекминский острог, в 1633/34 г. — Верхневилуйское и Жиганское зимовья. Якутские улусные объединения (бетунцы, мегинцы, катылинцы, дюпсинцы, кангаласцы и др.) на первых порах пытались оказать сопротивление казачьим отрядам. Однако существовавшие между ними противоречия, использованные русскими, обрекли их борьбу на провал. После разгрома в 1632–1637 гг. и 1642 г. наиболее непримиримых улусов и кланов якуты признали русскую власть и в

³⁴ О подчинении населения, проживавшего в районах, прилегающих с запада к Байкалу, см.: *Окладников А. П.* Очерки из истории западных бурят-монголов (XVII–XVIII вв.). Л., 1937. С. 23–138; *Залкинд Е. М.* Присоединение Бурятии к России. Улан-Удэ, 1958. С. 15–45; *Павлинская Л. Р.* Коренные народы Байкальского региона и русские. Начало этнокультурного взаимодействия // *Народы Сибири в составе государства Российского.* СПб., 1999. С. 181–258; *Она же.* Буряты. Очерки этнической истории (XVII–XIX вв.). СПб., 2008. С. 103–160; *Бродников А. А.* Русско-тунгусские взаимоотношения на Ленском волоке и прилегающей территории в 30-е годы XVII века (до образования Якутского уезда) // *Вестн. НГУ. Серия: История, филология.* 2006. Т. 5. Вып. 3 (приложение 1).

дальнейшем даже оказали помощь в покорении других народов, хотя отдельные их территориальные группы изредка выходили из повиновения и оказывали вооруженное сопротивление отрядам ясачных сборщиков и во второй половине XVII в.³⁵

Заняв центральные районы Якутии, казаки и промышленники устремились далее на северо-восток. В 1633–1638 гг. И. Ребров и И. Перфильев вышли по Лене к Ледовитому океану, по морю достигли рек Яна и Индигирка, открыв Юкагирскую землю. В 1635–1639 гг. Е. Буза и П. Иванов проложили сухопутный маршрут из Якутска через Верхоянский хребет к верховьям Яны и Индигирки. В 1639 г. отряд И. Москвитина вышел к Тихому океану (в устье р. Улья на Охотском побережье), а в 1640 г. совершил плавание к устью Амура. В 1642–1643 гг. землепроходцы (М. Стадухин, Д. Ярило, И. Ерастов и др.) проникли на Алазею и Колыму, познакомившись с алазейскими чукчами. В 1648 г. С. Дежнев и Ф. Попов морем обогнули северо-восточную оконечность Азиатского материка. В 1650 г. на Анадырь по сухопутью с Колымы вышли М. Стадухин и С. Мотора. С середины XVII в. отряды землепроходцев и мореходов стали осваивать пути на Чукотку (К. Иванов, И. Анкудинов, В. Кузнецов, И. Котельник, Г. Чернышевский), в Корякскую землю и на Камчатку (М. Стадухин, Ф. Чюкичев, И. Камчатый, И. Голыгин, Л. Морозко, М. Многогрешный и др.). В присоединяемых землях во второй половине 1630-х — 1640-х гг. были возведены остроги (Верхоянский, Зашиверский, Алазейский, Среднеколымский, Нижнеколымский, Охотский, Анадырский) и зимовья (Нижнеянское, Подшиверское, Уяндинское, Бутальское, Олюбенское, Верхнеколымское, Омолонское и др.). В 1679 г. был основан Удский острог — крайняя южная точка русского присутствия на Охотском побережье. Все эти укрепления стали опорными

³⁵ О покорении Якутии см.: *Токарев С. А.* Очерк истории якутского народа. М., 1940. С. 39–64; Якутия в XVII веке (Очерки). Якутск, 1953. С. 10–49, 288–303; *Дьяченко В. И.* Вхождение Якутии в состав России // Сибирь. Древние этносы и их культуры. СПб., 1996; *Иванов В. Н.* Вхождение Северо-Востока Азии в состав Русского государства. Новосибирск, 1999. С. 34–58.

базами для подчинения окрестного населения — юкагиров, тунгусов, коряков и чукчей, большая часть которых с оружием в руках пыталась воспротивиться объясачиванию, неоднократно нападая на русские отряды, остроги и зимовья: тунгусы в 1639 и 1640 гг. на Ульинское зимовье, в 1649, 1651, 1667/68, 1678 гг. — на Охотский острог, в 1662, 1667, 1684 гг. — на Зашиверский острог, в 1686 г. — на Тонторское (Учурское) зимовье, в 1686 г. — на Удский острог; юкагиры в 1642 г. — на Уяндинское зимовье, в 1645 г. — на Нижнеколымский острог, в 1663 г. — на Нижнеянское зимовье, в 1681 г. — на Анадырский острог; чукчи в 1653, 1656, 1659, 1662, 1678, 1679, 1685, 1687 гг. — на Нижнеколымский острог.

К концу XVII в. в основном удалось сломить сопротивление юкагиров и тунгусов. Но значительная часть коряков и в начале XVIII в. продолжала вступать с русскими в вооруженное противоборство, не давая им возможности закрепиться на своей территории, а чукчи вообще оставались вне регулярной досягаемости казачьих отрядов. Более успешно землепроходцы (В. Атласов, Т. Кобелев, М. Многогрешный, В. Колесов и др.) действовали на Камчатке, где им удалось основать Нижнекамчатский (1697 г.), Верхнекамчатский (1703 г.) и Большерецкий (1704 г.) остроги и к 1720-м гг. силой оружия объясачить камчадалов и «курильских мужиков»³⁶.

³⁶ О продвижении русских землепроходцев на крайний северо-восток Сибири и подчинении ими местных народов см.: *Огородников В. И.* Русская государственная власть и сибирские инородцы в XVI–XVIII вв. // Сб. тр. профессоров и преподавателей Иркут. ун-та. Иркутск, 1921. С. 105–112; *Он же.* Из истории покорения Сибири. Покорение Юкагирской земли. Чита, 1922; *Степанов Н. Н.* К истории освободительной борьбы народностей Северо-Востока Сибири в XVII в. // Памяти В. Г. Богораза (1865–1936). М.; Л., 1937; *Он же.* Присоединение Восточной Сибири в XVII в. и тунгусские племена // Русское население Поморья и Сибири (период феодализма). М., 1973; *Сафронов Ф. Г.* Тихоокеанские окна России: Из истории освоения русскими людьми побережий Охотского и Берингова морей, Сахалина и Курил. Хабаровск, 1988. С. 14–31; *Полевой Б. П.* Новое об открытии Камчатки. Петропавловск-Камчатский, 1997. Ч. 1, 2; *Иванов В. Н.* Вхождение Северо-Востока Азии в состав Русского государства. С. 98–129; *Зуев А. С.* Русские и абориге-

В 1643 г. русские (отряд С. Скороходова) впервые вышли в Забайкалье, в район р. Баргузин. Во второй половине 1640-х — 1650-х гг. за Байкал, где обитали буряты-хоринцы (хори-туматы), монголы-табангуты, тунгусы и самодийско-тюркоязычные кайсоты, югинцы и сойоты (в Восточных Саянах), проникли отряды В. Колесникова, И. Похабова, И. Галкина, П. Бекетова, А. Пашкова. Казаки основали Верхнеангарский (1646/47 г.), Баргузинский (1648 г.), Баунтовский (1648/52 г.), Иргенский (1653 г.), Теленбинский (1658 г.), Нерчинский (1658 г.), Кучидский (1662 г.), Селенгинский (1665 г.), Удинский (1666 г.), Еравнинский (дважды: в 1667/68 и 1675 гг.), Итанцинский (1679 г.), Аргунский (1681 г.), Ильинский (1688 г.) и Кабанский (1692 г.) остроги.

Присоединение Забайкалья носило преимущественно мирный характер, хотя отдельные вооруженные столкновения с монголами-табангутами и тунгусами имели место. Близость крупных северо-монгольских (халхаских) ханств заставляла русских действовать с большой осторожностью и лояльно относиться к местному населению. А монгольские набеги подтолкнули забайкальских хори-туматов и тунгусов быстро принять русское подданство. Монголы же, считавшие Забайкалье своей кыштымской территорией, но озабоченные в то время угрозой, исходившей от маньчжуров и джунгар, не препятствовали русским, чья малая численность первоначально не вызвала у них особого беспокойства. Более того, северо-монгольские правители Тушэту-хан и Цэцэн-хан одно время рассчитывали получить поддержку России в борьбе против возможной агрессии маньчжуров. Но вскоре ситуация изменилась. В 1655 г. Халха-Монголия попала в вассальную зависимость от маньчжурского пра-

ны на крайнем Северо-Востоке Сибири... С. 34–76; *Мазуров И. В., Пастухов А. М.* Очерки истории Российского Дальнего Востока. Хабаровск, 2009. Кн. 1. С. 217–234; *Немировский А. А.* Материалы по истории юкагигов и русской власти на Пенжине и Анадыре во второй половине 1670-х — середине 1680-х гг. [Электронный ресурс. URL: http://arctic-megapedia.ru/yukagir/images/8/85/Anadyr1676_1685.pdf; дата обращения: 07.06.2016]; Якутия в XVII веке. С. 49–64.

вителя. С 1660-х гг. начались нападения монголов на русские остроги и поселения в Предбайкалье и Забайкалье. Одновременно шли русско-монгольские переговоры о принадлежности территорий и населения, но успеха они не имели. В 1674 г. казаки на р. Уда нанесли поражение табангутам, которые оставили свои земли в Еравнинской степи и ушли в Монголию³⁷.

В это же время русские начали занимать Приамурье. В 1643–1644 гг. отряд В. Пояркова, выйдя из Якутска, поднялся по Алдану и его притоку Учтуру на Становой хребет, затем по Зее спустился к Амуру и достиг его устья. В 1651 г. по Лене и Олекме на Амур в месте слияния Шилки и Аргуни вышел Я. Хабаров с отрядом добровольцев, набранных в Якутске. В 1654 г. к хабаровцам присоединился отряд П. Бекетова, направленный в Забайкалье из Енисейска. На Амуре и его притоках землепроходцы построили Усть-Стрелочный (1651 г.), Ачанский (1651 г.) и Кумарский (1654 г.) остроги. К середине 1650-х гг. они организовали сбор ясака со всего населения Амура, низовий Сунгари и Усури — дауров, дючеров, тунгусов, натков, гиляков и др.

Поярковцы и хабаровцы, среди которых преобладала казачья вольница, действовали в отношении приамурского населения весьма жестко, что вызвало вооруженный отпор со стороны дауров и дючеров. Кроме того, против русских выступили маньчжуры, основавшие в Китае династию Цин и считавшие Приамурье сферой своих интересов. Отбив их нападения в 1652 и 1655 гг., казаки в 1658 г. были разгромлены недалеко от устья р. Сунгари. Выбив русских с Амура и уведя оттуда почти всех дауров и дючеров, маньчжуры ушли.

В 1665 г. русские вновь появились в Приамурье и поставили там Албазинский (1665 г.), Верхозейский (1677 г.), Селемджинский (Селенбинский) (1679 г.) и Долонский (Зейский) (1680 г.) остроги. В ответ маньчжуры в 1670-х гг. возобновили военные действия, ра-

³⁷ О включении Забайкалья в состав Русского государства см.: *Александров В. А.* Россия на дальневосточных рубежах (вторая половина XVII в.). Хабаровск, 1984. С. 17–21, 70–71; *Залкинд Е. М.* Присоединение Бурятии к России. С. 46–132; *Павлинская Л. Р.* Буряты... С. 161–183; *История Бурятии.* Улан-Удэ, 2011. Т. 2. С. 45–51.

зоря русские остроги и поселения на Амуре. Их поддержал ряд халхаских ханов, бывших в зависимости от Цинов и заинтересованных в ликвидации русского присутствия в Забайкалье. Попытки русского правительства дипломатическим путем урегулировать отношения с Цинским Китаем провалились. В 1685 и 1686–1687 гг. маньчжуры дважды осаждали Албазинский острог, а монголы в 1680-х гг. совершали нападения на Забайкалье. Однако попытки тех и других силой выдвинуть русских из Приамурья и Забайкалья провалились. В 1689 г. под Нерчинском был заключен русско-маньчжурский мирный договор, согласно которому Россия, не готовая к широкомасштабной войне, уступила Приамурье Китаю, а государственная граница определялась по Аргуни и Становому хребту до верховьев р. Уда, впадающей в Охотское море.

В ходе военных действий в Забайкалье буряты и тунгусы в основном поддержали русских. В 1689 г. русское подданство приняла большая часть табангутов, вернувшаяся из Монголии и поселенная между Селенгинском и Нерчинском³⁸. В 1690-х гг. Цинская империя окончательно подчинила Северную Монголию — Халху, что поставило вопрос о разграничении владений двух империй в Забайкалье и Саянских горах. После ряда посольств, трудных переговоров и маркирования границы на местности в 1727 г. был подписан Буринский трактат, который определил российско-китайскую границу от Аргуни на востоке до перевала Шабин-Дабаг в Саянах на западе. Забайкалье признавалось территорией России, а Тува (Урянхайский край) — Китая³⁹.

³⁸ В 1691–1692 гг. табангуты вновь ушли в Монголию. Однако в 1695 г. один из табангутских «родов» — Цонголов — вернулся в российское подданство. В дальнейшем, в конце XVII в. — 1730-х гг. большинство беглецов-табангутов, а также некоторые другие монгольские «роды» окончательно переселились в российские пределы (См.: Долгих Б. О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. М., 1960. С. 321; Залкинд Е. М. Присоединение Бурятии к России. С. 84–85, 90, 92–94, 106, 113–114).

³⁹ О развитии ситуации в Приамурье в 1640–1680-х гг. и военных действиях там, а также в Забайкалье в 1680-х гг., об урегулировании рус-

К 1720-м гг. основная территория Сибири оказалась в составе России. На юге русские владения выходили к казахским степям, Алтае-Саянскому нагорью, монгольским степям и Становому хребту, на севере естественной границей являлось побережье Ледовитого океана, на востоке — Тихого океана за исключением Берингоморского побережья и Чукотки, население которых — коряки, чукчи и эскимосы оставались вне пределов русской власти.

Присоединение Сибири осуществлялось на общем фоне российской экспансии. В XVII в. была подчинена Башкирия, после войн с Речью Посполитой к России отошла левобережная Украина и Смоленские земли (по Андрусовскому перемирию 1667 г. и «Вечному миру» 1687 г.). Материковое расширение России по времени совпало с заморскими расширениями европейских государств: Испания, Португалия, Англия, Франция, Голландия активно захватывали территории в Америке, Африке, Азии и Океании и энергично строили свои колониальные империи.

Русский опыт подчинения «иных» земель и народов к началу присоединения Сибири

Включение в состав России полиэтничного пространства Сибири неизбежно поставило перед московским правительством задачу разработки параметров и механизмов взаимодействия с местными этносоциумами, в первую очередь их реального подчинения и превращения в подданных «белого царя». Базовые установки политики в отношении сибирских народов, как говорилось выше, изначально

ско-маньчжурских территориальных споров см.: *Огородников В. И.* Очерк истории Сибири до начала XIX столетия. С. 74–98; *Бахрушин С. В.* Казаки на Амуре. Л., 1925; *Александров В. А.* Россия на дальневосточных рубежах... С. 22–34, 68–99, 117–203; *Мазуров И. В., Пастухов А. М.* Очерки истории Российского Дальнего Востока. С. 94–212. О перемещении бурят и монголов в конце XVII — первой трети XVIII вв. см.: *Павлинская Л. Р.* Буряты... С. 103–160, 185–199.

но определялись доминированием государства над обществом во всех сферах жизни. Сначала Московское княжество, затем Русское царство формировалось как патримониальное — «вотчинное» государство, основой функционирования которого являлось слияние власти правителя и власти собственника в единое целое в лице монарха-самодержца. Только московские государи — великие князья, затем цари, как «помазанники» и «наместники» бога на земле, считались исключительными собственниками и распорядителями основного средства производства — земли, а также наиболее ценных продуктов, произведенных или добытых в пределах их «вотчины». При этом в состав вотчины-собственности московских государей автоматически включались все земли, разными путями присоединяемые к Московскому / Русскому государству⁴⁰. А все население вотчины-государства независимо от социального статуса, местоположения во властной иерархии, размеров материального достатка и этнического происхождения находилось в прямой либо опосредованной (как например, крепостные крестьяне или холопы через своих владельцев), полной и безусловной зависимости от правителя-государя и имело лишь те права и обязанности, которые им определялись.

В такой политической системе сам государь рассматривался как хозяин-собственник и домовладелец, как царь-батюшка, который проявляет отеческую заботу в равной мере о всех «домочадцах». Подобная забота предопределялась религиозным (христианским)

⁴⁰ О формировании Московского / Русского «вотчинного государства» подробно см.: *Пайнс Р.* Россия при старом режиме. М., 1993. См. также: *Ключевский В. О.* Курс русской истории. Ч. 3 // Сочинения в 9 т. М., 1988. Т. 3. С. 15–16; *Милоков П. Н.* Очерки по истории русской культуры. СПб., 1904. Ч. 1. С. 186–187. В последнее время для обозначения типа Московского / Русского государства XVI–XVII в. историки чаще используют понятие «патримониальное государство», введенное в научный оборот М. Вебером (См. *Вебер М.* Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии. М., 2016. Т. 1. С. 264–279. См. также: *Масловский М. В.* Веберовская концепция патримониализма и ее современные интерпретации // Социологический журнал. 1995. № 2).

представлением о том, что властитель — это добрый пастырь своего стада, он несет полную ответственность перед Богом за своих подданных, он — их защитник и покровитель⁴¹. Кроме того, он — «царь-мессия, носитель высшей правды и справедливости»⁴². Это вело к зарождению в государственной политике элементов патернализма. Правда, до XVIII в. этот патернализм («отцовская / монаршая опека») во многом задавался властью царя — вотчинника и наместника Бога на земле — над своими «сиротами» (тяглыми людьми), «холопами» (служилыми людьми) и «богомольцами» (церковными людьми) как своей собственностью. И сами «всех чинов люди» Московского государства ощущали себя таковыми. Как писал уроженец Курляндии Я. Рейтенфельс, живший в Москве в 1670–1672 гг., «все его (московского царя. — *Авт.*) подданные открыто признают, что все они целиком и все их имущество принадлежат Богу и царю»⁴³.

Этатистско-патерналистские представления, формировавшиеся в русской политической культуре, дополнялись в XVI–XVII вв. идеями богоизбранности и мессианской роли Московской Руси как оплота истинного христианства — православия (идеологемы «Москва — третий Рим / новый Иерусалим / новый Константинополь», «Русь — Новый Израиль»). Эти идеи порождали стремление не только к защите, но и к распространению пределов Русского православного мира-царства. В свою очередь обретение суверенитета в результате ликвидации зависимости от Золотой Орды и ускорившаяся территориальная экспансия привели к поиску политической самоидентификации.

⁴¹ См.: Бовыкин В. В. Местное самоуправление в Русском государстве XVI в. СПб., 2012. С. 110–111, 114.

⁴² См.: Филюшкин А. И. Изобретая первую войну России и Европы: Балтийские войны второй половины XVI в. глазами современников и потомков. СПб., 2013. С. 149. Представление о христианском правителе как защитнике и справедливым судье несомненно восходят к древнейшим, еще языческим архетипам власти (См.: Санников С. В. Семиозис власти в семантическом типе культуры: мифы, чудовища, (интер)тексты. М., 2016. С. 89–106).

⁴³ Рейтенфельс Я. Сказание о Московии // История России и дома Романовых в мемуарах современников: Утверждение династии. М., 1997. С. 312.

фикации и формы политической организации⁴⁴. Московский князь стал самодержцем и царем, позаимствовав эти титулы у правителей Византийской и Римской империй⁴⁵, а княжество — царством. Уравнение себя в статусе с императором (в европейской традиции) и ханом (в тюрко-монгольской) и даже возвышение над ними⁴⁶ по-

⁴⁴ Формированию русской политической культуры, государственной идеологии и государственности посвящена обширная литература. См., например, исследования В. И. Саввы, П. Н. Милюкова, М. А. Дьяконова, Р. Г. Скрынникова, Н. В. Сеницыной, Б. А. Успенского, И. С. Чичурова, А. Н. Сахарова, С. В. Лурье, А. П. Богданова, Н. А. Соболевой; А. И. Филюшкина, В. В. Шапошник, И. Б. Михайловой, П. Бушкович.

⁴⁵ Самодержец = «автократор», греч. αὐτοκράτωρ — тот, кто правит сам, правит самовластно, один из титулов византийских правителей; царь = цезарь, лат. *caesar* — один из официальных титулов римских правителей после Гая Юлия Цезаря.

⁴⁶ В европейской политической системе того времени (как и ранее) император являлся верховным главой (по крайней мере формально) всех иных светских правителей, т. е. царем царей. В письме 1555 г. турецкому султану Сулейману, написанном на итальянском языке, Иван IV титуловался не только «*gran duce*» («великий князь»), но и «*grande Imperatore*» («великий император») (РИБ. СПб., 1884. Т. 8. Стб. 17, 18).

В тюрко-монгольском мире функции царя царей выполняли каган / каан (хан ханов), а также улуг-хан и улуг падишах хан. Заметим, что в татарских документах и хрониках титул московского правителя «великий государь царь» переводился как «улуг падишах хан», «великий падишах» (См.: *Рахимзянов Б. Р.* Контакты Москвы с сибирскими чингисидами во второй половине XVI в.: военное противостояние, почетный плен и легитимизация права на «высокую руку» // История, экономика и культура средневековых тюрко-татарских государств Западной Сибири. Курган, 2011. С. 80; *Бустанов А. К.* Сочинение «Шаджара рисаласи» и его списки // Средневековые тюрко-татарские государства. 2012. № 4. С. 46). В одном из башкирских шерее сообщается: «Когда Татигач стал бием, в девятьсот пятьдесят девятом [году] (1552 г. по христианскому летоисчислению. — *Авт.*), в год мыши, на второй день октября русские взяли Казань. После этого Белый-бий (Иван IV. — *Авт.*) стал падишахом» (Башкирские шерее. Уфа, 1960. С. 33). В 1658 г. имеретинский царь Александр обращался к царю Алексею Ми-

требовали не только соответствующей атрибутики, церемониала и мифологем⁴⁷, но и реальных дел, доказывавших этот высокий в тог-дашней мировой политической иерархии статус, — прежде всего подчинение иных правителей (царей, князей и т. д.) и владение многими народами, землями и государствами. Как отмечают исследователи, в империи «верховная власть тем “верхновнее”, чем больше вполне правомочных владетелей второго, третьего и т. д. уровней ей, этой верховной власти, служат»⁴⁸. И не удивительно, что начиная с правления Ивана III в великокняжеский, а затем в царский титул, оглашавшийся как перед русскими подданными, так и перед иностранными правителями, включались все новые и новые земли и государства, реально или номинально подчиненные государю всея Руси.

Уже в 1492 г. Иван III в грамотах крымскому хану Менгли-Гирею и турецкому султану Баязету II утверждал, что он не только «един правой государь всея Руси», но «и иным многим землям от Севера и до Востока государь»⁴⁹. В 1517 г. правитель Московской Руси Василий III, еще будучи великим князем, доказывал польскому королю и великому князю литовскому Сигизмунду I, что владеет многими государствами и царями: «Еще было от прародителей наших и при предках наших и при отце нашем и ныне при нас, в наших государствах по тем местом живут цари и царевичи нашим жалованьем»⁵⁰. Иван IV также позиционировал себя как «всех стран и земель пол-хайловичу со следующими словами: «Ты, великий государь, над цари царь» (ПСЗРИ. СПб., 1830. Т. 1. С. 481).

⁴⁷ Самыми известными официальными мифологемами стали «доказательства» родственной связи русских великих князей / царей с римским императором Августом и получения от византийского императора Константина Мономаха символов императорской власти — креста, барм-оплечья и венца — «шапки Мономаха».

⁴⁸ [Гемуев И. Н., Курилов В. Н., Люцидарская А. А.] Власть и коренные народы Сибири (XVI–XX века) // Азиатская Россия в геополитической и цивилизационной динамике. XVI–XX века. М., 2004. С. 393.

⁴⁹ СГГД. М., 1894. Ч. 5. С. 12, 13

⁵⁰ Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским. Т. 1: 1487–1533 гг. // Сб. РИО. СПб., 1882. Т. 35. С. 530.

ночных государь и обладатель наследственных»⁵¹. Позже в полном титуле русского царя Алексея Михайловича констатировалось, что он «иных многих государств и земель восточных и западных и северных отчич, и дедич, и наследник, и государь, и обладатель»⁵². В 1676 г. в грамоте по поводу своего восшествия на престол Федор Алексеевич сообщал, что воцарился он не в одном государстве, а в нескольких: «Учинилися Мы, великий государь, на Московском и на Киевском и на Владимирском государствах, и на всех великих и преславных государствах Российского царствия великим государем, царем и великим князем, вся великия и малыя и белыя России самодержцем»⁵³. В полном титуле Федора Алексеевича также упоминались «многие государства и земли»⁵⁴. В акте о восшествии на престол Петра и Иоанна Алексеевичей утверждалось, что они «учинилися» «на прародительском Российского Царствия и иных, к Российскому Царствию принадлежащих, Царств и Государств престоле»⁵⁵. Оба царя также обладали полным титулом с упоминанием «многих государств и земель»⁵⁶ и вступили они на «прародительский» престол «и на все великия и преславныя Государства <...> и на все <...> новоприбылыя Государства, иже в державе и во области Великороссийского Царствия»⁵⁷. «Обладателем» «многих государств и земель» титуловался и единолично Петр Алексеевич⁵⁸.

Заметим, что в ходе присоединения Сибири русские администраторы, дипломаты и землепроходцы, следуя правительственным установкам, транслировали идею «имперского всевластия» русского царя азиатским народам и их правителям. Так, к примеру, атаман

⁵¹ См., например: РИБ. Т. 8. Стб. 18.

⁵² См., например: ПСЗРИ. СПб., 1830. Т. 1. С. 383, 404, 410, 454, 455, 461, 533 и др.

⁵³ ПСЗРИ. СПб., 1830. Т. 2. С. 1. См. также: Там же. С. 42–43.

⁵⁴ Там же. С. 168, 236, 389, 396.

⁵⁵ Там же. С. 400.

⁵⁶ Там же. С. 405, 413, 430, 494 и др.; ПСЗРИ. СПб., 1830. Т. 3. С. 31 и др.

⁵⁷ Там же. Т. 2. С. 425.

⁵⁸ Там же. Т. 3. С. 451, 527.

В. Тюменец и десятник И. Текутьев во время аудиенции у монгольского алтын-хана Шолой Убаши «великого государя царя и великого князя Михаила Феодоровича всеа Руси титулу перед Золотым царем вычли, и царское величество возвышали, и про иные де цари и царевичи и про короли, про королевичи, которые государю царю и великому князю Михаилу Феодоровичу всеа Руси служат, сказывали противу титулы»⁵⁹. К. Москвитин говорил монгольскому Цецен-хану, «что государь наш царь и великий князь Алексей Михайлович всеа Руси надо всеми неверными и непокорными цари грозен и силен»⁶⁰. Я. Хабаров убеждал «даурских людей» в том, что «государь царь и великий князь Алексей Михайлович всеа Руси страшен и грозен и всем царствам обладатель, и никакие орды не могут стоять против нашего государя царя и великого князя Алексея Михайловича всеа Руси»⁶¹. В грамоте якутского воеводы даурскому «князю» Лавкаю сообщалось: «А государь наш царь и великий князь Алексей Михайловичь всеа Руси силен и велик и страшен, многим царям и государям и великим князьям повелитель и государь, и служат ему, государю нашему царю и великому князю Алексею Михайловичу всеа Руси самодержцу, цари и великие князи со всеми своими государствы»⁶².

Представление о русском царе как (по крайней мере в идеале) верховном земном правителе являлось стержнем политического мировоззрения не только московской светской и церковной элиты, но и всех русских православных людей. Об этом, в частности, убедительно свидетельствует речь, произнесенная в 1638 г. томским сыном боярским В. Старковым перед алтын-ханом Омбо Эрдени: «А на земли хто есть иной царь, кроме великого государя царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси? Бог на небе, а он, государь царь

⁵⁹ РКО в XVII в. М., 1969. Т. 1. С. 47.

⁶⁰ СДИБ. Улан-Удэ, 1960. Вып. 1. С. 116.

⁶¹ ДАИ. СПб., 1848. Т. 3. С. 360.

⁶² Исторические акты о подвигах Ерофея Хабарова на Амуре в 1649–1651 гг. // Сын Отечества. СПб., 1840. Т. 1. С. 102–103. См. также: ДАИ. Т. 3. С. 259; РКО в XVII в. Т. 1. С. 126, 128, 129, 133.

и великий князь Михайло Федорович, всеа Русии самодержец, один на земли богом венчаный и богом дарованный царь и государь надо всеми цари и короли, и нет иного царя»⁶³.

Обе конструкции — религиозная и политическая — слились в одну — Русское православное царство, которое должно иметь необходимые размеры и народонаселение. С середины XVI в. Московское государство стала приобретать основные признаки так называемой континентальной империи⁶⁴: централизация власти с единоличным правителем-монархом во главе; ориентированность на расширение своей территории и увеличение числа разноэтничных подданных, которых власть пыталась интегрировать в гомогенное целое на основе полной и безусловной лояльности к себе; сосредоточение политической и экономической власти в одном центре, который извлекал необходимые ему ресурсы с подвластных территорий; стремление к унификации административно-территориального устройства и распространению единого законодательства на всю территорию империи, но при этом вынужденное сохранение разноформатных «окраинных» и «национальных» автономий.

К началу «сибирского взятия» русская власть и русские (восточные славяне) имели уже многовековой опыт взаимодействия с иноэтничным и инокультурным окружением с разными социальными и политическими структурами и видами хозяйственной деятельности. В ходе этого взаимодействия русские выступали в роли как господствовавшей, так и, в золотоордынский период, подчиненной стороны. Древняя Русь, средневековые русские княжества и Новгородская республика, Московская Русь, будучи по основному этнокультурному компоненту русскими (восточно-славянскими) и христианско-право-

⁶³ РМО. 1636–1654. М., 1974. С. 109. См. также речь томского сына боярского С. Греченина сыну Омбо-Эрдени алтын-хану Лубсан Сайн Эринчину в 1660 г. (РМО. 1654–1685. М., 1996. С. 65).

⁶⁴ Эта точка зрения в настоящее время является почти общепризнанной (См.: Азнабаев Б., Анисимов М., Артамонов В. и др. Империиография Бориса Нольде // Нольде Б.Э. История формирования Российской империи. СПб., 2013. С. 40).

славными, являлись все же полиэтничными и мультирелигиозными образованиями, которые включали в свой состав на разных этапах финно-угров, балтов, скандинавов, тюрков, а также выходцев из разных стран Европы и Азии. Возникновение собственно русского (великорусского) этноса произошло в процессе взаимной аккультурации восточных славян и финно-угров. С присоединением Поволжья подданными Московского государства стали значительные по численности тюркоязычные народы, исповедовавшие ислам.

Ко второй половине XVI в. московские политики, опираясь как на свой опыт, накопленный в процессе «собираания» русских и нерусских земель, так и на аналогичный опыт древнерусских князей и Великого Новгорода, заимствуя также элементы золотоордынской технологии властвования над покоренными народами (испробованные, образно говоря, на «собственной шкуре») и в целом — основные принципы политических отношений между тюркскими ханствами и ордами, разработали и опробовали на практике сочетание разных методов подчинения и политико-правового освоения «иных» земель и народов, находящихся к востоку от собственно русских территорий⁶⁵.

⁶⁵ Технология подчинения Русским государством нерусских народов наиболее качественно описана в следующих исследованиях: *Кантелер А.* Россия — многонациональная империя. Возникновение. История. Распад. М., 2000. С. 17–31, 45–48; *Трепавлов В. В.* Многонациональная цивилизация России: поиски закономерностей // *Российская многонациональная цивилизация: единство и противоречия.* М.: Наука, 2003; *Он же.* «Белый царь»: образ монарха и представления о подданстве у народов России XVI–XVIII вв. М., 2007. С. 77–100, 136–197; *Он же.* «Национальная политика» в многонациональной России XVI–XIX веков // *Историческая психология и социология истории.* 2009. Т. 2. № 1. См. также интересное исследование о формировании Московским государством технологии подчинения тюркских ханств (*Рахимзянов Б. Р.* Москва и татарский мир: сотрудничество и противостояние в эпоху перемен. XV–XVI вв.). О разнообразии методов, применявшихся московскими князьями при подчинении русских земель, см.: *Черепнин Л. В.* Образование Русского централизованного государства в XIV–XV веках. М., 1960. С. 813–873, 886–895.

Московское княжество / царство распространяло свою власть на новые территории постепенно и поэтапно. Оно начинало с установления протектората и заканчивало полной аннексией (яркие примеры — подчинение Москвой Казанского и Астраханского ханств). Этот процесс за редким исключением (как, например, покупка или приобретение по наследству ряда княжеств) сопровождался применением Москвой вооруженной силы, т. е. она, особенно на этапе полной аннексии, производила военный захват территорий. При этом расширение пределов Московского государства определялось реальным соотношением сил с ближайшими соседями.

Включение новых территорий в московские владения (от протектората до аннексии) оформлялось письменными или устными присягами-клятвами местных правителей и элит в верности московскому государю: христиане присягали на кресте (крестоцелование), мусульмане — на Коране, язычники («языки поганские») — по своей «вере». Приносивший присягу, как правило, одаривался подарками, размер которых зависел от его ценности в глазах московского правительства. Присяги-клятвы мусульман и язычников во второй половине XV — XVI в. стали называться шертями, а их письменное оформление — шертными / шертовальными грамотами / записями. Эти клятвы-шерти, как писал В. В. Трепавлов, скрепляя соглашения «между московским государем и правителями некоторых владений к востоку от российских рубежей», первоначально обозначали установление российского протектората. При этом, однако, «со стороны восточных партнеров в шертях фиксировались текущая расстановка политических сил и насущные политические цели. Подобные соглашения (со стороны этих партнеров. — *Авт.*) никогда не мыслились как долговременные и обязательные, в отличие от европейских межгосударственных договоров». Но со временем, по мере реального подчинения восточных территорий Московскому государству, шерти стали фиксировать безусловное подданство, когда они понималась уже как присяги на безоговорочную верность русскому монарху. Шертные отношения, таким образом, являлись одним

из способов включения восточных территорий и народов в состав владений «белого царя», они «придавали легитимность российскому господству на новых территориях»⁶⁶.

В ходе расширения подвластных территорий московское правительство применяло политику «кнута и пряника» и действовало по принципу «разделяй и властвуй», т. е. использовало в своих интересах противоречия между соседними государствами и этнополитическими объединениями, привлекало на свою сторону путем подкупа и обещаний «милости» представителей военно-политических элит и, наоборот, лишало властного статуса и даже уничтожало явных противников. Активно практиковалась также кооптация лояльных элит в состав служилых людей Московского государства. В этой практике у русских правителей со времен Древней Руси был накоплен большой опыт, в том числе разные варианты приема на службу «иноземцев» и «иноверцов» как с Запада, так и с Востока: при условии крещения в православие и без него, с наделением землей и без этого, с выдачей периодического или постоянного жалованья и подарков. Особо отметим, что ко второй половине XVI в. в составе русских войск существовал значительный по численности контингент служилых касимовских татар-мусульман.

По мере утверждения московской власти над присоединяемыми территориями их население облагалось данью — сборами в государеву казну. Дань, взимавшаяся с приуральских и поволжских язычников и мусульман, официально называлась ясаком — словом, взятым из лексикона монголов⁶⁷. Те, кто был обязан платить

⁶⁶ *Трепавлов В. В.* «Белый царь»... С. 136–139.

⁶⁷ Ясак — слово монгольского происхождения, от яса — закон, устав, запрет, поведение. Ясаком монголы, затем татары называли принудительную дань определенного размера. При этом у татар для обозначения дани использовалось и собственно тюркское слово «сальк» (См.: *Бахрушин С. В.* Ясак в Сибири // Науч. тр. М., 1955. Т. 3. Ч. 2. С. 49; *Григорьев А. П.* Сборник ханских ярлыков русским митрополитам: Историко-лингвистический анализ золотоордынских документов. СПб., 2004. С. 26).

ясак, становились ясачными людьми московского государя⁶⁸. Ясак взимался в основном ценными мехами, а там, где пушной зверь не водился, — хлебом, скотом, деньгами. При этом было запрещено обращать нерусское население в крепостных или в холопов, государство предпочло эксплуатировать их напрямую. Известна была и практика двоеданничества, когда дань с определенного населения взималась сразу двумя «хозяевами». Такая ситуация с XIII в. и до второй четверти XVII в. существовала на Кольском полуострове, обитатели которого лопари (саамы) давали дань и датчанам, и русским — сначала новгородцам, затем москвичам⁶⁹.

В целях обеспечения верности новоиспеченных подданных и исправной уплаты ими дани-ясака русская власть прибегала к практике заложничества. Заложниками, как правило, становились представители властной элиты либо их ближайшие родственники.

При подчинении новых территорий (на этапе аннексии) были опробованы два варианта их административного и социального форматирования: мягкий и жесткий. При мягком варианте московская власть какое-то время не меняла существовавшую у подчиняемых народов социально-политическую структуру, надстраивая над ней собственные административные органы, но предоставляя местной элите автономию в сфере внутреннего управления. Такая политика, например, велась в отношении черемисов, чувашей, мордвы, вотяков. При жестком варианте, который осуществился на территории бывших Казанского и Астраханского ханств, элита полностью отстранялась от управления, которое переходило в руки русских администраторов, ограниченная автономия сохранялась лишь на самом низу — на уровне общин ясачных людей. Но при обоих

⁶⁸ Ясачные люди на Руси были известны со второй половины XV в. как категория населения Касимовского ханства, входившего в состав Московского княжества.

⁶⁹ См.: Фёдоров П. В. «Лапландский спор» // Вопросы истории. 2006. № 9; Он же. Северное направление российской стратегии в современной отечественной историографии // Российская история. 2009. № 3. С. 45.

вариантах на аннексированной территории возводились опорные пункты московской власти — города и остроги с военными гарнизонами.

Существовали своеобразный вариант автономии — Касимовское ханство (Мещерский юрт), которое возникло в середине XV в. в результате пожалования московским князем Василием II сыну первого казанского хана Улу-Мухаммеда «царевичу» Касыму, перешедшему на русскую службу, в кормление Городец-Мещерского с округой. В Касимовском ханстве, верховным сувереном и собственником которого являлся московский князь (затем царь), долгое время сохранялись элементы управления, характерные для татарских государственных образований, возникших в результате распада Золотой Орды. Взамен «кормления», т. е. права взимания с местного населения дани-ясака в свою пользу, касимовские татары несли военную службу московскому государю. Последний определял правителя ханства из числа чингисидов и назначал своего представителя для контроля за его деятельностью. Схожая система управления, но с меньшей автономией татарских правителей и с большей подконтрольностью русской власти, присутствовала еще в ряде татарских анклавов, существовавших на территории Московского государства во второй половине XV–XVI в. в городах (с их округами) Звенигороде, Новгороде-на-Оке, Кашире, Юрьеве-Польском, Серпухове, Сурожике и др.

Аннексия (или ее попытки) аргументировались идеологически — богоугодностью борьбы («Священной войны») за истинную веру с иноверцами, за расширение православного мира, политически — обвинениями «иных» правителей в измене, нарушении ранее данных клятв и сотрудничестве с внешними врагами Московского государства, и исторически — апелляцией к тому, что все бывшие когда-либо владения Рюриковичей являются наследием-отчиной московских князей. Первым эти аргументы стал использовать Иван III, а отточенные формулировки они приобрели под пером царя-интеллектуала Ивана IV, который в исконные владения своих предков включил

даже Ливонские, Казанские и Астраханские земли⁷⁰. Как заметил А.И. Филюшкин, «подчинение Москвой любых соседних земель воспринималось как восстановление утраченного государственного тела ... все захваты якобы чужих территорий являются (в представлениях идеологов XVI в. — *Авт.*) восстановлением России в ее Богом данных границах. Причем это распространялось не только на бывшие княжества Древней Руси, но и на соседние нерусские земли. Все пространство от Поволжья до Приазовья, от Прибалтики до Северного Причерноморья, с точки зрения летописца XVI в., — “все то Руская земля” ... Доминировала идея, что Москва не присоединяет новые земли, а возвращает свои исконные»⁷¹.

Процесс политического подчинения новых территорий сопровождался их колонизацией русскими людьми, которая подчас (на се-

⁷⁰ Права на Ливонию доказывались тем, что она являлась «исконно русской землей» (*Филюшкин А.И.* Изобретая первую войну России и Европы... С. 25, 28, 29, 37, 39, 62, 110–114, 156–159, 170). Завоевание Казанского ханства аргументировалось указаниями на то, что казанские ханы с конца XV в. и до середины XVI в. неоднократно давали шертные грамоты московским князьям, в том числе в результате силового подчинения. В 1554 г. Иван IV в одном из своих посланий просвещал адресата — татарского мурзу Исмаила: «А о Казанской земле тебе и самому гораздо ведомо, что юрт исыстари наш. А взял ево дед наш своею саблею» (*Котляров Д.А.* Московская Русь и народы Поволжья в XV–XVI вв.: У истоков национальной политики России. Ижевск, 2005. С. 146). Более того, права Москвы на территорию Казанского ханства обосновывались и тем, что Казань якобы была преемником Волжской Булгарии, а последнюю еще в древности покорили предки московских князей — князья киевские и владимирские (*Гальперин Ч.* Вымышленное родство. Московия не была наследницей Золотой Орды // *Родина*, 2003. №12. С. 70; От Орды к России // *Ab Imperio*. 2002. №1. С. 226). Точно также, как возвращение древнего наследия предков, трактовалось и «взятие» Астраханского ханства, которое отождествляли с бывшим владением Рюриковичей — Тмутараканью (Россия и степной мир Евразии: Очерки. СПб., 2006. С. 240; *Трепавлов В.В.* Присоединение народов Поволжья и Южного Урала // *Российская империя: от истоков до начала XIX века*. М., 2011. С. 103).

⁷¹ *Филюшкин А.И.* Изобретая первую войну России и Европы... С. 111.

верных и северо-восточных окраинах Руси) даже опережала установление реальной власти Москвы. Ко второй половине XVI в. было опробовано три типа колонизации⁷²:

– государственная, проходившая при прямом участии властей, которые наделяли землей на новых территориях служилых и тяглых людей, а также монастыри; она сопровождалась строительством городов-крепостей;

– корпоративная, под которой подразумевается монастырская колонизация;

– частная, осуществляемая землевладельцами (вотчинниками, помещиками), земледельцами (крестьянами), купцами и промышленными людьми.

Первый вариант в основном имел место в западной части Новгородской земли и в Поволжье непосредственно после их подчинения.

Здесь государство в массовом порядке раздавало поместья и вотчины служилым людям, которые населяли их своими крестьянами, переведенными из центральных районов (так называемая военно-служилая колонизация). Колонизация второго и третьего типа распространялась преимущественно в северном и северо-восточном направлениях — в Поморье и Приуралье — и имела своей целью не столько земледельческое, сколько промысловое освоение края — соляной, морской, рыбный и пушной промыслы.

Все три типа колонизации проявлялись не только в чистом виде, но и часто пересекались и взаимодополнялись. Корпоративная и частная колонизация в конечном счете служила государственным интересам. Особенно наглядно это проявилось в деятельности купцов, солепромышленников и землевладельцев Строгановых. В 1558 г. Иван IV пожаловал Г.А. Строганову и его наследникам огромные владения в Приуралье по рекам Каме и Чусовой, передав им заодно фактически

⁷² О характере, типах и методах русской колонизации см.: *Любавский М. К.* Обзор истории русской колонизации с древнейших времен и до XX века. М., 1996. С. 119–284; *Никитин Н. И.* Русская колонизация с древнейших времен до начала XX века (исторический обзор). М., 2010. С. 14–44.

и ряд важных государственных функций по подчинению и обеспечению покорности местных народов, обороне рубежей и даже расширению российских пределов. В этих целях им разрешалось возводить укрепленные городки и иметь собственные военные отряды⁷³. Царская грамота 1574 г., данная Строгановым, позволяла им начать строительство крепостей «на Тахчее и на Тоболе реке», «на Иртыше и на Обе и на иных реках», т. е. на территории другого государства — Сибирского юрта, правитель которого — хан Кучум — к этому времени отказался от московского протектората. В грамоте также содержалось предписание начать фактическое покорение «Сибирской украины»: «А на сибирского [хана] Якову и Григору (Строгановым. — *Авт.*), збирая охочих людей и остяков, и вогулич, и югрич, и самоедь, с своими наемными казаки и с нарядом своим посылать воевать и в полон сибирцев имати и в дань за нас приводити»⁷⁴. И именно Строгановы в дальнейшем сыграли большую роль в подготовке похода Ермака, положившего начало присоединению Сибири к России.

Русская колонизация приводила к серьезному изменению этнокультурной ситуации на присоединенных территориях: появление русского населения, численность которого быстро увеличивалась, вело к ассимиляции (обрусению) покоренных народов или к аккультурации — восприятию ими элементов русской культуры, в том числе языка и религии. Немалую роль в этом играла миссионерская деятельность православной церкви. В Поморье и Северном Приуралье она даже опережала властные устремления московских князей, и путем христианизации язычников подготавливала хорошую почву для их последующего подчинения. Но если на языческом севере наступательная политика церкви находила полную поддержку светской власти, то в Поволжье ситуация была иной. Первоначальный порыв обратить в «истинную» веру всех «безбожных агарян» и искоренить ислам (в Казани были даже разрушены мечети, а на их месте построены православные церкви) быстро, ввиду попыток значительной части населения упраздненного Казанского ханства освободить-

⁷³ См.: Миллер Г. Ф. История Сибири. М., 1999. Т. 1. С. 325–327.

⁷⁴ Там же. С. 332–334.

ся от русской власти, сменился ограничением миссионерских усилий церкви: крестить разрешалось лишь добровольцев⁷⁵.

Таким образом, в московской политике устойчиво стали сочетаться внешне противоречивые факторы: стремление к расширению пределов православного царства и вынужденная терпимость к иным религиям новых подданных. Впрочем, это сочетание, отвечавшее прагматическим интересам власти, в ограниченных масштабах (в отношении служилых «иноземцев») было известно и ранее. В середине же XVI в. к московскому правительству пришло понимание того, что резкая смена религиозной ситуации в новых владениях может обернуться массовым сопротивлением⁷⁶. Начавшееся строительство полиэтничной империи требовало, даже путем насаждения сверху, межкультурной толерантности. К тому же, если ранее для обеспечения единства подданных было достаточно апелляции к православию как инструменту сплочения единоверцев в борьбе с католиками и протестантами Польши, Литвы и Ливонского ордена и мусульманами Золотой Орды, то теперь требовался иной инструментарий конструирования гомогенного общества, представлявшего собой этнокультурную мозаику. И главным, фактически опорным элементом создаваемой конструкции стала фигура монарха, что признают по сути все исследователи российской политической системы XVI — начала XX в.

Государственная стратегия и землепроходческая практика подчинения сибирских народов

Этатистско-патерналистские представления, формировавшиеся в Московском государстве, основные принципы его функциони-

⁷⁵ Канпелер А. Россия — многонациональная империя... С. 26–27.

⁷⁶ Заметим, что прагматичная толерантность русских властей ярко проявилась не только в мусульманском Поволжье, но и в Прибалтике во время Ливонской войны в отношении иных христианских конфессий — католичества и протестанства (См.: *Филлюшкин А. И.* Изобретая первую войну России и Европы... С. 146).

рования как «вотчинного», ориентация верховной власти на строительство «православного царства», а по сути империи (имевшей, несомненно, российскую специфику), задавали в конце XVI — XVII в. основные параметры государственной политики в отношении сибирских народов. Эта политика, правда, не получила в то время сколько-нибудь явно выраженного обоснования. Никакой идеологической программы «сибирского взятия», по крайней мере сколько-нибудь четко сформулированной и внятно вербализованной, правительство не разработало⁷⁷. Иначе говоря, власть, по крайней мере публично, не давала никакого объяснения, зачем и во имя каких целей осуществляется присоединение Сибири и ее народов. Апелляция к наследственным правам Рюриковичей в сибирском варианте не годилась. Православная церковь, в известной мере по аналогии со «взятием Казани», предложила свою трактовку «сибирского взятия» как выполнения миссианской роли — распространение православия и борьбы с «нечестивыми» и «погаными», что нашло наиболее яркое отражение в сибирских летописях XVII в.: «...начашася в Сибирстей земли города и острожки ставити и великия места распространятися, и святыя Божия церкви воздвизатися, и православная христианская вера вкоренятися»⁷⁸; «...аще древле Сибирская земля идоложертвием помрачися, ныне же благочестием сияя»⁷⁹, «...и повсюду благодать излися божия»⁸⁰. Однако эта трактовка официально не была

⁷⁷ См.: *Dmytryshyn B. Administrative Apparatus of the Russian Colony in Siberia and Northern Asia, 1581–1700 // The History of Siberia: From Russian Conquest to Revolution. L., 1991. P. 7, 19; Дёмин М. А. Коренные народы Сибири в ранней русской историографии. СПб.; Барнаул, 1995. С. 92; Шерстова Л. И. Тюрки и русские в южной Сибири... С. 64; Коваляшкина Е. П. «Инородческий вопрос» в Сибири: Концепции государственной политики и областническая мысль. Томск, 2005. С. 46.*

⁷⁸ Летописи сибирские. Новосибирск, 1991. С. 172.

⁷⁹ ПСРЛ. М., 1987. Т. 36. Ч. 1. С. 51.

⁸⁰ Там же. С. 69. См. также: Там же. С. 42, 48, 50, 71, 73, 82, 109, 116, 127, 137, 261; Летописи сибирские. С. 108; *Ромодановская Е. К. Сибирь и литература. XVII век. Новосибирск, 2002. С. 163–164.*

взята на вооружение государством, хотя полностью и не исключалась. Присоединение Сибири и властью, и отечественными интеллектуалами, и непосредственными исполнителями правительственных предписаний — администраторами и казаками-землепроходцами воспринималось как расширение пределов Русского православного царства, что, в свою очередь, подчеркивало богоизбранность этого царства, его силу и могущество. Взаимосвязь между распространением православия и власти московского государя один из сибирских воевод А. Пашков в 1655 г. описал следующими словами:

«...чтоб, государь, <...> в тех твоих государевых новоприводных великих землях построились церкви божи и учинилось благочестие и истинная православная христианская вера во веки была неподвижна, а к тому б, государь, иноверных земель люди за помощью божиею обратились от тмы к свету и познали б истинного господя бога и спаса нашего Иисуса Христа и приняли святое крещение и истинную православную христианскую веру и были б под твоею государевою царскою высокою рукою в вечном холопстве неотступно»⁸¹.

Ориентация на расширение-экспансию — одна из основных установок, определявших действия Московского государства, в том числе конкретных исполнителей предписаний, исходивших из Москвы. Эта экспансия детерминировалась совокупностью разнообразных взаимосвязанных и взаимообусловленных факторов⁸², в том числе религиозно-идеологическими установками, сформулированными православной церковью⁸³, имперскими амбициями русских царей, стремившихся

⁸¹ СДИБ. С. 207. См. также: РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 508. Л. 346.

⁸² См. об этом, например: *LeDonne J.P. The Geopolitical Context of Russian Foreign Policy: 1700–1917* // *Acta Slavica Iaponica*. 1994. Т. 12. Р. 1–7; *Пибер А. Дж. Устойчивые факторы российской внешней политики: попытка интерпретации* // *Американская русистика: Вехи историографии последних лет. Советский период*. Антология. Самара, 2001.

⁸³ В историографии, прежде всего российской, присутствует устойчивое мнение, что религиозные идеологемы («Москва — Третий Рим», «Русь —

новый Израиль» и др.) не оказывали сколько-нибудь заметного влияния на внешнеполитические акции московских правителей, что они, как замечал Н. И. Никитин, не приобрели «характер государственной доктрины, официальной идеологии, которая содержала бы четко сформулированные притязания на мировое господство, на завоевание и подчинение всех (или “только” сопредельных) стран и народов» (Никитин Н. И. Расширение территории как геополитический фактор российской государственности: концептуальные вопросы // Российская империя: от истоков до начала XIX века. Очерки социально-политической и экономической истории. М., 2011. С. 36). Соглашаясь с тем, что названные идеологемы и прочие элементы мессианской идеологии носили преимущественно клерикальный характер, что московскими «политехнологами» не была разработана отрефлексирующая и сколько-нибудь четко сформулированная доктрина имперской экспансии, мы все же считаем, что эти идеологемы имплицитно присутствовали в русской политической культуре. Более того, установки на экспансию провозглашались и публично, хотя опять же в религиозно-мессианском формате.

Уже в конце XV — начале XVI в. в одном из сказаний «О взятии Царьграда» турками утверждалось: «Наша же Русийская земля, Божиею милостию и молитвами пречистыя Богородицы и всех святых чюдотворец, растет и мледеет и возвышается. Ей же, Христе милостивый, даждь расти и мледе-ти и *разширяться и до скончания века*» (здесь и далее курсив наш. — Авт.) (Дьяконов М. А. Власть московских государей: Очерки из истории политических идей Древней Руси до конца XVI века. М., 2013. С. 61). В чине «поставления» на великое княжение Дмитрия Ивановича (1498 г.) говорилось: «...покори ему (Дмитрию. — Авт.) вся языки варварския» (Летопись занятий археографической комиссии. СПб., 1865. Вып. 3. Приложения. С. 8–9; Древне-русские памятники священного венчания царей на царство // ЧО-ИДР, 1883. Кн. 1. С. 34). Та же самая идея звучала и в чине венчания Ивана IV (1547 г.) (ДАИ. СПб., 1846. Т. 1. С. 45; Древне-русские памятники священного венчания царей на царство. С. 51, 76). По поводу воцарения Ивана IV И. Б. Михайлова замечала, что «молодой государь и его советники рассматривали венчание на царство как важный шаг в осуществлении задуманной ими внешнеполитической программы ... они создавали православную державу, которая год от года неуклонно и стремительно расширялась и крепла» (Михайлова И. Б. И здесь сошлись все царства...: Очерки по истории государева двора в России XVI в.: повседневная и праздничная культура, семантика этикета и обрядности. СПб., 2010. С. 47).

В послании, авторство которого приписывают либо священнику Сильвестру, либо митрополиту Макарию, адресованному в 1550-х гг. Ивану IV, озвучивалась следующая мысль: «Яко да покорени будут врази твои под ногами твоими, и поклонят ти ся цари и князи, и послужат ти языцы <...> *Обладаешь от моря и до моря, и от рек до конец вселенныя — твоя, и поклонятца тебе все царие земстии и вси языцы поработают тебе*» (Голохвастов Д. П., архемандрит Леонид. Благовещенский иерей Сильвестр и его писания // ЧОИДР. М., 1874. Кн. 1. С. 69). В «Грамоте утвержденной о единогласном избрании на российский престол царем и самодержцем Михаила Федоровича Романова-Юрьевых» (1613 г.) звучала надежда, чтобы «его б Царское пресветлое имя предо всеми великими Государи славно было к очищению, и к *разширению и к прибавлению* великих его государств, якоже весть святая Его воля» (СГГД. М., 1813. Ч. 1. С. 632). В чине «поставления» на царство Федора Алексеевича (1676 г.) также озвучивались экспансионистские устремления: «И да умножит Господь Бог лет царствию Вашему <...> и да покорит вся языки хотящая бранем, яко да Вами, Пресветлым Государем, благочестивое Ваше Царство и паки воспрославит и *распространит* Бог *от моря и до моря, и от рек до конец вселенной* Царю и Самодержцу Христианскому» (ПСЗРИ. Т. 2. С. 54), «быти Тебе Государю *на вселенной* Царю и Самодержцу Христианскому» (Там же. С. 65). Аналогичные пожелания «быти <...> *на вселенной* Царями и Самодержцы Христианскими» с одновременным расширением владений звучат и в чине венчания Петра и Иоанна (Там же. С. 425, 437).

Конечно, как замечает А. И. Филюшкин, «религиозные идеологемы были востребованы и играли значительную роль в мотивации внешнеполитических акций, адресованной прежде всего внутрь страны, своим собственным подданным» (Филюшкин А. И. Изобретая первую войну России и Европы... С. 139), а религиозный фактор «был востребован прежде всего в символической мировоззренческой сфере, для объяснения самим себе и окружающим (причем не важно, слышат они или нет) места России и ее соседей в мире, их отношений с Богом» (Там же. С. 149). Но это как раз свидетельствует в пользу того, что религиозно-идеологические постулаты, мессианские идеи, идеи территориального расширения православия (являвшегося богоугодным деянием), внедряемые в сознание русских правителей и их подданных, оказывали серьезное влияние на формирование экспансионистского мировоззрения, которое, в свою очередь, предопределяло принятие решений, мотивировало поступки и действия. И вполне можно согласиться с С. В. Лурье,

иметь под своей властью как можно больше правителей и земель⁸⁴, потребностями обороны / наступления⁸⁵, а также стремлением Русского

которая утверждала, что московские цари, считая себя преемниками византийской государственности, стремились расширить пределы православного царства, включая в него все новые и новые страны (*Лурье С. В.* Россия: община и государственность // *Цивилизации и культуры.* Вып. 2: Россия и Восток. М., 1995. С. 147). Б. А. Успенский, правда, уточнял, что «возвращение к идее вселенской православной империи» произошло только при царе Алексее Михайловиче, «который стремится в принципе к возрождению Византийской империи с центром в Москве как вселенской монархии, объединяющей в единую державу всех православных» (*Успенский Б. А.* Царь и Бог (Семиотические аспекты сакрализации монарха в России) (в соавт. с В. М. Живовым) // *Успенский Б. А.* Избр. тр. М., 1996. Т. 1. С. 222–223).

⁸⁴ Об этом речь шла в предыдущем разделе данной главы.

⁸⁵ В историографии оформилось две точки зрения по поводу роли «обороны» и «наступления» в российской экспансии. Одни историки постоянное стремление России к расширению территории, вслед за В. О. Ключевским (*Ключевский В. О.* Курс русской истории. Ч. 2 // *Сочинения в 9 т.* М., 1987. Т. 2. С. 372; *Он же.* Курс русской истории. Ч. 3. С. 87) интерпретируют как следствие активной наступательной обороны, диктуемой потребностями безопасности государства (См.: *Никитин Н. И.* Расширение территории как геополитический фактор российской государственности... С. 32, 37–46), как «оборонительный империализм» (*Геллер М.* История Российской империи. М., 2001. Т. 1. С. 99, 138, 168, 197, 233, 251), как «результат стремления обеспечить большую безопасность своих рубежей» (*Gibson J. R.* Tsarist Russia in Colonial America // *The History of Siberia. From Russian Conquest to Revolution.* L., 1991. P. 92). Следует отметить, что подобная трактовка экспансии как следствия обороны сформировалась в русской политической культуре еще в XVI в. (См.: *Филюшкин А. И.* Изобретая первую войну России и Европы... С. 113, 114).

Другие историки считают экспансию неотъемлемым элементом политики любой империи, в том числе и Российской, и эта экспансия являлась наступлением, не связанным или слабо связанным с потребностями обороны (См., например: *Пайнс Р.* Россия при старом режиме. С. 159). Исследователи, занимающиеся империологией, утверждают, что «территориальная экспансия является обязательным условием генезиса империи» (*Каспэ С. И.* Империи: генезис, структура, функции // *Полис. Политические исследова-*

государства и русского народа к колонизации новых территорий⁸⁶. Московское / Русское царство формировалось и развивалось как империя, а империям, как демонстрирует мировая история, имманентно присуще стремление к расширению собственного пространства.

Все правительственные указы и грамоты, направляемые сибирским воеводам в конце XVI — начале XVIII в., требовали непрерывного движения вперед, постоянного поиска и подчинения новых земель и народов: «Новых землиц неясачных людей призывати и под государеву царскую руку приводити, и ясак с них збирати с великим радением»⁸⁷. Таким образом, речь шла не только о расшире-

ния, 1997. № 5. С. 40–41). А. Краузе, перефразируя известное высказывание В. О. Ключевского, заметил: «...история России есть история завоевания» (*Krausse A. Russia in Asia. A record and a study. 1558–1899. L.; N.Y., 1900. P. 1*). Но такую формулировку можно применить к истории любой империи.

Краткий обзор указанных точек зрения см.: *Никитин Н. И.* Расширение территории как геополитический фактор российской государственности... С. 37–46.

Заметим, что ход и обстоятельства продвижения русских в Сибири делают «наступательную» интерпретацию более убедительной, поскольку связь с потребностями обороны, и то косвенную, можно проследить только на южносибирских степных рубежах, где русские столкнулись со встречным движением кочевников.

⁸⁶ Русская колонизация не являлась чем-то особенным и уникальным в мировой истории. Колонизация — это естественный процесс расселения человека по планете Земля и освоения им новых экологических ниш, процесс, который начинается и продолжается в силу постоянной потребности к движению как каждого конкретного человека, так и разноформатных человеческих коллективов (См. подробнее: *Головнёв А. В.* Феномен колонизации. Екатеринбург, 2015. С. 13–21).

⁸⁷ См., например, указы сибирским воеводам: АИ. СПб., 1841. Т. 3. С. 217–223; 1842. Т. 4. С. 443–454; Т. 5. С. 429–443; ДАИ. СПб., 1846. Т. 2. 264–275; Т. 3. С. 297–317; 1851. Т. 4. С. 100–120, 153–169; РИБ. СПб., 1894. Т. 15. V. С. 1–35; ПСЗРИ. Т. 3. С. 235–254, 551–595; Т. 4. С. 108–110; КПМГЯ. Л., 1936. С. 72–86; *Миллер Г. Ф.* История Сибири. Т. 1. С. 339–353, 355–358, 387–396; 2000. Т. 2. С. 203–208, 405–409; *Иванов В. Н.* Вхождение Северо-Востока Азии в состав Русского государства. С. 171–196; и др.

нии территории, но и об увеличении числа подданных. Как заметил М. А. Красовский, «обыкновенно раз взятый с какого-нибудь рода ясак влек за собою уже постоянную обязанность подданства»⁸⁸.

Воеводы в свою очередь либо сами направляли поисковые отряды, либо давали соответствующие установки приказчикам острогов и зимовий, которые нередко действовали весьма инициативно и активно, рассылая служилых людей по всем направлениям. Да и командиры землепроходческих отрядов стремились исследовать как можно большую территорию и объяснить как можно больше иноземцев. Все это задавало активный ритм, нарастающую скорость и целеустремленность движению русских землепроходцев «встречь солнцу».

Быстро разгромив единственное на территории собственно Сибири государственное образование — Сибирское ханство, русские стремительно двинулись на восток и северо-восток. В этом движении им не пришлось вступать во взаимодействие с какими-либо другими государствами. Но, даже столкнувшись на южном и юго-восточном направлениях с сильными противниками («Телеутская» и «Киргизская» «землицы», монгольские ханства, маньчжурский Китай), русская сторона поначалу, не имея еще ясного представления об их военном потенциале, продолжила осуществлять экспансию.

Показательна в этом отношении ситуация, сложившаяся на Амуре в середине XVII в. Из информации, полученной В. Поярковым во время похода на Амур в 1643–1644 гг., стало известно, что местное население (дауры и дючеры) платит дань «хану Борбою» («Богдою», «богдохану») ⁸⁹. Сами «богдоевы люди» — маньчжуры — заявляли русским: «Почто де вы ходите в *нашу* землю к ясачным тунгусам?» ⁹⁰ (курсив наш. — *Авт.*). Об этом же Я. Хабарову твердили дауры: «Даем

⁸⁸ Красовский М. Русские в Якутской области в XVII в. // Известия общества археологии, истории и этнографии при Императорском Казанском университете. Казань, 1894. Т. 12. Вып. 2. С. 29.

⁸⁹ ДАИ. Т. 3. С. 51, 52.

⁹⁰ Бахрушин С. В. Очерки по истории колонизации Сибири в XVI и XVII вв. С. 155–156.

де мы ясак богдойскому царю Шамшакану, а вам де се какой ясак у нас»⁹¹. Привезенные в Москву Д. Зиновьевым «даурские иноземцы, Анай с товарищи, семь человек <...> в Сибирском приказе <...> в роспросе сказали: <...> а ясак де платили они с себя богдойскому царю Андри-кану по соболю с человека»⁹². Таким образом, в конце 1640-х — начале 1650-х гг. русским стало понятно, что они вошли в соприкосновение с населением, находившимся в даннической зависимости от какого-то сильного правителя⁹³. Его властный статус они поначалу не могли точно идентифицировать, оперируя титулами то царя, то хана, то князя, но при этом отчетливо осознали (как это явствует из отписок землепроходцев), что он в иерархии правителей (существовавших в русском политическом мироздании) стоит намного выше сибирских князцов и правит не просто очередной сибирской «землицей», а «землей» — страной, равной или почти равной в политическом отношении Московскому государству (поэтому он — царь, хан, князь), да к тому же обладает серьезным военным потенциалом. Однако понимание этого факта не охладило пыл ни Москвы, ни воевод, ни казаков и промышленных людей в их стремлении «прирастить» к своему царству территорию иного царства / ханства / княжества. В 1650/51 г. якутский воевода Д. Францбеков даже

⁹¹ ДАИ. Т. 3. С. 360. См. также: Там же. С. 347; РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 508. Л. 3, 23, 27; РКО в XVII в. Т. 1. С. 135. «Китайцы, — писал С. В. Бахрушин, — издавна обложили ясаком “рыбьекожих” и “длинноволосых” жителей, обитавших по Амуру, Шилке и Зее, “и от реки Зеи по иным всем рекам до устьев великия реки Амуре до моря океана”, и по южному побережью Охотского моря, и ежегодно из пограничного китайского города Нингуты отправлялись на Амур военно-торговые экспедиции для сбора дани и меновой торговли с местным населением» (*Бахрушин С. В. Очерки по истории колонизации Сибири в XVI и XVII вв.* С. 155).

⁹² РИБ. Т. 15. V. С. 5.

⁹³ См. также: *Мазуров И. В., Пастухов А. М. Очерки истории Российского Дальнего Востока.* С. 60–63, 67–70, 89–93, 100–101. Указанные авторы резонно полагают, что к середине XVII в. большая часть племен среднего и верхнего Амуре находилась в даннической, «вассальной» зависимости от маньчжуров (Там же. С. 63, 69, 93, 182).

послал к Шамшакану / Богдою грамоту с призывом в подданство русскому царю⁹⁴. В 1653 г. прибывший из Москвы на Амур дворянин Д. Зиновьев, «выбрав из служилых людей из Ярковых товарищей пяти человек, Тренку Чечигина с товарищи, послал в Богдойскую и в Никанскую земли к богдойскому и к никанскому царям в посланниках <...> А велел им, богдойскому и никанскому царям, говорити, чтоб они и с своими землями были под государевою царевою и великого князя <...> его царского величества высокою рукою в подданстве навеки неотступны, и ему, великому государю, служили»⁹⁵. В 1655 г. в наказе посланному на Амур воеводе А. Пашкову предписывалось попытаться привести в подданство «богдойского Андрикана» и «никанского царя»⁹⁶. Несколько позже, в 1670 г., нерчинский воевода Д. Аршинский отправил в Китай послом казачьего десятника И. Милованова, правда, уже с более скромным заданием: выяснить, «на чем он, богдойской царь, великим государям их царского величества учинитца», т. е. на каких условиях готов он вступить в контакты с русским царем⁹⁷.

Такая настойчивость названных воевод (да и в целом московского правительства) была вполне резонна: опыт предшествующего «взятия» татарских царств-ханств внушал надежду на успех в деле покорения иных восточных царств. И лишь военные акции маньчжуров, трижды, в 1658, 1685 и 1689 гг., вытеснявших русских с Амура, останавливали маховик русской экспансии в приамурском регионе. Схожим образом развивались отношения с телеутами, енисейскими киргизами и монголами, чье вооруженное противодействие срывало попытки их подчинения весь XVII в.

⁹⁴ АИ. Т. 4. С. 72–73; РКО в XVII в. Т. 1. С. 129–130, 132–134.

⁹⁵ РИБ. Т. 15. V. С. 4.

⁹⁶ Там же. С. 15–16. Сам А. Пашков в одной из своих отписок 1659 г. уверял руководителей Сибирского приказа, что если к нему пришлют три тысячи ратных людей, то он бы «мунгальского царя со всею его землею и иных землиц многих людей <...> под <...> государскую высокую руку в вечное холопство привел» (РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 508. Л. 1446–144в).

⁹⁷ ДАИ. СПб., 1857. Т. 6. С. 41.

По сути, можно говорить о том, что Московское / Русское государство расширялось по зауральской территории, пока не столкнулось с теми силами, которые оказали серьезное сопротивление русским устремлениям. На просторах Азии, как собственно и в любой части тогдашнего мира, право на владение землями и народами, как и само владение, утверждалось силой, которая затем формально могла подтверждаться договорами⁹⁸.

Нередко в обращениях русских властей к азиатским иноземцам и их правителям призывы в подданство сопровождались декларациями силы и могущества московского великого государя, которому никто не может оказать сопротивление, а также прямыми или косвенными угрозами («вострой саблей», «ратным боем» и т. д.) в адрес иноземцев в случае их отказа или последующей измены⁹⁹.

Так, в упомянутой грамоте Д. Францбекова к Шамшакану / Богдою говорилось:

«...и тебя, царя Шамшакана, за твое непослушанье, велит государь смирить своим государевым ратным боем <...> да и то тебе буди ведомо, что и до больших государевых ратных людей, на тебя, князя Богдою, я, воевода Дмитрий Андреевич Францбеков, да диак Осип Степанов придем с шестью тысячами с ратными людьми, с пушками и с огненным многим боем, за твое княж Богдоево непослушанье»¹⁰⁰.

⁹⁸ Стремление к расширению своих владений и подчинению «иных» народов не было, конечно, особенностью лишь Русского государства. Чтобы убедиться в этом, достаточно взглянуть на мировую историю. Диктат силы и экспансия в разных формах и вариантах, как известно, во все времена являлись и являются до сих пор обычной практикой в международных отношениях.

⁹⁹ Эти декларации и угрозы должны были вызвать у иноземцев страх и почтение перед русским монархом, создать у них чувство психологической подавленности, необходимое для формирования желания скорейшего подчинения всеильному русскому правителю (см.: *Игнаткин П.С.* К вопросу о вербально-коммуникативных аспектах подчинения аборигенов Сибири Московским государством в конце XVI — начале XVIII в. // *Актуальные проблемы исторических исследований: взгляд молодых ученых.* Новосибирск, 2013).

¹⁰⁰ АИ. Т. 4. С. 73.

В 1684 г. иркутский воевода Л. Кислянский вразумлял монгольских посланцев:

«Мы угрозы и войска тех богдойских людей не боимся <...> царь и великий князь Алексей Михайлович <...> царь и великий князь Федор Алексеевич всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержец повоевали противников и непослушников и многие государства и королевства и княжества под свою великих государей высокую руку мечем подклонили и царей в полон побрали в вечное холопство и в подданство царя казанского, царя астраханского, царя касимовского и иные многие немецкие королевства и княжества литовские, черкасы горские и многие орды татарские и черкасы запорожские, все сии государства и княжества и орды покорны им, великим государям, и служат в подданстве и в холопстве. А иные цари и царевичи и княжества, слыша их великих государей царей и великих князей Иоанна Алексеевича, Петра Алексеевича всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержцев счастье и храбрость и множество воинских людей, били челом великим государем и поклонились в подданство и в вечное холопство служить им великим государем. Царь грузинский и царевичи и многолюдственный князь шляхочетский и многие царства и княжества и ныне служат им великим государем»¹⁰¹.

Вторая ведущая установка — огосударствление сибирского пространства. Все сибирские земли, как и их население, по мере присоединения Русским государством становились собственностью великого государя, включались в состав его «государства-вотчины» и сразу же превращались в объект эксплуатации со стороны государства¹⁰². Как писала Е. П. Ковалышкина, «порядок управле-

¹⁰¹ СДИБ. С. 279.

¹⁰² См.: Шунков В. И. Очерки по истории земледелия Сибири. XVII век. М., 1956. С. 362; Иванов В. Н. Социально-экономические отношения у якутов. XVII век. Якутск, 1966. С. 340–348; Фёдоров М. М. Правовое положение народов Восточной Сибири (XVI — начало XIX в.). Якутск, 1978. С. 13; Ко-

ния Сибирью и ее коренными обитателями обнаруживает сходство с «правительственными промыслами» московских князей XIV–XV вв., которые были в значительной мере обращены на хозяйственные статьи. Большинство нормативных актов, адресованных центральным правительством сибирской администрации, напоминают порядок управления частным поместьем»¹⁰³. Стремясь к монопольной эксплуатации природных и людских ресурсов, государство не допустило возникновения в Сибири частного помещичьего и вотчинного землевладения, сильно ограничило возможности развития церковно-монастырского землевладения, не распространило на регион крепостного права и взяло под свой жесткий контроль оборот самого ценного сибирского товара — пушнины.

Третья установка — обеспечение доходов государства. С конца XVI в. и до начала XVIII в. главной статьей доходов в государеву казну с Сибири являлась пушнина, прежде всего соболь, мех которого высоко ценился на рынках России, Европы и Азии¹⁰⁴. Поступление пушнины в казну обеспечивалось в основном путем обложения «пушным» ясаком сибирских народов, изъятия доли добычи от промысла пушного зверя у промышленных и торговых людей (плативших таможенные пошлины), а также покупки государством меха и меховых изделий у местного аборигенного и русского населения¹⁰⁵.

валяшкина Е. П. «Инородческий вопрос» в Сибири... С. 121; *Трепавлов В. В.* «Белый царь»... С. 173.

¹⁰³ *Ковалышкина Е. П.* «Инородческий вопрос» в Сибири... С. 117.

¹⁰⁴ Заметим, что сибирская пушнина издавна привлекала внимание купцов из соседних с Сибирью территорией (См.: *Чернышов С. А.* Присоединение Западной Сибири к Русскому государству в XVI–XVII вв.: торгово-экономический аспект // *Вестн. Томск. гос. ун-та.* 2013. № 370. С. 106).

¹⁰⁵ В XVII в. сибирская пушнина давала от 1/10 до 1/3 ежегодных поступлений в казну государства, при этом наиболее высокой ее доля в формировании государственных доходов была в середине столетия (См. подробнее: *Fisher R. H.* *The Russian fur trade, 1550–1700.* Berkeley; Los Angeles, 1943; *Павлов П. Н.* Пушной промысел в Сибири в XVII в. Красноярск, 1972). По подсчетам П. Н. Павлова, в период с 1620 г. по 1690 г. 3/4 соболей из Сибири государство получило в виде ясака с поминками и 1/4 как десятинный сбор

Рассматривая аборигенов прежде всего как потенциальных плательщиков ясака и как людской ресурс, умножение которого символизировало рост могущества русского царя, государство стремилось к максимальному увеличению их числа. Поэтому оно и предписывало сибирским администраторам неустанно расширять контингент ясачноплательщиков и при осуществлении подчинения и объясачивании новых групп населения по возможности избегать насилия, которое могло обернуться физическим уничтожением тех, кто в перспективе должен пополнять казну. Правительственные указы требовали от воевод и землепроходцев «искать великому государю прибыли» и прилагать усилия к тому, «чтоб сибирская земля пространялась, а не пустела»¹⁰⁶. Идеальным вариантом для Москвы было мирное и желательно добровольное подчинение иноземцев¹⁰⁷. Ориентация на такой подход определялась и малочисленностью в Сибири русских вооруженных сил (служилых людей), их дисперсным расположением по редким зимовьям, острогам и городам, находившимся подчас на значительном удалении друг от друга.

с торгово-промышленных людей (Павлов П. Н. Промысловая колонизация Сибири в XVII в. Красноярск, 1974. С. 21, 22).

¹⁰⁶ Об эксплуатации пушных богатств Сибири, в том числе путем взимания ясака, как лейтмотиве государственной политики писали и пишут все историки, когда ведут речь об истории Сибири XVII века. См., например: Бахрушин С. В. Ясак в Сибири. С. 49; Fisher R. H. The Russian fur trade... P. 74; Lantzeff G. V. Siberia in the Seventeenth century. A Study of the Colonial Administration. Berkeley; Los Angeles, 1943. P. 114; Якутия в XVII веке... С. 282; Епифанов П. П. К истории освоения Сибири и Дальнего Востока в XVII в. // История СССР. 1981. № 4. С. 76; Дёмин М. А. Коренные народы Сибири... С. 90; Вершинин Е. В. Воеводское управление в Сибири (XVII век). Екатеринбург, 1998. С. 80; Ковалышкина Е. П. «Инородческий вопрос» в Сибири... С. 117–119, 122–123; Трепавлов В. В. «Белый царь»... С. 173; Хромых А. С. Сибирский фронт. Встреча цивилизаций от Урала до Енисея (Последняя треть XVI — первая четверть XVII века). Красноярск, 2012. С. 196, 206; и др.

¹⁰⁷ Показательно в этом плане, что даже Кучума в 1597 г., после более чем десятилетнего его упорного сопротивления, русские власти пытались уговорить перейти на службу царю (СГГД. Ч. 2. С. 131–134).

Анализ сохранившейся распорядительной (грамоты, указы и наказные памяти, адресованные уездным воеводам¹⁰⁸, острожным приказчикам¹⁰⁹, ясачным сборщикам и командирам землепроходческих отрядов¹¹⁰) и отчетной (отписки, сказки, доезды, распро-

¹⁰⁸ См., например: РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 11. Л. 30–39, 49–62об.; Оп. 3. Стб. 12. Л. 174об.–176 об.; Стб. 30. Л. 315–346; ПСЗРИ. Т. 3. С. 551–595; Т. 4. С. 95–129; АИ. Т. 3. С. 217–223; Т. 4. С. 148–149, 443–454; Т. 5. С. 429–443; ДАИ. Т. 4. С. 100–120, 153–169; 1862. Т. 8. С. 259–270; РИБ. СПб., 1875. Т. 2. Стб. 814–859; Т. 15. В. С. 1–35; Акты времени правления царя Василия Шуйского (1606 г. 19 мая — 17 июля 1610 г.). М., 1914. С. 363–367; ПСИ. СПб., 1885. Кн. 2. С. 518–523; КПМГЯ. С. 72–86; *Миллер Г.Ф.* История Сибири. Т. 1. С. 339–353, 355–358, 387–396; Т. 2. С. 203–208, 405–409, 504–506, 511–513; 2005. Т. 3. С. 222–226, 236–238, 265–275, 297–317, 379–380; *Иванов В.Н.* Вхождение Северо-Востока Азии... С. 171–196; РМО. 1607–1636. М., 1959. С. 114–117; *Материалы и исследования по истории Северо-Западной Сибири.* Екатеринбург, 2002. С. 132–145; *Бутанаев В.Я.* История вхождения Хакасии (Хонгорая) в состав России... Приложение С. 178.

¹⁰⁹ См., например: РГАДА. Ф. 208. Оп. 1. Д. 1. Л. 1–7; Ф. 214. Оп. 3. Стб. 481. Л. 39–48об., 89–98, 120–132, 148–155; Ф. 1177. Оп. 3. Стб. 79. Л. 347–359; Стб. 2680. Л. 80–85; АИ. Т. 4. С. 521–528; ДАИ. Т. 3. С. 350–352; Т. 4. С. 70–80, 200–223, 248; 1859. Т. 7. С. 136–145; ПСИ. СПб., 1882. Кн. 1. С. 417–428, 469, 508–510; Кн. 2. С. 506–515, 517–518, 526, 535–541; ОРЗПМ. М., 1951. С. 233–246, 419–435; СДИБ. С. 127–130.

¹¹⁰ См., например: РГАДА. Ф. 1177. Оп. 1. Стб. 48. Л. 35–43; Оп. 3. Стб. 152. Л. 89–99; Стб. 950. Л. 1–9; Стб. 2398. Л. 210; АИ. Т. 4. С. 67–70; ДАИ. Т. 2. С. 161–164, 175–180, 256–258, 262–264; Т. 3. С. 21, 24–29; Т. 4. С. 200–214, 268, 404–408; Т. 8. С. 164; ПСИ. Кн. 1. С. 233–237; *Миллер Г.Ф.* История Сибири. Т. 2. С. 358–359, 384–388; Т. 3. С. 159–161, 201–207, 218, 243–245, 258–260, 286–288, 316–321; КПМГЯ. С. 93–98; СДИБ. С. 38–41, 127–130; РМЛТО. Л.; М., 1952. С. 64–66; РКО в XVII в. Т. 1. С. 126–128, 203–204; *Бутанаев В.Я., Абдыкалыков А.* *Материалы по истории Хакасии XVII — начала XVIII вв.* Абакан, 1995. С. 92–99.

См. также обзоры правительственных наказов воеводам и воеводских — землепроходцам: *Оглоблин Н.Н.* *Обозрение столбцов и книг Сибирского приказа.* М., 1901. Ч. 4. С. 122–146; *Кулешов В.А.* *Наказы сибирским воеводам в XVII веке: Исторический очерк.* Болград, 1894. С. 20–22; *Fisher R.H.*

сные речи, челобитные сибирских администраторов¹¹¹ и землепроходцев¹¹²) документации, посвященной присоединению Сибири,

The Russian fur trade... Р. 71–93; *Фёдоров М. М.* Правовое положение народов Восточной Сибири... С. 18–19; *Сафронов Ф. Г.* Русские на Северо-Востоке Азии в XVII — середине XIX в. Управление, служилые люди, крестьяне, городское население. М., 1978. С. 90–91; *Иванов В. Ф.* Письменные источники по истории Якутии XVII века. Новосибирск, 1979. С. 33–42; *Иванов В. Н.* Вхождение Северо-Востока Азии... С. 84, 106–109, 115–116, 124; *Александров В. А., Покровский Н. Н.* Власть и общество. Сибирь в XVII в. Новосибирск, 1991. С. 118–119; *Дёмин М. А.* Коренные народы Сибири... С. 90–101.

¹¹¹ См., например: РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 12. Л. 18–24; Стб. 241. Л. 193–208, 229–230; Стб. 508. Л. 317–355; Ф. 1177. Оп. 3. Стб. 836. Л. 1–3; Стб. 2738. Л. 8; АИ. Т. 4. С. 473–474; ДАИ. Т. 1. С. 237–241; Т. 2. С. 258–261, 566–569; Т. 3. С. 5–61, 258–261, 276–278, 332–345, 366–369, 387–390; Т. 4. С. 2–7, 241–243, 266–268; 1853. Т. 5. С. 68–73; Т. 8. С. 161–166, 173–180, 182–185; 1867. Т. 10. С. 341–350, 353–354; 1869. Т. 11. С. 132–133; ПСИ. Кн. 1. С. 495–508, 512–514; Кн. 2. С. 43–47, 53–58, 87–95, 110–122, 125–126, 268–278, 403–407, 428–431, 475–506, 528–533; *Миллер Г. Ф.* История Сибири. Т. 1. С. 413–413, 418–419; Т. 2. С. 396–397, 566–569; Т. 3. С. 128–131, 155–159; РИБ. Т. 8. Стб. 472–477; СДИБ. С. 28–29, 45–54, 60–69, 80–82, 95–109, 154–165, 219–222; ОРЗПМ. С. 294–298.

¹¹² См., например: РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 963. Л. 89–100; Ф. 1177. Оп. 3. Стб. 152. Л. 101–106; Стб. 844. Л. 1–15; Стб. 1117. Л. 40; Стб. 2398. Л. 211–211а; АИ. Т. 4. С. 74–77; ДАИ. Т. 2. С. 249–252, 254–256, 261–262; Т. 3. С. 20–33, 50–56, 68–70, 99–100, 102–104, 283–285, 320–325, 359–373, 390–396, 523–528; Т. 4. С. 8–9, 16–27, 80–83, 94–95, 120–122, 147–148, 178–183; Т. 8. С. 172, 174–175; 1872. Т. 12. С. 96–101; ПСИ. Кн. 1. С. 441–451, 456–464; Кн. 2. С. 523–526; *Миллер Г. Ф.* История Сибири. Т. 1. С. 434–435, 437–441; Т. 2. С. 586–587; Т. 3. С. 152–155, 161–162, 165–168, 175–180, 366–369; КПМГЯ. С. 8–9; КПЦКЧ. Л., 1935. С. 25–33; СДИБ. С. 33–34, 54–55, 75–80, 82–95, 117–123, 133–145, 154–166, 168–185, 190–199; *Материалы по истории Якутии XVII века (Документы ясачного сбора).* М., 1970. Ч. 3. С. 1067–1096; ОРЗПМ. С. 129–144, 152–158, 256–259, 303–306, 391–393; РМЛТО. С. 50–56, 59–61, 114–117, 122–132, 245–247, 261–268; *Бутанаев В. Я., Абдыкалыков А.* *Материалы по истории Хакасии...* С. 102–107; *Полевой Б. П.* Изветная челобитная С. В. Полякова 1653 г. и ее значение для археологов Приамурья // *Русские первопроходцы на Дальнем Востоке в XVII–XIX вв. (Историко-археологические исследования).* Владивосток, 1995. Т. 2. С. 31–47.

показывает, что осуществлять подчинение сибирских иноземцев рекомендовалось «ласкою, а не жесточью», соблюдая при этом определенную тактику действий и используя определенные методы, которые, при отдельных вариациях применительно к присоединению разных «землиц», являлись в целом универсальными для всей Сибири¹¹³.

По новой, еще не объясаченной территории служилые люди должны были идти «смирно» и «иноземцом никакие тягости не чинить» и «лишнего ничего с них не иметь»¹¹⁴. Встретив иноземцев, требовалось собрать их предводителей (князцов и лучших людей), а по возможности и подведомственных им сородичей, и «призвать» их под «государеву высокую руку / великого государя царскую высокую руку / царского величества под его высокосамодержавную руку»¹¹⁵, т. е. сделать предложение о вступление в русское подданство. «Призыв» мог сопровождаться оглашением «государева жалованного / милостивого слова»¹¹⁶. Причем оба акта — «призыв» и «жалованное слово» — ставили адресатов в безальтернативную ситуацию. Иноземцы неожиданно для себя узнавали, что устанавливается новый «мировой порядок»: они поступают под защиту русского царя, им разрешается жить «на своих кочевьях по-прежнему без боязни», а за это с них будет взиматься дань-ясак. Вот как, например,

¹¹³ Кратко о тактике действий русской власти и землепроходцев по подчинению сибирских иноземцев писали: *Огородников В. И.* Русская государственная власть и сибирские инородцы... С. 72–74; *Lantzeff G. V.* Siberia in the Seventeenth century... P. 95–97; *Никитин Н. И.* Землепроходец Семен Дежнев и его время. М., 1998. С. 38–39; *Зуев А. С.* Русские и аборигены на крайнем Северо-Востоке Сибири... С. 58–59.

¹¹⁴ Эта норма отражала, видимо, общие правила поведения «ратных людей» в походе, которые были зафиксированы в Соборном Уложении 1649 г.: «А ратным людем, идучи на государеву службу, на дороге и на станех никаким людем никакова насильства и убытка не чинити» (Соборное Уложение 1649 года: Текст. Комментарии. Л., 1987. С. 24).

¹¹⁵ О «призыве» иноземцев см.: *Игнаткин П. С.* К вопросу о вербально-коммуникативных аспектах...

¹¹⁶ О «государевом жалованном слове» подробнее см. главу 2, раздел 2.

эта «трансформация мироздания» описывается в челобитной казака-землепроходца И. Ерастова:

«А пришед мы, холопи твои, на Яну реку (в 1638/39 г. — *Авт.*), собрали иноземских якуцких князцей и с их улусными людьми, Юзамской волости князца тунгуса, низовских ольгерских князцей и [...]»¹¹⁷ Тугу шамана, а одучиского Селбука с родами их с улусными людьми и сказали им твое государево цареву и великого князя Алексея Михайловича всея Руси жалованное слово, чтоб они, иноземцы, были надежны на твою государскую милость и учинилися они под твоею государевою царскою высокою рукою в вечном ясачном холопстве неотступны навеки, а твой бы государев ясак платили они, князцы, с себя и с улусных людей по изложению сколько которого сила ляжет»¹¹⁸.

После «призыва» следовала, правда не всегда, процедура приведения иноземцев, прежде всего представителей их властной элиты, к шерти-присяге на верность царю, чтобы они и их сородичи были «под государевою царскою высокою рукою в прямом холопстве навеки неотступны»¹¹⁹. Кроме того, в обязательном порядке из числа «лучших» иноземцев или их ближайших родственников необходимо было взять заложников-аманатов. Аманатов брать было желательно путем переговоров и уговоров. И лишь обезопасив себя заложниками, служилые люди могли приступить к сбору ясака. При первоначальном объясачивании разрешалось брать ясак ненормированный и в умеренном размере: «...и имати бы с них (иноземцев. — *Авт.*) государев ясак по сколько будет мочно по одиножды в год», «смотря по их мочи, чтоб им было не в тягость и не в озлобление». Более того, взамен ясака рекомендовалось раздавать иноземцам подарки. Во время всех вышеописанных действий служилые люди должны были избегать какого-либо насилия, если, конечно, иноземцы не оказывали сопротивления: «Приводити под государеву царскую

¹¹⁷ Имя неразборчиво.

¹¹⁸ СПбФ АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 30. Л. 202.

¹¹⁹ О шертовании подробнее см. главу 2, раздел 2.

высокую руку <...> и ясак с них на государя имати ласкою, а не жесточью», «напрасных обид и налогов отнюдь никому никаких никоторыми мерами» не чинить.

Однако если иноземцы не признавали власть «великого государя», не желали давать аманатов и ясак и даже оказывали сопротивление, они сразу же квалифицировались как «непослушные», «немирные» и «изменники». К таковым иноземцам, которых «ласкою» «под государеву царскую высокую руку привести некоторыми мерами немочно», разрешалось и предписывалось применять вооруженную силу: «извоевать», «поступать военным поведением», «смирять ратным обычаем», «чинить над ними военный поиск огненным и лучным боем», «итить войною и тех иноземцов разорить», «волости, которые государю непослушны, повоевати», и т. д.

Масштабы применения русской стороной оружия зависели от степени и активности сопротивления иноземцев. Как правило, первоначально рекомендовалось «смирять войною, небольшим разореньем», «громить» при этом «пущих воров», захватывать в плен предводителей сопротивления, превращать их в аманатов и даже казнить¹²⁰.

¹²⁰ В 1592 г. воеводе Н. Траханиотову, возглавившему поход против Пелымского княжества, было наказано «приманити» местного князя Аблеги-рима, его «сына большего» и пять-шесть «лутчих его людей» и казнить их, а «черных людей всех <...> обнадежить, чтоб жили по своим юртам и в город приходили» (Миллер Г. Ф. История Сибири. Т. 1. С. 340, 341). В 1607 г. после разгрома восстания вогулов и остяков был повешен обдорский князец Василий, его тело три года висело на виселице в Березове, «чтоб впредь так неповадно было воровати и иным, на то смотря» (Там же. Т. 2. С. 202–205, 212; Бахрушин С. В. Остяцкие и вогульские княжества... С. 136). В 1644/45 г. Сибирский приказ указал повесить телецкого князца Айдарка за «стрелецкое Куземкино убойство и за прежние многие воровства» (АИ. Т. 3. С. 58). В 1649 г. командир карательного отряда, подавлявшего сопротивление предбайкальских бурят, В. Нефедьев велел повесить взятого в плен «братцково мужика Кургутцково роду <...> для угрозы и боязни им, братцким неясашным людям, чтоб впредь им, братцким неясашным людям, неповадно воровать и на то б смотря братцкие неясашные люди ужаснулись и государю б покорились и ясак бы с себя и своих улусных людей принесли» (РГАДА.

Если это не помогало и если позволяли соотношение сил и политическая ситуация в конкретный период, тогда следовало жесткое силовое подавление, как, например, военные действия против Кучума в 1590-х гг., подавление сопротивления предбайкальских «брацких людей» в середине 1630–1640-х гг. и восстания якутов в 1642 г., карательные походы против енисейских киргизов и их кыштымов в конце XVII — начале XVIII в. В таких ситуациях власти делали ставку на нанесение максимального урона сопротивлявшимся, дабы сломить их волю к борьбе: «Разорити до основания, и с улусов, и с кочевья их согнати», «и улусы их до конца разорити», «х воевать, и жены и дети иматъ в полон», скот и имущество забирать в качестве тро-

Ф. 1177. Оп. 3. Стб. 844. Л. 15). В 1678/79 г. мангазейский воевода жестоко расправился с взятыми в плен «изменниками» — самоедами Асицкого рода. В своей отписке тобольскому воеводе он сообщал: «И я тех воров и изменников дву человек велел четвертовати, руки и ноги и головы отсечь и на колье втыкать, а третьему человеку, который взят в неволю к городу приступать, велел у него уши обрезать при тунгуских аманатах и при многих иноземцах, чтоб им на тое казнь смотря, неповадно было воровать» (ДАИ. Т. 8. С. 164), еще одного пленного «за его многое воровство велел повесить за ноги и рострелять» (Там же. С. 165). В наказной памяти якутскому дворянину С. Трифонову, направленному в 1715 г. в Анадырский острог расследовать причины «измены» юкагиров и коряков, рекомендовалось, в случае упорного сопротивления «изменников», захватить двух-трех «пущих заводчиков» и казнить их, чтоб «иным иноземцом, на то смотря, впредь неповадно было так делать», т. е. убивать служилых людей и грабить государеву ясачную казну (ПСИ. Кн. 2. С. 80. См. также наказную память приказчику Анадырского острога Ф. Котковскому 1709 г.: Там же. С. 509).

В документах отмечены и другие факты казней зачинщиков «измен», причем осуществляемых воеводами, острожными приказчиками и военными командирами как с санкции, так и без санкции Москвы (См., например: РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 508. Л. 334; ДАИ. Т. 4. С. 307, 311; Т. 5. С. 71; Т. 7. С. 297, 299; Т. 10. С. 344, 353; *Миллер Г. Ф.* История Сибири. Т. 2. С. 221, 237; *Полевой Б. П.* Изветная челобитная С. В. Полякова 1653 г. и ее значение для археологов Приамурья. С. 31–47; *Вершинин Е. В.* Воеводское управление в Сибири... С. 122, 124; *Токарев С. А.* Очерк истории якутского народа. С. 59, 101).

феев¹²¹. Смирив иноземцев войною, желательно было привести их к шерти и обязательно — взять аманатов и ясак.

Большая вероятность применения силы против сибирских иноземцев неизменно учитывалась центральными и местными властями на протяжении всего периода присоединения Сибири. Поэтому они постоянно уделяли внимание поддержанию в должном порядке городских и острожных укреплений, обеспечению гарнизонов людьми, вооружением и боеприпасами и стремились хорошо экипировать отряды, отправлявшиеся в те районы, где ожидалось или уже было серьезное сопротивление со стороны местного населения. В дополнение к этому повсеместно запрещалась продажа оружия и боеприпасов иноземцам. Да и сами землепроходцы и острожные приказчики все время напоминали вышестоящим властям о необходимости иметь на местах как можно больше военной силы, чтобы была возможность воздействовать на аборигенов, которые, видя малочисленность русских, были не очень-то склонны к покорности. Как отмечал известный землепроходец П. Бекетов в своей отписке 1652 г., «иноземцы братские и тунгуские люди малоумны, глупы, как видят государевых людей мало и они побивают государевых служилых людей»¹²². В отдельных случаях для устрашения иноземцев наказания предписывали воеводам устраивать показательную демонстрацию военной мощи русских:

¹²¹ Пожалуй, наиболее серьезные угрозы за весь период «взятия Сибири» огласил в 1646 г. в своем обращении к «брацким мужикам» якутский воевода В. Пушкин: «А будете вы, воры, вперед государю измените и государева ясаку с себя давать не учнете, и за ту вашу измену <...> пошлю на вас и на ваши улусы многих государевых ратных людей с огненным боем, и велят за вашу измену самих вас, и ваших жен и детей, и улусных людей, и не только вас, и скот ваш весь побивать и разорять и юрты ваши огнем пожигать без пощады, а в полон имать и на выкуп отдавать не велят, а которых и возмут, и тех вашу братью велят вешать и смертью казнить, также что и якутам изменникам было» (ДАИ. Т. 3. С. 33; КПМГЯ. С. 231). И эти слова не были пустым звуком: в ходе усмирения «брацких людей» русские, особенно во второй половине 1640-х гг., действовали жестко, нанося противнику ощутимый людской и материальный урон.

¹²² СДИБ. С. 192.

«А в те поры, как у них те ясачные люди сперва будут, велети для чести и повышения государеву имени и для угрозы из бол[ь]шого наряду и из ручных пищалей всем служилым людям дважды или трожды выстрелить, потому что те ленские ясачные люди дикие, вогненово бою не видали и впред бы они вогненого ружья и государевых русских людей были страшны»¹²³.

Таким образом, можно зафиксировать *четвертую установку* — *сочетание в деле подчинения иноземцев мирных и силовых (военных) методов*. При этом приоритет в правительственных распоряжениях все же отдавался «ласке», поскольку главным в деятельности сибирской администрации являлся прагматический — фискальный — интерес: увеличение числа ясачноплательщиков, а не их уменьшение. Вот как, например, такой подход регламентировался в наказной памяти енисейского воеводы С. Шаховского, выданной П. Бекетову в 1630 г.:

«И как тех землиц князцы и лутчие люди учинятца под государскую высокую рукою и учнут приходить в острожек <...> их велено поить и кормить довольно и государево жалованье давать — олово и одекую, и государево жалованное слово сказывати и отпускати их в свои землицы, чтобы они, видя к себе государскую милость, и иным многим землицам росказывали и к государской милости в острожек з государевым ясаком призывали»¹²⁴.

Эту же цель преследовало и санкционированное центром применение «жесточи»: она должна была не только ломать сопротивление непокорных, но и демонстрировать всем остальным силу великого государя, обеспечивая тем самым их смирение. Результативность такой политики иркутский воевода Л. Кислянский на переговорах с монгольскими посланцами в 1684 г. описал следующим образом:

«В прежних годех те брацкие мужики под их великих государей самодержавную высокую руку взяты и покорены

¹²³ Иванов В. Н. Вхождение Северо-Востока Азии... С. 183.

¹²⁴ СПбФ АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 22. Л. 127.

в вечное холопство в ясачной платеж из-за меча, войною. А иные брацкие мужики, слыша их великих государей милость и самодержавство и храбрость их, великих государей, воинских людей, поклонились им, великим государем, волею и учинились в подданстве под их самодержавною высокою рукою и в вечном холопстве»¹²⁵.

Москва рассматривала «воинский поиск» не как системное насилие, а как крайнюю меру, применяемую против конкретных «непослушников» и «изменников». Как заметил Дж. Ланцев, «правительство как раз было заинтересовано в сохранении жизней туземцев, поскольку потеря каждой из них означала также и потерю пушнины, которую тот мог бы добыть, а излишняя жестокость в отношении одного могла оттолкнуть остальных»¹²⁶. Только живой иноземец мог стать ясачноплательщиком и обеспечить доходы казны, или, как писал Ю. Слѣзкин, перефразируя известную фразу северо-американского генерала Фила Шеридана¹²⁷, «хорошим туземцем был все же живой туземец»¹²⁸. В отдельных случаях правительство даже запрещало использовать силу против явных «ослушников» и требовало, чтобы местные власти действовали исключительно «лаской», терпеливо дожидаясь, когда она принесет свои плоды¹²⁹.

¹²⁵ СДИБ. С. 280. В своей отписке енисейскому воеводе К. Щербатому по поводу итогов переговоров Л. Кислянский несколько иначе выразил ту же самую мысль: «В здешней стране земля велика и широка, острогов много и людей русских их, великих государей, и ясашных, которые завоеваны мечем, а иные сами поклонились, видя их великих государей многое войско и победу на себя от храбрых мужей, и ныне они живут в ясачном платеже в вечном холопстве и в подданстве» (Там же. С. 296–297).

¹²⁶ *Lantzeff G. V. Siberia in the Seventeenth century...* P. 95.

¹²⁷ «Хороший индеец — это мертвый индеец».

¹²⁸ *Слѣзкин Ю. Арктические зеркала: Россия и малые народы Севера. М., 2008. С. 72.*

¹²⁹ Так, к примеру, якута Балтугу, его братьев и детей, убивших в 1675 г. одного казака, четырех крестьян и промышленных людей, царь Федор Алексеевич «смертью казнить не велел, а велел их вместо смерти бить кнутом на коз-

Однако направленность правительственной стратегии на обьясачивание и «смирение» иноземцев и разрешение использовать для этого любые методы вплоть до вооруженной силы в практиках местных властей и особенно служилых людей — землепроходцев зачастую приводили к смещению акцентов с «ласки» на «жесточь». Это вызывалось характером русско-аборигенных отношений, мотивацией действий как представителей русской власти — местных администраторов и землепроходцев, так и аборигенов.

Сибирские народы воспринимали установление русской власти по-разному, в зависимости от особенностей их этногенеза, социально-экономического, политического и культурного состояния, ментальных оснований мировидения и мировосприятия (в том числе стереотипов поведения в отношении «чужих»), степени знакомства с системой господства-подчинения, характера и остроты межэтнических и внутриэтнических противоречий, заинтересованности в русской защите от враждебных соседей, наличия внешнего влияния со стороны порубежных государственно-политических образований¹³⁰. Их реакция на появление русских могла варьироваться

ле нещадно и дать на поруки, чтоб по прежнему твой, великого государя, ясак платить за себя и за мертвых братьей своих» (ДАИ. Т. 7. С. 44–45). Охотские тунгусы, убившие в 1677–1679 гг. несколько десятков служилых людей и осаждавшие Охотский острог, вообще остались даже без символического возмездия. Более того, из Москвы в Якутск поступило предписание наказать служилых людей, чьи злоупотребления при ясачном сборе довели тунгусов до вооруженного возмущения (ДАИ. Т. 7. С. 294–296, 302). И подобного рода примеров из истории «покорения» русскими Сибири можно привести немало. См. также: *Павлов П. Н.* Промысловая колонизация Сибири в XVII в. С. 43.

¹³⁰ Исследования, посвященные восприятию сибирскими иноземцами русской власти и русских, анализу причин толерантности или конфликтности между иноземцами и русскими, пока еще редки в историографии. См., например: *Трепавлов В. В.* Образ русских в представлениях народов России XVII–XVIII в. // *Этногр. обозрение.* 2005. № 1; *Он же.* «Белый царь»... С. 180–184; *Шерстова Л. И.* Тюрки и русские в южной Сибири... С. 59–90; *Она же.* Представления о «чужих» в ментальной традиции аборигенов Южной Сибири // *Народонаселение Сибири: Стратегии и практики межкультурной*

от миролюбиво приветливой до откровенно враждебной. И далеко не все сибирские народы сразу и без колебаний признали русскую власть, подавляющее их большинство оказало вооруженное сопротивление разной степени, активности и длительности. В результате русским приходилось применять оружие и подчинять силой сибирских иноземцев.

В свою очередь действия сибирских администраторов и землепроходцев задавались не только правительственными установками, но и в немалой степени другими факторами, прежде всего их индивидуальными жизненными мотивациями, опытом и инициативностью, умением быстро адаптироваться к новым условиям и находить общий язык с иноземцами, адекватно реагировать на изменение коммуникативных ситуаций и изыскивать оптимальные варианты жизнеобеспечения (что было особо актуально в районах, отдаленных от баз снабжения). Существенное влияние на деятельностьную схему русских служилых людей оказывал и их качественный состав, а также степень и характер контроля за ними со стороны властей¹³¹.

коммуникации (XVII — начало XX века). Новосибирск, 2008; *Она же*. Восприятие русской власти аборигенами Сибири в XVII в.: евразийский (центральноазиатский) контекст // Сибирские исторические исследования. 2013. № 1; *Павлинская Л. Р.* Коренные народы Байкальского региона и русские...; *Она же*. Буряты... С. 103–183; *Перевалова Е. В.* «Русские» в представлениях обских угров и лесных ненцев // Русские старожилы. Тобольск; Омск, 2000; *Она же*. «Белый царь» в угоро-самодийской традиции // Народонаселение Сибири: Стратегии и практики межкультурной коммуникации...; *Зуев А. С.* Русско-аборигенные отношения на крайнем северо-востоке Сибири во второй половине XVII — XVIII веках: от конфронтации к адаптации // Народонаселение Сибири: Стратегии и практики межкультурной коммуникации...; *Он же*. Механизмы адаптации сибирских народов к российской власти во время присоединения Сибири к России (конец XVI — начало XVIII века) // Вестн. НГУ. Серия: История, филология. 2014. Т. 13. Вып. 8.

¹³¹ См.: *Зуев А. С.* «Конквистадоры империи»: русские землепроходцы на северо-востоке Сибири // *Ab Imperio*. Казань, 2001. № 4; *Он же*. Мотивация действий и тактика дружины Ермака в отношении сибирских инородцев // Уральский исторический вестник. 2011. № 3.

Вследствие этого мы наблюдаем широкую палитру первоначальных действий русской стороны в отношении «новых» иноземцев: от дружелюбных и мирных до агрессивных, жестоких и даже безжалостных¹³². Последнее признавалось и центральной, и местной властью. Так, в царском наказе 1638 г. первым якутским воеводам констатировалось:

«А ходили де из Мангазеи по краю тех земель по великой реке Лене с устья в верх не подалеку, а из Енисейского острогу вниз по Лене ж до Вилюйского устья служилые люди с товары и, пристав под которою землецею, приманивали тех землиц людей торговать, и имали у них жон и детей, и животы их и скот грабили, и насильства им чинили многие, от государевы высокие руки тех диких людей отгнали, а сами обогатели многим богатством, а государю приносили от того многого своего богатства малое»¹³³.

¹³² Следует, правда, заметить, что случаи безжалостного отношения русских к иноземцам в истории присоединения Сибири были крайне редки. Массовое убийство иноземцев происходило либо тогда, когда казаки вследствие ожесточения в ходе боя или в целях запугивания («чтоб было им в страх») стремились уничтожить как можно больше воинов-иноземцев, либо тогда, когда у них не было иного выбора, как вместе с воинами уничтожать и их семьи. Убийство «мирного» «гражданского» населения обычно происходило в тех случаях, когда противник укрывался вместе с женщинами, детьми и стариками в своих жилищах, и казаки сжигали последние вместе со всеми их обитателями. См., например: КПЦКЧ. С. 27; ДАИ. Т. 2. С. 250; Материалы по истории Якутии... Ч. 3. С. 1089; *Бахрушин С. В.* Казаки на Амуре. С. 10–72; *Токарев С. А.* Очерк истории якутского народа. С. 42, 58; *Бутанаев В. Я.* История вхождения Хакасии... С. 120–121; *Зуев А. С.* Русские и аборигены на крайнем Северо-Востоке Сибири... С. 240–241, 243, 246, 250, 251, 255, 256–257; *Тураев В. А.* Хожение «встречь солнцу» в контексте проблем присоединения Дальнего Востока к Российскому государству (XVII–XVIII вв.) // Вестн. ДВО РАН. 2013. № 1.

¹³³ *Иванов В. Н.* Вхождение Северо-Востока Азии... С. 172.

В другом документе, наказной памяти якутского воеводы М. Кровкова подъячему Е. Бурдюкову 1685 г., сообщалось:

«Будучи в Охотском острожке, прежние ясачные сборщики дети боярские Петр Ярышкин, Юрей Крыженовской воровали <...> ясачных людей разоряли и грабили, и налоги и обиды им чинили великие ж, и от того разоренья и грабежу и налог и обид, охотские ясачные тунгусы многих служилых людей побили и сами великим государем изменили»¹³⁴.

В целом развитие русско-аборигенной коммуникации при первых контактах по мирному или конфликтному сценариям зависело от поведения самих коммуникантов — иноземцев и русских. Акция (мирная или военная) любой из этих сторон вызывала, как правило, адекватную реакцию (мирную или военную) другой стороны. Соответственно, и варианты приведения иноземцев в подданство — «под высокую государеву руку» могли быть разными: либо по их волеизъявлению (что случалось крайне редко), либо под угрозой применения силы со стороны русских, либо после ее применения, когда разгромленные иноземцы проявляли покорность.

Следует также обратить внимание на тот факт, что конфликтность русско-аборигенных отношений повышалась по мере того, как русские все дальше продвигались на восток от Уральских гор. В немалой степени это было связано с тем, что не только центральная, но и местная воеводская власть теряла оперативный контроль за деятельностью землепроходцев, чьи отряды, используя разветвленные речные системы, быстро передвигались по обширным пространствам Восточной Сибири. Но были и иные важные причины¹³⁵.

¹³⁴ АИ. Т. 5. С. 197, 198.

¹³⁵ См. об этом подробнее: Зуев А. С. «Конквистадоры империи»...; Он же. Русские и аборигены на крайнем Северо-Востоке Сибири... С. 124–149. См. также: Бахрушин С. В. Казаки на Амуре. С. 18–19; Багрин Е. А. Военное дело русских на восточном пограничье России в XVII в.: Тактика и вооружение служилых людей в Прибайкалье, Забайкалье и Приамурье. СПб., 2013. С. 32–33.

Во-первых, менялся качественный состав землепроходцев. Если в Западной Сибири контингент служилых людей в период присоединения этого региона комплектовался в основном ратными людьми, переведенными из европейской части страны (и эти люди, ощущая контроль со стороны уездных воевод, которых в том регионе было немало, придерживались определенных дисциплинарных рамок¹³⁶), то в Восточной Сибири в большом числе — ссыльными (военнопленными, «государевыми изменниками», участниками антиправительственных выступлений, уголовниками), промышленными и гулящими людьми. В составе землепроходческих отрядов также немало было добровольцев и наемников. А эти источники комплектования обуславливали — в условиях почти полного отсутствия надзора со стороны воевод, управлявших огромными территориями — самостоятельность, инициативность и в то же время крайне слабую дисциплину восточно-сибирских служилых людей.

Во-вторых, эти отряды экипировались, как правило, на средства их организаторов и участников. Служилые люди, информируя власти о состоявшемся походе, нередко сообщали следующее: «Поднимались мы, холопи твои, на те твои государевы дальные службы собою, кони, и оружие, и одежду, кюяки и збрую конную покупали на свои деньги дорогою ценою»¹³⁷, «должились у торговых людей хлебными запасы и оружие покупали на порох и свинец дорогою ценою, должася великими долгами, и подымали тех промышленных

¹³⁶ Правда, и эти люди не отличались рвением в соблюдении правопорядка. П. И. Буцинский, аргументируя фактами, писал, что «как приборные служилые люди, так и переведенцы свое путешествие в Сибирь сопровождали страшными разбоями и грабежами... Движение этих переселенцев напоминало русским людям татарских баскаков во времена монгольского ига, когда эти последние с отрядами татар появлялись для сбора дани ... Грабили и разбойничали все — и головы, и сотники, и рядовые служилые люди» (Буцинский П. И. Сочинения в двух томах. Т. 1: Заселение Сибири и быт первых ее насельников. Тюмень, 1999. С. 188, 192). См. также: Lantzeff G. V. Siberia in the Seventeenth century... P. 73–74.

¹³⁷ ОРЗПМ. С. 137.

и гулящих людей на государеву службу на Байкал»¹³⁸. Жалованье же основной — рядовой — массы служилых людей было небольшое. Если провиантского довольствия (ржи, крупы, овса и соли) при условии регулярного снабжения в целом было достаточно, то размер денежных окладов явно не соответствовал условиям несения службы на отдаленных окраинах, где цены на предметы первой необходимости и вооружение были весьма высокими¹³⁹. К тому же жалованье часто задерживалось, а то и вовсе не выдавалось по несколько лет¹⁴⁰.

Несущие службу в Восточной Сибири рядовые стрельцы и казаки получали от 4,25 до 7,25 рублей в год, командный состав (десятники, пятидесятники, сотники, атаманы) — от 4,5 до 18 руб., дети боярские и дворяне — от 6 до 30 руб.¹⁴¹ На единовременное же снаряжение одного ратного человека оружием, боеприпасами и продовольствием уходило около 20 руб.¹⁴² Поэтому как организаторы походов, так и их участники, выражаясь современным языком, брали кредиты: «должились у торговых людей дорогою ценою». Таким образом ор-

¹³⁸ СДИБ. С. 47.

¹³⁹ О значительном несоответствии размера жалованья (денежного, хлебного и соляного) служилых людей их потребностям и высокому уровню цен в восточных районах Сибири см.: Сафронов Ф. Г. Русские на Северо-Востоке Азии... С. 72–78.

¹⁴⁰ К примеру, красноярским служилым людям казна задолжала к 1692/93 г. только по денежным окладам 11 404 руб. (Бахрушин С. В. Очерки по истории Красноярского уезда в XVII в. // Бахрушин С. В. Науч. тр. М., 1959. Т. 4. С. 76), якутским к 1694 г. — 8 412 руб. (Сафронов Ф. Г. Русские на Северо-Востоке Азии... С. 83). За 1673–1697 гг. всем сибирским служилым людям было недодано 143 тыс. руб. денежного жалованья (Александров В. А. Народные восстания в Восточной Сибири во второй половине XVII в. // Исторические записки. 1957. Т. 59. С. 261). См. также: Оглоблин Н. Н. Обзорение столбцов и книг Сибирского приказа. Ч. 4. С. 113, 161; РИБ. Т. 8. С. 987–988; Якутия в XVII в. С. 318–322.

¹⁴¹ См.: Бахрушин С. В. Очерки по истории Красноярского уезда... С. 71, 72, 74, 75; Сафронов Ф. Г. Русские на Северо-Востоке Азии... С. 78, 79; Якутия в XVII в. С. 317.

¹⁴² Багрин Е. А. Военное дело русских на восточном пограничье... С. 28.

ганизовывались экспедиции К. Иванова, Я. Хабарова, С. Дежнева и Ф. Попова, М. Стадухина, В. Атласова и многих других¹⁴³. А долги надо было возвращать. Кроме того, находясь в походе или в отдаленном зимовье долгое время (иногда несколько лет), служилые люди-землепроходцы, исчерпав взятые с собой продовольственные запасы, должны были решать проблему жизнеобеспечения, дабы не питаться, как они сами сообщали, только «сосной и кореньем и травой» и «всякой скверной».

В результате землепроходцы, среди которых был высок процент тех, кого вполне можно отнести к маргиналам, слабо дисциплинированным и отличавшимся своеволием, буйным нравом и склонным к насилию¹⁴⁴, оказавшись в сложных объективных обстоятельствах

¹⁴³ О снаряжении землепроходцами и мореходами экспедиций за свой счет см., например: *Оглоблин Н. Н.* Восточно-сибирские полярные мореходы XVII века // ЖМНП. 1903. № 5; Якутия в XVII в. С. 323; *Леонтьева Г. А.* Якутский казак Владимир Атласов — первопроходец земли Камчатки. М., 1997. С. 63, 65; *Никитин Н. И.* Землепроходец Семен Дежнев и его время. С. 31–32, 101.

¹⁴⁴ Как замечал В. И. Огородников, «все эти люди обладали исключительной настойчивостью и твердой волей, отличались страстью к приключениям и проявляли полную неразборчивость в средствах и жадность к добыче: таковы были общие свойства сибирских землеискателей прежнего времени» (*Огородников В. И.* Русская государственная власть и сибирские инородцы... С. 71). Аналогично о сибирских землепроходцах высказывались и другие историки (См., например: *Садовников Д. Н.* Наши землепроходцы: Рассказы о заселении Сибири (1581–1712 гг.). М., 1905. С. 187; *Козьмин Н. Н.* Заселение русскими Сибири в Московскую эпоху. Красноярск, 1917. С. 21; *Бахрушин С. В.* Очерки по истории колонизации Сибири в XVI и XVII вв. С. 178; *Самойлов В. А.* Семен Дежнев и его время. М., 1945. С. 30–31; *Белов М. И.* Новые данные о службах Владимира Атласова и первых походах русских на Камчатку // *Летопись Севера.* М., 1957. Т. 2. С. 103; *Forsyth J. A.* History of the Peoples of the Siberia: Russia's North Asian Colony. 1581–1990. Cambridge, N. Y., 1992. P. 111; *Тураев В. А.* Россия и народы Дальнего Востока: взаимодействие двух миров // *Вестн. ДВО РАН.* 1997. № 1. С. 24–25). В исторических трудах, однако, присутствуют и иные оценки сибирских казаков. Те историки, которые акцентировали внимание на цивилизирующую роль

(потребность в продуктах питания, одежде, средствах передвижения, во всем, что могло спасти от холода и голода, а также обремененность долговыми обязательствами) и определенной обстановке

России в Азии или ее участие в великих географических открытиях, характеризовали казаков-первопроходцев преимущественно как положительных героев, выполнявших культурную миссию и увлеченных этнографическими исследованиями, поиском и открытием новых земель (См.: Зуев А. С. Отечественная историография присоединения Сибири к России. Новосибирск, 2007. С. 36–39, 48–49, 52, 82–83, 86). Известный специалист по истории сибирского казачества и присоединения Сибири Н. И. Никитин, оценивая деятельность казаков-первопроходцев, высказал следующее замечание: «История “покорения Сибири” знала два основных типа землепроходца. Первый — это “конкистадоры”, попросту говоря, головорезы, главным смыслом жизни которых были военные походы и военная добыча... другой, поначалу менее заметный, но не менее распространенный... отличали и такие черты, как осмотрительность, неторопливость, деловитость. Если того требовали обстоятельства и долг, землепроходцы этого типа неплохо проявляли себя в ратном деле, но вместе с тем им были свойственны совестливость, уживчивость и “контактность”, выражавшаяся в умении находить общий язык с представителями самых различных племен и народов, и главное, жить с ними в мире» (Никитин Н. И. Семен Дежнев // Вопросы истории. 2001. № 4. С. 141). Соглашаясь в целом с такой оценкой, заметим, однако, что «конкистадоры» и «головорезы», сыгравшие преимущественно роль «ударного инструмента» в деле открытия и подчинения новых земель и иноземцев, могли не только без страха пускаться в рискованные экспедиции и идти на вооруженные столкновения с численно превосходящим противником и побеждать его, но и при определенных условиях (прежде всего при отсутствии сопротивления) находить «общий язык с представителями самых различных племен и народов» и устанавливать с ними мирное взаимодействие. Другое дело, что увеличение в составе землепроходческих отрядов доли тех, кто жаждал добычи любыми средствами, значительно повышало риск возникновения конфликтов с местным населением. Заметим, что тип сибирского служилого человека, в том числе землепроходца и морехода, его мотивационные жизненные установки и деятельностные схемы почти не изучены в историографии, за исключением отдельных, наиболее ярких представителей, как, например, Я. Хабаров, С. Дежнев, Н. Черниговский, П. Бекетов, В. Атласов.

(отсутствие непосредственного контроля властей, враждебное окружение), неизбежно прибегали к любым методам, чтобы изъять у аборигенов то, что представляло ценность, причем в таком количестве, которое позволило бы не только собрать ясак (продемонстрировав тем самым свою заботу о «государеве интересе»), но и пополнить собственный карман, чтобы рассчитаться с долгами и получить прибыль. Таким людям, уже в силу их характера, сложно было действовать в отношении иноземцев «ласкою, а не жесточью», тем более что правительственные наказания открывали возможность применения оружия. Поэтому поиски землепроходческой вольницей новых земель и иноземцев живо напоминали собой походы вольных казаков за «зипунами»¹⁴⁵. Наиболее ценной добычей являлись пушнина и ясырь — пленные, которых обращали в холопов и нередко продавали или отдавали за долги. Чтобы легитимировать грабеж иноземцев, землепроходцы нередко объявляли их «изменниками»¹⁴⁶, иногда

¹⁴⁵ Говоря о насилии землепроходцев, да и в целом служивых людей в отношении местного населения (не только, кстати, аборигенного, но и русского) следует учитывать и то обстоятельство, что эти действия выполняли компенсаторную функцию: власть и насилие над подчиненными психологически компенсировали собственное нередкое унижение от лихоимств вышестоящего начальства, давали возможность почувствовать себя «господами положения». На данное обстоятельство первым, кажется, обратил внимание Д. Садовников, который подметил, что казаки обращались с иноземцами так же, как с ними самими обращались «на Руси» (*Садовников Д. Наши землепроходцы... С. 54–55*).

¹⁴⁶ В качестве примера приведем описание двух таких случаев. В 1626 г. «тунгуские люди принесли к атаману к Ваське Олексееву твой государев ясак десять соболей, и Васька те соболи взял себе, а тех тунгуских людей связал, а по достальных тунгусов послал служивых людей и велел их з женами и з детьми переимать. И служивые де люди, сошед тех тунгуских людей, переимали и, перевязав, взяли к себе в подводы, и соболи и шубы соболю, которые они несли в твой государев ясак, взяли себе <...> и побив твоих государевых питцких ясачных людей и полон поймав, поставили меж собою образ Пречистые Богородицы на том, что им того убойства, что побили и полон поймали твоих государевых питцких ясачных людей, не проне-

провоцировали их на вооруженное сопротивление, а потом его подавляли, захватывая «военные трофеи».

В первые годы присоединения Восточной Сибири на всей ее территории случались даже конфликты и вооруженные столкновения между отрядами служилых и промышленных людей из разных городов, которые соревновались в эксплуатации «ясачных угодий»: «...и в том де меж себя у служилых людей бывает ссора великая, а ясачным людям налога». Нередко эта вражда переплеталась с междоусобицами разных этнотерриториальных групп аборигенов, в результате чего русские втягивались в межплеменные «разборки»¹⁴⁷. Эта конкуренция служилых людей, к слову сказать, вносила сумятицу в представления иноземцев о характере русской власти. Так,

сти никому, а сказывать, будто они побили твоих государевых изменников князца Тасейка» (РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 12. Л. 22–23). «В прошлом де в 164 (1655/56. — *Авт.*) году зимою сын боярский Кирило Ванюков, собрав на Индигирке реке из-за всех зимовий многих служилых и торговых и промышленных людей для своей бездельной корысти, сказал измену на ясачных индигирских юкагирей и послал на них служилых и торговых и промышленных людей Ивашко Овчинникова с товарищи больше ста человек после государева ясачного збора и велел погромить. И служилые и торговые и промышленные люди по ево Кирилову велению тех индигирских ясачных людей погромили — жен и детей и оленей с триста на погроме взяли и иного всякого юкагирского живота погромили и от того погрому на Индигирке юкагиры обеднели» (Цит. по: *Гурвич И. С.* Этническая история Северо-Востока Сибири. М., 1966. С. 18).

¹⁴⁷ См. об этом: *Бахрушин С. В.* Очерки по истории колонизации Сибири в XVI и XVII вв. С. 152–153; *Токарев С. А.* Очерк истории якутского народа. С. 44–45, 48–49; *Окладников А. П.* Очерки из истории западных бурят-монголов... С. 92–95; *Залкинд Е. М.* Присоединение Бурятии к России. С. 30–33; *Александров В. А., Покровский Н. Н.* Власть и общество. Сибирь в XVII в. С. 118, 119; *Иванов В. Н.* Вхождение Северо-Востока Азии... С. 45–50; *Шерстова Л. И.* Тюрки и русские в южной Сибири... С. 70, 71; *Павлинская Л. Р.* Буряты... С. 115, 146–148, 154, 156–158. *Никитин Н. И.* Землепроходец Семен Дежнев... С. 100, 102–107. См. также: *Самрина Е. В.* Борьба сибирских острогов за право сбора ясака у коренных народов Южной Сибири в XVII в. // Гуманит. научные исследования. 2012. № 11.

к примеру «бращские люди», столкнувшись с несогласованностью действий представителей одного и того же правителя, недоуменно говорили одному из предводителей землепроходцев В. Колесникову:

«...что де от одного государя приходят к ним двои люди, одне де верхоленские служилые люди как с ними были в миру и под государеву царскую высокую руку приводили и ясак с них на тебя государя имали, а другие люди, от тебя ж, государя, пришедши на них войною, побивают и жен и детей в полон емлют, и скот и лошади отгоняют, и им де как под твою государевою царскую высокою рукою быть?»¹⁴⁸.

Ситуацию в русско-аборигенных отношениях ухудшал также бандитизм беглых служилых, промышленных, гулящих людей и крестьян, сбивавшихся в отряды, иногда крупные, и пытавшихся выжить в окружении иноземцев и за их счет¹⁴⁹.

Важно отметить, что в случае использования землепроходцами силы при подчинении иноземцев вышестоящие власти, как правило, не пытались разобраться, насколько это было оправданным, и наложить какие-либо санкции на нарушителей своих «миролюбивых» установок, принимая с удовлетворением известие об объясачивании очередного народа¹⁵⁰. Однако после того как на подчиненной

¹⁴⁸ ДАИ. Т. 3. С. 23.

¹⁴⁹ См., например: РИБ. Т. 8. Стб. 479, 485, 488; ДАИ. Т. 10. С. 346–348; *Оглоблин Н. Н.* Восточно-сибирские полярные мореходы... С. 48–49; *Он же.* Бунт и побег на Амур «воровского полка» М. Сорокина (Очерк из жизни XVII века) // *Русская старина.* 1896. № 1. С. 206; *Зуев А. С.* Гантимур и русские землепроходцы: из истории русско-тунгусских отношений в Забайкалье в середине XVII в. // *Сибирь в империи — империя в Сибири: имперские процессы на окраинах России в XVII — начале XX вв.* Иркутск, 2013. С. 146.

¹⁵⁰ Так, в частности, правительство поставило в заслугу якутскому пятидесятнику В. Колесову то, что он в 1705 г. послал в Курильскую Лопатку (на Камчатке) для сбора ясака казаков и промышленных людей (40 человек во главе с казаком С. Ломаевым), которые «тех немирных иноземцев курил побили человек со сто, а достальных привели под нашу, великого государя, высокую самодержавную руку в вечное холопство в ясачной платеж» (*Стрелов Е. Д.* Акты архивов Якутской области (с 1650 до 1800 г.). Якутск, 1916. Т. 1. С. 24).

территории возникали опорные пункты и вводилась постоянная администрация, Сибирский приказ начинал проявлять явное стремление к контролю ситуации и применению жестких наказаний тех служилых людей, которые слабо или вообще не согласовывали свои действия с «государевым» интересом, своими «лихоимствами» «отгоняли» ясачноплательщиков от «высокой государевой руки» и тем самым существенно умаляли «государеву прибыль».

* * *

В исторической литературе, как отмечалось во введении, существуют разные оценки присоединения Сибири к Российскому государству. Среди отечественных историков до середины XX в. преобладало мнение о завоевании Сибири, затем возобладала концепция преимущественно мирного и даже добровольного присоединения (или вхождения) сибирских народов в состав России. С конца 1980-х гг. эта концепция стала подвергаться критике, благодаря чему произошел поворот к более взвешенным оценкам, которые признают, что присоединение Сибири по своему характеру представляло сложный и противоречивый процесс этнополитического и этнокультурного взаимодействия русской и аборигенной сторон. Новейшие исторические исследования при всем разнообразии представленных в них интерпретаций характера «взятия Сибири» демонстрируют три основные точки зрения на процесс присоединения Сибири к России: как «преимущественно мирного вхождения / присоединения»; как «присоединения», которое осуществлялось и мирным и военным способом (понятие «присоединение» иногда заменяется понятиями «вхождение» и «колонизация»); как «завоевания», при котором подчинение сибирских народов реализовывалось преимущественно с применением силы, правда, в разных пропорциях на разных тер-

риториях¹⁵¹. Аналогичные оценки характера присоединения Сибири присутствовали и присутствуют до сих пор в зарубежной историографии¹⁵².

Правительственные установки, регулирующие порядок подчинения сибирских народов, отличались явной амбивалентностью: с одной стороны, они — ради сохранения максимального числа потенциальных ясачноплательщиков — предписывали обходиться с иноземцами «ласкою, а не жесточью», а с другой — требовали их безусловного подчинения, указывая сибирской администрации и землепроходцам использовать для этого при необходимости («смотря по тамошнему делу») силовые методы, которые на практике зачастую становились основными. Вполне можно согласиться с А. П. Уманским, который на материалах русско-телеутских отношений пришел к выводу, что «жесточь» в отношении сибирских аборигенов была результатом не только действий непосредственных исполнителей, но и проявлением правительственной политики, поскольку, «если бы даже воеводы (и, добавим, служилые люди. — *Авт.*) не были корыстолюбивыми насильниками и т. п., конфликты между царской администрацией и ясашными волостями были неизбежны — во-первых, не кто иной, как царское правительство требовало от воевод собирать ясак полностью, принимать все меры по ликвидации недобора ясака...;

¹⁵¹ См.: *Сили Ш.* Концепции овладения Сибирью в русской и советской историографии // Новые направления и результаты в международных исследованиях по русистике. Будапешт, 2005; *Зуев А. С.* Отечественная историография присоединения Сибири к России. Из новейших сочинений, в которых поднимается вопрос о характере присоединения Сибири к России, см.: *Никитин Н. И.* Присоединение Сибири. С. 127–135; *Он же.* Присоединение Сибири в XVI–XVIII вв. Русская Америка // Российское государство от истоков до XIX века: территория и власть. М., 2012. С. 216–219; *Он же.* О характере присоединения Сибири к России // Труды Института российской истории. М., 2012. Вып. 10. С. 53–70; *Никитин Н. И., Петров Ю. А.* Русская колонизация Сибири и Америки: дискуссионные проблемы // Вестн. российской нации. 2012. № 4–5. С. 35–49.

¹⁵² См.: *Ананьев Д. А.* История Сибири конца XVI–XIX вв. в англо- и германоязычной историографии. Новосибирск, 2012. С. 116–121.

во-вторых, именно оно настойчиво требовало от воевод “приискывать новые землицы” и приводить их в подданство, и не только добром, но и силой»¹⁵³.

Руководящую и направляющую роль в деле присоединения Сибири сыграло государство в лице центрального правительственного аппарата и созданных на местах органов управления — воеводских администраций. Но функцию непосредственного поиска и подчинения новых «землиц» и иноземцев выполняли служилые люди, действовавшие как по правительственным предписаниям, так и по собственной инициативе (преимущественно в Восточной Сибири). Значительный вклад в этот процесс внесли и промышленные люди, шедшие «встречь солнцу» в поисках новых районов добычи пушнины. Важнейшим фактором, обеспечившим успех присоединения Сибири, стало переселение на новые земли и оседание там русского населения, прежде всего крестьянства.

В присоединении Сибири с самого начала органично сочетались и взаимодействовали государственная (правительственная) и вольнонародная колонизация, казенный и частный интерес. Первая выразилась в заселении новых земель крестьянами, посадскими и служилыми людьми по инициативе и под контролем властей (в том числе путем ссылки), вторая представляла собой стихийное и добровольное, легальное и нелегальное переселение в сибирские регионы русских людей из европейской части страны (в XVII в. преимущественно из Поморья). Монастырская (корпоративная) колонизация, хотя и имела место (преимущественно в Западной Сибири), но не сыграла той заметной роли в освоении новых земель, как это было в Поморье и Приуралье. Колонизационный же потенциал частных землевладельцев (помещиков и вотчинников) вообще не был задействован, поскольку, как указывалось, государство не допустило возникновения в Сибири помещичьего и вотчинного землевладения.

¹⁵³ Уманский А. П. Телеуты и русские в XVII–XVIII веках. С. 32. См. также: Малахова-Полякова О. В., Модоров Н. С. Закрепление Русского государства в Верхнем Приобье в XVII — первой половине XVIII в. // Мир Евразии. 2012. № 2–4. С. 117.

Появление и рост численности русского населения в Сибири привели к возникновению здесь русских поселений — деревень, слобод, острогов и городов, а также к быстрому и качественному изменению демографической ситуации. К началу 1620-х гг. в Сибири насчитывалось более 20 тыс. русских обоого пола, к началу 1660-х гг. — более 130 тыс., к 1710 г. — более 300 тыс. Численность же сибирских народов на рубеже XVII–XVIII вв. составляла около 240 тыс. человек¹⁵⁴. Таким образом, к началу XVIII в. русские¹⁵⁵ количественно уже заметно преобладали над коренным населением.

¹⁵⁴ См.: История Сибири с древнейших времен до наших дней. Л., 1968. Т. 2. С. 55, 61; *Алексеева Е. В.* Освоение Азиатской России в сравнительно-исторической ретроспективе // Азиатская Россия в геополитической и цивилизационной динамике.... С. 249, 254, 262.

¹⁵⁵ Напомним, что под русскими мы подразумеваем не только собственно русских, но вообще всех тех, кто прибывал в Сибирь из европейской части России.

ГЛАВА 2

ПОЛИТИКО-ПРАВОВОЕ ОФОРМЛЕНИЕ ЛЕГИТИМНОСТИ ВЛАСТИ РУССКОГО ЦАРЯ НАД СИБИРЬЮ И ЕЕ НАРОДАМИ

Политико-идеологическое и дипломатическое обоснование принадлежности Сибири и ее народов русскому царю

Не имея, как говорилось выше, четко выраженной идеологической программы «сибирского взятия», московская политика в Сибири в рассматриваемое время была прагматична, определялась названными выше основными стратегическими установками и преследовала цель включения в российское подданство сибирских народов и закрепления сибирских территорий за Русским государством. Для достижения этой цели в ходе присоединения Сибири были аккумулированы и задействованы почти все ранее опробованные и давшие положительный эффект методы подчинения нерусских народов и земель, а также способы политико-идеологического обоснования и правового оформления самого процесса подчинения. При этом методы и способы варьировались и корректировались русской властью с учетом этнополитической ситуации в разных сибирских регионах, численности и плотности населения на отдельных территориях, характера существовавших между сибирскими этносоциумами социально-политических связей и, наконец, действующей практики взаимодействия с ними. Однако при всей вариативности примени-

тельно к присоединению отдельных земель и народов основополагающие принципы аборигенной политики в Сибири на протяжении конца XVI — начала XVIII в. оставались неизменными. В ее основе лежало сочетание сотрудничества в первую очередь с аборигенными военно-политическими элитами, прямого насилия и администрирования, а ее главной составляющей являлось обложение аборигенов ясаком, который в то время имел не только финансовое значение, но и политическое, выступая главным показателем подданства и признания русской власти¹.

Методы и способы подчинения сибирских иноземцев излагались в указах, грамотах, наказах и наказных памятях, оформленных от имени царя в адрес сибирских воевод. На их основе в воеводских приказных избах составлялись инструкции — наказы и памяти (наказные памяти) — приказчикам острогов, зимовий и слобод, ясачным сборщикам и командирам землепроходческих отрядов². Наказы последним нередко давали и приказчики, руководствуясь, в свою очередь, наказами, полученными от воевод. При этом, однако, предписания центральных и местных властей, как правило, содержали самые общие и стереотипные рекомендации по взаимодействию с местным населением, которые были разработаны на протяжении конца XVI — первой половины XVII в.³ Лишь в экстраординарных ситуациях, например, когда речь шла о подавлении длительного и серьезного сопротивления или когда усилия по подчинению каких-ли-

¹ См.: *Каннелер А.* Россия — многонациональная империя. Возникновение. История. Распад. М., 2000. С. 31–48; *Трепавлов В. В.* «Белый царь»: образ монарха и представления о подданстве у народов России XVI–XVIII вв. М., 2007. С. 135.

² Наказы и памяти приказчикам и землепроходцам изредка составлялись также в центральном приказе, ведавшем Сибирью.

³ Наказы воеводам и приказчикам касались взаимодействия не только с аборигенами, но и с русским населением, включая широкий спектр административных, хозяйственных, финансовых, судебных и военных вопросов управления. См. *Александров В. А., Покровский Н. Н.* Власть и общество. Сибирь в XVII в. Новосибирск, 1991. С. 117; *Вершинин Е. В.* Воеводское управление в Сибири (XVII век). Екатеринбург, 1998. С. 65–81.

бо иноземцев наталкивались на аналогичные притязания со стороны соседних государственных образований, власти могли более пространно и конкретно расписать порядок действий своих агентов на местах.

Особо отметим, что в нормативных документах, исходивших от властей, не содержалось указаний на то, чтобы сибирская администрация и землепроходцы учитывали в своих действиях этнокультурную специфику того или иного сибирского народа. Более того, судя по распорядительной и отчетной документации, московские чиновники поначалу особо и не интересовались информацией этнографического и этнополитического характера. Лишь с началом присоединения Восточной Сибири, увидев перед собой совершенно незнакомые народы⁴, Москва начала требовать от воевод, а те — от землепроходцев сбора разнообразной информации о «вновь присканных» иноземцах, природных условиях и богатствах новых «землиц», а также составления чертежей присоединяемых территорий⁵. Землепроходцы, вернувшись из походов, докладывали воеводам (в письменной или устной форме), отвечая по сути на те вопросы, которые формулировались в наказных памятях, о возможных доходах с новых земель, примерной численности и платежном потенциале иноземцев, их государственной принадлежности, хозяйственных занятиях, языке, вероисповедании и боеспособности, а также давали экспертную оценку людских и материальных ресурсов, достаточных для подчинения «вновь сысканных» иноземцев⁶. Эти «доклады»

⁴ О народах Западной Сибири — остяках, вогулах, самоедах, татарах — русские имели представление еще до похода Ермака.

⁵ Подробнее о содержании таких требований см.: *Иванов В. Ф.* Письменные источники по истории Якутии XVII века. Новосибирск, 1979. С. 39.

⁶ См., например: РГАДА. Ф. 208. Оп. 1. Д. 3. Л. 3–4; Ф. 214. Оп. 3. Стб. 12. Л. 183–186; Стб. 508. Л. 3–4, 27–30; Ф. 1177. Оп. 3. Стб. 152. Л. 107а–108; АИ. СПб., 1842. Т. 4. С. 75, 76; ДАИ. СПб., 1846. Т. 2. С. 241–248, 251, 254, 256, 258–260, 262, 264; 1848. Т. 3. С. 51–57, 99–100, 102–104, 173–174, 258–261, 324–325; 1851. Т. 4. С. 25–27; 1853. Т. 5. С. 51; 1857. Т. 6. С. 403–408; РИБ. СПб., 1875. Т. 2. Стб. 189–190, 373–376; ПСИ. СПб., 1882. Кн. 1. С. 411–413, 418–421,

(сказки, распросные речи, росписи) отправлялись в Москву, и из них становилось ясно, что обитатели Сибири ведут разный образ жизни: есть люди «кочевные», «конные», «скотные», «конные и скотные», «кочевные скотные», «конные сидячие», «оленные», «пешие», «сидячие», «сидячие пахотные», «пашенные», «сидячие хлебные и скотные», «пахотные и скотные», «кузнецкие» и т. д.

Однако увеличивавшийся на протяжении XVII в. объем «этнографической» информации еще не порождал осознание дифференцированного подхода к разным группам сибирского населения, все они, несмотря на уже известные различия в политическом и социально-экономическом устройстве, в глазах власти сливались в одноликую массу иноземцев, в отношении которых действовать можно было по одному сценарию. Стереотипность рекомендаций была также следствием того, что московские дьяки были просто не в состоянии отслеживать всю палитру русско-аборигенных отношений и постоянно разрабатывать для каждого конкретного случая особые указания. К тому же по мере удаления русских рубежей все далее на восток оперативность взаимодействия центра и сибирских воевод снижалась. Да и в самой Сибири в условиях огромных расстояний коммуникация между территориальными органами власти осуществлялась медленно. В Москве эти проблемы, видимо, понимали, поскольку нормативные распоряжения, как правило, содержали указание на то, что местная администрация и землепроходцы, руководствуясь в целом типовыми рекомендациями, могут действовать

456–464; 1885. Кн. 2. С. 496–506, 525; СДИБ. Улан-Удэ, 1960. С. 14–15, 22–23, 32–33, 34–37, 38, 84–85, 87, 89, 112–114, 155, 157; РМО. 1685–1691. М., 2000. Т. 4. С. 179–182; *Миллер Г. Ф.* История Сибири. М., 2000. Т. 2. С. 281–282, 292–293, 358–359; 2005. Т. 3. С. 128, 130, 131, 153, 260; *Оглоблин Н. Н.* Две «сказки» Владимира Атласова об открытии Камчатки // ЧОИДР. 1891. Кн. 3; ОРЗПМ. М., 1951. С. 139–141, 156–158, 221–222; *Степанов Н. Н.* Первая экспедиция русских на Тихий океан // Известия ВГО. 1943. Т. 75. Вып. 2. С. 440–441, 446–448. О сборе землепроходцами указанной информации см.: *Скалон В. Н.* Русские землепроходцы XVII века в Сибири. Новосибирск, 2005. С. 38–60, 82–111, 188–220, 228–255.

по собственной инициативе («смотря по тамошнему делу»), но последняя обязательно должна быть направлена на поиск «прибыли» великому государю⁷.

* * *

Важнейшей конкретной задачей, вставшей перед русской властью в Сибири, стало *освоение ее политического пространства*, которое требовалось сделать своим и соответственно присвоить себе. Процесс этот начался во второй половине XV в. — задолго до разгрома Сибирского юрта и появления в Сибири на постоянной основе первых царских воевод. Уже московские великие князья Иван III и Василий III, затем царь Иван IV стремились установить свою власть над зауральскими народами, предлагая им, в том числе в ответ на обращения их «родоплеменных вождей», свой протекторат, претендуя взамен на взимание дани⁸. Согласие ряда остякских и вогульских

⁷ Вряд ли можно согласиться с Е. В. Вершининым, который утверждал следующее: «Центральное правительство, предоставляя таким образом свободу решений местным властям, всегда имело возможность выступить в роли высшего арбитра и, исходя из конкретной ситуации, поддержать или осудить действия администрации, т. е. обратить неопределенную часть наказов в любую выгодную для себя сторону» (*Вершинин Е. В. Воеводское управление... С. 75*). Мы полагаем, что у центральной власти не было интереса ставить воевод в двусмысленное положение и заставлять их угадывать свои желания. Предоставление инициативы, но в определенных пределах, в условиях слабой коммуникации и постоянно менявшихся на первых порах управленческих задач было единственно возможным средством оперативного решения возникавших вопросов.

⁸ См.: ПСРЛ. СПб., 1901. Т. 12. С. 249; М., Л., 1959. Т. 26. С. 276–277; Л., 1977. Т. 33. С. 125; Л., 1982. Т. 37. С. 49, 96; Разрядная книга 1475–1605 гг. М., 1977. Т. 1. Ч. 1. С. 56; *Плигузов А. И. Текст-кентавр о сибирских самоедах*. М., 1993. С. 149–150; *Обдорский край и Мангазея в XVII веке*. Екатеринбург, 2004. С. 11; *Миллер Г. Ф. История Сибири*. М., 1999. Т. 1. С. 324–325; *Шаш-*

князей платить дань дало основание великим государям «присвоить» их земли себе. В титулатуре Ивана III с конца XV в. среди прочих его владений упоминалась Югорская земля («князь Югорский») и «иные многие земли от Севера и до Востока». При Василии III к ним добавились две новые сибирские «землицы»: «Государь и великий князь <...> Обдорский, и Кондинский»⁹. Тем самым, с точки зрения московских политиков, эти земли уже считались своими — московскими, и заодно иностранным правителям давалось понять, что они принадлежат московскому государю. Иван IV в 1556/57 г. даже называл некоторые зауральские территории — «Юсерскую землю» и «Сорыкитцкие земли» — своей «вотчиной»¹⁰, давая тем самым понять, что они стали владением русских государей еще при его предках.

Отношения протектората выстраивались и между Московским царством и Сибирским юртом, правитель которого бек Едигер в 1555–1558 гг. по итогам общения своих послов с Иваном IV признал последнего своим сюзереном, получил от него ярлык на княжение (бекство), дал ему «грамоту шертную» и обязался «дань царю и великому князю с всей Сибирьской земли давати»¹¹. Это дало ос-

ков А. Т. Югра в эпоху Средневековья // Он же. Избранные труды. Екатеринбург, 2013. С. 592–593.

⁹ См.: Авдеев А. Г. Титулатура Ивана III в латинской и русской надписях на Спасской башне Московского Кремля // Вопросы эпиграфики. М., 2006. Вып. 1. С. 26, 31; Каиштанов С. М. Сибирский компонент в титулатуре московских государей XVI–XVII вв. // Общественное сознание населения России по отечественным нарративным источникам XVI–XX вв. Новосибирск, 2006. С. 3–5; Пчелов Е. В. Территориальный титул российских государей: структура и принципы формирования // Российская история. 2010. № 1. С. 4–5.

¹⁰ Миллер Г. Ф. История Сибири. Т. 1. С. 324–325.

¹¹ См.: ПСРЛ. СПб., 1904. Т. 13. Первая половина. С. 248, 276, 285, 313, 370; Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским. Т. 2: 1533–1560 гг. // Сб. РИО. СПб., 1887. Т. 59. С. 479–480; Миллер Г. Ф. История Сибири. Т. 1. С. 204–205. Напомним, что вместе с Едигером ярлык на княжение получил и другой сибирский бек — Бек-Пулад (Трепавлов В. В. «Белый царь»... С. 82).

нование уже в 1556 г. включить в интитуляцию еще одну формулу — «всея Сибирские и Северные страны повелитель»¹². В 1563 г. Иван IV сообщал ногайскому бию Исмаилу: «Зять твой (Едигер. — *Авт.*) был на Сибири на *нашем* юрте»¹³ (курсив наш. — *Авт.*). В том же году русский посол в Речь Посполитую должен был известить поляков, что «сибирский князь Едигер бил челом государю нашему с всеми сибирскими люд(ь)ми, чтобы царь и великий князь пожаловал Сибирскую землю держал за собою и дань бы с них имал, а их бы с Сибирс(к)ые земли не сводил. И государь их пожаловал, дань свою на них положил»¹⁴.

В конце 1550-х — начале 1570-х гг. сибирская часть царского титула в полной формулировке звучала так: «Великий князь <...> югорский, <...> обдорский, кондинский и все Сибирские земли <...> повелитель»¹⁵. Даже после того как новый правитель Сибирского юрта хан Кучум в 1573 г. окончательно разорвал даннические отношения и восстановил свой суверенитет, Иван IV продолжал рассматривать «Сибирь» как свое владение и сохранять за собой титул «Сибирские земли повелителя»¹⁶. Именно поэтому в 1574 г. он пожаловал

¹² *Капитанов С. М.* Сибирский компонент в титулатуре московских государей... С. 3, 7–10.

¹³ *Маслюженко Д. Н., Рябинина Е. А.* Реставрация Шибанидов в Сибири и правление Кучум хана во второй половине XVI века // *Средневековые тюрко-татарские государства.* 2009. № 1. С. 99.

¹⁴ Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским. Т. 2. С. 473, 479; *Преображенский А. А.* Урал и Западная Сибирь в конце XVI — начале XVIII века. М., 1972. С. 45.

¹⁵ См.: СГГД. М., 1819. Ч. 2. С. 63–65; Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским государством. Т. 3: 1560–1571 гг. // Сб. РИО. СПб., 1892. Т. 71. С. 724; *Филлюшкин А. И.* Изобретая первую войну России и Европы: Балтийские войны второй половины XVI в. глазами современников и потомков. СПб., 2013. С. 687, 689, 695, 697, 698, 724, 726, 728.

¹⁶ Формулировки полного царского титула в 1570-х гг. см.: *Филлюшкин А. И.* Изобретая первую войну России и Европы... С. 730, 736, 737, 738, 739, 749.

Строгановым земли «на Тахчее и на Тоболе реке», «на Иртыше и на Обе и на иных реках», разрешив им, наряду с подчинением «сибирцев», начать хозяйственное освоение этих земель: «...железо делати, и пашни пахати и угодыя владети»¹⁷. А в 1578 г. московский царь извещал ногайского бия Дин-Ахмата о том, что дань, которую должен давать Кучум, «была на сибирской земле издавна от наших прародителей»¹⁸. В конце 1570-х гг. на большой государственной печати появилось геральдическое обозначение Сибирской земли¹⁹.

В 1584 г., когда разгром Сибирского юрта стал свершившимся фактом, московская дипломатия, приписав этот успех царю, аргументировала нападение на Кучума тем, что тот вышел из повиновения и наказан за свое «непослушание». Кроме того, Москва по дипломатическим каналам известила иностранных правителей, что «сидят в Сибири государевы люди, и Сибирская земля вся, и Югра, и кондинской князь, и пелымской князь, и вогуличи и остяки, и по Оби по великой реке все люди государю добили челом и дань давать почали. И ныне те все земли с Сибирью государю послушны»²⁰. В 1585 г.

¹⁷ Миллер Г. Ф. История Сибири. Т. 1. С. 332–334. Как отметил А. А. Дмитриев, царская грамота «отдавала в руки Строгановых почти все тогдашнее царство Кучума» (Дмитриев А. А. Покорение угорских земель и Сибири // Пермская старина. Пермь, 1894. Вып. 5. С. 127). Топоним Тахчеи не встречается ни в одном другом источнике. По его поводу исследователи высказывают разные версии (См., например: Дмитриев А. А. Покорение угорских земель и Сибири. С. 132; Шумилов Е. Н. О местонахождении Тахчеи // Вопросы истории. 2008. № 9; Маслюженко Д. Н., Рябинина Е. А. Москва и Искер в 1569–1582 гг. в контексте международной политики // Средневековые тюрк-татарские государства. 2012. № 4. С. 217–218). Ясно только то, что Тахчеи располагались где-то на восточных склонах Урала.

¹⁸ Маслюженко Д. Н., Рябинина Е. А. Москва и Искер в 1569–1582 гг... С. 219.

¹⁹ Пчелов Е. В. Символы Сибирского царства // Изв. Урал. гос. ун-та. Серия 2: Гуманит. науки. 2009. № 4. С. 17.

²⁰ Памятники дипломатических сношений Древней России с державами иностранными. СПб., 1851. Т. 1. Стб. 92; Преображенский А. А. Урал и Западная Сибирь... С. 46.

в царском наказе русским послам на переговорах со шведами прямо говорилось о том, что «последний сибирской Кучюм царь посаженик был на Сибири из рук государя нашего <...> Ивана Васильевича», но «своровал»²¹. В 1586 г. в полной титулатуре царя Федора утверждалось, что он «великий князь <...> Обдорский, Кондинский, и обладатель всея Сибирские земли и великие реки Оби»²², а само «взятие Сибири» объяснялось уже тем, что «Сибирское царство искони вечная вотчина государей наших»²³.

Эта же аргументация — ссылки на «исконность» владения Сибирью русскими государями и «непослушание» Кучума воле сюзерена — звучит и в «жалованной грамоте» Федора Ивановича самому «сибирскому царю» Кучуму 1597 г.²⁴, а также переговорах конца

²¹ Памятники дипломатических сношений Московского государства с Шведским государством. Т. 1: 1556–1586 гг. // Сб. РИО. СПб., 1910. Т. 129. С. 414.

²² СГГД. Ч. 2. С. 88; Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. 1. С. 337. См. также: Каштанов С.М. Сибирский компонент в титулатуре московских государей... С. 12–13. Заметим, однако, что в чине венчания на царство Федора Ивановича (30 июня 1584 г.) Сибирь вообще не упоминалась (СГГД. Ч. 2. С. 75, 76, 79).

²³ Преображенский А.А. Урал и Западная Сибирь... С. 49; Каштанов С.М. Сибирский компонент в титулатуре московских государей... С. 13–14.

²⁴ В жалованной грамоте 1597 г. царя Федора Ивановича к царю Кучуму содержались следующие слова: «Из давных лет Сибирское государство была вотчина прародителей наших, блаженные памяти, великих государей русских царей, как еще на Сибирском государстве был дед твой Ибак царь, и з Сибирские земли всякую дань давали нашим прародителям великим государем царем; а после деда твоего Ибака царя были на Сибирском Государ[стве] князи Тайбугина роду <...> и те все князи деду нашему <...> и отцу нашему <...> с Сибирские земли дань давали. А как ты, Кучюм царь, учинился в Сибирской земле царем, и ты отцу нашему <...> послушен был и дань с Сибирские земли присылал <...> А после того ты, Кучюм царь, <...> непослушником учинился еси и дани давати не почал еси <...> А как по нашего царского величества повеленью наши люди, пришед в Сибирь, тебя с царства согнали и Сибирскую землю взяли» (СГГД. Ч. 2. С. 132–133).

XVI — начала XVII в. с иностранными правителями, которым русские дипломаты должны были доказывать, что со времен Ивана III сибирские «цари» «бывали из рук государей нашей», то есть якобы сажались на ханский престол московскими великими князьями и находились от них в зависимости²⁵.

Таким образом, русские «политтехнологи» того времени рассматривали «взятие Сибири» (под которой тогда подразумевался лишь Сибирский юрт) как ее возвращение под власть Москвы по праву наследования властных полномочий над ней от предков-Рюриковичей, а саму «Сибирскую землю» как «исконную государеву вотчину»²⁶. «Исконность» владения «Сибирью» доказывалась тем, что она еще до ее окончательного покорения уже находилась якобы под властью московских правителей со времен Ивана III. Апеллирование к правообладанию всем наследием Рюриковичей к концу XVI в. являлось уже традиционным аргументом московской внешней политики. Раньше аналогичным образом — как возвращение древнего наследия предков — русские государи и их идеологи объясняли подчинение Новгорода, захват бывших древнерусских земель у Великого княжества Литовского, завоевание Казанского и Астраханского ханств, попытку овладения землями Ливонского ордена. В связи с этим заметим, что попытки томского историка-этнолога Л. И. Шерстовой доказать прямую преемственность власти русских царей над Сибирью

²⁵ Преображенский А. А. Русские дипломатические документы второй половины XVI в. о присоединении Сибири // Исследования по отечественному источниковедению. М.; Л., 1964. С. 383–390; *Он же*. Урал и Западная Сибирь... С. 44–55; Трепавлов В. В. Сибирский юрт после Ермака: Кучум и Кучумовичи в борьбе за реванш. М., 2012. С. 36–37; Нольде Б. Э. История формирования Российской империи. СПб., 2013. С. 281.

²⁶ М. О. Акишин почему-то считает, что право на Сибирское ханство как «исконную вотчину» «досталось» «российскому самодержцу» «от древнерусских князей» (Акишин М. О. Дьяки Посольского приказа и присоединение Сибири // Российская история. 2015. № 3. С. 54). Но генеалогическая аргументация московских дипломатов в отношении Сибири не углублялась в старину ранее Ивана III.

от золотоордынских ханов²⁷ являются несостоятельными: у правителей Московской Руси была выработана своя собственная логика аргументации экспансии, ключевыми элементами которой, как говорилось выше, являлись наследование владений Рюриковичей, наказание изменников-клятвопреступников и расширение пространства православного мира.

С конца XVI в. в русских дипломатических документах Сибирь (в границах тех территорий, которые были подчинены) неизменно фигурировала как часть Русского государства, тем самым русские цари объявили ее перед всем тогдашним «мировым сообществом» своим владением²⁸. При этом русское правительство стремилось:

– подчеркнуть ведущую роль государства в «сибирском взятии», принижая или вообще замалчивая участие вольных казаков в разгроме Сибирского юрта; гипертрофировать окончательный разгром Кучума в 1598 г., сильно завышая численность убитых воинов сибирского хана;

– серьезно преувеличить успехи русской колонизации Западной Сибири в конце XVI — начале XVII в., сообщая о строительстве там

²⁷ *Шерстова Л. И.* Тюрки и русские в южной Сибири: этнополитические процессы и этнокультурная динамика XVII — начала XX века. Новосибирск, 2005. С. 64–65; *Она же.* Аборигенная политика московского царства в Сибири: проблема синтеза социально-политических институтов в XVII в. // Вестн. Томск. гос. ун-та. 2012. № 365; *Она же.* Восприятие русской власти аборигенами Сибири в XVII в.: евразийский (центральноазиатский) контекст // Сибирские исторические исследования. 2013. № 1.

²⁸ О международно-правовых аспектах обоснования прав российского монарха на Сибирь см. также: *Акишин М. О.* Проблемы международной правосубъектности при присоединении Сибири к России // Российский юридический журнал. 2012. № 5; *Он же.* Русское государство, международное право и присоединение Сибири: постановка вопроса // Вопросы правоведения. 2013. № 3; *Он же.* Правовые формы становления отношений России с народами Центральной Азии и Китаем в XVII веке // Вестн. Санкт-Петербургской юридической академии. 2013. № 2; *Он же.* Международно-правовые основы присоединения Сибири к России: постановка проблемы // Русь, Россия. Средневековье и Новое время. М., 2013. Вып. 3.

многих русских городов, наличии «государевых воевод», «многих ратных» и «жилетцких торговых людей», а также «пашен многих»;

– обозначить как пространственную обширность занятых территорий, так и значительные политические и экономические перспективы, появившиеся у Московского государства благодаря возникшему близкому соседству с богатым Китаем;

– отметить лояльность аборигенного населения, не разглашая факты его сопротивления русской власти, но упоминая о том, что «тамошние люди сибирцы многие крестились»;

– указать на то, что с присоединением Сибири русский царь расширил свое «царство» путем присоединения огромной территории, на которой якобы располагались десятки и даже сотни городов, принадлежавших местному населению²⁹.

Все эти акценты, выгодно расставленные для русской стороны, должны были уверить иностранных правителей в прочности рус-

²⁹ См.: Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией. СПб., 1890. Т. 1. С. 94; 1892. Т. 2. С. 51; 1898. Т. 3. С. 226, 352; Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским государством. Т. 4: 1598–1608 гг. // Сб. РИО. М., 1912. Т. 137. С. 417; Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским государством. Т. 5: 1609–1615 гг. // Сб. РИО. М., 1913. Т. 142. С. 339, 526; Памятники дипломатических сношений Древней России с державами иностранными. Т. 1. Стб. 939, 1042–1043, 1121–1122; 1852. Т. 2. Стб. 292, 364, 466, 989; Памятники дипломатических сношений Московского государства с Англией. Т. 2 (С 1581 по 1604 год) // Сб. РИО. СПб., 1883. Т. 38. С. 297; Памятники дипломатических сношений Московского государства с Шведским государством. Т. 1. С. 414–415; Посольская книга по связям России с Англией. 1613–1614 гг. М., 1979. С. 130, 131; РКО в XVII в. М., 1969. Т. 1. С. 65, 66; Сношения России с Кавказом. М., 1889. Вып. 1. С. 27, 98, 341; *Преображенский А. А.* Урал и Западная Сибирь... С. 47–48, 51. См. также: *Игнаткин П. С.* Официальный образ Сибири в Московском государстве конца XVI — начала XVII века // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: История, филология, 2013. Т. 12. Вып. 1; *Рябинина Е. А.* Внешняя политика Кучума-хана в 1582–1598 гг. // История, экономика и культура средневековых тюрко-татарских государств Западной Сибири. Курган, 2011. С. 90–92.

ского присутствия в Сибири, отвратить их от каких-либо попыток притязания на новую «государеву вотчину»³⁰, создать у них позитивный образ русского продвижения в Северной Азии, укрепить представление о русском правителе как всесильном и могущественном «настоящем» царе («чтоб государеву имени было к чести и к повышенью»), а о Московском государстве как «настоящем» «царстве» — «царстве», которое по «божьему изволению» включает в свой состав все новые и новые государства, земли и народы.

Так, в частности, в наказной памяти 1617 г. послу в Швецию Ф. Борятинскому предписывалось среди прочего акцентировать внимание шведов на русских успехах в Южной Сибири: «При его царского величества державе учинились под его, великого государя нашего, рукою *многие новоприбыльные государства и земли, которые на восток, а подошли к Сибирскому государству, Калмыки Черные и Белые, Киргиская земля, Табынская земля, Саянская земля, Долмацкая (должно быть: да Мацкая. — Авт.) земля*»³¹ (курсив наш. — Авт.). Аналогичную информацию русские дипломаты передали шведам и на переговорах в 1618 г.³² Обратим внимание и на тот факт, что русские власти пытались добиться перехода сибирского «царя» Кучума на русскую службу, предлагая ему в управление территорию Сибирского юрта: «И мы <...> хотели тебя пожаловати устроити на Сибирской земле царем, как было тебе быти в нашем Царском жалованье вперед крепку и неподвижну»³³. И даже после разгрома Кучума в 1598 г. воевода А. Воейков, выполняя, надо полагать, царское предписание, послал взятого в плен кучумова Тул-Мамет-сеита разыскать хана и позвать его служить русскому царю. Но тот в очередной раз отказался³⁴. Переход же Кучума под «высо-

³⁰ Это было весьма актуально в связи со стремлением западно-европейцев во второй половине XVI — начале XVII в. найти северный морской путь в Азию, что могло привести к их проникновению в Сибирь.

³¹ РКО в XVII в. Т. 1. С. 65.

³² Там же. С. 71.

³³ СГД, Ч. 2. С. 133–134.

³⁴ АИ. СПб., 1841. Т. 2. С. 3, 7.

кую государеву руку» укрепил бы имперский статус русского монарха как «царя царей».

После исчезновения Кучума с политической сцены в полную царскую титулатуру был включен титул «царя сибирского». Впервые это произошло в 1599 г., но окончательно данный титул утвердился в царской титулатуре уже после Смуты³⁵. В последующее время новые присоединенные сибирские территории уже не вносились в титулатуру русских царей, поскольку изначально более политическое, нежели географическое понятие «Сибирь» (под которой подразумевались Сибирский юрт / Сибирское ханство-«царство») превратилось в исключительно географическое. Сибирию стали называть всю территорию от Урала до Тихого океана, подчиненную русской власти. И власть над всей этой территорией выражалась в титуле «царь Сибирский». Лишь ряд западно-сибирских земель, «присвоенных» еще к началу XVI в., по традиции выделялись отдельно: «...князь <...> Югорский, <...> государь и великий князь <...> Обдорской, Кондинской»³⁶. В 1625 г. в царский герб была включена третья корона, символизовавшая покоренное Сибирское «царство»³⁷.

После Смуты, к концу первой четверти XVII в. резко сократился объем сибирской тематики в русской дипломатической документации, касавшейся взаимоотношений Русского государства со странами Европы и Азии. Однако показательно, что при обосновании прав на новые присоединенные земли и подчиненные народы на протяжении всего XVII в. использовалась аргументация, напоминавшая прежнюю апелляцию к «наследию Рюриковичей». Правда, присоеди-

³⁵ *Каиштанов С. М.* Сибирский компонент в титулатуре московских государей... С. 16–20; *Пчелов Е. В.* Символы Сибирского царства. С. 14; *Третьяков В. В.* Сибирский юрт после Ермака... С. 69–71.

³⁶ СГГД, М., 1826. Ч. 4. С. 75–76, 474. См. также: Национальная политика России: история и современность. М., 1997. С. 158. Правда, бывало, что в титулатуре изредка не указывалось «Югорский» (См., например: СГГД. Ч. 4. С. 455).

³⁷ Национальная политика России: история и современность. С. 160; *Пчелов Е. В.* Символы Сибирского царства. С. 15.

нение сибирских территорий, лежавших за пределами Сибирского юрта, уже не могло в представлении русских политиков сводиться к восстановлению над ними «наследственной власти» царей, а население Сибири изначально рассматриваться как «государевы холопы» «испокон веков». В Москве прекрасно знали, что сибирские территории никогда не являлись «отчиной» Рюриковичей, а сибирские народы — их подданными. Об этом свидетельствует хотя бы то обстоятельство, что русские центральные и местные власти, а также землепроходцы, распространяя власть царя до Тихого океана, стремились выяснить, в чьем владении находится тот или иной сибирский народ, платит он кому-то дань или нет. Тем не менее, сходство с московской аргументацией «собирая земель», использовавшейся в XV–XVI вв., все же было. Оно заключалось в применении одной и той же логики доказательств — ссылок на «старину». Но если в апелляции к «наследию Рюриковичей» упор делался на давность владения территориями, исстари являвшимися «отчинами» / «вотчинами», то в обосновании прав на сибирские земли ключевым являлось указание на давность и неизменность подданства русскому царю населения этих территорий.

Эта аргументация — давность и неизменность подданства — особенно ярко проявлялась в спорах с соседними государствами и военно-политическими объединениями из-за южно-сибирских народов³⁸. Приведем несколько показательных примеров.

В 1620 г., отрицая право монгольского (хотогойтского) алтын-хана Шолой Убаши-хунтайджи на взимание дани с енисейских киргизов, царь Михаил Федорович писал ему в своей грамоте:

«Ис прежних лет холопи они (киргизы. — *Авт.*) предков наших, великих государей царей и великих князей российских, и наши, великого государя, и до сего времени, и дань давали воеводам нашим в Томской город мяхкою рухледью <...> А чаем того, что ты то учинил, не ведая того, что кир-

³⁸ См., например, материалы переговоров русских послов с главами монгольских военно-политических объединений: РМО. 1654–1685. М., 1996. С. 27, 294, 295, 306, 307, 312, 381; РМО. 1685–1691. С. 105, 212.

гизские князьки нам, великому государю, служат и дань дают издавна»³⁹.

При этом ни царя, ни его дипломатов не смущал тот факт, что давность «подданства» киргизов ограничивалась всего десятилетием, да и самого подданства как такового в реальности не было⁴⁰.

Позже, в 1657 г. русские переговорщики, посылаемые к алтын-хану Лубсану Сайн Эринчину, должны были (согласно указаниям Сибирского приказа), сказать следующее:

«А киргиских, и алтырских, и тубинских, и моторских князей называет он, Лоджан, своими людьми не по делу, а они, киргизы, и алтырцы, и тубинцы, и моторцы ис прежних лет, как и Томской город поставлен, предков наших, великих государей царей и великих князей российских, и наши холопы, и до сего времени отцу нашему, блаженные памяти великому государю царю и великому князю Михаилу Федоровичю, всеа Русии самодержцу, служили, и нам, великому государю, нашему царьскому величеству, и ныне служат, и дань с себя и с киштымов своих ясак, и аманаты в Томской и в Красноярской дают издавна»⁴¹.

В 1675 г. нерчинский воевода П. Шульгин предписывал казачьему десятнику Ф. Свешникову, отправленному к монгольскому (халхасскому) правителю Дайчин-хунтайджи, говорить по поводу «брацких», переселившихся из Монголии на территорию русского Забайкалья (а до этого ушедших в Монголию):

³⁹ РМО. 1607–1636. М., 1959. С. 96–97.

⁴⁰ С енисейскими киргизами русские познакомились в начале XVII в. Первые факты обложения русскими ясаком отдельных их групп относятся только к 1609 г. В 1610-е гг. ясак с них взимался нерегулярно и в основном с применением силы. К началу 1620-х гг. киргизы находились вне какой-либо юрисдикции Московского государства (См.: *Бахрушин С. В.* Енисейские киргизы в XVII в. // Он же. Научные труды. М., 1955. Т. 3. Ч. 2. С. 198, 199).

⁴¹ РМО. 1654–1685. С. 47.

«Те брацкие люди искони вечные государьские ясашные холопы и великому государю ясак платили <...> и жили на государевых землях»⁴².

В 1684 г. иркутский воевода Л. Кислянский жестко обозначил монгольским посланцам русскую позицию по поводу все тех же «бращких людей»:

«Невозможно де то и умом подумать, чтоб вашему мугальскому Очирой Саин гану великих государей с ясашных брацких людей ясак брать. Те де брацкие ясашные мужики их великих государей царей и великих князей Иоанна Алексеевича, Петра Алексеевича всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержцев искони вечные холопы, а не вашего Очирой Саин гана»⁴³.

В 1701 г. посланный на переговоры к киргизам красноярский казначий десятник Р. Торгашин говорил контрагентам:

«И того, что вам, киргизам, имать с канских ясачных людей дань, николи не будет, для того, что они, канские и ясачные люди, изстари наших великих государей, и о том многие войны были и завоеваны государским мечем»⁴⁴.

Аналогично в 1713 г. русские власти доказывали неправомочность стремления калмыков подчинить себе барабинских татар:

«Иноземцы ясачные вечные царского величества барабинских волостей, и платят они искони ясак его царскому величеству»⁴⁵.

Изредка аргументом выступало указание на то, что тот или иной сибирский народ впервые начал платить дань-ясак русскому царю, а не какому-то другому правителю, соответственно, его можно рассматривать как «изначально» царского подданного⁴⁶. Так, в 1672 г. красноярский воевода А. Сумароков заявил посланцам калмыкских тайшей, бравших дань с ясачных людей Красноярского уезда:

⁴² Там же. С. 279.

⁴³ Там же. С. 279–280. См. также: Там же. С. 414.

⁴⁴ ПСИ. Кн. 1. С. 185.

⁴⁵ Там же. С. 516.

⁴⁶ См. также: РМО. 1654–1685. С. 230, 231; РМО. 1685–1691. С. 151.

«При <...> великом государе царе и великом князе Михаиле Федоровиче, всеа Русии самодержце, как и поставлен Красноярской острог, и с тех мест и до нынешнего году красноярские ясашные люди никому ясаку с себя не плачивали — ни царю мунгальскому Лоджану, ни ему, Сенгетайше, ни деду и ни отцу ево Сенгину»⁴⁷.

В 1687 г. посол Ф. Головин разъяснял монгольским посланцам: «И те брацкие люди ясак платят их царскому пресветлому величеству из давних лет, а ни под какими владетели они не бывали и им, мунгалом, никогда ясаку не плачивали»⁴⁸.

В начале XVIII в. наряду с апелляцией к давности российского подданства сибирских народов обозначилась и «географическая» аргументация. Ее в 1715 г. озвучил в грамоте джунгарскому контайше Эрдэни Шурукте сибирский губернатор М. Гагарин, который утверждал, что раз Сибирь — российское владение, то и все сибирские реки от истоков до устья принадлежат России:

«И те земли Сибирские, а не твои контайшины, потому что сибирские реки, Обь и Енисей и Лена, искони сибирские, и от устья, где впади в Северное море и до гор, из которых те реки потекли. Також которые реки впади в них, то те земли, откуда потекли те реки, земля царского величества»⁴⁹.

Любопытно также отметить, что в дипломатических обращениях к правителям государств и народов, соседствовавших с Сибирью, сибирские аборигены назывались не просто ясачными иноземцами / холопами (так было принято маркировать подданство во внутреннем делопроизводстве), но, как правило, «государевыми» или «великого государя / великих государей» ясачными иноземцами / холопами⁵⁰. Тем самым подчеркивалось эксклюзивное право русских монархов на владение теми группами населения, из-за которых возникал спор

⁴⁷ РМО. 1654–1685. С. 241.

⁴⁸ РМО. 1685–1691. С. 92.

⁴⁹ ПСИ. Кн. 2. С. 67.

⁵⁰ См., например: РМО. 1607–1636. С. 96–97; РМО. 1654–1685. С. 26, 30, 31, 279; РМО. 1685–1691. С. 74, 78, 204, 205, 206, 254; СДИБ. С. 279–280.

с соседями, пусть даже эти соседи до появления русских реально властвовали над ними.

Сохранялось на протяжении всего XVII в. в русском дипломатическом дискурсе и представление Сибири как территории, на которой полностью укоренилось русское присутствие, хотя и без свойственного более раннему времени гипертрофирования успехов русской колонизации. Можно, в частности, привести в пример формулы ответов на возможные вопросы азиатских правителей о Сибири из наказов 1646, 1651, 1675 гг. русским послам, отправленным в Индию, и 1654 г. — в Китай. Им предстояло отвечать почти трафаретно:

«В Сибири устроены города многие, и всякие служилые и жилецкие люди пожалованы государевым денежным жалованием, и пашни устроены великие, и живут служилые и жилецкие люди в тишине и покое, а великому государю <...> Алексею Михайловичу <...> служат и дань с себя дают так же, как и отцу ево <...> А дань с сибирских людей идет многая — соболи и куницы и лисицы и белки и иная рухлядь»⁵¹.

Встречалась и более развернутая презентация сибирских владений царя. Так, упоминавшийся Л. Кислянский разъяснял в 1684 г. калмыкским посланцам:

«В здешней стране земля велика и широка, острогов много и людей русских их великих государей и ясашных, которые завоеваны мечем, а иные сами поклонились, видя их великих государей многое войско и победу на себя от храбрых мужей, и ныне они живут в ясачном платеже в вечном холопстве и в подданстве. Да есть же под великими государями река Лена, а на ней де живут все ясачные люди; а от Иркутского идти до великия реки Лены 2 месяца, а все люди государевы, и остроги частые, и ясачных людей промежь острогов много. Да Леною ж рекою плыть до Якуцкого города 2 ж месяца и бол(ь)ше, а по обе стороны реки все ясачные государевы люди; а от Якуцкого идти государевыми ж острогами ясач-

⁵¹ Русско-индийские отношения в XVII веке. М., 1958. С. 57, 109, 202; РКО в XVII в. Т. 1. С. 160.

ными люд(ь)ми многими ордами через Ламу, через Собачью, на лошадях и водою, на собаках и на оленях; а до крайняго острожку за Святый Нос, где великих государей ясак собирается, в одну сторону идти 3 года»⁵².

Свой вклад в обоснование прав русского царя на Сибирь внесла и Русская православная церковь, бывшая в «симфонии» со светской властью и идеологически подпитывавшая ее. Начиная со второй половины XV в. борьба с Золотой Ордой, а затем завоевание Казанского, Астраханского и Сибирского ханств расценивалось церковью как исполнение божьей воли, борьба «Нового Израиля» и «нового богоизбранного народа» — русского с антихристовыми силами, безбожными агарянами и бусурманами, как торжество «правды» — православия, как победа царя «истинного» над царями «ложными» и «безбожными» (т. е. над татарскими ханами)⁵³. Эту точку зрения вполне разделяли и светская власть, и русские люди в целом⁵⁴. В рамках христианско-православного мировоззрения присоединение Сибири осмысливалось русско-сибирскими летописцами как «очищение» Сибири от «неверных», «нечестивых», «окаянных» и «поганых» и ставилось в один ряд со «взятием» Казани и Астрахани. Торжество в Сибири христианства означало и утверждение здесь власти московского православного царя. Становясь христианской, Сибирь становилась и русской — православной. А поскольку православию есть истинная вера, единственно правильная, постольку она являлась единственно законной, соответственно любые выступления против русских как носителей православия являлись незаконными. Таким образом, апеллируя к божьей воле, летописцы доказывали права русского царя на обладание Сибирью⁵⁵.

⁵² РМО. 1654–1685. С. 436.

⁵³ См.: От Орды к России // *Ab Imperio*. 2002. № 1. С. 220, 221, 225–226; Бушкович П. Православная церковь и русское национальное самосознание XVI–XVII вв. // *Ab Imperio*. 2003. № 3. С. 116.

⁵⁴ См. также: Геллер М. История Российской империи. М., 2001. Т. 1. С. 100.

⁵⁵ См.: Дергачева-Скоп Е.И. Из истории литературы Урала и Сибири XVII века. Свердловск, 1965. С. 40, 57–58, 136; Ромодановская Е.К. Сибирь

Идентификации огромного региона как принадлежащего московскому царю способствовали появление на его территории русского населения, русских поселений и православных культовых сооружений, а также инвентаризация его пространства, осуществлявшаяся русской стороной путем описания сибирских «землиц» и народов и составление карт-чертежей отдельных местностей и Сибири в целом. Построение опорного пункта и объясачивание (неважно, реальное или фиктивное) автоматически означало присвоение территории — ее превращение в «государеву вотчину». Еще не подчиненные «землицы», даже имевшие, с точки зрения русской стороны, своих «владельцев», назывались в русских документах «новыми», «иными», «разными», «дальними», «непослушными», «немирными», «заочными», но не «чужими», т. е. они в принципе не рассматривались как объекты, на которые нельзя посягать. Скорее, наоборот, они *a priori* считались принадлежавшими царю. И следует согласиться с Е. П. Ковалешкиной в том, что Сибирь воспринималась Русским государством как «продолжение собственных владений»⁵⁶, а продвижение в Сибирь рассматривалось и государством, и церковью, и землепроходцами как расширение пределов православного царства.

Политико-правовые акты оформления и подтверждения подданства сибирских иноземцев русскому царю: жалованное слово и шертовальная запись

Как говорилось выше, при первой встрече с новыми, еще неясчаными иноземцами командиры землепроходческих отрядов, а также специально уполномоченные ясачные сборщики⁵⁷ должны были

и литература. XVII век. Новосибирск, 2002. С. 97, 101–103, 120, 238; Мирзоев В. Г. Историография Сибири (Домарксистский период). М., 1970. С. 22, 34, 35.

⁵⁶ Ковалешкина Е. П. «Инородческий вопрос» в Сибири: Концепции государственной политики и областническая мысль. Томск, 2005. С. 46.

⁵⁷ Сбором ясака занимались, разумеется, и землепроходцы, которые двигались по еще не известным и не подчиненным территориям. Но после того,

призвать их в подданство — под «высокую государеву руку» в ясачный платеж. Кроме того, в распорядительной и отчетной документации встречаются упоминания об объявлении вновь приисканным или еще не вполне закрепленным в подданстве иноземцам *государева жалованного слова* (варианты: *милостивого слова, милостивого жалованного слова, царского жалованья / милости*). По своей сути оно являлось декларацией намерения русского царя принять или утвердить иноземцев в подданство. Его содержание с разной степенью полноты фиксировалось в документах, а также варьировалось, обычно незначительно, в зависимости от конкретики русско-аборигенных отношений, что, однако, не меняло основного смысла:

«Сказать твое царское жалованье, чтоб оне были под твоею царскою высокою рукою неотступны, и тебе б, государю, <...> служили и прямили, и ясак с себя тебе, государю, платили» (1609 г.)⁵⁸;

«велено тех земель князем и всяким улусным людям сказати государеву цареву и великову князя <...> жалованное слово, чтоб они, князцы и всякие улусные люди тех земель, были на государскую милость надежны, и были бы под его государскою высокою рукою послушны, и ясак бы с себя и своих улусных людей великому государю платили» (1631 г.)⁵⁹;

«а пришед мы, холопи твои, на Яну реку, собрали иноземских якуцких князцей и с их улусными людьми <...> и сказали им твое государеву цареву и великого князя <...> жалованное слово, чтоб оне, иноземцы, были надежны на твою

как население новой «землицы» становилось известным русской власти, туда воеводы уже направляли специально уполномоченных ясачных сборщиков, а также приказчиков (если на открытой территории уже существовали русские остроги и зимовья). Те и другие, однако, могли выступать и в роли землепроходцев, занимаясь поиском еще необъясаченных иноземцев.

⁵⁸ Миллер Г. Ф. История Сибири. Т. 1. С. 418. Здесь и далее при цитировании в скобках указана дата составления документа.

⁵⁹ Там же. Т. 3. С. 159.

государскую милость и учинилися оне под твоею государевою царскою высокою рукою в вечном ясачном холопстве не отступны навеки, а твой бы государев ясак платили оне, князцы, с себя и с улусных людей» (1638/39 г.)⁶⁰;

«и я по государеву указу велел им (служилым людям. — *Авт.*) тех брацких и тунгуских людей призывать под государеву царскую высокою руку и ясак с них государев збирать, и велел им сказать государево жалованное слово, чтоб оне, брацкие и тунгуские люди и мунгальские люди, были под государевою царскою высокою рукою и жили бы по своим урочищам по Селенге-реке и на Байкале-озере и по Килке-реке бестрашно, от государевых бы служилых людей не бежали» (1653 г.)⁶¹;

«сказать им, корякам, великих государей милостивое жалованное слово, чтоб они, коряки — князцы и лутчие мужики, со всеми своими родами были под их великих государей царскою высокою самодержавною рукою в вечном ясачном холопстве и великих государей ясак платили б с себя и со всех родников по вся годы» (1695 г.)⁶²; и т.д.⁶³

Встречаются, но крайне редко, и более пространные варианты:

«А пришед ему, Максимку, с товарищи в Юганду реку и, собрав тое землицы князцей и улусных людей, и тем княз-

⁶⁰ СПбФ АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 30. Л. 202.

⁶¹ РМО. 1636–1654. М., 1974. Т. 2. С. 389.

⁶² РГАДА. Ф. 1177. Оп. 3. Стб. 2680. Л. 81об.

⁶³ См., например: РГАДА. Ф. 208. Оп. 1. Д. 3. Л. 1; Ф. 214. Оп. 3. Стб. 49. Л. 236; Стб. 241. Л. 201, 206; Стб. 471. Л. 37, 40; Ф. 1177. Оп. 3. Стб. 650. Л. 1–3; ПСЗРИ. СПб., 1830. Т. 4. С. 98, 108; АИ. Т. 4. С. 72–74, 540; ДАИ. Т. 3. С. 392; Т. 4. С. 120; 1859. Т. 7. С. 301; РИБ. Т. 2. Стб. 197; 1884. Т. 8. Стб. 613; ПСИ. Кн. 1. С. 232, 234–235; Кн. 2. С. 483, 507, 509, 510, 517, 526, 539; *Миллер Г. Ф.* История Сибири. Т. 1. С. 411, 412, 418, 436; Т. 2. С. 193, 239; Т. 3. С. 130, 131, 155–156, 159, 170, 176, 185, 186, 219, 224, 225, 258, 366; *Материалы по истории Якутии XVII века (Документы ясачного сбора).* М., 1970. Ч. 3. С. 1078; *Материалы и исследования по истории Северо-Западной Сибири.* Екатеринбург, 2002. С. 146; РМО. 1636–1654. С. 24, 389; РМО. 1654–1685. С. 139, 140, 303.

цом и улусным людем говорить: государь царь и великий князь Михайло Федорович всея Руси прислал на великую реку Лену столников и воевод, Петра Петровича Головина да Матвея Богдановича Глебова, да диака Еуфимия Филатова, со многими ратными людами, с огненным боем и с пушками, а велел неясачных тунгусов, и братьев, и юкагирцов, и якутов, и всяких людей розных земель под свою царскую высокую руку приводить и ясак с них на себя, государя, имать; а буде которые неясачные люди его царского величества непослушны будут и ясаку с себя ему, государю, давать не учнут, и на них по государеву указу столники и воеводы <...> пошлют многих ратных людей с огненным боем и с пушками; и оне б иноземцы, слыша его царское величество, ему, государю, служили, и ясак с себя и с улусных людей ему, государю, давали на нынешней на 150 год перед прошлым 149 годом с прибавкою, не дожидаяся на себя государева гнева и многих ратных людей войною, и иных бы родов всяких неясачных людей под государеву царскую высокую руку приводили и им говорили, чтоб оне неясачных землиц всякие люди государю ясак с себя давали, а за то им иноземцом будет государево жалованье» (1641 г.)⁶⁴.

«Сказать государево и великого князя <...> милостивое жаловальное слово, что по его государеву указу в Якутцкой острог присланы новые воеводы <...> а велено по его государеву указу их, иноземцов, во всем беречь и нужи их рассмотреть, а в чем будет от ково им, иноземцом, от прежних воевод и дьяков и от письменных голов и от служилых людей, от ясачных зборщиков, и от их братьи, иноземцов, какие насилиства и обиды и налоги были, грабили и побивали и посулы имали, а они, иноземцы, ныне учнут о том государю бити челом и челобитные приносить, и по государеву указу им воеводам <...> велено на тех людей им, иноземцом, в их насилиствах и обидах и в грабежах и в убийствах и в посулах

⁶⁴ ДАИ. Т. 2. С. 256–257.

суд и сыск давать и оборонь <...> а они б, якуты, по прежнему, а тунгусы вновь с своими родами были под его государевою царьскою высокою рукою в прямом вечном ясачном холопстве навеки неотступно и жили на своих старых кочевьях и ево государев ясак и поминки с себя и с своих родников и со всех своих улусных мужиков платили по вся годы безпереводно, и иных неясачных тунгусов и якутов и юкагирей и их улусных людей под его государеву царьскую высокую руку приводили» (1648 г.)⁶⁵.

Оглашение жалованного / милостивого слова иноземцам, приглашаемым в русское подданство, стало практиковаться с рубежа XVI–XVII вв. Однако на протяжении всего XVII-го столетия его упоминание как предписания или как свершившегося акта далеко не всегда фигурирует в документах, регламентировавших и описывавших действия служилых людей при контактах с неясачными иноземцами. В этих документах оно нередко заменялось глаголами — «говорить», «уговаривать», «сказать», означавшими по сути процедуру оглашения жалованного слова (хотя само это понятие не употреблялось вовсе):

«И пришед им в Брацкую землю, и собрати из князцев и лутчих людей, и, собрав, говорити им, чтоб оне, князцы и лутчие люди, со всеми своими людьми великому государю <...> служили и прямили, и ясак бы с себя великому государю платили, и были б под царскою высокою рукою» (1623 г.)⁶⁶;

«вы бы сказали им, что мы, государь царь и великий князь Михайла Федорович всеа Русии, их, князца Кохтобея и Сенгея тайшу, и с ых дет(ь)ми, и з братьею, и с племянники, и со всеми их улусными люд(ь)ми пожаловали» (1635 г.)⁶⁷;

«и велети их уговаривать всякими мерами и к государеве милости призывать ласкою, а не жесточью, чтоб они были под ево великого государя царьского величества высокою

⁶⁵ РГАДА. Ф. 1177. Оп. 1. Стб. 48. Л. 37.

⁶⁶ Миллер Г. Ф. История Сибири. Т. 2. С. 358.

⁶⁷ Там же. Т. 3. С. 230.

рукою в вечном холопстве навеки неотступно и ясак с себя и с улусных своих людей ему, великому государю, давали» (1666 г.)⁶⁸; и т. д.⁶⁹

Зачастую о том, что процедура оглашения жалованного слова сопровождала или должна была сопровождать приведение иноземцев под «государеву руку», можно лишь догадываться, исходя из контекста документов и того обстоятельства, что во время призыва и привода в русское подданство служилые люди должны были произносить какие-то речи, объяснявшие их контрагентам хотя бы основные параметры и перспективы предлагаемого им статуса⁷⁰. Следует также отметить, что в немалом количестве документов не содержится

⁶⁸ РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 481. Л. 42.

⁶⁹ См., например: РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 12. Л. 178, 210; Стб. 241. Л. 202, 211, 239; Стб. 252. Л. 27; Стб. 481. Л. 93, 96, 124, 129; Стб. 673. Л. 47; Стб. 963. Л. 92, 93; Ф. 1177. Оп. 3. Стб. 79. Л. 349; Стб. 152. Л. 93, 95; ПСЗРИ. Т. 4. С. 109; АИ. СПб., 1841. Т. 3. С. 22, 359–360, 379; Т. 4. С. 68–69, 473; ДАИ. Т. 3. С. 221–222; Т. 4. С. 248, 405; Т. 5. С. 50; Т. 7. С. 294; 1862. Т. 8. С. 167; 1869. Т. 11. С. 156; ПСИ. Кн. 1. С. 10–11, 21, 469; Кн. 2. С. 121, 122, 487; *Миллер Г. Ф.* История Сибири. Т. 2. С. 307, 373, 386, 402, 428, 437, 438, 566–568; Т. 3. С. 131, 206, 229, 230; СДИБ. С. 154, 179; *Бутанаев В. Я.* История вхождения Хакасии (Хонгорая) в состав России. Абакан, 2007. С. 143; РМО. 1607–1636. С. 21; РМО. 1636–1654. С. 25; *Полевой Б. П.* Извешная челобитная С. В. Полякова 1653 г. и ее значение для археологов Приамурья // Русские первопроходцы на Дальнем Востоке в XVII–XIX вв. (Историко-археологические исследования). Владивосток, 1995. Т. 2. С. 38.

⁷⁰ См., например: РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 241. Л. 5; Ф. 1177. Оп. 3. Стб. 2. Л. 1–5; Стб. 1359. Л. 64–65; Стб. 2398. Л. 210, 211; Стб. 2738. Л. 8; НИА СПбИИ. Ф. 160. Оп. 1. Д. 1057. Л. 5–5а; АИ. Т. 2. С. 7–8; Т. 4. С. 473, 540; 1842. Т. 5. С. 195; ДАИ. 1846. Т. 1. С. 240; Т. 2. С. 260; Т. 3. С. 27, 258, 259, 284, 338, 351–352, 356, 357, 362; Т. 4. С. 180, 199–200, 201, 242; Т. 5. С. 72; Т. 8. С. 164, 172, 174, 176, 179, 183, 327; Т. 11. С. 132; 1872. Т. 12. С. 96–100; РИБ. Т. 8. Стб. 472; ПСИ. Кн. 1. С. 420, 432–436, 456, 457; Кн. 2. С. 42, 80, 480; Сборник князя Хилкова. СПб., 1879. С. 192–193; *Миллер Г. Ф.* История Сибири. Т. 1. С. 413, 414, 438, 443; Т. 2. С. 291, 428; Т. 3. С. 128–129, 185–186, 246, 287–288, 316, 319, 404; Материалы по истории Якутии XVII века... Ч. 3. С. 1070–1071; СДИБ. С. 118, 156, 158, 159, 198; РМО. 1654–1685. С. 256.

даже намек на оглашение / «говорение» жалованного слова, хотя обстоятельства и характер русско-аборигенных контактов, казалось бы, должны были его предполагать в обязательном порядке⁷¹. Наконец, в царских грамотах, воеводских наказных памятях, отписках, сказках, распросных речах и челобитных служилых людей часто описывались ситуации, когда до жалованного слова дело явно не доходило по той причине, что либо иноземцы встречали незваных гостей «ратным боем», либо служилые люди имели четкое указание вышестоящих властей и / или собственное желание подавить сопротивление силой⁷². Хотя боестолкновение могло случиться и после переговоров⁷³.

⁷¹ См., например: РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 53. Л. 460–464; Стб. 54. Л. 22; Ф. 1177. Оп. 3. Стб. 950. Л. 1–4; АИ. Т. 4. С. 148–149; ДАИ. Т. 2. С. 177, 240, 242, 243, 249–251, 255, 263; Т. 3. С. 106–108, 276–277, 278, 283, 320–323, 334–335, 388–389, 524; Т. 4. С. 72, 88, 120–121, 147–148, 267; Т. 7. С. 153; Т. 8. С. 153; 1867. Т. 10. С. 342; РИБ. Т. 8. Стб. 600; *Миллер Г. Ф. История Сибири. Т. 2. С. 257–258; Т. 3. С. 128–129, 204, 259–260, 319, 320–322, 367–369; Материалы по истории Якутии XVII века... Ч. 3. С. 1081–1082; Материалы и исследования по истории Северо-Западной Сибири. С. 147; СДИБ. С. 15–16, 19, 33–34, 40–41, 366.*

⁷² См., например: РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 12. Л. 353; Стб. 241. Л. 9, 11, 15, 22, 29, 37, 43, 51, 59, 69, 70, 90, 144, 148, 152, 153, 162, 171, 173, 174, 177, 262–264; Стб. 252. Л. 42–43; Стб. 402. Л. 215, 216, 218; Стб. 471. Л. 363–366; Стб. 508. Л. 319–320; Ф. 1177. Оп. 3. Стб. 152. Л. 101; Стб. 836. Л. 1–2; Стб. 1266. Л. 1–2; Стб. 1359. Л. 60–61, 111–112, 172–173, 178–180; НИА СПбИИ. Ф. 160. Оп. 1. Д. 1014. Л. 85, 137; ДАИ. Т. 1. С. 239; Т. 2. С. 249–251; Т. 3. С. 21, 54, 69, 212, 334–335, 354–356, 369, 371–373; Т. 4. С. 2–7, 12, 14, 16–27, 94–95, 121, 147–148, 179, 182, 267; Т. 5. С. 338; Т. 8. С. 148–149, 161, 163, 164; ПСИ. Кн. 1. С. 12, 528; Кн. 2. С. 44, 77, 475–493, 525, 538; *Миллер Г. Ф. История Сибири. Т. 2. С. 396–397, 422–423, 573–574; Т. 3. С. 130, 366–367; Материалы по истории Якутии XVII века... Ч. 3. С. 1078–1079, 1080, 1082, 1087; СДИБ. С. 29, 46–47, 60–69, 75–79, 86–93, 100, 155–159, 161–163, 171; Бутанаев В. Я. История вхождения Хакасии (Хонгорая) в состав России... С. 157–158, 197–201.*

⁷³ См., например: РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 12. Л. 178–179, 522; Стб. 54. Л. 26; Стб. 241. Л. 239–240; Стб. 471. Л. 37, 38, 40, 245–246; Стб. 963. Л. 92–94; Ф. 1177. Оп. 3. Стб. 2. Л. 1, 2, 5; Стб. 650. Л. 1–3; Стб. 1359. Л. 64–65; Стб. 1467. Л. 8; Стб. 2398. Л. 211; Стб. 2738. Л. 8; АИ. Т. 3. С. 58; Т. 4. С. 74–77, 473; ДАИ.

Как в реальности осуществлялись призыв в подданство иноземцев и процедура оглашения им жалованного слова, зависело, надо полагать, от конкретного развития ситуации при первых русско-аборигенных контактах, от того, были ли они мирными и дружелюбными или же враждебными и силовыми, а характер этих контактов в немалой степени определялся умением служилых людей и толмачей убеждать иноземцев. Но, к сожалению, за редчайшим исключением, в отчетных документах невозможно найти информацию о том, как проходили переговоры, что именно и как долго говорили друг другу русские и иноземцы; в них, как правило, констатировался, и то весьма лапидарно, лишь итог переговоров. Поэтому весьма сложно рассуждать о том, какие аргументы при призыве в подданство русская сторона выдвигала чаще: угрозу применения силы, описание преимуществ нахождения в «вечном холопстве» у «великого государя» или то и другое одновременно.

На протяжении всего XVII в. жалованное слово объявляли и специально уполномоченные русскими властями послы / посланцы, отправляемые на переговоры о подданстве к главам этнотерриториальных объединений кочевников Центральной Азии. Но в документах опять же это понятие могло заменяться глаголом «говорить». Важно отметить, что в отношении кочевников жалованное слово / «говорение», помимо предложения принять подданство, содержало, как правило, и разнообразные конкретные пожелания, предъявляемые русской стороной потенциальным «холопам»⁷⁴. Так, в 1622/23 г.

Т. 3. С. 360–363, 371; Т. 4. С. 18, 19; Т. 7. С. 301; Т. 8. С. 164, 174, 176, 179; Т. 10. С. 353; Т. 11. С. 132; Т. 12. С. 96–100; РИБ. Т. 8. Стб. 475; ПСИ. Кн. 1. С. 434–436, 460–463, 497–498; Кн. 2. С. 513, 525; СДИБ. С. 118, 133, 159; *Миллер Г. Ф.* История Сибири. Т. 2. С. 427–428, 566–568; Т. 3. С. 130, 177, 286–288; *Красноштанов Г. Б.* Никифор Романов Черниговский: документальное повествование. Иркутск, 2008. С. 204.

⁷⁴ См., например: РИБ. Т. 2. Стб. 447–449; ДАИ. Т. 5. С. 418; ПСИ. Кн. 1. С. 174–186; РМО. 1636–1654. С. 349; РМО. 1654–1685. С. 198–199; *Миллер Г. Ф.* История Сибири. Т. 2. С. 351, 409–410, 471, 474; Т. 3. С. 24–27, 229–230, 240–241, 293–295; СДИБ. С. 237.

тобольский сын боярский Д. Черкасов, вступив в переговоры с калмыкскими тайшами,

«учал по наказной памяти говорити тайшам: послали де ево ис Тобольска боярин и воеводы Матвей Михайлович Годунов с товарищи вам, тайшам, говорити государя царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси великое величество и жалованное слово, чтоб вам, тайшам, быти под государевой царской высокою рукою, а на государеве бы вам земли, тайшам, не кочевати, и на государевы волости с войною не приходити, и на зверовье зверовщиков не побивати и не грабити»⁷⁵.

В 1668 г. енисейский сын боярский И. Перфирьев, отправленный к монгольскому (халхасскому) Кукан-хану (Даши-хунтайджи), должен был огласить ему следующее:

«Великий государь царь и великий князь Алексей Михайлович <...> ево, Калку-хана⁷⁶, пожаловал, велел ему быть под своею великого государя царскою высокою рукою в подданстве <...> И он бы, Калка, будучи под государевою царского величества высокою рукою, ему, великому государю, служил, и всякого добра хотел, и на неприятелей и на непослушников, где царского величества повеление будет, с улусными своими людьми войною ходил и поиск чинил, и в Енисейской аманатов, родственных своих людей,

Встречались, правда, ситуации, когда русские посланцы не имели возможности огласить жалованное слово по причине открыто выраженной враждебности кочевников. Так, к примеру, томский сын боярский М. Ржицкий не смог его произнести, так как сразу же по прибытии в октябре 1669 г. к калмыкам-джунгарам был ими посажен «в земленную тюрьму», а после освобождения во время переговоров в марте 1670 г. с джунгарским Сенге-тайшой, настроенным явно недружелюбно, не стал, если верить его посольскому статейному списку, «жаловать» тайшу «государской милостью» (См.: ДАИ. Т. 5. С. 418–421).

⁷⁵ Миллер Г. Ф. История Сибири. Т. 2. С. 351.

⁷⁶ Калка-хан, т. е. хан Халхи.

прислал, и ясак великому государю в Селенгинской острог давал, и вспоможенье служилым людем и в кормех и в чем им будет надобно чинил, и тесноты бы им от улусных ево людей не было, и великого государя служилых и торговых людей, которые поедут для государевых дел и для торгов в Китайское государство чрез ево улусы, пропускал и провозжатых и подводы им давал»⁷⁷.

После того как та или иная территории Сибири в результате строительства на ней городов, острогов и зимовий переходила под контроль русской администрации, а проживавшие на ней иноземцы начинали вносить ясак, оглашение жалованных слов, которые уже являлись декларациями, подтверждавшими подданство, стало обязанностью местных администраторов. Текст слова составной частью входил в указы, которые выдавались воеводам вышестоящими инстанциями — сначала Казанским, затем Сибирским приказом, а процедура его оглашения проходила при их смене.

Как полагает Е. В. Вершинин, клаузула жалованного слова впервые вошла в указы сибирским воеводам при царе Борисе Годунове. Ни в одном из наказов до 1598/99 г. она не встречалась. Жалованного слова не было в указах воеводам, направляемым в города европейской части страны. В XVII в., замечает исследователь, «деятели центрального приказа»⁷⁸ превратили «жалованное слово» Бориса Годунова в переписываемый почти дословно наказной штамп»⁷⁹. По мнению М. О. Акишина, правда, никак не аргументированному,

⁷⁷ РМО. 1654–1685. С. 192–193.

⁷⁸ Речь, надо полагать, идет о Казанском приказе (дворце), занимавшемся с 1599 по 1637 г. управлением Сибирью.

⁷⁹ *Вершинин Е. В. Воеводское управление... С. 67, 68. См. также: Иванов В. Ф. Письменные источники по истории Якутии... С. 37; Конев А. Ю. «Ясаку с них имати не велели...». Грамота царя Бориса Годунова из фондов Государственного архива Тюменской области // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: История, филология. 2015. Т. 14. Вып. 1. С. 43–44.*

жалованное слово, включенное в наказы сибирским воеводам, было разработано в Посольском приказе в 1598/99 г.⁸⁰

Соглашаясь с тем, что в известных к настоящему времени ранних наказах сибирским воеводам жалованное слово не фигурировало, появившись впервые лишь в наказах 1599 г. тобольским⁸¹, сургутским⁸² и тарским воеводам⁸³, а также в царской грамоте верхотурскому воеводе 1599 г.⁸⁴, обратим, однако, внимание на тот факт, что уже в 1592 г. в наказе пелымскому воеводе П. Горчакову предписывалось «черных ясашных людей примолыти и государево им жалование сказати, чтоб они были в государеве жалование, и ясак сполна платили <...> А черных людей всех примолыти и обнадежить, чтоб жили по своим юртам и в город приходили»⁸⁵. Учитывая, что слово «примолыти» имело значения «сказать ласковые, приветливые слова, договориться»⁸⁶, фразу «государево жалование сказати» вполне можно трактовать как изложение «жалованного слова», хотя само это выражение и не фигурирует в наказе. Правда, содержание самого «жалования» еще никак не расписывалось и не конкретизировалось.

Укажем также на тот факт, что к началу присоединения Сибири московские великие князья / цари имели уже богатый опыт «пожалования» подчиняемых правителей и народов, вследствие чего жалованные слова, предназначенные для оглашения сибирским иноземцам, не являлись новацией, они генетически несомненно были связаны с жалованными грамотами, которые в предыдущие времена давались тем, кто изъявлял покорность и соглашался с властью московского государя:

⁸⁰ Акишин М. О. Шертование народов Сибири при присоединении к России // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: История, филология. 2013. Т. 12. Вып. 5. С. 236.

⁸¹ См.: Оглоблин Н. Н. Обзорение столбцов и книг Сибирского приказа. М., 1901. Ч. 4. С. 131, 138.

⁸² Там же. С. 126.

⁸³ РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 11. Л. 49–62 об.

⁸⁴ Там же. Ф. 199. Оп. 1. № 133. Ч. 1. Д. 1. Л. 9–9 об.

⁸⁵ Миллер Г. Ф. История Сибири. Т. 1. С. 340, 341.

⁸⁶ СРЯ. М., 1994. Вып. 19. С. 222.

«И мы, великий государь Василий <...> владыку и околничих, и князей, и бояр, и мещан, и черных людей и всех людей нашия отчины Смоленские земли пожаловали, дали есмь им сию грамоту жаловальную» (1514 г.)⁸⁷.

«И яз вас пожаловал, под свою руку взял, и вам бы нам служити и дань нам давати. А мы вас жаловати и за вас стоять и от сторон беречи хотим <...> А ся вам наша грамота жалованная и опасная» (1525 г.)⁸⁸.

«И Магмет с товарищи государю били челом ото всея горние стороны <...> И государь их пожаловал, гнев свои им отдал и воевати их не велел и взял их к своему Свяжьскому городу; и дал им грамоту жаловальную з золотою печатью» (1551 г.)⁸⁹.

Заметим, что выдача жалованных грамот от имени царя практиковалась в XVII в. в дипломатических отношениях с монгольскими кочевниками, обитавшими на южных рубежах Сибири. Эти грамоты номинально и формально объявляли о принятии контрагентов в русское подданство, но при этом содержали явно выраженные элементы договора и взаимных обязательств, формулируемых, правда, лишь русской стороной⁹⁰.

Наряду со словом, адресованным иноземцам, вновь назначенные воеводы должны были огласить и государево жалованное (жаловальное) слово, обращенное к православным подданным — крестьянам, служилым, промышленным, посадским и прочим людям. В наказах

⁸⁷ СГГД. М., 1813. Ч. 1. С. 412.

⁸⁸ Обдорский край и Мангазея в XVII веке. С. 11.

⁸⁹ ПСРЛ. Т. 13. Первая половина. С. 164, 165.

⁹⁰ См. жалованные грамоты, посланные калмыкским тайшам в 1618 и 1620 гг., хотогойтским алтын-ханам в 1633, 1636, 1638, 1662, 1680 и 1681 гг., джунгарскому контайше (хунтайджи) в 1645 г. (РМО. 1607–1636. С. 75, 99, 196–199, 295–298; РМО. 1636–1654. С. 97–102, 269–270; РМО. 1654–1685. С. 88–89, 362–363, 372–373).

рубежа XVII–XVIII вв. вместо выражения «жалованное слово» стало использоваться синонимичное ему понятие «милостивое слово»⁹¹.

⁹¹ Тексты жалованных / милостивых слов и регламент их оглашения см., например, в наказах воеводам: *тарским* 1599 г. (РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 11. Л. 52–55), 1631 г. (ПСЗРИ. СПб., 1830. Т. 3. С. 552–553), 1633 г. (Там же. С. 566–567), 1693 г. (Там же. С. 583–584), *сургутским* 1608 г. (Акты времени правления царя Василия Шуйского. М., 1914. С. 364–366); *тобольским* 1664 г. (ДАИ. Т. 4. С. 346–348), 1697 г. (ПСЗРИ. Т. 3. С. 337–339), *тюменскому* 1699 г. (Там же. С. 533–535), *верхотурским* 1697 г. (Там же. С. 376–378), *мангазейским* 1601 г. (РИБ. Т. 2. Стб. 819–820, 830), 1603 г. (Там же. Стб. 837–841), *томским* 1604, 1606 и 1608 гг. (РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 11. Л. 479–503об.; Томск в XVII в. Материалы для истории города. СПб., 1911. С. 19–24); *енисейским* 1631 г. (*Барахович П. Н.* Наказ царя Михаила Федоровича енисейскому воеводе Ж. В. Кондыреву 31 января 1631 года // Вестн. НГУ. Серия: История, филология. 2018. Т. 17. № 1. С. 93–94), 1659 г. (РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 424. Л. 18–19); *кузнецкому* 1625 г. (АИ. Т. 3. С. 218–219), *якутским* 1638 г. (*Иванов В. Н.* Вхождение Северо-Востока Азии в состав Русского государства. Новосибирск, 1999. С. 182), 1644 г. (*Миллер Г. Ф.* История Сибири. Т. 3. С. 268–269), 1651 г. (ДАИ. Т. 3. С. 299–301), 1658 г. (ДАИ. Т. 4. С. 102–104), 1683 г. (КПМГЯ. Л., 1936. С. 73–75), *даурскому* 1655 г. (РИБ. СПб., 1894. Т. 15. V. С. 7–10), *илимскому* 1659 г. (ДАИ. Т. 4. С. 154–156), *иркутскому* 1688 г. (Первое столетие сибирских городов. XVII век. Новосибирск, 1996. С. 130–131), *нерчинским* 1696 г. (ПСЗ. Т. 3. С. 235–237), 1701 г. (ПСЗ. Т. 4. С. 97).

Ряд наказов сохранился не полностью, в них отсутствует изложение жалованного слова. См., например: *мангазейскому* 1627 г. (РИБ. Т. 2. Стб. 845–859), *красноярским* 1629 г. (*Миллер Г. Ф.* История Сибири. Т. 2. С. 405–409), 1680 г. (ДАИ. Т. 8. С. 259–261), *якутским* 1670 г. (АИ. Т. 4. С. 443–454), 1680 г. (ДАИ. Т. 8. С. 261–270), 1694 г. (АИ. Т. 5. С. 429–443), *иркутским* 1696 г. (Высочайше учрежденная под председательством статс-секретаря Куломзина комиссия для исследования землевладения и землепользования в Забайкальской области. Материалы. Вып. 5: Ист. сведения. СПб., 1898. Приложения. С. 15–16). Однако учитывая нормативно закрепленную уже к началу XVII в. практику оглашения воеводами жалованных слов, можно абсолютно уверенно утверждать, что во всех наказах этого столетия жалованные слова присутствовали в обязательном порядке.

Обзор наказов сибирским воеводам см.: *Оглоблин Н. Н.* Обзорение столбцов и книг Сибирского приказа. Ч. 4. С. 122–146. См. также: *Кулешов В. А.*

Помимо наказов жалованное / милостивое слово могло включаться также в царские грамоты и указы, отправляемые сибирским воеводам по каким-либо конкретным поводам, касавшимся русско-аборигенных взаимоотношений⁹².

В соответствие с наказом воевода, прибыв на место службы — в уездный город, должен был созвать, до или чаще после православных людей, представителей иноземческой властной элиты («из волости по человеку или по два», «лутчих людей из волости по сколько человек пригоже») и иноземцев, находившихся на русской службе, и объявить, что «великий государь» позволяет им жить на их землях «без боязни» и промыслять «промыслами всякими», будет держать их «в своем царском милостивом призрении», жаловать «своим царским жалованьем», «во всем велит оберегати накрепко» (от внешних врагов и от любых «лихоимств» со стороны русских людей), «давати суд праведной и росправу им и оборонь чинити», и указывает «ясков лишних» не брать, а сами воеводы в соответствии с царским указанием должны к иноземцам «ласку и привет держати, и приводити их ко государеву жалованью ласкою, ни в чем их не жесточить, чтоб их не отогнать». Кроме того, воевода обязан был выслушать жалобы иноземцев и объявить незаконными те действия своего предшественника, а также приказных и служилых людей, которые нанесли ущерб казне и населению, и обещать впредь на обидчиков и вымогателей давать «правый суд и сыск, и расправу».

Наряду с обещанием царской «милости» и «жалованья» «слово», оглашаемое воеводой, требовало, чтобы иноземцы «самодержцу служили и прямили во всем по своей шерти, на чем они великому госу-

Наказы сибирским воеводам в XVII веке: Исторический очерк. Болград, 1894. С. 14–16; *Фёдоров М. М.* Правовое положение народов Восточной Сибири (XVI — начало XIX в.). Якутск, 1978. С. 14–20; *Вершинин Е. В.* Воеводское управление... С. 68–69.

⁹² См., например: СПбФ АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 8. № 6. Л. 8–9; ДАИ. Т. 11. С. 69–70; *Миллер Г. Ф.* История Сибири. Т. 1. С. 372–373; *Конев А. Ю.* «Ясак с них имати не велели...» С. 44; Материалы и исследования по истории Северо-Западной Сибири. С. 148.

дарю шерть дали», жили «в покое и в тишине, без всякого сумнения», платили исправно «государев ясак и поминки» «сполна по окладу» и выполняли требуемые службы, хранили верность, не допускали своих сородичей до «воровства», «шатости» и «измены» и сообщали о них русским властям, получая за это вознаграждение, прилагали усилия к приведению в подданство государю немирных и неясачных людей, а также «в городех юрты и в уездех волостя полнили». В случае же неповиновения, отказа от уплаты ясака, измены, нападений на русских людей и «воинского приходу» «на волости и под государевы города и остроги» «слово» угрожало иноземцам «царским гневом» и «ратным боем».

Во время оглашения жалованного слова воеводы должны были быть «в цветном платье», а служилые люди — «в цветном же платье с ружьем». После процедуры оглашения следовало угостить иноземцев «кормом» и «питьем» из «государевых запасов». Как верно подметила Л. И. Шерстова, «красивая, пестрая одежда, пышное пиршество, полубрядовая обстановка несли в себе глубокую смысловую нагрузку, символизируя мощь и богатство устроителей церемонии, а через них и Московского царства вообще»⁹³.

К сожалению, имеющиеся в нашем распоряжении источники не позволяют судить, насколько неукоснительно воеводы выполняли процедуру оглашения жалованного слова. Но скорее всего в тех или иных масштабах она проводилась, поскольку ее отсутствие стало бы вопиющим нарушением предписанного верховной властью ритуала, подтверждавшего подданство сибирского населения, как аборигенного, так и русского. Игнорирование же жалованного слова могло закончиться для воевод царским гневом и опалой, а также недовольством местного населения⁹⁴.

Процедуру оглашения жалованного слова могли проводить и приказчики, назначаемые в остроги и зимовья. Во многих наказах (наказных памятях), выданных воеводами приказчикам, мы встречаем четкое указание на необходимость данной процедуры, а также

⁹³ Шерстова Л. И. Тюрки и русские в южной Сибири... С. 73.

⁹⁴ См. также: Вершинин Е. В. Воеводское управление... С. 68.

клаузулу самого «слова», правда, в сокращенном варианте по сравнению с наказами воеводам⁹⁵. Вот как, например, «слово» звучало в наказе енисейского воеводы Н. Веревкина от 9 июля 1639 г. казачьему пятидесятнику С. Родюкову, направленному «на Чичую и на Олекну реку и в иные захребетные реки для ясачного сбора»:

«Велети им (служилым людям. — *Авт.*) призвать в острожек тех землиц ясачных тунгуских князцей и всяких улусных людей, и сказати им государево цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии жаловалное слово, чтоб оне, князцы и всякие улусные тунгуские люди, были на государскую милость надежны, и были б под его государевою царьскою высокою рукою послушны, и ясак бы с себя и с своих улусных людей великому государю платили, как протчая их братья, тунгуские и яколские и иных землиц ясачные люди, государю ясак платят, а государь царь и великий князь Михайло Федорович всеа Русии их, князцов и всяких улусных ясачных людей, пожалует своим царьским жалованьем, и велит их оберегать от иных землиц своим государевым служилым людем Енисейского острогу»⁹⁶.

Однако есть и наказы приказчикам, которые данную процедуру вообще не предусматривали⁹⁷. Равным образом в многих отписках приказчиков о принятии острогов и зимовий ничего не сообщается об оглашении ими жалованного слова⁹⁸. Но встречаются, правда

⁹⁵ См., например: РГАДА. Ф. 208. Оп. 1. Д. 1. Л. 3–4; АИ. Т. 4. С. 524; ДАИ. Т. 4. С. 76, 205, 219; Т. 7. С. 137, 141; ПСИ. Кн. 1. С. 419; Кн. 2. С. 419; Миллер Г. Ф. История Сибири. Т. 3. С. 167, 176.

⁹⁶ ДАИ. Т. 2. С. 161.

⁹⁷ См., например: РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 481. Л. 39–48об., 89–98, 120–132, 148–155; АИ. Т. 5. С. 191–192; ДАИ. Т. 3. С. 350–352; Т. 4. С. 70–80; Т. 7. С. 149–150; ПСИ. Кн. 1. С. 508–510.

⁹⁸ См., например: РГАДА. Ф. 1177. Оп. 3. Стб. 1359. Л. 188; НИА СПБИИ. Ф. 160. Оп. 1. Д. 1057. Л. 73; ДАИ. Т. 3. С. 279–283, 332–333; Т. 4. С. 2–7; Т. 7. С. 193–194; Т. 8. С. 8–10, 180–182; Т. 10. С. 349–351; ПСИ. Кн. 1. С. 499–500, 529–530; Кн. 2. С. 40–43, 479–480, 482.

редко, и отписки, в которых приказчики рапортуют воеводам о том, что донесли до иноземцев «государеву милость».

«И как они пришли на усть Идирмы в зимовье з государевым ясаком, князцы и лутчие люди, и велел я им толмачю говорить государево цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии жалованное слово, чтобы они, князцы и всякие улусные люди тех землиц, были бы на государскую милость надежны, и были бы под его государскою высокою рукою послушны, и ясак бы с себя и со всех своих улусных людей великому государю платили, как их протчая братья, тунгусы и иные земли ясашные люди, государю ясак платят, и живут де в государском жалованье в тишине и в покое от иных зимлицы в оберегание, а государь царь и великий князь Михаило Федоровичь всеа Русии их, князцей и всяких улусных людей, пожалует своим государским жалованьем, и велеть (должно быть “велит”. — *Авт.*) их оберегать от иных землиц своим государевым служивым людем Енисеисково острогу» (Отписка И. Алексеева из зимовья на устье р. Идирмы, 1630 г.)⁹⁹.

«И как стали приезжать юкагири с государевым ясаком, и я, Ивашко, тем юкагирским князцом и их братье, и детем, и племянником, и родником, и их улусным людем про государское многолетное здоровье сказал, чтоб они, князцы и дети их, и братья, и все ясачные люди, на его государскую милость надежны были; и как они государев ясак с себя и с детей и с братьи и с родников своих заплатят и поезжают по своим кочевьям и улусам, и я, Ивашко, им заказывал накрепко, чтоб они неясачных иных сторонных родов под государеву царскую высокую руку призывали к нам, государевым служилым людем, с государевым ясаком, и государю бы поклонилися и государю бы ясак с себя платили» (Отписка И. Тархова из Индигирского зимовья, 1650 г.)¹⁰⁰.

⁹⁹ Миллер Г. Ф. История Сибири. Т. 3. С. 154.

¹⁰⁰ ДАИ. Т. 3. С. 277.

Присутствие или отсутствие процедуры оглашения жалованного слова во время вступления приказчиков в должность объясняется, скорее всего, ответственностью и инициативностью самих местных администраторов. Дело в том, что царские указы и грамоты воеводам не содержали предписания требовать от приказчиков проведения означенной процедуры, хотя подобное требование, как говорилось выше, в той или иной форме должно было предъявляться лицам, направляемым для подчинения и объясачивания еще «немирных» иноземцев. Соответственно воеводы не были обязаны включать жалованное слово как неизменное требование в наказные памяти приказчикам, а если и делали это, то по собственной инициативе, взяв за образец указы, врученные им самим в Москве. Следует заметить, что и известные нам наказные памяти сибирским приказчикам, сочиненные непосредственно в Сибирском приказе, также не содержат предписания оглашать жалованное слово при вступлении в должность¹⁰¹.

Следует особо отметить, что жалованное слово не только формулировало обязанности иноземцев, приглашаемых к подданству или уже состоявших в нем, но и декларировало от имени царя обязательства русских властей по отношению к ним, а также признавало их право на царское покровительство и защиту¹⁰². Иначе говоря, «слово» напоминало собой договор об определенных взаимных обязательствах между царем и его подданными.

Со своей стороны иноземцы, в случае признания русской власти, давали шерть — клялись в верности русскому царю. Слово «шерть» русские восприняли от татар¹⁰³, которые «шертью» ('shart') называ-

¹⁰¹ См., например: РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 481. Л. 39–48.

¹⁰² См. также: *Конов А. Ю.* Шертоприводные записи и присяги сибирских «иноземцев» конца XVI — XVIII вв. // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. Тюмень, 2006. № 6. С. 175; *Ковалышкина Е. П.* «Инородческий вопрос» в Сибири... С. 48; *Шайков А. Т.* Югра в эпоху Средневековья. С. 645.

¹⁰³ По мнению М. Ходарковского, слово «шерть» первоначально стало использоваться «для определения соглашений между Москвой и Крымом» (*Khodarkovsky M.* Russia's Steppe Frontier: The Making of a Colonial Empire,

ли «условие-соглашение-обязательство», и придали ему смысловое значение клятвы-присяги¹⁰⁴. Однако к тюркам Евразии¹⁰⁵ это слово попало от арабов¹⁰⁶, в чьем языке означало «условие», «обуславливание» ('шарт' – 'šart' — ШСФ) в смысловом значении «условие договора»¹⁰⁷. В мусульманском дипломатическом протоколе существовала

1500–1800. Bloomington and Indianapolis, 2002. P. 43, 53). Доказательством этому служит тот факт, что первая известная шертная грамота, появившаяся в русской дипломатической практике, относится к 1474 г. В этом году крымский хан Менгли-Гирей дал московскому великому князю Ивану III «ярлык или шертную (клятвенную) грамоту <...> пред российским послом боярином Никитой Беклемишевым» (Андреев А. Р. История Крыма. М., 2002. С. 49. См. также: Бережков М. Крымские шертные грамоты. Киев, 1894. С. 9). К 1487 г. относится вторая известная шертная грамота, присланная Ивану III казанским ханом Мухаммад-Амином (Трепавлов В. В. «Шертные» договоры: российский прообраз протектората // Россия и Восток: проблемы взаимодействия. Челябинск, 1995. Ч. 1. С. 29). См. также: Лашков Ф. Ф. Крымские шертные грамоты XVI–XVII вв., хранящиеся в Московском Главном Архиве Министерства Иностранных Дел // Труды VIII Съезда Московского археологического общества, в Москве, в 1890 г. М., 1895. Т. 2.

¹⁰⁴ Не вникая в сакральные и правовые отличия клятвы и присяги, которые существовали в русском политико-правовом дискурсе XVI–XVII вв., мы употребляем оба эти слова как синонимы.

¹⁰⁵ Слово «шарт» в значении «условие» (вариации: «требование», «договоренность») присутствует в лексике тюркоязычных татар, башкир, туркмен, казахов, узбеков, киргизов, алтайцев, хакасов, но его нет в турецком языке. Есть оно в лексике ираноязычных таджиков.

¹⁰⁶ «В канцелярии татарских ханов работали выходцы из ортодоксальных мусульманских государств Центральной Азии, привнесшие в татарский язык арабскую лексику» (Нольде Б. Э. История формирования Российской империи. С. 127).

¹⁰⁷ Бережков М. Крымские шертные грамоты. С. 4; Hamdi A. Qafisheh. NTC's Gulf Arabic-English Dictionary. Lincolnwood, IL, 1997. P. 352. См. также: Этимологический словарь Фасмера [Электронный ресурс. URL: <http://fasmerbook.com/p858.htm>; дата обращения: 10.09.2014]. В свою очередь арабское «шарт» имеет скорее всего общесемитские корни: в «Ветхом завете» встречается слово «шарет» — šaret в значениях «служение», «прислужи-

практика составления «шарт-наме» — документа, оформлявшего договорные отношения между главами государств или политических образований¹⁰⁸. Русские этот документ стали называть «шертной грамотой», а условия договора и обязательства его выполнять — «шертью».

К началу присоединения Сибири шертование как процедура и шертные грамоты как документы уже более столетия практиковались в правовом оформлении взаимоотношений правителей Русского государства, с одной стороны, и правителей тюркских государств и политических образований, возникших на развалинах Джучиева улуса, в том числе Сибирского юрта, — с другой¹⁰⁹. Эти грамоты являлись дипломатическими актами, оформлялись в результате переговоров и представляли собой де-факто и де-юре двухсторонние международные договоры, которые, правда, нередко были неравноправными: московские великие князья выступали как старшие партнеры, а тюркские правители как младшие, бравшие на себя определенные обязательства по отношению к старшему, и таким образом оформлялся российский протекторат¹¹⁰. Общей чертой упомянутых грамот являлось наличие предварительных посольских переговоров, на которых обсуждались обязательства, даваемые обеими сторонами. Так,

вать кому-либо» (*Штейнберг О. Н.* Еврейский и Халдейский этимологический словарь к книгам Ветхого Завета. Вильна, 1878. Т. 1. С. 507–508).

¹⁰⁸ См.: *Усманов М. А.* Жалованные грамоты Джучиева Улуса XIV–XVI вв. Казань, 1979. С. 279; *Трепавлов В. В.* «Шертные» договоры... С. 29; *Почкаев Р. Ю.* Особенности формирования и эволюции правовой системы Улуса Джучи // Тюркологический сборник. М., 2006. С. 317; *Зайцев И. А.* Астраханское ханство. М., 2004. С. 163–164.

¹⁰⁹ См.: *Бережков М.* Крымские шертные грамоты. С. 1, 2, 9. *Нольде Б. Э.* История формирования Российской империи. С. 139–141. О шертовании сибирского бека Едигера и сибирского хана Кучума см.: ПСРЛ. Т. 13. Первая половина. С. 285; СГГД. Ч. 2. С. 63–65; *Опись архива Посольского приказа 1626 года.* М., 1977. Ч. 1. С. 289.

¹¹⁰ Исключение составляло Крымское ханство, считавшее себя преемником Золотой орды и претендовавшее на главенство в отношениях с Московским государством.

например, известны московско-казанские переговоры 1497 г. о «наращении» на казанский престол султана Абул-Латыфа, московско-казанские переговоры 1507 г. «о миру, о братстве и о дружбе»¹¹¹, предварительные варианты «шертных грамот», использованные в ходе подготовки астраханско-литовского соглашения 1540 г.¹¹² и московско-крымских соглашений 1508, 1515–1518 гг.¹¹³, предварительные варианты «шертных грамот», упомянутые в описании процедуры присяги Ивану IV сибирского бека Едигера между 1555 и 1558 гг.¹¹⁴ и хана Кучума в 1571 г.¹¹⁵ Длительность процесса заключения договора («шерти») 1557 г. между Ногайской Ордой и Московским государством¹¹⁶ также предполагала подготовку предварительного текста соглашения¹¹⁷. При этом с тюркской стороны к шерти-присяге приводились зачастую не только правители (ханы, беки) и знать («сеиты и уланы и князи и мырзы»), но «все земские люди», под которыми следует, видимо, понимать предводителей территориальных общин, либо же послы, находясь в Москве, клялись как полномочные представители всей «своей земли».

В русско-тюркских отношениях был апробирован и иной вариант шертных грамот, когда шертование по сути оформляло личную присягу на верность московскому великому князю тех ордынских ханов и султанов, а также других представителей татарской элиты (беков, мирз, сеитов), которые выезжали в Московское государство и здесь

¹¹¹ *Исхаков Д. М.* Сеиды в позднесолотоордынских татарских государствах. Казань, 1997. С. 24–25.

¹¹² *Зайцев И. А.* Астраханское ханство. С. 131.

¹¹³ Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымом, Нагаями и Турцией. Т. 2: 1508–1521 // Сб. РИО. СПб., 1895. Т. 95. С. 194, 317, 532.

¹¹⁴ ПСРЛ. Т. 13. Первая половина. С. 248, 276, 286; М., 1965. Т. 29. С. 233, 251, 258.

¹¹⁵ СГГД. Ч. 2. С. 63–65; АИ. СПб., 1841. Т. 1. С. 340.

¹¹⁶ *Трепавлов В. В.* История Ногайской орды. М., 2002. С. 611–614.

¹¹⁷ См. также: *Моисеев М. В.* Шертные грамоты в контексте русско-ногайских отношений XVI в. // Средневековые тюрко-татарские государства. 2014. № 6. С. 84–90.

«испомещались» на кормление и / или на правление в татарских анклавах — городах Касимов, Звенигород, Юрьев-Польский, Кашира и др. Давшие шерть должны были служить и быть «послушными во всем» московскому великому князю¹¹⁸. Такой тип присяги, имевший частно-правовой характер, оформлял по сути добровольно-договорные и сюзеренно-вассальные отношения между московским государем и представителями татарской элиты.

Наконец, с момента включения Казанского, а затем Астраханского ханств в состав Русского государства шертные грамоты приобретают новое значение: они начинают фиксировать подданнические связи, поскольку русские власти стремятся привести к шерти поголовно все покоренное население означенных ханств¹¹⁹, а само шертование, имея публично-правовой характер, становится обязательной процедурой, в которой в разной пропорции сочетались принуждение (со стороны принимавших шерть) и добровольность (со стороны дающих шерть).

Следует также отметить, что упомянутые выше шертные грамоты отражали и фиксировали конкретные историко-политические ситуации. Они не имели устойчивого стандартизированного формуляра и, соответственно, не были предназначены для универсального оформления правовых отношений с «многими иноземцами», невзирая на их политический статус и этническую принадлежность¹²⁰.

¹¹⁸ См.: *Рахимзянов Б. Р.* Москва и татарский мир: сотрудничество и противостояние в эпоху перемен. XV–XVI вв. СПб., 2016. С. 144–176.

¹¹⁹ См.: *Трепавлов В. В.* «Шертные» договоры... С. 28–33; *Исхаков Д. М., Измайлов И. Л.* Этнополитическая история татар (III — середина XVI вв.). Казань, 2007. С. 282–286; *Котляров Д. А.* Московская Русь и народы Поволжья в XV–XVI вв.: У истоков национальной политики России. Ижевск, 2005. С. 163–278.

¹²⁰ См., например, опубликованные шертные грамоты XVI в.: СГГД. Ч. 2. С. 30–34, 64; Памятники дипломатических сношений Крымского ханства с Московским государством в XVI и XVII веках. Симферополь, 1891. С. 23–26; Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой. 1551–1561 гг. Казань, 2006. С. 168, 189–190, 250–251, 309. См. также: *Моисеев М. В.* Шертные грамоты в русско-ногайских отношениях в XVI в.: виды, форму-

Но при этом данные грамоты, помимо прямой политической функции, выразившейся в установлении дипломатических, протекторатных, вассальных или подданических отношений, являлись важным механизмом решения проблем правового характера, в частности проблемы удостоверения клятвенных обязательств мусульманина перед христианином и наоборот¹²¹. Как заметил на примере международных отношений Л. А. Юзефович, «крайне важно было, чтобы иностранные дипломаты совершали присягу “по их вере”, “по их закону” — это давало более прочные гарантии соблюдения условий договора»¹²².

В историческом сибиреведении присутствует трактовка шерти и шертования как ордынского наследия в русской политике в отношении азиатских народов¹²³. Если вести речь исключительно о слове «шерть», то с этим можно согласиться. Однако если говорить о шер-

ляр, процедуры заключения // Проблемы дипломатики, кодикологии и актовой археографии: М., 2012. С. 409.

¹²¹ Зайцев И. В. Проблема удостоверения клятвенных обязательств мусульманина перед христианской властью в России XVI–XIX веков // Отечественная история. 2008. № 4. С. 3–9.

¹²² Юзефович Л. А. «Как в посольских обычаях ведется...». М., 1988. С. 176.

¹²³ См., например: Шерстова Л. И. Тюрки и русские в южной Сибири... С. 66; Она же. Внешняя политика Московского царства: сибирский опыт // Международные отношения в Центральной Азии: история и современность. Барнаул, 2008; Она же. Аборигенная политика московского царства в Сибири...; Она же. Восприятие русской власти аборигенами Сибири...; Акишин М. О. Шертование народов Сибири при присоединении к России. С. 233, 239; Он же. Русское государство, международное право и присоединение Сибири... С. 431; Он же. Правовые формы становления отношений России с народами Центральной Азии и Китаем... С. 14; Почекаев Р. Ю. Правовая основа отношений Московского царства с кочевыми подданными (на примере русско-монгольских отношений XVII в.) // Studia culturae. 2013. № 18. С. 85; Ходарковский М. В чем Россия «опережала» Европу, или Россия как колониальная империя // Окраины Московского государства и Российской империи: инновационные подходы в изучении имперской истории России. Казань, 2015. С. 75–76.

товании как приведении к клятве / присяге, то это абсолютно неверно. Заимствование от тюрок арабского слова «шерть» не означает, что на Руси не знали клятвы-присяги как таковой, она была известна как в языческие времена, так и после принятия христианства¹²⁴, и обозначалась она (помимо собственно слова «клятва») словами «рота» и «правда», а в отношении христиан также — «крестоцелование»¹²⁵.

¹²⁴ См., например: *Фетисов А. Л.* Ритуальное содержание клятвы оружием в русско-византийских договорах X в. // Становление славянского мира и Византии в эпоху раннего Средневековья. М., 2001; *Филлюшкин А. И.* Институт крестоцелования в Средневековой Руси // Клио. Журнал для ученых. СПб., 2000. № 2; *Стефанович П. С.* Крестоцелование и отношение к нему церкви в Древней Руси // Средневековая Русь. М., 2004. Вып. 5; *Он же.* Князь и бояре: клятва верности и право отъезда // Древняя Русь: очерки политического и социального строя. М., 2008; *Он же.* Давали ли служилые люди клятву верности в средневековой Руси // Мир истории. Российский электронный журнал. 2006. № 1 [Электронный ресурс. URL: <http://www.historia.ru/2006/01/klyatva.htm>; дата обращения: 10.06.2017]; *Он же.* Дружинный строй в древней Руси и у древних германцев: существовала ли клятва верности вождю (правителю)? // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2008. № 2.

¹²⁵ В контексте приведения к присяге «правда» означала договор и его условия, а также обещание, присягу и клятву на настоящее (без обмана и хитрости) и неукоснительное исполнение «подобающим образом» (в соответствии с некими непреложными «божественными» установлениями) взятых на себя обязательств (СРЯ. М., 1992. Вып. 18. С. 98). «Рота» имела значения «клятва», «присяга», «условия договора» (СРЯ. М., 1997. Вып. 22. С. 221). В указанных значениях «правда» и «рота» были, по сути, синонимами слова «шерть». При этом, как отмечает П. С. Стефанович, «“рота” ассоциировалась больше с чем-то “нехристианским” и “народным”», а «клятва» чаще встречалась в церковнославянских текстах. Слово же «присяга» было известно, но не имело широкого хождения в древнерусском языке, и лишь с конца XIV в. стало распространяться в западнорусском языке, а в великорусском языке — со второй половины XV в., хотя еще долгое время «могло восприниматься как иноязычный экзотизм» (*Стефанович П. С.* Крестоцелование и отношение к нему церкви... С. 103–104; *Он же.* Князь и бояре... С. 168–169; *Он же.* Давали ли служилые люди клятву верности...).

До второй половины XVI в. практика шертования и шертные грамоты имели вполне определенный этнополитический ареал распространения — они ограничивались отношениями русских, с одной стороны, тюрков и сильно тюркизированных народов, — с другой. Оформление же протектората и «вассальной» зависимости (реальной или номинальной) или полного подданства нетюркских народов (точнее говоря, тех народов, которых русские в те времена идентифицировали как не-татар) осуществлялось русской стороной иначе и в соответствии с собственно русской традицией — путем приведения к «правде» или «роте», иногда «к правде и роте» одновременно. Такая практика имела место в отношениях русской власти в середине XVI в. — с нетюркскими народами завоеванного Казанского ханства (чуваши, черемисами и мордвой) и с северокавказскими правителями, в том числе имевшими тюркские корни. Следует также заметить, что и в русско-тюркских отношениях на протяжении почти всего XVI в. присяга ханов, беков, их представителей и подданных (крымчаков, казанцев, астраханцев, ногайцев, а также Кучума) на верность договору с московским великим князем / царем в русских летописях и документах нередко называлась не только «шертью», но и «правдой» и «ротой», причем зачастую эти слова использовались одновременно и даже взаимозаменялись¹²⁶.

В отношениях русской власти с нетюркскими народами Сибири *собственно шертование* долгое время также не применялось. Летописные известия, сообщающие о походах московских ратей за Урал во второй половине XV в., не знают таких слов, как «шер-

¹²⁶ Зуев А. С., Слугина В. А. Летописные известия о шертовании сибирских народов во время похода Ермака и исторические реалии // Российская история, 2015. № 3. С. 36–37. См. также: Маслюженко Д. Н., Рябинина Е. А. Реставрация Шибанидов в Сибири и правление Кучум хана... С. 106; Рахимзянов Б. Р. Москва и татарский мир... С. 172. Даже ранее, во второй половине XV в., договоры между московскими великими князьями и тюркскими правителями в русском переводе назывались не только шертиями, но и «правдами» (Исхаков Д. М. Введение в историю Сибирского ханства. Очерки. Казань, 2006. С. 176).

тование», «шертъ», «шертная грамота / запись». Они, фиксируя факт приведения кого-либо к присяге, употребляют другую лексику.

При описании похода В. Скрыбы 1465 г. в «Югорскую землю» сообщается, что русские ратники ее «за великого князя привели»¹²⁷ (курсив здесь и далее наш. — *Авт.*). Глагол «привели», который при описании ситуации подчинения чьей-либо власти, часто употреблялся в сочетании со словами «шертъ», «правда», «рота» («привели» к шерти / правде / роте)¹²⁸, позволяет заключить, что в данном случае речь идет о приведении «земли» к какой-то присяге великому князю. Во время похода 1483 г. московских воевод «на вогуличи», в «Сибирьскую землю» и «на великую реку Обь» никакого «приведения» «за великого князя», если верить летописям, не осуществлялось¹²⁹. Однако, по сообщению Устюжской летописи, после этого похода в Москву весной 1484 г. прибыли «с челобитьем князи вогульские и югорския», и «князь великий за себя их привел»¹³⁰. Следствием московских переговоров стало заключение Усть-Вымского мира 1484/85 г. между русскими, вымичами и вычегжанами, с одной стороны, и рядом кодских и югорских князей — с другой. Оно сопровождалось исполнением обеими сторонами ритуала принесения клятвы, которое в летописях обозначилось словосочетанием «имали мир», но при этом взятие кодскими и югорским князьями на себя определенных обязательств («им лиха не мыслити, ни силы не чинити некоторые над пермьскими людьми, а государю великому князю правитися во всем») вообще никак не номинировалось¹³¹. Очередной поход

¹²⁷ ПСРЛ. Т. 37. С. 91.

¹²⁸ См. также: СРЯ. Вып. 19. С. 108.

¹²⁹ ПСРЛ. Т. 12. С. 215; Т. 26. С. 276; Т. 33. С. 124; Т. 37. С. 49, 95.

¹³⁰ ПСРЛ. Т. 37. С. 49, 96. Заметим, что данной информации нет в других летописях (ПСРЛ. Т. 12. С. 215; Т. 26. С. 276; Т. 33. С. 124).

¹³¹ ПСРЛ. Т. 26. С. 276–277; Т. 33. С. 125; Бахрушин С. В. Остяцкие и вогульские княжества в XVI–XVII вв. // Он же. Научные труды. М., 1955. Т. 3. Ч. 2. С. 152; Плигузов А. И. Текст-кентавр... С. 149–150. См. также: Шашков А. Т. Первые московские походы за Урал и Усть-Вымский мир 1484 г. // Обские угры. Тобольск; Омск, 1999; Он же. Югра в эпоху Средневековья. С. 592–593.

московских войск в Сибирь против «югры» и «вогулич» состоялся в 1499 г. Большинство летописей, сообщая о нем, рассказывают лишь о том, что московские воины «всю землю повоевали и в полон розвели розно»¹³², и только Никоновская летопись уточняет: «...а иных князей и земских людей *к роте приведоша по их вере* за великого князя»¹³³. Последнюю информацию подтверждает запись в московской «Разрядной книге» за 1499 г.: «Они же шедша города их поимаша и землю их плениша и их *приведоша к роте по их вере*»¹³⁴.

В известных документах XVI в. (до начала присоединения Сибири) — жалованной грамоте 1525 г. Василия III «югорской самоеди» о принятии их в подданство¹³⁵, аналогичной грамоте 1556/57 г. Ивана IV «в Юсерскую землю князю Певгею и всем князем Сорыкидцкие земли»¹³⁶, грамоте 1572 г. Ивана IV Я. и Г. Строгановым о проведении к покорности ряда народов, в том числе «остяков»¹³⁷, его же жалованной грамоте 1574 г., разрешавшей Я. и Г. Строгановым строительство крепостей «на Тахчях и на Тоболе реке» и поручавшей им приведение в подданство «остяков, и вогулич, и югрич»¹³⁸, его же грамоте 1582 г. М. и Н. Строгановым, предписывавшей среди прочего «отяков» (остяков. — *Авт.*) и «вогулич» «в нашу волю приводить

¹³² ПСРЛ. Т. 26. С. 291; Т. 33. С. 133; Т. 37. С. 51, 98.

¹³³ Там же. Т. 12. С. 249.

¹³⁴ Разрядная книга 1475–1605 гг. С. 56.

¹³⁵ Обдорский край и Мангазея... С. 11.

¹³⁶ СГД. Ч. 2. С. 51; Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. 1. С. 324–325. Под Юсерской землей все исследователи подразумевают Югру. По поводу «Сорыкидцкие земли» высказываются разные версии, но наиболее убедительной представляется та, которую озвучил еще в 1894 г. А. А. Дмитриев, считавшей, что так в грамоте искаженно назвали остякскую Шоркарскую землю, расположенную к востоку от реки Казым на правом берегу р. Оби (Дмитриев А. А. Покорение угорских земель и Сибири. С. 29, 79–82).

¹³⁷ В данной грамоте присутствует слово «правда», но в значении «верности» и «искренности»: «А которые <...> похотят нам (царю. — *Авт.*) принять и правду свою покажут <...> а оне бы нам тем правду свою показали...» (Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. 1. С. 332).

¹³⁸ Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. 1. С. 333, 334.

по нашему указу»¹³⁹, — вообще ничего не говорится о приведении или необходимости приведения сибирских народов к какой-либо присяге на верность царю — шерти / правде / роте, и соответственно отсутствуют сами эти слова.

Таким образом, до начала сибирского похода Ермака имеются не более трех относительно точных свидетельств, причем хронологически локализуемых второй половиной XV в., о присяге «сибиряков» (не тюрок) русскому правителю, в том числе лишь один раз — о приведении их к роте. Собственно же шертование и его документальное оформление (шертные грамоты) в их отношении в это время вовсе не практиковались. Не соответствует действительности и содержащееся в ряде сибирских летописей сообщение о приведении «многих живущих ту (в Сибири. — *Авт.*) иноязычных людей» к шерти на верность русскому царю накануне, во время и сразу после «взятия Сибири» Ермаком. Исключение, возможно, составляли лишь татары, оформление подданства которых русскому царю с помощью шерти было уже обычной процедурой. Но шертование (*именно шертование!*, а не приведение к присяге вообще) нетюркских народов, коими являлись обские угры (остяки и вогулы), до 1590-х гг. русскими властями не осуществлялось. Летописные же сведения о шертовании являются результатом творческой работы летописцев XVII в.: дошедшие до них скудные известия о подчинении ермаковыми казаками «сибиряков» они наполнили конкретикой и лексикой своего времени, не соответствующей реалиям «сибирского взятия»¹⁴⁰.

¹³⁹ Миллер Г. Ф. История Сибири. Т. 1. С. 336.

¹⁴⁰ См. подробнее: Зуев А. С., Слугина В. А. Летописные известия о шертовании сибирских народов... С. 38–39. См. также: [Солодкин Я. Г.] О некоторых спорных вопросах зарождения сибирского летописания (К 375-летию «Повести» Саввы Есипова) // Источниковедческие и историографические аспекты сибирской истории. Нижневартовск, 2011. Ч. 6. С. 9–10; *Он же*. Существовала ли «шертоприводная запись» сибирских «иноземцев» московскому государю в начале похода Ермака // Проблемы дипломатики, кодикологии и актовой археологии. М., 2012. С. 487–492.

Сказанное выше не означает, что Ермак и его казаки не могли приводить покоренное ими население Западной Сибири к присяге на верность — себе или царю?¹⁴¹ К данной процедуре их должны были подталкивать логика развития взаимоотношений с местными народами и стремление утвердить свою власть над ними¹⁴². Так, в Бузуновском летописце можно прочитать следующее:

«По взятии города Сибири прииде к Ермаку во град остяцкой князь Боярга (Бояр. — *Авт.*) со многими дары и запасы и покаришася Ермаку. Он же *утверждаше* их, пиршество им творяше, чтобы им жить под рукою государевою во всяком послушании, а служить во всякой верности, ясак платить и на русских людей дурно не мыслить»¹⁴³ (*курсив наш. — Авт.*).

Выражение «утверждаше» явно означает приведение к «твердой» присяге на верность. Причем заметим, что автор данного летописца при описании процедуры «утверждения» не употребляет слова «шертование».

Возможный обряд приведения ермаковыми казаками «сибирцев» к присяге описан в Кунгурской летописи, которая, как полагают многие исследователи, составлялась на основе воспоминаний непосредственных участников «Сибирского взятия»¹⁴⁴:

«И (Богдан Брязга. — *Авт.*) приехав в первую Аремзянскую волость, и городок крепкий взял боем, и многих лутчих мергений повесил за ногу, и розстрелял. И ясак

¹⁴¹ Исследователь сибирского летописания Я. Г. Солодкин категорически исключает возможность приведения ермаковыми казаками к шерти-присяге «сибирцев» (*Солодкин Я. Г. О начале шертования сибирских «иноземцев» московским государям (вопросы хронологии) // Вестн. Нижневартковского гос. ун-та. 2016. № 3. С. 26, 29).*

¹⁴² См.: Зуев А. С. Мотивация действий и тактика дружины Ермака в отношении сибирских инородцев // Уральский исторический вестник. 2011. № 3.

¹⁴³ Летописи сибирские. Новосибирск, 1991. С. 198

¹⁴⁴ См.: Шашков А. Т. Начало присоединения Сибири // Проблемы истории России. Екатеринбург, 2001. Вып. 4. С. 26.

собрал за саблю, и положил на стол кровавую, и велел верно целовати за государя царя, чтоб им служить и ясак платить по вся годы, а не изменить»¹⁴⁵.

С связи с приведенной цитатой из летописи заметим, что практика клятвы на оружии была издавна знакома русским воинам¹⁴⁶. Использование сабли как элемента обряда присяги было известно и обским уграм¹⁴⁷.

Наверняка к присяге на верность царю представителей местного населения — вождей и «лучших людей» приводили и первые царские воеводы, прибывавшие в Сибирь во второй половине 1580-х — начале 1590-х гг. В первые десятилетия присоединения Сибири эта процедура явно была чрезвычайно актуальной и значимой, поскольку фиксировала изменение политического статуса иноземцев, приводимых под «высокую государеву руку». К тому же уже к концу 1580-х гг. в гарнизонах Тобольска и Тюмени появились подразделения служилых татар, поступление которых на русскую службу обязательно должно было сопровождаться приведением к присяге¹⁴⁸. Однако никаких документальных свидетельств этого не сохранилось. Соответственно, мы не знаем, какими словами обозначалась сама присяга и сама процедура приведения в подданство. Скорее

¹⁴⁵ Ремезовская летопись: История Сибирская. Летопись Сибирская Краткая Кунгурская. Тобольск, 2006. С. 248.

¹⁴⁶ См.: Фетисов А. Л. Ритуальное содержание клятвы оружием...; Стефанович П. С. Давали ли служилые люди клятву верности в средневековой Руси.

¹⁴⁷ См.: Перевалова Е. В. Шертъ, «медвежья присяга» и пляска с саблями // Уральский исторический вестник. 2013. № 4.

¹⁴⁸ См. также: Солодкин Я. Г. О начале шертования сибирских «иноземцев»... С. 27–29. Заметим, что в данной публикации Я. Г. Солодкин абсолютно неверно интерпретировал наблюдения, изложенные нами в статье «Летописные известия о шертовании сибирских народов во время похода Ермака и исторические реалии». Критикуя нас за то, что мы отрицаем приведение к шерти сибирских нетюрских народов в период до конца XVI в., он просто не понял, что мы вели речь о собственно шертовании, но не исключали вообще приведение этих народов к присяге.

всего, учитывая существовавшую в XVI в. практику словообозначения присяги нехристианского немусульманского населения, она называлась либо ротой, либо правдой, а применительно к сибирским мусульманам — шертью.

Впервые же слова «шерть», «шертовать» и словосочетание «привести / приводить к шерти» при описании процесса подчинения сибирских народов Русскому государству, насколько нам известно, фиксируются в сохранившихся официальных документах лишь с 1590-х гг. В отношении татар (точнее, тех, кого таковыми считали русские) они появились в царском наказе сибирскому воеводе А. Елецкому 1593/94 г.¹⁴⁹, в царских грамотах и наказах 1595 г. тарскому воеводе Ф. Елецкому¹⁵⁰, тюменскому воеводе Г. Долгорукому¹⁵¹ и сургутскому воеводе О. Плещееву¹⁵², в отношении самоедов и косвенно нарымских остяков — в наказе 1597 г. сургутским воеводам С. Лобанову-Ростовскому и И. Ржевскому¹⁵³, в отношении остяков, проживав-

¹⁴⁹ В данном наказе содержится следующее указание А. Елецкому: «И во[евод] князю Ондрею Васильевичю, идучи Иртышем, те волости воевать <...> и изменников сыскивать, винных казнить, а черных людей к [шерти] приводить» (*Миллер Г. Ф. История Сибири. Т. 1. С. 347*). Слово «шерть» в тексте включено в квадратные скобки, а это означает, что оно является вставкой, осуществленной публикаторами документа, стремившимися логически, в соответствии с контекстом восстановить утраченную в оригинале часть текста. Данное обстоятельство заставляет нас сомневаться в том, что наказ Елецкому является первым официальным документом, содержащим слово «шерть», поскольку утраченное в оригинале слово могло быть и другим — «к правде приводить», либо «к роте приводить».

¹⁵⁰ *Миллер Г. Ф. История Сибири. Т. 1. С. 358; 362, 363.*

¹⁵¹ Там же. С. 361.

¹⁵² Материалы и исследования по истории Северо-Западной Сибири. С. 134. «Тотаровями» в грамоте О. Плещееву названы нарымские остяки, или селькупы, которых русские какое-то время не отделяли от собственно сибирских татар. См. также: грамота 1596 г. сургутскому воеводе О. Плещееву (Там же. С. 139, 140).

¹⁵³ Материалы и исследования по истории Северо-Западной Сибири. С. 145.

ших в волостях, подведомственных Тобольску, — в наказе 1599 г. тобольским воеводам С. Сабурову и А. Третьякову¹⁵⁴, в отношении вогуличей (Лозвинской и Сосвинской волостей) — в наказной памяти, выданной в 1599 или 1600 г. тобольским воеводам С. Сабурову и А. Третьякову¹⁵⁵, а в отношении уже всех сибирских народов — в 1599 г. в царской грамоте верхотурскому воеводе И. Вяземскому¹⁵⁶ и царском наказе тарскому воеводе Я. Старкову¹⁵⁷.

М. О. Акишин полагает, что «образцом для шерстной записи» стало «жалованное слово», оглашавшееся сибирскими воеводами сибирским же иноземцем¹⁵⁸. Однако такая трактовка представляется ошибочной, поскольку, как говорилось выше, жалованное слово, адресованное иноземцам, как особый нормативный акт в сибирской

¹⁵⁴ Мы не располагаем текстом самого наказа, но если верить Н. Н. Оглоблину, он аналогичен наказу тобольским воеводам 1601 г. (*Оглоблин Н. Н. Обзорение столбцов и книг Сибирского приказа. Ч. 4. С. 131, 138*). Последний же, как мы полагаем, наверняка составлялся по шаблону, заданному предшествующим известным нам наказом тарским воеводам 1599 г., в котором упоминается необходимость приведения иноземцев к шерти.

¹⁵⁵ *Оглоблин Н. Н. Обзорение столбцов и книг Сибирского приказа. Ч. 4. С. 136.*

¹⁵⁶ *Миллер Г. Ф. История Сибири. Т. 1. С. 373; РИБ. Т. 2. Стб. 64.*

¹⁵⁷ РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 11. Л. 54.

¹⁵⁸ *Акишин М. О. Шертование народов Сибири... С. 236.* Однако в этой же статье автор утверждает, что «после принесения шерти на российское подданство международно-правовые нормы, выраженные при шертовании, инкорпорировались в национальное право России, что формально выражалось в жалованных грамотах сибирским князьям и клаузуле жалованного слова воеводских наказов» (Там же. С. 240). Таким образом, если мы правильно поняли неясно выраженную мысль автора, не жалованное слово было «образцом» для «шерстной записи», а наоборот: нормы «шертей» включались в «жалованные слова». В других своих статьях М. О. Акишин утверждает, что «образец шерстной записи, по которой приводились к подданству народы Сибири, был составлен в Посольском приказе в 1590-е гг.», т. е. до 1598/99 г. (*Акишин М. О. Правовые формы становления отношений России... С. 15. См. также: Он же. Русское государство, международное право и присоединение Сибири... С. 431*).

управленческой практике появилось лишь при царе Борисе Годунове (не ранее 1598/99 г.), а собственно шертование в Сибири началось на несколько лет раньше. Причем упомянутые выше царские указы и грамоты 1590-х гг. сибирским воеводам позволяют предположить наличие уже в то время стандартизированных формулировок шертей, прежде всего в части обязательств присягнувших. Так, в грамоте 1596 г. О. Плещееву содержится следующая формулировка: «... что им («татарам». — *Авт.*) вперед быти под нашею под царскою рукою неотступно и ясак в нашу казну по вся годы платить весь сполна безпереводно»¹⁵⁹. Она же в чуть измененном виде присутствует и в наказе 1597 г. С. Лобанову-Ростовскому: «... что им («самоедам». — *Авт.*) вперед быти под государевою под царскою рукою неотступными и государев ясак платити по вся годы безпереводно»¹⁶⁰. О наличии к началу XVII в. особых «шертных записей» свидетельствует и царская грамота 1605 г. о приводе к присяге Дмитрию Ивановичю (Лжедмитрию I) населения Верхотурского уезда: «... а татар и всяких иноземцов привели к шерти примерясь к той же записи и к прежним шертовальным записям»¹⁶¹.

Исходя из того, что отчеты о своих действиях первые сибирские воеводы должны были направлять в Посольский приказ (об этом говорилось в самих наказах), можно полагать, что и сами грамоты и указы составлялись там же. В связи с этим следует, видимо, согласиться с мнением того же М. О. Акишина, что «правовой механизм приведения в подданство народов Сибири был разработан в Посольском приказе и впервые урегулирован в наказах воеводам в 1590-х гг. В его основе была процедура шертования»¹⁶². При этом, однако, еще раз подчеркнем, что собственно шертование как правовой механизм оформления порядка властвования–подчинения уже более столетия приме-

¹⁵⁹ Материалы и исследования по истории Северо-Западной Сибири. С. 139.

¹⁶⁰ Там же. С. 145.

¹⁶¹ РГАДА. Ф. 199. Оп. 1. № 133. Ч. 1. Д. 7. Л. 24 об.; СГГД. Ч. 2. С. 201.

¹⁶² Акишин М. О. Международно-правовые основы присоединения Сибири... С. 213.

нялся в русско-тюркских отношениях, а практика присяги (как бы она ни номинировалась) была известна с древнейших времен.

Вопрос об эволюции и трансформации присяги (роты, правды, шерти) нерусского, точнее нехристианского населения¹⁶³ главе Московского государства во временной период до конца XVI в. совершенно не изучен в силу отсутствия достаточной информации в источниках. Но вряд ли будет ошибкой полагать, что, начав в конце XVI в. подчинение сибирских народов, московская власть опиралась на имевшийся к тому времени опыт правового оформления подданства как «москвитов»-православных, так и окрестных народов — язычников Приуралья, мусульман-тюрок Поволжья, христиан разных конфессий на территориях, оспариваемых у Литвы и Ливонии, а также на опыт правовой регламентации протекторатных отношений Московского государства с тюркскими ханствами и ордами и сюзерено-вассальных (частно-правовых) отношений между «государем всея Руси» и лицами разных вероисповеданий, переходивших к нему на службу.

Номинация же правового оформления подчинения сибиряков-нехристиан «шертью» и «шертованием» объясняется, как мы полагаем, двумя обстоятельствами: во-первых, практика шертования, в отличие от приведения к роте и правде, имела документальное сопровождение в виде шертных грамот; во-вторых, в результате развернувшегося во второй половине XVI в. подчинения тюркоязычных народов Поволжья и Западной Сибири слова «шерть» и «шертование» стали активно использоваться в русской политико-правовой лексике, вытесняя слова «рота» и «правда»¹⁶⁴. Русские власти для облегчения вербальной (и в целом культурной) коммуникации с тюрками использовали понятия, хорошо знакомые контрагентам, распространив их затем и на общение с нетюрскими народами Сибири и сибирского порубежья. В начале XVII в. слово «шерть» как обозначение присяги на верность царю собственно сибирских, а также

¹⁶³ Присяга христиан, в том числе правителей христианских государств, оформлялась крестоцелованием.

¹⁶⁴ В конце XVI в. присяга татар Западной Сибири изредка называлась «правдой» (См., например: СГГД. Ч. 2. С. 129).

соседствовавших с Сибирью народов прочно закрепляется в лексике русских нормативных и делопроизводственных документов¹⁶⁵, хотя изредка в них и в последующее время звучит прежнее название клятвы-присяги — «правда» и «рота», причем иногда одновременно с шертью¹⁶⁶.

Интересно также отметить, что внедрение в политико-правовой лексикон слов «шерть» и «шертование» и связанных с ним понятий применительно к сибирским народам хронологически совпало с аналогичным процессом в отношении народов Северного Кавказа. Первая точно известная на данный момент «запись шертная» северокавказских правителей датируется 1588 г.¹⁶⁷, следующие — 1589 г.¹⁶⁸

¹⁶⁵ См.: РГАДА. Ф. 199. Оп. 1. № 133. Ч. 1. Д. 5. Л. 19–22; Д. 7. Л. 24; Ч. 3. Д. 177. Л. 3 об., 4 об.; Д. 178. Л. 9, 9 об.; Ф. 214. Оп. 1. Кн. 11. Л. 134 об.–137 об.; СГГД. Ч. 2. С. 90, 201, 388; РИБ. Т. 2. Стб. 190, 192, 198; *Миллер Г. Ф.* История Сибири. Т. 1. С. 389, 411, 413, 414, 415, 418, 419; Акты времени правления... С. 66, 364; Акты времени междуцарствия (1610, 17 июля — 1613 г.). М., 1915. С. 3–4, 5–6; АИ. Т. 3. С. 1; *Оглоблин Н. Н.* Обзорение столбцов и книг Сибирского приказа. М., 1901. Ч. 3. С. 214; СДИБ. С. 9; РМО. 1607–1636. С. 36, 38–40; и др.

¹⁶⁶ См., например: АИ. Т. 5. С. 523; ПСЗРИ. Т. 3. С. 562, 564 *Миллер Г. Ф.* История Сибири. Т. 2. С. 453, 471; Т. 3. С. 131, 155; КПМГЯ. С. 231; СДИБ. С. 59; *Бутанаев В. Я.* История вхождения Хакасии (Хонгорая) в состав России. С. 172, 175; *Полевой Б. П.* Изветная челобитная С. В. Полякова 1653 г. ... С. 33.

¹⁶⁷ Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв. М., 1957. Т. 1. С. 51–52; Русско-чеченские отношения: вторая половина XVI–XVII в. М., 1997. С. 19. Возможно, первая «шертовальная запись» северокавказских правителей — «Грамота черкаская шертная Ханбулата князя з братьею и з детьми и с племянники», если верить переписной книге дел Посольского приказа 1626 г., относится к 1578 г. (Кабардино-русские отношения... С. 35). Однако не исключено, что приказной писарь-архивариус назвал грамоту «шертной» лишь постольку, поскольку она по своему смыслу соответствовала шерти (присяге), но собственного данного слова не содержала. Ситуацию могла бы прояснить находка оригинала самой грамоты.

¹⁶⁸ Кабардино-русские отношения... С. 58–60; Русско-чеченские отношения... С. 22, 23, 29, 32, 33.

Но лишь в начале XVII в. шертовальные записи стали нормой в отношениях русской власти с северокавказскими правителями.

Шертование — принесение клятвы-присяги — являлось в условиях Сибири формальным политико-правовым актом, призванным закрепить местных иноземцев в русском подданстве, обеспечить их верность русскому царю и легитимировать его власть над ними. М. М. Фёдоров в свое время обозначил два варианта политико-правового применения шертей: «во-первых, шерт — клятва тех, кто принимал ясачное подданство; шерт содержал перечень их политических, экономических и правовых обязательств, а также предоставляемых им прав»; «во-вторых, приведение ясачных подданных к шерту служило одним из средств принуждения аборигенов к строгому соблюдению их главной обязанности — уплате ясака»¹⁶⁹. Соглашаясь в целом с такой классификацией, определим эти варианты несколько иначе, более адекватно историческим реалиям и целям шертования¹⁷⁰.

Процедура шертования предусматривалась, во-первых, при приведении людей «новых земель» «под государеву царскую высокую

¹⁶⁹ Фёдоров М. М. Правовое положение народов Восточной Сибири... С. 21–22.

¹⁷⁰ Шертование практиковалось также в ходе судебно-следственных разбирательств с участием нехристиан, когда шертовавшие клялись в верности своих слов и обязательств. Но в данном случае шерть являлась судебным частно-правовым актом. В таком качестве она упоминается в Соборном Уложении 1649 г. (гл. X «О суде», ст. 161) (Соборное Уложение 1649 года. Л., 1987. С. 48. См. также: Фёдоров М. М. Правовое положение народов Восточной Сибири... С. 23). У христиан аналогичная частно-правовая клятва именовалась крестоцелованием (Антонов Д. И. Клятва и крест: проблема судебной присяги в древнерусской правовой культуре XVI–XVII вв. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2009. № 1. С. 42–53). Кроме того, есть свидетельства, что иноземцев приводили к шерти в случае исполнения ими каких-либо обязанностей, связанных с «государевым делом», например, по сбору ясака (См.: РГАДА. Ф. 1177. Оп. 4. № 156 а. Л. 6–6 об.). И это опять же было аналогично присяге-крестоцелованию православных подданных, когда их определяли к какой-либо должности (ясачного сборщика, таможенного целовальника и т. д.).

руку в прямое холопство навеки неотступно», т. е., в понятиях того времени, в полное, безусловное и вечное подданство русскому государю. Это действие могло оказаться одноразовым, когда какое-либо этнотерриториальное объединение сразу признавало русскую власть, а могло быть неоднократным, когда иноземцев после их «шатостей» и «измен» приходилось по нескольку раз приводить к шерти. В последнем случае иноземцы либо по собственной инициативе, либо после их «смирения» русским «ратным боем» должны были признать свою «вину» и «вспомнить свою прежнюю шерть». В ответ они получали прощение:

«А государь их пожалует, прежних их вин вспомянуть не велит, те их вины и измены велит им отдать, только б они вперед были под государскою высокою рукою в своей правде крепко и стоятельно безо всякие шатости» (1632 г.)¹⁷¹.

Неоднократно могли приводить к шерти и в целях предотвращения «измены», когда потомков призывали шертовать по примеру их предков. Такая практика имела место во взаимоотношениях русской власти и южно-сибирских кочевых этнотерриториальных объединений, когда после смерти глав этих объединений русские власти уговаривали их сыновей и внуков пролонгировать шерть:

«А он бы, князец Кока, помня службу отца своего к тебе, великому государю, тебе, государю, служил и прямил <...> и дал бы тебе, великому государю, шерть свою за себя и за весь свой улус, что ему тебе, государю, служить и прямить и быть в холопстве неотступну, как и отец ево, князец Абак, тебе, государю, служил» (1635 г.)¹⁷²;

«и велели тем киргизским князцам говорить всякими обычаяи, чтоб ему, великому государю, служили те князцы и были послушны по прежнему, на чем деды и отцы их шертовали» (1663 г.)¹⁷³;

¹⁷¹ Миллер Г. Ф. История Сибири. Т. 2. С. 453.

¹⁷² РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 49. Л. 181.

¹⁷³ Бутанаев В. Я. История вхождения Хакасии... С. 178.

«и как де отец ево Табунов, Кока князец, преж сего жил в вечном холопстве и во всяком покорении великим государем до своей смерти без шатости, так и ныне <...> ему, князю Табуну <...> великим государем служить и прямить, во всем и всякого добра хотеть и быть в вечном холопстве» (1696 г.)¹⁷⁴.

Со временем в отношении стародавних подданных-иноземцев, «впадавших» в «измену», власти уже могли не требовать их очередного приведения к шерти и даже под «высокую государеву руку», ограничиваясь необходимостью лишь ликвидации самой «измены» и возвращения «изменников» в состояние «холопов»-ясачноплательщиков¹⁷⁵, что, видимо, для русской администрации автоматически означало возвращение в подданство. Равным образом задача шертования и приведения в подданство зачастую не ставилась и в ситуации острого вооруженного противостояния с явным противником (такowymi в XVII в. неоднократно были калмыки и енисейские киргизы), занимавшимся грабежом и убийством русских и ясачных людей и / или категорически не желавшим подчиняться. В таких случаях воеводы и служилые люди согласно инструкциям должны были действовать исключительно «ратным боем», нанося врагам как можно больший урон.

Во-вторых, шертование было обязательным актом при смене царствующей особы. После восшествия на престол нового монарха аборигенное население, уже являвшееся подданным, приносило ему присягу наравне с русскими жителями сибирских уездов. В этом случае речь также можно вести о пролонгации прежних шертей. Периодическим возобновлением шерти, по мнению Е. В. Вершинина, являлось и оглашение новым воеводой (каждые 2–4 года) жалованного слова перед приглашенными «лучшими» иноземцами¹⁷⁶. С этим

¹⁷⁴ РГАДА. Ф. 199. Оп. 2. № 478. Ч. 3. Д. 32. Л. 5.

¹⁷⁵ См., например: ДАИ. Т. 4. С. 282–297, 297–312; Т. 5. С. 375–378; Т. 6. С. 367–368; Т. 7. С. 343.

¹⁷⁶ *Вершинин Е. В.* Воеводское управление... С. 68. Он же пишет: «Возможно, произнесение новыми властями “жалованного слова” перед ясачными людьми имело и еще один смысл: оно показывало, что отъезд очередного

вполне можно согласиться, поскольку в жалованных словах, начиная с конца XVI в. и до начала XVIII в. неизменно звучало обращение (в разных вариациях) к иноземцам, чтоб они «служили и прямили во всем по своей шерти, на чем государю шерть дали»¹⁷⁷, «во всем ему великому государю добра хотели по своей шерти, на чем они и деды и отцы их великому государю по своей вере шертовали»¹⁷⁸, «во всем великому государю добра хотели по своей вере, на чем они великому государю верностью своею при шерти душами своими обещались»¹⁷⁹ и т. п.¹⁸⁰

Подчинение все большего числа сибирских народов, резко ускорившееся с начала XVII в., поставило перед русскими властями задачу унификации текста иноземческой присяги на верность русскому монарху. Сравнение первых известных нам и относящихся к началу XVII в. полнотекстовых шертных записей с крестоцеловальными записями православных подданных того же времени свидетельствует о том, что вторые начинают использоваться как образец для первых¹⁸¹. О необходимости составлять шертные записи на основе кре-

воеводы (который для коренных жителей Сибири был намного реальнее, чем далекий “белый царь”) ничего не меняет в их отношениях с Русским государством, утверждало вечность их принадлежности государю» (Там же).

¹⁷⁷ РГАДА, Ф. 214. Оп. 1. Кн. 11. Л. 54.

¹⁷⁸ ПСЗРИ. Т. 3. С. 534.

¹⁷⁹ Там же. С. 378.

¹⁸⁰ См., например: РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 11. Л. 484об. 493об., 503об.; Оп. 3. Стб. 424. Л. 20; ПСЗРИ. Т. 3. С. 237, 338, 553, 567, 583; Т. 4. С. 97; АИ. Т. 3. С. 219; ДАИ. Т. 3. С. 301; Т. 4. С. 103, 155, 347; РИБ. Т. 2. Стб. 839; Т. 15. V. С. 8; Акты времени правления... С. 364; Высочайше учрежденная под председательством статс-секретаря Куломзина комиссия... Вып. 5. Приложения. С. 15; КПМГЯ. С. 75; *Миллер Г. Ф.* История Сибири. Т. 3. С. 269; *Барахович П. Н.* Наказ царя Михаила Федоровича енисейскому воеводе Ж. В. Кондыреву... С. 94.

¹⁸¹ Ср.: РГАДА. Ф. 199. Оп. 1. № 133. Ч. 1. Д. 5. Л. 19–22; Д. 19. Л. 57; СГГД. Ч. 2. С. 90; Акты времени междоуцарствия... С. 5–6; Акты юридические или собрания форм старинного делопроизводства. СПб., 1838. С. 354–355. См. также: *Слугина В. А.* Присяги народов Сибири: формулярный анализ

стоцеловальных прямо говорится в упоминавшейся грамоте царя Дмитрия Ивановича верхотурскому воеводе 1605 г.: «...и детей боярских и сотников, и стрельцов, и казаков, и пушкарей, и воротников, и посадских, и всяких людей, и пашенных крестьян к крестному целованью привели по записи, какова к вам послана, а татар и всяких иноземцов привели к шерти, *примерясь к той же записи* и к прежним шертовальным записям»¹⁸² (курсив здесь и далее наш. — Авт.), а также в крестоцеловальной записи 1606 г. на верность царю Василию Шуйскому: «А татарам и остякам велети говорити припись во всех статьях *против крестного целованья*: даю шерть по своей вере»¹⁸³. В грамоте тобольского воеводы кетскому воеводе того же года также указано, что при шертовании следует ориентироваться на крестоцелование: «А по чему, господине, тебе и служивым и всяким людям государю ц[арю] и в[еликому] к[нязю] Василью Ивановичу в[сея] Р[усии] крест целовати и *ясачных людей к шерти приводити, и о том послана к тебе целовальная запись* подклеена под сею грамотою»¹⁸⁴. С этого же времени наименование записи / грамоты изменилось с «шертной» на «шертовальную», причем явно по аналогии с «крестоцеловальной» записью христианских подданных.

В дальнейшем, на протяжении всего XVII в., образцами для составления шертовальных записей, используемых в Сибири, выступали крестоцеловальные записи. Последние разрабатывались в Москве и рассылались через Тобольск сибирским уездным воеводам. Воеводы (в реальной практике, возможно, их помощники — дьяки и подьячие) меняли в тексте записи контрагентов: если крестоцеловальная запись составлялась от имени православного подданного, то шертовальная — от имени неправославных иноземцев (язычников,

шертоприводных записей XVII в. [Электронный ресурс. URL: <http://mkonf.irigan.ru/papers.php?id=148>; дата обращения: 11.01.2014].

¹⁸² РГАДА. Ф. 199. Оп. 1. № 133. Ч. 1. Д. 7. Л. 24 об.; СГГД. Ч. 2. С. 201.

¹⁸³ РГАДА. Ф. 199. Оп. 1. № 133. Ч. 1. Д. 19. Л. 57; СГГД. Ч. 2. С. 306.

¹⁸⁴ Акты времени правления... С. 66. См. также: СГГД. М., 1822. Ч. 3. С. 418–420.

мусульман или буддистов)¹⁸⁵. Кроме того, воеводам в процессе переработки крестоцеловальной записи в шертовальную разрешалось убирать из текста фрагменты, ориентированные исключительно на православных подданных, и дополнять его местной конкретикой, что они и делали, стремясь в большей или меньшей степени адаптировать текст документа к ситуативным реалиям, политическим представлениям и верованиям контрагентов. Вследствие этого шертовальные записи, скорректированные воеводами, имели для каждого уезда и каждой подчиняемой этнотерриториальной группы иноземцев свою специфику, порой существенную¹⁸⁶. Однако при всех текстуальных вариациях шертовальные записи по своему формуляру и содержанию сохраняли большое сходство с крестоцеловальными записями¹⁸⁷, что позволяет говорить о стремлении русской власти

¹⁸⁵ Иноземцы, принявшие православие, так называемые «новокрещены», приносили присягу по крестоцеловальной записи и во время присяги целовали крест.

¹⁸⁶ См., например, шертовальные записи на верность Алексею Михайловичу, составленные в 1645–1646 гг. для иноземцев разных сибирских уездов: РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 232. Л. 106–110, 116–119, 130–133, 175–178, 191–194, 204–207, 231–238 об., 256–257; Ф. 1177. Оп. 3. Стб. 645. Л. 21–22; КПМГЯ. С. 967–969.

¹⁸⁷ Ср., например, шертовальные записи на верность новому монарху (РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 204; Оп. 5. Д. 293. Л. 1–7; Ф. 1177. Оп. 3. Стб. 645. Л. 12–32; СГГД. Ч. 3. С. 440–442; Материалы по истории Якутии XVII века... Ч. 3. С. 967–969; КПМГЯ. С. 10–11) и аналогичные крестоцеловальные записи (РГАДА. Ф. 1177. Оп. 3. Стб. 645. Л. 12–32; СГГД. Ч. 2. С. 191–195, 308; Ч. 3. С. 14–15, 421–422). См. также: Зуев А. С., Слугина В. А. «Служити мне, государю своему царю и великому князю Алексею Михайловичу» // Исторический архив. 2011. № 2. С. 187–189; Слугина В. А. Условия подданства сибирских «иноземцев» русскому государю в шертоприводных записях и делопроизводственных источниках XVII в. // Актуальные проблемы исторических исследований: взгляд молодых ученых. Новосибирск, 2013; Она же. Присяги народов Сибири: формулярный анализ шертоприводных записей XVII в.; Она же. Санкции в сибирских крестоцеловальных и шертоприводных записях XVII в. // Актуальные проблемы исторический иссле-

приблизить шертовальную запись в нормативно-правовом отношении к присяге православных подданных.

Разработанная таким образом в каждом уездном центре шертовальная запись должна была являться образцом для последующих аналогичных записей, используемых при приведении иноземцев в подданство или к присяге новому монарху.

В тех случаях, когда на местах образцы записей по каким-либо причинам отсутствовали, Москва предписывала при написании новых записей брать за основу опять-таки крестоцеловальные записи или же шертовальные записи, заимствованные из соседнего уездного города, что воеводы и делали. Приведем несколько примеров из документов, подтверждающих вышесказанное.

«А верхотурских татар и вагулич по твоему государеву указу привести б нам к шерти в съезжей избе по записи ж, какова шертовальная запись для татар и вагуличь учинена на Верхотурье наперед сего. А будет на Верхотурье в съезжей избе шертовальные записи нет или чево в прежних шертовальных записях против нынешней московской (т. е. крестоцеловальной. — *Авт.*) записи не написано, и нам бы, государь, холопом твоим, велеть написать на Верхотурье для татарского и вагульсково шертованья новую шертовальную запись, примеряясь к нынешней твоей государевой московской записи, или в старую запись, что доведетца против твоей государевы московской записи и смотря по здешней

дований: взгляд молодых ученых. Новосибирск, 2014; *Она же*. Подданство народов Сибири российскому государю в XVII в.: сравнительный анализ статей шертоприводных и крестоцеловальных записей // Труды института российской истории. М., 2014. Вып. 12; *Она же*. Шертоприводные записи как инструмент оформления подданства сибирских народов российскому государю в XVII веке // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: История, филология. 2015. Т. 14. Вып. 1. С. 58–65; *Она же*. Русская и «иноземческая» присяга российскому государю в Сибири в XVII в. // Актуальные проблемы исторических исследований: взгляд молодых ученых. Новосибирск, 2015.

мере к укреплению, велети написать имянно» (из отписки верхотурского воеводы, 1645 г.)¹⁸⁸.

«Служилых и ясашных татар привел по твоему государеву указу к шерти в съезжей избе по записи, какова шертовальная запись для татар учинена на Тюмени наперед сего и примерясь к твоей государевой московской записи» (из отписки тюменского воеводы, 1645 г.)¹⁸⁹.

«Привели енисейских ясачных людей, князцев и сотников и остяков, к шерти всех же по записи, какова шертовальная запись для ясачных людей учинена в Енисейском наперед сего. А будет в Енисейском в съезжей избе шертовальные записи нет или московской записи не написано, и вы б велели написать в Енисейском для ясачных людей шертовальную новую запись, примеряясь к нынешней нашей московской записи или в старую запись, что доведетца против нынешней нашей московской записи, смотря по тамошней мере к укреплению велели написати имянно» (из царской грамоты в Енисейск, 1645 г.)¹⁹⁰.

«А его де, князца Оиланка, и сына его Изеня, и улусных людей пять человек, и во всех их брацких улусных и в ясачных людей месте, привел он, Петр, за тебя, государя царя великого князя Алексея Михайловича всеа Руси, к шерти по той же шертовальной записи, по которой шертовали тебе, великому государю царю и великому князю Алексею Михайловичу всеа Руси, Красноярского острогу иноземцы» (из отписки томского воеводы, 1647 г.)¹⁹¹.

¹⁸⁸ РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 232. Л. 99–100. См. также Окружную грамоту на Верхотурье 1645 г. (СГГД. Ч. 3. С. 420).

¹⁸⁹ РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 232. Л. 114. См. также аналогичные отписки 1645 г. туринского и сургутского воевод о шертовании иноземцев на верность воцарившемуся Алексею Михайловичу (Там же. Л. 120, 249).

¹⁹⁰ СПбФ АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 22. Л. 156.

¹⁹¹ ДАИ. Т. 3. С. 106; СДИБ. С. 96.

«И их, братских князцов и улусных людей, привести по их вере к шерти по шертоприводной записи, какова с ним, Самойлом, послана будет из Енисейского острогу против прежней» (из наказной памяти С. Лисовскому, 1668 г.)¹⁹².

В 1682 г. в Красноярске была составлена «запись шертовальная, по чему приводить иноземцов к шерти с томской записи слово в слово»¹⁹³.

Несколько отличной была ситуация с шертованием главы объединения монголов-хотогойтов алтын-хана Омбо Эрдени в 1630-х гг. Шертовальные записи для него составлялись непосредственно в Москве: первая в 1633 г. в Казанском приказе¹⁹⁴, вторая в 1636 г. в Посольском приказе¹⁹⁵. Однако обе записи по своим формулярам и содержанию имели значительное сходство с современным им крестоцеловальными записями.

Соответствовали в целом нормам шертовальных (а значит, и крестоцеловальных) записей условия принятия русского подданства, которые предлагались в 1649 г. халха-монгольскому Цецен-хану¹⁹⁶ и в 1679 г. хотогойтскому алтын-хану Лубсан Сайн Эринчини¹⁹⁷. Сходство с крестоцеловальными записями (но уже с заметными отклонениями от «шертовального» формуляра) имела «шерть», дан-

¹⁹² РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 481. Л. 97.

¹⁹³ СПбФ АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 19. Л. 172.

¹⁹⁴ РМО. 1607–1636. С. 191–192, 199, 233. См. также более поздние копии этой записи, содержащие незначительные отклонения от первоисточника: Исторические акты XVII столетия (1633–1699). Материалы для истории Сибири. Томск, 1890. С. 1–4; ПСИ. Кн. 1. С. 168–170.

¹⁹⁵ Сохранилась в копиях XVIII в.: РГАДА. Ф. 126. Оп. 2. Д. 3. 1634 г. Л. 1–2; СПбФ АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 17. Л. 283 об.–286; РМО. 1636–1654. М., 1974. С. 407–408. Копии имеют незначительные разночтения.

¹⁹⁶ РМО. 1636–1654. Т. 2. С. 337, 350.

¹⁹⁷ РМО. 1654–1685. С. 337, 338. Следует, правда, отметить, что в дипломатических документах, зафиксировавших ход и результаты переговоров с Цецен-ханом и алтын-ханом Лубсан Сайн Эринчини, не упоминаются собственно шертовальные записи, а содержатся лишь их изложения, которые и позволяют судить об условиях принятия подданства.

ная в 1689 г. вождями (сайтами) монголов-табунутов полномочному послу на переговорах с маньчжурами Ф. Головину¹⁹⁸. В том же году Ф. Головин заключил соглашение о переходе в российское подданство с рядом монгольских (халхасских) тайшей. Соглашение было оформлено актом, названным «статьями», которые по формуляру и содержанию весьма существенно отличались от шертовальных (соответственно, и от крестоцеловальных) записей, оформлявших или подтверждавших подданство иноземцев русскому царю. Однако по своей сути «статьи», являлись все же актом, фиксировавшим подданство, и поэтому их вполне можно поставить в один ряд с шертовальными записями¹⁹⁹. К тому же «на сих вышеименованных статьях» тайши принесли присягу: «Учинили <...> во всякой верности по своей вере шерть»²⁰⁰. При этом и «шерть» сайтов, и «статьи» тайшей были составлены непосредственно по месту их согласования Ф. Головиным — в Забайкалье.

Шертовальные записи (как таковые, а также реконструируемые по их пространным пересказам в царских жалованных словах и донесениях сибирских администраторов), фиксируя по «чему их (иноземцев. — *Авт.*) приводить к шерти», включали два типа обязательств шертовавших.

¹⁹⁸ Формулярное отличие от «обычных» шертовальных записей заключалось в разбивке текста на статьи. См.: РГАДА. Ф. 126. Оп. 2. Д. 11. Л. 2–5 об. Документ неоднократно публиковался: СГД. Ч. 4. С. 596–599; ПСЗРИ. Т. 3. С. 15–17; СДИБ. С. 331–333; Исторический выбор: Россия — Бурятия в XVII — первой трети XVIII века. Иркутск, 2014. С. 330–332.

¹⁹⁹ К такому же выводу приходят и другие исследователи. См.: *Шагдурова И. Н.* Правовое регулирование административного и судебного устройства бурят в период Российской империи // Известия Иркут. гос. экон. академии. 2012. № 2. С. 214.

²⁰⁰ РГАДА. Ф. 126. Оп. 2. Д. 10. Л. 1–6. Документ неоднократно публиковался: ПСЗРИ. Т. 3. С. 4–7; СДИБ. С. 326–330; Международные отношения в Центральной Азии. XVII–XVIII вв. М., 1989. Кн. 1. С. 183–187; РМО. 1685–1691. С. 186–190; Исторический выбор: Россия — Бурятия в XVII — первой трети XVIII века. С. 328–330.

Во-первых, *стереотипные обязательства* (в полном или сокращенном наборе): быть у русского царя в «вечном холопстве навеки неотступным»; исправно платить ясак — «сполна», «без недобору» и «по все годы»; «во всем великому государю служить и прямить»; не желать и не призывать на «Московское государство» правителя из иных государств; не изменять, «не отъезжать» в соседние государства и «немирные» земли и не переходить в подданство к другим правителям; призывать в ясачных платеж своих «братью, и дядю, и племянников» и иных иноземцев; не контактировать с неприятелями и изменниками и не защищать их, но сообщать об их «изменнических» действиях и намерениях; по «государеву» повелению участвовать в военных походах совместно с русскими под командой русских военачальников; не грабить, не убивать и не брать в плен русских и ясачных людей; не нападать на русские и ясачные населенные пункты.

Во-вторых, *вариативные обязательства*, определявшиеся конкретными условиями — временем, местом, обстоятельствами, характером и степенью подчинения иноземцев.

Стереотипные обязательства преобладали в шертовальных записях, предназначенных для собственно сибирских иноземцев; вариативные обязательства в них занимали значительно меньше места, а зачастую и вообще отсутствовали. В записях же, предлагавшихся кочевникам, обитавшим вблизи южно-сибирских рубежей, вариативные обязательства, наоборот, являлись неизменным компонентом, занимая немало места; стереотипные же обязательства, хотя и присутствовали, но, как правило, не в полном объеме, их набор зависел от указанных выше конкретных условий (вследствие этого в записях зачастую отсутствовали, например, обязательства давать ясак и быть в «вечном холопстве»).

Нарушение любых обязательств, зафиксированных в шертовальных записях, влекло за собой перевод русскими властями иноземцев из категории «мирных» и «ясачных» в категорию «государевых непослушников» и «изменников»²⁰¹.

²⁰¹ См. подробнее: *Слугина В. А. Условия подданства сибирских «иноземцев» русскому государю...; Она же. Шертоприводные записи как инстру-*

Важно отметить, что во многих известных нам полнотекстовых шертовальных записях (в отличие, кстати, от их исходных образцов — крестоцеловальных записей) особое внимание уделяется четкому определению круга «врагов», «изменников» и «непослушников», с которыми запрещалось «ссылаться» и с которыми необходимо было воевать по требованию русских властей. Правда, набор этих «врагов» был вариативным, зависящим от местоживания контрагента шертования и характера взаимоотношений русской власти с «немирными» иноземцами.

Так, в шертовальных записях 1645 г., составленных в Верхотурском, Тюменском, Туринском, Пелымском, Нарымском, Тарском и Березовском уездах к числу «недругов», с которыми шертовавшим предписывалось «битись, не щадя головы своей до смерти», отнесены потомки Кучума, калмыки, енисейские киргизы, якуты, а также «ыные сибирские иноземцы, которые государю непослушны». В верхотурской, тюменской, нарымской и тарской записях, кроме того, названы «крымские», «нагайские», «литовские» и «немецкие» «люди». В тюменской записи к ним также добавлены «изменники»-татары тарские и тюменские, а в туринской из списка исключены крымчаки и ногайцы, но включены «изменники»-«тотары»²⁰². В сургутской шертовальной записи 1645 г. и аналогичной записи «братцких» князцов 1646 г. среди «врагов» названы лишь «изменники», являвшиеся «соплеменниками» шертовавших: в первой — остяки²⁰³, во второй — «братцкие мужики»²⁰⁴. В шертовальной записи 1650/51 г., предназначенной для юкагиров и «иных всяких иноземцов», к «соплеменникам»-юкагирам добавлены «ыные иноземцы»²⁰⁵. В «магометанской» записи 1648 г. шертовавшим предписывалось «битися» «с крымски-

мент оформления подданства...; Она же. Присяги народов Сибири...; Она же. Русская и «иноземческая» присяга российскому государю...

²⁰² РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 232. Л. 107, 117, 131, 175, 192, 205, 234.

²⁰³ Там же. Л. 256.

²⁰⁴ КПМГЯ. С. 10, 231; СДИБ. С. 56–59.

²⁰⁵ РГАДА. Ф. 1177. Оп. 3. Стб. 975. Л. 9; Зуев А. С., Слугина В. А. «Служити мне государю своему царю и великому князю Алексею Михайловичу»... С. 188.

ми и с нагайскими людьми, и сибирского царя с Кучумовым внуком з Девлет Гиреем з братею и с племянники их, и с ыными сибирскими иноземцы, которые государю не послушны»²⁰⁶, а в красноярской записи 1682 г. — с «калмыцкими и мунгальскими тайшами, и с киргизскими, и с тубинскими, и с алтырскими князцами, и со всякими иноземцами, которыя их, великих государей, непослушны»²⁰⁷. Кроме того, в шертовальных записях нередко перечислялись государства и этнополитические образования, с которыми запрещалось вступать в контакт и к которым запрещалось уезжать:

«...к иному ни к которому государю ни турецкому, ни к цысарю и к литовскому королю, шпанскому, ни ко французскому, ни к аглицкому, ни к ческому, ни к датцкому, ни к све[й]скому королю, ни в Крым, ни в Нагай, ни в Бухары, ни в Ургени, ни в Казатскую орду, ни в Калмыки, ни в иные ни в которые государства не отъехати <...> и с крымским царем и з Нагай и з Бухары и с колмыки не ссылатись и на государство лихо с ними не [съе]зжались и не думати» (1605 г.)²⁰⁸;

«и в Крым, и в Литву, и в Немцы, и в Нагай, и в Бухары, и к царевичу к Алею з братею, и х колмаком, и к чатцким людем, и в ыные ни в которые государства не отъехати» (1606 г.)²⁰⁹;

«и в Крым, и в Литву, и в Немцы, и в ыные ни в которые государства, и в Калмаки, и в Киргизы не отъехать» (1645 г.)²¹⁰;

«и в калмаки, и в самаядь воровскую не от[ъ]ехать» (1645 г.)²¹¹;

²⁰⁶ РГАДА. Ф. 199. Оп. 1. № 133. Ч. 3. Д. 225. Л. 117 об.; СГГД. Ч. 3. С. 441.

²⁰⁷ СПбФ АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 19. Л. 172 об.

²⁰⁸ РГАДА. Ф. 199. Оп. 1. № 133. Ч. 1. Д. 5. Л. 21 об.

²⁰⁹ Там же. Д. 19. Л. 56 об.

²¹⁰ Там же. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 232. Л. 108, 117–118, 131, 192, 205, 234.

²¹¹ Там же. Л. 257.

«в ыные немирные землицы, в юагири и в браты, и в мугалы, и в китары²¹², и в андауры²¹³, и в ыные сторонные реки, в неясашные иноземцы не отъехать, и с ними не сылатца» (1646 г.)²¹⁴.

Процедуры приведения к присяге-шерти сибирских иноземцев

Процедура шертования, будучи актом принесения присяги, уже в силу своей целевой установки должна была сопровождаться произнесением неких сакральных формул и исполнением неких обрядов, которые бы обеспечили неукоснительное выполнение клятвенных обязательств. И в ряде распорядительных документов, содержащих регламентацию порядка приведения иноземцев «под высокую государеву руку» и поступавших из Москвы к воеводам, а от них — к острожным / зимовейным приказчикам, землепроходцам и лицам, уполномоченным вести переговоры, мы встречаем требование осуществлять шертование иноземцев «по их вере», на основе «прямой шерти», т. е. истинной, настоящей клятвы:

«А у иноземцов на Оленке, у тунгусов и аманатов, роспрашивать накрепко: какая вера у них шерть прямая что, и розведав допряма, что у них, иноземцов, шерть, и тех иноземцов лутчих людей приводить по их вере к шерте» (1642 г.)²¹⁵,

²¹² Китары — этноним непонятен, но, вероятно, это — китайцы.

²¹³ Андауры — дауры (ср.: Материалы по истории Якутии XVII века... Ч. 3. С. 968).

²¹⁴ РГАДА. Ф. 1177. Оп. 3. Стб. 645. Л. 21. Аналогичный перечень содержится и в юагирской записи 1650/51 г.: «И[з] старых своих кочевьев в ыные немирные землицы, в юагири, и в браты, и в мугалы, и в китары, и в андауры, и в ыные сторонные реки, в неясачные иноземцы, не отъехать» (Там же. Стб. 975. Л. 8).

²¹⁵ Миллер Г. Ф. История Сибири. Т. 3. С. 260.

«привести их к шерти крепкой по их колмацкой вере» (1646 г.)²¹⁶;

«а приводит их к прямой шерти, розыскав подлинно, какая у них вера, на чем они шертуют, чтоб та их шерть была крепка и вперед постоянна, безо всякого нарушенья» (1655 г.)²¹⁷;

«а приводить их к прямой шерти, розыскав подлинно, какая у них вера и на чем они шертуют, чтобы у них никакого обмана и лукавства не было» (1696 г.)²¹⁸;

«присматриваться подлинно: на чем у тех чюкоч меж собою по их вере в подлинном договоре верная твердость» (1711 г.)²¹⁹, и т. д.²²⁰.

Но подобного рода указания все же крайне редко встречаются в нормативных документах — царских грамотах и указах, наказах сибирским воеводам, наказных памятях приказчикам, землепроходцам и переговорщикам. Из известных нам 35 полнотекстовых (т. е. сохранившихся полностью в той части, где речь идет о подчинении иноземцев) наказов воеводам 1592–1701 гг. необходимость шертования по иноземческой вере упоминается лишь в трех²²¹, и еще в трех встречается указание на «прежнюю шерть» «по своей вере»²²². По нашим подсчетам, лишь 15 из 54 просмотренных нами полнотекстовых

²¹⁶ РМО. 1636–1654. С. 283.

²¹⁷ РИБ. Т. 15. V. С. 12.

²¹⁸ ПСЗРИ. Т. 3. С. 238.

²¹⁹ ПСИ. Кн. 1. С. 457.

²²⁰ См., например: ПСЗРИ. Т. 3. С. 378, 534, 562; АИ. Т. 4. С. 70; ДАИ. Т. 4. С. 199; Т. 8. С. 165; РИБ. Т. 2. Стб. 449; ПСИ. Кн. 1. С. 10, 20, 421, 469; Кн. 2. С. 81, 508, 510, 517, 526; КПМГЯ. С. 52; СДИБ. С. 129; *Миллер Г. Ф.* История Сибири. Т. 2. С. 351; Т. 3. С. 219, 311; См. также: Записки, к сибирской истории служащие // Древняя Российская Вивлиофика. М., 1788. С. 223; ПСРЛ. Т. 36. Ч. 1. М., 1987. С. 168; *Бахрушин С. В.* Ясак в Сибири // Он же. Научные труды. Т. 3. Ч. 2. С. 66; *Иванов В. Н.* Принятие российского подданства народами Якутии в XVII веке // Якутский архив. 2009. № 2. С. 5.

²²¹ РИБ. Т. 15. V. С. 12; ПСЗРИ. Т. 3. С. 238; Т. 4. С. 98.

²²² ПСЗРИ. Т. 3. С. 378, 534, 562.

наказных памятей, выданных служилым людям, занимавшимся подчинением иноземцев, содержат упоминание о «вере»²²³. Из выявленных нами 31 царской грамоты и указа лишь в пяти говорится о необходимости шертования по «вере», при этом в трех случаях речь идет о хотогойтском алтын-хане и в двух — о джунгарском контайше²²⁴.

Редкие упоминания о «вере» в нормативных документах не означают, однако, что русская сторона не стремилась к соблюдению иноземцами во время шертования (как при приводе в подданство впервые, так и при пролонгации обязательств) неких обрядов. К XVII в. у русских людей уже вполне сложилось твердое убеждение, что присяга на верность государю обязательно должна сопровождаться определенным ритуалом (для самих русских — целованием креста). И уже в силу этого они не могли не требовать от иноземцев неких ритуальных действий, сакрально закреплявших присягу (если последняя, конечно, имела место быть). Упоминание об осуществлении таких ритуалов содержится в немалом количестве документов, в первую очередь — в шертовальных записях и разного рода отчетах, более или менее полно описывающих процедуры шертования (см. ниже). Отсутствие же в большинстве нормативных документов указаний

²²³ Подсчитано по: РГАДА. Ф. 208. Оп. 1. Д. 1. Л. 1–7; Ф. 214. Оп. 3. Стб. 481. Л. 39–48об., 89–98, 120–132, 148–155; Ф. 1177. Оп. 1. Стб. 48. Л. 35–43; Оп. 3. Стб. 79. Л. 347–359; Стб. 152. Л. 89–99; Стб. 950. Л. 1–9; Стб. 1262. Л. 8–9; Стб. 1359. Л. 64–65; Стб. 2680. Л. 80–85; АИ. Т. 4. С. 67–70, 521–528; Т. 5. С. 192–199; ДАИ. Т. 2. С. 161–164, 175–180, 256–258, 262–264; Т. 3. С. 24–29, 350–352; Т. 4. С. 70–80, 200–223, 404–408; Т. 7. С. 136–150, 152–158; ПСИ. Кн. 1. С. 231–233, 417–428, 508–510; Кн. 2. С. 40–43, 76–83, 506–515, 535–541; *Миллер Г. Ф.* История Сибири. Т. 2. С. 257–258, 358–359, 384–388, 451–455, 471–473; Т. 3. С. 24–27, 159–161, 201–207, 259–260, 316–318; СДИБ. С. 12–13, 39–41, 127–130, 255–259, 365–367; РМО. 1654–1685. С. 192–193, 277–279, 303–304.

²²⁴ Подсчитано по: АИ. Т. 3. С. 379–380; Т. 4. С. 148–149; ДАИ. Т. 8. С. 148–155, 166–168; Т. 11. С. 69–70; *Миллер Г. Ф.* История Сибири. Т. 1. С. 362–363; Т. 2. С. 236–239, 504–506, 511–513, 573–575; Т. 3. С. 217–226, 229–231, 236–238, 310–312; *Материалы и исследования по истории Северо-Западной Сибири.* С. 135–140; РМО. 1607–1636. С. 17–30, 34–40, 77–78, 114–117, 191–195; РМО. 1636–1654. С. 23–25, 69–71, 267–268, 336–338; РМО. 1654–1685. С. 356–357.

о шертовании «по вере» объясняется, как мы полагаем, следующим: как для вышестоящих властей, так и для исполнителей было вполне очевидно, что присяга в принципе невозможна без какого-либо ритуала, и, соответственно, не было смысла каждый раз делать соответствующее указание. Специальная же установка на шертование с обязательным использованием собственно иноземческой «веры» делалась, как правило, в тех случаях, когда речь шла о подчинении народов, которые либо постоянно «изменяли», либо упорно не желали идти «под высокую государеву руку».

Символических ритуалов, сопровождавших принесение шерти-клятвы, было множество, так как верования и связанные с ними обряды различались у разных народов Сибири и даже у их разных территориальных групп. Из этого множества мы рассмотрим только те, которые применялись во время присяги на верность русскому правителю, оставляя вне поля зрения ритуалы, совершаемые во время частно-правовых сделок²²⁵. Отметим также, что собранные нами сведения о ритуалах шертования фрагментарны, относятся к разным хронологическим периодам и охватывают не все сибирские народы. Однако, учитывая консерватизм культурных паттернов аборигенов Сибири, их устойчивую приверженность мифологическому мировоззрению, можно уверенно полагать, что разные территориальные группы одного народа (этнокультурной общности), а также разные народы, ведшие схожий образ жизни и имев-

²²⁵ Некоторые описание ритуалов при частно-правовых сделках см.: Миллер Г. Ф. Описание сибирских народов. М., 2009. С. 168–173; Северо-Западная Сибирь в экспедиционных трудах и материалах Г. Ф. Миллера. Екатеринбург, 2006. С. 356–357; *Идес И., Бранд А.* Записки о посольстве в Китай (1692–1695). М., 1967. С. 104–105, 116, 129, 134–135, 155; *Харузин Н.* «Медвежья присяга» и тотемические основы культа медведя у остяков и вогулов // Этнограф. обозрение. 1898. № 3–4; *Залкинд Е. М.* Присоединение Бурятии к России. Улан-Удэ, 1958. С. 245–248; *Перевалова Е. В.* Шерть, «медвежья присяга» и пляска с саблями. Согласно этим описаниям ритуалы частно-правовых клятв существенно отличались от ритуалов, применяемых во время присяги на верность русскому монарху.

шие много общего в мировоззрении, весьма длительное время шертовали примерно одинаково.

Первый известный ритуал принесения клятвы «сибирянами» относится к 1484/85 г., когда русские, вымичи и вычегжане, с одной стороны, и ряд кодских и югорских (хантыйских) князей — с другой заключили Усть-Вымский мир. Процедура заключения мира представляла собой следующие ритуальные действия:

«Подкинувше елку в жерьдь протольсту, протесав на четьре, а под нею послали медведно (медвежью шкуру. — *Авт.*). Да на медведно покинули две сабли остреи в верх супротивно. Да на медведно же положили рыбу, да хлеб. А наши (христиане. — *Авт.*) поставили в верх елки крест. А югричи по своему жабу (сосуд. — *Авт.*) берестену доспену (?) и с ноhti (?). Да привяжут под крестом ниско, да под жабою над нами как почнуть ходити вокруг елки в посолон дръжати две сабли, подкинув елку остреи вниз. Да человек, стоячи, приговаривает: “Кто сесь мир изменить, по их праву бог казни”. Да обоидуть 3-жды, да наши поклонятся кресту, а они на польдень. А после того всего с золота воду пили, а приговор их так же: “Кто изменить, а ты, золото, чуй!”»²²⁶.

Медвежью шкуру при шертовании остяки (ханты) использовали и в последующем. Судя по рассказу Г. Новицкого (начало XVIII в.), они расстилали «звера кожу», на нее клали топор, нож и «инныя страсти орудия»; при клятве снимали со шкуры нож и подавали клянущемуся на его острие кусок хлеба, при этом толмач говорил слова присяги²²⁷.

²²⁶ *Плигузов А. И.* Текст-кентавр о сибирских самоедах. С. 149–150. См. также: ПСРЛ. Т. 26. С. 277; *Шашков А. Т.* Первые московские походы за Урал и Усть-Вымский мир 1484 г. С. 170–171; *Перевалова Е. В.* Шерть, «медвежья присяга» и пляска с саблями. С. 121–122.

²²⁷ *Новицкий Г.* Краткое описание о народе остячком 1715 г. Новосибирск, 1941. С. 58. См. также: *Бахрушин С. В.* Ясак в Сибири. С. 66; *Идес И., Бранд А.* Записки о посольстве в Китай... С. 116.

Самоеды, по сведениям «Описания о жизни и упражнении обитающих в Туруханской и Березовской округах разного рода ясачных иноверцах» (1782 г.), клялись в верности следующим образом: «... их ведут в приказ, и положат пред ними медведной топор, и дают каждому кусок хлеба с ножа съесть»²²⁸. В. Ф. Зуев (начало 1770-х гг.) зафиксировал два варианта присяги самоедов: первый, «когда они пред воеводою государю должны учинить присягу, то сведут их в одно место, а за множеством делят их на разные круги, положат пред ими топор, коим рубили медведя, и дают каждому с ножа съесть кусок хлеба»; «перед началом второй сей присяги расстилают медвежью кожу, а их около ее поставят всех на колени и посланной за присягою человек над головами их держит обнаженную саблю, а другой на ноже держит пред ими кусок хлеба, а сам говорит речи, которые они должны повторять каждой, а проговоря, каждому дает с ножа есть кусок хлеба, зубами велит кусать медведя и между тем, в знак сущей верности, каждой ущипывает шерсти»²²⁹.

²²⁸ *Перевалова Е. В.* Шерть, «медвежья присяга» и пляска с саблями. С. 123, 125.

²²⁹ *Зуев В. Ф.* Материалы по этнографии Сибири XVIII века (1771–1772) / Труды Института этнографии. Новая серия. М.; Л., 1947. Т. 5. С. 50, 51. Следует, правда, заметить, что при заключении «вечного мира» самоеды, возможно, практиковали человеческие жертвоприношения. Исследователь Тазовского и Ямальского полуостровов Ю. И. Кошелевский так описал эту процедуру, надо полагать, на основе услышанного им предания: «Остяки и самоеды долго между собою враждовали и ходили друг на друга войною. Но когда самоеды убедились, что остяков не в состоянии были прогнать из своего отечества, то смирились пред ними и в клятву вечного мира и признания над собою владычества остяков исполнили следующий обряд: из среды своей, по жребию, избрали одного самоеда, убили его, сварили и съели. После срубили у лиственницы вершину и на оставшемся отрубке поставили то корыто, из которого ели человеческое мясо. Этот обряд был верным ручательством вечного между ними согласия, и эта лиственница еще по настоящее время существует недалеко от Пашерцовых юрт и с. Обдорска» (*Кошелевский Ю. И.* Северный полюс и земля Ямал. Путевые заметки. СПб., 1868. С. 54. См. также: *Перевалова Е. В.* Северные ханты: этническая

«Медвежья» присяга у народов Северо-Западной Сибири, отмечает Е. В. Перевалова, «описывается в трудах П. С. Палласа, И.-Г. Георги, В. Н. Шаврова, Ф. Белявского, М. А. Кастрена, Н. Н. Харузина и др. По-видимому, к началу XVIII в. этот обычай закрепился в отношениях Москвы с сибирскими туземцами. В административных практиках «медвежья присяга» сохраняется до конца XIX в.»²³⁰.

В ритуале шертования сибирских татар (надо полагать, язычников) и остяков (хантов), судя по шертовальной записи 1606 г., использовались хлеб, соль и сабля²³¹. В грамоте того же года тобольского воеводы к воеводе Кетского уезда ритуал шертования кетских ясачных людей (среди которых преобладали остяки) был расписан так: «А как, господине, учнешь ясачных людей к шерти приводити, и ты б в те поры велел над ними держати сабли, а прочетчи запись, велел встыкати на нож и давати им в рот по кусу хлеба с ножа»²³². В 1645 г. остяки Сургутского уезда при шертовании «грызли» саблю²³³, вогулы (манси) Верхотурского уезда должны были целовать «по своей вере саблю»²³⁴. То же самое делали и остяки Сымской, Касавской

история. Екатеринбург, 2004. С. 293). Разумеется, христиане-русские ни при каких обстоятельствах не могли включить в обряд присяги «великому государю» человеческие жертвоприношения.

²³⁰ Перевалова Е. В. Шерть, «медвежья присяга» и пляска с саблями. С. 123. См. также: Северо-Западная Сибирь в экспедиционных трудах и материалах Г. Ф. Миллера. С. 356–357; Буцинский П. И. Сочинения в двух томах. Т. 2. Тюмень, 1999. С. 131; Дунин-Горкавич А. А. Тобольский Север. Общий обзор страны, ее естественных богатств и промышленной деятельности населения. СПб., 1904. С. 78, 94. Заметим, что культ медведя и «медвежья клятва» в частно-правовых сделках были распространены почти у всех народов Сибири. См.: Миллер Г. Ф. Описание сибирских народов. С. 168–173; Харузин П. «Медвежья присяга» и тотемические основы культа медведя... С. 7; Гартвиг Г. Природа и человек на крайнем Севере. М., 1863. С. 126; Кушелевский Ю. И. Северный полюс и земля Ямал. С. 106.

²³¹ РГАДА. Ф. 199. Оп. 1. № 133. Ч. 1. Д. 19. Л. 57; СГГД, Ч. 2. С. 306.

²³² Акты времени правления... С. 66.

²³³ РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 232. Л. 257.

²³⁴ Там же. Л. 109.

и Натской волостей Енисейского уезда в 1682 г.: «...по своей бусурманской вере они саблю целовали»²³⁵.

Енисейские киргизы «по своей бусурманской вере» во время произнесения клятвы проходили между половинами рассеченной надвое собаки и либо ели хлеб с ножа, либо «пили золото», либо «вино и золото», либо «кровь свежую собачью»²³⁶. «Пили золото» и алтайские телеуты²³⁷, ритуал шертования которых, скорее всего, был схож с киргизским. При шертовании тех и других в присутствии русских послов использовалась также сабля: во время произнесения клятвы ее заносили над головой шертовавшего или приставляли к его горлу²³⁸.

Рассеченную собаку использовали и якуты. Известный землепроходец В. Колесников сообщал в 1635/36 г.:

«А шертуют де те якуцкие князцы по своей вере, сами пальмою россеча сабаку на полы и роскинет ее надвое, а сам идет в тот промежек, и землю в те ж поры в рот мечет <...> А больши де у них того шертования нет»²³⁹.

²³⁵ Там же. Оп. 1. Кн. 817. Л. 133.

²³⁶ См.: РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 252. Л. 164; ПСИ. Кн. 1. С. 183; РМО. 1607–1636. С. 59; *Бутанаев В. Я., Абдыкалыков А.* Материалы по истории Хакасии XVII — начала XVIII вв. Абакан, 1995. С. 74, 81, 84; *Бутанаев В. Я.* История вхождения Хакасии... С. 87, 147, 152, 155, 209, 210; *Спафарий Н. Г.* Путешествие через Сибирь от Тобольска до Нерчинска и границ Китая русского посланника Николая Спафария в 1675 году. СПб., 1882. С. 9; *Бахрушин С. В.* Ясак в Сибири. С. 65, 66; *Он же.* Енисейские киргизы в XVII в. С. 183.

Для «питья золота» с золотого (или бронзового) предмета наскребали крошку, которую насыпали в сосуд с алкоголем (вином, кумысом, брагой, медовухой). Таким же образом в алкоголь насыпали и серебряную крошку.

²³⁷ См.: РГАДА. Ф. 199. Оп. 2. № 478. Ч. 3. Д. 12. Л. 2; *Уманский А. П.* Телеуты и русские в XVII–XVIII веках. Новосибирск, 1980. С. 21.

²³⁸ См., напр.: *Уманский А. П.* Телеуты и русские... С. 21; *Модоров Н. С.* Россия и Горный Алтай: политические, социально-экономические и культурные отношения (XVII–XIX вв.). Горно-Алтайск, 1996. С. 118.

²³⁹ РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 53. Л. 778–778 об., 791; *Бахрушин С. В.* Исторические судьбы Якутии // *Он же.* Науч. тр. Т. 3. Ч. 2. С. 25.

Правда, по сведениям борогонского якута Онюкея, относящимся к 1642 г., «прямая шерсть» у якутов заключалась в следующем:

«Солнцем клянутся, да соболи грызут на березе, да железо грызут, да березу грызут, а доселева де я видал до русских людей, шертовали де якуты Боргонской волости, Бату да Онокок, также де соболи грызли на березе, да березу грызли, да солнцем клялись, да серебро скребли, да пили в кумызе <...> а коли де медвежья голова прилучится, ино де скребют кости, да пьют в молоке»²⁴⁰.

В наказной памяти того же года, выданной якутским воеводой П. Головиным В. Власьеву, эта клятва (в изложении Г.Ф. Миллера) описывается несколько иначе:

«Они (якуты. — *Авт.*) вешают на березе 3 соболя и саблю, кладут под этой березой немного земли, опускаются на колени и произносят слова, которыми им велят клясться. Затем они кусают березу, а также лапы и хвосты 3 соболей и саблю, кладут землю себе на голову, склоняются головами до самой земли»²⁴¹.

По другим сведениям, якуты при заключении между собой мира клялись своими богами, небом, землей и своим здоровьем²⁴².

Убийство собаки и питье ее крови при «высшей форме клятвы», по сведениям А. Бранда (1693 г.)²⁴³, Г.Ф. Миллера (1730-е — начало

²⁴⁰ РГАДА. Ф. 1177. Оп. 3. Стб. 269. Л. 30; См. также: *Бахрушин С. В.* Ясак в Сибири. С. 66; *Иванов В. Н.* Принятие российского подданства народами Якутии... С. 5. В рассказе Онюкея речь, скорее всего, идет о разных вариантах частно-правовых клятв.

²⁴¹ *Миллер Г. Ф.* Описание сибирских народов. С. 172. Описание ритуала клятвы изложено Г.Ф. Миллером по копии наказной памяти (Там же. С. 175).

²⁴² *Кочнев Д. А.* Очерки юридического быта якутов. Казань, 1899. С. 78.

²⁴³ *Идес И., Бранд А.* Записки о посольстве в Китай... С. 129, 155; *Алексеев М. П.* Сибирь в известиях западно-европейских путешественников и писателей, XIII–XVII вв. Новосибирск, 2006. С. 437.

1740-х гг.)²⁴⁴, а также И.-Г. Георги (конец XVIII в.)²⁴⁵, практиковали предбайкальские и забайкальские тунгусы. Но тунгусы Енисейского уезда в 1682 г. во время шертования «по своей бусурманской вере» «саблю целовали»²⁴⁶.

Предбайкальские «братские люди» клялись в первой половине 1640-х гг. «по своей вере под солнцем и под землю и под огнем и под рускою саблею и под пищалью»²⁴⁷. Монголы-табунуты (табангуты), будучи язычниками, принимая в 1689 г. русское подданство, «дали шерть такову: пищаль целовали в дуло, саблю собак рубили да тое кровавую саблю лизали, по чашке студеной воды пили»²⁴⁸.

Монголы-буддисты, в том числе алтын-хан в середине 1630-х гг., шертовали «по своей бусурманской вере»: «пили золото»²⁴⁹. Но у них

²⁴⁴ Миллер Г. Ф. Описание сибирских народов. С. 168–170.

²⁴⁵ Георги И. Г. Описание всех обитающих в Российском государстве народов, их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, упражнений, забав, вероисповеданий и других достопамятностей. СПб., 2005. С. 317.

²⁴⁶ РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 817. Л. 89.

²⁴⁷ КПМГЯ. С. 10.

²⁴⁸ РГАДА. Ф. 126. Оп. 2. Д. 11. Л. 5 об.

²⁴⁹ РГАДА. Ф. 126. Оп. 2. Д. 3. 1634 г. Л. 2, 2 об. См. также: ПСИ. Кн. 1. С. 170, 171; РМО. 1607–1636. С. 205, 209, 210, 222, 248; РМО. 1636–1654. С. 43, 209, 210. Казачий атаман В. Тюменец и казачий же десятник И. Петров в 1616 г. наблюдали следующую картину, как им показалось, шертования алтын-хана Шалой-Убаши: «А в третьей день царь Алтын перед ними государю шертовал по своей мусульманской вере: подымал на руки бога своего честно <...> а подымали ево всем крылосом на пеленах. А как ево подняли, и царь де со всеми лудчими своими людьми поклонился и им, послом государевым, говорил, что у них только и веры, что они богов своих подымают и им кланяются, а не прикладываютца, и больши того у них веры не живет. А подымали оне бога <...> и кланяетца ему он, царь, ныне со всеми своими людьми на том, что ему со всеми своими людьми государю служить и прямить и быти под государевую рукою <...>» (РМО. 1607–1636. С. 64. См. также: Там же. С. 57). Однако по справедливому заключению Л. Ш. Чимитдоржиевой, русские казаки увидели обряд поклонения божеству, ошибочно приняв его за принесение клятвы на верность русскому монарху (Чимитдоржиева Л. Ш. Русские посольства к монгольским алтан-ханам XVII в.

же могли применяться и иные обряды, связанные с собственно буддистской верой. Один из них зафиксирован в шертовальной записи 1661 г. калмыцкого тайши Бунчука:

«По своей калмыцкой вере даю шерть и поклоняюся, и целую бога своего Бурхана и молитвенную книгу Бичик и чотки, и ножик свой лижу и к горлу прикладываю»²⁵⁰.

Еще один вариант обряда описал в своем статейном списке томский сын боярский С. Тупальский, приводивший в 1679 г. к шерти алтын-хана Лубсан Сайн Эринчини:

«И Лоджан Алтын-царь <...> великому государю царю и великому князю Феодору Алексеевичю <...> шертовал з детьми своими <...> и с лутчими своими яйзаны <...> И за всех своих улусных людей, взяв книгу, сам Лоджан Алтын-царь и, воздев на небо руки, и детям своим и всем ейзаном и улусным людям також велел руки поднять к небу, как и сам. И около головы своей Лоджан Алтын-царь руками обводил, и по лицу своему потирал, и ногти свои лизал, и детям своим велел також руки около головы обводить и ногти лизать. И Лоджан Алтын-царь з детьми своими по своей вере книгу целовал, а яйзаном своим и улусным людям велел руками около головы обводить и ногти лизать <...> И Лоджан Алтын-царь велел <...> сказать. — Я де, Лоджан Алтын-царь, великому государю з детьми своими и книгу по своей вере целуем за всех своих улусных людей в правде. А как Лоджан Алтын-царь з детьми своими шертовал и с яйзаны и с улусными людьми, говорил речь. — Шертуем де

Улан-Удэ, 2006. С. 31). Заметим, что родственные монголам калмыки, будучи буддистами, в это же время, в 1631 г. шертовали русскому государю по своей вере следующим образом: «Секли сабаку жолтую да прошли меж сабли и пищали, и ножовое острие лизали» (*Тепкеев В. Т.* Первые контакты калмыков с органами управления и населением Астрахани в начале 30-х гг. XVII века // *Вестн. Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН.* 2011. № 2. С. 13).

²⁵⁰ ПСЗРИ. СПб., 1830. Т. 1. С. 562.

мы по своей вере в правде на небо к богу, а на земли великому государю царю и великому князю Феодору Алексеевичю, всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержцу»²⁵¹.

Мусульмане — западно-сибирские татары и бухарцы — шертовали в 1645–1646 г. по «мусульманскому закону» — на Коране (который могли целовать)²⁵², но при этом, судя по шертовальной записи «магометанских подданных» 1648 г., их могли обязать «пить с золотом», а над их шеями заносить саблю²⁵³.

Чукчи просто клялись солнцем: «По их вере, в подлинном договоре меж собою у них, чюкоч, твердость дают порукою солнце»²⁵⁴; «чюкчи <...> обязываются по их обыкновениям солнцем (чтоб оно не видать)»²⁵⁵. Так же, надо полагать, поступали и коряки, родствен-

²⁵¹ РМО. 1654–1685. С. 338.

²⁵² РГАДА. Ф. 199. Оп. 1. № 133. Ч. 1. Д. 5. Л. 19, 21 об.; Ф. 214. Оп. 1. Кн. 204. Л. 48 об.; Оп. 3. Стб. 232. Л. 106, 116, 155; *Бояршинова З. Я.* Население Томского уезда в первой половине XVII века // Труды Томск. гос. ун-та. Серия историко-филологическая. Томск, 1950. Т. 112. С. 74; *Бахрушин С. В.* Ясак в Сибири... С. 55. Шертование сибирских татар на Коране практиковалась и ранее. Так, в 1639 г. русские власти требовали от внука Кучума царевича Девлет-Гирея присяги «на куране». Однако любопытно, что его родич царевич Аблай в 1632 г., обещая исетским татарам не убивать их, «им по калмацкой вере шертовал: стрелу лизал и на темя железцом ставил». В последнем случае, как указывает В. В. Трепавлов, использовалась традиционная монгольская присяга-шахан (*Трепавлов В. В.* Сибирский юрт после Ермака... С. 188). Он же отмечает, что при целовании корана «раскрывалась девятая сутра “Покаяние”, к которой прикладывались губами мусульмане» (*Трепавлов В. В.* «Орда самовольная»: кочевая империя ногаев XV–XVII вв. М., 2014. С. 173). О практике присяги мусульман российским правителям см.: *Зайцев И. В.* Проблема удостоверения клятвенных обязательств мусульманина...; *Аранов Д. Ю.* Мусульманская присяга в русском дипломатическом церемониале в Средние века и раннее Новое время // Репрезентация власти в посольском церемониале и дипломатический диалог в X — первой трети XVIII века. М., 2006.

²⁵³ РГАДА. Ф. 199. Оп. 1. № 133. Ч. 3. Д. 225. Л. 118; СПбФ АРАН Ф. 21. Оп. 4. Д. 17. Л. 542 об.–544; Д. 19. Л. 172 об.; СГГД. Ч. 3. С. 442.

²⁵⁴ ПСИ. Кн. 1. С. 458.

²⁵⁵ КПЦКЧ. Л., 1935. С. 182.

ные чукчам по происхождению и образу жизни. Солнцем, видимо, клялись также юкагиры и тунгусы-ламуты. Достоверными сведениям об этом мы не располагаем, но, согласно одному из преданий, записанных В.И. Иохельсоном, оба народа при заключении между собой мира клялись солнцем, приговаривая, что в случае нарушения мира «пусть солнце на нас большую печаль пошлет»²⁵⁶.

При любой вере шертование часто сопровождалось оглашением русской стороной разнообразных санкций — наказаний, которые последуют, если шертовавший изменит присяге. Эти санкции включались в шертовальные записи:

«...и буди на мне божий огненный меч, и побей меня государева хлеб и соль, и ссеки мою голову та востра сабля» (татары, остяки, 1606 г.)²⁵⁷;

«и на том шертованье будет де он не учнет государю служить и прямить и ясаку платить, и та пальма так же, что ту сабаку, россекла, та ево земля задови» (якуты, 1629/30 г.)²⁵⁸;

«а буде я <...> изменю государю <...> и мне [...] стала в горле, а с которово но[жа] ем, и тем бы ножем мне зарезатца, [...] сабля, которую грызу, голову мне отсекла, а вода бы меня потопила, а земля бы меня задавила» (остяки, 1645 г.)²⁵⁹;

«какое что лихое зделаем мимо сю шерть, и буди на нас божий огненный меч» (вагулы, 1645 г.)²⁶⁰;

«буди на мне божий огненный меч и буди яз проклят в сем веце и в будущем, и то золото не пройди в мое горло и испорти во мне сердце и весь живот, и сабля государя царя и великого князя <...> буди на моей шее» (татары, 1648 г.)²⁶¹;

²⁵⁶ Иохельсон В.И. Материалы по изучению юкагирского языка и фольклора, собранные в Колымском округе. СПб., 1900. Ч. 1. С. 128.

²⁵⁷ РГАДА. Ф. 199. Оп. 1. № 133. Ч. 1. Д. 19. Л. 57; СГГД. Ч. 2. С. 306.

²⁵⁸ РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 53. Л. 778–778 об.; Бахрушин С.В. Исторические судьбы Якутии. С. 25.

²⁵⁹ РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 232. Л. 257.

²⁶⁰ Там же. Л. 110.

²⁶¹ Там же. Ф. 199. Оп. 1. № 133. Ч. 3. Д. 225. Л. 118; СГГД. Ч. 3. С. 442.

«будь надо мной божий огненный меч, и будь я проклят в сем и будущем веке, сие золото да станет у меня в горле, и да пожрет у меня сердце, и великого государя, царя и великого князя Алексея Михайловича сабля да будет над моею головою» (телеуты, 1650 г.)²⁶²;

«и буди на мне божий огненной меч и сабля великих государей буди на моей шее, и буди я проклят, и буди проклята жена моя и дети и внучата мои и весь род мой в си век и в будущи. А как я учну великих государей хлеб и соль есть и золото пить, и тот хлеб и соль и золото не пройдет в мое горло и испорти во мне сердце и весь живот мой» (иноземцы юга Красноярского уезда, 1682 г.)²⁶³;

«буде де я, Табун, или дети или братья и племянники или которые улусные люди шерть свою в чем нарушат <...> и о той неустойке и шатости буди великих государей на них, Табуна и на детех ево и на братьех и на племянниках и на всех улусных людех, меч и сабля и всякое разорение без остатку» (телеуты, 1696 г.)²⁶⁴;

«аще лестию сию клятву утвораете, и неправедно служить и радеть в отдании ясаку будете, зверь сей (медведь. — *Авт.*) отмщение вам да будет и от него смертью да постраждете. Хлеб сей и нож да погубит тя, аще не правдою верностию, ею же обещаешься, творыти хочещи» (остяки, первая половина 1710-х гг.)²⁶⁵.

По наблюдениям В. Ф. Зуева, аналогичные санкции грозили и самоедам, причем смело можно полагать, что они появились еще в XVII в. в результате апробируемой русской стороной практики шертования северных оленеводов:

«Естли я моему государю до конца жизни моей верен не буду, но волею отступлю и верность нарушу, надлежаще-

²⁶² Уманский А. П. Телеуты и русские... С. 21.

²⁶³ СПбФ АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 19. Л. 172 об.

²⁶⁴ РГАДА. Ф. 199. Оп. 2. № 478. Ч. 3. Д. 32. Л. 6.

²⁶⁵ Новицкий Г. Краткое описание о народе остяцком... С. 58.

го ясака не заплачу, сам куда уйду или иным образом винно себя учиню, то да растерзает меня сей медведь, сим хлебом, которой ем, да подавлюся и чтоб мне сей топор голову отсек, а ножом мне бы зарезаться»; «етою шпагою вам головы отсекут, ножом себя заколете, хлебом подавитесь, страшной медведь вас съест»²⁶⁶.

Санкции за нарушение шертовальных обязательств порой угрожали катастрофическими последствиями:

«И меня, имя рек, по моей вере солнце не освяти, и земля не понеси, и хлеб подави, и руская сабля осеки, и пицаль убей, и огонь на нашей земли все наши улусы пожги; в последнее за ту нашу измену буди на нас государева гнева смертная казнь без милости и без пощады» (буряты, 1645/46 г.)²⁶⁷;

«и нам бы за нашу неправду рыбы в воде и зверя в поле и птицы не добыти, и чтоб нам за нашу неправду с женами и с дет[ь]ми и со всеми своими люд[ь]ми помереть голодною смертию, и чтоб нам [за] всю нашу неправду со всем своим животом и скотом напрасно погибнуть, и чтоб нас за нашу неправду государская хлеб и соль по воде и по земле не носила, и как по земле поедем или пойдем, нас бы земля поглотила, а как по воде поедем, и нас бы вода потопила» (буряты, около 1700 г.)²⁶⁸.

Санкции, однако, присутствовали не при всех шертованиях. Из известных нам 17 полнотекстовых шертовальных записей XVII в., предназначенных для собственно сибирских народов, санкции отсутствуют в 9²⁶⁹; нет их и в двух шертовальных записях алтын-ха-

²⁶⁶ Зуев В. Ф. Материалы по этнографии Сибири... С. 51, 52. См. также: Перевалова Е. В. Шерть, «медвежья присяга» и пляска с саблями. С. 123, 125.

²⁶⁷ КПМГЯ. С. 11.

²⁶⁸ РГАДА. Ф. 199. Оп. 1. № 133. Ч. 4. Д. 354. Л. 84 об.; ПСИ. Кн. 1. С. 25.

²⁶⁹ См.: РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 232. Л. 116–119, 130–133, 175–178, 191–194, 204–207, 231–238 об.; Ф. 1177. Оп. 3. Стб. 645. Л. 21–22; КПМГЯ. С. 967–969; Зуев А. С., Слугина В. А. «Служити мне государю своему...» С. 188–189.

на²⁷⁰, а также в «договорных статьях» Ф. Головина с монгольскими саитами и тайшами²⁷¹.

Таким образом, шертовальные записи, хотя и составлялись на основе христианских крестоцеловальных записей, включали в себя формулы, соответствовавшие «бусурманскому»²⁷² мировоззрению, а принесение присяги русскому царю облекалось в сакральные ритуалы, практиковавшиеся самими аборигенами, что облегчало восприятие ими самой присяги. Заметно также, что при всех вариациях обрядов шертования в большинстве из них на большей территории Сибири присутствовали следующие элементы: поедание кусочка хлеба с острия ножа, занесение сабли над шеей шертовавшего и питье золота²⁷³ либо собачьей крови. Предметы же, используемые при шертовании (хлеб, соль, нож, сабля и т. д.), должны были в случае измены шертовавшего сыграть роль главных орудий наказания.

Технология шертования на верность новому монарху (а также его наследникам), осуществлявшаяся в сибирских уездах, с трудом прослеживается по известным нам сохранившимся, причем весьма

²⁷⁰ РГАДА. Ф. 126. Оп. 2. Д. 3. 1634 г. Л. 1–2; СПбФ АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 17. Л. 283 об.–286; ПСИ. Кн. 1. С. 168–170; Исторические акты XVII столетия... С. 1–4; РМО. 1607–1636. С. 200–201; РМО. 1636–1654. С. 407–408.

²⁷¹ РГАДА. Ф. 126. Оп. 2. Д. 10. Л. 1–6; Д. 11. Л. 2–5 об.

²⁷² «Бусурманством» русские в Сибири XVII в. называли не только мусульманство, но и буддизм и язычество.

²⁷³ По мнению Г. М. Давлетшина, обряд с саблями и питье из кубка как формы подтверждения обязательств восходят к древним традициям клятвы гуннов и древних тюрок (*Давлетшин Г. М. Клятва, договор, шертование в межгосударственных отношениях у тюрко-татар // Вестн. экономики, права и социологии. 2012. № 4. С. 153–154*). Рубяще-колющее оружие и кубки для питья вина в XV–XVI вв. присутствовали при шертовании казанских и крымских ханов (См.: *Арциховский А. В. Древнерусские миниатюры как исторический источник. М., 1944. С. 128–129*). Анализ эпического фольклора показывает, что клятва на оружии и идея гибели от него как наказания за нарушение клятвы были распространенным явлением у многих народов Евразии в период складывания и развития у них потестарно-политических отношений (См.: *Фетисов А. Л. Ритуальное содержание клятвы оружием...*).

немногочисленным источникам, как делопроизводственным, так и летописным. Информация, содержащаяся в них, позволяет предположить, что уездные воеводы (получив из Москвы предписание привести население к присяге новому монарху) снабжали шертовальными записями приказчиков подведомственных острогов и зимовий, а также специально уполномоченных лиц, которыми могли быть ясачные сборщики или послы (последних направляли к тем этнотерриториальным группам, чьем подданство было весьма условным, например, к киргизам). Все эти лица осуществляли шертование иноземцев в отдаленных районах уездов, а также (на юге Сибири) в порубежных волостях и земляцах. Население же, проживавшее при уездном городе / остроге, в «подгородных» (расположенных в относительной близости от города) волостях, а также аманаты и лица, оказавшиеся в городе либо по своим делам, либо специально приглашенные туда для шертования (из числа князцов, лучших людей и мужиков), либо прибывшие в качестве послов, в том числе даже из отдаленных «землиц», приводились к шерти в самом уездном городе / остроге в съезжей избе уездным воеводой либо в его присутствии лицами, специально уполномоченными тобольским или другим разрядным воеводой. В западно-сибирские города уполномоченных проводить присягу населения могли прислать непосредственно из Москвы. Таким же образом к присяге приводилось православное население²⁷⁴. При этом шертование иноземцев обязательно следовало лишь после крестоцелованья христиан²⁷⁵ и осуществляться должно

²⁷⁴ О приводе к присяге православного населения Сибири см.: *Перевалов В. А., Коновалов Ю. В.* Крестоприводные книги Верхотурского уезда XVII в. (проблемы изучения и публикации) // *Культурное наследие российской провинции: история и современность.* Екатеринбург, 1998.

²⁷⁵ См.: РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 204. Л. 1а–1а об., 64–64 об.; Кн. 605; Оп. 3, Стб. 232, л. 72–105 об.; Стб. 963. Л. 50–51; Оп. 5, Кн. 293; Ф. 1121. Оп. 2. Д. 96; СПбФ АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 22. Л. 153–156 об.; СГГД. Ч. 3. С. 417–421; ПСЗРИ. СПб., 1830. Т. 2. С. 7; АИ. Т. 5. С. 136; Акты времени правления... С. 65–66; *Тобольск. Материалы для истории города XVII и XVIII столетий.* М., 1885. С. 65.

было с применением определенных описанных выше ритуалов. Факт рядоположенности двух процедур — присяги православных подданных и присяги иноземцев — однозначно свидетельствует о формировании единого института легитимации царской власти для всех категорий населения Сибири.

Большинство имеющихся в нашем распоряжении образцов шертовальных записей на верность новому монарху и его наследникам (11 из 15) содержат указание на то, что иноземцы должны были шертовать по своей вере²⁷⁶. Но есть четыре записи, в которых вера не упоминается²⁷⁷. В свою очередь в известных нам отписках воевод, докладывавших о шертовании новому монарху, и в составленных по этому поводу именных шертоприводных книгах не всегда упоминается о том, что сама процедура была проведена в соответствии с «верой». В этих же документах информация о ритуалах, которые применялись при шертовании, стабильно присутствует лишь в отношении мусульман, которые клялись на Коране; когда же речь идет о шертовании иноземцев-немусульман, ритуалы упоминаются крайне редко²⁷⁸. На основании этого, правда, вряд ли можно утверждать,

²⁷⁶ Фраза «даю / даем шерть по своей вере» присутствует в следующих шертовальных записях: Федору Годунову 1605 г. (1 запись) (РГАДА. Ф. 199. Оп. 1. № 133. Ч. 1. Д. 5. Л. 19–22), Василию Шуйскому 1606 г. (1 запись) (Там же. Д. 19. Л. 56–57; СГГД. Ч. 2. С. 305–306), Алексею Михайловичу и его наследникам 1645 г. (5 записей) (РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 232. Л. 106–110, 116–119, 191–194, 231–238 об., 256–257), 1646 г. (2 записи) (РГАДА. Ф. 1177. Оп. 3. Стб. 645. Л. 21; Материалы по истории Якутии XVII века. Ч. 3. С. 967), 1648 г. (1 запись) (РГАДА. Ф. 199. Оп. 1. № 133. Ч. 3. Д. 225. Л. 117; СГГД. Ч. 3. С. 440), 1650/51 г. (1 запись) (РГАДА. Ф. 1177. Оп. 3. Стб. 975. Л. 7; Зуев А. С., Слугина В. А. «Служити мне государю своему царю и великому князю... С. 188).

²⁷⁷ Три записи на верность Алексею Михайловичу относятся к 1645 г. (РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 232. Л. 130–133, 175–178, 204–207), одна — на верность Иоанну и Петру Алексеевичам — к 1682 г. (СПбФ АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 19. Л. 172–172 об.).

²⁷⁸ См.: отписки тобольского и сургутского воевод 1613 г. (РГАДА. Ф. 199. Оп. 1. № 133. Ч. 3. Д. 177. Л. 3 об., 4 об., 9, 9 об.), тобольского, верхотурско-

что шертование могло обойтись без каких-то ритуальных действий. Без них сама процедура присяги новому монарху теряла всякий смысл. К тому же обстоятельства шертования — чрезвычайная важность самого повода, длительное пребывание иноземцев в статусе подданных — ясачных людей, стабильность контактов между ними и русской администрацией, ориентация той и другой стороны на мирное взаимодействие, наличие у представителей русской власти знаний о том, как следует приводить к шерти — позволяли совершить какие-то необходимые ритуалы. Однако невозможно выяснить, насколько полно они соблюдались.

В начале XVII в., если верить отписке тобольского воеводы кецкому воеводе (1606 г.), иноземцев после шертования следовало «поити и кормити по государеву указу»²⁷⁹. Действовало ли такое правило при шертовании Михаилу Федоровичу, мы не знаем. Но в последующем оно перестает быть обязательным: в царских грамотах и указах 1645–1646, 1676 и 1682 гг., прописывавших процедуру шертования, об угощении иноземцев уже ничего не говорится. Это, однако, не исключает, что воеводы по собственной инициативе могли устроить «пиршество» для князцов и лучших людей, а также раздать им подарки. Так, в частности, томский сын боярский П. Копылов, проведя в 1646 г. шертование кир-

го, туринского, тюменского, пелымского, нарымского, тарского, березовского воевод 1645 г. (Там же. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 232. Л. 72–105 об, 111–114, 120–129, 249–250); шертоприводные книги Томского уезда 1646 г. (Там же. Оп. 1. Кн. 204. Л. 40 об–51), Нарымского уезда 1646 г. (Там же. Л. 64–64 об.), Томского, Кетского, Кузнецкого уездов и ряда иноземческих волостей (Сагайской, Кондинской, Телеской, Мраской, Верхотомской) и улусов (Алтысарского, Базаракова, Сазымова) 1676 г. (Там же. Кн. 605. Л. 163–169 об., 172 об.–175, 207 об., 246–247, 249–295 об.), Назымской и Кондинской волостей Тобольского уезда 1682 г. (Там же. Оп. 5. Д. 293. Л. 1–4 об.), Рыбенской, Сымской, Касавской, Натской волостей Енисейского уезда 1682 г. (Там же. Оп. 1. Кн. 817. Л. 89, 133). См. также статейный список посольства П. Копылова о приведении к шерти киргизов на верность царю Алексею Михайловичу в 1646 г.: *Бутанаев В. Я.* История вхождения Хакасии... С. 166–170.

²⁷⁹ Акты времени правления... С. 66.

гизских князцов и лучших улусных людей на верность Алексею Михайловичу, раздал им в подарки «сукна и мед, и вино», захваченные им из Томска²⁸⁰.

В процессе шертования предписывалось составлять именные списки («книги») шертовавших. Первое известное нам такое требование относится к 1605 г.: «...а кого именем ко кресту, и татар и всяких иноземцов к шерти приведете, и вы б о том отписали и книги имянные прислали к нам к Москве» (грамота царя Дмитрия Ивановича о своем восшествии на престол верхотурскому воеводе)²⁸¹. К середине 1640-х гг. они стали называться шертоприводными или шертовальными книгами, которые нередко делопроизводителями объединялись в один документ вместе с крестоприводными / крестоцеловальными книгами. Шертоприводные книги содержали информацию о том, кто именно дал шерть (за себя лично, а также за кого из своих сородичей), к какой административно-территориальной единице (землице, улусу, волости, роду) он приписан, когда шертовал (год, месяц, число). В этих же книгах помимо шертовавших и после них должны были быть поименно перечислены те, кто по каким-то причинам не был у шертования (эта норма касалась и православных подданных при составлении крестоприводных книг)²⁸². Шертоприводные, как и крестоприводные книги должны были отсылаться уездными воеводами в Тобольск, а оттуда в Москву в центральный орган, ведавший Сибирью²⁸³.

²⁸⁰ Бутанаев В. Я. История вхождения Хакасии... С. 169, 170.

²⁸¹ РГАДА. Ф. 199. Оп. 1. № 133. Ч. 1. Д. 7. Л. 24 об.; СГГД. Ч. 2. С. 201. Следующий раз это требование повторилось в отписке тобольского воеводы кетскому воеводе 1606 г., содержащей предписание привести население Кетского уезда к присяге царю Василию Шуйскому (Акты времени правления... С. 66).

²⁸² Требование фиксации имен нешертовавших и его исполнение встречается в документах, начиная с 1645 г. Имеющиеся в нашем распоряжении источники не позволяют определенно судить о том, составлялись ли списки нешертовавших в более раннее время.

²⁸³ См.: РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 204, 605, 817; Оп. 3. Стб. 232; Оп. 5. Кн. 293; СПбФ АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 22. Л. 154 об.–156; СГГД. Ч. 3. С. 418.

Знакомство с шертоприводными книгами ставит весьма интересный вопрос: как конкретно осуществлялось приведение иноземцев к шерти на верность новому монарху? Дело в том, что в книгах по ряду городов и ясачных волостей поименно перечисляются десятки и даже сотни иноземцев. Но шертование в каждом отдельном городе и отдельной волости или землице проводил всего один уполномоченный на это человек (при участии одного-двух помощников, умевших писать и знавших иноземческий язык). Учитывая то и другое, сложно представить, как у одного человека могло хватить терпения и служебного рвения осуществить персональное шертование нескольких сотен иноземцев с соблюдением в отношении каждого всех положенных процедур (надо полагать, с помощью толмача): устным оглашением шерти и совершением требуемого ритуала, причем зачастую с использованием «экзотических» вещей — медвежьих шкур и убитых собак. Исходя из этого можно, казалось бы, предположить, что процесс шертования растягивался на несколько дней. Однако из отчетов воевод и уполномоченных лиц, а также из шертоприводных книг следует, что шертование, как правило, укладывалось в один-два дня²⁸⁴. А это заставляет думать, что применялась какая-то иная процедура, а не собственно персональное шертование — каждого иноземца индивидуально и по отдельности. Скорее всего шертовавшие собирались в одно место и толмач зачитывал им шертовальную запись, после чего иноземцы — каждый из них, либо их князцы и / или лутчие люди и / или главы родов и семей (не обозначавшиеся в документах князцами и лучшими людьми) — одновременно или большими группами (объединенными по клановому принципу) совершали ритуал присяги. В отношении же лиц, представлявших для русской власти особую значимость (служилых иноземцев, влиятельных князцов, послов, аманатов), скорее всего применялось персональное шертование.

В том случае, когда дело шло о *подчинении — первичном приведении или возвращении в подданство — сибирских иноземцев*, в царских грамотах, указах и наказах из Москвы сибирским воеводам, а также

²⁸⁴ См.: РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 605. Л. 172 об.–175, 257–257 об.; Кн. 817. Л. 88–103.

в инструкциях — наказах и наказных памятях, выдаваемых вышестоящим начальством (воеводами, приказчиками острогов и зимовий, командирами военных отрядов) нижестоящим исполнителям, содержалось, как правило, требование приводить иноземцев «под государеву царскую высокую руку»²⁸⁵ и в ясачный платеж. Часто это требование дополнялось формулировками «безотступно», «неотступно», «навекки неотступно», «навекки», «неподвижно», «в холопство», «в вечное / прямое холопство», «в вечное прямое холопство», а с середины XVII в. начинает использоваться также формулировка «в подданство», «в вечное подданство». Все эти формулировки могли сочетаться друг с другом в разной конфигурации и последовательности.

Однако, что примечательно, в названных нормативных документах далеко не всегда присутствовало указание оформлять подчинение иноземцев шертью. Такое указание мы выявили только в 19 из 35 известных нам сохранившихся полностью (в той части, где речь идет о под-

²⁸⁵ В конце XVI в. употреблялись формулы — «под государеву руку», «под государеву царскую руку», с начала XVII в. наиболее часто употребляемой становится формула «под государеву царскую высокую руку» и ее вариации — «под царскую высокую руку» и «под государеву / государскую высокую руку», в последней четверти XVII в. к ним добавляется формула «под великого государя высокую руку», «под великого государя царскую высокую руку», а с конца XVII в. все они начинают вытесняться формулами «под государеву самодержавную высокую руку», «великих государей / великого государя под самодержавную высокую руку», «под великаго государя царскою высокою самодержавною рукою», «под великаго государя высокодержавную руку». Изредка в распорядительных документах встречаются и иные формулировки, в том числе с поименованием самого монарха: «под государеву царского величества высокую руку», «под его царского величества высокую руку», «всеа Русии самодержца высокою рукою», «под государеву цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии высокую руку», «под его великого государя царя и великого князя Алексея Михайловича, всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержца, высокою рукою», «под его великого государя царя и великого князя Феодора Алексеевича, всеа Великая и Малыя и Белья Росии самодержца, высокою рукою».

чинении иноземцев) наказах сибирским воеводам за 1592–1701 гг.²⁸⁶, в 70 из 153 известных нам наказных памятях, как полнотекстовых, так и пересказанных в других документах, за 1607–1716 гг.²⁸⁷, в 33 из 47 известных нам царских грамотах и указах за 1595–1699 гг., как полно-

²⁸⁶ Подсчитано по: РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 11. Л. 30–39, 49–62 об., 479–503 об.; Оп. 3. Стб. 424. Л. 11–61; ПСЗРИ. Т. 3. С. 235–254, 335–402, 532–595; Т. 4. С. 95–129; АИ. Т. 3. С. 217–223; Т. 5. С. 429–443; ДАИ. Т. 3. С. 297–317; Т. 4. С. 100–120, 153–169, 345–370, 443–454; РИБ. Т. 2. Стб. 845–859; Т. 15. V. С. 1–35; Акты времени правления... С. 363–367; *Миллер Г.Ф.* История Сибири. Т. 1. С. 339–353, 355–358, 387–396; Т. 2. С. 203–208; Т. 3. С. 265–275; КПМГЯ. С. 72–76; Материалы и исследования по истории Северо-Западной Сибири. С. 129–134, 140–145; *Иванов В.Н.* Вхождение Северо-Востока Азии в состав Русского государства. С. 171–196; *Барахович П.Н.* Наказ царя Михаила Федоровича енисейскому воеводе Ж.В. Кондыреву... С. 93–101.

²⁸⁷ Подсчитано по: РГАДА. Ф. 208. Оп. 1. Д. 1. Л. 1–7; Ф. 214. Оп. 3. Стб. 12. Л. 18–19, 210, 352, 353; Стб. 49. Л. 181, 236–237; Стб. 241. Л. 193, 201, 205, 229, 231, 239; Стб. 252. Л. 67, 116–117, 119–120, 144–145, 154, 162; Стб. 471. Л. 105, 240; Стб. 481. Л. 39–47, 89–97, 124–130, 148–153; Стб. 673. Л. 47; Ф. 1177. Оп. 1. Стб. 48. Л. 35–43; Оп. 3. Стб. 79. Л. 347–359; Стб. 152. Л. 88–99; Стб. 950. Л. 1–9; Стб. 1262. Л. 6–9; Стб. 1359. Л. 64; Стб. 2398. Л. 210; Стб. 2680. Л. 80–85; АИ. Т. 4. С. 67–70, 473, 521–528, 540; Т. 5. С. 192–199, 520–532; ДАИ. Т. 1. С. 240; Т. 2. С. 161–164, 175–180, 256–258, 260; Т. 3. С. 21, 24–29, 221–222, 258, 350–352, 356, 389, 390; Т. 4. С. 2, 7, 70–80, 199–223, 242, 248, 267, 268, 404–408; Т. 5. С. 53, 418; Т. 7. С. 136–150, 152–158; Т. 8. С. 161–165; РИБ. Т. 8. Стб. 472, 613; ПСИ. Т. 1. С. 173, 231–233, 417–428, 456–457, 469, 508–510; Кн. 2. С. 40–43, 76–83, 89, 506–515, 517–518, 526, 531, 535–541; *Миллер Г.Ф.* История Сибири. Т. 1. С. 418, 437, 443–444; Т. 2. С. 257–258, 280, 291, 307, 313, 351, 358–359, 373–374, 384–386, 405–410, 451–455, 471–474, 511, 566; Т. 3. С. 25, 128–131, 155–157, 159–161, 163, 168, 170, 176, 185–186, 201–207, 218–219, 229, 232, 237, 240–241, 243–245, 246, 259–260, 287–288, 293–294, 316–320, 327; СДИБ. С. 39–41, 127–130, 197, 203, 219, 255–259, 365–367, 406; *Бутанаев В.Я.* История вхождения Хакасии (Хонгорая) в состав России С. 167; РМО. 1607–1636. С. 22, 24, 28–29, 142–144, 167, 233, 267, 279; РМО. 1636–1654. С. 24, 40–41, 70, 228, 283; РМО. 1654–1685. С. 139, 183, 192–193, 256, 278, 303, 333.

текстовых, так и пересказанных в других документах²⁸⁸. Важно также отметить, что в одном и том же нормативном акте в отношении одних неясных иноземцев можно встретить указание на необходимость их шертования, а в отношении других таких же неясных оно отсутствует. При этом в самих документах никак не пояснялось, почему в одних случаях «приведение» «под высокую государеву руку» должно сопровождаться шертованием, а в других — нет.

В случае, когда против иноземцев, категорически не желавших подчиниться, оказывавших упорное сопротивление или совершавших нападения на русских и / или ясачных людей, организовывались военные походы, в царских наказах / грамотах / указах и воеводских наказных памятях вообще могли не упоминаться не только необходимость приведения к шерти, но и прочие показатели подчинения. Такие иноземцы воспринимались как «немирные» и «изменники», и речь шла исключительно о нанесении им максимального урона, об их военном «умиротворении» и захвате аманатов, и лишь после этого русскими властями или побежденными могла быть инициирована процедура приведения «под высокую государеву руку», в том числе шертование.

²⁸⁸ Подсчитано по: РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 508. Л. 75; АИ. Т. 3. С. 379–380; Т. 4. С. 148–149; ДАИ. Т. 7. С. 294–296; Т. 8. С. 148–149, 166–168, 153–155; Т. 11. С. 69–70; РИБ. Т. 2. Стб. 191–192; ПСИ. Кн. 1. С. 10, 12, 20; *Миллер Г. Ф.* История Сибири. Т. 1. С. 362–363; Т. 2. С. 193–197, 236–239, 407–408, 438, 464–465, 504–506, 511–513, 573–575; Т. 3. С. 217–226, 229–231, 236–238, 311; Материалы и исследования по истории Северо-Западной Сибири. С. 135–140, 146–147; РМО. 1607–1636. С. 20–30, 34–40, 77–78, 114–117, 174–175, 191–195; РМО. 1636–1654. С. 20, 23–25, 69–71, 268, 337; РМО. 1654–1685. С. 354, 356; РМО. 1685–1691. С. 284, 356.

Особо оговорим, что в подсчеты были включены только те грамоты, указы и наказные памяти, в которых шла речь о подчинении сибирских иноземцев и иноземцев, обитавших вблизи южносибирских рубежей. Разумеется, мы ознакомились не со всеми документами подобного рода (их общее число в рассматриваемый хронологический период просто не известно). Однако можно уверенно утверждать, что включение в подсчеты большего числа указанных нормативных актов вряд ли принципиально изменит удельный вес тех документов, в которых упоминается необходимость шертования.

Еще более интересно то обстоятельство, что в наказах и памятях воеводам, приказчикам и командирам землепроходческих отрядов, т. е. в основных нормативных актах, определявших правила взаимоотношения русской власти и иноземцев, почти не упоминаются шертовальные записи²⁸⁹ и весьма редко содержится требование составлять именные списки шертовавших²⁹⁰. Информации об использовании шертовальных записей и составлении списков шертовавших вообще нет в просмотренных нами многочисленных отчетах (отписках, сказках, распросных речах, челобитных²⁹¹) ко-

²⁸⁹ В наказах воеводам вообще не упоминаются шертовальные записи. Предписания использовать оные записи при подчинении собственно сибирских иноземцев мы пока обнаружили лишь в 7 наказных памятях, выданных служилым людям: атаману И. Павлову 1611 г. (приведение в подданство томских татар) (*Миллер Г. Ф. История Сибири. Т. 2. С. 257, 258*), толмачу И. Архипову 1653 г. (предбайкальские буряты-булагаты) (ДАИ. Т. 3. С. 389; СДИБ. С. 188), приказчику А. Барнешлеву 1666 г. (забайкальские тунгусы и буряты) (РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 481. Л. 47), приказчику И. Перфирьеву 1667 г. (предбайкальские буряты и тунгусы) (Там же. Ф. 208. Оп. 1. Д. 1. Л. 7), приказчику С. Лисовскому 1668 г. (забайкальские буряты и тунгусы) (Там же. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 481. Л. 97), приказчику Б. Несвитаеву 1673 г. (забайкальские буряты и тунгусы) (Там же. Л. 130) и приказчику Г. Барыбину середины 1670-х гг. (забайкальские буряты и тунгусы) (Там же. Л. 153). В документах, регламентирующих приведение в подданство кочевников, обитавших вблизи южносибирских рубежей, шертовальные записи упоминались чаще (см. об этом ниже).

²⁹⁰ Такое требование являлось скорее исключением, нежели правилом. Но оно все же присутствует в ряде наказных памятней, в том числе пересказанных в воеводских отписках (См.: РГАДА. Ф. 1177. Оп. 1. Стб. 48. Л. 40; АИ. Т. 4. С. 69, 219; ДАИ. Т. 4. С. 76, 205, 219; РИБ. Т. 8. Стб. 618; *Миллер Г. Ф. История Сибири. Т. 3. С. 129*; КИМГЯ. С. 53; СДИБ. С. 128).

²⁹¹ Отписки, сказки, распросные речи являлись собственно разновидностями отчетной документации. К ней вполне можно причислить и те челобитные землепроходцев, в которых более или менее подробно излагались их службы, в том числе по подчинению иноземцев. Такие челобитные по сути представляли собой отчет служилого человека о своей деятельности за определенные годы.

мандривов отрядов, проводивших подчинение иноземцев. В лучшем случае имена шертовавших упоминались непосредственно в тексте отчетных документов, а вслед за ними в воеводских донесениях в Москву. Однако в последних мы ни разу не встретили сообщения о том, что землепроходцы предъявили какому-либо уездному воеводе шертовальные записи и именные списки шертовавших. И пока нам известны только два именных списка, причем оба — якутских князцов: первый, составленный известным землепроходцем П. Бекетовым при первоначальном подчинении им якутов (его он приложил к своему послужному списку 1633 г.)²⁹²; второй, составленный в сентябре 1641 г. — феврале 1642 г. под контролем якутского воеводы П. Головина после подавления восстания якутов²⁹³.

Отсутствие упоминаний о шертовальных записях и именных списках в наказах воеводам вполне объяснимо: эти записи и списки, как говорилось выше, должны были составляться согласно другим нормативно-распорядительным документам — царским грамотам и указам. Что же касается командиров землепроходческих и карательных отрядов, то они, как следует из контекста всего комплекса документов, освещавших процесс подчинения иноземцев, должны были руководствоваться инструкциями, получаемыми от воевод и приказчиков. Эти инструкции могли содержать упрощенное, без приказных штампов изложение основных принципов шертовальной записи, содержащих показатели перехода иноземцев «под высокую государеву царскую руку», которые следовало закрепить присягой. Вот, как например, они звучали в ряде инструкций, выданных начальниками разного уровня служилым людям:

«...и мы <...> посылали в Кимскую волость служивых людей Томского города <...> а велели <...> им сказать твое царское жалованье, чтоб оне были под твоею царскою высокою рукою неотступны, и тебе б, государю <...>, служили

²⁹² Материалы по истории Якутии... Ч. 3. С. 1092–1096.

²⁹³ РГАДА. Ф. 1177. Оп. 4. Д. 51. Л. 1–7. Список скреплен по листам подпью воеводского дьяка Е. Филатова.

и прямили, и ясак с себя тебе, государю, платили, и к шерти их велели привести» (1609 г.)²⁹⁴;

«чтоб они, кыргиские князцы и все улусные люди, <...> государю бы шертовали, что им быть под государевою высокою рукою, и государю служить и прямить во всем, и ясак давать по вся годы <...> и они бы, алтырцы и Курчейко, ныне и впредь с себя ясак государю давали и государю шертовали на том, что им впредь государевых людей не побивать и государев бы ясак давали по вся годы» (1629 г.)²⁹⁵;

«по их вере привести их к шерти на том, что им быть со всем своим родом и с улусными людьми под государевою царскою высокою рукою навеки неотступно в прямом в холопстве и ясак государев по вся годы с себя и со всех своих родов давали безпереводно полной» (1648 г.)²⁹⁶;

«и того Лавкая и Ботогу и иных лутчих людей по их вере привести к шерти, на том, чтоб им быть со всем своим родом и с улусными люд[ь]ми под государевою царевою и великого князя Алексея Михайловича всеа Руси высокою рукою на веки неотступно в прямом ясачном холопстве и ясак государев с себя и со всех родов давати по их мочи по вся годы безпереводно» (1649 г.)²⁹⁷;

«чтоб он, Табун, з детьми своими и з братьи и с племянники великим государем шертовал на том, что ему, Табуну, з братью и с племянники великим государем служить и прямить и во всем всякого добра хотеть, и быть бы ему, Табуну, под их великих государей царскою самодержавною рукою в вечном холопстве на веки неотступно» (1690 г.)²⁹⁸;

²⁹⁴ Миллер Г. Ф. История Сибири. Т. 1. С. 418.

²⁹⁵ Там же. Т. 2. С. 409–410.

²⁹⁶ РГАДА. Ф. 1177. Оп. 1. Стб. 48. Л. 40.

²⁹⁷ АИ. Т. 4. С. 68–69.

²⁹⁸ РГАДА. Ф. 199. Оп. 2. № 478. Ч. 3. Д. 12. Л. 1.

«и приводить разных народов людей под его великого государя царскую высокосамодержавную руку в ясачной платеж <...> привесть тебе их по их вере к шерте, чтоб им великого государя под царскою высокосамодержавною рукою жить в вечном холопстве и в ясачном платеже» (1710 г.)²⁹⁹;

Но, как говорилось выше, в инструкциях могло отсутствовать упоминание о шертовании:

«И пришед им в Брацкую землю, и собрати из князцев и лутчих людей, и, собрав, говорити им, чтоб оне князцы и лутчие люди со всеми своими людьями великому государю <...> служили и прямили, и ясак бы с себя великому государю платили, и были б под царскою высокою рукою» (1623 г.)³⁰⁰;

«а в немирные землицы для приводу под государеву царскую высокую руку ходити ему, Воину с служилыми людми, <...> чтоб тех новых землиц людей под государеву царскую высокую руку привести и ясак с них взять» (1633 г.)³⁰¹;

«и новых родов тунгусов и якутов приискивать и под государеву царскую высокую руку приводить и ясак с них на государя имать» (1645 г.)³⁰²;

«и велеть тем служилым людем и с ними промышленным новых немирных землиц неясачных юкагирей и тунгусов и всяких иноземцов розных языков <...> призывать всякими мерами с великим раденьем, приводити неоплошно под государеву царскую высокую руку, и ясак с них имати на государя ласкою, а не жесточью, и учинить их к нам в вечном холопстве на веки неотступно» (1652 г.)³⁰³;

«велел их, коряцких князцей и их улусных людей, призывать ласкою, чтоб они, коряцкие князцы и с своими улусными людьями, пришли под государеву царскую высокую руку

²⁹⁹ ПСИ. Кн. 1. С. 420.

³⁰⁰ Миллер Г. Ф. История Сибири. Т. 2. С. 358.

³⁰¹ Там же. Т. 3. С. 204.

³⁰² КПМГЯ. С. 96.

³⁰³ ДАИ. Т. 3. С. 351.

и ясак с себя и с своих улусных людей принесли, были б под государевою царьскою высокую рукою покорны и послушны в вечном холопстве неотступно» (1660 г.)³⁰⁴;

«тех иноземцов сыскивать и призывать всякими мерами под его царского величества высокую руку по прежнему в вечное холопство, в ясачный платеж» (1676 г.)³⁰⁵;

«и велел тех немирных неясачных коряков под великих государей царьские высокие руки призывать добротой и ласкотою, чтобы они были в вечном холопстве и ясак бы великим государям с себя соболиной платили по вся годы безпереводно» (1685 г.)³⁰⁶;

«велено де ему, Петру, с товарищи идти в Нос и проводить немирных чюкоч, а проведав их, призывать царского величества под его высокосамодержавную руку в вечной ясачной платеж» (1711 г.)³⁰⁷.

Что же касается именных шертоприводных списков (книг), то их функцию на момент подчинения могли выполнять окладные ясачные книги, в которых поименно переписывались иноземцы, давшие ясак, и которые должны были отсылаться в Москву. Признание ясачных книг в качестве заменителей шертоприводных прямо оговаривалось в некоторых наказах и наказных памятях:

«И хто в тех земляцах князцы или тайши или иные какие лутчие люди имяны к шерти будут приведены и что с них <...> ясаку возьметца и то <...> писати в ясачные книги» (1638 г.)³⁰⁸;

«а скол[ь]ко человек и каких народов вновь по своей службе под его царского величества высокую самодержавную руку приведешь и по их вере к шерти утвердишь, и много ль из ка-

³⁰⁴ РГАДА. Ф. 1177. Оп. 3. Стб. 1359. Л. 64.

³⁰⁵ ДАИ. Т. 7. С. 137.

³⁰⁶ РГАДА. Ф. 1177. Оп. 3. Стб. 2398. Л. 210.

³⁰⁷ ПСИ. Кн. 1. С. 456.

³⁰⁸ *Иванов В. Н.* Вхождение Северо-Востока Азии... С. 184. См. также следующие указы воеводам: ДАИ. Т. 3. С. 302; Т. 4. С. 104, 156; РИБ. Т. 15. V. С. 18; КПМГЯ. С. 75; *Миллер Г. Ф.* История Сибири. Т. 3. С. 270.

ких родов аманатов и ясаку с них возмешь, о том учинить вновь окладные книги, порознь, по годам» (1710 г.)³⁰⁹.

Эти предписания соответственно выполнялись на местах:

«И привели, государь, по Лене реки под твою государеву высокую руку сычюгирских людей и твой, государев, ясак с них взяли и книги им имянные учинили» (1632 г.)³¹⁰;

«а которые, государь, князцы и улусные люди тебе, государю царю и великому князю Алексею Михайловичю всеа Руси, покорились и ясак давали, и тем твоим государевым ясачным людям роспись именам их в тетраде послал я, холоп твой, к тебе государю <...> к Москве» (1647 г.)³¹¹.

Таким образом, можно говорить о том, что в представлении русских властей внесение иноземцами ясака было равнозначно признанию ими подданства русскому царю.

Упоминания об использовании шертовальных записей при подчинении иноземцев все же встречаются в документах, однако редко и только в тех случаях, когда речь шла о шертовании, проведенном, во-первых, в присутствии воеводы³¹², когда «непослушные» и «не-

³⁰⁹ ПСИ. Кн. 1. С. 420. См. также следующие наказные памяти приказчикам и землепроходцам: АИ. Т. 4. С. 524; ДАИ. Т. 2. С. 175; Т. 4. С. 76, 205; Т. 7. С. 141; ПСИ. Кн. 2. С. 526.

³¹⁰ Материалы по истории Якутии... Ч. 3. С. 1068.

³¹¹ СДИБ. С. 110.

³¹² В подавляющем большинстве воеводских отписок, содержащих информацию о приведении в подданство иноземцев в присутствии воеводы, не упоминается об использовании при шертовании шертовальных записей. См., например: РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 11. Л. 101–102; Оп. 3. Стб. 12. Л. 87, 97; Стб. 49. Л. 236, 237; Стб. 241. Л. 197–198, 200, 212–214, 232–233; Стб. 508. Л. 322; Стб. 673. Л. 31; Ф. 1177. Оп. 3. Стб. 836. Л. 2; АИ. Т. 4. С. 49, С. 540; РИБ. Т. 2. Стб. 190, 198, 450; Т. 8. Стб. 475; ПСИ. Кн. 1. С. 323; Высочайше учрежденная под председательством статс-секретаря Куломзина комиссия... Вып. 5. Приложения. С. 7; *Миллер Г. Ф. История Сибири*. Т. 1. С. 411, 416; Т. 2. С. 567, 569; Т. 3. С. 221, 229, 240, 287, 288; РМО. 1607–1636. С. 36, 268; РМО. 1636–1654. С. 70; РМО. 1654–1685. С. 180, 330, 331; СДИБ. С. 37, 103, 187; См. также: РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 673. Л. 46–48.

мирные» иноземцы по собственной воле (в том числе в роли «переговорщиков» или уполномоченных послов) или в силу обстоятельств (будучи аманатами или пленными — «языками» и «ясырями», или же потерпев неудачу в попытке сопротивления) оказывались перед лицом этого воеводы³¹³; во-вторых, в присутствии русских посланников (послов), специально уполномоченных воеводой или центральной властью вести переговоры с главами военно-политических объединений тюрко- и монголоязычных кочевников, обитавших на южно-сибирских рубежах, а также приводить их к шерти³¹⁴.

³¹³ Об использовании воеводами шертовальных записей см.: РГАДА. Ф. 1177. Оп. 4. Д. 51. Л. 1–7; ДАИ. Т. 3. С. 31–33, 106, 388; КПМГЯ. С. 10–11, 229–231; СДИБ. С. 56–59, 96; *Миллер Г. Ф. История Сибири*. Т. 3. С. 230, 321, 322; РМО. 1607–1636. С. 181, 184, 187; РМО. 1636–1654. С. 24. О составлении в присутствии воеводы шертовальных записей при принятии иноземцами русского подданства свидетельствуют и их краткие или пространные изложения в разного рода документах: См., например: РГАДА. Ф. 199. Оп. 2. № 478. Ч. 3. Д. 29. Л. 1; РМО. 1607–1636. С. 182.

³¹⁴ См. упоминавшиеся выше шертовальные записи, предназначенные для алтын-хана Омбо Эрдени, и «статьи», на которых шертовали монгольские сайты и тайши. См. также изложения и упоминания шертовальных записей в документах, зафиксировавших ход и результаты переговоров с кочевниками: РГАДА. Ф. 199. Оп. 2. № 478. Ч. 3. Д. 12. Л. 1–2; Д. 14. Л. 1–2; Д. 32. Л. 1–2; Ф. 214. Оп. 3. Стб. 252. Л. 117, 144–145, 147, 154, 162, 163, 174; ПСИ. Кн. 1. С. 111, 173, 179; РМО. 1607–1636. С. 203, 209, 210, 218, 221, 233; РМО. 1636–1654. С. 20, 43, 79, 85, 283, 285; *Миллер Г. Ф. История Сибири*. Т. 2. С. 237; Т. 3. С. 230; *Бутанаев В. Я. История вхождения Хакасии...* С. 167, 205.

Для взаимоотношений русской власти и обитателей степей в XVII в. были характерны неоднократные переговоры, равно как и неоднократные шертования кочевников, постоянно ими нарушавшиеся. Эти переговоры вполне вписывались в практику дипломатических отношений Московского государства. В связи с этим процесс подчинения номадов заметно отличался от процесса подчинения собственно сибирских народов. В последнем переговоры, хотя и имели место, но были, как правило, кратковременными (непосредственно при установлении мирных отношений и признании иноземцами своей подчиненности русским властям), а главное — они не соответствовали принятым дипломатическим процедурам. По этой причине

В указанных двух случаях требовалось «писать на роспись имена» шертовавших, что и делалось: имена приведенных к присяге перечислялись в шертовальных записях³¹⁵, посольских статейных списках и отписках³¹⁶.

В этих же двух случаях русская сторона, как правило, требовала от иноземцев давать «свою прямую шерть» строго по их вере. Особенно она стремилась соблюсти все положенные обряды во время шертования кочевников — телеутов, енисейских киргизов, калмыков, монголов, отношения с которыми сопровождались как частыми вооруженными столкновениями, так и неоднократными мирными переговорами. Вот как, к примеру, описывает ритуал шертования телеутских князьев А. П. Уманский: «Если шерть телеутских князей или их представителей принималась в Томске, то для придания значительности этому акту воеводы и служилые люди по царским инструкциям являлись в воеводскую избу в нарядном (“золотом”) платье и т. п. Сначала русские послы или дьяк (в Томске) зачитывали текст “шертовальной записи” с перечнем всех обязательств обеих сторон. Впрочем, об обязательствах русской стороны упоминалось лишь как о вознаграждении, которое воспоследует в случае честного исполнения своего долга князьями телеутов. Затем князю, его родичам и лучшим людям или его послам в Томске подносили

шертование, бывшее итогом дипломатических переговоров, мы отделяем от шертования, которое не предварялось такими переговорами.

³¹⁵ См.: РГАДА. Ф. 126. Оп. 2. Д. 3. 1634 г. Л. 1–3 об.; Д. 10. Л. 1–6; Д. 11. Л. 2–5 об.; РМО. 1607–1636. С. 182; РМО. 1636–1654. С. 200–201, 209, 210, 407–408; РМО. 1654–1685. С. 338; ПСИ. Кн. 1. С. 168–172.

³¹⁶ См.: РГАДА. Ф. 199. Оп. 2. № 478. Ч. 3. Д. 12. Л. 1–3; Д. 14. Л. 1–6 об.; Д. 29. Л. 1–6; Д. 32. Л. 1–6; Ф. 214. Оп. 1. Кн. 11. Л. 101–102; Оп. 3. Стб. 49. Л. 236, 237; Стб. 214. Л. 197–199; Стб. 241. Л. 211–214, 232–233, 258; Стб. 252. Л. 117–118, 120, 149–150, 155–156, 163–164; ДАИ. Т. 3. С. 31–33, 106–107; РИБ. Т. 2. Стб. 447–450; ПСИ. Кн. 1. С. 174–186; *Миллер Г. Ф.* История Сибири. Т. 3. С. 229–231; *Бутанаев В. Я.* История вхождения Хакасии... С. 152–153, 155, 169, 205, 210, 211, 259; РМО. 1607–1636. С. 210; РМО. 1636–1654. С. 43, 283–286; РМО. 1654–1685. С. 180, 256, 330, 331, 338; РМО. 1685–1691. С. 191–193, 197–198.

по чарке “золотой водки” (в нее подсыпали порошка, наскобленного с золотого или бронзового предмета), либо браги, медовухи (“золото в меду”). Прежде чем выпить чарку, князь (или его посол) произносил текст клятвы на верность царю»³¹⁷.

Однако, исходя из конкретных ситуаций, прежде всего принимая в расчет упорство контрагентов, не желавших признавать свое «вечное холопство», русские переговорщики могли пойти на серьезные нарушения формальных, содержательных и процедурных моментов шертования, предписанных вышестоящими властями, лишь бы добиться хоть какого-то шертования: не осуществляли дословный перевод шертовальной записи на иноземческий язык, по ходу шертования меняли ее смысл в угоду контрагентам, сами давали взаимные обязательства и клялись в них и т. д.³¹⁸

Поскольку переговоры с кочевниками контролировались и зачастую инициировались правительством, до нас дошли описания многих процедур их шертования, а также пространные или краткие изложения их шертовальных записей за разные годы, равно как и несколько полных текстов самих записей. При этом, что важно отметить, на шертовальных записях главы этнополитических объединений (князцы, алтын-ханы) или уполномоченные ими лица из числа властной элиты могли, надо думать, по настоянию русской стороны поставить свои подписи или «знамена». Так, шертовальная запись 1636 г. монгольского алтын-хана Омбо Эрдени была заверена на обороте им лично и его доверенными лицами:

«По шертовальной записи яз, Алтын царь, руку приложил. Яз, лаба Даин мерген лабза, по велению Алтына-

³¹⁷ Уманский А. П. Телеуты и русские в XVII–XVIII веках. С. 21. См. также описание процедуры шертования послов алтын-хана в 1632 г. в Томске (РМО. 1607–1636. С. 181–183).

³¹⁸ См. описание шертования монгольских (хотогойтских) табунангов в 1635 г. томскому сыну боярскому Я. Тухачевскому, данное подьячим томской приказной избы Д. Агарковым (РМО. 1607–1636. С. 218, 220–224, 272–273, 283–285. Ср.: Там же. С. 209–210, 263–266, 269–272; РМО. 1636–1654. С. 87, 278–279).

царя ево алтыновою царя душею великому государю шертовал и к шертовальной записи руку свою приложил. Яз, Дурал табун, Алтына-царя двоюродной брат, по велению Алтына-царя ево алтыновою царя душею великому государю шертовал и к шертовальной записи руку свою приложил»³¹⁹.

В 1689 г. вышедшие в русское подданство монгольские тайши «учинили <...> во всякой верности по своей вере шерть, и подписали, для подтверждения иных по них будущих тайшей сии статьи своею рукою <...> Да сверх сих присланных статей к ним вышеписанным мунгальским тайшам <...> будущи при договорех оне тайши с Ываном Качановым по данному ему о том от великаго и полномочного посла окольничаго и наместника брянского Федора Алексеевича Головина наказу постановили и душам своим и подписанием рук своих с приложением печатей крепили»³²⁰.

В том же году договорные статьи, утвердив шертью, скрепили своими «руками» и табунутские сайты³²¹.

Однако в воеводских отписках и посольских статейных списках (а также в распросах послов), содержащих информацию о шертовании как результате подчинения иноземцев, все же не всегда присутствует ссылка на то, что само шертование было проведено в соответствии с иноземческой верой³²². Этот факт можно трактовать

³¹⁹ РГАДА. Ф. 126. Оп. 2. Д. 3. 1634 г. Л. 2об.–3. См. также: ПСИ. Кн. 1. С. 172; РМО. 1636–1654. С. 43. Однако следующий алтын-хан Лубсан Сайн Эринчин шертовальную запись уже не подписывал (См.: РМО. 1654–1685. С. 338–339).

³²⁰ РГАДА. Ф. 126. Оп. 2. Д. 10. Л. 5.

³²¹ Там же. Д. 11. Л. 5об. См. также: Ф. 214. Оп. 3. Стб. 1008. Л. 42–60; РМО. 1685–1691. С. 191–193.

³²² См., например: РГАДА. Ф. 199. Оп. 2. № 478. Ч. 3. Д. 14. Л. 1–6 об.; Д. 29. Л. 1–6; Д. 32. Л. 1–6; Ф. 214. Оп. 1. Кн. 11. Л. 102; Оп. 3. Стб. 12. Л. 87, 97; Стб. 49. Л. 181, 236, 237; Стб. 241. Л. 197, 200, 258; АИ. Т. 4. С. 49, 58, 540; ДАИ. Т. 3. С. 31–33, 106–107; РИБ. Т. 2. Стб. 450; КПМГЯ. С. 229–231; СДИБ. С. 56–59, 66, 95–97, 103–105, 187; Миллер Г. Ф. История Сибири. Т. 1. С. 416;

по-разному: либо во время шертования обряды принесения клятвы, принятые в среде иноземцев, по каким-то причинам игнорировались, либо послы и воеводы, отчитываясь о подчинении иноземцев, считали достаточным констатировать сам факт их шертования, подразумевая, что оно было проведено согласно правительственным предписаниям.

После шертования в присутствии воеводы следовало награждение «предводителей» шертовавших подарками, «питьем» и «кормом»³²³:

«И твоево царсково жалованья дали Обаку князю: однорядку малиновую, лундыш, да рубашку золотную, да колпак, да сапоги; а мурзам по однорядке настрофильной и людем ево по однорядке» (1609 г.)³²⁴;

«князцу Имесу за конь и за шертованья дали сукно аглинское желтое четыре аршина, а улусным ево людем <...> по четыре аршина сукна желтово лятчины» (1633/34 г.)³²⁵;

«да Исенгеи тайши улусным людем, которые в Томском были и за него шертовали, Ероку да Чимаку, дали де вы сукна <...> да по вершку шапочному <...> А как тот князец Кохтобей и Сенгей тайша вам шертуют, и вы б велели их поить и кормить нашими запасы довольно» (1635 г.)³²⁶;

«и после шерти за то ему (Куржуму. — *Авт.*) стольники и воеводы Петр Головин с товарищи государева жалованья дали однорядку и поили и кормили» (начало 1640-х гг.)³²⁷.

Напоить и накормить могли и до шертования:

РМО. 1607–1636. С. 22, 36, 268; РМО. 1636–1654. С. 24, 70, 228, 229, 283, 286, 363; *Бутанаев В. Я.* История вхождения Хакасии... С. 161, 169, 205.

³²³ Однако не во всех своих отписках воеводы сообщали о награждении шертовавших.

³²⁴ *Миллер Г. Ф.* История Сибири. Т. 1. С. 416.

³²⁵ ДАИ. Т. 3. С. 242.

³²⁶ *Миллер Г. Ф.* История Сибири. Т. 3. С. 230.

³²⁷ ДАИ. Т. 3. С. 31.

«а распрося, велел твоим государевым жалованьем пойти и кормити довольно, а напоя их и накормя, князца Епею и Тымку с товарищи привел к шерти»³²⁸.

Послы ограничивались вручением подарков начальствующим лицам из числа иноземцев либо перед началом переговоров, либо сразу после процедуры шертования, либо практиковали оба эти варианта. «Питье» же и «корм» обеспечивали хозяева, принимавшие русских послов. Через некоторое время после шертование (как результата переговоров) вновь могла последовать раздача «жалованья» шертовавшим:

«А как они под нашею царскою рукою укрепятца и шертуют <...> и вы б им дали наше жалованье, платье и сукна, по нашему указу и смотря по людем и по службе, и ласку к ним и привет держали» (1610 г.)³²⁹;

«наше жалованья князцу Коке за шертованья послали сукна аглинского четыре аршина» (1633/34 г.)³³⁰;

«и пришед в мунгальскую землю, подавал великого государя грамоту и жалованья десять аршин красново аглинского сукна мунгальскому царю кукону-кану» (1668 г.)³³¹;

«и мы, великие государи <...> за ваши к нам <...> службы и радение и что вы нашей государской милости поискали и шерть учинили <...> жалуем, милостиво похваляем, и послали к вам (монгольским тайшам и их родственникам. — *Авт.*) нашего царского величества жалованья» (1690 г.)³³².

Когда непосредственный контроль центральной или местной (воеводской) администрации отсутствовал, низовое звено исполнителей — приказчики и землепроходцы не очень-то соблюдали предписанные вышестоящими властями нормативы приведения к присяге иноземцев. Они никак документально не оформляли про-

³²⁸ РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 12. Л. 97.

³²⁹ РМО. 1607–1636. С. 39.

³³⁰ Миллер Г. Ф. История Сибири. Т. 3. С. 242.

³³¹ РГАДА. Ф. 208. Оп. 1. Д. 3. Л. 1.

³³² РМО. 1685–1691. С. 245.

цедуру шертования (не составляли шертовальных записей с подписями-«знаменами» иноземцев и именные списки шертовавших³³³), поскольку вышестоящее начальство не требовало от них этого и зачастую не снабжало их шертовальными записями. На практике, как можно судить из отчетов (в том числе челобитных) приказчиков, командиров и участников землепроходческих отрядов или отрядов, подавлявших «бунты» и «измены» «немирных» иноземцев, дело ограничивалось лишь устным оглашением сути жалованного слова (и то, как говорилось выше, не всегда) и тех обязательств, которые иноземцы должны были скрепить своей клятвой. В отчетах следовал пересказ соответствующего предписания из воеводских наказов:

«Князьки их [и] лутчие люди шертовали на том, что им быть под твоею царскою высокою рукою неотступными и тебе государю царю и великому князю Василью Ивановичю всеа Русии служить и прямити и ясак сплона платити» (1609 г.)³³⁴;

«бращких де, государь, князцей <...> под твою государеву царскую высокую руку привели, и ясак с них твой государев взяли, и учинились де брацкие люди тебе, государю <...> послушны, и по своей вере шертовали» (1631 г.)³³⁵;

«и иных улусов икирежи и бунгудайские князцы Торым и Наярай приезжали в острог и шерть на том дали, что им быть, братцким людем, под государевою царскою высокою рукою в прямом холопстве навеки неотступно и государю ясак давать по вся годы безпереводно <...> И яз де тех князцей и улусных людей, взяв государев ясак, и их по государеву указу привел к шерти <...> они братцкие люди, икиреж и тун-

³³³ К настоящему времени исследователями не выявлено ни одной оригинальной шертовальной записи, непосредственно использованной землепроходцами при подчинении «вновь приисканных» или вернувшихся в подданство сибирских иноземцев.

³³⁴ Миллер Г. Ф. История Сибири. Т. 1. С. 413.

³³⁵ Там же. Т. 3. С. 187.

гудак и коринцы и батулинцы, <...> на том дали шерть, что государю ясак давать по вся годы безпереводно» (1645 г.)³³⁶;

«того Турончу и с братьями, и Толгу, и Омутея с братьями, их князей и лутчих людей Балуню, и Аная, и Евлогоя, и всех улусных их людей и весь род их к шерти привели на том, что быть им под государя нашего царя и великого князя Алексея Михайловича всеа Русии высокою рукою в вечном ясачном холопстве на веки, и ясак с себя [давать] по вся годы безпереводно» (1652 г.)³³⁷;

«пришли под твою царскую самодержавную высокую руку брацкие люди князец Зербо и иные многие брацкие князцы с родами своими и тебе, великому государю, шертовали в том, что быти им в вечном холопстве в ясачном платеже» (1676/77 г.)³³⁸ и т.д.³³⁹

Но часто в отчетах вообще не упоминалось о шертовании, а процесс подчинения иноземцев как свершившегося действия обозначался (в разных вариациях) как приведение «под высокую государеву руку», «в вечное прямое холопство (подданство)», «в ясачный платеж». Вот несколько примеров таких формулировок:

«И кузнецких людей под твою царскую высокую руку привели и иные новые земли, и твой государев ясак с них взяли» (1617/18 г.)³⁴⁰;

³³⁶ КПМГЯ. С. 225, 226, 227; СДИБ. С. 49, 50, 52, 89. См. также: СДИБ. С. 160.

³³⁷ ДАИ. Т. 3. С. 363.

³³⁸ Высочайше учрежденная под председательством статс-секретаря Куломзина комиссия... Вып. 5. Приложения. С. 7.

³³⁹ См., например, следующие отчетные документы о шертовании иноземцев: РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 12. Л. 351–353; Ф. 1177. Оп. 3. Стб. 152. Л. 104–105; ДАИ. Т. 2. С. 251, 255, 261; Т. 3. С. 21, 340, 358; Т. 4. С. 6, 199–200; Миллер Г. Ф. История Сибири. Т. 2. С. 629; Т. 3. С. 404; Материалы по истории Якутии... Ч. 3. С. 1077, 1080, 1085, 1086, 1092; СДИБ. С. 78, 90, 103–105, 180, 198, 200; КПМГЯ. С. 223–228, 236; РМО. 1636–1654. С. 70; Полевой Б. П. Изветная челобитная С. В. Полякова 1653 г. ... С. 34, 35, 39.

³⁴⁰ Миллер Г. Ф. История Сибири. Т. 1. С. 443.

«и подвел я <...> под твою, государьскую царскую высокую рук[у] на Лене реке вново <...> многие розные земли тунгусские и якуцкие и ясак с них <...> имал твоею государьскою грозю» (1633 г.)³⁴¹;

«да вверх по Оке реке с Бурлана да с Ии реки братцкие ж люди Бурлак шаман, да шаронимцы да хандеи с своими улусными людьми и с киштыми к Братцкому острожку прикочевали, и государю добили челом, и ясак с себя в Братцкой острог дали ж, и с ними де, Дмитрием и с служилыми людьми, договорились, что им впредь быть под государевою высокою рукою в вечном холопстве неотступно, и ясак с себя хотят давати ежегодно» (1652/53 г.)³⁴²;

«новых неясачных людей, князца Яндаша с его улусными люд[ь]ми, которые тебе, великому государю, ясаку с себя не плачивали никому <...> того князца Яндаша Дорогова и с его улусными люд[ь]ми под твою великого государя царскую высокую призвал, и ясак <...> взял» (1661 г.)³⁴³;

«призвал под великого государя царьскую высокую руку в вечное ясачное холопство по прежнему ласкою и доброю прежних ясачных изменников, ламутцких мужиков Бугочерского роду Лября да Бороту с родниками» (1671 г.)³⁴⁴;

«и под твою царскую самодержавную высокую руку новых неясачных оленных Контагирского роду тунгусов привели» (1672 г.)³⁴⁵;

«прежние платежные братцкие мужики и вновь мунгальские выходцы вышли на имя великих государей в вечное подданство и в ясачной платеж» (1688 г.)³⁴⁶;

³⁴¹ Материалы по истории Якутии... Ч. 3. С. 1073.

³⁴² ДАИ. Т. 3. С. 387. СДИБ. С. 186.

³⁴³ ДАИ. Т. 4. С. 240.

³⁴⁴ АИ. Т. 4. С. 473.

³⁴⁵ *Красноштанов Г. Б.* Никифор Романов Черниговский... С. 180–181.

³⁴⁶ СДИБ. С. 325.

«и Акланского и Каменного и Усть Таловского острожков на Пенжине реке немирных неясачных коряк ласкою и приветом я, Волотка, под царские самодержавные высокие руки в вечное холопство призывал и они, коряки тех острожков, великим государем поклонились и ясак с себя давали» (1697 г.)³⁴⁷;

«а из 4-х острогов тутошних иноземцев (ительменов — *Авт.*) под твою царскую высокосамодержавную руку с ясачным платежом привели и умирили» (1711 г.)³⁴⁸; и т. д.³⁴⁹

Нередко в отчетах исполнителей при констатации ими факта подчинения иноземцев³⁵⁰ не упоминаются не только шертование, но и «приведение под высокую государеву руку» «в вечное холопство» и т. д., а фигурирует только факт обложения ясаком:

«Приискали мы, холопи твои, новую землю на Енисее <...> И мы, холопи твои государевы, ходили по твой государев ясак, и ясак твой государев взяли» (1617/18 г.)³⁵¹;

«и после драки взяли с братцких людей твоего государева ясаку два сорока соболей» (1628/29 г.)³⁵²;

³⁴⁷ РГАДА. Ф. 1177. Оп. 3. Стб. 2738.

³⁴⁸ ПСИ. Кн. 1. С. 461.

³⁴⁹ См. например: РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 31. Л. 529; Стб. 53. Л. 802; Стб. 252. Л. 37; Стб. 471. Л. 241, 242, 359–360; Стб. 481. Л. 143; Стб. 963. Л. 275–276, 386; Стб. 1045. Л. 1, 2; Ф. 1177. Оп. 3. Стб. 650. Л. 1–4; ПФА РАН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 30. Л. 29 об., 201–206 об; АИ. Т. 4. С. 76; ДАИ. Т. 4. С. 242; Т. 8. С. 172, 173, 183–184, 325, 327; Т. 12. С. 96; ПСИ. Кн. 1. С. 441, 457–458, 460–461; Кн. 2. С. 266–267; *Миллер Г. Ф.* История Сибири. Т. 3. С. 157, 172–173, С. 226, 228, 246; *Материалы по истории Якутии...* Ч. 3. С. 1069, 1070, 1071, 1084; СДИБ. С. 15–16, 19, 28–29, 33–34, 83, 86, 89, 94, 154, 156–157, 164, 198, 203; РМО. 1654–1685. С. 332; *Красноштанов Г. Б.* Никифор Романов Черниговский... С. 158.

³⁵⁰ Речь, разумеется, об оценке русской стороной. Реальная же картина могла отличаться от той, которую «рисовали» в своих отчетах землепроходцы, и дача иноземцами ясака еще не означала, особенно во времена первых контактов, признания ими своего подчинения русской власти.

³⁵¹ *Миллер Г. Ф.* История Сибири. Т. 1. С. 436.

³⁵² РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 54. Л. 22;

«и пришед на Чендон руку <...> и взял <...> государева ясаку на прошлой на 148-й год и на 149-й год» (1642 г.)³⁵³ и т. д.³⁵⁴

Такое описание процедуры приведения «в подданство» было характерно при силовом подчинении иноземцев, когда после их разгрома и захвата аманатов служилые люди фиксировали лишь взятие ясака³⁵⁵. В качестве показательного примера приведем выдержки из отписки приказчика Охотского острога А. Бульгина (1655 г.):

«...от тех больших людей отстояли, и из них на том бою <...> в аманаты доброго мужика <...> взяли и под того нового аманата вновь государева ясаку взяли <...>, на том бою неясачных многих людей побили, и в аманаты из них больших людей лутчего мужика <...> взяли, и под того аманата на государя вновь ясаку взяли <...>, с ними большими людьми дрались, и на том бою многих иноземцов побили, и аманатов из них больших людей двух человек <...> взяли, а государева ясаку с них новопогромных аманатов <...> на государя вновь <...> взято <...>, и они, государь, многие неясачные иноземцы стали с нами драться и дрались с нами многое время и <...> Бог пособил боем их смирить, и из них иноземцов аманата <...> и ясаку под того аманата на государя вновь взяли <...>, иноземцы вышли к нам на бой <...> и учили с нами драться <...> и побили их ста с два и больше, и аманатов, государь, из них больших людей на том бою взяли <...> а под тех новых инских аманатов ясаку вновь [взято]»³⁵⁶.

³⁵³ Миллер Г. Ф. История Сибири. Т. 3. С. 258.

³⁵⁴ См., например: РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 471. Л. 387, 389, 499; Стб. 481. Л. 20, 21; Ф. 1121. Оп. 1. Д. 394. Л. 32, 44; ДАИ. Т. 2. С. 240, 242, 243, 258, 259; Т. 3. С. 68, 69, 320–323, 355, 524; Т. 4. С. 3–7, 16, 17, 21, 22, 24, 26, 34, 95, 147, 239; Т. 5. С. 338; Миллер Г. Ф. История Сибири. Т. 2. С. 402, 628–629; Т. 3. С. 162, 366–369; Материалы по истории Якутии... Ч. 3. С. 1069, 1078; СДИБ. С. 75, 102.

³⁵⁵ Немало, правда, было ситуаций, когда иноземцы и после поражения предпочитали бежать, а не покоряться.

³⁵⁶ ДАИ. Т. 4. С. 3, 4.

Особо оговорим, что рассмотренные выше формулировки отчётов, которые описывали свершившийся акт подчинения иноземцев, могли значительно отличаться от тех, которыми маркировался призыв в подданство как предполагаемая цель и как оглашение им жалованного слова. Вот несколько примеров таких расхождений:

«Стал ево, князца Шуреньяка со всеми ево людьми призывать под государьскую царскую высокую руку з государевым ясаком. И тот князец со многими своими улусными людьми <...> под государьскую высокую руку быти не захотел и в государеве ясаке отказал <...> И я, Петрушка, [с] служилыми людьми <...> почал битца <...> и вид[я] те якуцкие люди, что над ними государ[ево] гроза учинилась <...> вину свою великому государю принесли. И я, Петрушка, с тово князца Шуреньяка и с роду и с у[лу]сных людей ево <...> ясаку на 140 год взял» (1632 г.)³⁵⁷;

«посылал с усть Шингалу реки меня, холопа твоего, приказной человек Онофрей Стефанов со 100 человеки на сторонную речку для прииску и приводу неясачных людей под твою государеву царскую высокую руку; и я, холоп твой, по той сторонней речке ходил и сыскали неясачных людей жючер, и с теми жючерскими людьми билися, и многих людей побили, и в аманаты лутчего мужика взяли; и того аманата, взяв, привезли и отдали приказному человеку Онофрею Степанову; и под того, государь, аманата привезли те жючеры ясаку 30 соболей» (1650-е гг.)³⁵⁸;

«и я, Гришка, пришед под те юрты, тех неясачных иноземцев на Омолоевских вершинах велел розговаривать, чтоб они под великого государя царьскою высокою рукою были в вечном ясачном холопстве и великого государя ясак с себя и с родников своих дали б: и те немирные неясачные иноземцы розговору не послушали, и бой поставили. И божиею милостию и великого государя счастием я, Гришка, с служи-

³⁵⁷ Материалы по истории Якутии... Ч. 3. С. 1083–1084.

³⁵⁸ ДАИ. Т. 4. С. 95.

лыми людьми тех немирных неясачных иноземцов розных родов погромил и взял в аманаты трех человек розных родов <...> и взял вновь великого государя ясаку под <...> аманата» (1670/71 г.)³⁵⁹;

«и будучи мы, раби твои, на Большой реке, апреля 23 числа, лутчего иноземца Кушугу с родниками ласкою и приветом под твою царскую высокосамодержавную руку с ясачным платежом из острогу его вызывали и вызвать не могли. И ныне от нас, рабов твоих, тот его Кушугин острог крепким приступом взят <...> а его, лутчего иноземца Кушугу, из-за бою в аманаты взяли, и ныне из-за того аманата с родников его ясак тебе, великому государю, собирается» (1711 г.)³⁶⁰.

Анализ отчетной документации показывает, что в ней содержатся самые разнообразные варианты описания подчинения сибирских народов. Даже в одном и том же документе можно встретить разные формулировки, когда мирно или после вооруженного столкновения одни группы иноземцев «приводили под высокую государеву руку» в «вечное неотступное холопство» «навек» в «ясачный платеж» и к шерти, других — только «под высокую государеву руку» в «вечное неотступное холопство» в «ясачный платеж», третьих — только к шерти, четвертых только облагали ясаком, и т. д. Были, конечно, ситуации, когда злостных «изменников» и «непослушников» просто громили, не пытаясь даже призывать в подданство и взять ясак.

Единственный показатель подчинения, который чаще всего присутствовал во всех отчетах (как воевод, так и их подчиненных), — это обложение ясаком³⁶¹. В целом, судя по частоте упоминания в отчетах разных формальных и реальных показателей подчинения, вполне отчетливо выстраивается следующая последовательность: на пер-

³⁵⁹ АИ. Т. 4. С. 473.

³⁶⁰ ПСИ. Кн. 1. С. 460.

³⁶¹ Исключение составляли кочевники, обитавшие на южно-сибирских рубежах. Русские власти нередко не требовали от них уплаты ясака (хотя и стремились к этому), ограничиваясь их согласием «служить и прямить» русскому царю.

вом месте находилось обложение ясаком, на втором — приведение под «высокую государеву руку» в «вечное холопство» и в «службу», на третьем — шертование. И эта последовательность воспроизводила ту частоту упоминания показателей подчинения, которая фиксировалась в воеводских инструкциях: обложение ясаком — всегда, приведение под «высокую государеву руку», а также в «вечное холопство» и в «службу» — часто, шертование — реже всего прочего. В свою очередь, указанная последовательность несомненно отражала значимость для русской власти разных показателей: первейшим и важнейшим являлось объясачивание, которое собственно и демонстрировало реальное подчинение — признание власти русского государя — переход под его «высокую руку» в «вечное холопство» (часто упоминалось «вечное ясачное холопство»), когда ясак являлся наглядным и вполне понятным выражением подданства; формализация же этого процесса путем шертования было желательным, но не обязательным актом. Последнее подтверждается и тем, что вышестоящие инстанции, как правило, не проявляли интереса к конкретным обстоятельствам приведения в подданство, в том числе не пытались (за редкими исключениями, которые касались в основном южно-сибирских кочевников) выяснить, было ли проведено шертование и каким образом³⁶². Кроме того, когда в распорядительной и отчетной документации шла речь о поиске и объясачивании неясачных иноземцев на территориях, уже несколько десятилетий находившихся под русской властью, вполне достаточным считалось обложении ясаком вновь «приисканных» людей, прочие же маркеры подданства, в том числе шертование, даже не упоминались.

Однако насколько отчеты адекватно отражали реальный ход событий? Совершенно не исключено, что исполнители, сообщая о шертовании (докладывая тем самым об исполнении инструкции, где присутствовала соответствующая норма), могли в реальности обойтись без данной процедуры, ограничившись объясачиванием иноземцев. А могла быть и обратная ситуация: отсутствие в отчете упомина-

³⁶² См., например, распросные речи М. Стадухина, Г. Вижевцова и В. Пояркова (ДАИ. Т. 3. С. 99–100, 102–104).

ния о шертовании (опять же нередко в соответствии с инструкцией) не означает, что его не было; для обозначения процедуры приведения к присяге на верность русскому монарху вполне достаточной могла считаться фраза «привели под высокую государеву руку».

В целом есть все основания констатировать, что непосредственные исполнители воеводских (и, соответственно, правительственных) предписаний не всегда и не везде осуществляли шертование иноземцев, удовлетворяясь лишь взиманием ясака, поскольку именно этого от них безусловно требовали вышестоящие власти. Если же шертование вновь «приисканных» иноземцев все же проводилось, то приказчики и командиры землепроходческих отрядов, как и воеводы, после проведения этой процедуры должны были, как правило, согласно инструкциям, одарить новых подданных «смотря по человеку» (т. е. учитывая статус каждого) «государевыми» подарками (обычно одеждой, сукном, оловяными и медными изделиями, одекуем), напоить и накормить их «довольно». И немало отчетов содержат информацию о выполнении данного ритуала. Хотя в еще большем их количестве о награждении шертовавших вообще ничего не сообщается, нередко по причине отсутствия у землепроходцев предметов, которыми можно было бы одарить иноземцев. Такую ситуацию, в частности, описал в своей отписке 1631 г. П. Бекетов:

«...и на Лене реке людей много, а мне их припоити и прикормити нечем, и давати государева жалованья, олова и одекую, нечево же»³⁶³.

Крайне редко в отчетах, содержащих информацию о шертовании, присутствует указание на то, что оно проводилось в соответствии с собственно иноземческой верой (исключение составляло шертование кочевников по итогам дипломатических переговоров). Это дает основание предположить, что землепроходцы, приказчики, да и воеводы либо вовсе не интересовались этой «верой», либо у них не было времени выяснить, по какой «вере» клянутся иноземцы, поскольку само приведение «под высокую государеву руку» требовалось осуществить как можно быстрее, либо у самих иноземцев (как,

³⁶³ Миллер Г. Ф. История Сибири. Т. 3. С. 176.

например, у самоедов-ненцев, юкагиров, коряков, чукчей) практики присяги на верность кому-либо не существовало, либо они придавали присяге-клятве настолько важное сакральное значение, что применяли в исключительных случаях и, как правило, стремились избежать³⁶⁴. Поэтому в разного рода источниках и встречаются упо-

³⁶⁴ По наблюдению Г. Гартвига, «Самоеды, точно так же как и остяки, считают присягу за действие, имеющее высшее религиозное значение... Самоед так боится нарушения присяги...» (*Гартвиг Г.* Природа и человек на крайнем Севере. С. 126). Н. А. Миненко выяснила, что самоедами «присяга рассматривалась как унижающее человеческое достоинство действие» и как способ наказания преступников, поэтому и не являлась распространенной практикой. «Русские власти, — пишет исследовательница, — исходя из иных представлений о сущности присяги, заставляли “шертовать” (давать присягу) сибирские народы, не зная, что тем самым подвергают их беспричинному наказанию» (*Миненко Н. А.* Северо-Западная Сибирь в XVIII — первой половине XIX в.: Ист.-этногр. очерк. Новосибирск, 1975. С. 214, 215). В. В. Трепавлов полагает, что этот «вывод можно распространить и на многих других коренных сибиряков» (*Трепавлов В. В.* «Белый царь»... С. 182). У бурят «страх перед шертованием и особенно перед последствиями ложной клятвы был столь велик, что случаи уклонения от уже назначенной шерты были нередки ... Шертование считалось столь страшной процедурой, что даже присутствовать при нем избегали ... Группа бурят разъясняла русским: “...у нас де того мужика, который к шерты идет, из юрты не пуцают, потому что де по нашей вере дело большое» (*Залкинд Е. М.* Присоединение Бурятии к России. С. 247, 248). Однако, как мы полагаем, страх перед шертованием распространялся лишь на личные клятвы в каких-либо частных делах между самими иноземцами, и эти частно-правовые присяги иноземцы боялись нарушить. Когда же речь шла о шертовании на верность русскому монарху, то они относились к этому не столь ответственно, поэтому частыми были и нарушения шерты-присяги. К тому же, если верить описаниям современников конца XVII–XIX вв., присяги (клятвы) и обряды, их сопровождавшие, у сибирских народов зачастую были разными в политико-правовых (во взаимодействии с русской властью) и частно-правовых (межличностных) отношениях. Вторые безусловно носили сокральный и обязательный характер, поэтому иноземцы стремились не знакомить с ними русских и не применять их обрядовую процедуру при шертовании на верность русскому монарху.

минания о том, что казаки и администраторы проводили шертование с применением оружия. Эту процедуру, как говорилось выше, возможно, применили еще ермаковы казаки отряда Богдана Брязги. В последующем сабли, ножи и даже огнестрельное оружие стали частыми атрибутами шертования, причем и того, которое осуществлялось под непосредственным контролем и при участии царских воевод. При этом, напомним, русское оружие иноземцы должны были целовать или оно заносилось над их головами³⁶⁵. Такие ритуальные действия практиковались и позже — в XVIII в.

По сведениям С. П. Крашенинникова, собранным в 1730-х гг., на крайнем северо-востоке Сибири казаки приводили местные народы «к присяге вместо креста и евангелия к ружейному дулу с таким объявлением, что тому не миновать пули, кто присягает неискренно»³⁶⁶. Г. Ф. Миллер в эти же годы зафиксировал следующие обряды присяги на верность царю: «В случае принесения языческими народами присяги или какой-либо иной клятвы перед русскими начальниками в городах и острогах Иркутской провинции, их заставляют поцеловать дуло пушки, винтовки, ружья или иного имеющегося в наличии огнестрельного оружия, или может быть саблю. У якутов это проделывается стоя на коленях перед разожженным специально для этого костром, так как к огню они испытывают особое почтение. В Красноярском уезде, когда тамошних язычников приводят к присяге, им держат голову между двумя саблями, одной над затылком,

³⁶⁵ Спешка с шертованием могла приводить к казусным ситуациям. Так, в 1632 г. томский воевода И. Татев, не удосужившись выяснить обряд шертования монголов-ламаистов, привел, причем принудительно, послов алтын-хана к шерти следующим образом: «Давали хлеб с ножа, да стояли над шеею с саблею». Позже, в 1634 г., алтын-хан по поводу этого обряда шертования заметил русским послам: «В нашей де вере такой шерти не повелось, крепкая де шерть у нас, пьют золото» (РМО. 1607–1636. С. 205. См. также: С. 256).

³⁶⁶ Крашенинников С. П. Описание земли Камчатки. С приложением рапортов, донесений и других неопубликованных материалов. М., Л., 1949. С. 457, 699.

другой под подбородком, и кладут им на острие шпаги или ножа в рот кусочек хлеба, чтобы они его съели. Самоеды кусают шпагу, которую держат перед ними»³⁶⁷. По данным Я. И. Линденау, относящимся к первой половине 1740-х гг., «когда ламуты приносят присягу, то делают это у пушки: они становятся на колени против солнца и говорят, что так, как солнце без пятен и ярко светит, так и они хотят оставаться верными ее императорскому величеству. После этого целуют ствол пушки и уходят»³⁶⁸. В описаниях Иркутского наместничества конца XVIII в. сообщается, что бурят и тунгусов приводили к присяге «у дула ружья или пушки»³⁶⁹, а якутские князцы, вступая в должность, «в верности присягают, целуя в Якутске пушку, в комиссарствах — ружье, а в их жилищах — шпагу»³⁷⁰. Над головами самоедов, согласно упоминавшимся сведениям В. Ф. Зуева, во время присяги толмач заносил обнаженную саблю³⁷¹.

Все эти описанные этнографами обряды присяги являлись для XVIII в. несомненной архаикой, но одновременно той традицией, восходящей к XVII в., от которой не могли отказаться.

К сожалению, весьма краткая и отрывочная информация источников о практике шертования сибирских иноземцев не позволяет сколько-нибудь определенно выяснить, насколько землепроходцы стремились соблюсти обрядовую сторону шертования. В реальности могли быть разные ситуации. Если землепроходцы уже имели

³⁶⁷ Миллер Г. Ф. Описание сибирских народов. С. 171; Северо-Западная Сибирь в экспедиционных трудах и материалах Г. Ф. Миллера. С. 357.

³⁶⁸ Линденау Я. И. Описание народов Сибири (первая половина XVIII века): Историко-этнографические материалы о народах Сибири и Северо-Востока. Магадан. 1983. С. 54.

³⁶⁹ Топографическое описание Иркутского наместничества, из разных известий, наблюдений, записок и известных преданий подчерпнутое // Древняя Российская Вивлиофика. М., 1791. Ч. 18. С. 326; Описание Иркутского наместничества 1792 года. Новосибирск, 1988. С. 79.

³⁷⁰ Описание Иркутского наместничества 1792 года. С. 151. См. также «Описание Якутской провинции Иркутской губернии» 1794 г. (ОР РНБ. Эрм. Собр. № 238 6-f. Л. 19).

³⁷¹ Зуев В. Ф. Материалы по этнографии Сибири... С. 50, 51.

опыт общения с иноземцами, родственными тем, кого собирались подчинять, и, соответственно, имели представление об обрядах шертования³⁷², и к тому же располагали услугами хорошего переводчика (толмача), то они вполне могли настаивать на шертовании вновь подчиняемых согласно принятым у них обрядам. Если же такие факторы отсутствовали, то они, исходя из конкретных обстоятельств (прежде всего характера общения с иноземцами — мирного, дружелюбного, напряженного, враждебного и т. п.) либо вообще не утруждали себя приведением подчиняемых к шерти, ограничившись кратким изложением жалаванного слова и взятием ясака (причем, как правило, в обмен на подарки), либо использовали в качестве единственного обрядового элемента свое оружие. Можно уверенно полагать, что русское оружие дополняло и шертование по иноземческой вере.

Использование русской стороной при шертовании иноземцев оружия, в сочетании с местной верой или без нее, вполне объяснимо. Обряд шертования должен был быть понятен всем его контрагентам. Поэтому можно полагать, что казаки-землепроходцы (да и представители администрации), по крайней мере на этапе первичного знакомства с иноземцами, вряд ли бы удовлетворялись тем, что шертующие давали присягу русскому царю на медвежьей шкуре или расчлененной собаке, попивая собачью кровь или золото, глотая землю или грызя березу. В обряде шертования должен был присутствовать элемент, символика которого была бы ясна не только иноземцам, но и русским. И таким элементом являлось оружие. Оно было вполне понятным и очевидным символом власти и орудием наказания за возможное нарушение присяги. Практика клятвы на оружии, как

³⁷² Многие народы Сибири расселялись по значительной территории. И русские, впервые познакомившись с какой-либо территориальной группой одного народа и получив представление о ее образе жизни и культуре, могли использовать эти знания для общения с другими группами того же самого народа. К тому же многие представители землепроходческого движения за время своей службы успевали побывать в разных регионах Сибири, приобретая богатый опыт общения с иноземцами и некоторые знания об их ритуальных практиках.

говорилось выше, была издавна знакома русским воинам и ряду народов Сибири. А те из сибирских иноземцев, кто не знал такого обряда, познакомившись с казаками в боевых столкновениях, которые зачастую предвзяли подчинение, быстро осознали силу русского оружия, а также его значимость как карающего элемента в обряде шертования. К использованию оружия, в первую очередь сабли, подталкивали и нормативы шертовальных записей, в которых в качестве государевой угрозы часто фигурировала «острая сабля»³⁷³. Следует указать и на то, что в нормативных документах (грамотах, указах, жалованных словах, наказах, наказных памятях), которыми должны были руководствоваться воеводы и служилые люди, присутствовали указания действовать в отношении иноземцев не только «лаской», но и, в случае сопротивления последних, «жесточью» и «ратным боем». В связи с этим оружие на протяжении всего XVII в. являлось неперемным и важнейшим элементом воздействия русской стороны на сибирских аборигенов, что также обусловило его включение в обряд шертования.

Заканчивая данный раздел, заметим, что призыв в подданство неясных и «немирных» этнотерриториальных групп сибирского населения русская администрация и землепроходцы зачастую поручали самим иноземцам, которые русской стороной рассматривались как «верные» и «постоятельные» (постоянные, надежные) подданные и союзники. Как говорилось выше, в наказах воеводам, в части, содержащей изложение «жалованного слова», предписывалось убеждать ясачных людей в том, чтобы они «детей своих и братью, и дядя, и племянников, и друзей на государево милосердие отовсюду призывали», за что им обещалось вознаграждение: «А царское величество во всем их пожалует своим царским жалованьем»³⁷⁴. Аналогичные

³⁷³ Заметим, что сабля как элемент шертования и орудие наказания присутствовала и в обрядах шертования «европейских» мусульман (крымских татар) и буддистов (калмыков) (См.: *Зайцев И. В.* Проблема удостоверения клятвенных обязательств мусульманина... С. 6).

³⁷⁴ Это предписание впервые прозвучало в царском наказе 1599 г. новому тарскому воеводе Я. Старкову (РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 11. Л. 54–54 об.)

указания могли присутствовать в наказных памятях приказчиком, землепроходцам и переговорщикам-«дипломатам»³⁷⁵ и в царских грамотах и указах, посвященных вопросам подчинения тех или иных групп иноземцев³⁷⁶. Но речь в этих указаниях, как следует из контекста, шла только о призыве в ясачных платеж: «...и свою братью и улусных их людей, которые преже сего нам ясаку не плачивали, к нашему величеству призывать»³⁷⁷.

Контингент иноземцев, приводимых к шерти

Весьма скудные сведения из сохранившихся источников, относящихся к первому двадцатилетию «Сибирского взятия» (концу XVI в.), не позволяют даже приблизительно очертить круг тех лиц из числа сибирских иноземцев, кого приводили к присяге на верность русскому царю. Но вряд ли можно сомневаться, что прежде всего русские власти стремились охватить шертованием глав крупных политических объединений — остякских и вогульских княжеств, Пегой орды, а также представителей военной и управленческой элиты бывшего Сибирского юрта.

Документы XVII в. содержат уже достаточно информации, дающей возможность судить о том, кого приводили к шерти³⁷⁸. Ее ана-

и царской грамоте того же года верхотурскому воеводе И. Вяземскому (Там же. Ф. 199. Оп. 1. № 133. Ч. 1. Д. 1. Л. 9 об.). В дальнейшем, вплоть до начала XVIII в., оно с незначительными вариациями повторялось во всех наказах сибирским воеводам.

³⁷⁵ См., например: АИ. Т. 4. С. 521; ПСИ. Кн. 1. С. 232, 420; Кн. 2. С. 507; Миллер Г. Ф. История Сибири. Т. 3. С. 176, 294.

³⁷⁶ См., например: ДАИ. Т. 11. С. 70; Миллер Г. Ф. История Сибири. Т. 3. С. 246; Материалы и исследования по истории Северо-Западной Сибири. С. 148.

³⁷⁷ Миллер Г. Ф. История Сибири. Т. 3. С. 246.

³⁷⁸ См.: Слугина В. А. Контингент сибирских иноземцев, присягавших российскому монарху в XVII веке (по данным шертовальных книг) // Вестн. НГУ. Серия: История, филология. 2017. Т. 16. Вып. 8.

лиз показывает, что численность и социальный статус шертовавших, которыми были исключительно взрослые и лично свободные мужчины³⁷⁹, варьировались в зависимости от конкретных обстоятельств и тех задач, которые ставили перед собой русские власти при оформлении / подтверждении подданства иноземцев.

В процессе подчинения русская сторона стремилась привести и приводила к шерти в первую очередь представителей властной элиты иноземческих сообществ: глав крупных этнотерриториальных объединений (князей / князцов, тайшей, алтын-ханов) или уполномоченных ими лиц; при отсутствии таких объединений — предводителей общин-«родов» или их объединений (князцов, мурз, есаулов, тойонов, «лучших сотников» и т. п.). В воеводских наказных памятях служилым людям можно встретить прямое указание на тех, кого следовало прежде всего приводить к шерти:

«А велено им <...> государев ясак <...> збирать и про новые землицы проведывать <...> и тех землиц князей и лутчих людей под государеву высокую руку велено приводить к шерти ласкою, а не жесточью, и ясак с них збирать» (1625 г.)³⁸⁰;

«и рспрошати у тех братцких людей про лутчих людей, а про кого скажут, и тех братцких людей по их вере привести к шерти на том, что им быть со всем своим родом и с улусными людьми под государевою царевою и великого князя Алексея Михайловича всеа Руси высокою рукою на веки неотступно в прямом ясачном холопстве, и ясак государев с себя и со всех родов давати по их мочи по вся годы безпереводно» (1648 г.)³⁸¹;

³⁷⁹ Не известно случаев, чтобы к шерти приводили лично зависимых иноземцев (по русской терминологии — холопов). Такая практика повторяла ситуацию с крестоцелованием православного населения: из числа лиц, присягавших монарху, холопы исключались.

³⁸⁰ Миллер Г. Ф. История Сибири. Т. 3. С. 131.

³⁸¹ КПМГЯ. С. 52; СДИБ. С. 128.

«и роспрошать тех тунгусов и якутов [про] лутчих людей, а про ково они скажут, и тех тунгусов и якутов по их вере привести их к шерти» (1648 г.)³⁸².

Но нередко, особенно там, где социально-политическая организация иноземцев была аморфной и неустойчивой (в таежной и тундровой зоне Сибири), к шерти могли привести «лучших мужиков», возглавлявших небольшое объединение нескольких семей, а то и просто рядовых «улусных мужиков», встретившихся на пути землепроходцам, попавших в плен либо прибывших к русским в составе переговорщиков. Зачастую шертованием охватывали как можно больший круг лиц, имевших властные полномочия (наряду с главами разноформатных этнотерриториальных объединений к шерти приводили и подвластных им разностатусных «лучших людей»), а также и обычных «улусников». Однако в любом случае при приведении или возвращении в подданство русские, за редким исключением, не пытались охватить шертованием персонально каждого иноземца, входившего в то или иное объединение, ограничиваясь тем, что требовали от шертовавших принесения шерти не только за себя, но и, как правило, за всех подчиненных ему людей (такой тип шертования можно определить как шертование-поручительство).

Контингент шертовавших и тех, за кого они поручались, в шертовальных записях, отчетах воевод, прочих администраторов и командиров землепроходческих отрядов мог фиксироваться по-разному³⁸³.

В одних случаях шерть обозначалась как сугубо персональная и индивидуальная:

«...и мы (воеводы. — *Авт.*) <...> Номчю и Кочебая отпустили с твоими государевыми служивыми людьми в киргизы, приветчи их к шерте, что им тебе, государю, служить и прямить и быть под твоею царскою рукою неотступно» (1609 г.)³⁸⁴;

³⁸² РГАДА. Ф. 1177. Оп. 1. Стб. 48. Л. 40.

³⁸³ На сегодняшний день имеется лишь одно исследование, в котором на примере русско-телеутских отношений детально прописан круг лиц, дававших шерть: *Уманский А. П.* Телеуты и русские... С. 11–24, 34–169.

³⁸⁴ РМО. 1607–1636. С. 31.

«и Зенгул тайша государю царю и великому князю Михаилу Федоровичю всяя Русии шерть дал» (1622/23 г.)³⁸⁵;

«да яз ж, холоп твой, тебе государю служил, [взял] ясаку с князца с Селдяя <...> взял ясак, к шерти привел» (1629/30 г.)³⁸⁶;

«пришел в Кузнецкой острог телеской князец Айдарко Мандрачков сын, да с ним телеских лутчих людей три человека, и передо мною, холопом твоим, тот Айдарко с товарищи тебе, государю <...> шертовали» (1647 г.)³⁸⁷;

«и против шертоприводной записи киргизские князцы Ереначко, и Мунзачко, и Ебалачко, и Емандарачко Абаком, алтырской Таин-Иркачка Тархан Ейзан, тубинской Сурло Талай Аном, езерской Талбак Табунов, исарской Мергентайша шертовали» (1680 г.)³⁸⁸;

«и он, Табун <...> собрався з братьями и з детьми, со всеми своими лутчими улусными людьми <...> при томском сыне боярском Семене Лаврове с товарищи шертовали» (1687/88 г.)³⁸⁹.

В сентябре 1641 г. — феврале 1642 г., согласно шертоприводной (шертовальной) книге («тетрати»), индивидуально шертовали 20 якутских князцов, 22 их сына и брата, 10 улусных мужиков и один шаман, всего 53 человека, представлявшие 12 волостей (Катылинскую, Батулинскую, Борогонскую, Нерюптейскую, Тагускую, Намскую,

³⁸⁵ РИБ. Т. 2. Стб. 450.

³⁸⁶ РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 53. Л. 802.

³⁸⁷ Там же. Стб. 241. Л. 232.

³⁸⁸ *Бутанаев В. Я.* История вхождения Хакасии... С. 205. См. также шертование киргизских князцов в 1683 г. (Там же. С. 211).

³⁸⁹ РГАДА. Ф. 199. Оп. 2. № 478. Ч. 3. Д. 12. Л. 1–2. Позже, в статейном списке Н. Прокофьева, ведшего переговоры с Табуном Кокиным в декабре 1695 г. — январе 1696 г., уже отмечалось, что шертовали не только «лутчие», но вообще все «улусные мужики»: «В прошлых годах он, Табун, при томском сыне боярском при Семене Лаврове с товарищи в своей земле з детьми своими и з братьи и с племянники и со всеми своими улусными людьми великим государем шерть свою дали» (Там же. Д. 32. Л. 1).

Одейскую, Бетунскую, Бордонскую, Кангаласскую, Мегинскую и Атамайскую)³⁹⁰.

Но такая индивидуальная шерть, как правило, подразумевала, что шертовавшие брали на себя обязательства, прежде всего в уплате ясака, за подвластных им людей, круг которых, однако, обозначался весьма неопределенно:

«Сказали Первуша Бобр с товарищи, что оне, государь, матцких людей — князька Четея да Олгана, да Тумея и ево людей — привели под твою царскую высокую руку и тебе, государю царю и великому князю Василью Ивановичю всея Руси, князьки их лутчие люди шертовали на том, что им быть под твоею царскою высокою рукою неотступным и тебе, государю <...> служитьи и прямити и ясак сполна платить» (1608 г.)³⁹¹;

«и вы после того погрому, ты Булуй, да Чекору, да Олгоев брат Даичин, да Болгадайского роду мужик Торым с братом своим Наераем государю прямую шерть дали на том, что было всем вам брацким людем быть под его государевою царскою высокою рукою в прямом холопстве» (1643/44 г.)³⁹²;

«и иных улусов икирежи и бунгудайские князцы Торым и Наярай приезжали в острог и шерть на том дали, что им быть братцким людем <...> в прямом холопстве навеки» (1645 г.)³⁹³;

³⁹⁰ РГАДА. Ф. 1177. Оп. 4. Д. 51. Л. 1–7. В. Н. Иванов ошибочно датировал шертование 1642/43 годом, а также указал общую численность князцов в 21 человек (*Иванов В. Н. Социально-экономические отношения у якутов. XVII век. Якутск, 1966. С. 349; Он же. Вхождение Северо-Востока Азии... С. 95; Он же. Принятие российского подданства народами Якутии... С. 5*). Заметим, что в ясачной книге П. Ходырева за 1639/40 г. в центральной Якутии указано 34 волости с 561 ясачноплательщиком (*Долгих Б. О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. М., 1960. С. 355*).

³⁹¹ РМО. 1607–1636. С. 30.

³⁹² ДАИ. Т. 3. С. 32; КПМГЯ. С. 230.

³⁹³ КПМГЯ. С. 225; СДИБ. С. 49.

«приехал де я, Ереначко, шертовать <...> с алтырскими, и с тубинскими, и с исарскими, и с езерскими князцы и во всех место улусных людей» (1680 г.)³⁹⁴.

В других случаях предводители давали шерть и за себя, и за подвластных себе людей, причем круг последних четко оговаривался:

«И на Таре Кугонай тайши нам, великому государю, шертовал за всех своих товарищев за сорок за девять тайшев и их улусов за колмацких людей опричь Урлюка тайши да Курсугана тайши» (1607 г.)³⁹⁵;

«а Урлюк и Корсуган тайши нам доби́ли челом после тех тайшей и шертовали сами и за улусных людей» (1608/09 г.)³⁹⁶;

«и на Лене де он в той посылке был полпята года и якуцких князцей он под государеву царскую высокую руку привел якольского князца Откурая з детьми и с улусными людьми, да князца Накара Барука и с улусными ж людьми, да третьева князца Чандея, и ясаку с них на государя взял три сорока тритцать один соболь и к шерти их привел» (1635/36 г.)³⁹⁷;

«и князец Коршун Бурлаев <...> сказал, что де он по своей вере государю шертовал, что ему под государевою царскою высокою рукою с своими улусными людьми быть в холопстве вовеки неотступно» (1641 г.)³⁹⁸;

«приходили в Кузнецкой острог Мундуские и Кезегецкие волостей лутчие люди Тетик, да Индебеку, да Кошой, да Кенжей, да Шолда для шертованья и впредь для прямого утверженья, и <...> в съезжей избе те мундуские и ке[зе]гецкие лутчие люди Тетик да Инд[дебеку] с товарищи пять человек шерто[вали] на том, что им впредь жить под твоею государево[ю] [царь]скою высокою рукою навеки неот-

³⁹⁴ Бутанаев В. Я. История вхождения Хакасии... С. 204–205.

³⁹⁵ РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 11. Л. 102.

³⁹⁶ РМО. 1607–1636. С. 38, 40.

³⁹⁷ РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 53. Л. 778.

³⁹⁸ КПМГЯ. С. 9; СДИБ. С. 37. См. также: РГАДА. Ф. 1177. Оп. 3. Стб. 152. Л. 104–105.

ступ[но] и твой государев ясак с себя и с своих улусных [лю] дей платить по вся годы сполна» (1643 г.)³⁹⁹;

«яз, имя рек, шертую по своей вере и за весь свой род <...> на том: быти мне и всему моему роду под ево государевою царскою высокою рукою в вечном прямом ясачном холопстве навеки неотступным без измены» (1650/1651 г.)⁴⁰⁰;

«по выслушании сих статей сайты и шуленги за детей своих, и за всех улусных людей дали шерть такову» (1689 г.)⁴⁰¹;

«быти им, тайшам Ирки Кантазию, Ердени Батуру, Серензаб Бантухаю, Чин Ердени, Доржи, Ирки Ахаю, Элден Ахаю, в вечном подданстве и со всеми заисаны и улусными их людьми» (1689 г.)⁴⁰².

Такую шерть-поручительство могли дать и представители предводителя:

«Яз, Сулумкичи, яз, Ерденок Кисандин, яз, Оттархан-бакши, яз, Олдягай, яз, Карчагай, яз, Кенчи-бакши, яз, Буляна, по приказу Алтына-царя даем шерть <...> за нево, за Алтына-царя, и ево алтыновы орды за всех людей» (1632 г.)⁴⁰³;

«за него, князца Абака, и за всех ево улусных людей в Томском городе ево улусные люди Мамыр да Ирга тебе, великому государю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Руси, шертовали» (1634 г.)⁴⁰⁴;

«и те, государь, князца Когтобеувы послы Изенбей с товарыщи тебе, великому государю, в Томском <...> шертовали на том, что князцу их Когтобею и всем улусным людям орчеком быть под твоею государевою царскою высокою рукою в прямом холопстве навеки неотступным и тебе, вели-

³⁹⁹ РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 241. Л. 213–214.

⁴⁰⁰ РГАДА. Ф. 1177. Оп. 3. Стб. 975. Л. 7.

⁴⁰¹ РГАДА. Ф. 126. Оп. 2. Д. 11. Л. 5–5 об.

⁴⁰² Там же. Д. 10. Л. 2–2 об.

⁴⁰³ РМО. 1607–1636. С. 182.

⁴⁰⁴ РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 49. Л. 236.

кому государю служить и прямить и во всем всякого добра хотеть» (1635 г.)⁴⁰⁵;

«да на том на всем Бачиков посланник Биличик <...> в съезжей избе за Бачика и за себя и за улусных своих колмаков и шертовал» (1645 г.)⁴⁰⁶.

Распространенными были и ситуации, когда в шерти фигурировали не только подвластные люди и объединения, но и ближайшие родственники предводителя, причем последние могли называться поименно:

«И табуны Дурал Саянов да Биюнта Цынцанов по записи говорили за Алтына-царя и за братью ево за Ирки нояна, за Даян нояна, за Илден нояна и за дети алтыновы и за внучата и за всю алтынову орду на всем на том, как в шертовальной записи написано» (1634 г.)⁴⁰⁷;

«аз, Алтын-царь, за себя и за братью свою и за детей и за внучет, и за весь род свой и за племя и за всю свою орду даю шерть» (1636 г.)⁴⁰⁸;

«быти мне, Булюю, и брату моему Буре и иным нашим братьям и племянником и всем улусным моим людем под ево государевою царьскою высокою рукою в вечном холопстве без измены навеки неотступным» (1645/46 г.)⁴⁰⁹;

«а его де, князца Оиланка, и сына его Изеня, и улусных людей пять человек, и во всех их брацких улусных и в ясачных людей месте, привел он, Петр, за тебя, государя царя великого князя Алексея Михайловича всеа Руси, к шерти» (1647 г.)⁴¹⁰;

«И Лоджан Алтын-царь при мне, Степане, и при подьячем Андрюшке Поспелове с товарищи великому государю

⁴⁰⁵ Там же. Л. 238, 239.

⁴⁰⁶ АИ. Т. 4. С. 49.

⁴⁰⁷ РГАДА. Ф. 126. Оп. 2. Д. 3. 1634 г. Л. 2.

⁴⁰⁸ РМО. 1636–1654. С. 408.

⁴⁰⁹ КПМГЯ. С. 11. См. также: Там же. С. 230–231; ДАИ. Т. 3. С. 33.

⁴¹⁰ ДАИ. Т. 3. С. 106.

царю <...> шертовал з детьми своими с-Ырденъ-тайчею да з Байн Чюром и с лутчими своими яйзаны <...> и за всех своих улусных людей» (1679 г.)⁴¹¹.

В отношениях с южно-сибирскими кочевниками, у которых (в отличие от большинства сибирских народов) существовала традиция наследования власти ближайшими родственниками, перечисление последних в шертовальных записях представлялось русским администраторам весьма актуальным, поскольку давало основание для преемственности шертных обязательств, придавало им «непрерывный» и «вечный» характер⁴¹²:

«Велели ему, князю Коке, говорить: отец ево князец Абак тебе, государю, служил и прямил и был под твоею государевою царскою высокую рукою неотступен со всем своим улусом, а он бы, князец Кока, помня службу отца своего к тебе, великому государю, тебе, государю, служил и прямил <...> и дал бы тебе, великому государю, шерть свою за себя и за весь свой улус, что ему тебе, государю, служить и прямить и быть в холопстве неотступну как и отец ево князец Абак тебе, государю, служил» (1635 г.)⁴¹³;

«аз, имярек <...> даю же шерть свою на детей своих, и на внучаты своя, и на правнучат своя, и на всех сродственников своих» (1682 г.)⁴¹⁴;

«шертовал я, Корчин Ереняков, при томском сыне боярском при Алексее Круглике с товарищи против шерти отца своего Ереняка, как шертовал отец мой, что мне, Корчину Еренякову, с товарищи своими, з братья, и з дяди, и с племянники, и со

⁴¹¹ РМО. 1654–1685. С. 338.

⁴¹² Такой подход был, видимо, в целом характерен для взаимоотношений русской власти и кочевников. См.: Цюрюмов А. В. Начальный этап вхождения калмыков в состав Русского государства // Восточноведные исследования в Калмыкии. Элиста, 2007. Вып. 2. С. 29–30; Трепавлов В. В. История Ногайской орды. С. 641.

⁴¹³ РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 49. Л. 181.

⁴¹⁴ СПбФ АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 19. Л. 172.

всеми своими улусными людьми великим государем служить и прямити и во всем всякого добра хотети» (1689/90 г.)⁴¹⁵.

И русская сторона, бывало, настаивала на перечислении в шертовальных записях близких родичей предводителя:

«...да они ж бы (киргизские князцы — *Авт.*) дали шерть свою на детей своих, на внучат и на правнучат своих, на всех родственников» (1701 г.)⁴¹⁶.

Случалось, что русские администраторы в своих отчетах сообщали о том, что шертовавшие дали шерть за весь тот или иной народ. Это, конечно, не соответствовало действительности, особенно когда речь шла о шертовании «лучших людей» и рядовых «мужиков»:

«...и тех, государь, керсагальских людей лутчие три человека да улусных лутчих людей дватцать один человек <...> в съезжей избе шертовали, что им, керсагальским людем, впредь жить под твоею государевою царскою в[ы]сокою рукою навеки неотступным и твой государев ясак платить по вся годы сполна» (1643 г.)⁴¹⁷;

«приходили в Кузнецкой острог телеские люди два человека, Ургутай да Кошра. И те, государь, телеские люди, Ургутай да Кошра, тебе, государю <...> шертовали за всех телеских людей, чтоб им, телеским людем, тебе, государю, служить и прямить и добра хотеть во всем, и тебе государю ясак платить по вся годы» (1647 г.)⁴¹⁸;

«и оне, князцы, тебе, государю, шертовали по своей вере <...> Шертованье сих даурских князцей было на том, чтоб им, даурским князцам, со всей Даурскою землею [быть] под государскою высокую рукою в вечном ясачном холопстве навеки неотступным» (1653 г.)⁴¹⁹.

⁴¹⁵ РГАДА. Ф. 199. Оп. 2. № 478. Ч. 3. Д. 14. Л. 2; *Бутанаев В.Я.* История вхождения Хакасии... С. 228.

⁴¹⁶ ПСИ. Кн. 1. С. 179.

⁴¹⁷ РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 241. Л. 197–198.

⁴¹⁸ Там же. Л. 232; АИ. Т. 4. С. 58.

⁴¹⁹ *Полевой Б.П.* Изветная челобитная С.В. Полякова 1653 г. ... С. 35.

В документах встречаются также примеры обезличенного шертования с невнятно определенным контингентом шертовавших:

«...и великому государю по своей бусурманской вере шертовали, что им всем под государскую высокую руку в прямом холопстве быть» (1627 г.)⁴²⁰;

«многие якуцкие люди учинились под государевою царскою высокою рукою навеки неотступны и к шерти князцов и лутчих людей на том, что им быти под государевою царскою высокою рукою привели» (1632 г.)⁴²¹;

«киргизские люди шертовали, чтобы быть под твоею государевою царскою высокую руку со всеми улусными людьми» (1642 г.)⁴²²;

«и те брацкие люди в Нерчинском остроге приведены к шерте, что им служить великим государем вечно в ясачном холопстве» (1675 г.)⁴²³.

Наконец, изредка из Москвы шли предписания сибирским воеводам осуществить поголовное шертование:

«...и к шерти их, колмацких тайшей и всех колмацких улусных людей, велели привести на том, что они нам, великому государю, служили и прямили во всем вправду» (1607/08 г.)⁴²⁴.

В отчетах также можно встретить указание на то, что к шерти приводились персонально не только предводители и «лучшие люди», но и, возможно, все или многие подвластные им «улусники»:

«Оне (служилые люди. — *Авт.*) в Десарах были и князька Немецу и ево людей под твою царскую высокую руку привели, и тебе, государю царю и великому князю Василью Ивановичу всеа Руси, на том оне шертовали» (1608/09 г.)⁴²⁵;

⁴²⁰ Под всеми подразумевались «киргизские князцы, Ишей со всеми своими товарищи с князцами» и «все киргизские люди» (*Бутанаев В. Я. История вхождения Хакасии... С. 154, 155*).

⁴²¹ СДИБ. С. 180.

⁴²² *Бутанаев В. Я. История вхождения Хакасии... С. 161.*

⁴²³ АИ. Т. 4. С. 540.

⁴²⁴ РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 11. Л. 102об.

⁴²⁵ *Миллер Г. Ф. История Сибири. Т. 1. С. 413.*

«и лутчих вагульских сотников, Кумыча Бантерека, Богдашка Орлика, в город привел, и их сотен вагулич во многих юртех, по их вере, к шерти привел» (1611/12 г.)⁴²⁶;

«и тунгуские и аплинские дальние князцы во всеми своими людьми шертовали; <...> и привели под государеву царскую высокую руку и к шерти Варгаганские земли князцей Конделя да князца Ялтегу и со всеми их людьми; <...> привели под государеву высокую руку аплинских дву князцей Пауню да Корока, да Шаманскую землю князца Трежу да князца Макаулю да князца Елданю с товарищи» (1623–1624 гг.)⁴²⁷;

«я, холоп твой, тех братцких князцей Чедока и Дарбая с их улусными людьми, кои князцы от тебя государя отложились, во 159 г. под твою царскую высокую руку привел в вечное холопство и ясак с них <...> взял полной <...> и тех братцких князцей Чедока и Дарбая с их улусными людьми к шерте привел и в вечное холопство тебе, праведному государю, их, братцких людей, учинил» (1651/52 г.)⁴²⁸;

«будучи в Томском, он, Ирка, з детьми своими и з братьи и с племянники и со всеми своими улусными людьми великим государем шерть свою дали» (ранее 1694 г.)⁴²⁹;

«и на том они, киргиские князцы, со всеми своими улусными татары великому государю нашему по своему бусурманскому обыклову закону во всем шертовали» (1701 г.)⁴³⁰.

Одна из возможных технологий такого поголовного персонального шертования прослеживается на примере принятия в поддан-

⁴²⁶ АИ. Т. 3. С. 1.

⁴²⁷ РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 12. Л. 352–353.

⁴²⁸ СДИБ. С. 198.

⁴²⁹ РГАДА. Ф. 199. Оп. 2. № 478. Ч. 3. Д. 29. Л. 1. Речь идет о телеутском князце Ирки, который «выехал» на русскую службу со своими улусными людьми, а затем «шерть свою нарушил великим государем изменил, отъехал в Телеуцкую землю со всеми своими улусными людьми» (Там же. Л. 2).

⁴³⁰ ПСИ. Кн. 1. С. 111.

ство князца эуштинских татар Тояна. Сначала, в 1604 г., видимо, в Сургутском остроге к шерти привели самого Тояна: «на том, что ему со всеми своими улусными люд[ь]ми под нашею царскою высокою рукою неотступным» быть⁴³¹. Затем, спустя уже несколько лет после шертования Тояна и строительства Томского острога, удостоверившись, надо полагать, в лояльности и дружелюбии эуштинских татар, томские воеводы В. Волынский и М. Новосильцев в 1611 г. отправили трех служилых людей провести персональное шертование всех татар, проживавших в окрестных городках. Сделать это они должны были следующим образом:

«Пришетчи им в князь Тоянов городок, и велети князю Тояну собрать в своем городке всех томских татар, которые живут в его городке, в одно место. И как сойдутца в Тоянове городке в одно место все томские татарове, которые живут в ево городке, и Ивану Павлову с товарищи в Тоянове городке всех татар пересмотреть с лица на лицо и, пересмотря татар, и вычесть боярская грамота, что писана к татарам, и с той грамоты, дан Ивану Павлову с товарищи список, и шертованная запись, по чему их приводить к шерти. И вычетчи им грамота и шертовальная запись, и привести в Тоянове городке к шерти всех томских татар, которые живут в ево городке, а самово князя Таяна с товарищи, которые с ним были в Тоянове городке татаровя, к шерти не приводите и шертовать им не велеть, потому что оне шертовали в Томском городе⁴³². И приветчи в Тоянове городке всех татар к шерти, и идти Ивану Павлову с товарищи в Евагин городок и, пришетчи в Евагин городок, и велети Еваге собрать в своем городке всех томских татар, которые живут в ево городке. Да Ивану ж Павлову с товарищи послать из Евагина городка тотарина на томское устье, в Ашкенеев городок, и на Обь

⁴³¹ Из истории земли Томской. 1604–1917. Томск, 1978. Вып. 1. С. 22. См. также: РИБ. Т. 2. Стб. 159–160; *Миллер Г. Ф.* История Сибири. Т. 2. С. 403.

⁴³² Уточним, что здесь речь идет шертовании в Томске «товарищей» Тояна. Сам же Тоян, как говорилось выше, скорее всего, шертовал в Сургуте.

к Кривой луке и велеть из Ашкенеева городка томским татарам и с Оби от Кривой луки быть к шерти в Евагин же городок. И как сойдутца с томскова устья из Ашкенеева городка и с Оби от Кривой луки все томские татаровя в Евагин городок, и Ивану Павлову с товарищи делать по тому ж, как в Тоянове городке, пересмотрить всех томских татар, Ашкенеевых и Обских и Евагиных, которые будут в Евагине городке, с лица на лицо и, пересмотря в Евагине городке всех томских татар, которые будут в ево городке, и вычсть боярская грамота, что писана к татаром, и шертованная запись, и привести к шерти всех томских татар, Ашкенеевых, Обских от Кривой луки, которые будут в Евагине городке, а самово Евагу и Ашкенея с товарищи, которые с ним были с том городке татаровя, к шерти не приводити и шертовать им не велеть, потому что они шертовали в Томском городе»⁴³³.

Однако вопрос о том, насколько полно охватывали шертованием «улусных людей», остается открытым. Те, кто проводил шертование, в своих отчетах могли преувеличить результаты или не придать особого значения адекватной фиксации фактов. Так, к примеру, в статейном списке Р. Торгошина 1701 г., ведшего переговоры с джунгарами и киргизами, сообщается, что по итогам переговоров «они, киргиские князцы, все шертовали со всеми своими улусными людьми, кроме Корчюна; а Корчюн не был за болезнью; а Корчюновы улусные люди шертовали все. А калмыцкой Аба зайсан вместо Корчюна шерть пил сам»⁴³⁴. Однако в том же списке, описывая ход переговоров, Торгошин указал, что в них со стороны киргизов помимо князцов и тайшей, участвовали только «многие знатные улусные люди»⁴³⁵, которые, соответственно, и шертовали.

По мере утверждения реального подчинения иноземцев (выражавшегося прежде всего в стабильной уплате ясака) и закрепления

⁴³³ Миллер Г. Ф. История Сибири. Т. 2. С. 257–258.

⁴³⁴ ПСИ. Кн. 1. С. 183.

⁴³⁵ Там же. С. 182.

своих позиций на определенных территориях русская власть переходила от выборочного к поголовному шертованию, причем не только взрослых мужчин, внесенных в ясачные книги, но и их малолетних детей и иных близких родственников мужского пола, не являвшихся ясачноплательщиками. Сохранившиеся правительственные распоряжения (указы и грамоты), шертовальные записи и шертоприводные книги позволяют вполне уверенно утверждать, что такой переход осуществлялся во время шертования на верность новому монарху, но проходил он постепенно: контингент шертовавших расширялся от одного воцарения к другому.

В начале XVII в., когда за образец шертовальной записи была взята крестоцеловальная, власти, видимо, намеревались сразу ввести поголовное шертование по аналогии с крестоцелованием православного населения, из числа которого к присяге на верность новому царю приводились все взрослые, лично свободные мужчины. О таком намерении свидетельствуют образцы шертовальных записей 1605 г. (воцарение Ф. Годунова) и 1606 г. (воцарение В. Шуйского), которые имеют индивидуальный характер: каждый приводимый к присяге должен был шертовать за себя лично: «Яз, имя рек, даю шерть»⁴³⁶, «даю шерть»⁴³⁷. Об этом же отчасти говорят грамота царя Дмитрия Ивановича верхотурскому воеводе 1605 г., требовавшая прислать в Москву именные «книги» «татар и всяких иноземцев», приведенных к шерти⁴³⁸, а также отписка тобольского воеводы кетскому воеводе 1606 г., содержащая указание о присылке «имянного списка» шертовавших в Тобольск⁴³⁹. Но это практика в первые десятилетия XVII в. не прижилась⁴⁴⁰, так как лояльность недавно подчи-

⁴³⁶ РГАДА. Ф. 199. Оп. 1. № 133. Ч. 1. Д. 5. Л. 19.

⁴³⁷ Там же. Д. 19. Л. 57; СГГД, Ч. 2. С. 306.

⁴³⁸ РГАДА. Ф. 199. Оп. 1. № 133. Ч. 1. Д. 7. Л. 24 об.

⁴³⁹ Акты времени правления... С. 66

⁴⁴⁰ Заметим, что шертовальных записей, созданных для присяги воцарившемуся в 1613 г. Михаилу Федоровичу, пока не обнаружено. Хотя к шерти ему, конечно, приводили (См.: РГАДА. Ф. 199. Оп. 1. № 133. Ч. 3. Д. 177. Л. 3 об., 4 об., 9, 9 об.).

ненных сибирских народов, будучи еще весьма нестабильной, часто сменялась их «изменами» и попытками восстаний.

На то, что поголовное шертование внедрялось с трудом, указывает и следующий факт: в процессе шертования на верность воцарившемуся Алексею Михайловичу, его родственникам и возможным наследникам власти сочетали разные варианты.

В ряде сибирских уездов (Туринском, Тюменском, Тарском, Сургутском, Березовском) составленные для иноземцев шертовальные записи (1645 г.) носили исключительно персональный и индивидуальный характер: «Яз, имя рек, шертую / даю шерть»⁴⁴¹. Такая же формулировка («яз, имя рек, даю шерть») присутствует в «магометанской» записи 1648 г.⁴⁴² Этот вариант предполагал, что шертовавший брал обязательства только на себя лично.

В Нарымском уезде шертовальная запись предлагала иноземцам шертование-поручительство: «Яз, имя рек, шертую за себя и за свою волость за всю, за ясашных и захребетных остяков» (1645 г.)⁴⁴³. Аналогичный характер имела запись, предназначенная якутам: «Яз, имя рек, шертую по своей вере и за весь свой род» (1646 г.)⁴⁴⁴, а также запись «юкагирей и иных всяких иноземцов», подведомственных Среднеколымскому острогу: «Яз, имя рек, шертую по своей вере и за весь свой род» (1650/51 г.)⁴⁴⁵. Такой же вариант шертования предлагала и царская грамота 1645 г. о приведении к присяге Алексею Михайловичу жителей Енисейского уезда: «...и ясачных людей киргизцев и остяков для шерти из волостей лутчих людей велели переписать на списки»⁴⁴⁶; эти «лутчие люди» явно должны были шертовать за свои волости. Тунгусы, проживавшие вблизи Якутска, хотя

⁴⁴¹ РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 232. Л. 116–119, 130–133, 204–207, 231–238 об., 256–257.

⁴⁴² Там же. Ф. 199. Оп. 1. № 133. Ч. 3. Д. 225. Л. 117–118; СГГД. Ч. 3. С. 440–442.

⁴⁴³ РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 232. Л. 191–194.

⁴⁴⁴ Материалы по истории Якутии XVII века... Ч. 3. С. 967–969.

⁴⁴⁵ РГАДА. Ф. 1177. Оп. 3. Стб. 975. Л. 7–8.

⁴⁴⁶ СПбФ АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 22. Л. 154 об.

и шертовали только за себя лично, но брали обязательства за всех своих сородичей: «Яз, имрек, шертую <...> ясак ему, государю, с себя и з своих детей и братьи и племянников и с улусных людей и с подростков и з захребетников по вся годы платить полной», «за государя своего со всем своим родом стоят за один человек на ево, государевых, службах» (1646 г.)⁴⁴⁷.

В Верхотурском и Пелымском уездах записи (1645 г.) имели коллективный характер и, соответственно, содержали указание на коллективные обязательства: «Яз, Верхотурского уезду ясачные вагуличи, имя рек, даем шерть»⁴⁴⁸, «Пелымсково уезда десеть волостей ясачные люди <...> шертуем шерть»⁴⁴⁹.

Из названных выше шертовальных записей, а также отчетов воевод о проведенном шертовании и известных нам шертоприводных книг 1646 г. (Томского уезда — чатских и томских татар, остяков и бухарцев, Нарымского уезда — остяков) следует, что круг тех, кто шертовал в 1645 — начале 1650-х гг., у разных этнотерриториальных групп был разным. У пелымских вогулов, сургутских, томских и енисейских остяков, тобольских, тюменских, чатских и томских татар, тобольских и томских бухарцов к шерти приводили не только князцов, «лучших мужиков» (в том числе сотников, мурз, есаулов), но и всех ясачных (с их взрослыми братьями, детьми, племянниками), служилых иноземцев и даже захребетников⁴⁵⁰, у туринских вогулов и татар, нарымских остяков — от волостей только князцов и «лучших людей» (в том числе сотников и есаулов)⁴⁵¹, у енисейских киргизов — также князцов и «лучших улусных людей»⁴⁵², у ленских тунгусов и среднеколымских юкагиров и прочих иноземцев — ро-

⁴⁴⁷ РГАДА. Ф. 1177. Оп. 3. Стб. 645. Л. 21–22.

⁴⁴⁸ Там же. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 232. Л. 106–110.

⁴⁴⁹ Там же. Л. 175–178.

⁴⁵⁰ Там же. Л. 114, 164–165, 175, 249; Оп. 1. Кн. 204. Л. 1, 1а об., 40 об.–51, 64 об.–68; СПбФ АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 22. Л. 153–156 об.; *Бояришинова З. Я.* Население Томского уезда... С. 74, 107.

⁴⁵¹ РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 204. Л. 64–64 об.; Оп. 3. Стб. 232. Л. 122.

⁴⁵² *Бутанаев В. Я.* История вхождения Хакасии... С. 169.

дона начальников (надо полагать, князцов)⁴⁵³, у якутов — от волостей князцов, «лутчих мужиков» и рядовых ясачных людей⁴⁵⁴.

От следующего шертования — на верность воцарившемуся Федору Алексеевичу — до нас дошло несколько сохранившихся именных шертоприводных книг за 1676 г., которые охватывают ряд волостей и улусов Томского, Кетского, Красноярского и Кузнецкого уездов. Их сравнение с данными о численности ясачноплательщиков по тем же волостям и улусам в 1670–1680-е гг., приводимыми Б. О. Долгих, показывает, что число внесенных в шертоприводные книги примерно соответствовало числу ясачных людей.

Сопоставление именных списков шертоприводных книг Кузнецкого уезда (данные по 18 из 60 волостей и улусов уезда)⁴⁵⁵ с данными о числе плательщиков ясака⁴⁵⁶ дает следующую картину: в Тогульской волости шертовали 25 человек (в 1671 г. там насчитывалось 25 ясачных людей, в 1681 г. — 27), Азкыштымской — 37 (соответственно, 30 и 40), Тагапской — 20 (23 и 36), Бакчетаевой улуса Чеучин — 32 (36 и 38), Итиберской — 67 (40 и 39), Сарачарской — 16 (31 и 19), Елеской (Елейской) — 54 (51 и 35), Карганской (Каргинской) — 11 (14 и 14), Кумандинской — 80 (61 и 67), Комлянской (Комнашской) — 21 (27 и 28), Щелкальской (Щелканской) — 25 (27 и 25), Тергешской — 13 (21 и 30), Шанжильской (Шанжинской) — 2 (5 и 4), Кесегетской (Керзегетской) — 4 (3 и ?), Мундуской — 6 (22 и ?), Барсаяковом улусе — 28 (35 и 32), в Базараковом и Сазымо-вом улусах — 60 (80 и 64). В то же время в Сагайской волости к шерти привели 62 человека, в Мрасской — 206, Телесской — 38, тогда как численность ясачноплательщиков там точно не была отфиксирована. В отношении белых калмыков (телеутов) ситуация была обратной: шертовали всего 10 человек, а в ясачных книгах в 1671 и 1681 гг. значились соответственно 94 и 114 человек. Наконец, киргизские «князцы лутчия люди», всего 13 человек, «шертовали

⁴⁵³ РГАДА. Ф. 1177. Оп. 3. Стб. 645. Л. 21; Стб. 975. Л. 7.

⁴⁵⁴ Материалы по истории Якутии XVII века... С. 967.

⁴⁵⁵ РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 605. Л. 245–295 об.

⁴⁵⁶ Долгих Б. О. Родовой и племенной состав народов... С. 226, 231.

за всех своих улусных людей», численность которых осталась неизвестной. Точно так же 3 «лучших мужика» из Лепетской волости шертовали за «всю волость».

Схожая ситуация наблюдалась и в Томском уезде (данные по 17 из 30 волостей)⁴⁵⁷, но там в двух волостях — Мелеской и Туталовой — численность давших шерть (85 человек) существенно превышала число ясачноплательщиков (в 1672 г. — 29 и в 1681 г. — 33 человека), поэтому и общая численность шертовавших (186) оказалась значительно больше численности ясачноплательщиков по указанным 17 волостям (108 и 129⁴⁵⁸).

В Кетском уезде к шерти удалось привести всего 12 человек (из четырех волостей), так как прочие (поименно перечислено 72 человека) были «разосланы в подводы и по промыслам»⁴⁵⁹. Общая численность бывших и не бывших у шерти (84 человека) очень близка к числу ясачных плательщиков данного уезда (в 1670 г. — 93, в 1680 г. — 90 человек⁴⁶⁰).

В шертоприводной книге Красноярского уезда отмечены поименно 22 служилых татарина, 24 ясачных татарина Качинской подгородной земли и 101 человек из 8 улусов Качинской, Аринской и Тубинской земель, а также 16 иноземцев «разных земель»⁴⁶¹. В 1676 г. в указанных восьми улусах (Кубановом, Татаровом, Мунгатковом, Татушевом, Канбиревом, Тетюгином, Алышпаевом (Абытаевом) и Тубинском) насчитывалось 125 ясачноплательщиков.

⁴⁵⁷ РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 605. Л. 163–168. В томской шертоприводной книге именной список иноземцев озаглавлен следующим образом: «иноземцы ясачные люди, которые не были у шерти» (Там же. Л. 163). Но мы уверенно полагаем, что это явная описка писаря. Должно быть: «были у шерти». В противном случае следует признать, что томские власти вопреки предписаниям сверху просто проигнорировали приведение к присяге населения многих ясачных волостей, что представляется совершенно невероятным.

⁴⁵⁸ Долгих Б. О. Родовой и племенной состав народов... С. 96.

⁴⁵⁹ РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 605. Л. 172 об–175.

⁴⁶⁰ Долгих Б. О. Родовой и племенной состав народов... С. 92.

⁴⁶¹ РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 605. Л. 239–244.

Но в это же время в составе уезда насчитывалось 98 улусов и волостей с более чем тысячью человек ясачноплательщиков⁴⁶².

К сожалению, по названным четырем уездам (Томскому, Кетскому, Красноярскому и Кузнецкому) сохранились шертоприводные книги далеко не по всем ясачным волостям и улусам. Скорее всего, это связано с тем, что в 1676 г. просто не успели привести к шерти все ясачное население, обитавшее на значительной территории и в большом удалении от уездных центров, и их шертование осуществлялось в последующие годы, по причине чего именные шертоприводные книги за эти годы либо отложились в другом архивном деле, либо оказались утрачены. Тем не менее, приведенные данные позволяют говорить о том, что русская администрация уже настойчиво стремилась охватить шертованием всех иноземцев, внесенных в окладные ясачные книги, и исключение делала лишь для тех, кто продолжал вести себя достаточно независимо от русской власти, а порой и враждебно по отношению к ней. Другое дело, что, как говорилось выше, на практике собственно обряд шертования могли исполнять лишь главы иноземческих сообществ (юрт, родов, улусов и семей).

Шертоприводных книг за 1676 г. по другим сибирским уездам пока выявить не удалось. Но мы осмелимся утверждать, что отмеченная нами по четырем вышеназванным уездам тенденция к поголовному шертованию иноземцев была скорее всего типичной в отношении всех сибирских этнотерриториальных групп, когда-либо подчиненных русской власти. Эта же тенденция прослеживается и при шертовании на верность Иоанну и Петру Алексеевичам, посаженным на престол в 1682 г., о чем свидетельствует регламент шертования, применяемый в разных, относительно далеко расположенных друг от друга волостях и уездах.

Так, в 1682 г. стрелецкий сотник И. Путилов в соответствии с указной памятью, полученной от енисейского воеводы, должен был в Енисейском уезде «в тех острожках и чадобских волостях и по всем

⁴⁶² Долгих Б. О. Родовой и племенной состав народов... С. 226, 231, 235, 238, 243, 245, 249, 251, 253, 254, 258, 262, 266

посторонним рекам ясачных иноземцов тунгуских и асанских родов людей сыскать и, собрав их всех и детей, и братью, и племянников, и подростков, по шертоприводной записи привести их к шерти всех до одного человека»⁴⁶³. В составленной им шертоприводной книге по означенным территориям (входящим в Рыбенскую волость), значилось 443 имени взрослых мужчин и «подростков»⁴⁶⁴. Поголовное шертование провел в Сымской, Касавской, Натской, Пумпокольской, Потской, Тисавской, Вахгаганской волостях того же уезда и казачий пятидесятник А. Копренев: «Ясачные остяки великим государем по шертоприводной записе шертовали и по своей бусорманской вере они саблю целовали князцы и улусные люди и подростки»⁴⁶⁵. Всего к шерти им было приведено 76 ясачноплательщиков, а также 32 подростка (в возрасте от 8 до 20 лет и старше) и один старик, не платившие ясак⁴⁶⁶. По данным Б. О. Долгих, изучившего шертоприводные и ясачные книги Енисейского уезда, численность шертовавших ясачноплательщиков в указанных волостях примерно соответствовала численности взрослых мужчин, записанных в ясачные книги⁴⁶⁷.

В царской грамоте кузнецкому воеводе П. Дубровскому 1682 г. четко предписывалось: «в Кузнецком <...> привести <...> иноземцов по их вере к шерти <...> все до одного человека»⁴⁶⁸. Согласно отписке того же года тобольского воеводы А. Голицына иркутскому воеводе И. Власову поголовное шертование предполагалось и для ясачных людей, подведомственных Селенгинскому острогу⁴⁶⁹, не-

⁴⁶³ РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 817. Л. 88 об.

⁴⁶⁴ Там же. Л. 89 об.–103 об.

⁴⁶⁵ Там же. Л. 133.

⁴⁶⁶ Там же. Л. 134–137 об.

⁴⁶⁷ Долгих Б. О. Родовой и племенной состав народов Сибири... С. 190, 193, 194, 197, 199.

⁴⁶⁸ ДАИ. Т. 10. С. 136, 137.

⁴⁶⁹ РГАДА. Ф. 1121. Оп. 2. Д. 96. Л. 3–5. Заметим, что точно так же (всех до одного человека) во время присяги на верность новому монарху следовало приводить к крестному целованию и всяких чинов русских служилых, торговых, посадских, жилецких людей и крестьян, а также их братьев, детей и племянников.

смотря на то что они совсем недавно, в 1660-х гг., были приведены в подданство.

В 1682 г. в Тобольске служилых и захребетных татар, а также бухарцев приводили к шерти по именованным спискам⁴⁷⁰. В 1683 г. в Назымской и Кондинской волостях Тобольского уезда согласно наказу тобольского воеводы следовало к шерти привести «ясашных людей и их детей, и братью, и племянников, и захребетников»⁴⁷¹, что и было исполнено: «Тобольские сын боярской Полуехт Сысоев да приказные полаты подъячей Микитка Сумороцкой, приехав в Назымские и в Кондинские волости, ясашных людей и их детей и братью, и племянников, и захребетников, собрав всех до одного человека, а собрав против наказу учили им ясашным людям и их детям и братье, и племянником, и захребетником шерть»⁴⁷², составив по этому поводу шертоприводную книгу, в которой поименно было перечисленно 332 человека из Назымской и 262 — из Кондинской волостей, правда, без указания их социального статуса (князец, лучший человек, обычный ясачный «мужик») ⁴⁷³. Для сравнения: в ясачных окладных книгах 1679 г. по Назымской волости числилось 97, по Кондинской — 90 человек⁴⁷⁴. Получается, что шертованием было охвачено намного больше людей, чем значилось ясачноплательщиков. То же самое наблюдалось еще в 23 «административно-территориальных единицах» (городках, волостях, острожках и юртах) Тобольского уезда: там в шертоприводные книги 1683 г. были занесены имена и фамилии 1162 человек (ясачноплательщиков, их детей, братьев, племянников и захребетников)⁴⁷⁵, а также в одной волости (Темличеевой) Сургутского уезда — 103 человека аналогичных статусов⁴⁷⁶.

⁴⁷⁰ Тобольск. Материалы для истории города... С. 65.

⁴⁷¹ РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 293. Л. 1.

⁴⁷² Там же. Л. 4 об.

⁴⁷³ Там же. Л. 5–24 об.

⁴⁷⁴ Долгих Б. О. Родовой и племенной состав... С. 57.

⁴⁷⁵ РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 293. Л. 25–50.

⁴⁷⁶ Там же. Л. 50–52 об.

Имена не только ясачноплательщиков, но и тех, кто не был обложен ясаком, указаны также в шертоприводной книге ряда улусов, зимовьев и острогов Якутского уезда, составленной в 1683/84–1685/86 гг. сыном боярским Т. Богомоловым. Всего в ней значатся 506 иноземцев — якутов и юкагиров, причем обитавших в районах, весьма отдаленных от Якутска, — в «Жиганах», на Яне, Колыме, Индигирке, Алазее, Анадыре⁴⁷⁷.

Таким образом, на протяжении XVII в. явно прослеживается стремление русской власти установить прямые и личные обязательства в отношении «великого государя» каждого служилого и ясачного человека из числа сибирских иноземцев, и даже их малолетних ближайших родственников, а также захребетников. И, судя по сохранившимся шертоприводным книгам и другим делопроизводственным документам, это стремление воплощалось на практике. Однако весьма ограниченный (и территориально, и хронологически) круг источников не позволяет определить, насколько полным был охват иноземцев поголовным шертованием во время присяги новому монарху. Мы можем только предположить, что этот охват зависел от степени их доступности. Скорее всего, значительная часть тех, кто проживал вдали от русских административных центров, а тем более постоянно кочевал в степях, тайге или тундре, оставались не охваченными присягой. В лучшем случае их могли приводить к шерти во время сбора ясака, но прямых либо косвенных свидетельств этого пока не обнаружено.

И даже в районах, легко доступных русским администраторам и относительно давно находящихся под их контролем, ситуация с шертованием не вполне соответствовала чаянию русской власти. Все те же шертоприводные книги и отчеты воевод содержат информацию не только о шертовавших, но и о тех, кто не был у шерти. Так, к примеру, согласно отписке тобольского воеводы, в ноябре 1645 г. из числа проживавших в Тобольске шертовали 152 служилых татарина, 114 захребетных татарина и 25 бухарцев, не шертовали по разным причинам: 90 служилых, 111 захребетных татар, 23 бу-

⁴⁷⁷ Там же. Ф. 1177. Оп. 4. Д. 1388. Л. 1–6.

харца и 57 ясачных остяков⁴⁷⁸. В Нарыме в 1646 г. воевода привел к шерти 59 «нарымских ясашных князцей и ясаулов и из волостей лутчих ясашных людей», указав в своей отписке, что еще 9 человек остались не шертовавшими⁴⁷⁹. Информация о нешертовавших (либо точная, либо весьма приблизительная) содержится и в шертоприводных книгах Томского, Кетского, Красноярского и Кузнецкого уездов за 1676 г.⁴⁸⁰

Тот факт, что воеводы старательно поименно фиксировали иноземцев, не бывших у шерти, свидетельствует как о том, что власти реально стремились к поголовному шертованию (иначе зачем им было выяснять, кто конкретно не был приведен к шерти), так и о том, что были лица, не охваченные шертованием во время заранее спланированной официальной церемонии (и у нас нет свидетельств, говорящих о том, что их когда-либо все-таки привели к шерти).

Весьма неопределенным мог оставаться круг приводимых к присяге на верность новому монарху в тех районах, которые относительно недавно были «замирены». Так, в 1682 г. при шертовании тунгусов и «братцких людей», подведомственных Братскому и Балаганскому острогам, в шертоприводной книге были зафиксированы только главы улусов и родов, а численность ясачных людей вообще не указана, хотя отмечено, что шертовали все «улусные люди»: «Нохтокойко Бородин со всеми своими улусными людьми», «Еремекейко Ичикоев со всеми своими улусными людьми» и т. д.⁴⁸¹ Связано это могло быть как с нежеланием означенных глав оглашать поименно численность своих сородичей (и невозможностью это сделать теми, кто проводил шертование), так и с отсутствием именных ясачных книг, которыми могли бы оперировать служилые люди.

В начале XVIII в. жалованное / милостивое слово и шертование как особые элементы в практике взаимоотношений русской власти

⁴⁷⁸ Там же. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 232. л. 164–165.

⁴⁷⁹ Там же. Оп. 1. Кн. 204. Л. 64об.–69.

⁴⁸⁰ Там же. Кн. 605. Л. 163–295 об.

⁴⁸¹ Там же. Кн. 817. Л. 117 об. — 123а.

и сибирских иноземцев исчезают⁴⁸². На смену им в результате развернувшейся европеизации империи приходят иные словесные конструкции и иные практики⁴⁸³, изучение которых уже выходит за хронологические рамки нашего исследования.

«Договорной» характер шерти и «дипломатический» дарообмен

В историографии присутствуют мнения, содержащие явно ошибочные суждения о политико-правовом характере шертей-присяг и шертования сибирских народов. Так, М. М. Фёдоров полагал, что «шерт — важная форма юридического акта, который закреплял права и обязанности аборигенов»⁴⁸⁴. В. Н. Иванов утверждал, что «шерт можно приравнять к договору, фиксирующему определенные условия о взаимных обязанностях; а обряд шертования — к процедуре подписания этого договора», оговариваясь, правда, что в таком договоре «речь ни в коем случае не идет о паритетности прав и обязанностей»⁴⁸⁵. М. О. Акишин вообще пришел к парадоксальному выводу,

⁴⁸² См. наказы сибирским управителям и служилым людям первой четверти XVIII в. (ПСИ. Кн. 2. С. 27–32, 76–83, 85–87, 153–156, 350–364, 493–494, 515–527). Последнее милостивое слово в его полном формате мы встретили в «Наказных статьях» 1701 г. нерчинскому воеводе Ю. Бибикову (ПСЗ. Т. 4. С. 97).

⁴⁸³ На это, кажется, впервые обратил внимание М. Ходарковский (*Khodarkovsky M. Russia's Steppe Frontier... P. 55*).

⁴⁸⁴ Фёдоров М. М. Правовое положение народов Восточной Сибири... С. 24.

⁴⁸⁵ Иванов В. Н. Вхождение Северо-Востока Азии... С. 73; Он же. Принятие российского подданства народами Якутии... С. 5. Схожей трактовки шерти придерживается и В. А. Тураев (*Тураев В. А. «Инородческий вопрос» в политике Российского государства (XVII–XIX вв.) // Дальневосточный регион России. XVII–XIX вв. Владивосток, 2015. С. 45*). Заметим, что В. Н. Иванов в более ранней публикации указывал на то, что шертование предусматривало принятие сибирскими народами лишь определенных обязательств

что шертование сибирских народов «было результатом международных переговоров о принятии российского подданства», а «шертные записи — это неравноправные международные договоры, которые составлялись российской стороной и подтверждались более слабыми в политическом отношении правителями нехристианских народов», «что шертные договоры исходили из признания суверенности сторон, включали взаимные права и обязанности, основывались на принципе добросовестного выполнения международных обязательств»⁴⁸⁶. Схожей точки зрения придерживается и Р. Ю. Почекаев, который считает, что «шертные грамоты» не только в отношении тюрко-монгольских правителей (Крымского ханства, Ногайской орды, Калмыкской и Монгольской «землиц»), но и народов Сибири, поступавших в российское подданство, являлись договорами (хотя и неравноправными) и «имели статус актов международно-правового характера, т. е. между самостоятельными субъектами права, обладавшими свободой волеизъявления»⁴⁸⁷.

Все названные авторы либо в угоду собственных концепций либо просто по невнимательности упустили из виду следующие обстоятельства, делающее их выводы неверными.

Во-первых, шерти, на что выше уже обращалось внимание, с момента их появления в русской политико-правовой практике во второй половине XV в., претерпели к началу и в течение XVII в. существенные содержательные и формулярные изменения. Будучи изна-

(Иванов В. Н. Вхождение Якутии в состав Российского государства // Якутия и Россия: 360 лет совместной жизни. Якутск, 1994. С. 24).

⁴⁸⁶ Акишин М. О. Шертование народов Сибири... С. 240. См. также: Он же. Русское государство, международное право и присоединение Сибири... С. 431; Он же. Этнические общности Сибири в истории российского права: проблемы дефиниций // Юридическая техника. 2016. № 10. С. 61. Заметим, что, делая такие выводы, М. О. Акишин полностью игнорирует иные точки зрения, не соответствующие его «концепции».

⁴⁸⁷ Почекаев Р. Ю. Указ императрицы Анны и присяга хана Абулхаира 1731 г.: между старинными традициями и новым имперским законодательством // Отан тарихы Ғылыми журнал (Отечественная история. Научный журнал). Алматы. 2014. № 3. С. 6.

чально актами внешнеполитических отношений, процедуры шертования где быстрее, где медленнее превращались в акты внутрисударственных отношений⁴⁸⁸. Признать же шертование сибирских народов, используя формально-юридический подход, «результатом международных переговоров» можно лишь с весьма существенной оговоркой: переговоры русских землепроходцев и местных администраторов с неясачными или «впавшими в измену» иноземцами сводились по сути к требованию полного и реального подчинения и подданства в обмен на абстрактное обещание защиты. И это требование подкреплялось угрозой применения насилия или же, чаще всего, принуждением с помощью вооруженной силы. Соответственно, эти «международные переговоры» шли о полной и безусловной капитуляции иноземцев, а шертование являлось актом капитуляции — сдачей на милость победителю. Недоумение вызывает и сформулированный М. О. Акишиным «принцип добросовестного выполнения международных обязательств» Русским государством и сибирскими народами. Наличие в реальности такого «принципа» означало бы сохранение сибирскими народами вполне заметной политической самостоятельности, наличие у них, пусть даже эфемерного, статуса самостоятельных политических субъектов, существующих хотя бы формально отдельно от Русского государства. Но ведь такого не было: народы Сибири включались в состав российского социума, становясь прямыми подданными русского монарха, и как таковые они выполняли обязанности подданных, но не «международные обязательства»⁴⁸⁹. Как заметил М. Ходарковский, «с точки зрения Москвы, о каком бы то ни было равенстве между сакральным монархом и безгосударственными, не имевшими суверенитета народами, речи быть не могло»⁴⁹⁰. Исключение составляли лишь кочевники,

⁴⁸⁸ См. также: Национальные окраины Российской империи: становление и развитие системы управления. М., 1997. С. 35; *Трепавлов В. В.* «Белый царь»... С. 136–139.

⁴⁸⁹ См. также: *Слугина В. А.* Русская и «иноземческая» присяга российскому государю...

⁴⁹⁰ *Ходарковский М.* В чем Россия «опережала» Европу... С. 75.

обитавшие вблизи южно-сибирских рубежей. С ними длительное время велись настоящие дипломатические международные переговоры о признании ими русского подданства, с ними заключались реальные договоры, по которым выполнялись (или не выполнялись) «международные» обязательства.

Во-вторых, в собственно шертовальных записях, применявшихся в Сибири в XVII в., содержались *исключительно обязательства иноземцев*, но даже намек не было на какие-либо обязательства царя, и иноземцы, давая шерть-присягу, клялись в верности исполнения этих обязательств. Поэтому шерть как таковая являлась не двухсторонним, а односторонним актом, которым русская власть формально фиксировала переход иноземцев в свою юрисдикцию и в вечное подданство «великому государю»⁴⁹¹.

Не являясь само по себе договором, шертование, тем не менее, могло стать частью договорных отношений между сибирскими иноземцами и русским царем, но только в сочетании с жалованным словом. Выше отмечалось, что жалованное слово, оглашаемое русскими администраторами, послами и командирами землепроходческих отрядов иноземцам, представляло собой некое подобие договора об определенных взаимных обязательствах между царем и его новыми подданными. Но оно в большей степени озвучивало обязательства, точнее — намерения царя заботиться о своих «холопах», дабы они приносили как можно больше пользы его государству-вотчине.

⁴⁹¹ Заметим, что к этой трактовки шерти (применительно к Сибири XVII в.) склоняется большинство исследователей. См., например: *Lantzeff G. V. Siberia in the Seventeenth century. A Study of the Colonial Administration. Berkeley and Los Angeles, 1943. P. 95; Collins D. N. Conquering and Settling Siberia in XVII–XVIII cent. // The History of Siberia: From Russian Conquest to Revolution. L., 1991. P. 42; Конев А. Ю. Шертоприводные записи и присяги сибирских «иноземцев»... С. 172; Трепавлов В. В. «Белый царь»... С. 138; Шаблей П. Подданство в Азиатской России: исторический смысл и политико-правовая концептуализация // Вестн. Евразии. 2008. № 3. С. 115; Перевалова Е. В. Шерть, «медвежья присяга» и пляска с саблями. С. 120 С. 115; Шерстова Л. И. Аборигенная политика московского царства в Сибири... С. 96.*

Обязанности же иноземцев более подробно прописывались в шертовальных записях, которые, как уже сказано, не содержали никаких ответных обещаний русского правителя. И хотя в реальной практике оглашение жалованного слова и шертование применительно к одним и тем же иноземцам сочетались не часто, тем не менее, когда это все же происходило (обычно при присяге на верность новому монарху), оба акта, совершаемые последовательно (шерть после слова), дополняли друг друга в плане регламентации взаимных обязательств царя и иноземцев. Этот же эффект достигался и при вступлении в должность новых воевод (и изредка приказчиков), когда они, огласив жалованное слово, напоминали иноземцам о необходимости соблюдения ими своих прежних шертей. В связи с этим совершенно справедливым представляется следующее замечание Е. В. Вершинина: «Возможно, произнесение новыми властями “жалованного слова” перед ясачными людьми имело и еще один смысл: оно показывало, что отъезд очередного воеводы (который для коренных жителей Сибири был намного реальнее, чем далекий “белый царь”) ничего не меняет в их отношениях с Русским государством, утверждало вечность их принадлежности государю»⁴⁹².

Таким образом, есть основания утверждать, что жалованное слово и шерть (шертовальная запись) в своей сокупности представляли собой фиксацию договорных отношений: иноземцы платят дань-ясак, служат и хранят верность русскому государю, взамен этого государь предоставляет им право проживать и хозяйствовать в районах их исконного обитания и обещает держать их «в своем царском милостивом призрении» и «оберегать накрепко». Но статус договаривавшихся сторон был разный, он определялся фактическим соотношением их сил и конкретной этнополитической ситуацией в том или ином регионе.

С основной массой сибирских иноземцев «договор» по своей формальной и реальной сути ничем не отличался от «договора», «заключаемого» царем со своими русскими подданными, которым воеводы также обязаны были сообщать жалованные слова с обеща-

⁴⁹² Вершинин Е. В. Воеводское управление в Сибири... С. 68.

нием монарших «милостей» и «защиты», а те взамен целовали крест на верность монарху. Иначе говоря, иноземцы (хотели они того или нет) *de jure* и *de facto* становились подданными наравне с русскими. В. Кивельсон, проанализировав понятие российского «подданства», пришла к выводу, что «отношения подданных с монархом влекли за собой взаимные обязательства: монарх должен был обеспечить подданному защиту, а подданный должен был быть лояльным»⁴⁹³. Однако с таким выводом можно согласиться, лишь имея в виду трактовку «договора» самими подданными, которые в случае необходимости ожидали от царя справедливого суда и защиты⁴⁹⁴. Со стороны же власти договорные отношения российского монарха и его подданных имели по сути фиктивный характер. Иначе в государстве-вотчине, возглавляемой «наместником бога», и быть не могло: царь отвечал только перед богом, но никому из своих подданных ничем не был обязан, а его забота о них по существу являлась заботой радетельного хозяина-собственника о своих «холопах» и «сиротах», обязанных прежде всего пополнять государеву казну.

Шертование же кочевников, обитавших на южных рубежах Сибири (телеутов, киргизов, калмыков, монголов), в реальности зачастую означало лишь соглашение о мирных намерениях и свидетельствовало о желании шертовавших получить защиту и помощь от «великого государя».

К примеру, шерть, данная в 1634 г. монгольским алтын-ханом Омбо Эрдени, хотя и содержала все «классические» обязательства «иноземца» перед русским царем, в том числе уплату дани⁴⁹⁵, на деле со-

⁴⁹³ Kivelson V. Muscovite "Citizenship": Rights without Freedom // The Journal of Modern History, 2002. Vol. 74. № 3. P. 483.

⁴⁹⁴ Об этом свидетельствуют многочисленные челобитные чем-то обиженных разноэтничных подданных царя, а наиболее ярко — попытки апеллировать к царской справедливости участников многочисленных городских восстаний XVII в., в том числе в Сибири (См., например: Покровский Н. Н. Томск. 1648–1649 гг. Воеводская власть и земские миры. Новосибирск, 1989; Александров В. А., Покровский Н. Н. Власть и общество. Сибирь в XVII в.).

⁴⁹⁵ См.: РГАДА. Ф. 126. Оп. 2. Д. 3. 1634 г. Л. 1–3 об.; РМО. 1636–1654.

вершено не повлияла на характер взаимоотношений Московского государства и государства алтын-хана⁴⁹⁶. В русско-телеутских, русско-киргизских и русско-калмыкских отношениях неоднократно шерты телеутских и киргизских князцов, калмыкских тайшей оформляли по сути лишь мирные договоры между ними и русской стороной, хотя и содержали, как правило (но не всегда), формулировки о «вечном холопстве», «прямой службе» и платеже ясака (по крайней мере, в изложении-трактовке русских документов). Но иногда в текстах телеутских⁴⁹⁷, киргизских⁴⁹⁸ и калмыкских⁴⁹⁹ шертей указание на уплату ясака отсутствовало. А нередко русская сторона по результатам переговоров брала на себя определенные обязательства перед контрагентами. В результате не только контрагенты, но и русские представители, ведущие с ними переговоры, трактовали результат переговоров как достижение взаимных договоренностей:

«А для договору и большово укрепления, как им быти вперед под нашею царскою рукою, Урлюк-тайша с товарищи хотели послати послов к нам к Москве» (1607/08 г.)⁵⁰⁰;

С. 200–201; ПСИ. Кн. 1. С. 168–172.

⁴⁹⁶ См.: *Шастина Н. П.* Русско-монгольские посольские отношения XVII века. М., 1958. С. 21; *Чимитдоржиева Л. Ш.* Русские посольства к монгольским алтан-ханам... С. 25.

⁴⁹⁷ См., например: РГАДА. Ф. 199. Оп. 2. № 478. Ч. 3. Д. 12. Л. 1–3; Д. 29. Л. 1–2; Д. 32. Л. 1–5; Ф. 214. Оп. 3. Стб. 49. Л. 181, 236, 238; АИ. Т. 4. С. 49. Как считает А. П. Уманский, «приобские телеуты в течение всего XVII в. ясака в царскую казну не вносили» (*Уманский А. П.* Телеуты и русские в XVII–XVIII веках. С. 14).

⁴⁹⁸ См., например: ПСИ. Кн. 1. С. 179–183; *Бутанаев В. Я.* История вхождения Хакасии... С. 144. Даже когда шертные обязательства киргизских князцов предусматривали уплату ясака, это отнюдь не означало объяснение самих киргизов. Речь шла по сути о том, что князцы должны были обеспечить взимание ясака в пользу русского царя со своих кыштымов (См.: *Шерстова Л. И.* Тюрки и русские в южной Сибири... С. 79, 81).

⁴⁹⁹ См., например: РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 11. Л. 102 об.; РМО. 1607–1636. С. 36.

⁵⁰⁰ РМО. 1607–1636. С. 36.

«и прежней, господине, посланник Кочилметко с товарищи говорил нам (тарским воеводам. — *Авт.*) от тайши, что на съезде де со Власом Колачниковым договор был, что им, колмацким людем, не приходит к государевым ясашным волостям, и ясашным людем утеснения ни в чем не чинить, и государевых изменников к себе не принимать, а о всяком добром деле ссылатца посланники, и торговым людем велеть с ними торговать по прежнему, и таиша де Иркилдей на то на все договор перед атаманом Власом Колачниковым шертовал» (1631 г.)⁵⁰¹;

«братцкие ж люди, Бурлак шаман, да шаронимцы да хандеи, с своими улусными людьми и с киштыми к Братцкому острожку приковывали <...> и с ними де, Дмитрием и с служилыми людьми, договорились, что им впредь быть под государевую высокою рукою в вечном холопстве неотступно, и ясак с себя хотят давати ежегодно» (1652/53 г.)⁵⁰²;

«на том договорили, что ему, князю Табуну, з детьми своими, кроме Шала, и з братьями, и с племянники, и со всеми улусными людьми великим государем служить и прямить во всем» (1695 г.)⁵⁰³;

«они, киргиские князцы и улусные люди, по договору своему с киштымов своих ясаку не дали <...> с киргиских князцов велено нам просить с них и с киштымов их ясак по прежнему договору» (1702 г.)⁵⁰⁴; и т.д.⁵⁰⁵

Элементы договора, в том числе обязательства со стороны царя, содержали и «статьи», подписанные в 1689 г. монгольскими тайшами после переговоров с Ф. Головиным.

⁵⁰¹ Миллер Г. Ф. История Сибири. Т. 2. С. 443.

⁵⁰² ДАИ Т. 3. С. 387; СДИБ. С. 186–187.

⁵⁰³ РГАДА. Ф. 199. Оп. 2. № 478. Ч. 3. Д. 32. Л. 5.

⁵⁰⁴ ПСИ. Кн. 1. С. 233–234.

⁵⁰⁵ См., например: ДАИ Т. 3. С. 388; СДИБ. С. 188; ПСИ. Кн. 1. С. 178, 179, 183; Бутанаев В. Я. История вхождения Хакасии... С. 144, 155, 208, 209, 210.

Однако как бы ни развивались русско-аборигенные отношения после шертования, русская сторона, даже признавая в ряде случаев договорной характер шерты, упорно и однозначно трактовала ее как признание иноземцами своего перехода под «высокую государеву руку» и, соответственно, своего подданства — «вечного холопства», а отказ от них квалифицировала как «измену», за которой должны были следовать наказание (или отпущение вины) и новое шертование⁵⁰⁶. Стоило иноземцам хоть раз принести шерть русскому царю, а тем более начать уплачивать ясак, как они, согласно политико-правовым представлениям русской власти, превращались в «искони вечных холопов». И эта власть настойчиво добивалась, чтобы первоначально нередко формальное подданство (являвшееся по сути отношениями покровителя и федерата) превратилось в реальное⁵⁰⁷. При этом, еще раз подчер-

⁵⁰⁶ См. также: *Иванов В. Н.* Принятие российского подданства народами Якутии... С. 4; *Боронин О. В.* Двоеданничество в Сибири. XVII — 60-е гг. XIX вв. Барнаул, 2002. С. 31, 43, 59; *Ходарковский М.* В чем Россия «опережала» Европу... С. 75; *Khodarkovsky M.* Russia's Steppe Frontier... P. 54.

⁵⁰⁷ Показательны в этом отношении переговоры томского сына боярского С. Греченина и алтын-хана Лубсан Сайн Эринчини, состоявшиеся в 1660 г. Лубсан пытался избежать присутствия в шерты формулировок о его «холопстве» и «подданстве» и предлагал утвердить иные отношения: «Буди великий государь мне большей брат, а я, Лобзян, ему, великому государю, меньшей брат»; «буди великий государь мне отец, а я, Лобзян, аки сын отцу повинуюся». Однако С. Греченин категорически отверг попытки алтын-хана приблизиться по своему положению к фигуре русского монарха, обратив внимание на то, что полное подчинение царю само по себе обеспечивает высокий статус: «О том ты, Лобзян, много не сомневайся: многие цари и короли, и князи, и властели покорились нашему великому государю царю и великому князю Алексею Михайловичю, всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержцу, и пишутца оне великому государю холопами и подданными. И то им великая честь, а не бесчестье, потому что свыше от всемогущаго бога дана ему, великому государю царю и великому князю Алексею Михайловичю, всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержцу, честь великая и непобедимая сила превыше всех царей, что есть на земли». Лубсан, заинтересованный в военной поддержке России, вынужден был с этим согласиться: «Будет великого государя милость и жалованное слово

кнем, взяв на вооружение иноземное слово «шерть», русская власть стремилась формально и содержательно сблизить шертовальные записи сибирских народов, а также технологию их шертования с крестоцеловальной записью и присягой русских православных подданных, что кардинально меняло цель и сущность шертования, имевшие место у тюрок-кочевников. Вполне определенно можно констатировать, что Москва ориентировалась не на ордынские или какие-либо иные «иноземческие», а на собственные представления о присяге и подданстве, выработанные на протяжении веков собственной политической культурой. Жалованные слова, шертовальные записи и сама технология шертования, хотя и содержали элементы адаптации к иноземческой «вере», являлись все же инструментами, с помощью которых русская власть навязывала коренному населению Сибири политико-правовые нормативы Русского государства. Кроме того, они рассматривались Москвой как юридические акты, призванные установить и навечно закрепить регламентированные неконфликтные русско-аборигенные отношения с акцентом на той форме, в какой иноземцы должны выражать свою покорность воле «великого государя».

В то же время отмеченная выше частота упоминаний о шертовании в отчетах землепроходцев и администраторов, описывавших ход подчинения той или иной этнотерриториальной группы, а также в инструкциях, исходивших из госучреждений разного уровня, наводит на мысль, что акторы «Сибирского взятия» рассматривали шертование как весьма желательный, но все же не обязательный элемент приведения в подданство. Обязательным элементом являлось обложение ясаком, необходимость которого постоянно подчеркивалась во всех распоряжениях русских властей и к достижению которого неизменно стремились все исполнители этих распоряжений. Землепроходцы, приказчики и воеводы не всегда акцентировали внимание на шертовании (даже если оно и проводилось), но всегда отмечали, удалось или нет обложить иноземцев ясаком. И это вполне объяснимо: при дости-

на том ко мне будет, и какова великому государю шерть надобе, и такову шерть ему, великому государю, я, Лобзян Сайн-контайчи, и дам» (РМО. 1654–1685. С. 65–66).

жении главной цели — взятии ясака — шертование было уже не актуальным. Иными словами, уплата дани-ясака, пусть даже на первых порах нерегулярно, сама по себе *de facto* превращала иноземцев в подданных. И состоявшееся реальное подданство уже не обязательно требовало его формализации *de jure* путем шертования⁵⁰⁸.

Иноземцы же могли воспринимать шерть в зависимости от своей военной силы и характера отношений с русской властью как военно-политический союз и / или мирный договор. Причем и тот и другой они, исходя из собственных мировоззренческих представлений, менявшихся политических интересов или из-за невыполнения русской стороной обязательств, могли и расторгнуть⁵⁰⁹. Наиболее яркие примеры такого восприятия шерти дает история взаимоотношений русской власти, с одной стороны, и алтайских телеутов⁵¹⁰, енисейских

⁵⁰⁸ На это обратил внимание еще С. В. Бахрушин, отмечавший, что базовым признаком подданства являлся ясак, а шертование выступало лишь как «одно из средств к уплате ясака» (*Бахрушин С. В. Ясак в Сибири...* С. 49–50, 65–66).

⁵⁰⁹ В 1681 г. нерчинские служилые и промышленные люди сообщали нерчинскому воеводе: «Намясинские тунгусы живут самовольно и безстрашны, твоему государеву указу чинятца не послушны, и шерть свою, на чем тебе великому государю преж сего дали, позабыли, платят ясак по своей воле» (ДАИ. Т. 8. С. 325). В 1690 г. дьяки Сибирского приказа констатировали по поводу отношений с калмыками (джунгарами): «Когда им бывает тесно, тогда де они в подданство приходят, а после изменяют» (РМО. 1685–1691. С. 304). В 1700 г. томские служилые люди докладывали в Сибирском приказе по поводу енисейских киргизов: «А шертованью их верить нечего, для того, что де шерти и аманатов своих отступаются, и непрестанно с войною приходят и разоряют» (ПСИ. Т. 1. С. 3). Исследователь правовых отношений у якутов Д. А. Кочнев замечал: «В истории якутского народа нигде не встречаем так называемого вечного союза. Союзы и миры заключались на известное время, самое большее — на продолжительность жизни договаривающихся» (*Кочнев Д. А. Очерки юридического быта якутов*. С. 78).

⁵¹⁰ См.: *Уманский А. П. Телеуты и русские...* С. 11–24, 34–169; *Самаев Г. П. Присоединение Алтая к России (ист. обзор и документы)*. Горно-Алтайск, 1996. С. 18–19.

киргизов⁵¹¹, предбайкальских «братских людей»⁵¹², ойратов-калмыков⁵¹³ и монголов-хотогойтов (алтын-хана)⁵¹⁴ — с другой⁵¹⁵.

В этом восприятии огромную роль играли политические представления кочевников. В соответствии с ними они рассматривали присоединение к какому-либо политическому образованию «не как окончательное принятие подданства, а как очередной выбор сюзерена (по сути дела, как свободный «вассалитет»), и в случае нарушения им оговоренных ранее условий или изменения внешнеполитических обстоятельств более не считали себя связанными прежними обязательствами»⁵¹⁶. Во взаимоотношениях Московского государства и кочевников сталкивались две разные политические культуры. «Клятвы в верности, — подмечает А. Каппелер, — интерпретировались сторонами по-разному. В то время как в глазах

⁵¹¹ См.: *Абдыкалыков А.* Енисейские киргизы в XVII веке (исторический очерк). Фрунзе, 1968. С. 94, 99, 100, 101; *Бутанаев В. Я.* История вхождения Хакасии... С. 58–92; *Шерстова Л. И.* Тюрки и русские в южной Сибири... С. 72–73, 76–87.

⁵¹² См.: *Павлинская Л. Р.* Буряты. Очерки этнической истории (XVII–XIX вв.). СПб., 2008. С. 103–183.

⁵¹³ См.: *Цюрюмов А. В.* Начальный этап вхождения калмыков в состав Русского государства. С. 28–29; *Кушнерик Р. А.* Первые русско-ойратские официальные контакты и их особенности (конец XVI — XVII вв.) // Мир Евразии. 2009. № 2.

⁵¹⁴ *Чимитдоржиева Л. Ш.* Русские посольства к монгольским алтан-ханам... С. 22–108; *Чаптыкова Н. Н.* Борьба вокруг «Киргизской землицы» в XVII веке. СПб., 1999. С. 10–11.

⁵¹⁵ Подобное же восприятие присяги российскому монарху как необязательной к исполнению встречалось и у иных народов, имевших развитые военно-политические структуры, но не имевших государства, как, например, у горцев Северного Кавказа (См., например: *Деркач А. Ю.* Специфика восприятия российского подданства в контексте возможностей и перспектив интеграции горских сообществ в состав России в середине XVIII — начале XIX вв. // Северный Кавказ: проблемы и перспективы развития этноконфессиональных отношений. Славянск-на-Кубани, 2014.

⁵¹⁶ *Никитин Н. И.* Русская колонизация с древнейших времен до начала XX века (исторический обзор). М., 2010. С. 67.

кочевников это означало временное подчинение, не обязательное для других “вождей” или кланов, Москва с ее патримониальным мышлением, характерным для оседлых народов, выводила из этого претензии на свое полное господство, на территории соседей, на их объединение под своим началом»⁵¹⁷. Кроме того, признанию русской власти мешало и характерное для кочевников традиционное чувство превосходства над оседлыми земледельческими народами, издавна являвшимися объектами их грабительских набегов и дистанционной эксплуатации, их нежелание отдавать русским своих кыштымов, а тем более самим превращаться в данников, а также особое восприятие русских «ласки» и «жесточи»: кочевники готовы были подчиниться силе, но миролюбие рассматривали как слабость⁵¹⁸.

Интерпретация шерти как договора, определявшего правила взаимного поведения, встречалась и у собственно сибирских народов, которые свои «шатости», «измены» и побеги объясняли тем, что русская сторона не выполняла своих обязательств. Достаточно быстро даже народы, не знавшие даннических отношений, не имевшие никаких представлений о государстве и свойственных ему по-

⁵¹⁷ Кантелер А. Россия — многонациональная империя... С. 36. См. также: Трепавлов В. В. «Белый царь»... С. 136–139, 144, 176; Он же. Присоединение народов Поволжья и Южного Урала // Российское государство от истоков до XIX века: территория и власть. М., 2012. С. 167–168, 170; Уманский А. П. Телеуты и русские... С. 18, 20; *Khodarkovsky M.* Russia's Steppe Frontier... P. 53–55; *Шерстова Л. И.* Тюрки и русские в южной Сибири... С. 79, 80; *Боронин О. В.* Двоеданничество в Сибири... С. 49–50; *Чимитдоржиева Л. Ш.* Русские посольства к монгольским алтан-ханам... С. 25; *Вернадский Г. В.* Московское царство. Тверь; М., 1997. Ч. 2. С. 74.

⁵¹⁸ См.: *Павлинская Л. Р.* Буряты... С. 125–129; *Шерстова Л. И.* Тюрки и русские в южной Сибири... С. 76, 79–82.; См. также: *Трепавлов В. В.* «Белый царь»... С. 61. В 1631 г. эхиритские (братские) князцы говорили П. Бекетову: «Ясаку де мы с себя ни в какую землю не даем, а сами со многих землиц ясак емлем, а ныне государю вашему ясаку не дадим и вас к себе в холопы разберем, ис своей земли вас не выпустим» (*Миллер Г. Ф.* История Сибири. Т. 3. С. 178).

литико-правовых отношениях, усвоили из сочетания жалованного слова и шертных обязательств взаимосвязь уплаты ясака и приобретения протектората. Можно привести немало свидетельств того, как отдельные этнотерриториальные группы требовали от русских защитить их от немирных соседей или помочь в борьбе с ними, четко сопрягая получение защиты и помощи со своей обязанностью давать ясак. Так, в частности, бывший приказчик Анадырского острога казачий десятник В. Тарасов, рассказывая в 1687 г. в Якутской приказной избе о беспокойной обстановке в Прианадырье, сообщил следующее:

«А которые иноземцы великого государя ясак платят, и те у ясачного платежу говорят: ясак де с нас просите, а от неясачных коряк и чукчей не обороняете»⁵¹⁹.

Первоначальное представление многих иноземцев, в первую очередь тех, кто до появления русских не знал системы господства-подчинения, о том, что жалованное слово и шерть являлись актом установления партнерских отношений, подкреплялось широкой практикой организации русскими угощений и раздачей ими подарков — «государева жалованья». «Кормление» иноземцев, если верить сибирским летописям, делал еще Ермак:

«По взятии города Сибири прииде к Ермаку во град остяцкой князь Боярга со многими дары и запасы и покоришася Ермаку. Он же утверждаше их и пиршество им творяше, чтобы им жить под рукою государевою»⁵²⁰.

В последующем землепроходцы неоднократно подчеркивали необходимость одаривания иноземцев, называя те «товары», к которым они проявляли особый интерес:

«Да с ними ж бы послати в те новые землицы товару, олову и одекую и меди зеленой» (1633 г.)⁵²¹;

«изволь, государь Василей Елизарьевичь, из Енисейского острогу в новой Селенгинской острог вина горячего, и сук-

⁵¹⁹ ДАИ. Т. 10. С. 351.

⁵²⁰ Летописи сибирские. С. 198. См. также: Ремезовская летопись... С. 179.

⁵²¹ Миллер Г. Ф. История Сибири. Т. 3. С. 201.

на красного, и олова и меди в котлах присылать иноземцам на подарки, чем бы было их, иноземцов, царского величества в высокую руку, в вечное неотступное холопство и в ясачной платеж призывать к новому Селенгинскому острогу и всячески удобрять» (1665 г.)⁵²²;

«да тем новоприисканным иноземцом надобно на подарки пуд бисеру лазоревого, да 100 ножей усольских, с медными припай, остроконечных» (1701 г.)⁵²³.

Наказы сибирским администраторам и командирам землепроходческих отрядов, как правило, предписывали после оглашения иноземцам «жалованного слова» «их напоити и накормити государевыми запасы довольно», а во время сбора ясака (особенно при первоначальном объясачивании) одаривать новых подданных металлическими изделиями, одеждой, тканями, бусами, зеркалами, хлебом, вином и т. п. В этих целях в каждом сибирском городе, остроге и зимовье из «государевых» запасов выделялись «корм» и «подарочная казна», и так продолжалось несколько лет, а то и десятилетий⁵²⁴. В качестве главных получателей подарков выступали «вожди» и «лучшие люди»: либо только они, либо им доставалось подарков больше, чем их «улусным людям». Особенно рекомендовалось одаривать тех, кто сохранял верность русским, находясь в окружении «немирных» иноземцев. При этом, однако, русская власть стремилась к сохранению определенного объема подарков, положенных иноземцам, обитавшим в одном регионе:

⁵²² ДАИ. Т. 5. С. 51; СДИБ. С. 228.

⁵²³ Цит. по: *Оглоблин Н. Н.* К биографии Владимира Атласова. М., 1894. С. 10.

⁵²⁴ См., например, ведомость о доходах и расходах в сибирских городах за 1698 и 1699 гг., в которой скрупулезно перечислены суммы, израсходованные на подарки и «корма», а также объемы хлеба, вина, пива и браги на «корм» и «питье» ясачным людям (РИБ. Т. 8. Стб. 689–892). См. также: *Конов А. Ю.* Дар, дань и торговля: антропология взаимодействия автохтонов Сибири и русских в XVII–XIX вв. // *Этногр. обозрение.* 2017. № 1. С. 46.

«И как они, братцкие люди, учнут государев ясак и поминки давати, и им давать государево жалованье подарки по невелику против прежнево, как наперед сево давано государева жалованья подарки, и что кому дадут, писать в книги имянно, и тех новых людей поить и кормить государевым жалованьем довольно» (1648 г.)⁵²⁵;

«и впредь которые похотят быть под нашею великих государей самодержавною высокою рукою и тем корм учинить з большим рассмотрением, чтоб им перед окладным годовым жалованьем в кормех иных иноземцов, которые служат в сибирских городех, передачи не было» (1689 г.)⁵²⁶.

Кроме того, размер подарков администрация и ясачные сборщики стремились соотносить с размером ясака и качеством пушнины, получаемым от иноземцев, и, как правило, давали их не больше, а меньше, чем стоила пушнина по «русской цене»⁵²⁷, хотя, как замечает А. А. Бродников, затраты русской стороны на подарки иноземцам были все же немалыми, к тому же они доставлялись из европейской части России⁵²⁸. Так, к примеру, в 1638 г. с первыми якутскими воеводами П. Головиным и М. Глебовым было послано на подарки иноземцам «сто тысяч одекую красного и зеленого и лазоревого и черного, крупного и мягкого, десять пуд меди зеленые и красные в котлах и в тазех, десять пуд олова в блюдах и в тарелях, десять поставов сукон летчинных разными цветы», да из Тобольска на «государево жалованье» иноземцам «пятьдесят чети муки ржаной, дватцать чети муки

⁵²⁵ КПМГЯ. С. 52; СДИБ. С. 128.

⁵²⁶ СДИБ. С. 359.

⁵²⁷ См.: Бахрушин С. В. Ясак в Сибири... С. 61, 71–75, 80–81; Степанов Н. Н. Присоединение Восточной Сибири в XVII в. и тунгусские племена // Русское население Поморья и Сибири (Период феодализма). М., 1973. С. 108.

⁵²⁸ Бродников А. А. Подарки аборигенам как элемент механизма их вовлечения в ясачный платеж (на примере Ленского волока и прилегающей территории) // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: История, филология. 2013. Т. 12. Вып. 1. С. 26.

овсяной, дватцать чети солоду ячново, десять чети круп и толокна, пятьдесят пуд соли, сто ведр вина горячего, дватцать пуд меду»⁵²⁹.

Русские землепроходцы и администраторы также подметили «благотворную» роль алкоголя в «приручении» иноземцев:

«...да для иноземцов надобе вина горячего для государевы службы, и для роспросу иноземцов и для имки аманатов лутчих людей и для походов на немирных людей» (1652 г.)⁵³⁰.

По мнению многих историков, обмен ясака на подарки представлял собой в глазах иноземцев меновую торговлю⁵³¹. Такая трактовка, однако, справедлива не для всех народов и особенно не для первых контактов. Она отражает лишь внешнюю сторону дела, модернизируя уровень социально-экономического развития и менталитет ряда сибирских народов. Мы полагаем, что для периода первых русско-аборигенных контактов речь нужно вести о дарообмене — существовавшей (и существующей) в архаичных и традиционных обществах практике, имевшей сакральное значение и игравшей огромную роль в межличностных, межгрупповых и межгосударственных связях, в том числе сопровождавшей установление мирных отношений⁵³². В последнем случае этот дарообмен можно отнести к разряду дипло-

⁵²⁹ Иванов В. Н. Вхождение Северо-Востока Азии... С. 80, 178, 179, 180.

⁵³⁰ ДАИ. Т. 3. С. 342. См. также: Уманский А. П. Телеуты и русские... С. 20. В 1660 г. на угощение ясачных людей Якутского уезда было израсходовано 700 ведер меда и хмельного кваса (Материалы по истории Якутии... Ч. 1. С. XL). Правда, не исключено, что часть этих ведер была тайком от воеводы оприходована служилыми людьми.

⁵³¹ См., напр.: Богораз В. Г. Чукчи. Л., 1934. Ч. 1. С. 55–56; Бахрушин С. В. Ясак в Сибири. С. 75, 76; История Якутской АССР. М., 1957. Т. 2. С. 222; Гурвич И. С. Этническая история Северо-Востока Сибири. М., 1966. С. 116; Третьяков В. В. «Белый царь»... С. 135, 182; Шапков А. Т. Югра в эпоху Средневековья. С. 646; Хромых А. С. Сибирский фронт. Встреча цивилизаций от Урала до Енисея (Последняя треть XVI — первая четверть XVII века). Красноярск, 2012. С. 202.

⁵³² См. подробнее: Мосс М. Очерк о даре // Он же. Общества. Обмен. Личность: Труды по социальной антропологии. М., 1996; Годелье М. Загадка дара. М., 2008.

матических. Как заметил еще Г. Ф. Миллер, анализируя характер русско-аборигенных отношений, «брать и получать подарки настолько в обычае у всех восточных народов, что никакая дружба не может без них существовать»⁵³³. Вдобавок к подаркам дружба скреплялась и совместной трапезой⁵³⁴. И многие народы, особенно обитавшие на севере и северо-востоке Сибири и не знавшие, что такое дань, воспринимали обмен своей пушнины (ясака) на русские изделия, по крайней мере первое время, как «дипломатический дарообмен», а угощения — как ритуальное пиршество, скреплявшее договор. Отказ же от дарообмена в рамках архаичного мировоззрения был тождествен отказу от мира и объявлению войны⁵³⁵. И такие представления иноземцев фиксировали наблюдательные землепроходцы:

тунгусы «прошают подарков, олова и одекую, и себе корму, муки и масла и жиру, и как де им подарков, олова и одекую, дадут и их накормят, и они де против того, по упросу, с двух, с трех семей по соболу дадут. А бес подарков ничево дать не хотят. А только де, государь, о твоём государеве ясаке с ними стречю говорить, чтоб они <...> ясак давали

⁵³³ Миллер Г. Ф. История Сибири. Т. 3. С. 13. См. также: Он же. Описание сибирских народов. С. 155. О практике дарообмена у народов Сибири см.: Миненко Н. А. Северо-Западная Сибирь... С. 212–213; Зувев А. С. Ясак, подданство и договорной дарообмен: чукотский вариант (XVII–XIX вв.) // Уральский исторический вестник. 2009. № 2; Люцидарская А. А. Дарообмен и практика взаимодействия Русского государства с народами Сибири // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 2012; Конев А. Ю. Дар, дань и торговля...

⁵³⁴ Так, в частности, Д. А. Кочнев по поводу якутов замечал: «Всякого рода мир, заключаемый после войны, ссоры, похищения женщин, — всегда сопровождался пиршеством» (Кочнев Д. А. Очерки юридического быта якутов. С. 77).

⁵³⁵ См.: Мосс М. Очерк о даре. С. 84, 101–102; Крадин Н. Н. Политическая антропология. М., 2001. С. 76. См. также: Слезкин Ю. Арктические зеркала: Россия и малые народы Севера. М., 2008. С. 23.

против иных окладных волостей, и они де их (ясачных сборщиков. — *Авт.*) побивают» (1628 г.)⁵³⁶;

«государева ясаку собрать сполна нечем, не токмо что государю прибыль учинить, а иноземцы люди дикие, тако их не напоить и не накормить, и государева жалованья, олова и одекую, не дать, и их не видать, не токмо что есак с них собрать» (1631 г.)⁵³⁷;

«и брацкие князцы государю чинятьца непослушны, ясаку не дали, а говорят: нам де дати нечево да и не за што, приезжали де преж вас для государева ясаку Максим да Василей, и оне нам государевы подарки давали, сукна и олово, хлебом кормили довольно и вином поили, а от вас де государевых подарков нет» (1632 г.)⁵³⁸;

«а только не дать, государи, вашево государева жалованья вашим государевым ясачным новоприводным людем сукон и олова и одекую, и в вашем государеве ясачном зборе от тово будет недобор большой» (1659 г.)⁵³⁹.

Попытки же казаков взять ясак, не предлагая ничего взамен, нередко приводили к вооруженным столкновениям или откочевкам иноземцев от русских острогов и зимовьев, и русской стороне приходилось силой оружия доказывать свое право брать ясак без подарков или же смиряться с дарообменом.

Даже уже будучи длительное время подданными, иноземцы считали себя вправе требовать подарки. Так, к примеру, нерчинский воевода Ф. Воейков сообщал в Сибирский приказ:

«В нынешнем, государь, во 190 (1681/82) году приезжают в Нерчинской острог ко мне, холопу твоему, из ясачных волостей нерчинских острогов ясачные иноземцы лутчие люди, князцы розных родов, и бьют челом <...> в Нерчинском остроге в съезжей избе о тво-

⁵³⁶ РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. Л. 178. См. также: *Степанов Н. Н.* Присоединение Восточной Сибири... С. 108.

⁵³⁷ *Миллер Г. Ф.* История Сибири. Т. 3. С. 167.

⁵³⁸ Там же. С. 193.

⁵³⁹ РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 508. Л. 55.

ем великого государя жалованье, о подарках на однорядки, о сукнах, а улусные их люди, которые платят тебе, великому государю, ясак, о котлах, о топорах, о ножах, об огнивах, об удилах конских»⁵⁴⁰.

Могли иноземцы и высказать недоумение и недовольство тем, что воевода не «пожаловал» их после сдачи ясака. Такое, в частности, случилось в 1697 г., когда красноярский воевода С. Дурново не угостил ясачных татар «государевым» вином и обедом, да еще и приказал «выбить» их «с дубьем» из города. Это повлекло за собой жалобу татар:

«Нас государскую милостью не обладежил — не дал нам питья, ни хлеба, только дал нам теленка годового»⁵⁴¹.

Как представляется, для сибирских народов важны были сами по себе ритуалы дарообмена и совместной трапезы, которые, по их представлению, должны были неизменно сопровождать заключение или пролонгацию договора. Хотя и материальную составляющую даров и кормления также не следует сбрасывать со счетов.

Заметим, что практика «дипломатического» дарообмена и «кормления» на протяжении конца XVI–XVII в. была активно использована русской стороной для объясачивания и подчинения сибирских народов⁵⁴², тем более что она вполне вписывалась в дипломатические ритуалы, используемые Московским государством⁵⁴³. И эта прак-

⁵⁴⁰ ДАИ. Т. 8. С. 350–351.

⁵⁴¹ *Оглоблин Н. Н.* Красноярский бунт 1695–1698 (очерк из истории народных движений в Сибири) // ЖМНП. 1901. № 5. С. 43.

⁵⁴² См.: *Миллер Г. Ф.* История Сибири. Т. 2. С. 57; Т. 3. С. 58; *Бахрушин С. В.* Ясак в Сибири. С. 48–51, 71–75; *Уманский А. П.* Телеуты и русские... С. 20; *Шерстова Л. И.* Тюрки и русские в южной Сибири... С. 72–75; *Павлинская Л. Р.* Буряты... С. 103; *Трепавлов В. В.* «Белый царь»... С. 181–184; *Люцидарская А. А.* Дарообмен и практика взаимодействия Русского государства с народами Сибири; *Зуев А. С.* Ясак, подданство и договорной дарообмен...

⁵⁴³ О традиции «договорного» дарообмена и «кормления» в дипломатической практике Московского государства см.: *Никонов С. А.* «Дар» и «поминок» в политических взаимоотношениях Пскова и Москвы второй половины XV — начала XVI века // Вестн. Удмуртского ун-та. Серия: История. 2006. № 7; *Юзефович Л. А.* Путь посла. Русский посольский обычай. Оби-

тика существенно облегчала первоначальное включение иноземцев в российское политическое пространство. Особо она была значима для народов, не знавших до появления русских властного соподчинения и даннических обязанностей. Они далеко не сразу могли понять истинный смысл новых для них политических отношений, навязываемых русскими, как бы долго и упорно толмач их ни растолковывал. Именно поэтому землепроходцы иногда называли эти народы «люди дикие»⁵⁴⁴, «люди дикие вольные»⁵⁴⁵, «люди дикие, что звери»⁵⁴⁶, имея в виду их образ жизни, который представлялся лишенным разумной организации и порядка.

Как свидетельствуют документы, при первых встречах с русскими эти «люди дикие» просто не понимали предлагаемых им новаций. В 1621 г. иноземцы будяши перед мангазейским воеводой «в роспросе сказывали, что <...> преж сего государю ясак не плачивали и русских людей на промыслех и ясашных тунгусов побивали, а сказывали вам, что про государево <...> царское величество не слышали и не ведали, кому ясак платить»⁵⁴⁷. В 1623/24 г. братские люди, отказавшись дать ясак, заявили красноярским казакам: «Никому де мы преж сего некоторые орды ясаку не давали»⁵⁴⁸. В 1632 г. один из якутских князцов, Инено-Оюна, так оправдывал свое первоначальное сопротивление казакам П. Бекетова: «...потому де мы стреляли служилых людей, что мы люди малоумные, а государевы люди преж сего у нас не бы-

ход. Этикет. Церемониал. СПб., 2011. С. 116–132; *Леонова А. Н.* Посольский «корм» как составная часть дипломатического дарообмена Московского государства XVI–XVII вв. // Вестн. Томского гос. ун-та. Серия: История. 2012. № 4; *Михайлова И. Б.* И здесь сошлись все царства...: Очерки по истории государева двора в России XVI в.: повседневная и праздничная культура, семантика этикета и обрядности. СПб., 2010. С. 215–268.

⁵⁴⁴ *Миллер Г. Ф.* История Сибири. Т. 3. С. 167; *Степанов Н. Н.* Первая русская экспедиция на Охотском побережье... С. 446.

⁵⁴⁵ Обдорский край и Мангазея... С. 41, 44.

⁵⁴⁶ ОРЗПМ. С. 217.

⁵⁴⁷ *Миллер Г. Ф.* История Сибири. Т. 3. С. 128.

⁵⁴⁸ РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 12. Л. 522.

вали и про государское величество не [слы]хали»⁵⁴⁹. В 1642 г. в ответ на требование ясака чукотские вожди отвечали русским: «...а до них де ништо русских людей у них не бывал и про них они русских людей не слыхали <...> И они де того не знают, какой ясак и как государю давать»⁵⁵⁰. В том же году юкагирские князцы заявили казакам, прибывшим в низовья Колымы: «...как де вы с нас ясаку прошаете, а земляца та наша, а владеем де мы»⁵⁵¹. Согласно показаниям участника похода И. Москвитина к Охотскому морю, казака Н. Колобова, данным в 1646 г., тунгусы мотивировали свой отказ от дачи ясака аналогичными аргументами: «...а те де тунгусы люди дикие, преж их русских людей ништо у них не бывали, и слухав у них про государевых русских людей не бывало же, и того не знают, что государю ясак платят»⁵⁵². В 1711 г. «курильские мужики», обитавшие на островах, заявили казакам: «Мы здесь живучи ясаку платить никому не знаем, и прежде де сего с нас ясаку никто не бирывал»⁵⁵³.

В таких случаях большое значение приобретала задача русскими подарков иноземческим вождям, которые воспринимали ясак уже не как нечто для них непонятное, а как ответный дар русским. В результате возникал дарообмен, представление о котором вполне соответствовало мировоззрению иноземцев: каждый дар требует отдарка. Одновременно обмен дарами свидетельствовал об установлении мирных отношений между иноземцами и русскими⁵⁵⁴. И тем самым

⁵⁴⁹ Материалы по истории Якутии... Ч. 3. С. 1088.

⁵⁵⁰ ОРЗПМ. С. 143.

⁵⁵¹ РГАДА. Ф. 1177. Оп. 3. Стб. 650. Л. 1. См. также: Там же: Л. 2, 3.

⁵⁵² Степанов Н. Н. Первая русская экспедиция на Охотском побережье... С. 446.

⁵⁵³ ПСИ. Кн. 1. С. 462.

⁵⁵⁴ В. И. Иохельсон писал: «У коряков есть обычай дарить что-нибудь человеку, пришедшему в дом в первый раз. Очевидно, это первый шаг, чтобы заслужить дружбу или расположение чужого человека... Коряки распространяют свой обычай дружбы и на русских. Подарки последних состоят обыкновенно из чая, табака, печеного хлеба, сухарей, муки и других привозных товаров» (Иохельсон В. И. Коряки. Материальная культура и социальная организация. СПб., 1997. С. 200, 201).

практика дарообмена способствовала и обеспечивала постепенное привыкание иноземцев к системе господства-подчинения и к своему новому, ясачному, статусу.

Более того, многие этнотерриториальные группы, обитавшие в труднодоступных для русской администрации таежных и тундровых районах, свои «политические» отношения с русской властью долгое время — в течение не только всего XVII в., но даже в последующем — выстраивали в рамках «договорного» дарообмена, не давая ясак без получения подарков⁵⁵⁵.

Русская сторона описанное выше взаимодействие с иноземцами понимала, конечно, по своему: ясак и «почесть» (подарки лично царю) рассматривались не как ответные добровольные дары, а как обязанность верноподданных, признание ими своего «вечного холопства», проявление ими уважения к «государевой чести», а «государево жалованье» — угощение и подарки (в любом его варианте: после оглашения жалованного слова, при шертовании или уплате ясака) как плату за лояльность, как демонстрацию высокого политического статуса, могущества и щедрости русского царя, хотя, разумеется, эта «плата» своими корнями уходит все в тот же архаичный дарообмен.

В связи с вышесказанным вряд ли можно согласиться с Е. П. Ковалышкиной, которая полагает, что «царские подарки были не только символом милости государя, его щедрости и великодушия, но и также играли значительную социализирующую роль, *декларируя юридическое равноправие*»⁵⁵⁶ (курсив наш. — Авт.). Сама возможность подобной декларации не могла прийти в голову московским дьякам и сибирским воеводам, так как явно противоречила официальной установке на подчинение, на превращение иноземцев в «холопов великого государя навеки неотступно». Причем подобная установка

⁵⁵⁵ См., например: Миллер Г. Ф. Описание сибирских народов. С. 208; Зуев А. С. Ясак, подданство и договорной дарообмен...; Миненко Н. А. Северо-Западная Сибирь... С. 212–213.

⁵⁵⁶ Ковалышкина Е. П. «Инородческий вопрос» в Сибири... С. 49. Эту мысль повторил С. А. Хромых (Хромых А. С. Сибирский фронтир... С. 213).

сформировалась задолго до «Сибирского взятия». «Дарообменные» отношения Москвы с сибирскими народами напоминали ее же аналогичные отношения с подчиняемыми политическими субъектами в более раннее время. С. А. Никонов, исследовавший обмен дарами между Москвой и Псковом, сделал следующее заключение: «Это несоответствие политического положения союзников противоречиво отражалось и в практике дарообмена. Великий князь готов был получать дар не только в качестве материальной услуги и компенсации за оказанную военную поддержку, но в большей мере во имя признания своего высокого политического статуса. Дар в восприятии Москвы — престижное подношение. Ответом на полученный дар являлось “жалованье” великого князя, обращенное к Пскову. Независимо от того, в какую форму облакалось это жалованье — военного содействия (чаще всего) или дорогого подарка, неизменным во всех случаях оставалось только одно: жалованье — это милость сюзерена к доброму вассалу. При известных обстоятельствах жалованье могло смениться государевой “грозой”, ответным действием Москвы за нарушение Псковом каких-либо политических норм»⁵⁵⁷.

По мере укрепления своих позиций русская власть постепенно ликвидировала практику раздачи подарков, стремясь заодно объяснить ясачным новый порядок вещей:

«Государю все земли ясак дают, а государева жалованья дают им понемногу <...> а оне б того, иноземцы, не плутали, государю оне ясак дают, а не продают, больша того им дачи не будет»; «велеть ясачных людей, как приедут с ясаком, поить и кормить довольно, против наказу, а сукон и одекую не давать, что место уже стало не новое»⁵⁵⁸.

Следует, однако, признать, что на этапе подчинения сибирских народов иноземческая и русская интерпретации даров и ясака, несмотря на их явное различие, способствовали установлению мира и сотрудничества между аборигенами и русскими «конкистадора-

⁵⁵⁷ Никонов С. А. «Дар» и «поминок» в политических взаимоотношениях Пскова и Москвы... С. 75.

⁵⁵⁸ Цит. по: Бахрушин С. В. Ясак в Сибири. С. 75.

ми». Как верно заметил А. Ю. Конев, «здесь налицо элементы символического дарообмена в виде “корма”. Очевидно, что тем самым власти подчеркивали свой главенствующий статус и стремились поставить принимающих еду и питье “государевы” в положение обязанных. Понимая это, мурзы, князцы и старшины вместе с тем воспринимали данный акт как необходимый жест, которым выражалось уважение к ним»⁵⁵⁹.

⁵⁵⁹ Конев А. Ю. Дар, дань и торговля... С. 47.

ГЛАВА 3

ОСВОЕНИЕ И ПРИСВОЕНИЕ РОССИЙСКИМ ГОСУДАРСТВОМ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА СИБИРИ

Огосударствление земли и объясачивание иноземцев

Показателем того, что сибирская земля рассматривалась русской властью и русскими людьми как принадлежащая царю и, соответственно, Русскому православному царству, являлось воздвижение на ней русских городов и иных поселений, а внутри них — различных культовых сооружений (церквей, часовен, молелен, крестов). Тем самым русская сторона маркировала территорию как «свою» и организовывала на ней собственное культурное, в том числе идеологическое, политическое и административное пространство, по сути творила в новых «землицах», создавая с нуля, свой мир. Конечно, этот мир не становился однозначно русско-православным, в него, нередко в явно выраженном виде, включались иноземческие духовные, материальные, хозяйственные, социальные и управленческие компоненты, а русские поселенцы активно контактировали в бытовой сфере с коренными жителями, смешиваясь с ними путем межэтнических браков и сожительства. Тем не менее государство и церковь стремились к русификации сибирского пространства¹. В результате проис-

¹ См., например: *Курилов В. Н., Люцидарская А. А., Майничева А. Ю.* Освоение Сибири: сохранение и трансформация русской культуры в XVII —

ходило освоение и присвоение Российским государством сибирских «землиц», причем одновременно как на уровне конкретных политических практик, так на уровне ментально-сакральных смыслов.

Равным образом и русские колонисты стали воспринимать освоенные ими сибирские земли как свои собственные владения, практикуя их передачу по наследству, обмен, отдачу за долги и продажу. При этом ими, конечно, не отрицалась верховная собственность царя на всю Сибирь². Поэтому участники «Сибирского взятия» вполне однозначно называли подчиненные территории «государевой вотчиной» (иногда с добавлением поясняющих прилагательных — «заочная», «дальняя»)³, а также «царского величества вотчиной»⁴.

Известный американский исследователь российской «национальной» политики Ю. Слэзкин, сравнив действия в Сибири русских властей и землепроходцев с действиями в Америке испанских властей и конкистадоров, утверждал, что для Сибири XVII в. «нет оснований

начале XX в.: историко-этнографические очерки. Новосибирск, 2005; *Майничева А. Ю.* Природные объекты и православные святыни: пространственные символы как маркеры коммуникативной среды первопроходцев Сибири в XVII–XVIII веках // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: История, филология. 2010. Т. 9. Вып. 1; *Митасова С. А.* Организация пространства православной культуры Сибири XVII в. посредством храмовой архитектуры // Теория и практика общественного развития. 2012. №9; *Манькова И. Л.* Маркеры российской государственности в православном ландшафте Урала и Сибири (конец XVI — XVII вв.) // Уральский исторический вестник. 2013. №3; *Березиков Н. А.* Правовые и символические аспекты легитимации казаками политической власти на новых территориях. Сибирь XVII в. // Со словные и социокультурные трансформации населения Азиатской России (XVII — начало XX века). Новосибирск, 2014.

² См.: *Шунков В. И.* Вопросы аграрной истории России. М., 1974. С. 79–86; *Преображенский А. А.* Урал и Западная Сибирь в конце XVI — начале XVIII века. М., 1972. С. 189–199; *Александров В. А.* Особенности феодального порядка в Сибири (XVII в.) // Вопросы истории. 1973. №8. С. 52–53.

³ См., например: РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 471. Л. 324, 490; Стб. 556. Л. 30; Стб. 560. Л. 215, 259, 266, 346, 512, 520, 527, 543; Стб. 673. Л. 9, 24, 36, 46.

⁴ АИ. СПб., 1842. Т. 5. С. 523.

полагать, что царь и его служилые люди проявляли какой-либо интерес к заявлению своих прав на земли и людей»⁵. Это, конечно, не так. Явным заявлением прав российского самодержца на земли и людей являлись, как показано выше, оглашение «государева жалованного слова» и принуждение иноземцев к принесению присяги-шерти, пусть даже то и другое не всегда и не везде осуществлялось на практике.

Жалованное слово кардинально меняло правовой статус сибирской земли: ее верховным собственником и распорядителем становился русский царь и она объявлялась «государевой вотчиной». «Хозяином новых земель, — писал В. И. Шунков, — стал московский государь. Поэтому не существовало вопроса о принадлежности кому-либо заселяемой земли в целом. В принципе вновь занятые земли стали землями государевыми»⁶. Реальная ситуация с землевладением, правда, долгое время (по крайней мере, в XVII в.) оставалась, за отдельными исключениями, прежней: иноземцы продолжали жить и хозяйствовать на своих «исконных» и «породных» землях, сохраняя возможность фактического распоряжения ими. Но теперь русская власть четко декларировала, что делать им это позволяет «государева милость», а право на владение землей увязано с «вечным холопством», уплатой ясака и верной службой (это в принципе было аналогично условиям, на которых владели землей собственно русские подданные — служба или тягло). И сами иноземцы, как индивидуально, так и коллективно (разноформатными сообществами — семейными кланами, родами и т. д.) свыкались с этим «госу-

⁵ *Слѣзкин Ю.* Арктические зеркала: Россия и малые народы Севера. М., 2008. С. 51. Схожей точки зрения придерживается и М. Бассин, который полагает, что захват сибирских земель не являлся целью русских, закрепление же территорий под русской властью осуществлялось лишь для обеспечения стабильного сбора ясака с местного населения (*Bassin M.* Expansion and colonialism on the eastern frontier: views of Siberia and the Far East in pre-Petrine Russia // *Journal of Historical Geography.* 1988. Vol. 14. №. 11. P. 12)

⁶ *Шунков В. И.* Очерки по истории земледелия Сибири. XVII век. М., 1956. С. 61.

даревым правом» или, по крайней мере, учились использовать его в своих интересах в поземельных спорах, когда добивались отвода себе земельных участков («чтоб великие государи пожаловали их, Борчегонка с товарищи, и велели к прежним их кочевым местам те пустыя степныя места и с санным покосом и со всякими угодыями отвесть и на те места дать им отводную» (1684 г.)⁷) или защищали свои земли от внешнего посягательства («земля великого государя, как де мне те санные покосы продавать?» (1668 г.)⁸).

С конца XVI в. отдельным представителям властной элиты, а позже целым «родовым» и «племенным» сообществам от имени царя стали даваться жалованные грамоты на владение «волостями и всякими угодыи»⁹, а к концу XVII в. иноземцы (преимущественно оседлые и полуоседлые рыболовы, охотники и скотоводы, а также отчасти скотоводы-кочевники) уже научились закреплять свои права на земли в соответствии с русской практикой, оформляя на них особые акты — «данные», «отводные», «купчие», «закладные», «крепости».

И власть царя как собственника-вотчинника не была формальной, она воплощалась реально, причем амбивалентно, но неизменно

⁷ СДИБ. Улан-Удэ, 1960. Вып. 1. С. 286.

⁸ Токарев С. А. Очерк истории якутского народа. М., 1940. С. 92.

⁹ См.: АИ. СПб., 1841. Т. 2. С. 26; Миллер Г. Ф. История Сибири. М., 1999. Т. 1. С. 353, 407; Бахрушин С. В. Остяцкие и вогульские княжества в XVI–XVII вв. // Он же. Науч. тр. М., 1955. Т. 3. Ч. 2. С. 134, 137, 139; Трепавлов В. В. «Белый царь»: образ монарха и представления о подданстве у народов России XVI–XVIII вв. М., 2007. С. 82, 83; Перевалова Е. В. Северные ханты: этническая история. Екатеринбург, 2004. С. 36; Она же. «Белый царь» в угоро-самодийской традиции // Народонаселение Сибири: Стратегии и практики межкультурной коммуникации (XVII — начало XX века). Новосибирск, 2008.

Заметим, что еще в 1555 г. Иван IV выдал ярлык сибирским бекам Едигеру (Ядгару) и Булату (Пуладу) на их собственное владение — княжение (бекство) (Трепавлов В. В. «Белый царь»... С. 82). Тем представителям сибирской элиты, которые были вывезены в Москву (князь Аблегирим с семьей, дети и внуки Кучума), земельные пожалования давались в центральной части страны (Бахрушин С. В. Остяцкие и вогульские княжества... С. 145, 148).

прагматично, как и вся аборигенная политика¹⁰ — в соответствии с «государевым интересом».

С одной стороны, великий государь и его советники (бояре и дьяки) через сибирских воевод всемерно поощряли расширение в Сибири русского земледелия, наделяя землей, в том числе иноземческой, русских колонистов и подталкивая их к самовольным земельным захватам. Это неизбежно вело к сокращению площади «породных» земель иноземцев, особенно в южных, пригодных к земледелию районах¹¹, но и не только там¹². На этих землях вырастали русские населенные пункты.

С другой стороны, весь XVII в. власть как на законодательном уровне, так и в практических рекомендациях не ставила вопрос

¹⁰ Амбивалентность и стабильный прагматизм политики Российского государства в отношении нерусских народов на протяжении XVI–XIX вв. постоянно отмечает А. Каппелер (*Каппелер А. Россия — многонациональная империя. Возникновение. История. Распад. М., 2000*).

¹¹ В 1689 г. тюменские татары жаловались русским властям: «Которые исстари были у них угодыя и вотчины по Тоболу и по Туре и по Нице и по Исети рекам и по иным многим малым речкам, где прежде они, ясачные люди, ясак добывали, всякую мягкую рухлядь <...> промышляли, и по тем их вотчинным речкам и по борам построены ныне <...> великих государей острожки и слободы и монастыри и деревни, русские люди поселилися, и дворы свои тех слобод крестьяне и всякие жители поставили в их татарских поскотинных местах и в юртах, и земли их пахотные, и луги, и сенные покосы, и скотинные выпуски, и леса, и речки, и всякие татарские угодыя отняли и завладели, а их, ясачных татар, стеснили вовсе, на речках и на лесах зверовать не дают». Имели место и случаи открытого насилия, когда иноземцев «сбивали» с их «вотчин» (*Бахрушин С. В. Сибирские служилые татары в XVII в. // Он же. Науч. тр. Т. 3. Ч. 2. С. 161*). См. также: *Миллер Г. Ф. История Сибири. М., 2000. Т. 2. С. 501–503*.

¹² Во второй половине XVII в. олекминские якуты сообщали в своих челобитных, что у них с «пашенными» крестьянами «о сенных покосах без престани брань», что русские крестьяне захватывают их сенные покосы: «И мы, сироты твои, свои же сенные покосы у них покупаем», даже «юртишка где доведетца поставить и мы, сироты, у них же пашенных [крестьян] купим место дорогою ценою» (*Токарев С. А. Очерки истории... С. 91*).

о массовом изъятии земли у иноземцев, а, наоборот, пыталась регулировать, ограничить и даже запретить посягательство, в первую очередь нелегальное, русских поселенцев и духовенства на их земельные, особенно лесные, угодья и требовало не нарушать их традиционных форм землепользования¹³.

С третьей стороны, в поземельных спорах, которые все чаще и чаще стали возникать между русскими и аборигенами, великий государь выступал в роли арбитра и, как правило, разрешал их в пользу новых подданных¹⁴.

Жалованное слово и шерть, обязывавшие иноземцев «навек не отступно» платить ясак «великому государю», кардинально меняли и их правовой статус: они превращались в государевых «вечных холопов». Встречающееся в историографии мнение, что обложение

¹³ См.: АИ. Т. 5. С. 346–347; ДАИ. СПб., 1862. Т. 8. С. 227–229; ПСЗРИ. СПб., 1830. Т. 2. С. 175–178; РИБ. СПб., 1875. Т. 2. Стб. 66–74; Соборное Уложение 1649 года: Текст. Комментарии. Л., 1987. С. 78; *Огородников В. И.* Русская государственная власть и сибирские инородцы в XVI–XVIII вв. // Сб. тр. профессоров и преподавателей Иркут. ун-та. Иркутск, 1921. С. 88–89; *Lantzeff G. V.* Siberia in the Seventeenth century. A Study of the Colonial Administration. Berkeley and Los Angeles, 1943. P. 98; Якутия в XVII веке (Очерки). Якутск, 1953. С. 287; *Иванов В. Ф.* Письменные источники по истории Якутии XVII в. Новосибирск, 1979. С. 50; *Александров В. А., Покровский Н. Н.* Власть и общество. Сибирь в XVII в. Новосибирск, 1991. С. 118; *Главацкая Е. М.* Политика русского правительства в отношении коренных народов Севера Западной Сибири в XVII в.: (На материалах Верхотурского, Пелымского, Березовского уездов): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 1992. С. 14.

В реальной жизни защита иноземческих земель осуществлялась, однако, слабо. По всей Сибири русские промысловики-охотники (промышленные люди) вели добычу пушного зверя в угодьях иноземцев (*Иванов В. Ф.* Письменные источники... С. 181; *Токарев С. А.* Очерк истории... С. 75–76; *Павлов П. Н.* Промысловая колонизация Сибири в XVII в. Красноярск, 1974. С. 30–51).

¹⁴ О регулировании государством поземельных отношений русского и аборигенного населения см.: *Шунков В. И.* Очерки по истории земледелия Сибири. С. 57–76; *Он же.* Вопросы аграрной истории России. С. 67–79.

данью-ясаком является одним из компонентов «ордынского наследия» в сибирской политике Московского государства¹⁵, вряд ли можно воспринимать серьезно. Даннические отношения, разумеется, не были переняты Московской Русью у Орды, поскольку были известны и Древней (Киевской) Руси, и восточным славянам в целом в их догосударственный период истории¹⁶, т. е. являлись своим собственным наследием. Более того, они встречались почти у всех народов мира, так что их никоим образом нельзя квалифицировать как исключительно «ордынское (или пусть даже шире — евразийское) политическое наследие». Это явление общемирового характера, уходящее корнями в глубокую древность¹⁷. Другое дело, что русская власть, опираясь на апробированный в Приуралье и Поволжье опыт ясачного обложения, а также в целях облегчения вербальной коммуникации (как и в случае с шертью) взимаемую с сибирских иноземцев дань стала называть ясаком¹⁸. Но заимствование слова не дает

¹⁵ См.: *Шерстова Л. И.* Тюрки и русские в южной Сибири: этнополитические процессы и этнокультурная динамика XVII — начала XX века. Новосибирск, 2005. С. 66–67; *Она же.* Аборигенная политика московского царства в Сибири: проблема синтеза социально-политических институтов в XVII в. // Вестн. Томск. гос. ун-та. 2012. № 365; *Она же.* Восприятие русской власти аборигенами Сибири в XVII в.: евразийский (центральноазиатский) контекст // Сибирские исторические исследования. 2013. № 1; *Она же.* Аборигенная политика России и этнополитические процессы в Сибири: конец XVI — начало XX в. Томск, 2017. С. 26, 30–31, 44, 56; *Бахлов И. В., Напакова И. Г.* Поволжье-Приуралье и Сибирь в территориальном комплексе Российской империи: специфика колонизации и управления // Вестн. Чувашского ун-та, 2011. № 2. С. 11, 13; *Они же.* Национальная периферия в Российской империи: специфика положения и организация системы управления // Федерализм. 2011. № 1. С. 168–169.

¹⁶ См., например: *Фроянов И. Я.* Рабство и данничество у восточных славян. СПб., 1996. С. 456—484.

¹⁷ См.: *Полудье: всемирно-историческое явление.* М., 2009.

¹⁸ До похода Ермака дань, взимаемая с сибирских народов, называлась «данью». Впервые она была обозначена как «ясак» в наказе 1586 г. сибирским воеводам Е. Ржевскому и Г. Васильчакову. Это, как верно подметил А. Т. Шашков, «для вновь приобретенных территорий Северной Азии,

оснований говорить об «ордынском наследии», речь можно вести лишь о гибкости «дискурсивного» подхода русской власти к маркированию своих взаимоотношений с покоряемыми народами.

Уплата ясака в государеву казну, как уже отмечалось, выступала главным показателем подданства и признания русской власти, и обложение ясаком имело для русской стороны (а, надо полагать, и для многих сибирских народов, уже знакомых с системой господства-подчинения) не только экономическое, но и политическое значение, на что уже неоднократно указывалось в исследованиях, посвященных истории присоединения Сибири.

Во всех русских документах, описывающих подчинение иноземцев, приведение «под высокую государеву руку» расшифровывалось как их обложение ясаком (сразу или в перспективе) и присвоение им статуса «вечных холопов»:

«Быти мне и всему моему роду под ево государевою царскою высокою рукою в вечном прямом ясачном холопстве навеки неотступным без измены» (1650/51 г.)¹⁹;

«чтоб тех новых земель людей под государеву царскую высокую руку привести и ясак с них в государеву казну иметь и учинити б тех земель людей впредь под государевою царскою высокою рукою в холопстве на веки неотступных» (1683 г.)²⁰;

«для прииску и призову новых немирных земель неясачных людей под государеву царского величества высокую руку в ясачной платеж и в вечное холопство» (1689 г.)²¹;

«чтоб им великого государя под царскую высокосамодержавную рукою жить в вечном холопстве и в ясачном платеже» (1710 г.)²².

долгое время находившихся под властью татар, было явлением знаковым» (Шашков А. Т. Югра в эпоху Средневековья // Он же. Избранные труды. Екатеринбург, 2013. С. 638).

¹⁹ РГАДА. Ф. 1177. Оп. 3. Стб. 975. Л. 7.

²⁰ КПМГЯ. Л., 1936. С. 75.

²¹ СДИБ. С. 365.

²² ПСИ. СПб., 1882. Кн. 1. С. 421.

Категоричный отказ от платежа ясака, сопровождавшийся вооруженным сопротивлением (или угрозой его применения) или уходом из-под контроля русской власти (переселением на новое место жительства), квалифицировался как «измена», и иноземцы из ясачных (подданных) превращались в «неясачных» и «немирных» «изменников», т. е. неподданных. Однако, если иноземцы как-то объясняли, пусть даже надуманно, неуплату ясака, т. е. формально и публично не отказывались от своих ясачных обязательств, то они не считались изменниками. В этих случаях ясачные сборщики должны были выяснить истинные причины, мешавшие иноземцам стабильно платить ясак в положенном размере²³.

Ясачное обложение являлось также важнейшим элементом процесса политической идентификации народов Сибири — их «освоения и присвоения» Русским государством. Став данниками, иноземцы начали превращаться для русской власти в «своих», в тех, кто был включен в русское государственное социально-политическое и правовое пространство. В некотором смысле можно говорить, что если земельная рента является экономической формой реализации земельной собственности (получатель ренты является собственником земли)²⁴, то налоги в их разных формах (дань, ясак, подати и т. д.) выражают собственность патримониального государства (точнее — его правителя) на подданных. К слову сказать, как уже говорилось, в то время, в XVII в., русские люди ощущали себя целиком и полностью принадлежащими царю, который во всех людях «волен»²⁵.

Превращение сибирских иноземцев в подданных, в государеву «собственность» осуществлялось постепенно. Для многих сибир-

²³ См., например, «сказки» служилых людей и «допросы» иноземцев конца 1680-х — первой половины 1690-х гг. о ясачном недоборе в Якутии (Материалы по истории Якутии XVII века (Документы ясачного сбора). М., 1970. Ч. 3. С. 969–1066).

²⁴ Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. Т. 3 // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. М., 1962. Т. 25. Ч. 2. С. 183–184.

²⁵ Лукин П. В. Народные представления о государственной власти в России XVII века. М., 2000. С. 19, 20.

ских народов, особенно тех, кто обитал в южной части Сибири, этот процесс облегчался тем, что они еще до появления русских знали стабильные формы социальной стратификации, властных структур и политической зависимости одних этнотерриториальных сообществ от других. Эта зависимость была представлена издавна существовавшими у них институтами данничества и кыштымства. Известно им было и одаривание почетными подношениями как своих, так и чужих «вождей»²⁶. При этом нередкими были ситуации, когда те, кто взимал дань со своих кыштымов, сами являлись данниками (кыштымами) более сильных соседей. Важно учитывать и традиционное мировоззрение народов Южной Сибири, которое было «пронизано идеей о том, что все живое является чьими-то подданными и обязано платить подати»²⁷, а также представление кочевников — тюрков и монголов о неизбежности перехода лидерства в Степи от одного удачливого (харизматичного) вождя к другому, от одной династии к другой²⁸, о «легитимности земельного владения только в форме пожалования от монарха»²⁹, т. е. какого-то «верховного правителя».

Названные народы, психологически и ментально готовые находиться под чьей-то, пусть даже номинальной властью, ориентировались на того, кто был сильнее, меняя свои предпочтения в зависимости от реального соотношения военно-политических сил в регионе. И когда русская власть закреплялась на какой-либо территории, успешно демонстрировала свою мощь и отвергала притязания

²⁶ О практике почетных подношений см.: *Бахрушин С. В.* Ясак в Сибири // Он же. Науч. тр. М., 1955. Т. 3. Ч. 2. С. 50–51.

²⁷ *Шерстова Л. И.* Представления о «чужих» в ментальной традиции аборигенов Южной Сибири // *Народонаселение Сибири: Стратегии и практики межкультурной коммуникации...* С. 225; *Она же.* Аборигенная политика России и этнополитические процессы в Сибири... С. 29.

²⁸ См.: *Рахимзянов Б. Р.* Москва и татарский мир: сотрудничество и противостояние в эпоху перемен. XV–XVI вв. СПб., 2016. С. 197.

²⁹ *Трепавлов В. В.* Присоединение народов Поволжья и Южного Урала // *Российское государство от истоков до XIX века: территория и власть.* М., 2012. С. 161.

соперников (все тех же кочевников — калмыков, джунгаров, киргизов, монголов), народы, обитавшие на этой территории, признавали ее в качестве силы, которой незазорно подчиняться, тем более что она предлагала уже знакомые им формы и технологии подчинения: дарообмен, дань, шертование, дистанционную эксплуатацию³⁰. Для таких народов фактически происходила смена одного правителя другим, причем их собственный статус — «подданных» или находившихся под чьим-то протекторатом — кардинально, по крайней мере на первых порах, не менялся. В связи с этим весьма показательны, что уже на четвертый день после взятия ермаковыми казаками столицы Сибирского юрта к ним с дарами явился хантыйский князец Бояр, а затем последовали мансийские князцы Ишбердей и Суклем и другие «иноязычные» князцы, бывшие до этого в «вассальных» отношениях к хану Кучуму. На контакт с казаками пошли и некоторые представители татарской властной элиты³¹. В свою очередь и русским издавна была знакома практика «рейдерского захвата» чужих данников. Как писал С. В. Бахрушин, перевод русскими дани на себя «переносит нас во времена князя Олега, пославшего к радимичам с вопросом: кому дань даете? Они же реша: Козаром. И рече им Олег: не дайте козаром, а мне дайте: и вдаша Олгови по шьягу, якоже козаром даяху»³².

Смена верховного правителя вполне адекватно осознавалась самими иноземцами. Так, к примеру, чатские татары свое восприятие произошедших изменений в связи с появлением русских выразили в 1598 г. в следующей формулировке:

«По ся деи места мы государю не служили и ясаку не давали, блюлись Кучума царя <...> а нынеча деи Кучюма государевы люди побили, и Кучюм деи от нас пошол прочь, и мы

³⁰ См. также: *Fisher R. H. The Russian fur trade, 1550–1700.* Berkeley; Los Angeles, 1943. P. 51–52; *Трепавлов В. В. «Белый царь»...* С. 89, 91, 175; *Шерстова Л. И. Аборигенная политика России и этнополитические процессы в Сибири...* С. 39.

³¹ См.: *Миллер Г. Ф. История Сибири.* Т. 1. С. 220, 221, 234.

³² *Бахрушин С. В. Ясак в Сибири.* С. 52.

все государю служить ради головами своими и ясак с своих волостей давати»³³.

В данном случае срабатывал защитный механизм приспособления к изменившимся политическим условиям (один из механизмов политической адаптации³⁴): уплата дани-ясака и выполнение прочих повинностей в пользу российского монарха рассматривались аборигенами как непереносимое условие получения взамен покровительства и защиты, а также обеспечения мирных условий жизнесуществования. К тому же, напомним, все это в увязке друг с другом декларировалось сибирским иноземцам в «государевом жалованном слове».

Правда, не следует полагать вслед за А. Н. Радищевым, что «порабощенным народам, а паче Сибирским, которые платят дань или ясак, все равно было платить оной Ермаку, царю Российскому или хану Кучуму»³⁵ (такая оценки встречается и в историографии³⁶). Им было не все равно, они выбирали сильнейшего. Поэтому темпы и характер их подчинения русской власти были разновариантными. В одних случаях кыштымы (например, часть остяков, вогулов, предбайкальских тунгусов) относительно быстро переходили на сторону русских и оказывали им помощь в подчинении как своих бывших хозяев, так и других народов. В других случаях кыштымы долго не могли определиться, на чью сторону встать. Так, многие из кыштымов енисейских киргизов весь XVII в. неоднократно оказывали военную поддержку киргизским князьям в их противостоянии русской власти. На ряде территорий Южной Сибири установилась система многоданничества, когда отдельные народы, балансируя в целях самосо-

³³ АИ. Т. 2. С. 8.

³⁴ См. подробнее: Зуев А. С. Механизмы адаптации сибирских народов к российской власти во время присоединения Сибири к России (конец XVI — начало XVIII века) // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: История, филология. 2014. Т. 13. Вып. 8.

³⁵ Радищев А. Н. Полн. собр. соч. М.; Л., 1941. Т. 2. С. 151.

³⁶ См., например: Бахрушин С. В. Ясак в Сибири. С. 52; Залкинд Е. М. Присоединение Бурятии к России. Улан-Удэ, 1958. С. 19; Вернадский Г. В. Московское царство. Тверь; М., 1997. Ч. 1. С. 11.

хранения между интересами соперничавших сил (русскими, киргизами, джунгарами, монголами), давали дань всем заинтересованным в ее получении сторонам³⁷. Решающую роль в выборе политической ориентации в конечном счете играл фактор силы.

Сложнее и медленнее происходило привыкание и приспособление к роли «налогоплательщиков» тех народов, для которых данничество, аманатство и стабильные властные институты являлись принципиальной новацией, — самоедов, юкагиров, чукчей, коряков, камчадалов (ительменов), части тунгусов, обитавших в северных и северо-восточных районах Сибири. Но и они, включаясь в дарообменные отношения с русскими, постепенно адаптировались к своему статусу ясачно-плательщиков и необходимости подчиняться русской власти.

Объяссачивание, символизировавшее «огосударствление» сибирских иноземцев, осуществлялось постепенно, что выражалось в переходе от неокладного к окладному ясаку³⁸. Неокладной ясак

³⁷ См. подробнее: *Боронин О. В.* Двоеданничество в Сибири XVII — 60-е гг. XIX вв. Барнаул, 2004. С. 14–92.

³⁸ О системе ясака, сложившейся в Сибири в XVII в., см.: *Буцинский П. И.* Сочинения в двух томах. Тюмень, 1999. Т. 1: Заселение Сибири и быт первых ее насельников. С. 297–309; Т. 2: Мангазея. Сургут, Нарым и Кетск. С. 25–33; *Огородников В. И.* Русская государственная власть и сибирские инородцы... С. 73–79; *Бахрушин С. В.* Ясак в Сибири; *Fisher R. H.* The Russian fur trade... P. 48–61; *Lantzeff G. V.* Siberia in the Seventeenth century... P. 123–132; *Токарев С. А.* Очерк истории... С. 65–89; *Гурвич И. С.* Ясак в Якутии в XVII веке // *Материалы по истории Якутии...* Ч. 1; *Иванов В. Н.* Социально-экономические отношения у якутов. XVII век. Якутск, 1966. С. 54–66; *Иванов В. Ф.* Письменные источники по истории Якутии... С. 116–129; *Бродников А. А.* Сбор ясака: зависимость процесса объяссачивания от потестарно-политической ситуации в регионе (По материалам Восточной Сибири XVII в.) // *Евразия: культурное наследие древних цивилизаций.* Новосибирск, 1999. Вып. 1; *Савченко С. Н.* Ясачная политика царской администрации в период освоения Приамурья русскими в XVII в. // *Научный сборник «Записки Гродековского музея».* Хабаровск, 2003. Вып. 5; *Хромых А. С.* Сибирский фронт. Встреча цивилизаций от Урала до Енисея (Последняя треть XVI — первая четверть XVII века). Красноярск, 2012. С. 196–206.

представлял собой случайные, нерегулярные и нефиксированные платежи, когда русские ясачные сборщики брали столько, сколько сами иноземцы согласны были дать, зачастую в обмен на подарки (что, конечно, способствовало более комфортной адаптации сибирских народов к новой для них политической ситуации³⁹), или столько, сколько удавалось взять с них силой (что могло способствовать конфронтации). И если последний вариант формально запрещался вышестоящими властями, то возможность и даже желательность неокладного ясака нередко предусматривалась в инструктивных документах:

«Ясак велели с них взяти, что в их земли ведетца, по чему они сами на себя и на улусных людей положат» (1609 г.)⁴⁰;

«взяти с них государев ясак как мочно, чтоб им было не в тягость, и тем бы их наперво не ожесточить и от государевы царьские высокие руки не отогнать» (1639 г.)⁴¹;

«и под государеву высокую руку приводить и ясак с них на государя збирать по сколько доведетца как мочно, чтобы первым ясаком не отежелить» (1641 г.)⁴²;

«ясак с них на государя имать по тому же, как мочно, примерясь к иным иноземцам ясашным людем» (1645 г.)⁴³;

«ясак с них сбирать, потому ж как и с их братьи, ласкою, а не жесточью, смотря по их мочи, кому что мочно платить» (1674 г.)⁴⁴;

³⁹ Это вполне понимали и многие из землепроходцев. Так, И. Галкин, начавший подчинение якутов, замечал в своей челобитной 1632 г.: «А нынеча мы, холопи твои, с тех новых земель имали ясак не великой, чтоб им впредь было повадно твой, государев, ясак платить, а вдруг их от твоего, государева, жалованья не ожесточить» (Материалы по истории Якутии... Ч. 3. С. 1070–1071).

⁴⁰ РМО. 1607–1636. М., 1959. С. 38.

⁴¹ ДАИ. Т. 2. С. 161–162.

⁴² РГАДА. Ф. 1177. Оп. 3. Стб. 152. Л. 94–95.

⁴³ КПМГЯ. С. 96.

⁴⁴ АИ. СПб., 1842. Т. 4. С. 522.

«ясак с них собирать по сколько с кого взять мочно, смотря по людям» (1695 г.)⁴⁵;

«и собирать с них великого государя ясак, усматривая по их промыслом, чтоб как казне великого государя было прибыльнее, а им бы иноземцам в силу и не в тягость» (1709 г.)⁴⁶.

Но при этом количество неокладного ясака, а также лица, давшие его, подлежали переписи:

«Вновь немирных земель неясашных людей ласкою и приветом под их государскую высокою руку призывать и ясак с них по тому ж збирать с великим раденьем и писать в книги имянно ж»⁴⁷.

В качестве лиц, вносивших неокладной ясак, в русских документах фиксировались, как правило, лишь предводители этнотерриториальных объединений и «лучшие мужики». Такой ясак взимался с тех, чье подчинение только началось или еще продолжалось, а также с тех, кто обитал в труднодоступных районах. Он по сути представлял собой либо дары, либо реквизицию, либо грабеж в пользу великого государя, т. е. ясаком был фиктивным. Но казаки извещали воевод, а воеводы — Москву о включении в подданство новых групп иноземцев и взимаемые с них материальные ценности объявляли ясаком.

По мере укрепления русских позиций в том или ином районе Сибири правительство начинало требовать окладной ясак, т. е. точно нормированный (определенного размера), а также регулярного ведения окладных ясачных книг. В этих книгах с разбивкой по годам, по ясачным волостям и / или «родам» и улусам фиксировались поименно все ясачноплательщики, которыми становились взрослые лица мужского пола, количество внесенного ими ясака, а также объем недоимок (разница между нормативом и реальными платежами). Таким образом государство в отношении сибирских иноземцев вво-

⁴⁵ РГАДА. Ф. 1177. Оп. 3. Стб. 2680. Л. 81.

⁴⁶ ПСИ. СПб., 1885. Кн. 2. С. 508.

⁴⁷ СДИБ. С. 255.

дило определенную налоговую систему⁴⁸, и ясак превращался в разновидность государственного налога, обязательного к внесению в государеву казну⁴⁹, благодаря чему статус ясачных людей сближался со статусом русских налогоплательщиков-тяглов. Кроме того, благодаря ясачным книгам в большей или меньшей степени осуществлялась инвентаризация местного населения.

Неокладной и окладной ясак ясачные сборщики обязаны были собирать с «великим радением», «пред прошлыми годами» «без недобора с прибавкою», обеспечивая эту прибавку за счет включения в платеж новых групп иноземцев: «подростков их и детей, и братью, и племянников, и захребетников». Центральной установкой при сборе ясака являлось наращивание прибыли в государеву казну, поэтому за недобор окладного ясака ясачным сборщикам и воеводам Москва грозила санкциями: взиманием «доимки» с них лично⁵⁰. Однако, стремясь к увеличению ясачных поступлений, русская власть адекватно соотносила свои желаемые потребности с реальными возможностями. Ее подход к размеру ясака был гибкий и учитывал уже существовавшие у сибирских народов даннические практики (если они были), природно-климатические условия отдельных районов и характер принятия иноземцами российского подданства: в тайге ясак был больше (доходя до 10 и более шкурок пушного зверя с ясачноплательщика в год), чем в тундре и степи (обычно по одной или несколько шкурок в год), этнотерриториальные группы более сильные в военном отношении платили меньше,

⁴⁸ См.: Гурвич И. С. Ясак в Якутии... С. XLIV.

⁴⁹ Говорить для XVII в. о государственном налоге следует, конечно, условно, поскольку в государстве-вотчине, коим являлась Московская Русь, все денежные и натуральные сборы с населения считались поступающими в пользу государя. Правда, львиная их доля расходовалась на собственно государственные нужды, которые, однако, рассматривались современниками как «государевы».

⁵⁰ См.: Вершинин Е. В. Воеводское управление в Сибири (XVII век). Екатеринбург, 1998. С. 72; Иванов В. Ф. Письменные источники... С. 40.

чем слабые⁵¹. Ясак взимался преимущественно пушшиной, прежде всего соболями, затем лисицами, песцами, белками, бобрами, горностаями, росомахами. Но там, где пушной зверь водился в ограниченном количестве, в ясак в дополнение к пушшине или взамен нее брали домашний скот, лошадей, выделанные кожи, оружие (со скотоводов степных районов), оленей и выделанные олени шкуры (с оленеводов тундры), моржовые клыки и кожи (с морских зверобоев крайнего северо-востока Сибири). Саянские народы иногда расплачивались тканями («китайкой»), а «кузнецкие татары» — железными изделиями собственного производства. В Западной Сибири, где соболь был очень быстро истреблен, ясак стал «монетизироваться», и к концу XVII в. денежная доля в составе окладного ясака здесь доходила до половины. С середины XVII в. началась замена пушнины деньгами и в Восточной Сибири.

Окладной ясак формально накладывался на каждого ясачноплательщика, и его размер определялся достатком последнего («смотря по вотчинам и по промыслам»). Государственная власть стремилась к тому, чтобы ясачноплательщиками стали все взрослые мужчины, включая и тех, кто относился к зависимому населению, т. е. ясачное обложение должно было быть поголовным и индивидуальным⁵². Однако

⁵¹ Индивидуальный размер ясака мог сильно варьироваться даже в пределах одного уезда и одной ясачной волости (см., например: *Lantzeff G. V. Siberia in the Seventeenth century...* P. 126; *Иванов В. Н. Социально-экономические отношения у якутов...* С. 58, 62).

⁵² Судя по известным нам наказам воеводам, с 1630-х гг. появилось предписание «отставлять» от ясака «старых», «увечных», «немочных» и «недорослей» («меньше 18 лет в ясак не писати») (См.: РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 30. Л. 329; ПСЗРИ. СПб., 1830. Т. 3. С. 366, 396, 543–544, 572, 588, 588; Т. 4. С. 103–104; ДАИ. СПб., 1851. Т. 4. С. 158, 362). И хотя это предписание содержится не во всех наказах, мы полагаем, что оно распространялось на всю территорию Сибири. Другое дело, что на практике решение вопроса об обложении ясаком отдавалось на усмотрение ясачным сборщикам, которые, выполняя общую установку на расширение контингента ясачноплательщиков, включали в ясачное обложение как можно большее количество лиц мужского пола, прежде всего, конечно, тех, кто мог самостоятельно вести добычу пушнины.

на практике ситуация опять же была вариативной. В разных районах вследствие указанных выше факторов, определявших размер ясака, ясачноплательщиками реально были либо все взрослые лица мужского пола (это встречалось чаще всего), либо «домохозяева» — главы больших или малых семейств, либо только «лучшие люди» и «родоначальники». Они и заносились поименно в ежегодно составляемые ясачные книги. Запись иноземцев в эти книги являлась для русских властей основанием считать их своими подданными, причем вместе с теми их родственниками, за кого они платили ясак. Однако в ряде мест ясак реально вносился не индивидуально, а коллективно — от группы лиц — «рода»-клана, сотни, юрта, улуса и даже волости, и ответственность за его уплату несли «вожди» и «лучшие люди», которые лично сдавали ясак как за себя, так и за своих сородичей (с которых сами собирали ясак). Общий объем ясака с аборигенных «административных» подразделений (определяемый в зависимости от формального числа ясачноплательщиков) внутри них раскладывался в зависимости от хозяйственного благосостояния и платежеспособности их членов, в результате чего более состоятельные — «лучшие мужики», князцы, тойоны, нойоны и т. д. — давали больший ясак, нежели их бедные «сородовичи», а то и вообще платили за них⁵³. Такая практика вполне устраивала русскую власть, она была ей хорошо знакома: аналогичным образом по принципу общинной круговой поруки тянули «государево» тягло русские крестьяне и посадские люди⁵⁴. К тому же в вопросе поступлений ясака в казну власти было все равно, как это делается, главное, чтобы она «не пустела», а «полнилась». Но это вело к тому, что индивидуальное обложение ясаком имело более политическое (как обозначение подданства), нежели фискальное значение.

⁵³ Следует, правда, отметить, что «лучшие люди» и «родовые» «вожди», уплачивая ясак за своих сородичей, приобретали тем самым рычаг для их закабаления. Последние оказывались в зависимости от своих богатых покровителей.

⁵⁴ На этот факт (сходства тягла и ясака по принципу круговой поруки) впервые, насколько мы знаем, обратил внимание Дж. Ланцев (*Lantzeff G. V. Siberia in the Seventeenth century...* P. 124).

Переход к окладному ясаку осуществился не во всех районах Сибири. В отношении тех этнотерриториальных групп, которые вели кочевой или бродячий образ жизни в труднодоступных районах тайги и тундры и в силу этого были слабо охвачены русской «лаской» и «жесточью», или же оставались не вполне подчиненными, весь XVII в. практиковались неокладной ясак и выдача взамен его подарков. «Платят ясак ясачные люди не по окладу и без цены, — отмечалось в ясачной книге Мангазейского уезда за 1633/34 г., — потому что люди кочевные, а не сидячие и живут, переходя с места на место, и ясак платят без ымен с аманаты, сколько принесут, то у них и возьмут и дают тунгусам за то государево жалованье, олово и одекуй, и сукна, и корм»⁵⁵. «И будучи в Анадырском зимовье, — сообщал в 1687 г. бывший анадырский приказчик В. Тарасов, — жил я, Васка, с великим бережением. А ясачные иноземцы великого государя ясак платят по своей воле, потому что видят служилых людей малолюдство великое»⁵⁶. В ясачных книгах, фиксируя взятие ясака с самоедов Березовского уезда, регулярно повторялось: «А платят государев ясак казымская и обдорская самоедь не по окладу; хто что ясаку и какую мяхкою рухлядью даст, то у них и емлют <...> И год перед годом самоедь приезжает неровно»⁵⁷. Ясачные сборщики не в состоянии были даже переписать поименно всех, кто предполагался в ясачноплательщики. При постоянных перемещениях бродячие и кочевые иноземцы зачастую записывались в ясачные книги по разным острогам и зимовьям, нередко под разными именами, поскольку либо сами меняли их из «хитрости», либо ясачные сборщики неверно воспринимали их на слух — все это вносило путаницу в учет ясачного населения. При этом долгое время, пока иноземцы привыкали к русскому присутствию и сохранялось взаимное недо-

⁵⁵ Александров В. А. Русское население Сибири XVII — начала XVIII в. (Енисейский край). М., 1964. С. 22. См. также: Бахрушин С. В. Ясак в Сибири. С. 64; Долгих Б. О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. М., 1960. С. 173, 174.

⁵⁶ ДАИ. СПб., 1867. Т. 10. С. 351.

⁵⁷ Долгих Б. О. Родовой и племенной состав народов Сибири... С. 68.

рие, обмен ясака на подарки нередко осуществлялся дистанционно: их издали «метали» друг другу, обменивали через окно зимовья или оставляли на видном месте перед русским укреплением⁵⁸.

Наряду с ясаком ясачные обязаны были давать так называемые «поминки» и «почести» (почетные подношения) все той же пушшиной, которая формально адресовалась лично царю⁵⁹. «Первоначально, — отмечал С. В. Бахрушин, — это были по сути “дары” на основе дарообмена. Но затем “дары” превратились в обязанность, правда, неокладную, нефиксированного размера»⁶⁰. По оценке А. Ю. Конева, «к концу XVII в. “поминочная рухлядь” на имя государя становится обязательной, неотъемлемой частью ясачного сбора и фактически сливается с ним»⁶¹.

Ясачные платежи и подношения в совокупности, как неоднократно отмечалось исследователями, в перерасчете на деньги были значительно меньше податей русского тяглого населения. Но, как и русские тяглецы, ясачные люди выполняли немало «натуральных» повинностей: привлекались к постройке русских крепостей и расчистке дорог, перевозке казенных грузов и служилых людей, несению военной службы, добыче для нужд местной администрации соли, рыбы и ягод, поставке дров, а в ряде районов Западной Сибири — даже к обработке «государевой пашни», предоставляли жилье для постоя служилым людям⁶².

⁵⁸ См.: ДАИ. СПб., 1848. Т. 3. С. 338; *Бахрушин С. В.* Ясак в Сибири. С. 75, 76, 77.

⁵⁹ «Почестие» было издревле известно на Руси как своеобразная прибавка к сумме основного налога за “уважение” к князю, на имя которого тот налог собирался» (*Григорьев А. П.* Сборник ханских ярлыков русским митрополитам: Источниковедческий анализ золотоордынских документов. СПб., 2004. С. 61).

⁶⁰ *Бахрушин С. В.* Ясак в Сибири. С. 60.

⁶¹ *Конов А. Ю.* Дар, дань и торговля: антропология взаимодействия автохтонов Сибири и русских в XVII–XIX вв. // *Этногр. обозрение.* 2017. № 1. С. 48.

⁶² См. подробнее: *Буцинский П. И.* Сочинения в двух томах. Т. 1. С. 297–305; *Огородников В. И.* Русская государственная власть и сибирские инородцы... С. 80–84; *Козьмин Н. Н.* Очерки прошлого и настоящего Сибири. СПб.,

Подход властей к взиманию окладного ясака был вариативным и ситуативным. С одной стороны, они, исходя из конкретной политической обстановки и платежеспособности населения, могли предоставить серьезные льготы: сократить размер ясака, временно прекратить его взимание, списать недоимки. Но, с другой стороны, могли, наоборот, для взыскания ясака в полном размере прибегнуть к мерам принуждения и устрашения: посадить ясачного в тюрьму, поставить его на «правеж» (бить батогами или кнутом), взять в «заклад» его жену и детей, конфисковать у него ценное имущество.

Наиболее ярко гибкость московского правительства в подходе к ясачному обложению проявилась в порубежных районах Южной Сибири. Уже в конце XVI в., замечает В. В. Трепавлов, на территории бывшего Сибирского юрта были волости, «население которых платило половину ясака русским властям, половину — Кучуму». Таким образом складывалась практика двоеданничества⁶³. В дальнейшем она была отработана в Барабинских степях, на Алтае, в Хакасско-Минусинской котловине и в Саянах, где экспансионистские устремления Русского государства столкнулись со встречными притязаниями на эксплуатацию местных народов со стороны телеутских и киргизских князцов, джунгарских хунтайджи (контайши) и монгольских алтын-ханов. Сложившийся баланс военно-политических

1910. С. 10–12; *Lantzeff G. V. Siberia in the Seventeenth century...* P. 104–105; *Бояришинова З. Я.* Население Томского уезда в первой половине XVII века // Труды Томск. гос. ун-та. Серия историко-филологическая. Томск, 1950. Т. 112. С. 98–100; *Люцидарская А. А.* Государственные практики культурно-хозяйственной адаптации коренных народов Сибири XVII — начала XVIII в. // Гум. науки в Сибири. 2014. № 2.

⁶³ *Трепавлов В. В.* Сибирский юрт после Ермака: Кучум и Кучумовичи в борьбе за реванш. М., 2012. С. 28. Этот исследователь также констатирует, что, «очевидно, с явлением так называемого двоеданничества русские впервые познакомились в Сибири именно при налаживании отношений с Кучумовыми ясачниками» (Там же). Последнее утверждение является неверным, так как (и на это мы указывали выше) практика двоеданничества была известна русским по крайней мере с XIII в.

сил в указанных регионах привел к установлению здесь с 1640-х гг. системы многоданничества. Так, барабинские татары давали одновременно ясак русским и алман (дань) — джунгарам, аборигенное население Алтая, Хакасско-Минусинской котловины и Саян — русским, киргизам, монголам-хотогойтам и джунгарам. Русская власть признавала сложившуюся систему не только *de facto*, но и *de jure*, заключая соглашения о порядке совместной эксплуатации кыштымов со своими соперниками⁶⁴. Это дает основание утверждать, что там, где не позволяли условия, московское правительство не лезло напролом, довольствуясь до поры до времени тем, что удавалось взять, но при этом оно ни на шаг не отступало от уже занятых позиций, а, наоборот, укрепляло свои власть и влияние среди «многоданцев».

Гарантией уплаты ясака и верности «великому государю» русская сторона считала *аманатство* — заложничество, которое практиковалось не только в Сибири, но и в Поволжье и на Кавказе. Опять же следует заметить, что аманатство, вопреки утверждениям ряда историков⁶⁵, не являлось «ордынским наследием» в московской политике. Практика заложничества известна была всем народам, а не только монголам и тюркам, она уходит корнями в период разложения первобытнообщинного строя, когда начали возникать новые социально-политические структуры и отношения, а межобщинные и межплеменные войны стали обычным явлением. С возникновением государств взятие заложников превратилось в норму их отношений с окрестными «варварами» и даже между собой. Знали эту практику во внутривосточных и внешнеполитических отношениях

⁶⁴ См.: Боронин О. В. Двоеданничество в Сибири... С. 14–92; Трепавлов В. В. «Белый царь»... С. 177–179.

⁶⁵ См.: Шерстова Л. И. Тюрки и русские в южной Сибири... С. 66–67; Она же. Аборигенная политика московского царства...; Она же. Восприятие русской власти аборигенами Сибири...; Ходарковский М. В чем Россия «опережала» Европу, или Россия как колониальная империя // Окраины Московского государства и Российской империи: инновационные подходы в изучении имперской истории России. Казань, 2015. С. 76.

и на Руси, причем до монгольского нашествия и установления над ней власти Золотой Орды⁶⁶.

В Древней и Средневековой Руси для обозначения заложника использовались слова «таль», «тальщик», «заклад», заложничества — «тальб», «заклад»⁶⁷. Слово «аманат» — арабское (amanat *آمانات*, от араб. aman — безопасность, спокойствие), буквально оно означает «люди верности» или «люди чести», в общем смысле «вверенное на хранение»⁶⁸. В русской политико-правовой лексике слово «аманат (оманат)» («аманатчик (оманатчик)») активно стало использоваться, насколько нам известно из источников, с начала XVII в. Вероятно, как и «шерть», оно пришло в русский язык из татарского языка⁶⁹. В делопроизводственной документации, касающейся Сибири, это слово начинает встречаться, но крайне редко, в середине 1610–1620-х гг.⁷⁰ Однако до 1640-х гг. включительно для обозначения заложников,

⁶⁶ См.: Зуев А. С. Присоединение Сибири Россией: ордынское наследие и исторические реалии // Развитие территорий. 2015. № 1. С. 98.

⁶⁷ См.: Энциклопедический словарь, составленный русскими учеными и литераторами. СПб., 1862. Т. 4. С. 14; СРЯ. М., 1978. Вып. 5. С. 210; Толковый словарь Даля [Электронный ресурс. URL: <http://slovari.yandex.ru/~книги/Толковый%20словарь%20Даля/> ТАЛЬ/; дата обращения: 21.09.2014]. Заметим, что слова «заклад», «закладник» для обозначения политического заложника применялись и в литовско-крымских отношениях (См.: Любая А. А. Институт закладников в дипломатических отношениях Великого княжества Литовского и Крымского ханства в конце XV — первой трети XVI вв. // Средневековые тюрко-татарские государства. 2011. № 3).

⁶⁸ Русско-арабский. Арабско-русский словарь. М., 2005. С. 147. См. также: Толковый словарь Кузнецова [Электронный ресурс. URL: http://mirslavare.com/content_kuznec/amanat-143226.html; дата обращения: 21.09.2014]; Википедия [Электронный ресурс. URL: [https://ru.wikipedia.org/wiki/Аманат_\(ислам\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/Аманат_(ислам)); дата обращения: 21.09.2014].

⁶⁹ См.: Этимологический словарь Фасмера [Электронный ресурс. URL: <http://fasmerbook.com/p012.htm>; дата обращения 20.09.2014].

⁷⁰ См.: РМО. 1607–1636. С. 40; РИБ. Т. 2. Стб. 856, 1083; Миллер Г. Ф. История Сибири. Т. 2. С. 399.

взятых у местного населения, в сибирском делопроизводстве наряду со словом «аманат» продолжались применяться слова «заклад», «закладчики». Слово «аманат» в качестве единственного наименования заложников утвердилось только с середины XVII в.⁷¹

Аманатов, как уже говорилось, русские стремились взять (как правило, захватить силой или хитростью) у иноземцев уже во время своих первых контактов с ними: «А для укрепления за тем ясаком велеть служилым людям имать в оманаты тех землиц лутчих людей, по скольку человек пригож»⁷². В последующем сибирские администраторы неизменно требовали, чтобы иноземческие «вожди» и «лучшие люди» либо сами становились аманатами, либо выдавали в этом качестве кого-либо из своих ближайших родственников, но исключительно мужчин⁷³. Время от времени лица, состоявшие в аманатах, менялись. Но периодичность замены не регламентировалась. Аманаты содержались в городах, острогах и зимовьях в специальных аманатских избах, иногда даже будучи скованными (если их «род» проявлял «шатость» или «измену»). На их содержание в местной казне предусматривалась особая статья расходов — «аманатский корм». Но его зачастую не хватало, и аманаты питались тем, что приносили сородичи, или «мирским подаением»⁷⁴.

⁷¹ Данный вывод сделан в результате контент-анализа основных неопубликованных и опубликованных источников по истории Сибири конца XVI — XVII в.

⁷² КПМГЯ. С. 75.

⁷³ Следует отметить, что в XVII в. аманатство широко практиковалось русской властью и во взаимоотношениях с кочевниками, обитавшими на русском пограничье в европейской части страны — татарами, башкирами, ногайцами, калмыками.

⁷⁴ См.: Якутия в XVII веке... С. 280–282; Люцидарская А. А. Аманаты в Сибири // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 2006. Т. 12. Ч. 2; Самрина Е. В. Аманатство как социально-политический институт присоединения и покорения новых территорий к Российскому государству в XVIII–XIX вв. (на примере Хакасско-Минусинского края) // Вестн. Дагестан. науч. центра РАН, 2013. № 49.

Практика аманатства в целом себя оправдывала, поскольку, как замечает Ю. Слѣзкин, «в большей части Северной Евразии узы родства были достаточно сильны, чтобы использовать их как способ воздействия на сородичей пленника»⁷⁵. Но бывали и сбои, когда «роды» «забывали» о своих аманатах и «впадали в измену» (особенно часто это делали киргизы⁷⁶) или откочевывали подальше от русских поселений (как самоеды, якуты, чукчи, коряки⁷⁷). В последнем случае аманаты, покинутые сородичами, вынуждены были констатировать: «А се, государь, мы, сироты твои, люди дикие и кочевные, на одном месте жить невозможно» (аманат-самоед)⁷⁸; «отец и мати мои, и род, племя отступилися, и твоего государева, ясаку под меня не платят» (аманат-чукча)⁷⁹. Но были и районы, где уже во второй половине XVII в. сама русская местная администрация отказалась от обязательного взятия аманатов, поскольку уже вполне доверяла иноземцам. Такая ситуация, в частности, сложилась к середине 1670-х гг. в русско-якутских отношениях⁸⁰.

⁷⁵ Слѣзкин Ю. Арктические зеркала... С. 36. См. также: Бахрушин С. В. Ясак в Сибири. С. 55–56.

⁷⁶ См.: Бахрушин С. В. Енисейские киргизы в XVII в. // Он же. Науч. тр. Т. 3. Ч. 2; Бутанаев В. Я. История вхождения Хакасии (Хонгорая) в состав России. Абакан, 2007. С. 58–109.

⁷⁷ См.: Бахрушин С. В. Ясак в Сибири. С. 67; История Якутской АССР. М., 1957. Т. 2. С. 64; Зуев А. С. Русские и аборигены на крайнем Северо-Востоке Сибири во второй половине XVII — первой четверти XVIII вв. Новосибирск, 2002. С. 63, 73.

⁷⁸ Бахрушин С. В. Ясак в Сибири. С. 67.

⁷⁹ ОРЗПМ. М., 1951. С. 254–255.

⁸⁰ См.: Токарев С. А. Очерк истории якутского народа. С. 68; История Якутской АССР. Т. 2. С. 64.

**«Белый царь» как «милостивый государь»
и адаптация сибирских иноземцев
к русской политико-правовой системе**

Первые контакты служилых людей с сибирскими иноземцами и их призыв под «высокую государеву руку», как правило, начинались, согласно правительственным предписаниям, с более или менее пространных рассказов командиров землепроходческих отрядов и местных сибирских администраторов о силе и могуществе русского царя, который «велик» и «страшен», о его «милости» к покорным и «грозе» к «непослушникам» и «изменникам», а также об его «обладании» многими «царствами». Тем самым фигура монарха сразу же ставилась в эпицентр русско-аборигенных взаимоотношений, а в сознание иноземцев внедрялся его харизматичный образ⁸¹. В дальнейшем номинальное и фактическое присвоение Сибири русским монархом сопровождалось перераспределением реальных властных полномочий, навязыванием сибирским народам новых (русских) политических понятий и правовым оформлением этого процесса. Все это, вкуче с общей установкой на экспансию, позволяет утверждать, что взаимоотношения русской власти и сибирских иноземцев в глазах царя и московских политиков были однозначно предопределены: расширение православного царства задавалось божественным провидением и статусом царя как наместника бога, а иноземцам в связи с этим предоставлялась лишь одна перспектива — смириться со своей участью и покориться.

В отношениях с сибирскими народами (но не только, конечно, с ними, а также и с собственно русскими подданными) глава государства — русский самодержец явно и однозначно позиционировался как верховный правитель и судья, исключительный собственник и распорядитель всех земель (которые объявлялись его «вотчиной»),

⁸¹ См. подробнее: *Игнаткин П. С.* К вопросу о вербально-коммуникативных аспектах подчинения аборигенов Сибири Московским государством в конце XVI — начале XVIII в. // Актуальные проблемы исторических исследований: взгляд молодых ученых. Новосибирск, 2013.

защитник верноподданных и «гроза» «изменников», его власть считалась санкционированной богом и выразившей его волю⁸². Этот концепт власти в концентрированном виде выражался в жалованных словах, которые от имени царя оглашались подданным — русским и аборигенам — представителями местной администрации. В этих «словах», как говорилось выше, царь брал под свою защиту иноземцев, обещал им свою «милость» (которая, правда, совершенно не конкретизировалась), непокорных же и изменников устрашал «государевою грозой», «военною рукою» и «смертною казнью».

Иноземцы, как бы реально ни развивались отношения русских с ними, давали шерть — присягу на верность, и она давалась лично царю. Какие бы элементы договора ни содержали в себе шертовальная запись и жалованное слово, объявлявшееся от имени царя, в понятиях русской стороны, да и в реальной жизни, они расставляли вполне определенные акценты. С момента их оглашения великий государь присваивал себе право жаловать и наказывать своих новых подданных, а последние обязывались ему давать ясак, быть «на веки неотступно в прямом ясачном холопстве», «служить и прямить во всем по своей шерти» и вообще делать все, что он от них потребует.

Для иноземцев верховной властной инстанцией во всех ее возможных ипостасях становился русский царь. Во всех документах, касавшихся публично-правовой сферы, четко говорилось, что любые официальные действия лиц, облеченных властью, начиная от воевод и кончая рядовыми служилыми людьми, должны были

⁸² В «Ответах четырех Вселенских патриархов», «учиненных по поводу предуготовляемого суда на патриархом Никоном» 1663 г. говорилось, что власть царская — «беспредельная», «Царь есть законное начальство», он — «глава всех и начало», «Царь есть Господь всех» (СГД. М., 1826. Ч. 4. С. 86, 87). По мнению Б. А. Успенского, в XVII в., особенно при царе Алексее Михайловиче, произошла окончательная сакрализация царской власти по византийской модели (*Успенский Б. А. Царь и Бог (Семиотические аспекты сакрализации монарха в России)* (в соавт. с В. М. Живовым) // Он же. Избр. тр. М., 1996. Т. 1. С. 222–229). О народном варианте сакрализации царя см.: *Лукин П. В. Народные представления о государственной власти...* С. 37–54.

осуществляться исключительно от имени «великого государя» и в его интересах. «В системе официальных понятий феодальной монархии, — отмечали В. А. Александров и Н. Н. Покровский, — вся власть исходит от государя, и любое дело, интересующее власть, любой вопрос, по которому эта власть делает какие-либо распоряжения, — это “государево дело”. Весь механизм центральной и местной власти в государственно-бюрократическом идеале рассматривается лишь как проводник государевой воли, поэтому любой акт любого звена управленческой системы оформляется, представ перед населением как “государев указ”, “государева грамота”⁸³. Все «добрые» дела — жалованье, подарки, «питье» и «корм», льготы, меры по защите и поддержанию правопорядка и т. д. — декларировались и претворялись в жизнь как «государева милость», их источником был лично сам великий государь:

«А сказав им государево жалованное слово, велеть их напоить и накормить государевыми запасы довольно, а *кормити ему* (воеводе. — Авт.) *от государя, а не от себя*»⁸⁴;

«и некоторые б им обиды и тесноты не чинили, потому что *все ко одному праведному государю идет*»⁸⁵ (курсив наш. — Авт.).

С помощью жалованных слов и шертовальных записей русская власть четко и однозначно давала понять иноземцам, что они должны жить, трудиться, воевать, платить ясак на благо русского государя, а также указывала, кто отныне для них враг и чужой, а кто свой и хозяин. Им разрешалось подавать челобитные с жалобами и раз-

⁸³ Александров В. А., Покровский Н. Н. Власть и общество... С. 225. «Феодальной монархией» авторы в соответствии с марксистской парадигмой советской историографии называли в своем исследовании монархию, существовавшую в России в XVII в.

⁸⁴ АИ. СПб., 1841. Т. 3. С. 219. См. также: РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 30. Л. 318; Стб. 424. Л. 21; ДАИ. СПб., 1846. Т. 2. С. 267; Т. 3. С. 301; Т. 4. С. 103, 348; ПСЗРИ. Т. 3. С. 378, 553; КПМГЯ. С. 75; Иванов В. Н. Вхождение Северо-Востока Азии в состав Русского государства. Новосибирск, 1999. С. 183.

⁸⁵ СДИБ. С. 50.

ными просьбами, но исключительно на государево имя⁸⁶. И при этом с подачи приказной администрации, служилых людей и толмачей они должны были однозначно идентифицировать себя как люди, находившиеся в полной власти «хозяина»: в обращениях к нему называться «сиротами» и «холопами»⁸⁷. Благодаря разъяснениям, дававшимся русской стороной (прежде всего в жалованных словах), у иноземцев формировалось представление о безусловно ключевом значении фигуры монарха. В этом отношении весьма показателен следующий эпизод: в 1612 г., обсуждая планы восстания против русской власти, пелымские вогуличи аргументировали возможность его успеха тем, что «государя де на Москве нет, ныне де одни в Сибири воеводы, а людей русских мало во всех Сибирских городех»⁸⁸. Из этой фразы можно заключить, что отсутствие верховного правителя представлялась «изменникам» тем фактором, который делал власть русских весьма неустойчивой и, соответственно, сам правитель рассматривался как главнейший элемент, без которого русская политическая система просто не сможет существовать.

⁸⁶ «Любые индивидуальные или коллективные мирские просьбы, предложения, исходившие от управляемых, даже по сугубо местным делам, оформлялись челобитными на государево имя и должны были местными властями отправляться наверх» (Александров В. А., Покровский Н. Н. Власть и общество... С. 225).

⁸⁷ Обозначение «сироты» встречается в челобитных сибирских иноземцев редко и преимущественно в первые десятилетия русско-аборигенных контактов, чаще же они называли себя «холопами». Слова «сирота» и «холоп» в те времена еще имели схожее значение — раб, человек, полностью зависимый от домохозяина (См.: Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. СПб., 1912. Т. 3. Стб. 358–359). В связи с этим интерес представляет вопрос: почему в течение XVII в. в самообозначении сибирских иноземцев слово «сироты» было почти полностью вытеснено словом «холопы»? «Сиротами» в то время обычно именовали себя в челобитных царю представители тяглого населения. К последним, как плательщики ясака, по сути относились и ясачные иноземцы. Обращение же «холоп, холопы» использовали те, кто находился на государственной службе.

⁸⁸ РИБ. Т. 2. Стб. 285; Миллер Г. Ф. История Сибири. Т. 2. С. 261.

Верховная власть демонстративно и однозначно отмежевывалась от тех действий исполнителей своей воли, которые бросали тень на патерналистский образ милостивого государя. Новые воеводы (и в отдельных случаях приказчики), прибыв на место службы, как говорилось выше, обязаны были для оглашения жалованного слова созвать «лучших» иноземцев (вместе с русскими людьми), выслушать их жалобы, объявить самочинными и незаконными все действия прежних воевод, а также приказных и служилых людей, нанесшие ущерб казне и населению, и подтвердить царское обещание защиты и «праведного суда». Правительство, как свидетельствуют его многочисленные распоряжения, адресованные в Сибирь, стремилось оградить ясачных людей от произвола, насилия, злоупотреблений, а также от лишних поборов (сверх окладного ясака и «поминок» лично монарху) со стороны сибирских управленцев и русских людей, в первую очередь служилых и промышленных: «давати суд праведной, и сыскивати накрепко, и росправу и оборонь от руских и от всяких людей велел чинити», «во всем их велел беречи, чтоб им насилства и убытков и продажи ни от кого не было и ясаков лишних имати с них и вновь за посмех прибавливати не велел», «а к ясашным людем держать ласка и привет большой, а обид и налог и жесточи к ним не чинить», «ходя по ясак, ясачным людем напрасных обид и налогов отнюдь никому никаких никоторыми мерами не чинили» и т. д. Показательно, что в случае жалоб иноземцев на русских людей воеводам предписывалось рассматривать их и «давать суд и управу» «безволокитно», тогда как «суд и управу» по жалобам русских на иноземцев было запрещено «давати» без «государева указа»⁸⁹.

⁸⁹ См. царские грамоты и указы сибирским воеводам, воеводские указы приказчикам и ясачным сборщикам, например: РГАДА. Ф. 199. № 133. Ч. 1. Д. 1. Л. 9–19об.; Ф. 214. Оп. 1. Кн. 11. Л. 30–39, 49–62об.; Оп. 3. Стб. 30. Л. 315–346; Стб. 424. Л. 11–61; Ф. 208. Оп. 1. Д. 1. Л. 1–7; Ф. 1177. Оп. 3. Стб. 2680. Л. 2–23, 80–85; ПСЗРИ. Т. 3. С. 235–254, 335–402, 532–595; Т. 4. С. 95–129; АИ. Т. 3. С. 166–167, 217–223; Т. 4. С. 443–454, 521–528; Т. 5. С. 192–199, С. 429–443; ДАИ. Т. 2. С. 161–164, 175–180, 256–258, 262–275; Т. 3. С. 297–317, 350–352; Т. 4. С. 70–80, 100–120, 153–169, 200–223, 345–370,

В этом предписании явно просматривается приоритетная забота «великого государя» о своих новых подданных.

Предпринимались попытки ограничить похолопление иноземцев русскими людьми⁹⁰. Запрещались их принудительное крещение

404–408; 1859. Т. 7. С. 136–158; Т. 8. С. 259–270; 1869. Т. 11. С. 69–70; РИБ. Т. 2. Стб. 814–859; 1894. Т. 15. V. С. 1–35; ПСИ. Кн. 1. С. 417–428, 508–510; Акты времени правления царя Василия Шуйского. М., 1914. С. 363–367; *Миллер Г. Ф.* История Сибири. Т. 2. С. 384–388; 2005. Т. 3. С. 316–318; КПМГЯ. С. 72–86; СДИБ. С. 255–259; Первое столетие сибирских городов. XVII век. Новосибирск, 1996. С. 128–134; Материалы и исследования по истории Северо-Западной Сибири. Екатеринбург, 2002. С. 132–134, 140–145, 147–149; *Иванов В. Н.* Вхождение Северо-Востока Азии... С. 171–196. См. также: *Кулешов В. А.* Наказы сибирским воеводам в XVII веке: Исторический очерк. Болград, 1894. С. 12–17, 24–28; *Буцинский П. И.* Сочинения в двух томах. Т. 2. С. 77, 91; *Вершинин Е. В.* Воеводское управление... С. 67, 69.

⁹⁰ Правда, политика в этом вопросе была непоследовательной. С одной стороны, русскому населению в Сибири уже с конца XVI в. официально запрещалось кабалить ясачных людей за долги и брать их в услужение, превращать пленных в холопов, держать их, продавать и вывозить за пределы Сибири, иметь в холопстве новокрещенных из числа ясачных. Но, с другой стороны, власти реально редко препятствовали служилым людям иметь ясырь-пленных (в том числе новокрещенных) из числа «немирных» иноземцев, которые по сути превращались в зависимых людей. Купля-продажа и передача «даром» сибирских «татар и татарченков мужеского и женского полу», уже бывших в холопстве, то запрещались (указ 1623/24 г.) (Законодательные акты Русского государства второй половины XVI — первой половины XVII века: Тексты. Л., 1986. С. 118), то разрешались «всяким людям по прежнему, опричь воевод и всяких приказных людей, которые воевода и всякие приказные люди у государевых дел будут в Сибири» (Соборное Уложение 1649 года... С. 117). Вовсе не регулировались отношения зависимости разных форм, существовавшие в среде самих аборигенов. Разве что некрещеным иноземцам категорически запрещалось иметь крещеных холопов (См.: Законодательные акты Русского государства... С. 113, 138). См. также: *Фирсов Н. А.* Положение инородцев северо-восточной России в Московском государстве. Казань, 1866. С. 194–198; *Буцинский П. И.* Сочинения в двух томах. Т. 1. С. 140; *Огородников В. И.* Русская государственная власть

(см. ниже) и вынесение им смертного приговора без санкции центральной власти⁹¹, а также применение телесных наказаний в случае неисправного платежа ясака (в наказах воеводам строго указывалось

и сибирские инородцы... С. 95; *Огрызко И. И.* Христианизация народов Тобольского Севера в XVIII в. Л., 1941. С. 12–14; *Lantzeff G. V.* Siberia in the Seventeenth century... P. 102–104; *Фёдоров М. М.* Правовое положение народов Восточной Сибири (XVI — начало XIX в.). Якутск, 1978. С. 83–84; *Конов А. Ю.* Правовое положение «новокрещеных иноверцов» Сибири. XVII–XVIII века // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: История, филология. 2006. Т. 5. Вып. 3 (приложение 1). С. 20.

⁹¹ Центральное правительство стало указывать местным воеводам на недопустимость вынесения смертных приговоров ясачным иноземцам без государева указа с начала XVII в. Но полный запрет на смертную казнь ясачноплательщиков «без ведома государя» был введен только в конце XVII в. (*Вершинин Е. В.* Воеводское управление... С. 123–125). Этот запрет, однако, не касался тех иноземцев, которые создавали реальную угрозу русской власти на той или иной территории. Так, в частности, в грамоте березовскому воеводе П. Черкасскому 1607 г. содержалась явная похвала за расправу с зачинщиками восстания остяков и вогулов: «И вы то учинили гораздо, что пущих начальных воров, сыскав за их измену, казнили, а себя и город, и нашу казну, и хлебные запасы, и служивых людей от изменников убергли» (*Миллер Г. Ф.* История Сибири. Т. 2. С. 238). В наказной памяти 1715 г. С. Трифонову, направленному выяснять причины нападения юкагиров и коряков на русских людей, предписывалось: «и за смертное убийство служилых людей, и разграбление камчатские казны смирить («изменников» «войною». — *Авт.*), чтоб им и иным иноземцом на то смотря, впредь неповадно было так делать; а пущим заводчиком, котория к такому злему делу и убийству заводчики были, учинить, пущим к тому злему делу заводчиком, человеком 2-м или 3-м, при многих служилых людех и иноземцах, по розыску смертную казнь, а иных к смертному страху, положи на плаху, и сняв с плахи, что их великий государь жалует, за иноземчество, от смертной казни, хотя они тому и достойны, указал свободить; а всех за то бить кнутъем» (ПСИ. Кн. 2. С. 80). Отметим, что в отношении русского населения местные власти применяли смертную казнь в соответствии с действовавшими законами без особой санкции Москвы (*Вершинин Е. В.* Воеводское управление... С. 127–130).

«правежем ясак и поминки не править»). Иноземцы не подвергались какой-либо дискриминации в суде по сравнению с русскими, хотя и не обладали какими-либо особыми правами⁹². На челобитные ясачных людей власти, как правило, реагировали оперативно, стремясь адекватно разобраться в сути жалоб и прошений⁹³.

Причины такой заботливости исследователи вполне справедливо усматривают в фискальных интересах государства и стремлении предотвратить возможные возмущения иноземцев — их «шатости», «воровство» и «измены»⁹⁴, а также в зарождении и укреплении патернализма как одной из основ государственной политики⁹⁵, когда правитель — православный государь, царь-«батюшка», рачительный хозяин-вотчинник — в равной мере заботится о своих «чадах» — собственности, всем подвластном населении, невзирая на этнокультурные различия и разные вероисповедания.

Московская власть была заинтересована в исправном поступлении ясака в казну, поддержании мира на новой «украине» и в формировании положительного имиджа «благочестивого» царя. Отсюда и борьба с «лихоимствами» царевых слуг в отношении ясачных людей, а также с их должностными преступлениями — казнокрадством и коррупцией, которые наносили ущерб «государеву интересу». Правда, эта борьба не приводила к искоренению произвола, и соот-

⁹² Принцип равного суда для всех, находившихся в пределах Московского государства, провозглашался в Соборном Уложении 1649 г.

⁹³ См.: *Иванов В. Ф.* Письменные источники... С. 22–24.

⁹⁴ См., напр.: *Фирсов Н. А.* Положение инородцев северо-восточной России... С. 93; *Lantzeff G. V.* *Siberia in the Seventeenth century...* P. 95, 200; *Александров В. А., Покровский Н. Н.* Власть и общество... С. 118; *Иванов В. Ф.* Письменные источники... С. 20, 22–24; *Токарев С. А.* Общественный строй якутов XVII–XVIII вв. М., 2012. С. 34; *Иванов В. Н.* Вхождение Северо-Востока Азии... С. 172, 173; *Огородников В. И.* Русская государственная власть и сибирские инородцы... С. 94–97; Якутия в XVII веке... С. 282–283.

⁹⁵ См.: *Lantzeff G. V.* *Siberia in the Seventeenth century...* P. 97, 200; *Ковалышкина Е. П.* «Инородческий вопрос» в Сибири: Концепции государственной политики и областническая мысль. Томск, 2005. С. 90–91, 125; *Шерстова Л. И.* Тюрки и русские в южной Сибири... С. 65.

ветственно обещания защиты реализовывались слабо. Отсутствие реального контроля «сверху», сосредоточение у воевод фактически всей полноты власти, родственные связи среди сибирских администраторов способствовали появлению и устойчивому бытованию воеводских «лихоимств». Несмотря на все запреты и угрозы жестоких наказаний, воеводы наживались самыми разными способами. Они обязывали местное население приносить им пушнину в «почесть» и «поминки», самовольно увеличивали размер ясака («излишки» присваивали), требовали ясак с умерших ясачных людей и малолеток, подменяли «добрую» пушнину, собранную в казну, своей «худой» и малоценной, вымогали взятки и даже грабили иноземцев, не гнушались и прямым казнокрадством, а также закабалением и похищением иноземцев. Вот как, например, описывали якуты в своей челобитной «лихоимства» якутского воеводы А. Барнешлева:

«...и будучи он, Андрей, на воеводстве, чинил им налоги и обиды, и тесноты великие, имал насильством у них и соболи, и скот, и кони добрые, и дочерей их девок, и от живых мужей жен имал себе в холопство и крестил, и имал себе во двор казачьих детей в холопство ж, и за тех казачей детей их взятых дочерей силою замуж выдавал, а иных отослал в Енисейской, а у иных имал жен и отдавал иным якутам для своей бездельной корысти» (1679 г.)⁹⁶.

Глядя на начальство, в «лихоимство» пускались дьяки, подьячие, служилые люди — все, кто обладал хоть какой-то властью. Жизненное кредо этих управителей, пожалуй, наиболее точно выразил енисейский сын боярский Иван Похабов, заявивший в 1657/58 г.: «После де меня хотя и трава не рости, ныне де бы я сыт был, а после де меня хотя и не было»⁹⁷. В результате сбор ясака почти неизменно сопровождался обманом, насилиями, вымогательствами «поминок» и «посулов» и нередко грабежами со стороны сибирских админи-

⁹⁶ ДАИ. Т. 8. С. 244.

⁹⁷ СДИБ. С. 218. Аналогично высказывался и якутский воевода М. Ладженский: «после де меня хотя и трава не рости» (*Иванов В. Ф. Письменные источники... С. 177–178*).

страторов и служилых людей, либо стремившихся к наживе, либо просто пытавшихся выжить в суровых сибирских условиях:

«...и те верхотурцы, служилые люди, емлют с них ясаку с человека по пяти соболей, да сверх того с них же емлют по два соболя с человека; да с них же де ясащики емлют кормы и посулы великие, и жон их и детей емлют на постелю» (1607 г.)⁹⁸;

иноземцев «пытками пытали, и поминки с них великие имали, и их грабили, лисицы и собаки, и рыбу и жир, чем они сыти бывают, имали насильством» (1609 г.)⁹⁹;

служилые и промышленные люди, «пристав под котою землицею, приманивали тех землиц людей торговать, и имали у них жон и детей, и животы их и скот грабили, и насильства им чинили многие, и от государевы высокие руки тех диких людей отгонили, а сами обогатели многим богатством, а государю приносили от того многого своего богатства малое» (1638 г.)¹⁰⁰;

«тот Иван Похабов чинил нам великие обиды и всякие насильства, и во всем изгоняет и утесняет, и жен наших и детей емлет к себе на постелю сильно для блуда, и нас, ясачных иноземцов, бьет и мучит, и животы наши грабит и всякими ж страстьми угрожает» (1658 г.)¹⁰¹;

«и те ж ясашные сборщики у ясашных людей и у иноземцев жен и детей отнимали и сильно блудно воровали» (1695 г.)¹⁰²;

«а которые наша братья иноземцы скудные, и дать им ясатчиком нечево, и тех скудных они, ясатчики, бьют

⁹⁸ АИ. Т. 2. С. 101; Миллер Г. Ф. История Сибири. Т. 2. С. 233.

⁹⁹ РИБ. Т. 2. Стб. 182.

¹⁰⁰ Там же. Стб. 964. Приведенная фраза является дословным цитированием соответствующего места из «докладной записки» мангазейского воеводы А. Палицына 1633 г. (См.: Иванов В. Н. Вхождение Северо-Востока Азии... С. 64).

¹⁰¹ СДИБ. С. 213.

¹⁰² ПСЗРИ. Т. 3. С. 214.

на правеже без милости, и связанных водят с собой из волости в волость, а ночью порою вяжут тем иноземцам назад руки, нагих, и, заворотя руки, вешают ко грядкам и стегают плетью» (конец XVII в.)¹⁰³; и т. д.¹⁰⁴

Насилию подвергались не только «черные», но и «лучшие» ясачные люди и «родовые» вожди. Их в первую очередь брали в аманаты, у них силой «вымучивали» подарки. Ситуация для иноземцев осложнялась вторжением в их охотничьи угодья промышленных людей, занятием их «родовых» земель крестьянами, а также торгово-ростовщической деятельностью купцов, которые опутывали иноземцев неоплатными долгами. Вопреки всем запретам в Сибири широко было распространено похолопление иноземцев (из числа пленных и должников) и торговля ими¹⁰⁵.

Делопроизводственная документация сибирских приказных изв свидетельствует, что в первые десятилетия пребывания русских в том или ином сибирском регионе, когда шла «притирка» «при-

¹⁰³ Цит. по: Токарев С. А. Очерк истории... С. 69.

¹⁰⁴ Следует заметить, что от злоупотреблений «власть предержавших» страдали не только аборигены, но и русские, в том числе и служилые люди.

¹⁰⁵ О злоупотреблениях сибирской администрации и служилых людей см. подробнее: Фирсов Н. А. Положение инородцев северо-восточной России... С. 230–242; Дмитриев А. А. Верхотурский край в XVII веке // Пермская старина. Пермь, 1897. Вып. 7. С. 14–27; Буцинский П. И. Сочинения в двух томах. Т. 1. С. 228–239, 305–308; Огородников В. И. Русская государственная власть и сибирские инородцы... С. 89–93; Токарев С. А. Очерк истории... С. 39–89; Якутия в XVII веке... С. 229–245, 327–329; Сафронов Ф. Г. Русские промыслы и торги на северо-востоке Азии в XVII — середине XIX в. М., 1980. С. 100–102; Александров В. А., Покровский Н. Н. Власть и общество... С. 134–140, 193–224; Вершинин Е. В. Воеводское управление... С. 48–55; Иванов В. Ф. Письменные источники... С. 21–24, 41, 48, 49, 91–116, 177, 179; Иванов В. Н. Вхождение Северо-Востока Азии... С. 23, 37–39, 43–45, 64, 66, 172, 173; Зольникова Н. Д. Ссылка Д. Л. Полянского и «письма» Избрата Идеса // Публицистика и исторические сочинения периода феодализма. Новосибирск, 1989. С. 186–193; Зуев А. С. «Конквистадоры империи»: русские землепроходцы на северо-востоке Сибири // Ab Imperio. 2001. № 4.

шлых» и «местных» друг к другу, случалось немало эксцессов: взаимных убийств, грабежей, воровства, драк, насилий на сексуальной почве и других акций, квалифицируемых русскими властями как преступления. Однако важно заметить, что в фиксируемых властями многочисленных правонарушениях, допускаемых как русскими, так и иноземцами, абсолютно не прослеживается какой-либо этнической составляющей (этнофобии), тем более имеющей системный характер. Разного рода правонарушения, совершаемые представителями русской стороны, совершались не только в отношении иноземцев, но и русских людей. К тому же в числе правонарушителей с русской стороны были не только собственно русские, но и крещеные иноземцы из числа служилых людей, служилые татары-мусульмане и иноземцы-язычники, помогавшие русским служилым людям выполнять их функции, например, сбор ясака. Также, уже с первых лет русско-аборигенных контактов, отмечаются факты, когда русские и иноземцы объединялись в интересах как совершения правонарушений, так и отстаивания общих интересов.

Следует признать и тот факт, что, несмотря на значительное расхождение между правительственными предписаниями и действиями местных сибирских властей и служилых людей, установка правительства на бережное отношение к иноземцам не была все же лишь благим пожеланием — она реально ограничивала произвол и давала правовую возможность искать управу на обидчиков. Увлекавшиеся вымогательством и грабежом воеводы и ясачные сборщики нередко попадали под следствие и несли наказание. Особый размах расследование преступлений местной администрации приняло в конце XVII — начале XVIII в. в Якутии (где в то время добывалась основная масса пушнины)¹⁰⁶. Причиной этого стало резкое сокращение поступлений в казну «мягкой рухляди», что, в свою очередь, явилось следствием не только «лихоимств» управителей и ясачных сборщиков, но

¹⁰⁶ См.: Иванов В. Ф. Письменные источники... С. 22–24, 41, 91–116; Он же. Русские письменные источники по истории Якутии XVIII — начала XIX в. Новосибирск, 1991. С. 58–62; Зуев А. С. Русские и аборигены на крайнем Северо-Востоке Сибири... С. 127–129, 148.

и уменьшения численности ясачных людей в результате голодовок, эпидемий, нападений «немирных» иноземцев, откочевок с прежнего местожительства, а также сокращения поголовья соболя¹⁰⁷. Однако Москва однозначно обвиняла в разорении иноземцев ясачных сборщиков, приказчиков и воевод. В царских грамотах и указах 1690-х гг. утверждалось, что воеводы «в отписках своих пишут ложно, прикрывая свои вины и многие корысти», «будто промыслы у иноземцев были худы и многие из них померли и врозь разбежались, и ясаку будто не на ком», и что «убыль» ясачных поступлений есть результат казнокрадства местной администрации¹⁰⁸.

Присвоение царем (или шире — русской властью) роли верховного арбитра, вершившего «праведный суд», давало заметный политический эффект: ясачные люди, обращаясь с прошениями и жалобами лично к царю (реально, конечно, в органы местной власти) и нередко добиваясь желаемого для себя решения, привыкали видеть в нем единственного защитника своих интересов, что приводило к укреплению их фактического подданства и признанию царя верховным правителем¹⁰⁹. Жалованное слово с обещанием защиты и покровительства, жалованье подарками и «кормами», адресованные иноземцам лично от государя, постепенно распространившаяся практика индивидуального шертования, ясак, «почести», «поминки» и челобитные, даваемые иноземцами лично государю, — все это создавало иллюзию прямой

¹⁰⁷ См.: Материалы по истории Якутии... Ч. 3. С. 975–1066; Иванов В. Ф. Письменные источники... С. 60.

¹⁰⁸ См.: Материалы по истории Якутии... Ч. 3. С. 1086–1046; ПСЗРИ. Т. 3. С. 213–215, 282–283; Фёдоров М. М. Правовое положение народов Восточной Сибири... С. 31–32; Иванов В. Ф. Письменные источники... С. 22–24, 67; Он же. Русские письменные источники... С. 22–24.

¹⁰⁹ На это, пожалуй, впервые обратил внимание П. И. Буцинский: «Но такое отношение русских царей к инородцам скоро вызывало к ним со стороны последних особенные симпатии; они жалуются на воевод и служилых людей, а в царях видят только своих защитников и покровителей, у которых они могут найти правый суд и расправу против притеснителей. Словом, начинают смотреть на “Белого царя” глазами русского человека» (Буцинский П. И. Сочинения в двух томах. Т. 1. С. 312).

и чуть ли не личной связи между государем и ясачными иноземцами¹¹⁰ и способствовало оформлению реального подданства.

Со временем фигура и функции верховного правителя России оформились в «политическом» мировоззрении сибирских народов (несомненно, под влиянием ценностно-смысловых установок, задаваемых русской властью, русскими землепроходцами и колонистами¹¹¹) в сакральном образе «белого царя». Этот образ прочно вошел в политическую культуру сибирских народов уже после их закрепления в российском подданстве — в XVIII–XIX вв., однако его первые наброски обозначились еще во второй половине XVI–XVII вв.: так, к примеру, «белым царем» русского монарха называли в 1570–1590-х гг. сибирский хан Кучум и татарские мурзы¹¹², в отдельные годы XVII в. — монгольские (хотогойтские, калмыкские, джунгарские, халхаские) правители, их ближайшие родственники и представители¹¹³, в 1678 и 1683 гг. — киргизский князец Ереняк¹¹⁴.

¹¹⁰ Отметим, что прямая личная связь между царем и его ясачными людьми нашла отражение в фольклоре ряда сибирских народов. В их сказках описываются ситуации, когда герои напрямую запросто обращаются к царю, общаются с ним, добываясь от него, как правило, хитростью, выполнения своих желания и требований. Многие подобные сюжеты, а нередко и сказки целиком, как полагают исследователи, заимствованы из русского сказочного фольклора. Но можно уверенно полагать, что само заимствование стало возможным лишь вследствие восприятия иноземцами новой политической ситуации, принесенной русскими.

¹¹¹ Как известно, русские люди XVII в. рассматривали своего владыку как «истину в последней инстанции», «гаранта общественного порядка» и «наместника бога на земле», его авторитет в их глазах был непоколебим (См.: *Лукин П. В.* Народные представления о государственной власти...; *Усенко О. Г.* Отношение народных масс к царю Алексею Михайловичу // *Царь и царство в русском общественном сознании.* М., 1999).

¹¹² СГГД. М., 1819. Ч. 2. С. 63, 129, 130.

¹¹³ РМО. 1607–1636. С. 64, 67, 79, 243, 245; РМО. 1636–1654. М., 1974. С. 72, 73, 155, 156, 157, 226, 256; РМО. 1654–1685. М., 1996. С. 74, 79, 123, 134, 191, 250, 251, 280; РМО. 1685–1691. М., 2000. 232, 234, 250, 328, 332, 380; СДИБ. С. 411.

¹¹⁴ *Бутанаев В. Я.* История вхождения Хакасии... С. 194, 211.

Исследование, проведенное В. В. Трепавловым, убедительно показало, что образ «белого царя», превращенный в неофициальный титул, имел разные варианты возникновения в картинах мироустройства разных азиатских народов. У тех из них, кто ко времени активного взаимодействия с русскими имел традиции государственности (в основном это были степные кочевники), этот образ, вероятно, русский по происхождению, стал оптимально сочетаться с уже существовавшим у них представлением о «белом» владыке как чистом, настоящем, благородном, вольном, самостоятельном, обладающем сакральной связью с Высшим (божественным) миром. Иначе говоря, в процессе взаимодействия двух политических культур — русской и «кочевой» — появился синтезированный образ / титул «белого царя». Народы же севера Сибири, не знавшие государственности, адаптировали с помощью и с подачи русских администраторов этот титул к своим представлениям о мироздании, тем самым компенсируя тот кросскультурный шок, который они испытали от предложенной русскими системы господства-подчинения¹¹⁵. Правда, у некоторых обитателей севера Сибири «белый царь» превратился в «солнце-царя»¹¹⁶, точнее, в «солнечного начальника, силача» (у яку-

¹¹⁵ См.: Трепавлов В. В. «Белый царь»... С. 5, 6, 13–56. См. также: Перевалова Е. В. «Белый царь» в угоро-самодийской традиции.

¹¹⁶ Данная корректировка вполне объяснима. Для народов, живших большую часть года в условиях господства ночной тьмы над дневным светом, солнце являлось источником жизни и добра. Солнцем они клялись в верности или в подтверждении правоты своих слов. Так, В. И. Иохельсон указывал, что у юкагиров «солнце (Йэльдьэ или Пургу) ... считается благодетельным существом, защитником угнетенных, охранителем справедливости и нравственности. В мифах и преданиях Солнце всегда выступает как высоконравственное существо» (Иохельсон В. И. Юкагиры и юкагиризированные гунгусы. Новосибирск, 2005. С. 207. См. также: Жукова Л. Н. Религия юкагиров. Языческий пантеон. Якутск, 1996. С. 43, 45). И русский царь — богатый и добрый «начальник», раздающий дары, стал сравниваться с солнцем. Это сравнение, надо полагать, первыми предложили русские, объяснив северным иноземцам, что царь — это такой же предводитель, как их вожди, только самый главный и сильный.

тов, коряков, чукчей)¹¹⁷, в «высокое солнце» (у тунгусов)¹¹⁸, в «рулевого солнца», «солнечного господина» (у юкагиров)¹¹⁹, в «повелителя солнца» (у ительменов)¹²⁰, а у хантов, манси и ненцев он назывался не только «белым царем», но и «белым ханом»¹²¹, ненцы звали его также «бога-отцом-имеющим»¹²².

Образ «белого / солнечного царя / хана» нашел отражение в фольклоре почти всех сибирских народов. Царь в нем фигурирует преимущественно как непререкаемый атрибут мироздания, гарант спокойствия и благоденствия, верховный правитель и справедливый судья, защитник от внешних неприятелей и произвола чиновников, но одновременно ему могли быть присущи жестокость, коварство и недостаток ума¹²³. Включение сибирскими народами этого образа, пусть даже в архаичной и традиционной трактовке, в свои картины миро-

¹¹⁷ См.: *Вдовин И. С.* Природа и человек в религиозных представлениях чукчей // Природа и человек в религиозных представлениях народов Сибири и Севера (вторая половина XIX — начало XX в.). Л., 1976. С. 235–236; *Зуев А. С.* Русско-аборигенные отношения на крайнем северо-востоке Сибири во второй половине XVII — XVIII веках: от конфронтации к адаптации // Народонаселение Сибири: Стратегии и практики межкультурной коммуникации... С. 142; *Он же.* Присоединение Чукотки к России (вторая половина XVII–XVIII век). Новосибирск, 2009. С. 379–380.

¹¹⁸ См.: *Костров Н. К.* Очерки Туруханского края // Записки Сибирского отдела ИРГО. СПб., 1857. Кн. 4. С. 98.

¹¹⁹ См.: *Иохельсон В. И.* По рекам Ясачной и Коркодону. Древний и современный юкагирский быт и письмена. СПб., 1898. С. 35; *Жукова Л. Н.* Религия юкагиров... С. 49.

¹²⁰ См.: *Стеллер Г. В.* Описание земли Камчатки. Петропавловск-Камчатский, 1999. С. 202.

¹²¹ *Перевалова Е. В.* «Белый царь» в угоро-самодийской традиции. С. 156. Обдорские ханты называли царя «ханом» даже пару столетий спустя после их включения в состав России (*Миненко Н. А.* Северо-Западная Сибирь в XVIII — первой половине XIX в.: Ист.-этнограф. очерк. Новосибирск, 1975. С. 180). См. также: *Головнёв А. В.* Кочевники тундры: ненцы и их фольклор. Екатеринбург, 2004. С. 232, 240, 260, 268, 277, 294 и др.

¹²² См.: *Головнев А. В.* Кочевники тундры... С. 221.

¹²³ См.: *Трепавлов В. В.* «Белый царь»... С. 60, 62, 67, 69–74, 76.

здания означало адаптацию ими своей мифополитической культуры и своих моделей общественного устройства к новым политическим отношениям, возникшим в результате подчинения российской власти. И в этих отношениях и моделях фигура русского монарха превращалась в значимый регулирующий элемент. Ну, а поскольку данный процесс начался и шел вследствие, несомненно, русского влияния, то есть основания говорить об «освоении» русской властью существовавшего или только зарождавшегося политического сознания сибирских народов.

Внедрение русского компонента можно обнаружить, главным образом, путем анализа фольклорных источников, прежде всего исторических легенд и преданий. Результаты этого внедрения ярко проявились в более позднее время, однако, опять же, начало процесса, несомненно, связано с появлением в Сибири русских и кардинальным изменением реального политического статуса аборигенов. То колоссальное влияние, которое стал оказывать новый политический игрок на судьбы сибирских народов, привело к тому, что русские и русская власть (главным образом в лице царя, казаков и чиновников) были включены в аборигенную картину мироздания. В «мировой» истории стала выделяться особая эпоха — «русская». И если в фольклоре народов Южной Сибири, знакомых с резкими и частыми изменениями этнополитической ситуации, в том числе с появлением новых народов, это было не столь ярко выражено, то в памяти народов севера Сибири появление русских зафиксировалось как отчетливый хронологический рубеж. При этом у многих народов русская «эпоха» стала означать наведение порядка в их мироустройстве, прекращение кровопролитных междоусобных войн и установление мира. Хотя для некоторых, особо активно сопротивлявшихся русским, период подчинения запомнился как «время войн». Ряд народов (обитатели тайги и тундры) включили русского даже в свои космогонические мифы в качестве одного из культурных героев, обычно одного из трех братьев, посланных богом на Землю, от которых пошли разные народы. Кроме того, в своих фольклорных произведениях коренные обитатели Сибири создали приемлемую для себя трактовку своего под-

чинения русским, стремясь объяснить факт своего поражения. В их исторических преданиях и легендах можно найти немало примеров того, как бывшее в реальности силовое принуждение к покорности в представлениях иноземцев трансформировалось в исключительно мирное взаимодействие с русскими землепроходцами. Причем в фольклоре многих народов (например, хантов, баргузинских и хоринских бурят, юкагиров) упоминаются даже договоры, оформлявшие добровольное признание русской власти. В тех же случаях, когда в народной памяти (татар, хакасов, предбайкальских бурят, ненцев, энцев, чукчей, коряков, отчасти якутов и тунгусов) зафиксировался силовой вариант подчинения, он нашел оправдание в военном превосходстве (наличии огнестрельного оружия), многочисленности (когда на смену убитым появляются все новые и новые отряды пришельцев), коварстве и жестокости русских казаков, их сверхъестественной силе и способности распространять смертельные болезни. Но акцент в фольклоре на силовой вариант подчинения все равно, как правило, дезавуировался быстротой установления мирных отношений и опять же на основе заключения договора. Подобная трактовка подчинения русским давала возможность сознанию сибирских автохтонов психологически компенсировать собственное бессилие. Такую же компенсаторную функцию выполняли предания об отдельных победах сибирских богатырей над русскими¹²⁴.

¹²⁴ См.: Зуев А. С. Механизмы адаптации сибирских народов к российской власти... С. 67–68. См. также: *Окладников А. П.* Туземные легенды о Ермаке (Опыт историко-этнографической интерпретации) // *Известия СО АН СССР*. 1981. № 11. Вып. 3; *Кузьминых В. И.* Образ русского казака в фольклоре народов Северо-Восточной Сибири // *Урало-сибирское казачество в панораме веков*. Томск, 1994; *Перевалова Е. В.* «Русские» в представлениях обских угров и лесных ненцев // *Русские старожилы*. Тобольск; Омск, 2000; *Трепавлов В. В.* Образ русских в представлениях народов России XVII–XVIII в. // *Этнограф. обозрение*. 2005. № 1; *Шерстова Л. И.* Представления о «чужих» в ментальной традиции аборигенов Южной Сибири; *Зуев А. С.* Русско-аборигенные отношения на крайнем северо-востоке Сибири...; *Березиков Н. А.* Казаки-землепроходцы и аборигены Сибири: первые встречи и рождение образов // *Гум. науки в Сибири*. 2010. № 3; Голованева Т. А.,

* * *

Патримониально-вотчинный принцип функционирования Московского государства и формировавшиеся этатистско-патерналистские представления, подкрепленные заботой о приращении «государевой прибыли», приводили к опять же весьма прагматичной административной, экономической и религиозной политике в отношении иноземцев. Власть стремилась контролировать те сферы их жизнедеятельности, от которых напрямую зависели поступления ясака и прочих платежей в казну, а также выполнения разных повинностей и сохранение верности «белому царю». Чтобы ясачные люди не оскудели доходами и не уменьшились в числе, русским людям запрещалось приобщать их к азартным играм, алкоголю и табаку, вести торговлю в местах их обитания и особенно до сдачи ясака, да и вообще по частным делам въезжать в иноземческие «волости» и улусы¹²⁵. Воеводам и приказчикам наказывалось не допускать ино-

Игумнов А. Г. Изображение русских в корякских исторических преданиях и автобиографических рассказах // Вестн. Бурят. гос. ун-та. 2014. № 10.

¹²⁵ Уже в 1597 г. Посольский приказ предписал воеводам не отпускать торговых людей в ясачные зимовья до окончания сбора ясака. С начала XVII в. утверждаются нормативы (изложенные в царских грамотах и наказах воеводам), согласно которым скупать у иноземцев пушнину (и то только «худую») разрешалось лишь после сдачи ими ясака и лишь в уездных центрах в гостиных дворах, торговля же русских людей «по городкам и по зимовьям, и по волостям, и по юртом, и по лесом, и по рекам» запрещалась почти повсеместно. Исключение до 1695 г. было сделано для якутских служилых людей, которым разрешалось «для их скудости» вести с иноземцами мелочный торг, но только после сбора ясака. Такая же льгота, но, видимо, на более короткий срок, была предоставлена даурским (наказ 1655 г. даурскому воеводе А. Пашкову) и илимским (наказ 1659 г. илимскому воеводе Т. Вындомскому) служилым людям. В 1697 г. была установлена государственная монополия на торговлю пушниной. См.: *Фирсов Н. А.* Положение инородцев северо-восточной России... С. 183–184; *Копылов А. Н.* Таможенная политика в Сибири в XVII в. // Русское государство в XVII веке. Новые явления в социально-экономической, политической и культурной жизни. М., 1961.

земцев к пьянству, кровной мести и «междоусобным боям», следить за тем, чтобы русские люди не опутывали их долгами и не обращали в холопов. Государство, как говорилось выше, охраняло земельные угодья иноземцев и стремилось контролировать отчуждение земли: ее переход от одного владельца к другому должен был регистрироваться русской администрацией, хотя на практике это осуществлялось не всегда. Ясачных людей стремились поименно расписать по административно-территориальным единицам (волостям, улусам, юртам, родам и т. д.) и закрепить за определенными пунктами сдачи ясака. Таким образом, по крайней мере на законодательном уровне, дееспособность иноземцев — в выборе местожительства, в свободе торговли, в распоряжении землей и своей личностью — вводилась в определенные рамки, устанавливаемые государством.

Государство стремилось влиять и на процесс христианизации населения Сибири. К сожалению, это явление применительно к XVII в. изучено крайне недостаточно, по сравнению с последующим временем. Тем не менее, известные факты указывают на то, что государство безусловно запрещало частную «миссионерскую» инициативу русских колонистов и администраторов, вынуждавших к крещению ясырей-пленников и должников из числа аборигенов с целью их закрепления за собой в качестве холопов. Крещение допускалось исключительно добровольное, после подачи желающим креститься особой челобитной в местную приказную избу и разрешения воеводы. При этом, судя по царским грамотам и наказам сибирским администраторам, предполагался только один вариант жизненной стратегии новокрещеных: мужчин следовало зачислять в служилые люди на вакантные места, а женщин («женок и девок») — выдавать замуж за новокрещеных или русских служилых людей¹²⁶. Таким образом,

С. 335, 336; *Иванов В. Ф.* Письменные источники... С. 22, 25; *Сафонов Ф. Г.* Русские промыслы и торги... С. 88–90; *Вершинин Е. В.* Воеводское управление... С. 76.

¹²⁶ Видимо, впервые подобный подход был озвучен в царской грамоте 1598 г. в отношении «сибирских полоняников» — татар, остяков и вогуличей, находившихся у русских людей (*Оглоблин Н. Н.* Обзорение столбцов

создается впечатление, что русская власть считала необходимым исключение новокрещенцов из числа ясачноплательщиков (служилые люди не платили прямые налоги), а также их перевод из иноверческой среды в русское православное окружение¹²⁷. Однако этот вывод при условии анализа не только нормативных документов, но и реальной практики нуждается в корректировке.

и книг Сибирского приказа (1592–1768 гг.). М., 1901. Ч. 3. С. 211). В 1623/24 г. царский указ запретил похолопление и крещение сибирских «татар и татарченков», под которыми, скорее всего, подразумевались все сибирские иноземцы (Соборное Уложение 1649 года... С. 117). В известных нам наказах сибирским воеводам указанный подход был четко сформулирован впервые в 1638 г. в наказе якутским воеводам П. Головину и М. Глебову: «А будет хто из ясачных людей похочет креститца своею волею и тех людей велети крестить, сыскав про них допряма, что своею ли они волею хотят креститца, а спрося, устраивати их в государеву службу и верстати их государевым денежным и хлебным жалованьем, смотря по людем, хто в какую статью пригодитца в выбылые русских служилых людей места. А будет хто и из женсково полу жонки или девки похотят креститься и тех женок и девок велети крестить и выдавать замуж за новокрещенцов и за русских служилых людей» (Иванов В. Н. Вхождение Северо-Востока Азии... С. 191). Эта установка почти в неизменном виде стала повторяться в последующих воеводских наказах. См.: Кулешов В. А. Наказы сибирским воеводам... С. 40.

¹²⁷ Такая трактовка широко распространена в историографии. См., например: *Lantzeff G. V. Siberia in the Seventeenth century...* P. 101, 199; *Огрызко И. И. Христианизация народов Тобольского Севера...* С. 8–9, 19–20; Якутия в XVII веке... С. 228, 313; *Фёдоров М. М. Правовое положение народов Восточной Сибири...* С. 84–85; *Slezkine Y. Savage Christians of Unorthodox Russians? The Missionary Dilemma in Siberia // Diment G., Slezkine Y. Between Heaven and Hell. Myth of Siberia in Russian Culture. N.-Y., 1993. P. 16; Слёзкин Ю. Арктические зеркала...* С. 56, 58; *Ермолова Н. В. К вопросу о христианизации эвенков в XVII в. // Сибирский сборник–3. Народы Евразии в составе двух империй: Российской и Монгольской. СПб., 2011. С. 59–60; Конев А. Ю. Народы Сибири в социально-правовом измерении империи: современные подходы к изучению // Азиатская Россия: люди и структуры империи. Омск, 2016. С. 140.*

Во-первых, существовавшие ограничения численности служилых людей в гарнизонах сибирских уездных городов не позволяли верстать в службу всех новокрещенов, учитывая, что их число на протяжении XVII в. росло, но еще большими темпами увеличивалась численность потомков служилых людей, которые жаждали оказаться на государственной службе и составляли сильную конкуренцию новокрещенам. Надо полагать, именно по этой причине в ряде уездов (известно точно, что в Нарымском и Томском) в 1620–1630-е гг. сформировались особые поселения «кормовых новокрещенов», которые не платили ясак, но к службе привлекались лишь время от времени, получая взамен каждый раз особое вознаграждение (но не стабильный служилый оклад). Они, что важно отметить, хотя и проживали отдельно от иноверцев, но не среди русских людей¹²⁸. Отказ новокрещенам в зачислении на службу и в поселении среди русских людей стал практиковаться как воеводская инициатива, видимо, с начала XVII в. В 1609 г. томский воевода В. Волынский, сообщая в Москву о злоупотреблениях своих предшественников, М. Ржевского и С. Бартенева, отметил следующее:

«А которые де иноземцы в Томском городе крестилися года по три и по четыре, и били челом тебе, государю, о хлебом жалованье, и Матвей де и Семен новокрещеным запасу не дают, а отказывают им, чтоб оне жили по своим землям и по юртам по прежнему; и иноземцы де им говорили, что оне своей веры отстали и их в свою землю не пустят, потому что оне крещены»¹²⁹.

Во-вторых, в упоминавшихся выше шертоприводных книгах (Томского и Нарымского уездов 1646 г., Томского, Кетского, Красноярского и Кузнецкого уездов 1676 г., Тобольского, Сургутского, Енисейского и Якутского уездов 1682–1685/86 гг.), хотя и не часто, но встречаются иноземцы, имевшие явно русские имена и фамилии, т. е.

¹²⁸ См.: Буцинский П. И. Сочинения в двух томах. Т. 2. С. 115; Оглоблин Н. Н. Обзорение столбцов и книг Сибирского приказа... Ч. 3. С. 110–111; Бояршинова З. Я. Население Томского уезда... С. 74.

¹²⁹ См.: РИБ. Т. 2. Стб. 184.

однозначно крещеные. И эти крещеные иноземцы не только прожили среди своих соплеменников-иноверцов, но и продолжали оставаться ясачными людьми. На это указывал еще в позапрошлом веке Н. А. Фирсов, который писал: «некоторые новокрещеные не поступали вовсе в служилые, оставаясь в отделе ясачных»¹³⁰. Документы фиксируют и такие ситуации, когда новокрещеные не только вносили ясак и жили среди некрещеных, но и выполняли определенные службы. Так, к примеру, крещеный балаганский бурят Федор Кулмецкий 17 лет нес разные службы, оставаясь ясачноплательщиком, и только в 1708 г. был поверстан в служилые люди, правда, сразу в чин сына боярского, с предписанием жить в Балаганском остроге¹³¹. Более того, встречаются, правда, крайне редко, факты взимания ясака с новокрещеных, зачисленных в состав служилых людей¹³². Таким образом, получается, что крещение отнюдь не должно было обязательно сопровождаться освобождением от уплаты ясака¹³³. И, кстати, ни в одном нормативном документе, регулировавшем общие подходы к крещению иноземцев, мы не встретили прямого указания на их исключение из числа ясачноплательщиков. В результате для местных властей с течением времени стали возникать проблемные ситуации, связанные с неопределенностью позиции вышестоящих властей. Так, в 1682 г. иркутский воевода И. Власов, сообщая в Сибирский приказ о возможности массового крещения братских и тунгусских ясачных людей, задал вопрос: «...и тех, государь, всех острогов ясачных лю-

¹³⁰ Фирсов Н. А. Положение инородцев северо-восточной России... С. 100.

¹³¹ НИА СПб. Ф. 168. Оп. 1. Д. 238. Л. 1–2.

¹³² См.: Дмитриев А. В. Статусное положение представителей коренных народов Сибири на русской службе в конце XVI — начале XVIII в.: постановка проблемы // Развитие территорий. 2015. № 2. С. 10.

¹³³ На этот факт уже обращали внимание исследователи (См.: Шишин Е. С. Распространение христианства в Якутии. Якутск, 1991. С. 40–44; Юрганова И. И. Деятельность русской православной церкви в Якутском крае: инкорпорация в русскую государственность (XVII — нач. XX вв.): Дис. ... д-ра ист. наук Иркутск, 2017. С. 91).

дей, которые станут ко мне, холопу твоему, приходиться, крестить вельдь ли, и ясак с них снимать ли? И о том что ты, великий государь, укажешь?»¹³⁴ Из этого вопроса следует, что воевода явно не понимал, что делать.

В связи с вышесказанным можно, как представляется, говорить о том, что подход центральной и особенно местной власти к определению статуса новокрещенных иноземцев не был однозначным, он варьировался в зависимости от конкретной ситуации. Тем не менее, основной тренд в религиозной политике государства все же явно заметен: верховная власть, не запрещая распространения в Сибири христианства (такой запрет противоречил бы генеральной целеустановке на расширение пределов «православного царства»), не стремилось, однако, к широкомасштабной христианизации аборигенов¹³⁵. Причины этого, по нашему мнению, были следующие: неготовность подавляющего большинства язычников, а тем более мусульман и буддистов к принятию чуждой веры, миссионерская пассивность Русской право-

¹³⁴ ДАИ. Т. 8. С. 312.

¹³⁵ Констатация отсутствия у Русского государства в XVII в. установок на массовое крещение сибирских народов является общепризнанной в историографии. См., например: *Буцинский П. И.* Сочинения в двух томах. Т. 2. С. 112; *Огрызко И. И.* Христианизация народов Тобольского Севера... С. 7–24; *Миненко Н. А.* Северо-Западная Сибирь... С. 263–264; *Фёдоров М. М.* Правовое положение народов Восточной Сибири... С. 81–85; *Главацкая Е. М.* Русская власть и коренное население Урала и Зауралья в XVII в. // Ежегодник НИИ русской культуры УрГУ. Екатеринбург, 1995. С. 24; *Конов А. Ю.* О роли конфессионального фактора в процессе интеграции народов Западной Сибири в состав России. XVII век // Проблемы взаимодействия человека и природной среды. Тюмень, 2004. Вып. 5. С. 11–29; *Он же.* Правовое положение «новокрещенных иноверцов»... С. 21–23; *Он же.* Правовые аспекты конфессиональной политики в отношении народов Сибири в конце XVI — начале XVIII в. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов, 2013. № 12. Ч. 3; *Бакиева Г. Т.* Российское государство и сибирские татары в XVII — начале XX в.: конфессиональный аспект // Известия Алт. гос. ун-та. Серия: История. 2008. № 4. С. 7.

славной церкви¹³⁶, отсутствие необходимых материальных ресурсов на вознаграждение неофитов (новокрещены, как правило, получали подарки) и, наконец, неготовность русской власти к резким кардинальным переменам: ее вполне устраивала ситуация, когда иноземцы платят ясак и демонстрируют лояльность, вторжение же во внутреннюю жизнь новых подданных могло вызвать их массовое активное сопротивление и бегство, а соответственно нанести ущерб государевой казне. И эти причины заставляли власть, пусть не вполне определенно, регулировать процесс распространения христианства в Сибири.

В то же время те сферы, которые явно не определяли платежеспособность и политическую лояльность иноземцев, оставались вне интересов власти и продолжали регулироваться нормами обычного права. Русская администрация, за некоторыми исключениями — когда стремилась пресечь измену, кровную месть, убийства, разбой и грабежи или когда реагировала на просьбы самих иноземцев, — не вмешивалась в их внутреннее устройство и управление и не меняла их традиционного обычного права. Е. В. Вершинин, изучив судебную практику сибирских воевод, пришел к заключению, что «в течение всего первого столетия освоения Сибири центральное правительство игнорировало разработку принципов осуществления суда среди ясачного населения. Как ни в каком другом вопросе, воеводы должны были действовать здесь “смотря по тамошнему делу и как их Бог вразумит”»¹³⁷. При решении спорных дел, возникавших среди иноземцев, воеводы и приказчики, как правило, следовали нормам обычного права, хотя это и не исключало, со временем все чаще и активнее, применения русских судебных процедур («повального обыска», «очных ставок», «жеребрия» и т. д.) и наказаний, особенно по серьезным уголовным и политическим преступлениям¹³⁸.

¹³⁶ О причинах этой пассивности см.: *Фирсов Н. А.* Положение инородцев северо-восточной России... С. 219–229.

¹³⁷ *Вершинин Е. В.* Воеводское управление в Сибири... С. 134.

¹³⁸ См.: Там же. С. 134–137; *Огородников В. И.* Русская государственная власть и сибирские инородцы... С. 87–88; *Зибарев В. А.* Юстиция у малых народов Севера (XVII–XIX вв.). Томск, 1990. С. 47–50.

Тех властных прерогатив, которые присвоил себе русский самодержец, было достаточно, чтобы поставить иноземцев в ситуацию, когда решение многих вопросов, в том числе относившихся к их внутренней жизни, оказалось зависимым от его воли (точнее, конечно, от его представителей на местах — сибирских управленцев). Хотели того иноземцы или нет, им пришлось выбирать: либо адаптироваться к новой политической реальности и новой власти, либо вести с ней неустанную борьбу, либо постоянно находиться в бегах. Подавляющее большинство, как известно, выбрали первый вариант¹³⁹, и благодаря толмачам, местным администраторам, служилым и прочим русским людям быстро переняли практику челобитий на царское имя¹⁴⁰, освоили требуемые русской властью бюрократические процедуры и научились ими манипулировать в различных ситуациях, в том числе возникавших в их внутренней жизни¹⁴¹.

¹³⁹ Из сибирских народов упорное и длительное сопротивление оказали лишь енисейские киргизы, чукчи и коряки. Фактически вне сферы русской юрисдикции весь XVII в. оставалась и «самоядь» (ненцы). Попытки сибирских татар (прежде всего Кучумовичей и их сторонников) в союзе с рядом хантыйских и мансийских «родов» при поддержке сначала калмыков, затем джунгар добиться независимости от Московского государства потерпели неудачу. Народы Алтае-Саянского нагорья, ориентируясь периодически на джунгар или монголов, в конце концов выбрали русского царя в качестве сюзерена. Отдельные бурятские и тунгусские «роды», бежавшие было во второй половине XVII в. в пределы Монголии или Маньчжурии, и отдельные якутские «роды», пытавшиеся скрываться «в розных дальних местах», вернулись все же под российскую «протекцию». Нереализованной осталась и попытка охотских тунгусов отдаться в подданство Цинской (маньчжурской) империи.

¹⁴⁰ Об активной практике челобитий в среде русских людей см.: *Лукин П. В.* Народные представления о государственной власти... С. 25.

¹⁴¹ См.: *Слѣзкин Ю.* Арктические зеркала... С. 45. См. также: *Степанов Н. Н.* Присоединение Восточной Сибири в XVII в. и тунгусские племена // *Русское население Поморья и Сибири (Период феодализма)*. М., 1973. С. 120–123; *Иванов В. Ф.* Письменные источники... С. 159–182; *Вершинин Е. В.* Воеводское управление... С. 136–137; *Иванов В. Н.* Представители

Заодно они овладевали необходимой делопроизводственной лексикой, включая русскую социальную, политическую и административно-территориальную терминологию («князцы», «лучшие люди», «волости», «землицы» и т. д.), привыкали однозначно идентифицировать себя как людей, находившихся в полной власти «хозяина»-царя: в обращениях к нему, как указывалось, назывались «сиротами» и «холопами».

В архивных фондах Сибирского приказа и сибирских приказных (воеводских) изб сохранилось огромное количество индивидуальных и коллективных челобитных иноземцев, как оригинальных, так и в пересказе воеводских отписок и царских грамот, с самыми разными просьбами, касавшимися выполнения службы и повинностей, уплаты ясака, хозяйственной деятельности, поземельных отношений, освобождений похолопленных, взаимоотношений с русскими людьми и «иными» иноземцами. Рано появляются и обращения с жалобами на действия «родовых» вождей, «лучших людей» и соплеменников, в том числе затрагивавшие интимную сферу — семейно-брачные отношения. Равным образом и «родоначальники» при решении многих вопросов, касавшихся их «подчиненных», начинают обращаться за помощью к русской администрации¹⁴². Тем самым иноземцы опять же, но уже по собственной инициативе, включались в русскую судебную систему. Нередкими были и случаи подачи коллективных челобитных от иноземцев и русских.

якутского народа на приеме у русского царя (1676 год) // Новый исторический вестник. 2017. № 1. С. 10. По наблюдению С. В. Бахрушина, особенно быстро, по сравнению с другими иноземцами, с русским правом и судопроизводством освоились якуты (Якутия в XVII веке... С. 223).

¹⁴² Примеры анализа челобитных иноземцев см.: *Иванов В. Ф.* Письменные источники... С. 159–182. По подсчетам С. А. Токарева, только в Якутском уезде челобитные, «которые дошли, исчисляются тысячами. За отдельные годы XVII в. сохранилось по 100, по 200 и более якутских судебных дел» (*Токарев С. А.* Очерк истории якутского народа. С. 83). К сожалению, аналогичных подсчетов и анализа иноземческих челобитных по другим регионам Сибири мы не встречали.

Важно отметить, что в челобитных, аргументируя свои жалобы, претензии и требования, иноземцы нередко демонстрировали (первоначально, надо полагать, с помощью опять-таки толмачей и казаков-землепроходцев) знания основных положений русской «аборигенной» политики. В этом отношении показательна оценка, данная в царской грамоте (до июня 1636 г.) верхотурскому воеводе:

«Верхотурские многие ясачные люди живут промеж русских людей и рускому обычью навичны и то им ведомо, что по нашему указу правежем на них нашего ясаку править не велено»¹⁴³.

И даже «дикие» народы быстро знакомились с нормативами, регулировавшими их взаимоотношения с русскими. Так, к примеру, в 1697 г., когда В. Атласов взял ясак с коряков, обитавших на р. Пенжине, те пожаловались на него ясачному сборщику Л. Морозко:

«Он, Володимер, в Пенжинских острожках имал с холопей ваших ваш великих государей ясак с Акланского и Каменского и Усть-Таловского острожков и Уйка острожек погромил и родников наших прибил всех, а жен и детей имал в полон неведомо каким обычаем и по каким указом, а в прежние годы мы, холопы ваши, слышали от своих родников и от служилых людей, что де служилыя люди ясачных людей не громят»¹⁴⁴.

Эта жалоба свидетельствует, что коряки имели представление о том, как «по закону» должен происходить сбор ясака. Встречались среди иноземцев и, по выражению Б. О. Долгих, «доморощенные Макиавелли», которые с пользой для себя использовали знания русских нравов и обычаев. Одним из них был тунгусский «вождь» Зелемей, который говорил своим соплеменникам:

«...что де вы, глупые люди, не разумеете и русских переводов не знаете. Вы бы де так ж жили, как я, Зелемей, живу. Самим де вам сведомо, сколько я русских людей побивал.

¹⁴³ АИ. Т. 3. С. 348.

¹⁴⁴ РГАДА. Ф. 1177. Оп. 3. Стб. 2738. Л. 12.

А как де над собою увижу какую немеру и я де к русским людям приклонюся, и до меня де в вашем очю русские люди лутче и преждево»¹⁴⁵.

По своему формуляру, приемам и характеру изложения сведений, определенной расстановке акцентов, призванной преувеличить степень обнищания и разорения, челобитные иноземцев были схожи с челобитными русских людей. Абсолютно так же, как и русские крестьяне, посадские и служилые люди, аборигены, апеллируя к «государеву жалованному слову», просили царя учинить справедливый суд и защитить от всяких напастей, указывая на то, что в противном случае они не смогут выполнять своих обязательств перед царем, что приведет к уменьшению «государевой прибыли»:

«...чтоб мы, сироты твои <...> вперед твоего государева ясаку и своих вотчин не отбыли и з женами и з детьми врознь не разбрелись» (1635 г.)¹⁴⁶;

«чтоб нам, сиротам твоим, впредь твоего государева ясаку и поминков не отбыть и жен и детей своих в вечное холопство не розпродать» (1654 г.)¹⁴⁷;

«чтоб нам твоево государева ясачново платежу не отстать и от Брацково острогу не отбыть, в ясачном недоборе в твоем государеве пене и в жестоком наказанье не быть и до конца не пропасть» (1658 г.)¹⁴⁸;

«чтоб нам, сиротам твоим, вконец не погибнуть и от твоего бы, великого государя, ясаку и поминков и воеводских и дьячьих настоящего окладу не отбыть» (1659/60 г.)¹⁴⁹;

«чтоб им, ясачным людям, в конец не погибнуть и великого государя ясаку не отбыть» (1675/76 г.)¹⁵⁰; и т. д.

¹⁴⁵ Долгих Б. О. Родовой и племенной состав народов Сибири... С. 541.

¹⁴⁶ Миллер Г. Ф. История Сибири. Т. 2. С. 503.

¹⁴⁷ Материалы и исследования по истории Северо-Западной Сибири. С. 189.

¹⁴⁸ СДИБ. С. 213–214.

¹⁴⁹ Материалы по истории Якутии... Ч. 3. С. 912.

¹⁵⁰ ДАИ. СПб., 1857. Т. 6. С. 402.

Могли звучать и более серьезные угрозы:

«И естли де великие государи от воевод и от ясачных зборщиков и от толмачей и от подъячих не укажут их оборонить, и у них де, иноземцов, промеж собою положено: самим всем пропасть и русских людей погубить; и от того де Якуцкая страна разоритца до основания» (первая половина 1690-х гг.)¹⁵¹.

Подобного рода предупреждения были аналогичны заявлениям русских людей, которые также ставили «помазанника божия» в известность, что при отсутствии заботы о них (своевременной выдачи жалованья, предоставления земли и налоговых льгот, «праведного милосердия» и защиты от насилий воевод) не смогут выполнять службы и тянуть тягло:

«...чтобы [нам] холопом твоим <...> твоей государевой службы не отбыть» (1629 г.?)¹⁵²;

«чтоб нам, холопам твоим, голодную смертью не помереть, а твоему государскому величеству позору не учинить» (1630/31 г.)¹⁵³;

«и нам, пашенным крестьянам, твоей государевы десятинной пашни не отбыть» (1654 г.)¹⁵⁴; и т. п.¹⁵⁵

Учитывая данное обстоятельство, можно утверждать, что «договорные отношения», озвученные в жалованном слове и шертовальной записи, не являлись спецификой взаимоотношений государства и нерусских народов, а были характерны в целом для политической системы Московского государства XVII в., для которой «договор» и «согласие» между «праведным» царем и подданными не были пустым звуком: «настоящий» царь должен править «по правде», в союзе с «миром», прислушиваясь к его советам, и «стоять» за своих поддан-

¹⁵¹ Токарев С. А. Общественный строй якутов... С. 286.

¹⁵² СДИБ. С. 16.

¹⁵³ Миллер Г. Ф. История Сибири. Т. 3. С. 166.

¹⁵⁴ Александров В. А., Покровский Н. Н. Власть и общество... С. 212.

¹⁵⁵ О практике и процедурах челобитий русского населения Сибири см.: Там же. С. 171–193.

ных; царь же, не выполняющий обязательств, в глазах «обиженной» части народа становился «не истинным», «не прямым государем»¹⁵⁶.

Обращение иноземцев (тех, кто отказался от сопротивления) к русскому царю, причем частое и массовое, является показателем того, что они не просто смирялись с русским присутствием, кардинально изменившим соотношение сил в ареале их обитания, и, соответственно, с новой политической системой, но и признавали их как данность со всеми элементами, являющимися показателями подчиненности «великому государю»: платежом ясака и подношений, выполнением повинностей, несением военной службы, согласием с тем, что русская власть осуществляет (или стремится осуществлять) регулирование всех форм политико-правовых и экономических взаимодействий как между иноземцами, так и между иноземцами и русскими. Тем самым иноземцы, кто быстрее, кто медленнее, свыкались со статусом подданных русского царя и адаптировались к политической системе и режиму Российского государства. Как отмечал еще в конце XIX в. П. И. Буцинский, «с усилением русского элемента в Сибири инородцы, особенно служилые, все более и более осваиваются со своими завоевателями, принимают русские нравы и обычаи и начинают смотреть на “Белого царя” глазами русских людей»¹⁵⁷. И вполне можно согласиться с теми исследователями, которые считают, что уже первые случаи подачи иноземцами челобитных царю следует квалифицировать как признание ими своего нового статуса — подданных, как кардинальное изменение характера их

¹⁵⁶ О принципах и практике сотрудничества и «договорных» взаимоотношений власти и русских «миров» см.: Александров В. А., Покровский Н. Н. Власть и общество...; Покровский Н. Н. Томск. 1648–1649 гг. Воеводская власть и земские миры. Новосибирск, 1989; Лукин П. В. Народные представления... С. 55–73, 102. В историографии уже вполне доказано, что в XVII в. «государственный аппарат местного управления мог функционировать, лишь опираясь на мирские земские органы» (Александров В. А., Покровский Н. Н. Власть и общество... С. 17).

¹⁵⁷ Буцинский П. И. Сочинения в двух томах. Т. 1. С. 290.

взаимоотношений с русской властью¹⁵⁸, как «шаг к переориентации общественного сознания коренного населения на терпимое отношение к новой общественно-политической обстановке»¹⁵⁹. В связи с этим заметим: уже в XVII в. возникали ситуации, когда иноземцы принимали участие, как непосредственное, так и опосредованное (путем подачи челобитных) в «бунтах» русского населения (например, в Томске в 1637–1638, 1648–1649 гг., в Братском остроге в 1696 г., в Красноярске в 1696–1698 гг.) и, что очень важно, действовали в них по тем же поведенческим шаблонам, что и собственно русские «бунтовщики»¹⁶⁰.

Знакомясь с нормами русского права и применяя их при необходимости, иноземцы также быстро уловили, что решение многих вопросов зависит от личных связей с представителями русской администрации. Как следствие, важнейшим механизмом, регулировавшим поведенческую тактику иноземцев в общении с русскими, стали отношения патроната-клиентелы, когда первые (прежде всего «родоначальники» и «лучшие люди») обретали в лице вторых покровителей и защитников¹⁶¹.

Для формирования лояльного отношения иноземцев к русской политической системе огромное значение имело поведение их постаршей элиты. Потерпев поражение в попытках оказать воору-

¹⁵⁸ Павлинская Л. Р. Буряты. Очерки этнической истории (XVII–XIX вв.). СПб., 2008. С. 171–172.

¹⁵⁹ Иванов В. Н. Вхождение Северо-Востока Азии... С. 87. См. также: Он же. Представители якутского народа на приеме у русского царя... С. 26.

¹⁶⁰ См.: Оглоблин Н. Н. Томский бунт 1637–1638 годов (Очерк из жизни XVII века) // Исторический вестник. 1901. Т. 85. С. 230, 231, 240; Он же. Красноярский бунт 1695–1698 (очерк из истории народных движений в Сибири) // ЖМНП. 1901. № 5. С. 43, 53, 60; Окладников А. П. Очерки из истории западных бурят-монголов (XVII–XVIII вв.). Л., 1937. С. 116, 139–169; Залкинд Е. М. Присоединение Бурятии к России. С. 127–128; Покровский Н. Н. Томск. 1648–1649 гг... С. 113–121, 142, 146–147, 189–199; Павлинская Л. Р. Буряты... С. 172–173.

¹⁶¹ См., напр.: Иванов В. Н. Вхождение Северо-Востока Азии... С. 91; Иванов В. Ф. Русские письменные источники... С. 64.

женное противодействие русской власти, эта элита (у значительной части сибирских народов) быстро перешла к сотрудничеству с ней и в силу своего положения начала играть роль механизма, скреплявшего сибирские этносоциумы с Российским государством. Формат сотрудничества задавался центральной и местной администрацией: возложение на «вождей» ответственности за сбор ясака и выполнение других повинностей, за правопорядок на подведомственной территории, за осуществление судопроизводства по мелким делам и т. д. Но и сама элита приняла русские «правила игры», поскольку они способствовали укреплению, а нередко и расширению ее власти в рамках дозволенного, и активно стала включаться, или, по крайней мере, предпринимала усилия включиться в новые политические связи, приспособиться к новым реалиям¹⁶².

Лица, относившиеся к аборигенной элите, в своем большинстве быстро смирились с тем, что их статус и властные полномочия определяются монаршей милостью. И многие из них начали обращаться к царю с просьбами о получении жалованных грамот, закреплявших их статус и полномочия¹⁶³, а затем апеллировать к ним в случае необходимости. Ряд хантыйских, мансийских и якутских князцов стали даже добиваться расширения своих прав и возможностей в системе русского местного управления и судо-

¹⁶² На примере хантыйских и мансийских князцов это хорошо показано в исследованиях С. В. Бахрушина (*Бахрушин С. В. Остяцкие и вогульские княжества...*), бурятских — А. П. Окладникова (*Окладников А. П. Очерки из истории западных бурят-монголов...*) и Е. М. Залкинда (*Залкинд Е. М. Присоединение Бурятии к России*), якутских — С. А. Токарева (*Токарев С. А. Очерк истории...*; *Он же. Общественный строй якутов...*) и В. Н. Иванова (*Иванов В. Н. Социально-экономические отношения у якутов...*; *Он же. Вхождение Северо-Востока Азии...*; *Он же. Представители якутского народа...*). См. также: *Lantzeff G. V. Siberia in the Seventeenth century...* P. 91–95.

¹⁶³ Первые жалованные грамоты от имени царя Федора Ивановича были получены выским князем Лугуем (1586 г.) и остякскими (хантыйскими) князьями Игичеем Алачевым и Онжей Юрьевым (1594 г.). Возможно, но точно неизвестно, такие же грамоты получили казымский мурза Цынгоп (1586/87 г.) и обдорский князь Василий (1595 г.).

производства¹⁶⁴. Для получения означенных грамот, а также высказывания каких-либо пожеланий и жалоб немало представителей элиты в рассматриваемое время побывали в Москве, где некоторые из них удостоивались даже аудиенции у царя. Эти поездки свидетельствуют о том, что аборигенные «вожди» (по крайней мере, многие из них) усвоили основной принцип российского государственного управления — все важнейшие вопросы решаются в столице и по возможности лично «великим государем». И, как правило, все просьбы, с которыми они обращались к царю в Москве, удовлетворялись, и в Сибирь они возвращались, имея на руках грамоты, подтверждавшие их властный статус, права на землю и подвластное население. Кроме того, поездки в Москву, а тем более встречи с царем создавали у них иллюзию установления личных связей с верховным правителем, что повышало их авторитет в глазах как сородичей, так и местной русской администрации. Некоторые из таких поездок, результаты которых имели большое значение не только для «вождей», но и их соплеменников, запечатлелись в памяти народа, приобретая знаковый характер¹⁶⁵.

Наиболее ярко включение элиты, ведшей за собой соплеменников, в новую политическую систему выразилось в принятии ею предложенных русской стороной служебных отношений (подробнее об этом см. ниже). Со временем некоторые из местных «вождей» (мансийские князья Кондинские и Пелымские, хантыйские князья Алачевы, тунгусские князья Гантимуровы, ряд якутских князцов, отдельные представители монгольской знати, перешедшие в русское

¹⁶⁴ См.: *Перевалова Е. В.* О значении жалованных грамот остяцких князцов // *Обские угры*. Тобольск; Омск, 1999. С. 156–158; *Токарев С. А.* Очерк истории... С. 82–89; *Иванов В. Ф.* Русские письменные источники... С. 53; *Иванов В. Н.* Социально-экономические отношения у якутов... С. 352–357; *Он же.* Представители якутского народа... С. 17–18, 20–22, 24–25.

¹⁶⁵ См., например: *Летописи хоринских бурят. Хроники Тугулдур Тобоева и Вандана Юмсунова* // *Труды Института востоковедения*. М.; Л., 1940. Т. 33. С. 18; *Патканов С. К.* Сочинения. Тюмень, 1999. Т. 2. С. 113–121.

подданство) добились получения русских служилых чинов — детей боярских и дворян¹⁶⁶.

Однако, адаптируясь к русской нормативно-поведенческой практике, иноземцы осваивали и применяли лишь те нормы поведения, которые обеспечивали им приемлемую для них самих коммуникацию с русской стороной, во внутренней же жизни в обыденных ситуациях они предпочитали руководствоваться нормами обычного права, что признавало и государство. Кроме того, степень нормативно-поведенческой адаптации снижалась по мере снижения уровня социально-политического развития сибирских народов и увеличения их географической отдаленности от реального влияния русской власти. Все те же северные тундровые и отчасти таежные этносоциумы в рамках рассматриваемого хронологического периода оставались вне сферы действия русских правовых норм и вне зоны активных русско-аборигенных контактов. В результате у них просто объективно не возникало актуальной потребности даже в корректировке своих стереотипов поведения. В контактах с ними русская власть сама была вынуждена адаптироваться к их архаичным «правовым» стандартам. У этих же народов весьма невелика была и значимость их «вождей» в процессе адаптационной коммуникации с русскими. Они не обладали в своих сообществах значительными правами, их власть, не имея принудительной силы, держалась исключительно на личном авторитете и распространялась лишь на собственный клан. «Родовичи» смотрели на них как на равных и всегда могли лишить их главенства. В результате попытки русских властей, активно, правда, предпринимавшиеся уже в XVIII в., придать «родоначальникам» народов Севера административные и судебные полномочия не имели успеха¹⁶⁷.

¹⁶⁶ См.: Зуев А. С., Люцидарская А. А. Этнический состав сибирских служилых людей в конце XVI — начале XVIII века // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: История, филология. 2010. Т. 9. Вып. 1. С. 65–66.

¹⁶⁷ Так, к примеру, известный исследователь жизни народов крайнего северо-востока Сибири В. И. Иохельсон заметил в конце XIX в. по поводу юкагиров: «То ничтожное значение и влияние, которые теперь имеют их

Переформатирование и адаптивное русское государство социальных, патерналистско-политических и территориальных структур сибирских народов

В историческом сибиреведении уже обстоятельно показано и доказано, что в процессе присоединения Сибири русская сторона, довольствуясь признанием сибирскими этносоциумами власти великого государя и выполнением ими определенного круга повинностей (прежде всего — ясачных платежей), минимизировала свое вмешательство в их внутренние социально-патерналистские отношения, оставляя у местных «вождей» (князцов, мурз, тойонов, шуленг, зайсанов и т. д.) порой весьма широкие полномочия. Контингент самих «вождей» за редким исключением не менялся, от власти, да и то не всегда, отстранялись лишь те, кто оказывал сопротивление, в результате чего к концу XVII в. в иноземческих социумах управляли, как правило, потомки тех «вождей», которых застало русское завоевание (если, конечно, у иноземцев существовал принцип наследования власти). Влияние русской власти ограничивалось, как правило, контролем за исполнением ясачных и прочих обязанностей, разрешением конфликтов между русским и аборигенным населением и расследованием политических («измена», «бунт») и тяжких уголовных преступлений. При этом она стремилась активно взаимодействовать с «лучшими людьми» и использовать их в своих целях, признавая и подчеркивая их властный статус и полномочия: в первую очередь именно «водители» приносили шерсть, приглашались для заслушивания жалованного слова и получали подарки, с их помощью русская адми-

князцы, т. е. выборные старосты, привито им русскими ... В глазах представителей русской власти последние являлись ответственными за действия других лиц или целых групп. Они отвечали за ясак. А между тем внутри своей социальной группы они не имели того значения, которое им приписывали русские — значения начальников» (*Иохельсон В.И. По рекам Ясачной и Коркодону... С. 4*).

нистрация осуществляла суд над иноземцами, разрешала конфликтные ситуации и поддерживала отношения господства-подчинения. Отдельные представители элиты не только лично освобождались от уплаты ясака, но и получали право собирать его со своих «сородичей». Почти повсеместно «родовые» «вожди» привлекались к сбору ясака, в том числе в целях контроля за действиями ясачных сборщиков, чтоб «ясачным сборщиком от ясачных людей, также и ясачным людям от ясачных сборщиков налог и обид никаких не было»¹⁶⁸. А к концу XVII в. стремление русских властей передать ясачный сбор в руки «родоплеменной» верхушки, которая бы сама доставляла ясак в города и остроги, становится уже явно выраженным и охватывает многие районы, считавшиеся закрепившимися в русском подданстве¹⁶⁹.

¹⁶⁸ Токарев С. А. Очерк истории... С. 70.

¹⁶⁹ О политике невмешательства русской власти во внутриабригенные отношения см.: Буцинский П. И. Сочинения в двух томах. Т. 1. С. 290–294; Красовский М. Русские в Якутской области в XVII в. // Известия общества археологии, истории и этнографии при Императорском Казанском университете. Казань, 1894. Т. 12. Вып. 2. С. 28–29; Козьмин Н. Н. Очерки прошлого и настоящего Сибири. С. 13; Огородников В. И. Русская государственная власть и сибирские инородцы... С. 84, 87; Бахрушин С. В. Ясак в Сибири. С. 54–55; Он же. Остяцкие и вогульские княжества...; Lantzeff G. V. Siberia in the Seventeenth century... P. 99; Иванов В. Н. Социально-экономические отношения... С. 46; Он же. Представители якутского народа... С. 10; Иванов В. Ф. Письменные источники... С. 18–19, 40; Каппелер А. Россия — многонациональная империя... С. 33; Ковалышкина Е. П. «Инородческий вопрос» в Сибири... С. 51; Русские в Евразии XVII–XIX вв. Миграции и социокультурная адаптация в иноэтничной среде. Тула, 2008. С. 60–61; Акимов Ю. Г. Северная Америка и Сибирь в конце XVI — середине XVIII в.: Очерк сравнительной истории колонизаций. СПб., 2010. С. 293; Шайшов А. Т. Югра в эпоху Средневековья. С. 644–645; Шерстова Л. И. Тюрки и русские в южной Сибири... С. 66. Власть в Сибири: XVI — начало XX в. Новосибирск, 2005. С. 34; Тураев В. А. «Инородческий вопрос» в политике Российского государства (XVII–XIX вв.) // Дальневосточный регион России. XVII–XIX вв. Владивосток, 2015. С. 48.

Соглашаясь в целом с такой трактовкой, ставшей почти общепризнанной в историографии, обратим, однако, внимание на то, что подчинение Московским государством сибирских иноземцев сопровождалось все же явно выраженным процессом переформатирования существовавших у них социальных и потестарных (у сибирских татар, возможно, политических) структур и отношений в направлении адаптации последних к русским государственным институтам и социально-политическим практикам. Этот процесс осуществлялся на двух взаимосвязанных уровнях.

Первый — номинальный, когда казаки-землепроходцы, сибирские воеводы и московские дьяки вербализировали, категоризировали, классифицировали и репрезентировали информацию о сибирских этносоциумах в понятных себе самим лексемах и тем самым распространяли на колонизируемое пространство московский социально-политический дискурс.

Второй — реальный, когда русская администрация конструировала из аборигенных сообществ, порой весьма аморфных, опять же понятные себе социальные и политические единицы и структуры, придавая им хоть какое-то сходство с социально-политическим и административно-территориальным дизайном Московского государства.

Выявление и анализ соционимов и статусных титулов, применявшихся в русском делопроизводстве и законодательстве в отношении сибирских народов и их социальных страт, а также фактических параметров их включения в политическую и социальную систему Московского государства позволили прийти к следующим основным наблюдениям.

Присоединение в конце XVI в. Западной Сибири не означало для русских знакомство с неизвестным миром. Сибирские татары, остяки и вогулы (ханты и манси), самоеды (ненцы) были уже давно включены в русскую картину мироустройства, пусть даже знания о них не вполне адекватно отражали действительность, о чем свидетельствуют русские летописи, «Сказание о человецех незнаемых на восточной стране и языцех розных» и те русские сведения о си-

бирских народах, которые запечатлелись в известиях иностранцев XV–XVI вв.¹⁷⁰ Столкнувшись на данной территории с сопротивлением хана Кучума и некоторых остякских и вогульских вождей, Москва, используя предшествующий опыт разновариантного подчинения «иных» земель и народов, применила (или пыталась применить) тактику «мягкой» инкорпорации «сибирцев» в состав Русского государства, предполагавшую предоставление им особого статуса¹⁷¹.

Ряд остякских и вогульских военно-политических объединений, которые в исторической литературе принято называть «княжествами» — Кодское, Обдорское, Ляпинско-Куноватское, Казымское, Бардаково и ряд других — сохранили в первые десятилетия своего нахождения под русской властью, что хорошо показано С. В. Бахрушиным, широкую автономию¹⁷². И хотя, как уже говорилось, произошло кардинальное перераспределение властных полномочий и прав на землю (верховным правителем-сюзереном, собственником земли и получателем дани-ясака стал русский царь), тем не менее правители этих «княжеств», приняв русское подданство

¹⁷⁰ См.: *Беляев И. Д.* О географических сведениях в Древней России // Записки ИРГО. 1852. Кн. 6. С. 36–40, 206, 245–250; *Оксенов А. В.* Слухи и вести о Сибири до Ермака // Сибирский сб., 1887. Кн. 4; *Алексеев М. П.* Сибирь в известиях западно-европейских путешественников и писателей, XIII–XVII вв. Новосибирск, 2006. С. 43–171; *Плигузов А. И.* Текст-кентавр о сибирских самоедах. М.; Ньютонвиль, 1993.

¹⁷¹ Мы сознательно не даем каких-либо понятийных определений тем взаимоотношениям, которые в конце XVI — XVII в. сложились между Русским государством и подчиненными им сибирскими народами, ограничившись лишь их характеристикой. Это вызвано тем, что из существующего в исторической и историко-политической науке множества дефиниций, квалифицирующих отношения между политическими субъектами, имеющими разные взаимные статусы (протекторатно-сателлитные, протекторатно-вассальные, сеньориально-вассальные, имперско-федеративные, имперско-автономные и т. п.), ни одно в полной мере не годится для сколько-нибудь точного определения исследуемого нами феномена.

¹⁷² *Бахрушин С. В.* Остякские и вогульские княжества... С. 86–152. См. также: *Перевалова Е. В.* Северные ханты... С. 36–55.

и получив от царя свои «родовые» земли в качестве пожалований, сохранили значительный объем власти в своих владениях, право содержать собственные военные отряды, осуществлять суд и собирать дань в свою пользу, некоторые из них лично освобождались от уплаты ясака и зачислялись в русскую службу с получением жалованья (что *de facto* какое-то время являлось синекурой). Их обязанность в отношении русского царя выражалась в основном в сборе ясака и поминок в государеву казну, несении военной службы и поддержании лояльности подвластного населения, а предводители обдорских и казымских остяков даже стали посредниками между русской властью и тундровыми самоедами.

Правящую верхушку остякских и вогульских «княжеств», а также селькупской «Пегой орды» и «югорской самоеди» русская власть стала титуловать князьями, признавая тем самым их высокий статус, но полностью игнорируя существовавшие у них самоназвания¹⁷³. Такая практика началась давно. Во второй половине XV — середине XVI в. в русских источниках упоминаются князья югорские, вогульские, казымские, кодские, самоедские¹⁷⁴. Некоторые летописи позволяют предположить, что ермаковы казаки даже утверждали в «должно-

¹⁷³ У указанных народов для обозначения предводителей были собственные «титулы». По данным А. Ю. Конева и Е. В. Переваловой, остяки (ханты) называли своих вождей «урт», «матур / матуркан», вогулы — «отыр», самоеды (ненцы) — «ерв», «саю ерв» (Конев А. Ю. Коренные народы северо-западной Сибири в административной системе Российской империи (XVIII — нач. XX в.). М., 1995. С. 43, 45; Перевалова Е. В. Обские угры и ненцы Западной Сибири: этничность и власть: Дис. ... д-ра ист. наук. Екатеринбург, 2017. С. 56, 66). В XVIII в., по сведениям Г. Ф. Миллера, остяки своих князцов звали «ки», самоеды — «биамо» или «бемо» (Миллер Г. Ф. Описание сибирских народов. М., 2009. С. 64–69; Северо-Западная Сибирь в экспедиционных трудах и материалах Г. Ф. Миллер. Екатеринбург, 2006. С. 345).

¹⁷⁴ См.: ПСРЛ. СПб., 1901. Т. 12. С. 249; М.; Л., 1959. Т. 26. С. 276–277; Л., 1977. Т. 33. С. 125; Л., 1982. Т. 37. С. 49, 96; Миллер Г. Ф. История Сибири. Т. 1. С. 324; Обдорский край и Мангазея в XVII веке. Екатеринбург, 2004. С. 11; Бахрушин С. В. Остяцкие и вогульские княжества... С. 134, 152; Перевалова Е. В. Северные ханты... С. 34, 35.

стях» местных предводителей, признавших в их лице власть русского государя. Согласно Кунгурской летописи, пятидесятник Богдан Брызга во время похода по Оби, погромив ряд иноземческих городков, «*постави* (кодского. — *Авт.*) князя болшого Алачея болшим яко богата суца и отпусти со своими честно»¹⁷⁵ (курсив наш. — *Авт.*).

К началу присоединения Сибири использование титула «князь» было уже традиционным в русской практике титулования восточных правителей. Связано это было с одной из особенностей московского политического дискурса. Как известно, в русской социально-политической «номенклатуре» и в пределах русских земель до второй половины XV в. только те, кто являлся потомственными князьями (Рюриковичами и Гедиминовичами), имели право на политическую (и государственную) власть, соединенную в значительной мере с собственностью на землю (княжества). В XVI в. ситуация принципиально изменилась: княжества в пределах Московского государства исчезли, правитель Руси стал царем, князья потеряли самостоятельную политическую власть, а во властной иерархии наследственная «титульность» была заменена служилыми чинами. Однако политический лексикон не поспевал за политической практикой. Московским политикам для обозначения правителей восточных народов пришлось использовать лишь те понятные русским людям титулы, которые имелись в этом лексиконе и уже были опробованы на азиатском направлении: царь, царевич и князь.

К концу XVI в. князьями звали тех самостоятельных, полусамостоятельных и зависимых правителей (беков / бегов / биев) кочевых орд, которые не являлись потомками Чингисхана. Чингисидов же, бывших правителями (ханами), именовали царями¹⁷⁶, а тех из них, кто не нес бремя правления, — царевичами. Известно, в частности, что правители Сибирского юрта из династии тайбугидов неизменно

¹⁷⁵ Летописи сибирские. Новосибирск, 1991. С. 260.

¹⁷⁶ Как известно, царский титул, изначально связывавшийся на Руси с Византией, после монгольского завоевания был перенесен также на ордунского хана (*Трепавлов В. В.* «Белый царь»: образ монарха и представления о подданстве у народов России XV–XVIII вв. С. 99).

русской стороной титуловались князьями, а хан Кучум, даже потев престола, — царем. Это не означает, конечно, что русские не знали собственно тюркских высших титулов (хан, салтан, оглан, бек), но в официальном делопроизводстве и законодательстве они, за редким исключением, не употреблялись. Вступив в постоянные контакты с хантыйскими (остякскими), мансийскими (вогульскими), селькупскими (остякскими) и ненецкими (самоедскими) «вождями», русские, не имея еще должного представления об их реальной власти над «сородичами» и вариантах ее перехода от одного лица к другому (по наследству или другим способом), посчитали их вполне полновластными правителями крупных политических объединений, почему и стали титуловать князьями (кодские князья Алач и Онжа, князь Пегой Орды Воня, куноватско-ляпинский — Лугуй, сургутский — Бардак, обдорский — Василий, самоедский — Акуба и др.). Такая практика опиралась и на силу традиции: русская власть начиная со второй половины XV в. титуловала князьями отдельных представителей потестарной элиты приуральских и зауральских народов (князья великопермские, пермские, вымские, вогульские, югорские, кодские и «сорыкидцкие») ¹⁷⁷. Некоторым из западно-сибирских князей от имени царя выдавались даже жалованные грамоты, утверждавшие княжеское достоинство, что представляло собой подобие инвеституры ¹⁷⁸. Однако, что важно отметить, этнотерриториальные объединения, входившие в юрисдикцию таких князей, никогда в рассматриваемое время не именовались княжествами ¹⁷⁹.

¹⁷⁷ См. также: *Корчагин П. А.* Очерки ранней истории Перми Великой: князья Пермские и вымские // *Вестн. Пермск. ун-та.* 2011. Вып. 1. С. 123.

¹⁷⁸ См.: *Первалова Е. В.* О значении жалованных грамот остяцких князцов. С. 156–161; *Трепавлов В. В.* «Белый царь»... С. 84–85.

¹⁷⁹ На неправомочность применения политонима «княжество» к потестарным объединениям остяков, вогулов, селькупов и тем более самоедов, а титула «князь» — к их предводителям указывали многие исследователи (См., например: *Степанов Н. Н.* К вопросу об остяко-вогульском феодализме // *Сов. этнография.* 1936. № 3. С. 28; *Долгих Б. О.* Родовой и племенной состав... С. 28; *Конев А. Ю.* Коренные народы северо-западной Сибири...

В отношении сибирских татар Москва также поначалу планировала сохранение автономии¹⁸⁰. Напомним, что русский царь Федор Иванович дважды, в 1593/94 и 1597 гг., предлагал хану Кучуму стать подчиненным царем: «И мы, великий государь, <...> тебя [Кучу]ма царя пожалуем на Сибирской з[емле] царем, и в нашем царском жалованье уч[нем] тебя держати милостивно»¹⁸¹. Аналогичное предложение последовало и в 1598 г., уже после того, как Кучум потерпел поражение¹⁸². Речь по сути шла о создании на сибирской территории, уже подконтрольной русской власти, политического образования наподобие татарских юртов, существовавших в пределах Московского царства (Касимовского ханства и др.)¹⁸³. Однако упорное нежелание «вольного человека» Кучума подчиниться русскому царю поставило

С. 43. См. также: *Мартынова Е. П.* Обские угры в середине II тыс. н. э. (к вопросу о социально-политической организации в «дорусский период») // Обские угры. Тобольск; Омск, 1999). Тем не менее среди современных этнографов встречаются все же те, кто стремится завьисить уровень развития потестарных объединений, бывших у народов Западной Сибири к началу XVII в., считая некоторые из них чуть ли не государствами (см., например: *Фёдорова Е. Г.* Лидеры в традиционном мансийском обществе // Сибирь в контексте русской модели колонизации (XVII — начало XX в.). СПб., 2014. С. 226, 227).

¹⁸⁰ В историографии даже встречается мнение, что «до 1592 г. включительно московское правительство не преследовало цели завоевания Сибирского ханства и его присоединения к России подобно Казанскому ханству ... После разрыва Кучумом вассальной зависимости московское правительство стремилось лишь восстановить сюзеренные права над сибирскими правителями ... Только в ходе деятельности первых сибирских воевод центральная администрация с весны 1593 г. меняет свою политическую ориентацию по отношению к местной знати и начинает энергичные действия, которые имеют своей целью непосредственное присоединение Западной Сибири к России» (*Сергеев В. И.* Правительственная политика в Сибири накануне и в период основания первых русских городов // Новое о прошлом нашей страны. М., 1967. С. 179).

¹⁸¹ СГГД. Ч. 2. С. 133, 134.

¹⁸² АИ. Т. 2. С. 3, 7.

¹⁸³ См. также: *Рахимзянов Б. Р.* Москва и татарский мир... С. 136–138.

на этом проекте крест. К тому же вся правящая верхушка ханства из числа чингисидов либо погибла, либо была вывезена на «Русь» (где поверстана в службу и пожалована землями), либо оказалась вне пределов Сибири («бродячие царевичи» — потомки Кучума¹⁸⁴). В результате русская власть отказалась от идеи сохранения Сибирского юрта / ханства в целом или его отдельных подразделений — «княжеств»-юртов¹⁸⁵ как автономных образований и предпочла иной вариант: военно-политическая элита бывшего Сибирского юрта (беки, мурзы, ясаулы, тарханы) почти поголовно была зачислена в русскую службу с сохранением земельных владений (юртов), зависимых людей и освобождением от уплаты ясака. Из нее в Тобольске, Тюмени и Таре были сформированы подразделения юртовских служилых татар¹⁸⁶. Некоторые из последних в конце XVI — начале XVII в. назывались в русских документах князьями, мурзами, тарханами и «лучшими людьми»¹⁸⁷.

¹⁸⁴ Из потомков Кучума его старший (?) сын Али (Алей) с начала XVII в. в русских документах стал величаться царем (*Трепавлов В. В.* Сибирский юрт после Ермака... С. 67, 68, 72, 77). Прочие же кучумовичи звались царевичами. Хотя изредка в отношении некоторых из них, занимавших, видимо, лидирующие позиции среди родственников, употреблялся титул «царь». Так, «Кучумов сын» Ишим в одной из грамот тюменскому воеводе (1616 г.) назван «царем» (*Миллер Г. Ф.* История Сибири. Т. 2. С. 274, 275). В 1629 г. сын Ишима Аблагирим титуловался «салтаном» (Там же. С. 420).

¹⁸⁵ В Сибирском юрте, как полагает Д. М. Исхаков, насчитывалось несколько «княжеств»-юртов/кланов и, кроме того, был еще отдельный «клан», пришедший вместе с Кучумом. См.: *Исхаков Д. М.* Введение в историю Сибирского ханства. Казань, 2006. С. 66, 134–135; *Исхаков Д. М., Измайлов И. Л.* Этнополитическая история татар (III — середина XVI вв.). Казань, 2007. С. 272.

¹⁸⁶ *Бахрушин С. В.* Сибирские служилые татары... С. 153–175; *Тычинских З. А.* Служилые татары и их роль в формировании этнической общности сибирских татар (XVII–XIX вв.). Казань, 2010. С. 47–49.

¹⁸⁷ Следует заметить, что тюркские титулы нередко воспринимались и фиксировались русскими как имена или как часть имен, а не как собственно титулы. Например: *Бекмаметка, Янабек, Тархан батыр, Мурзогиндейко,*

Для обозначения представителей потестарной элиты остяков и вогулов, управлявших общинами или их небольшими объединениями, но имевших более низкий статус и меньше власти, чем князья, и попавших под ясачное обложение, стала использоваться их собственная (правда, тюркская по происхождению) «номенклатура» как в оригинальном варианте — мурзы, есаулы, башлыки и др.¹⁸⁸, так и в переводе на русский язык — сотники, десятники¹⁸⁹. Такие же «звания» сохранялись и у представителей ясачной татарской знати. У них же в конце XVI — начале XVII в. встречались также и князья, как, например, князь «Каурдацкой волости» Кошуй, князь «тоборинских татаровей» Боча Мостов¹⁹⁰. Для совокупного обозначения всех этих властвующих лиц, за исключением князей, использовалось понятие «лучшие люди» (варианты: «лучшие мужики», «лучший человек / мужик»), которое применительно к населению Югры встречалось уже в конце XV в. Лучшие люди выделялись также у селькупов и самоедов. Правда, в русских документах мурзы и сотники то причисля-

Янкубин *Бек мурза* (Миллер Г. Ф. История Сибири. Т. 2. С. 398, 420, 468, 479, 501, 516, 517). Курсивом выделены собственно титулы.

¹⁸⁸ Использование местной тюркской, точнее, тюрко-монгольской «оригинальной» титулатуры и «номенклатуры» объясняется, надо полагать, тем, что они уже давно (по крайней мере со времен монгольского завоевания Руси, если не ранее, учитывая длительность контактов славян и кочевников) были знакомы и понятны русским. К тому же в русском языке отсутствовали слова, которыми можно было бы адекватно идентифицировать и классифицировать лиц, имевших определенные позиции и управленческие функции в иноземческой властной иерархии.

¹⁸⁹ Исследователи, занимающиеся административно-территориальной организацией сибирских татар в XVII–XVIII вв., полагают, что «звания» «сотников» и «десятников» являются реликтом военно-административной системы Сибирского юрта (Тычинских З. А. К вопросу об административно-политическом и территориальном устройстве сибирских татар в XVI–XVIII вв. // Средневековые тюрко-татарские государства. Казань, 2009. Вып. 1. С. 181). От татар «военно-административная титулатура» распространилась в Нижнем Приобье (Перевалова Е. В. Северные ханты... С. 36).

¹⁹⁰ Миллер Г. Ф. История Сибири. Т. 2. С. 177, 221, 241.

лись к категории лучших людей («мурзы и сотники лутчие люди»), то выделялись отдельно («сотники и лутчие люди», «мурзы и лутчие люди»). Рядовая же масса иноземцев стала зваться «улусными» (иногда — «черными») людьми / мужиками (среди них по имущественному принципу могли выделяться «добрые» и «худые» людишки), а разные категории людей, не обладавшие полной правовой дееспособностью, — холопами, работниками, захребетниками, вскормленниками, «живущими подле», т. е. словами, уже бывшими в русской социальной лексике, в том числе и заимствованными в свое время от золотоордынцев.

Таким образом, русская власть уже с начала присоединения Сибири ввела для местных народов понятную себе самой социальную градацию, которая не вполне отражала реалии социальных и потестарно-политических отношений в аборигенных сообществах, зато была весьма проста, будучи представлена всего четырьмя основными стратами: правители (князья) разной степени самостоятельности, лучшие люди (включавшие местную «знать» и управленцев разного уровня, если таковые были), улусные люди и холопы (к последним, как правило, относили всех зависимых людей). Особая ситуация сложилась у служилых татар, среди которых выделялись князья, мурзы и лучшие люди, но главной для них становилась стратификация уже не по родовитости и прежде бывшим управленческим функциям, а по чинам, аналогичным чинам русских служилых людей: головы, сотники, пятидесятники и т. д.

Выход русских землепроходцев в начале XVII в. в верховья Оби и на Енисей, а затем их дальнейшее продвижение на восток к Тихому океану ознаменовались встречами с ранее не известными народами, которые по своему образу жизни заметно отличались не только от русских, но и нередко друг от друга. Вместе с тем стали наблюдаться заметные новации в подходах русской власти к осмыслению и конструированию политического и социального пространства новых «землиц».

Во-первых, сталкиваясь с разнообразными в языковом, политическом, социальном, хозяйственном отношениях этносоциумами

и не имея о них никакого представления, русские власти, как говорилось выше, озаботились сбором информации о «вновь присканных» иноземцах. Землепроходцы, выполняя эту миссию, стали дополнять уже опробованную в Западной Сибири социальную и потестарно-политическую градацию сведениями о степени политической самостоятельности, верованиях и хозяйственных занятиях аборигенов. В результате в официальном лексиконе появились такие категории сибирского населения, как «кочевные», «скотные», «оленные», «конные», «сидячие», «кузнецкие», «пашенные» люди, а также «кыштымы».

Во-вторых, с выходом за пределы Северо-Западной Сибири в русском делопроизводстве в отношении коренного населения активно стал использоваться социополитоним «иноземцы», который, как подробно будет изложено в следующем разделе, означая переходное состояние от потенциального подданства «великому государю» к реальному и свидетельствуя о недоверии русской власти к аборигенам, одновременно отражал представление Москвы об их политической «ничейности» (отсутствии над ними чьей-либо суверенной власти) и демонстрировал заявку на их присвоение. Вместе с этим в первой половине XVII в. была сконструирована и политическая градация иноземцев, которая отличалась простотой и отражала характер их отношения к русской власти: мирные подданные назывались «ясачными» «великого государя» / «царского величества», иногда в зависимости от степени лояльности с конкретизирующими пояснениями «верные», «вечные»; неподчиненные и вышедшие из подчинения назывались «неясачными», «воровскими», «немирными», «непокорными», «непослушными», «неприятельскими» и «изменниками».

В-третьих, меняется официальная номинация высшей потестарной элиты аборигенных сообществ¹⁹¹. Уже с конца XVI в. в от-

¹⁹¹ В данном разделе анализируется номинация элиты сибирских этносов. За рамками исследования остались пограничные с Сибирью монгольские народы (калмыки, джунгары и собственно монголы), которые находились вне рамок российской государственности. Отметим лишь, что на протяжении всего XVII в. в отношении их предводителей разного уровня, за редким

ношении ее наряду с титулом «князь» начала использоваться его уничижительная форма «князек / князец»¹⁹², которая вскоре стала общеупотребительной по всей Сибири. Это, правда, не означало полного исчезновения формы «князь». Так, в первой трети XVII в. ряд местных вождей в Западной Сибири, причем нередко в одних и тех документах, титуловался то князьями, то князьками (например, предводитель татар-эуштинцев Тоян, телеутов — Абак). Форма «князь» встречалась здесь, но уже крайне редко и лишь в отношении отдельных лиц также и во второй половине XVII в. и даже в начале XVIII в. В середине XVII в. вариации титулования (князь / князец) — и опять же нередко в одних и тех же документах — отмечены в отношении одних и тех же даурских, дючерских и некоторых тунгусских вождей в Восточном Забайкалье и Приамурье. Но все же в целом на протяжении первой половины XVII в. применительно к титулованию вождей сибирских народов форма «князек / князец» вытеснила форму «князь» (о редких исключениях см. ниже). При этом важно отметить, что в отличие от Западной Сибири в Восточной Сибири вплоть до Чукотки и Камчатки титул «князец» сразу же стал применяться русскими землепроходцами и администраторами для номинации главных предводителей этнотерриториальных объединений, причем разного таксономического уровня и уже без учета их реальных властных полномочий и реальной военной силы. Даже главы крупных военно-политических образований (у енисейских киргизов) и «родовых» объединений (у предбайкальских бурят, якутов и части тунгусов) с момента первого знакомства определялись

исключением, употреблялась собственно монгольская титулатура (ханы, контайши, тайши, шуленги, зайсаны и т. д.) и по традиции — для обозначения правителей-ханов из чингисидов — титул «царь»: хотогойский «алтын-царь», «мунгалские (халхасские. — *Авт.*) цари».

¹⁹² Насколько нам известно, впервые на это обратил внимание М. А. Демин (*Демин М. А. Коренные народы Сибири в ранней русской историографии. СПб.; Барнаул, 1995. С. 78*).

как князцы, а не князья¹⁹³. Оригинальностью отличалась ситуация в середине XVII в. в Забайкалье: в отношении местных «братцких людей» нам не удалось выявить в документах каких-либо титулов или званий. Судя по отпискам и показаниям землепроходцев, которые вообще очень редко упоминали забайкальских «братов», последние воспринимались русскими, по крайней мере до начала 1660-х гг., как «улусные мужики» «мунгальских владельцев». В дальнейшем, по мере перекочевки (возвращения) в Забайкалье ряда монгольских «родов», элита которых имела монгольские титулы, последние стали применяться русскими и в отношении бурятских «вождей»¹⁹⁴.

¹⁹³ В документах, правда, встречаются единичные отклонения от этого правила. Так, томский казак И. Петлин, ездивший в 1618 г. в Китай, титуловал главу киргизской «Кирбицкий земли» «царем» (РКО. М., 1969. Т. 1. С. 92; правда, русские власти быстро поняли, что предводители енисейских киргизов не имеют никакого отношения к чингисидам и отказались от их титулования царями). В статейном списке посольства Д. Черкасова к енисейским киргизам в 1627 г. некоторые главы киргизских улусов (Ишей, Сенжа, Кара) фигурируют то как князцы, то как князья (*Бутанаев В. Я. История вхождения Хакасии... С. 143–155*). В отписке тобольского воеводы Ф. Телятевского 1633 г. ряд якутских предводителей названы «тайшами» (*Иванов В. Н. Социально-экономические отношения... С. 258*). В наказе первому якутскому воеводе П. Головину 1638 г. предводители «яколских, якутцких и братцких людей», обитавших в верхнем и среднем течении р. Лены, называются не только князцами, но и на монгольский манер — тайшами (РИБ. Т. 2. Стб. 964, 965; *Иванов В. Н. Вхождение Северо-Востока Азии... С. 172, 173*). Такая же номинация присутствует и в наказе якутским воеводам В. Пушкину и К. Супоневу в 1644 г.: «и кто в тех землях князцы, или тайши, или иные какие лутчие люди» (ДАИ. Т. 2. С. 269). Тайшами изредка в начале XVII в. титуловали вождей телеутов (*Миллер Г. Ф. История Сибири. Т. 1. С. 417; Т. 2. С. 373*). Особо заметим, что форма «князь» ни разу не встретила нам в документах в отношении бурят, якутов, юкагиров, коряков и чукчей.

¹⁹⁴ М. М. Фёдоров, правда, считал, что русские с самого начала подчинения бурят признали монгольские «феодальные» титулы и звания, употреблявшиеся среди них, а именно: тайши, зайсаны, шуленги и есаулы (*Фёдоров М. М. История правового положения народов Восточной Сибири*

Наблюдается и нарастающая к концу XVII в. амбивалентность в подходах русской власти к статусу сибирских князцов и «лучших людей».

С одной стороны, ее представители на местах на протяжении всего XVII в. четко обозначали князцами тех, кто таковыми, по их мнению, являлся. Князцы явно фиксировались как особая социальная группа: «князцы и лутчие люди», «князцы и ясачные люди», «князцы и их люди / улусные люди», «князцы, и ясоулы, и ясачные люди», «князцы и мурзы и тотаровя» и т. д. И далеко не каждого предводителя какого-либо семейного клана или их объединений русские называли князцом. Об этом определенно позволяют говорить материалы учета сбора ясака, согласно которым не во всех ясачных волостях, улусах и родах, представлявших разноформатные объединения, имелись князцы¹⁹⁵. Ясачные книги также показывают, что князцами титуловались только реальные главы, а их родственники, даже ближайшее, если не были «самовластными» правителями, титулов не имели, а идентифицировались по родственным связям с князцами: «князцов дети», «князцы и их братья, и племянники» и т. д. Среди князцов русские могли также выстраивать градацию в соответствии с их реальной статусной ролью и количеством «подданных», выделяя «лутчих», «самых лутчих», «больших князцев». Правда, то и другое определялось русскими в соответствии с их собственным видением ситуации.

В огромном массиве сохранившихся делопроизводственных документов, равно как и в законодательных актах невозможно обнаружить каких-либо объяснений принципов титулования высшей аборигенной потестарной элиты. Однако вряд ли мы ошибемся, если станем утверждать, что сначала землепроходцы, затем местные ад-

в составе России (XVII — начало XIX в.). Иркутск, 1991. С. 106). Но такой вывод не подтверждается фактическими данными.

¹⁹⁵ См. напр.: Миллер Г. Ф. История Сибири. Т. 2. С. 302–304, 319–320, 340–341; Т. 3. С. 137–140; Материалы и исследования по истории Северо-Западной Сибири. С. 182–186, 193–194; Материалы по истории Якутии... Ч. 1. С. 2–6, 9–14; Ч. 3. 963–964; КПМГЯ. С. 114, 126–127.

министраторы иерархизировали «родовых» и «племенных» вождей по объему их реальной власти над сородичами, причисляя одних к князям, других (основную массу) — к лучшим людям. Правда, эта иерархизация основывалась на сравнении статусного положения князцов, равно как и лучших людей, с находившимися в их ведении улусными людьми, а не на сравнении с князцами и лучшими людьми других народов. В результате князцы и лучшие люди разных народов заметно отличались друг от друга по своему реальному статусу и реальным функциям.

С другой стороны, с середины XVII в. русская власть все реже употребляет титул «князец» применительно к вождям сибирских народов. Особенно это заметно в восточных районах Сибири¹⁹⁶. Здесь же, но уже в XVIII в., для официального наименования глав якутских улусов постепенно вводится якутский же «титул» «тойон»¹⁹⁷, который распространяется также на чукчей, ительменов,

¹⁹⁶ Так, у якутов число тех, кого русские «титумовали» князцами, сократилось с 42 человек в 1631–1633 гг. до 10 в 1664/65 г. (*Борисов А. А.* Социальная история якутов в позднее Средневековье и Новое время: (опыт комплексного исследования). Новосибирск, 2010. С. 78). В 1682 г. в 19 родах тунгусов и асанов Рыбинской волости Енисейского уезда не было ни одного князца (РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 817. Л. 89 об.–103 об). Аналогичная ситуация в том же году была в 21 тунгусском улусе и двух тунгусских родах, одном братском улусе и 21 братском роде, подведомственных Братскому и Балаганскому острогам (Там же. Л. 117 об. — 123а).

¹⁹⁷ Данный «титул» изредка встречается в документах XVII в. Из них следует, что он использовался исключительно якутами: тойонами они «титумовали» отдельных представителей верхушки якутского общества, а также якутских воевод (См.: *Серошевский В. Л.* Якуты. Опыт этнографического исследования. М., 1993. С. 429, 437; Якутия в XVII веке... С. 132; *Иванов В. Н.* Социально-экономические отношения... С. 259; *Дьяченко В. И.* Вхождение Якутии в состав России // Сибирь. Древние этносы и их культуры. СПб., 1996. С. 109). Русские власти до начала XVIII в. этот «титул» официально не использовали.

камчатских айнов и часть коряков¹⁹⁸. Схожий процесс, по нашим данным, с 1660-х гг., идет и в южных районах Сибири, где в отношении князцов и лучших людей у бурят, некоторых групп забайкальских тунгусов и енисейских киргизов русские начинают употреблять титулатуру, заимствованную у монголов: тайши, нойоны, зайсаны, шуленги, есаулы (засулы). Причем в этом вопросе наблюдалась вариативность. Если при номинации бурятских «вождей» титул «князец» к началу XVIII в. почти перестал употребляться¹⁹⁹, то при номинации киргизских «вождей» он стал сочетаться с монгольскими титулами (например, езерский князец Шорла Мергень тайша, алтырский князец Тангут Батур тайша²⁰⁰), хотя титул князец оставался все же основным. И опять же подчеркнем, что русские заимствовали исключительно тюрко-монгольскую титулатуру, полностью игнорируя те наименования предводителей (старейшин, военных и «родовых» вождей), которые существовали в языках иных (нетюркских и немонгольских) народов Восточной Сибири²⁰¹. Равным образом они, кстати, крайне редко употребляли, по крайней мере в официальном

¹⁹⁸ Использование этого «титула» в отношении народов крайнего Северо-Востока Сибири не поддается логичному объяснению. В языках чукчей, коряков, ительменов и камчатских айнов слова «тойон» нет, их образ жизни и социально-потестарное устройство заметно отличались от аналогичных у якутов. Самых якутских предводителей официально к началу XVIII в. тойонами не называли, но только князцами. Вызывает недоумение и тот факт, что глав корякских поселений на Камчатке «титировали» тойонами, тогда как на Охотоморском и Берингоморском побережьях — князцами.

¹⁹⁹ См.: *Залкинд Е. М.* Присоединение Бурятии к России. С. 253–255.

²⁰⁰ См.: *Бутанаев В. Я.* История вхождения Хакасии... С. 258.

²⁰¹ О том, какими словами эти народы обозначали своих предводителей, см.: *Миллер Г. Ф.* Описание сибирских народов. С. 64–69; *Иохельсон В. И.* По рекам Ясачной и Коркодону... С. 4, 5; *Он же.* Материалы по изучению юкагирского языка и фольклора, собранные в Колымском округе. Ч. 1: Образцы народной словесности юкагигов. СПб., 1900. С. 88–89; *Он же.* Юкагиры... С. 178, 180; *Он же.* Народное творчество юкагигов // Север Азии в этнокультурных исследованиях. Новосибирск, 2008. С. 287; *Стеллер Г. В.* Описание земли Камчатки. С. 202, 203.

делопроизводстве, индигенные названия зависимых людей, предпочитая всех их называть холопами²⁰².

На протяжении XVII в. титул «князец» теряет свою «титულность» и приобретает у ясачных людей по сути «должностное» значение. «Князьки / князцы», а равно «мурзы», «есаулы», «сотники», «зайсаны» и прочие «иноземческие» обозначения власть имущих становятся в русском делопроизводстве наименованием тех лиц аборигенных сообществ, которым русская власть вручала исполнение определенных должностных обязанностей, т. е. с русской точки зрения все эти «титулы» и «звания» превращаются в наименование должностей аборигенного звена местного управления. Следует также отметить тот факт, что уже со второй трети XVII в. князцы, продолжая, как говорилось выше, выделяться особо, все чаще в разного рода документах квалифицируются как группа, относимая к категории «лучших людей», а то и просто называются «мужиками». «Мужиками» или просто по имени нередко с этого же времени обозначают и «лутчих людей».

И, наконец, пожалуй, самое важное — русская администрация начала практиковать назначения в должности князцов и «лучших людей», причем не всегда учитывая принцип наследственности²⁰³, хотя в целом он все же сохранялся (там, где был): к концу XVII в. во многих иноземческих родах, волостях и улусах управляли потомки тех вождей, которых застало русское завоевание (на протяжении XVII в. от власти, да и то не всегда, отстранялись лишь те, кто оказывал сопротивление).

²⁰² Слово холопы получило в русском делопроизводстве наибольшее распространение. Лишь изредка в нем встречаются иноземческие «номинации» зависимых и лично несвободных людей, как, например, применительно к якутскому обществу: боканы, кулуты, балыксыны (См.: *Токарев С. А. Очерк истории...* С. 25; *Иванов В. Н. Социально-экономические отношения...* С. 266–307; *Борисов А. А. Социальная история якутов...* С. 33).

²⁰³ См.: *Бахрушин С. В. Ясак в Сибири.* С. 56; *Он же. Остяцкие и вогульские княжества...* С. 139–141; *Токарев С. А. Очерк истории...* С. 62. *Фёдоров М. М. Правовое положение народов...* С. 105–106.

За отдельным исключением (мурзы Кульмаметевы и Кутумовы) теряют свои титулы и «должностные» звания служилые татары, которые к концу XVII в. по своему статусу полностью уравниваются с русскими служилыми людьми²⁰⁴. В Западной Сибири лишь несколько потомков остяцких, вогульских и самоедских князей конца XVI в. сохранили за собой княжеские титулы, официально признаваемые русской властью: князья Кондинские, Пелымские, Алачевы²⁰⁵, Артанзеевы (Куноватские), Обдорские (с начала XVIII в. — Тайшины)²⁰⁶. В Восточной Сибири этот титул, но исключительно в индивидуальном порядке (без права передачи по наследству) был «пожалован» в конце XVII — начале XVIII в. некоторым якутским князьям²⁰⁷. В этом регионе княжеский титул смогли закрепить за собой с 1685 г. лишь прямые потомки одного из предводителей забайкальских «конных» тунгусов — Гантимура²⁰⁸. Однако все вышеназванные князья (исключая Обдорских) были крещены, поверстаны в служилые люди — в чины дворян и детей боярских, а многие из них к концу XVII в. реально уже были отстранены от управления соплеменниками, переселившись (или будучи переселены) в русские города и остроги²⁰⁹.

Вряд ли можно сомневаться, что явно наблюдаемая на протяжении XVII в., при всех вариациях и отклонениях, тенденция принижения русской властью номинального статуса высшей аборигенной элиты (кня-

²⁰⁴ См.: Бахрушин С. В. Сибирские служилые татары... С. 172–173; *Тычинских* З. А. Служилые татары... С. 33–77.

²⁰⁵ Династия князей Алачевых пресеклась в середине XVII в.

²⁰⁶ См.: Бахрушин С. В. Остяцкие и вогульские княжества...; *Перевалова* Е. В. О значении жалованных грамот остяцких князцов...; *Она же*. Северные ханты... С. 33–62; *Миненко* Н. А. Северо-Западная Сибирь... С. 183.

²⁰⁷ См.: *Иванов* В. Ф. Русские письменные источники... С. 42; *Иванов* В. Н. Представители якутского народа... С. 23.

²⁰⁸ *Артемьев* А. Р. России верное служение (Род князей Гантимуровых) // *Забытые имена*. Владивосток, 1994. Вып. 1.

²⁰⁹ См.: *Зуев* А. С., *Люцидарская* А. А. Этнический состав сибирских служилых людей... С. 65–66.

зья → князцы → лучшие люди → ясачные мужики)²¹⁰ стала следствием расширения русской стороной своих знаний о социально-потестарном устройстве аборигенных сообществ, в том числе о степени реальной власти и реальных полномочиях их предводителей. Из донесений с мест становилось понятно, что власть князцов и прочих «лучших людей» у большинства сибирских этносоциумов не имела наследственного характера, зачастую являлась ситуативной и базировалась преимущественно на их личном авторитете и богатстве²¹¹. Можно также предположить, что свою роль сыграло и нежелание центральной власти увеличивать в стране численность князей из числа иноземцев. В Московской Руси XVII в. их и без Сибири было очень много, поскольку князьями официально признавались многочисленные поволжские татарские мурзы и мордовские «панки», принявшие православие²¹².

В-четвертых, с пополнением информации об устройстве аборигенных сообществ связано и изменение в политических отношениях с ними. В отличие от Западной Сибири, подчиненной к концу XVI в., во всей остальной Сибири русская власть в своих действиях отказалась от сохранения заметных элементов административной автономии и массового зачисления иноземцев на службу. Территориальным рубежом стало верхнее Приобье и южные районы Енисейского края. Здесь мы еще видим прием на службу части «татар» (эуштинцев, чатов, тюркоязычных алтайцев, аринцев и качинцев) и «белых колмаков» (телеутов) и формирование из них особых воинских подразделений в составе томского, кузнецкого и красноярского гарнизонов²¹³. Но здесь

²¹⁰ Эта тенденция уже подмечалась исследователями (См.: *Конев А. Ю.* Коренные народы северо-западной Сибири... С. 48).

²¹¹ См., например: ПСИ. Кн. 1. С. 456 – 459; КПЦКЧ. Л., 1935. С. 25, 27, 31, 32, 156–157; *Степанов Н. Н.* Присоединение Восточной Сибири... С. 112; *Токарев С. А.* Очерк истории... С. 36, 83.

²¹² О признании иноземцев-азиатов князьями см.: *Карнович Е. П.* Родовые прозвания и титулы в России и слияние иноземцев с русскими. СПб., 1886. С. 168, 174.

²¹³ См.: *Зуев А. С., Люцидарская А. А.* Этнический состав сибирских служилых людей... С. 62.

же русская сторона категорически отказывается от предоставления киргизам особого статуса по примеру служилых татар, хотя киргизские князцы и предлагали ей вариант взаимодействия на основе предоставления им политической автономии (аналогичный их отношениям с монгольскими алтын-ханами и джунгарскими хунтайджи)²¹⁴. В отношении же народов Восточной Сибири русская власть полностью исключает сохранение у них каких-либо автономных объединений (наподобие остякских и вогульских «княжеств») или предоставления служилого статуса (без уплаты ясака) каким-либо их социальным или этнотерриториальным группам. Она требует и реализует, или по крайней мере стремится реализовать полное и безусловное подчинение всех «вновь приисканных иноземцев», несмотря на то что некоторые из них — киргизы, буряты и якуты — по своему военному потенциалу превосходили остяков и вогулов и оказали русским более серьезное сопротивление, чем последние. Это же стремление распространяется на западно-сибирские «княжества», которые на протяжении XVII в. лишаются автономии, будучи переформатированы русской властью в ясачные волости²¹⁵. К концу XVII в. сохранить фактическую автономию во внутренних делах смогли лишь куноватские и обдорские князцы в силу труднодоступности их владений для русской администрации²¹⁶. Но эта автономия уже не отличалась от самостоятельности князцов и лучших людей других сибирских народов, обитавших вдали от русских административных пунктов.

Таким образом, в процессе изменения аборигенных социальных и потестарных структур, осуществляемом русской властью, можно выделить два последовательных варианта: первый применялся в Западной, второй — в Восточной Сибири. Разница между ними

²¹⁴ См.: *Шерстова Л. И.* Тюрки и русские в южной Сибири... С. 82; *Бутинаев В. Я.* История вхождения Хакасии... С. 65–66; *Грачев И. А.* Российская империя и этногенез современных хакасов // *Сибирь в контексте русской модели колонизации (XVII — начало XX в.)*. СПб., 2014. С. 127.

²¹⁵ Уже к началу XVII в. было ликвидировано Казымское «княжество», после 1607 г. — Ляпинско-Куноватское, в 1619 г. — Бардаково, в 1643 г. — Кодское.

²¹⁶ См.: *Бахрушин С. В.* Остяцкие и вогульские княжества... С. 135–143.

заклучалась в скорости и технологиях включения местных этносоциумов в систему российской государственности. Если в Западной Сибири военно-потестарные объединения (остяцкие и вогульские «княжества») некоторое время сохраняли заметную автономию, а с сибирскими татарами были выстроены служебные (неясчные) отношения, то в Восточной Сибири эти технологии мягкого и постепенного подчинения либо отсутствовали вовсе, либо присутствовали фрагментарно, не явно выражено, и русская власть стремилась максимально быстро превратить иноземцев в настоящих подданных-ясачных «великого государя». Территориальным рубежом между вариантами стали районы Верхнего Приобья и Енисейский край, где начался переход от одного варианта к другому, а хронологическим рубежом — первая четверть XVII в., когда русские землепроходцы приступили к подчинению народов Восточной Сибири²¹⁷. Оба варианта, один медленнее, другой быстрее, способствовали сначала номинальному, затем реальному освоению / присвоению социально-политических институтов, существовавших у сибирских народов. Но наиболее ярко процесс политической «русификации» выразился в административно-территориальном структурировании этнического, политического и социального пространства Сибири.

²¹⁷ Заметим, что на эволюцию «администрирования» и «институционализации» русской властью сибирских этносоциумов уже обращалось внимание в историографии. И. Н. Гемуев, В. Н. Курилов, А. А. Люцидарская выделили в этом процессе два варианта: «имперско-федеративный» и «унитарный», рубежом между которыми являлись 1620–1630-е гг. ([Гемуев И. Н., Курилов В. Н., Люцидарская А. А.] Власть и коренные народы Сибири (XVI–XX века) // Азиатская Россия в геополитической и цивилизационной динамике. XVI–XX века. М., 2004. С. 394). И хотя авторам не удалось аргументировано описать и охарактеризовать оба этих варианта, тем не менее по сути, не принимая в расчет предложенную терминологию, мы согласны с их наблюдением о принципиальном изменении русской политики с началом присоединения Восточной Сибири.

Сибирские территории, по мере их присоединения, включались в систему управления Русского государства²¹⁸. На первых порах новоприобретенными землями занимался Посольский приказ, ведавший внешней политикой Московского государства. В 1599 г. управление присоединенными районами Сибири было сосредоточено в Казанском дворце. Этот правительственный орган занимался восточными территориями — Поволжьем и Уралом. По мере того как русские все дальше продвигались на восток, задача управления огромным сибирским краем усложнялась, и в 1637 г. из Казанского дворца выделилось специальное центральное учреждение для управления Сибирью — Сибирский приказ.

На протяжении XVII в. в Сибири было учреждено 20 уездов с административными центрами в городах. По мере расширения территории для оперативности управления уезды стали группировать в более крупные административно-территориальные единицы — разряды: в 1629 г. освоенная русскими Сибирь была разделена на Тобольский и Томский разряды, в 1639 г. из Томского разряда был выделен Ленский (Якутский), а в 1677 г. — Енисейский разряд; недолгое время существовал Верхотурский разряд (1687–1693 гг.). Административным центром Сибири с 1587 г. являлся Тобольск.

Во главе разрядов и уездов стояли воеводы, присылаемые из Москвы. В их руках сосредотачивалась вся полнота власти над

²¹⁸ О формировании системы управления Сибирью в конце XVI — XVII в. см.: *Бахрушин С. В.* Воеводы Тобольского разряда в XVII в. // Он же. Науч. тр. М., 1955. Т. 3. Ч. 1; *Lantzeff G. V.* Siberia in the Seventeenth century...; *Копылов А. Н.* Органы центрального и воеводского управления Сибири в конце XVI — XVII в. // Известия СО АН СССР. 1965. № 9 Серия обществ. наук. Вып. 3; *Александров В. А., Покровский Н. Н.* Власть и общество...; *Dmytryshyn B.* Administrative Apparatus of the Russian Colony in Siberia and Northern Asia, 1581–1700 // The History of Siberia: From Russian Conquest to Revolution. L., 1991; *Вершинин Е. В.* Воеводское управление...; Власть в Сибири... С. 13–41.

всем населением, в том числе ясачным. При них были приказные избы со штатом подъячих, писарей и толмачей. Остроги, зимовья и слободы управлялись приказчиками, назначаемыми воеводами из числа сибирских служилых людей. В их компетенцию входило решение вопросов, связанных с управлением подведомственными иноземцами, прежде всего организация сбора с них ясака и надзор за их благонадежностью. Важно отметить, что ни в центральных, ни в местных административных органах не существовало ни отделов, ни чиновников, которые специально занимались бы вопросами управления сибирскими иноземцами, отвечали бы за разработку и осуществление аборигенной политики. Не было разработано и специального законодательства о народах Сибири. И это однозначно говорит о том, что власть, хотя видела и фиксировала этнокультурную специфику ясачных людей, рассматривала их все же как подданных, включаемых в общероссийское политико-правовое пространство, как такую же «собственность» «великого государя», что и русско-православное население.

Управление в отношении иноземцев исходило прежде всего из удобства сбора ясака²¹⁹. Для конструирования в Сибири административно-территориального дизайна, приспособленного под свои нужды, русская власть воспользовалась теми «территориальными» социально-потестарными единицами, которые уже существовали

²¹⁹ Заметим, что местное управление в Сибири, как и в Русском государстве в целом, было ориентировано прежде всего на пополнение государственной казны, о чем вполне убедительно свидетельствуют наказания, выдаваемые сибирским воеводам. Н. Н. Козьмин по этому поводу писал: «Воевода посылался, собственно говоря, не для управления, не как администратор, а скорее как главный приказчик. На обязанности его лежали не интересы населения, не заботы о последнем, об его благе, а выполнение наказа “искать государю прибыли”, делать “как бы (государевой) казне было прибыльнее”, смотреть, чтобы этой казне “никакой порухи не учинилось”; интересы населения обеспечивались в наказе лишь настолько, насколько это требовалось, чтобы людям “оскорбления не было”, и чтобы их “не разгонить”, и тем не нанести ущерба опять таки государевой казне» (Козьмин Н. Н. Очерки прошлого и настоящего Сибири. С. 16).

у иноземцев²²⁰. Опираясь, надо полагать, на это наблюдение, ставшее общепризнанным в историографии, А. Ю. Конев, акцентирующий в своих последних исследованиях внимание на социально-правовой статус сибирских народов, следующим образом охарактеризовал суть административной политики Российского государства в Сибири: «Представляется, что подчинение многочисленных народов Урала и Сибири в XVI–XVII вв. происходило не путем их политико-административного и социально-экономического поглощения или встраивания в существующие институты, как это чаще всего трактуется исследователями. Интеграция осуществлялась способом достройки к соответствующим системам государства не существовавших до того и не достоящих структур и связей»²²¹. Позволим себе не согласиться с данной трактовкой. Российское государство не просто достраивало аборигенные сообщества, но сразу же подвергало их перестройке. Выстраивая из существовавшего «аборигенного материала» новые социально-политические институты, государство адаптировало их, встраивало в себя, поглощало, становясь в результате более сложным социально-политическим образованием. Или, иначе говоря, оставляя многие локальные традиции управления, государство приспособляло их под свои нужды, одновременно неизбежно меняя и делая их своими²²². Подобная технология являлась

²²⁰ См. об этом: *Бахрушин С. В.* Ясак в Сибири. С. 52–54; *Он же.* Остяцкие и вогульские княжества... С. 100; *Lantzeff G. V.* Siberia in the Seventeenth century... Р. 92–93; *Шерстова Л. И.* Тюрки и русские в южной Сибири... С. 60, 61, 67, 68; *Трепавлов В. В.* Сибирский юрт после Ермака... С. 29; *Мартынова Е. П.* Волостная организация хантов // Экспериментальная археология. Тобольск, 1991. Вып. 1. С. 137–138; *Тычинских З. А.* К вопросу об административно-политическом и территориальном устройстве... С. 178–179; *Иванов В. Н.* Социально-экономические отношения... С. 185–190.

²²¹ *Конев А. Ю.* Народы Сибири в социально-правовом измерении империи... С. 139–140.

²²² Сохранение элементов автономии локальных этнотерриториальных обществ в сфере самоуправления и судопроизводства (по нормам обычного права) не противоречило общему процессу перереформативания «вертикали власти» и укрепления централизации управления. Как известно, са-

продуктом богатого опыта московских администраторов по реорганизации систем управления русских княжеств и земель, а также татарских ханств, включенных в XIV–XVI вв. в состав Московского княжества / царства²²³. В результате, в данном случае можно согласиться с А. Ю. Коневым, «Русское государство в прямом смысле прирастало не только территориями и населяющими их людьми, но и соответствующими социальными и административными формами и институтами, постепенно становясь империей»²²⁴. А империя является, по определению многих современных исследователей, государством, являющимся внутренне неоднородным и представляющим собой сложносоставную конструкцию из разноформатных административно-территориальных и социально-политических единиц, имеющих разную степень политико-правовой интеграции, унификации и автономии²²⁵.

Процесс адаптации русской властью аборигенного политико-административного пространства сопровождался его неизбежной унификацией и русификацией²²⁶. Как и в случае с потестарной эли-

моуправление и нормы обычного права в XVII в. и позже успешно функционировали не только в аборигенных сообществах, но и в территориальных объединениях русских крестьян, горожан и казаков.

²²³ «Прибирая к рукам населенные территории соседних государственных образований, московские правители одновременно “приобретали” традиции общежития и общественные уклады этих территорий» (Бовыкин В. В. Местное самоуправление в Русском государстве XVI в. СПб., 2012. С. 70).

²²⁴ Конев А. Ю. Народы Сибири в социально-правовом измерении империи... С. 140.

²²⁵ См., например: *Armstrong J. A. Nations before Nationalism*. Chapel Hill, 1982. P. 131; *Elliott J. H. A Europe of Composite Monarchies // Hfst and Present*. 1992. № 137. P. 50–51; *Tilly C. How Empires End // After Empire: Multiethnic Societies and Nation-Building*. N.Y.; L., 1997. P. 3; Хаген, фон М. История России как история империи: перспективы федералистского подхода // Российская империя в зарубежной историографии. Работы последних лет: Антология. М., 2005. С. 30.

²²⁶ На это обратила внимание и Л. И. Шерстова. См.: *Шерстова Л. И. Аборигенная политика России и этнополитические процессы в Сибири...* С. 36.

той сибирских народов, русские ввели номинирование аборигенных сообществ уже известными и понятными им словами, бытовавшими в русском языке, в том числе заимствованными в свое время от зотоордынцев.

Сообщества сибирских иноземцев, еще не подчиненные или находившиеся в процессе подчинения, назывались «землями» или «землицами» (в отношении всех народов Сибири), «улусами» или «ордами» (в отношении преимущественно кочевников-скотоводов). В русском средневековом дискурсе слова «земля / землица», «улус» и «орда» использовались в разных смысловых комбинациях, в том числе для обозначения народов / стран / государств, т. е. являлись по сути политонимами. К началу XVII в. так называли политические образования (точнее — совокупность территории и ее населения), обладавшие полным суверенитетом или значительной политической самостоятельностью²²⁷.

²²⁷ См.: СРЯ. Вып. 5. С. 375–377; Горский А. А. Средневековая Русь. О чем говорят источники. М., 2016. С. 42, 48; Колесов В. В. Мир человека в слове Древней Руси. Л., 1986. С. 251–260. См. также: Скрынникова Т. Д. Харизма и власть в эпоху Чингис-хана. СПб., 2013. С. 21, 34–35, 38–39; Трепавлов В. В. Степные империи Евразии: монголы и татары. М., 2015. С. 204, 242; Борисов А. А. Улус как универсальная форма политической и общественной самоорганизации тюркских и монгольских народов // Евразийн нүүдлийн аж ахуй. Түүх, Соёл, Хүрээлэх орчин. Сэндай, 2016. Об употреблении лексем «земля / землица» в делопроизводстве Московской Руси XVII в. в отношении сибирских территорий и потестарно-политических объединений см. подробнее: Игнаткин П. С. Классификация потестарных объединений сибирских народов в делопроизводственных документах Московской Руси XVI–XVII вв.: этнополитонимы «земля» и «землица» // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: История, филология. 2015. Т. 14. Вып. 1. В историографии встречается неверное суждение, что термин «землица» «появляется в русских документах во второй четверти XVII в., то есть после основания Красноярского острога (1628), и используется почти исключительно красноярскими служилыми людьми» (Грачев И. А. Российская империя и этногенез современных хакасов. С. 130).

В Сибири «землями / земляцами», «улусами» и «ордами» обозначались отдельные крупные или относительно крупные потестарные этнотерриториальные объединения местного населения, еще не включенные или слабо включенные в Российское государство. Эти политонимы обязательно дополнялись прилагательными, которые фиксировали либо их подвластность какому-либо вождю (например, «улус Абака», «Байгин улус», «Иланков улус», «Тюлкина земляца»), либо «этнокультурную» или хозяйственную особенность («Пегая орда», «Собачья орда»), либо этнотерриториальность разных таксономических уровней («Казачья орда», «Котунский», «Бутулинский», «Шараитский» улусы, «Киргизская», «Кузнецкая», «Мацкая», «Саянская», «Качинская», «Телеская», «Камасинская», «Брацкая», «Якуцкая», «Даурская», «Юкагирская», «Гуляшская», «Лалагирская», «Шелганская» «земля / земляца»), либо определенное географическое местоположение («Большая Конда», «Кодская», «Пельмская», «Сургуцкая», «Канская», «Балаганская», «Яколская», «Ламская» «земля / земляца»).

Издредка в отношении неподчиненных или не полностью подчиненных территорий и обитавшего на них населения применялось и русское слово «волость» как равнозначное по смыслу «земле / землеце». Так, например, в отписке 1604 г. кетского воеводы П. Бельского в Томск сообщалось: «Велено вам по государеву указу в Томи город поставить и приводить под государскую высокую руку те земляцы и волости, которые и посямест не под царскою высокою рукою»²²⁸. В отношении таких же территорий «землицы» и «волости» могли квалифицироваться и как соподчиненные территории: «волость» как часть «землицы» (в царской грамоте 1663 г. томскому воеводе И. Бутурлину предписывалось указать киргизским князьям, чтобы они не взымали ясак с «тубинских и моторских и иных земляц с волостей»²²⁹), «землица» как часть «волости» («а от Тогурского <...>

²²⁸ Миллер Г. Ф. История Сибири. Т. 1. С. 404. См. также: Бояришинова З. Я. Основание города Томска // Вопросы географии Сибири. Томск, 1953. Сб. 3. С. 43.

²²⁹ Бутанаев В. Я. История вхождения Хакасии... С. 178–179.

устья Кецкие волости вверх по Кете: Кадышская волость и новые землицы <...>» (1611 г.)²³⁰. Встречались и более сложные комбинации: «Собачи орды Индигирские волости новой землицы» (1638 г.)²³¹.

В номинации русскими администраторами и землепроходцами более мелких объединений разных таксономических уровней, существовавших у иноземцев, прослеживается три варианта. Первый — когда русская сторона восприняла местную административную лексику. Так, в отношении давно ей знакомых остяков, вогулов и западно-сибирских татар она стала использовать «административные» наименования «сотня», «юрт», изредка — «пятидесятня» и «десятня», которые заимствовала из административно-территориальной лексики Сибирского юрта / ханства. Второй — когда землепроходцы называли указанные объединения «родами»²³² (на значительной территории Сибири). Третий — когда объединения вообще никаких не номинировались, а обозначались по подчиненности лицу, их возглавлявшему (люди такого-то князца) либо по месту обитания («опутцкие коряки», «морские каменные чухчи», «камчадалы Кушугина острожка» или «камчадалы Конпаковой реки»); этот вариант имел распространение на северо-востоке Сибири²³³.

По мере объясачивания и реального подчинения иноземцев русская власть начинает выстраивать собственный административно-территориальный дизайн сибирского аборигенного пространства. В отношении подчиненных территорий перестают употребляться такие потестарно-политические понятия, как «орда», «зем-

²³⁰ Миллер Г. Ф. История Сибири. Т. 1. С. 430.

²³¹ Материалы по истории Якутии... Ч. 1. С. 157.

²³² По мнению Б. О. Долгих, термин «род» впервые встречается в ясачных книгах применительно к самоедам Березовского уезда (Долгих Б. О. Родовой и племенной состав народов... С. 75).

²³³ По каким критериям русские разновариантно номинировали небольшие иноземческие сообщества Сибири, совершенно не понятно. Эта проблема требует отдельного специального изучения. Имеющиеся же в историографии некоторые наблюдения по этому вопросу не дают сколько-нибудь ясной картины.

ля» и «землица». Вместо них на значительной территории Сибири вводится в делопроизводственный оборот слово «волость», имевшее в русском языке XVII в. административно-территориальное значение (волость — часть государства).

В источниках содержится значительное количество фактов, наглядно иллюстрирующих связь между процессом объясачивания и принятия русского подданства сибирскими аборигенами, с одной стороны, и вербальной переклассификацией их этнотерриториальных объединений — с другой. Так, П. Бекетов, в своем послужном списке, описывая поход 1632–1633 гг. в Якутию, использовал слово «улус», но по итогам похода составил именной список якутских князцов, которых расписал по «волостям», тем самым обозначив изменение статуса народа и территории: из «самовольных» они превратились во владение «великого государя»²³⁴. Весьма показательны также сведения, сообщенные в отписке в Москву енисейским воеводой С. Шаховским в 1631 г. о службе атамана М. Перфильева. В описании заслуг последнего только что подчиненные им тунгусские «землицы» сразу же начинают фигурировать как «волости». В документе сообщается, что М. Перфильев привел «вновь под твою царскую высокую руку вверх по Иниму реке новую землю налягов <...> Да он же, Максим, тебе, государю, служил, привел де вновь под твою царскую высокую руку новую волость мунгулеи <...> да верхних тунгусов <...> Да он же де тебе, государю, служил, привел вновь под твою царскую высокую руку новую волость ардынцов <...> да верхних шаманских тунгусов». Из изложения С. Шаховским итогов деятельности казачьего предводителя можно проследить быстроту, с какой только что покоренные «землицы» аборигенов начинали рассматриваться «волостями»: «...и всего де он, Максим, в прошлом во 136-м году собрал вновь твоего государева ясаку с новых волостей с налягов, и с мугулеи, и с верхних тунгусов, и с ардынцов, и с шаманских тунгусов». Подводя итог, источник, балансируя между двумя понятиями «волость» и «землица», в первом случае подчеркивает подчиненность этих тунгусов Москве, а во втором — указывает на их

²³⁴ См.: Материалы по истории Якутии... Ч. 3. С. 1072–1096.

недавнее независимое состояние: «...да ныне де тех новых волостей тунгуские люди тебе, государю, ясак платят по вся годы беспереводно, а прежде ево, Максима, тех новых земель тебе, государю, ясаку не имывано»²³⁵. Можно привести еще немало примеров того, как русские землепроходцы объясаченные территории и их население сразу же или весьма быстро номинировали волостями.

Переноминируя «земли / землицы» и «орды», а в ряде мест также «улусы», «сотни» и «роды» в «волости», русская власть тем самым однозначно идентифицировала присоединенные территории как свои, как безусловно входящие в состав Российского государства²³⁶. Для усиления этой идентификации к слову «волость», как правило, добавлялось прилагательное «ясачная», маркировавшее статус подданства-подчиненности русскому правителю, но одновременно подчеркивавшее специфику ясачной волости как административно-территориального объединения ясачных аборигенов по сравнению с таковым же объединением русских поселенцев, которое также называлось волостью. В составе ясачной волости ясачными сборщиками могли также фиксироваться в качестве ее подразделений роды, улусы, юрты²³⁷, сотни, пятидесятни и десятни.

²³⁵ Миллер Г. Ф. История Сибири. Т. 3. С. 172–173.

²³⁶ С XI в. «волостями» назывались составные части Древнерусского государства («Руси» / «Русской земли»), с XIV в. — небольшие по размерам административно-территориальные единицы формирующегося Русского (Московского) государства (Горский А. Средневековая Русь... С. 42, 47). В Московском государстве XVII в. волость — часть уезда. Интересно заметить, что в отличие от делопроизводственных документов в сибирских летописях любая территория Сибири, в том числе еще административно не организованная государством, называлась «уездом», «волостью», «четвертью», а отдельные порубежные земли — «украинами» (См. Порохова О. Г. Лексика сибирских летописей XVII века. Л., 1969. С. 74–76, 79, 80). Такое номинирование, на наш взгляд, говорит о том, что авторы летописей безусловно рассматривали Сибирь как часть Русского государства и — в духе провиденциализма — как «землю», отданную божьим повелением русскому государю.

²³⁷ Юртами русские называли не только территориальные единицы, но и жилища сибирских иноземцев.

Однако волостное устройство ясачных иноземцев вводилось не повсеместно и не в обязательном порядке. Почти на всей территории Сибири наряду с волостями как равнозначные им по «административному» статусу встречались в самой разной конфигурации и другие «административно-территориальные» единицы — юрты, сотни, улусы и роды. На ряде территорий вообще не появилось ясачных волостей, а иноземцы фиксировались по родам, улусам или территориальным группам²³⁸, причем последние вообще не получили в русском делопроизводстве четкой административной номинации и продолжали обозначаться по потестарно-географическому принципу: «пенжинские оленные коряки князца Кайгина», «паренские сидячие коряки тоена Кукея» и т. д. (эта ситуация была характерна для крайнего северо-востока Сибири)²³⁹. Заметим, что отсутствие унификации административно-территориального деления уездов было в XVII в. обычным явлением и для собственно русских территорий Московского государства, где в составе уездов, причем опять же в разной конфигурации, были волости и станы, а в северо-западных уездах также пятины, губы и погосты²⁴⁰.

При всем разнообразии комбинаций наименования этнотерриториальных групп сибирских иноземцев вполне заметно стремление

²³⁸ Заметим, что любое административно-территориальное деление не мешало русским именовать рядовых иноземцев «улусными людьми».

²³⁹ Наши наблюдения об административном формировании ясачных территорий сделаны на основе материалов, изложенных в исследовании Б. О. Долгих (*Долгих Б. О. Родовой и племенной состав народов...*). Административно-территориальное структурирование аборигенных сообществ разных районов Сибири в XVII в. уже достаточно подробно описано историками и этнографами-сибироведами.

²⁴⁰ Еще Б. Н. Чичерин показал, что в Московском государстве XVII в. даже в отношении русского населения отсутствовала унификация системы местного государственного управления, которое унаследовала «следы всех прежних систем управления ... Все это перемешивалось без всякого порядка, без всякой системы ... Способов управления было много, и каждый избирался по местному удобству и по случайным соображениям» (*Чичерин Б. Областные учреждения в России в XVII веке. М., 1856. С. 578–579*).

русской власти закрепить в официальном делопроизводстве только три номинации: волость (преимущественно у оседлых и полуседлых аборигенов), улус (преимущественно у кочевников-скотоводов) и род (преимущественно у «бродячих» охотников, рыболовов и оленеводов)²⁴¹. Тем самым, еще раз отметим, русская сторона обозначала аборигенные сообщества известными ей самой дефинициями и соответственно осуществляла вербальное присвоение сибирского пространства: из «чужого» делала его «своим».

Одновременно с внедрением в Сибири понятного административно-территориального устройства русская власть в целях оперативности управления, контроля и сбора ясака осуществляло при-

²⁴¹ Применяемая русской властью «административная» номинация с учетом хозяйственно-культурного типа аборигенных сообществ не исключала того, что в XVII в. русские землепроходцы и администраторы могли назвать волостями и родами объединения кочевников (так, в частности, появлялись «кочевные волости»), волостями — сообщества «бродячих» тунгусов, а улусами — поселения оседлых рыболовов. Так, к примеру, В. Поярков следующим образом описал расселение гиляков: «А гиляки сидячие живут по обе стороны Амура и до моря улусами, да и на море по островам живут многие ж Гиляцкие люди сидячие улусами, а кормятся рыбою» (ДАИ. Т. 3. С. 55). О внедрении в Сибири русской властью волостного, родового и улусного принципа инвентаризации коренного населения см. также: *Дмитриев А. А.* Верхотурский край в XVII веке. С. 64–71; Якутия в XVII веке... С. 86, 88, 89; *Степанов Н. Н.* Социальный строй у тунгусов в XVII веке // Советский Север. Л., 1939. С. 54, 65, 68–69; *Бояршинова З. Я.* Население Томского уезда... С. 31–42, 82–91; *Таксами Ч. М., Туголуков В. А.* Административные волости, улусы и роды у народов Сибири (XVII — начало XX в.) // Социальная история народов Азии. М., 1975. С. 79–83; *Сафронов Ф. Г.* Якуты. Мирское управление в XVII — начале XX века. Якутск, 1987. С. 7, 48–50; *Борисов А. А.* Социальная история якутов... С. 64; *Конев А. Ю.* Термин «волость» в административной политике и практике управления населением Западной Сибири в конце XVI — начале XVIII века // Сибирская деревня: история, современное состояние, перспективы развития. Омск, 2012. Ч. 1; *Тычинских З. А.* К вопросу об административно-политическом и территориальном устройстве сибирских татар... С. 177–178; *Шерстова Л. И.* Аборигенная политика России и этнополитические процессы в Сибири... С. 32–37.

писку ясачного населения к русским военно-административным пунктам — городам, острогам и зимовьям, а соответственно их распределение по зимовейным и острожным «ведомствам», волостям, уездам и разрядам. Эта приписка проводилась путем поименной записи иноземцев в ясачных книгах, которые ежегодно составлялись ясачными сборщиками, командированными из указанных пунктов. Будучи зафиксированным в ясачной книге, иноземец рассматривался русскими властями как «навечно» приписанный к ведомству определенного города, острога или зимовья и не мог самовольно сменить «прописку» и местожительство. Не вникая в детали этой фискально-налоговой инвентаризации аборигенного населения²⁴², укажем лишь на то, что, осуществляя его, ни правительство, ни местная администрация совершенно не учитывали этнокультурные и хозяйственные особенности ясачных иноземцев, их численность, а также существовавшую у них социальную организацию. «Княжества», «землицы», «улусы», «юрты», «роды», «сотни» в разном порядке (объединяясь либо дробясь) перегруппировывались в ясачные волости либо (или в том числе) в ясачные «административные» роды и улусы. Этот процесс к началу XVIII в. не был закончен в южных порубежных районах Сибири и не осуществлялся вовсе на ее крайнем севере и северо-востоке, народы которых еще либо не вполне были подчинены, либо вообще оставались вне русского влияния.

Следует, правда, заметить, что волостное, улусное и родовое административно-территориальное деление аборигенного населения не везде имело жесткую территориальную привязку. До начала XVIII в., а кое-где и позже, у кочевых и бродячих иноземцев волости, улусы и роды нередко перемещались вместе с населением, причем не только в пределах одного уезда, но и между уездами, случалось,

²⁴² Наиболее хорошо этот процесс описан в фундаментальном исследовании Б. О. Долгих (*Долгих Б. О. Родовой и племенной состав...*). См. также: *Бахрушин С. В. Ясак в Сибири. С. 53–56; Тычинских З. А. К вопросу об административно-политическом и территориальном устройстве...; Шерстова Л. И. Тюрки и русские в южной Сибири... С. 61, 68, 97, 101–116; Борисов А. А. Социальная история якутов... С. 62–81.*

что даже на большие расстояния²⁴³. Однако русская власть в целях удобства сбора ясака стремилась к тому, чтобы привязать население к определенному месту жительства или району кочевания.

* * *

Еще одним способом включения иноземцев в русскую политическую систему и тем самым присвоения их Российским государством являлось их привлечение к несению службы, прежде всего военной. Как отмечал Г. Ф. Миллер, службу вместо уплаты ясака «сибирские народы очень ценили, так как она выражала доверие к ним, и это последнее ими часто оправдывалось»²⁴⁴. В условиях малочисленности собственных вооруженных сил в Сибири и значительной территориальной дисперсности военно-административных пунктов (зимовьев, острогов и городов) русское правительство и его администрация на местах охотно заручались военной поддержкой лояльных сибирских народов и стремились обеспечить эту поддержку, включая в шертовальные записи, как отмечалось выше, обязанность по несению военной службы:

«А где велит государь нам быть на своей, государеве, службе и нам, будучи на ево государеве службе, ему, государю, служить, и с недругами ево <...>, которые государю не послушны, битись за него, государя, нещадя головы своей до смерти»²⁴⁵.

К службе «великому государю» сибирские иноземцы стали привлекаться с конца XVI в. Это привлечение осуществлялось в трех вариантах²⁴⁶.

²⁴³ На это, кажется, впервые в историографии обратила внимание Л. И. Шерстова (*Шерстова Л. И. Тюрки и русские в южной Сибири...* С. 68).

²⁴⁴ Миллер Г. Ф. История Сибири. Т. 1. С. 308.

²⁴⁵ РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 232. Л. 107–108.

²⁴⁶ Подробнее о включении сибирских иноземцев в служебные отношения с Российским государством и характере самой службы см.: Бахру-

Во-первых, в качестве вспомогательных отрядов, когда отдельные этнотерриториальные группы, преследуя часто свои интересы и выступая в роли союзников-«федератов», участвовали в военных мероприятиях русских властей (иногда даже выступали их инициаторами), содействовали подчинению «немирных» иноземцев и строительству русских укрепленных пунктов, помогали продовольствием и средствами передвижения, обеспечивали вожами и толмачами. В этом отношении особо активно проявили себя кодские «служилые» остяки, красноярские «подгородные» канские, качинские и аринские «татары», забайкальские буряты и тунгусы (эвенки). К походам против неясчных и немирных иноземцев, особенно в период их подчинения, привлекались также отдельные «роды» почти всех сибирских этносоциумов — енисейских остяков, самоедов, якутов, тунгусов,

шин С. В. Остяцкие и вогульские княжества... С. 122–125, 135; *Он же.* Сибирские служилые татары...; *Бояршинова З. Я.* Население Томского уезда... С. 104–113; *Гемуев И. Н., Люцидарская А. А.* Служилые угры (один из аспектов русско-угорских отношений в XVI–XVII вв.) // Гум. науки в Сибири. 1994. № 3; *Тычинских З. А.* Служилые татары... С. 52–77, 114–118, 143–152; *Вершинин Е. В., Шашков А. Т.* Участие служилых остяков Кодского княжества в военных походах конца XVI — первой трети XVII в. // Западная Сибирь: прошлое, настоящее, будущее. Сургут, 2004; *Перевалова Е. В.* Северные ханты... С. 32–62; *Зуев А. С., Люцидарская А. А.* Этнический состав сибирских служилых людей...; *Люцидарская А. А.* Инкорпорация сибирских аборигенов в государственные структуры России // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: История, филология. 2014. Т. 13. Вып. 1; *Дмитриев А. В.* Военное сотрудничество русской государственной власти и народов Сибири в конце XVI — начале XVIII вв.: типовые модели и их практическая реализация // Исторический ежегодник. Новосибирск, 2013. Вып. 7; *Он же.* Условия, формы и механизмы вовлечения аборигенов Сибири в военные действия на стороне русских властей в конце XVI — начале XVIII вв. // Исторический ежегодник. Новосибирск, 2014. Вып. 8; *Он же.* Статусное положение представителей коренных народов Сибири на русской службе...; *Солодкин Я. Г.* Служилые татары и ранняя русская колонизация Сибири (конец XVI — начало XVII вв.): военные аспекты // Средневековые тюрко-татарские государства. 2016. № 8.

юкагиров, коряков и др. (исключение составляли только тундровые самоеды, чукчи и народы Приамурья). Но данный вариант военной службы не освобождал от уплаты ясака²⁴⁷, сама служба была эпизодической, как правило, не оплачивалась вовсе или же вознаграждалась подарками и трофеями. Постоянное ежегодное жалованье хлебом за свою службу получали лишь кодские князья, которые снабжали им во время войны своих воинов.

Во-вторых, путем формирования из иноземцев отдельных подразделений в составе русских гарнизонов. Первые такие подразделения, укомплектованные военно-служилой знатью бывшего Сибирского ханства — так называемые юртовские служилые татары, появились в Тобольске, Тюмени и Таре в 1590-е гг. Их численность в XVII в. оставалась почти неизменной: 389 человек в 1626/27 г., 429 — в 1699 г. Они несли службу наравне с русскими казаками, получали небольшое денежное жалованье, а некоторые и хлебное, сохраняли свои земельные владения (права на которые подтверждались русскими властями), были свободны от уплаты ясака²⁴⁸ и оставались мусульманами.

²⁴⁷ Остяки ряда «служилых» княжеств первое время вместо ясака давали только «поминки», но они, как отмечал С. В. Бахрушин, «были точно определены, по существу мало чем отличались и по форме и по размерам от ясака» (*Бахрушин С. В. Ясак в Сибири. С. 50, 51, 55; Он же. Остяцкие и вогульские княжества... С. 126*).

²⁴⁸ Следует, однако, согласиться с мнением тех исследователей, которые полагают, что невыдача хлебного жалованья «несомненно, сближает служилых татар с ясачными, придает их службе черты повинности, заменяющей ясак. По-видимому, здесь мы сталкиваемся с распространенной в Сибири практикой фактического вычитания суммы ясачного оклада из жалованья служилых, набранных из коренного населения» (*Никитин Н. И. Служилые люди в Западной Сибири XVII в. Новосибирск, 1988. С. 109. См. также: Дмитриев А. В. Статусное положение представителей коренных народов Сибири на русской службе... С. 8*). В этом отношении служилые татары, кстати, ничем не отличались от русских служилых людей, которые также в случае владения землей не получали хлебного жалованья. И удержание этого жалованья по сути представляло собой скрытую форму налога.

«Татарские» подразделения появились и в других городах Сибири: в Томске с начала XVII в. (из татар-эуштинцев, чатских татар и белых калмыков-телеутов), в Красноярске с 1635 г. (из «подгородных татар»-аринцев), в Кузнецке с 1662 г. (из «подгородных юртовских татар» — представителей разных групп тюркоязычных алтайцев). Численность служилых чатов, телеутов, аринцев, качинцев и прочих «татар» была незначительной: в Томске в 1627 г. — 120, в 1646 г. — 172, в 1699 г. — 82, в Кузнецке в 1673 г. — 29, в 1680 г. — 21, 1705–1710 гг. — 20, в Красноярске в 1680 г. — 14, в 1689 г. — 18, в 1699 г. — 28 человек. Специфика их положения заключалась в том, что далеко не все из них освобождались от уплаты ясака и получали за службу постоянное жалованье²⁴⁹. Хотя со временем, на протяжении XVII в., число «татар», прежде всего представителей «родовой знати» — князцов и мурз, получавших «государево» жалованье, росло.

В целом, к концу XVII в. служилые татары составляли в Сибири около 550 человек. К этому же времени те из них, кто нес постоянную службу и получал за это постоянное жалованье, *de facto* уравниваются в правах и обязанностях с русскими служилыми людьми. Последний по времени «иноземный список» служилых людей появился в Забайкалье в Нерчинском гарнизоне, где в 1694–1714 гг. в казаки было поверстано 20 тунгусов.

В-третьих, путем индивидуального зачисления в служилые люди, в том числе в высшие чины детей боярских и дворян, отдельных представителей властной элиты и рядовых улусных людей, но обязательно крестившихся в православие. Данный вариант в течение всего XVII в. являлся одним из источников комплектования сибирских гарнизонов. В каждом из них, но в разной пропорции, присутствовали новокрещены из числа сибирских иноземцев, а среди них

²⁴⁹ В ряде уездов Западной Сибири русская власть создала из части татар особую категорию, которая именовалась «подводными татарами» (См., например: *Бояришинова З. Я. Население Томского уезда...* С. 103–104). По своему статусу и функциям (обеспечение перевозок казенных грузов) она стояла ближе к русским ямщикам, нежели к служилым людям.

преобладали представители тюрко- и монголоязычных народов. Привлечение последних на службу объясняется многовековым опытом общения русских с воинственными кочевниками — тюрками и монголами. Именно в них русская сторона видела достойных воинов. Такой взгляд был распространен и на забайкальских «конных» (кочевых) тунгусов. Прочие же народы Сибири не являлись кочевниками-коневодами и поэтому не воспринимались как «настоящие» воины и редко верстались в служилые люди²⁵⁰. Крещенные служилые иноземцы во всех отношениях (материальном, правовом и т. д.) не отличались от русских служилых людей и быстро растворялись среди них. И сослуживцами, и властью они, а тем более их дети, однозначно идентифицировались как русские²⁵¹.

Следует отметить, что измена и выход из-под власти «великого государя» (бегство за пределы территории, контролируемой русскими) служилых иноземцев случались крайне редко²⁵².

Служебные отношения иноземцев к Российскому государству способствовали не только укреплению русской власти над сибирскими народами, но и формированию представлений самих «служилых» иноземцев о своем месте в новой для них политической системе, что обеспечивало быстрое и эффективное обновление их политической социализации и идентификации. Участие в военных действиях вме-

²⁵⁰ Тем не менее в составе сибирских гарнизонов были представители всех сибирских народов, даже оставшихся непокоренными. Так, в частности, в 1647 г. на службу попросился чукча Апа, взятый в аманаты. В своей челобитной он обещался: «И топерво, государь, я, сирота твой, хочю служить тебе, праведному государю, и во всем прямить и чюхоч своих родников приведу под твою, царскую, высокую руку» (ОРЗПМ. С. 254–255)

²⁵¹ Это, разумеется, не означает отсутствие исключений, когда новокрещенные, особенно в первом поколении, усваивая элементы русского быта и поведения, сохраняли при этом и приверженность своей культуре. См., например, биографию урожденного киргиза красноярского сына боярского Ивана Айкана (*Бахрушин С. В.* Енисейские киргизы... С. 185–186).

²⁵² Об этих редких фактах см., например: *Залкинд Е. М.* Присоединение Бурятии к России. С. 101; *Тычинских З. А.* Служилые татары... С. 58–60; *Люцидарская А. А.* Инкорпорация сибирских абorigенов... С. 40.

сте с русскими против «немирных» иноземцев, в том числе нередко против «соплеменников», в обеспечении «русского» правопорядка и в сборе ясака приводило к тому, что эти иноземцы презентовали себя как «государевых слуг», о чем свидетельствуют их челобитные. Первоначально такая презентация осуществлялась несомненно с подачи местных русских администраторов и служилых людей, которые через толмачей разъясняли сослуживцам-аборигенам специфику их нового положения. Затем она стала восприниматься как данность. В результате в оппозиции «своих» (верноподданных русского царя) и «иных / чужих» («немирных», «изменников», неясачных) они вставали в ряды «своих», и таковыми себя и считали, т. е. у них происходило изменение политической самоидентификации. Вот несколько таких примеров:

«Все <...> мы люди государевы» (тюменские служилые татары, 1600 г.)²⁵³;

«служат де они <...> (великому государю. — *Авт.*) с тех мест, как город Березов стал, всякие наши службы, куды воеводы пошлют <...> и которые де ясашные остяки Березовского уезду <...> (великому государю. — *Авт.*) изменят, и на тех де посылают их же, и они де тех <...> изменников приводят опять под <...> царскую высокую руку; а которые не едут, и тех побивают, а иных приводят в Березов город к нашим воеводам» («подгородные» остяки Березовского уезда, 1608 г.)²⁵⁴;

«на братцких де людей <...> идти войною с казаками вместе готовы, и государю де служить со всеми своими людьми» (канские князцы Сота и Тымак, 1629 г.)²⁵⁵;

«с прошлых, государь, годов, с Ермакова взятъя Сибири <...> отцы наши и братья, и мы города и остроги во всей Сибири ставили и на твоих государевых изменников и ослушников, на колмацких людей и на татаровей, и на

²⁵³ Миллер Г. Ф. История Сибири. Т. 2. С. 187.

²⁵⁴ РИБ. Т. 2. Стб. 173.

²⁵⁵ Миллер Г. Ф. История Сибири. Т. 2. С. 411.

остяков, и на самоедь, на тунгусов и буляшских людей, и на всяких ослушников служили мы, с тобольскими и березовскими казаками за один ходили» (кодские ханты, 1649 г.)²⁵⁶;

«мой Нокточков отец, князец Ника Мымыков с братьями и с родниками своими и с улусными людьми тебе, великому государю, преже всех якутов твой государев ясак платили, а на иных непослушных якутов разных родов мой <...> отец Ника Мымаков с братьями и со всеми своими родниками и с улусными людьми вместе с служилыми людьми в походы ходили войною, и куяки и кони служилым людям давали» (якутский князец Нокта, 1675 г.)²⁵⁷;

«а мы, холопы твои, в Нерчинском уезде в Ытонцынском зимовье многие годы служили с нерчинскими старыми казаками тебе, великому государю, за едино радетьно без пороку и против неприятельских воинских людей бьемся, не щадя голов своих» (буряты, подведомственные Итанцинскому острогу, конец XVII в.)²⁵⁸.

Челобитных, как коллективных, так и индивидуальных, в которых «верные» иноземцы, расписывая свои службы «великому государю», соотносят себя с «государевыми» служилыми людьми, можно привести немало. Служба иноземцев отмечалась и в так называемых «послужных списках», фиксировавших их участие наряду с русскими служилыми людьми в боевых действиях. И принципиально важно подчеркнуть, что участие «служилых» иноземцев в подчинении новых, в том числе «немирных», земель позволяет говорить о том, что сами аборигены внесли значительный вклад в дело присоединения Сибири к России.

²⁵⁶ Цит. по: Бахрушин С. В. Остяцкие и вогульские княжества... С. 122–123.

²⁵⁷ Цит. по: Токарев С. А. Очерки истории... С. 62. См. также челобитную родного брата князца Ники Мымыкова Тюсюка 1680-х гг. (См.: Борисов А. А. «Також и ныне я, холоп ваш, служу вам, великим государем, со всяким радением». Взаимоотношения якутской знати с верховной властью Российского государства. 1680-е гг. // Исторический архив. 2017. № 5. С. 176–177).

²⁵⁸ Цит. по: Залкинд Е. М. Присоединение Бурятии... С. 125.

Приведенные выше высказывания иноземцев свидетельствуют также о том, что их служба русскому государю выполняла важную компенсаторную функцию: она компенсировала шок от кардинальных политических изменений, позволяла иноземцам почувствовать свою сопричастность к новой политической системе. Кроме того, «верстание» на русскую службу предоставляло возможность отдельным представителям местных народов в индивидуальном порядке из низкостатусной (ясачной) группы перейти в более привлекательную высокостатусную (служилую) группу. И этим нередко пользовались представители маргинальных слоев иноземцев.

Наконец, служба позволяла сибирским иноземцам овладевать русским языком и благодаря этому — новым значимым политическим опытом, навыками и приемами общения с русской властью и вообще с русскими людьми. Служилые иноземцы и их потомки объективно сыграли роль основного транслятора в аборигенную среду русской политико-правовой культуры, в том числе и ее негативных элементов, связанных, например, с коррупцией. Немалый вклад в это внесли также толмачи и аманаты из числа местных народов, аборигены, по разным причинам оказавшиеся в холопстве у русских, и аборигенки, ставшие законными женами или сожительницами русских поселенцев²⁵⁹. Заметим также, что немало «верных» иноземцев участвовало в переговорах русских администраторов и землепроходцев с «вновь приисканными» или «немирными» иноземцами, «подзывая» их «под высокую государеву руку». В связи с этим еще раз повторим, что уже с первых лет пребывания русских в Сибири между ними и аборигенами стали формироваться патронажно-клиентельные отношения (в первую очередь между русскими

²⁵⁹ Г. В. Стеллер подметил: «Так как казаки всегда хитро поддерживали дружеские отношения с некоторыми продувными ительменами, то через них и через туземных девушек, которых они целыми толпами принуждали к разврату, они всегда заблаговременно узнавали о всех замышлявшихся соседними ительменами враждебных против них действиях и принимали против них соответствующие меры защиты» (*Стеллер Г. В. Описание земли Камчатки*. С. 136).

администраторами и аборигенными «лучшими людьми») и семейно-брачные связи, которые также есть смысл рассматривать в качестве важных механизмов адаптации сибирских аборигенов к новым условиям существования в русском политико-правовом и социальном пространстве.

Важная роль служебных отношений в процессе политической адаптации, социализации и идентификации сибирских народов, особенно тех, кто до появления русских являлся «господами» и имел кыштымов, ярко высвечивается на примере негативного опыта взаимоотношений русских и енисейских киргизов. Последние предлагали русскому правительству служебный вариант своей инкорпорации в политическую систему Российского государства по примеру сибирских татар: «...чтобы де государь нас пожаловал и ясаку с нас имать не велел, а велел бы нам служить». Однако русская власть не пошла на это, в результате чего лишила киргизов, считавших себя привилегированным «военным сословием» и не мысливших себя в роли ясачноплательщиков, возможности на приемлемых для них условиях адаптироваться к новой политической системе. Следствием этого стало развитие русско-киргизских отношений вплоть до начала XVIII в. преимущественно в русле жесткой конфронтации²⁶⁰.

Свою, правда, для рассматриваемого времени незначительную роль в политической адаптации играло и восприятие сибирскими народами христианства-православия. «Сам факт принятия инородцами той веры, которую исповедывали и их завоеватели, — замечал П. И. Буцинский, — имел очень важное значение: единоверие более, чем что-нибудь другое, должно было сблизить покоренных с победителями, и это сближение вело к усвоению инородцами русского языка, русских нравов и обычаев»²⁶¹. Крещение по собственной инициативе (хотя и с подачи местной русской администрации) сначала отдельных, а затем и многих представителей «знати» и рядовых аборигенов, несомненно, свидетельствует об осознании ими

²⁶⁰ См.: *Шерстова Л. И.* Тюрки и русские в южной Сибири... С. 31, 32, 41, 82; *Бутанаев В. Я.* История вхождения Хакасии... С. 65–66.

²⁶¹ *Буцинский П. И.* Сочинения в двух томах. Т. 1. С. 296.

перехода в веру победителей как важного фактора, способствовавшего включению в новую политическую систему, открывавшего возможности занятия в ней высокостатусного (по сравнению с ясачноплательщиками) положения, прежде всего путем верстания в служилые люди.

Однако не следует, как это делают некоторые исследователи, преувеличивать роль крещения в деле русификации иноземцев и полагать, что оно вело «к обрусению, политическому и нравственному единению с победителями»²⁶², что «религия определяла национальность»²⁶³, а «принятие православия имело свойство перереформативности» и «было равносильно смене социального и правового статуса, и в известной мере, — этнической принадлежности»²⁶⁴. Как говорилось выше, на протяжении XVII в. все большее число новокрещеных и их крещеных потомков оставалось жить среди иноверцев-соплеменников, пребывая в статусе ясачных людей, и русская сторона отнюдь не признавала их собственно русскими²⁶⁵. Да и последствия широкомасштабного крещения сибирских народов в XVIII–XIX вв. однозначно свидетельствуют о том, что христианизация отнюдь не вела к массовой смене социального и правового статуса и тем более этничности.

В целом процесс политической адаптации в XVII в. опережал процесс христианизации, да и никакой жесткой зависимости между ними не существовало. О слабой связи христианизации с политиче-

²⁶² Буцинский П. И. Сочинения в двух томах. Т. 2. С. 201.

²⁶³ Slezkine Y. Savage Christians or Unorthodox Russians... P. 16.

²⁶⁴ Конев А. Ю. Народы Сибири в социально-правовом измерении империи... С. 140. См. также: *Он же*. Правовое положение «новокрещеных иноверцев»... С. 21; *Шерстова Л. И.* Государственная аборигенная политика в Южной Сибири в XVII–XIX вв.: этнополитические последствия // Проблемы истории местного управления Сибири XVI–XXI вв. Новосибирск, 2003. Ч. 2. С. 152.

²⁶⁵ См. также: *Арзютов Д. В.* Христианство в горной тайге: о порядке пространства и дискурса в религиозном обращении шорцев и северных алтайцев // Сибирь в контексте русской модели колонизации (XVII — начало XX в.). СПб., 2014. С. 153.

ской адаптацией свидетельствует тот факт, что народы, у которых в XVII в. утверждались ислам (сибирские татары) и буддизм (забайкальские буряты), весьма успешно включились в российскую политическую систему. В частности, как говорилось выше, из татар-мусульман формировались особые «национальные» военные подразделения в составе городских гарнизонов.

Иноземцы — «свои» и «иные»: понятийно-терминологическая классификация политического статуса сибирских народов

Как указывалось выше, быстрое усложнение этнического состава новых подданных привело к распространению в сибирском политическом дискурсе обобщающего названия для сибирских аборигенов.

Во второй половине XVI — начале XVII в. обитатели Западной Сибири, давно знакомые русским и не имевшие этнокультурного разнообразия, в русской деловой документации чаще обозначались либо *этнонимами*, имевшими административно-географическую привязку (тюменские, тоборинские, пелымские и т. д. татары / татаровя; сосьвинские, лялинские, тагильские, туринские и т. д. вагуличи; котские, ляпинские, белогорские остяки; обдорская, мангазейская, авасидская самоедь; и т. д.), либо, в случае совокупного наименования, *геополитонимами* — сибирские люди, сибирцы (маркировавшими принадлежность к политическому образованию, находящемуся на определенной территории — Сибирскому юрту (во второй половине XVI в.), или к населению «Сибирской земли», под которой с рубежа XVI–XVII вв. стала подразумеваться территория, прилегающая с востока к Уралу), либо же *соционимами* — ясачные / неясачные люди (указывавшими на степень принадлежности к общности подданных русского царя). В сибирских летописях XVII в., описывающих процесс завоевания Сибирского юрта, встречается также обозначение «языцы / языки», означавшее как иную (отличную от русской) речь, так и людей (народ), говорящих этой иной речью.

С конца XVI в. народы Сибири изредка, в основном представителями православной церкви, назывались также «иноверцами»²⁶⁶.

По мере же продвижения русских землепроходцев по Восточной Сибири в делопроизводственной документации наряду с обозначением местных народов с помощью этнической и административно-географической лексики — енисейская самоедь, якольские люди (так первоначально звали якутов), тунгусские люди / тунгусы, томские татары, брацкие люди / братья, алазейские чюхчи, каменные юкагиры и т. д. — активно начало использоваться слово «иноземцы», ставшее в деловом и бытовом языке Московской Руси XVII в. универсальным названием для аборигенов Сибири.

Хронология бытования и семантика слова «иноземцы», которое мы считаем социополитонимом, применительно к коренным сибирским народам к настоящему времени являются слабо изученными²⁶⁷. При этом в исследованиях нередко присутствует смешение терминологии разных времен: некоторые авторы при описании сибирских реалий XVII в. употребляют соционимы «инородцы»²⁶⁸ и «тузем-

²⁶⁶ О номинации аборигенов Сибири до начала XVII в. см. подробнее: *Игнаткин П. С.* Собираательно-обобщающие названия аборигенов Сибири в русском коммуникативном пространстве XVI–XVII вв. // *Исторический ежегодник.* 2013. Новосибирск, 2013. Вып. 7. С. 154–159.

²⁶⁷ См.: *Игнаткин П. С.* Историография изучения соционима «иноземцы» применительно к аборигенам Сибири в дискурсе Московского государства XVI–XVII вв. // *Центральноазиатские исторические чтения.* Кызыл, 2013. Вып. 2; *Конев А. Ю.* Колониальный дискурс имперских классификаций: историки о термине «иноземцы» в отношении народов Сибири // *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение.* Тамбов, 2014. № 6. Ч. 1.

²⁶⁸ См.: *Khodarkovsky M.* «Ignoble Savages and Unfaithful Subjects»: Constructing Non-Christian Identities in Early Modern Russia // *Russia's Orient: imperial borderlands and peoples, 1700–1917.* Bloomington, 1997. P. 15; *Сokolovskiy С. В.* Образы Других в российской науке, политике и праве. М., 2001. С. 46, 52; *Пестерев В. В.* Организация населения в колонизируемом пространстве: Очерки истории колонизации Зауралья конца XVI — середины XVIII вв. Курган, 2005. С. 53–67; *Верник А. А.* История Хакасии (с древней-

цы»²⁶⁹, хотя они оба в данное время не использовались, войдя в русскую лексику лишь в последующие века. Ряд исследователей считали, что сибирские аборигены стали называться иноземцами с XVI в., правда, не подкрепляя свои соображения ссылками на источники²⁷⁰. Другие, опираясь на известные им документы, полагали, что этот социополитоним стал активно использоваться с начала XVII в.²⁷¹,

ших времен до начала XX века). Абакан, 2006. С. 68; *Модоров Н. С.* Территориальное «прирастание» Русского государства в 30–60-е гг. XVII в. // Мир Евразии. 2012. № 1; *Хромых А. С.* Сибирский фронт... С. 217, 218.

²⁶⁹ *Соколовский С. В.* Образы «Других»: историческая топология мышления о коренных народах в России // *Этнометодология: проблемы, подходы, концепции.* М., 1998. Вып. 5. С. 58, 61; *Он же.* Понятие «коренной народ» в российской науке, политике и законодательстве // *Этнограф. обозрение.* 1998. № 3. С. 74, 76; *Он же.* Образы Других в российской науке... С. 46; *Бобровников О. В.* Что вышло из проектов создания в России *инородцев?* (ответ Джону Слокуму из мусульманских окраин империи) // «Понятия о России»: к исторической семантике имперского периода. М., 2012. Т. 2. С. 268

²⁷⁰ См.: *Люцидарская А. А.* От «иноземцев» к «инородцам» (один из аспектов колонизации Сибири) // *Аборигены Сибири: проблемы изучения исчезающих языков и культур.* Новосибирск, 1995. Т. 2. С. 166; *Она же.* Стереотипы поведения служилых людей в отношениях с аборигенным населением Сибири. XVII — начало XVIII века. К постановке вопроса // *Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий.* Новосибирск, 2008. Т. 14. С. 332–333; *Соколовский С. В.* Образы «Других»: историческая топология мышления... С. 60. Прим. 3; *Дамешек Л. М.* Сибирские инородцы в имперской стратегии власти // *Современное историческое сибиреведение XVII — начала XX вв.* Барнаул, 2005. С. 257; *Ковалышкина Е. П.* «Инородческий вопрос» в Сибири... С. 50; *Мартынова Е. П.* Народы северо-западной Сибири: дефиниции и научно-политический дискурс // *Этнограф. обозрение.* 2012. № 2. С. 13.

²⁷¹ См.: *Конев А. Ю.* «Инородцы» — сословный проект империи: сибирская версия // *Сословные и социокультурные трансформации населения Азиатской России (XVII — начало XX века).* Новосибирск, 2014. С. 7.

с 1620-х гг.²⁷² или с 1640-х гг.²⁷³ Наконец, третьи неопределенно указывали на его распространение уже в самом начале русской колонизации Сибири²⁷⁴.

Относительно смысловой нагрузки данного социополитонима точки зрения исследователей во многом совпадали. Все они, отмечая его полисемантическую, основные его значения сводили к культурно-религиозным отличиям аборигенов Сибири от русских и их неполной политической подчиненности русской власти. Однако каждый из них делал акцент на разных значениях, содержащихся в слове «иноземцы», не анализируя всю его семантическую палитру. По мнению одних, указанный социополитоним в большей степени отражал представления русских о культурной и политической²⁷⁵ или культурной²⁷⁶ инаковости сибирских аборигенов, либо просто обозначал не-

²⁷² См.: Словосно-правовое положение и административное устройство коренных народов Северо-Западной Сибири (конец XVI — начало XX века). Тюмень, 1999. С. 19; Зуев А. С. Адаптация Российским государством социальных и потестарных структур сибирских народов (конец XVI — XVII в.) // Проблемы истории государственного управления и местного самоуправления Сибири в конце XVI — начале XXI в. Новосибирск, 2011. С. 7; *Он же*. Российское государство и народы Сибири: характер и этапы взаимоотношений во второй половине XVI — начале XX в. Новосибирск, 2011. С. 82.

²⁷³ См.: Дёмин М. А. Коренные народы Сибири в ранней русской историографии. С. 102; *Он же*. Литературно-исторические сочинения XVII века о коренных народах Западной Сибири // Народонаселение Сибири: стратегии и практики межкультурной коммуникации (XVII — начало XX века). Новосибирск, 2008. С. 53.

²⁷⁴ См.: Хаккарайнен М. В. Шаманизм как колониальный проект // Антропологический форум. 2007. № 7. С. 160.

²⁷⁵ См.: Ковалышкина Е. П. «Инородческий вопрос» в Сибири... С. 50; Мартынова Е. П. Народы Северо-Западной Сибири... С. 13–14.

²⁷⁶ См.: Люцидарская А. А. От «иноземцев» к «инородцам»... С. 165–169; *Она же*. Стереотипы поведения служилых людей... С. 332–333; [Гемуев И. Н., Курилов В. Н., Люцидарская А. А.] Власть и коренные народы Сибири... С. 396.

русских, иноплеменников, иностранцев²⁷⁷. По мнению других, он нес преимущественно политическую²⁷⁸, культурно-географическую²⁷⁹, религиозную²⁸⁰, либо религиозно-культурную²⁸¹ смысловые нагрузки. Наконец, третьи пошли по пути учета и синтеза всех вышеназванных значений²⁸².

²⁷⁷ См.: РМЛТО. Л.; М., 1952. С. 66. Прим. 2; *Порохова О. Г.* Лексика сибирских летописей... С. 106–107; *Словарь языка мангазейских памятников XVII — первой половины XVIII вв.* Красноярск, 1971. С. 171; *Тураев В. А.* «Инородческий вопрос» в политике Российского государства... С. 43.

²⁷⁸ См.: *Соколовский С. В.* Образы «Других»: историческая топология... С. 61; *Он же.* Понятие «коренной народ» в российской науке... С. 76; *Он же.* Образы Других в российской науке... С. 48; *Дамешек Л. М.* Ясачная политика царизма в Сибири в XIX — начале XX века. Иркутск, 1983. С. 3. Прим. 2; *Он же.* Сибирские инородцы в имперской стратегии власти. С. 257; *Пестерев В. В.* Организация населения в колонизируемом пространстве... С. 53; *Березиков Н. А.* Казаки-землепроходцы и аборигены Сибири... С. 57; *Васильев В. Е.* «Вхождение» Якутии в состав России и периодизация истории XVII в. (постановка проблемы) // *Сибирский сборник-3. Народы Евразии в составе двух империй: Российской и Монгольской.* СПб., 2011. С. 37; *Акишин М. О.* Этнические общности Сибири в истории российского права: проблемы дефиниций // *Юридическая техника.* 2016. № 10. С. 61.

²⁷⁹ См.: *Дёмин М. А.* Коренные народы Сибири... С. 102–103.

²⁸⁰ См.: *Опарина Т. А.* Иноземцы в России XVI–XVII вв. Очерки исторической биографии и генеалогии. М., 2007. Кн. 1. С. 5–7. Необходимо, правда, отметить, что вывод о преимущественно религиозном смысле слова «иноземцы» сделан Т. А. Опариной на основе изучения положения выходцев из Европы, находившихся на службе в России.

²⁸¹ См.: *Слёзкин Ю.* Арктические зеркала... С. 56, 57, 58.

²⁸² См.: *Сословно-правовое положение и административное устройство коренных народов Северо-Западной Сибири...* С. 19; *Конев А. Ю.* Народы Западной Сибири в социальной структуре России XVII–XIX веков // *Сословия, классы, страты российского общества: история и современность.* СПб., 2002. С. 74–76; *Он же.* «Инородцы» — сословный проект империи... С. 7; *Он же.* Колониальный дискурс имперских классификаций... С. 83; *Зуев А. С.* Оценочное восприятие русскими чукчей и коряков (вторая половина XVII — XVIII век) // *Проблемы археологии, этнографии, антропо-*

Проведенный нами анализ контекстов и частоты использования социополитонима «иноземцы», принципов его лексической сочетаемости с другими словами в большом массиве разнообразных источников (прежде всего делопроизводственной документации²⁸³, а также летописных и нарративных произведениях) позволил уточнить начало его применения к народам Сибири, выявить особенности его употребления, смысловых нагрузок и понятийных нюансов в дискурсе Московского государства в отношении разных сибирских регионов.

Один из первых случаев употребления слова «иноземцы» в русском языке зафиксирован в Новгородской I летописи старшего извода под 1203 г. в отношении иностранных купцов, находившихся в Киеве: «...а что гости, иноземця всякого языка»²⁸⁴. Вплоть до XVI в. оно использовалось в основном в книжности Северо-Западной Руси для обозначения представителей других государств — «иных земель». В дипломатической документации данное слово стало широко употребляться со второй половины XVI в.²⁸⁵

Самый ранний выявленный нами случай наименования аборигенов Сибири «иноземцами» зафиксирован в грамоте 1565 г.

логии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 2006. Т. 12. Ч. 2. С. 96; *Он же*. Русско-аборигенные отношения на крайнем Северо-востоке Сибири... С. 88; *Он же*. Адаптация Российским государством социальных и потестарных структур сибирских народов... С. 7–9; *Он же*. Российское государство и народы Сибири... С. 82–85; *Зуев А. С., Игнаткин П. С.* Параметры социально-политической идентификации коренных народов Сибири в Московском государстве XVII в.: к вопросу о семантике соционима «иноземцы» // *От Смуты к Империи. Новые открытия в области археологии и истории России XVI–XVIII вв.* М.; Вологда, 2016. С. 24–30.

²⁸³ Нами проработаны все основные опубликованные к настоящему времени документы по истории Сибири середины XVI — начала XVIII в., а также многие архивные документы этого же периода, хранящиеся в фондах Сибирского приказа, сибирских приказных изб, в «портфелях» Г. Ф. Миллера (РГАДА, НИА СПбИИ, СПбФ АРАН).

²⁸⁴ ПСРЛ. М., 2000. Т. 3. С. 45.

²⁸⁵ *Сергеев Ф. П.* Формирование русского дипломатического языка. Львов, 1978. С. 128.

митрополита Московского и всея Руси Афанасия к Г. Строганову. «Иноземцами» в ней названы татары, вогулы и югричи. Причем акцент был поставлен на религиозном значении этого слова: «И ныне ча — деи приходят к ним (к Строгановым, в их приуральские владения — *Авт.*) иноземци татарове, и гогуличи, и югричи некрещеные люди, и помышляют креститься в нашу православную христианскую веру»²⁸⁶. Второй случай его употребления, известный нам, относится к 1588 г. и представлен в форме «нововыезжий иноземец» — так назвал себя в челобитной мурза Бухтараз Карамышев, шурин сибирского царевича Маметкула, выехавший в Московскую Русь в 1586/87 г.²⁸⁷ Другие ранние случаи использования данного социополитонима (1597 г.²⁸⁸, 1605 г.²⁸⁹, 1609 г.²⁹⁰, 1614 г.²⁹¹) фиксируются исключительно в языке официальной государственной документации. Они относятся к западно-сибирским татарам, вогулам, остякам (хантам и селькупам) и самоедам.

Таким образом, слово «иноземцы» для обозначения аборигенного населения Сибири было введено в оборот во второй половине XVI — начале XVII в. представителями московской бюрократии — служащими митрополичьей канцелярии и центрального аппарата власти, позаимствовавшими его из практики наименования им иностранцев — выходцев из других стран — «земель» как европейских, так и азиатских. Довольно быстро социополитоним «иноземцы» появился и в лексиконе сибирских воевод. Параметры его первоначального употребления в источниках позволяют утверждать, что он отражал представление русских об этническом, культурном и религиозном отличии коренных

²⁸⁶ Введенский А. А. Торговый дом XVI–XVII веков. Л., 1924. С. 153.

²⁸⁷ Лихачев Н. Библиотека и архив Московских Государей в XVI столетии. СПб., 1894. Приложения. С. 32–33.

²⁸⁸ АИ. СПб., 1841. Т. 1. С. 466.

²⁸⁹ СГГД. Ч. 2. С. 201.

²⁹⁰ РИБ. Т. 2. Стб. 184.

²⁹¹ Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи археологической экспедицией Императорской академии наук. СПб., 1836. Т. 3. С. 84; Документы Печатного двора (1613–1615 гг.). М., 1994. С. 372.

народов Сибири, а также указывал как на их политическую принадлежность к другой стране—«земле», так и на их недавнюю подчиненность великому государю. При этом акцент явно делался на политическое и религиозное состояние сибирских народов²⁹².

Многие смыслы (но без явного преобладания какого-либо из них), выражаемые словом «иноземцы», делали его более приемлемым для обозначения инаковости сибирских народов, сильно отличавшихся от русских по многим параметрам, по сравнению с геополитонимами «сибирские люди», «сибирцы», которые актуализировали ненужную русским память об исчезнувшем Сибирском юрте²⁹³, соционимами «иноверцы», «ясачные / неясачные» люди, которые несли лишь указание либо на принадлежность к иной вере, либо на наличие / отсутствие подданических отношений к русскому царю, лингвоэтносоционимом «языцы» / «языки», которым обозначались иные народы, не говорящие на русском (и шире на восточно-славянском) языке.

К тому же, как мы полагаем, русской власти потребовалось включить разнообразное население Сибири, полиэтнокультурность которого стала явно осознаваться с выходом землепроходцев за пределы Северо-Западной Сибири, в существовавшую в Московском государстве модель деления народов на *своих* (православных подданных царя) и *иных*, не относящихся к числу *своих*. Для обозначения этих *иных* к началу присоединения Сибири уже использовалось слово «иноземцы», которое с конца XVI — начала XVII в. получило широкое распространение в русском социально-политическом

²⁹² См. подробнее: *Игнаткин П. С.* Соционим «иноземцы» применительно к народам Сибири в деловой письменности Московской Руси (вторая половина XVI — начало XVII в.) // Гум. науки в Сибири. 2013. № 4.

²⁹³ Употребление в сибирском делопроизводстве этих геополитонимов в отношении только аборигенов к 1620-м гг. становится редким, хотя и сохраняется в последующее время. Но при этом они меняют смысловое содержание — начинают использоваться для обозначения всего, в том числе и русского населения Сибири (См. *Игнаткин П. С.* Собираательно-обобщающие названия аборигенов Сибири... С. 159).

дискурсе²⁹⁴. И здесь следует заметить, что потребность в создании и распространении названия, которое бы собирательно (а не только по одному-двум параметрам) обозначало представителей других этносов, обычно возникает и актуализируется в случае внешней опасности или агрессии как попытка отгородиться и отграничить *своих* от *иных* / *чужих*, а также в связи с ростом этнического самосознания и этнической консолидации. Во всех отношениях вторая половина XVI — начало XVII в. явились переломными для России. В это время ускорились темпы формирования полиэтничного государства, консолидации русского этноса и роста в пределах государства численности «иноплеменников» — выходцев из Европы и Азии, а также состоялись тяжелейшие войны с иностранными державами.

С начала XVII в. частота употребления социополитонима «иноземцы» применительно к аборигенам Западной Сибири стала возрастать. Однако весь рассматриваемый период для их номинирования намного чаще применялись этнонимы и соционимы («ясачные» / «ясачные люди»), которые зачастую объединялись и снабжались административно-географическими словами-указателями. Особо заметим, что употребление изучаемого социополитонима к коренным обитателям данного региона, начиная с наиболее ранних случаев, отличалось ограниченной лексической валентностью, порождавшей ограниченный комплект речевых конструкций. При описании народов Западной Сибири социополитоним «ино-

²⁹⁴ Слово «иноземцы» уже в конце XVI — начале XVII в. активно использовалось для обозначения выходцев как с Запада — литовцев, поляков, немцев, англичан и др., так и с Востока — турок, армян, индусов, персов, жителей Средней Азии и др., часто посещавших Московское государство или устраивавшихся в нем на постоянное или временное проживание (См., например: Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи... С. 322, 401, 411; ДАИ. СПб., 1846. Т. 1. С. 164, 165; Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией. СПб., 1898. Т. 3. С. 21; Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР. Л., 1932. Ч. 1. С. 107, 108; Казахско-русские отношения в XVI–XVII веках. Алма-Ата, 1961. С. 4; *Опарина Т. А.* Иноземцы в России... С. 5–17.

земцы» чаще всего объединялся либо с социальными (например, «иноземцы ясачные люди», «ясачные иноземцы»), либо с этническими (например, «у иноземцев у тотар и остяков») словами-классификаторами. Но зачастую он использовался без таких классифицирующих пояснений, вследствие чего лишь из контекста документа можно понять, какой конкретно народ назван «иноземцами». Специфичным также являлось то, что в отношении западно-сибирских аборигенов указанный социополитоним применяли преимущественно представители центральной и местной администрации. Для лексики рядовых русских людей — служилых, посадских, промышленных, а также крестьян — он был не характерен, количество случаев его употребления ими весьма ограничено, к тому же они фиксируются лишь с середины XVII в.

Наконец, в отношении большинства аборигенов Западной Сибири (татар, хантов, манси, селькупов) социополитоним «иноземцы» в нормативных и делопроизводственных документах, а также нарративных источниках употреблялся обычно при описании мирного русско-аборигенного взаимодействия — шертования, сбора ясака, торговли, хозяйственных занятий, военного сотрудничества, пресечения злоупотреблений представителей русского населения и т. д.²⁹⁵ Примечательно, что многие этнотерриториальные группы Западной Сибири крайне редко номинировались «иноземцами»

²⁹⁵ См., например: СГД, Ч. 4. С. 337, 354; АИ. Т. 3. С. 339; Т. 4. С. 52; Т. 5. С. 8, 364, 366, 526; ДАИ. СПб., 1853. Т. 5. С. 162; Т. 6. С. 46, 296; Т. 8. С. 156, 161, 197; ПСЗРИ. Т. 2. С. 7, 176, 663; Т. 3. С. 377; Т. 4. С. 60; ПСИ. Кн. 1. С. 119; Исторические акты XVII столетия (1633–1699). Материалы для истории Сибири. Томск, 1890. С. 45, 54; *Кузнецов-Красноярский И.* Томского уезда служилые и подводные татары и выездные калмыки, что берут Великого Государя денежного и хлебного жалования // Сибирский архив. 1915. № 12. С. 586; *Миллер Г. Ф.* История Сибири. Т. 2. С. 469; Прибыльные дела сибирских воевод и таможенных голов XVII — начала XVIII в. Новосибирск, 2000. С. 177, 181; *Спафарий Н. Г.* Путешествие через Сибирь от Тобольска до Нерчинска и границ Китая в 1675 году: Дорожный дневник Спафария. СПб., 2010. С. 47; [Ремезов С. У.] Чертежная книга Сибири, составлена тобольским сыном боярским Семеном Ремезовым в 1701 году. М., 2003. Т. 2. С. 64, 84.

даже в тех случаях, когда выходили из повиновения русским властям и начинали военные действия против русских. Обычно татар, манси, хантов и селькупов в ситуации их выхода из подчинения называли «изменниками», «государевыми изменниками» и «ворами». Так, к примеру, квалифицировали барабинских и тарских татар, откочевывавших за пределы России, тобольских и тюменских татар, участвовавших в набегах Кучумовичей и черных калмыков на русские владения в Сибири и на Урале²⁹⁶.

Более активно, но далеко не всегда, социополитоним «иноземцы» увязывался с политической неблагонадежностью, нелояльностью русским властям и вооруженным сопротивлением, когда употреблялся в отношении отдельных групп самоедов (ненцев), которых в ситуациях их неподчинения называли «воровскими / немирными иноземцами»²⁹⁷. Такая особая оценка неповиновения тундровых оленеводов, несомненно, связана с тем, что многие их родовые группы и родовые объединения на протяжении всего XVII в. лишь номинально являлись подданными царя и часто проявляли враждебность к служилым и промышленным людям, в связи с чем русские воспринимали их скорее *иными*, чем *своими*²⁹⁸. Правда, «иноземцами» са-

²⁹⁶ См., например: РМО. 1636–1654. С. 64, 67, 149, 173, 174, 181, 182, 202, 206, 249.

²⁹⁷ См., например: ДАИ. Т. 5. С. 162, 163; Т. 8. С. 163, 165, 168.

²⁹⁸ Сочетание смысловых значений *свои* и *чужие* прослеживается в словах «воровские» и «немирные». «Ворами» в рассматриваемое время называли *своих*, совершивших либо политическое, либо уголовное преступление, т. е. не соблюдавших установленные государством правила поведения и тем самым становившихся не полностью *своими*. Это слово употреблялось в значениях «мошенник», «злодей», «обманщик», «враг», «неприятель», «смутьян», «преступник», «бунтовщик», «изменник» и т. д. (См.: СРЯ. М., 1976. Вып. 3. С. 28–31). Слово «немирные» применялось исключительно в отношении *чужих* — врагов, оно обозначало состояния враждебности и не приведенности в подданство: «находящийся во вражде», «непримиримый», «незамирный», «не приведенный в подданство», «враждебный» (См.: Там же. 1986. Вып. 11. С. 171).

моедов обозначали не только в военном, но и в мирном контексте²⁹⁹. Весьма редкие случаи употребления социополитонима «иноземцы» в контексте сопротивления и неповиновения в отношении других народов Западной Сибири свидетельствует о том, что они рассматривались как подданные — ясачные, а их «измены» и «воровство» считались временными явлениями, не могущими изменить их политический статус.

В памятниках книжности, прежде всего в сибирских летописях, социополитоним «иноземцы» в отношении западно-сибирских аборигенов, хотя и применялся, но не стал популярным. По подсчетам М. А. Дёмина, он встречается единожды в Есиповской летописи основной редакции и в Кунгурском летописце, и несколько раз в Есиповской летописи Абрамовского вида, в Румянцевском же и Погодинском летописцах он вообще отсутствует³⁰⁰. Использовался он также в Ремезовской летописи³⁰¹, в Бузуновском летописце³⁰² и в Книге записной³⁰³. Однако обычно летописцы предпочитали оперировать конкретными этническими названиями сибирских народов, а также употреблять по отношению к ним книжную лексику, не типичную для нормативных и делопроизводственных документов: «языцы», «окаянные», «зловерные» и др. «Иноземцами» же сибирские летописи называли аборигенов (татар, вогулов, остяков, самоедов) чаще всего при описании их подчинения в ходе завоевания Сибирского юрта Ермаком³⁰⁴. Данное обстоятельство позволяет предположить, что мотивом, обусловившим включение социополитонима «иноземцы» в летописные рассказы о «взятии Сибири»

²⁹⁹ См., например: ДАИ. Т. 5. С. 162; Т. 8. С. 161; *Миллер Г. Ф. История Сибири. Т. 2. С. 469; Тобольский архиерейский дом в XVII веке. Новосибирск, 1994. С. 148.*

³⁰⁰ *Дёмин М. А. Коренные народы Сибири... С. 133, 135; Он же. Литературно-исторические сочинения... С. 53.*

³⁰¹ Сибирские летописи. СПб., 1907. С. 303.

³⁰² Там же. С. 305.

³⁰³ Книга записная. Томск, 1973. С. 11, 49, 62, 72.

³⁰⁴ См., например: Сибирские летописи. С. 137, 207, 249, 333.

Ермаком, являлось желание летописцев обратить особое внимание на факт превращения западно-сибирских народов в новых подданных московского царя. Из этого, в свою очередь, следует, что указанный социополитоним наделялся значением неокончателного или недавнего включения в состав государства иноэтничных групп населения.

Начало применения социополитонима «иноземцы» к аборигенам юго-востока Западной (Алтай), а также Средней (бассейн р. Енисей) Сибири, несмотря на то что многие из них (как, например, телеуты, енисейские киргизы, тунгусы, буряты) были известны русским уже с первого десятилетия XVII в., фиксируется лишь с 1620-х гг. В дальнейшем по мере продвижения русских по просторам Восточной Сибири вплоть до Тихого океана и Амура этот социополитоним сразу начинал употребляться применительно к местным аборигенам. При этом с 1620-х — 1630-х гг. народы указанных регионов, по сравнению с народами Западной Сибири, стали значительно чаще обозначаться «иноземцами». В их отношении употребление социополитонима «иноземцы» к середине XVII в. становится нормой в делопроизводственных документах, причем увеличивается разнообразие речевых конструкций, использовавших его, и усложняется палитра его лексической валентности, особенно это заметно применительно к аборигенам северо-восточных районов Сибири. Причина этого нам видится в следующем: по мере продвижения на восток и северо-восток Сибири русские землепроходцы и администраторы сталкивались со все возрастающим количеством разных этнотерриториальных / этнокультурных групп коренного населения, имевших разные названия (этнонимы), и это обстоятельство быстро актуализировало необходимость использования для всех них одного совокупного обозначения, фиксирующего их положение в социально-политическом и этнокультурном пространстве Московского государства, в которое они включались.

Более разнообразным стал и состав авторов тех текстов, в которых встречается данный социополитоним. Его активно, помимо представителей властных государственных инстанций разного уров-

ня, стали употреблять служилые и прочие русские люди. Причем они, равно как и местные приказчики и воеводы, использовали слово «иноземцы» в своих отписках, сказках, челобитных, наказных памятях и другого рода документах более интенсивно, чем составители указов, грамот и наказов, работавшие в центральном учреждении, ведавшем Сибирью — приказе Казанского дворца (с 1599 г.), а затем (с 1637 г.) Сибирском приказе. Но при этом в памятниках книжности в отношении коренных обитателей Восточной Сибири данный социополитоним использовался так же редко, как и в отношении западно-сибирских аборигенов.

На протяжении XVII столетия (в основном начиная с 1630-х гг.) для номинирования этносов юго-восточной части Западной и всей Восточной Сибири социополитоним «иноземцы» использовался как сам по себе, так и в сочетании с разнообразными указателями-классификаторами.

- *Политическими*

- в варианте подданства: «великого государя / государевы / верные ясачные / государевы ясачные / ясачные вечные царского величества / мирные / подданные / царского величества / ясачные иноземцы»;

- в варианте неподчиненности и сопротивления: «воровские / неясачные воровские / немирные / непокорные неприятельские / непокорные неясачные / непослушные / неприятельские немирные / неясачные» и т. д. «иноземцы».

- *Этническими*, а также племенными и родовыми названиями: «иноземцы киргизы / тунгусы / юкагири / чукчи / анаулы / люторцы / ходынцы / якуты / буляши», «иноземцы онкоцкие / брацкие / корятцкие / тунгуские люди», «даурские / ламутцкие иноземцы», «иноземцы многих родов тунгусы», «иноземцы Тумучерского роду», «иноземцы Четелкогирского, да Шамагирского, да Дилкагирского и иных розных родов» и т. д.

- *Административными* — по подведомственности определенному русскому административному пункту: «иноземцы Еравнинского / Братского» и т. д. острогов, «иноземцы Нижнево зимовья», «иноземцы Зашиверного и Подшиверного зимовей» и т. д.

• *Географическими*

– либо с точной привязкой к определенному природно-географическому объекту: «баунтовские / закаменные / ильпейские / камчадальские / колымские / курильские / охотцкие / чондонские / оленские / баргузинские / удинские / Каменного и Косухина острогов / Анюйского хребта» и т. д. «иноземцы»;

– либо в неопределенном варианте: «низовые» (живущие в низовьях реки), «украинные», «тамошних землиц», «тамошние» «иноземцы».

• *Временными*: «старые (давно находящиеся в подданстве) / новоприисканные / новопризывные / нововыезжие иноземцы».

• *Культурными*: «иноземцы люди дикие», «сыроядцы», «всякие иноземцы розных языков», «крещеные / некрещеные иноземцы».

• *Хозяйственными*: «скотиныи / скотные / конные / оленные иноземцы»³⁰⁵.

³⁰⁵ Упоминания перечисленных указателей-классификаторов см., например: СГД. Ч. 4. С. 597; АИ. Т. 4. С. 68, 449; Т. 5. С. 51, 101, 102, 105, 191, 193, 194, 440, 441, 472, 475; ДАИ. Т. 2. С. 156, 242, 256, 257, 261, 263, 264, 270, 273, 274, 275; Т. 3. С. 56, 58, 322, 337, 353, 354; Т. 4. С. 2, 18, 76, 81, 82; Т. 5. С. 384; Т. 6. С. 320, 354, 396; Т. 7. С. 4, 35, 137, 139, 282, 303, 304, 370; Т. 8. С. 172, 174, 180, 183, 264, 266, 267, 326, 350; 1875. Т. 9. С. 214, 215; Т. 10. С. 287, 322, 324, 342, 343, 357, 393; Т. 11. С. 62, 160; 1872. Т. 12. С. 97, 98, 99, 100; РИБ. Т. 2. Стб. 849, 850; Т. 15. V. С. 3, 21, 24, 27, 29, 31; ПСИ. Кн. 1. С. 89, 117, 143, 144, 216, 410, 420, 421, 425, 426, 428, 441, 443, 444, 447, 449, 468, 461, 462, 469, 470, 497, 498, 506, 512, 516, 527, 542; *Миллер Г. Ф.* История Сибири. Т. 3. С. 128, 167, 178, 200, 247, 317, 320, 322, 366, 369; *Стрелов Е. Д.* Акты архивов Якутской области (с 1650 г. до 1800 г.). Якутск, 1916. Т. 1. С. 166, 167, 168, 169; *Титов А.* Сибирь в XVII веке. Сб. старинных русских статей о Сибири и прилежащих к ней землях. М., 1890. С. 110, 111; КПМГЯ. С. 36, 44, 46, 51, 52, 54, 64, 65, 67, 68, 69, 78, 80, 82, 84, 86, 87, 96, 99, 103, 105, 106, 107, 109, 112, 115, 125, 132, 136, 146, 148, 184, 186, 197, 204, 220, 223, 226, 227, 228, 239, 244, 246; КПЦКЧ. С. 26, 27, 28, 30, 31, 32; РМО. 1654–1685. С. 26, 30, 31, 33, 130, 132, 255, 299; РМО. 1685–1691. С. 74, 78, 84, 127, 164, 194, 195, 197, 204, 205, 206, 254, 308, 350, 358; РКО. Т. 1. С. 200, 260, 301, 302, 309, 456, 485; РКО. М., 1972. Т. 2. С. 125, 352, 392, 462, 467, 468, 489, 494, 544, 551, 607, 614, 627, 628, 629,

Эти указатели, применявшиеся зачастую в разных комбинациях, во-первых, уточняли, о каких именно «иноземцах» идет речь, во-вторых, позволяли осуществить их первичную классификацию по ряду явно заметных признаков. Наиболее распространенными были речевые конструкции, в которых социополитоним «иноземцы» объединялся с политическими, этническими и географическими указателями-классификаторами. При этом следует отметить, что географические указатели (привязки к определенной местности) применялись тем чаще, чем более обширные территории занимали «иноземцы». Наиболее широкий спектр таких указателей обнаруживается в отношении тунгусов, проживавших от Енисея до Охотского моря и Амура.

Обратим также внимание на то, что в делопроизводстве социополитоним «иноземцы» с 1630-х — 1640-х гг. очень часто выступал в собирательно-обобщающем значении — без указания на конкретные этнические группы — для совокупного обозначения аборигенов либо всей восточной части Сибири (иногда с уточнением «сибирские»³⁰⁶), либо ее отдельных регионов и районов, особенно северо-восточных («ленские иноземцы», «иноземцы колымские мужи-

630, 632; ОРЗПМ. С. 125, 135, 221, 233, 239, 275, 297, 299, 303, 405, 420, 424; РМЛТО. С. 64, 65, 115, 116, 120, 206, 250, 258; Материалы по истории Якутии... Ч. 2. С. 882–883; Ч. 3. С. 969, 971, 975, 976, 977, 1002, 1014, 1015, 1016, 1065; СДИБ. С. 15, 75, 220, 255, 283, 358, 359, 423; [Ремезов С. У.] Чертежная книга Сибири. Т. 2. С. 108; К истории Бурятии в XVII в. // Красный архив. 1936. № 3. С. 181, 185, 186; Первое столетие сибирских городов... С. 130, 164; и мн. др. См. также: *Игнаткин П. С.* Этнографическая и социально-политическая классификация коренных народов Сибири в Московской Руси XVI–XVII вв.: роль природно-географических объектов и пространственных ориентиров // Исторический ежегодник. 2014. Новосибирск, 2014. Вып. 8.

³⁰⁶ См., например: СГГД. М., 1822. Ч. 3. С. 422, 441; ДАИ. Т. 3. С. 57, 262; КПМГЯ. С. 86; РИБ. Т. 15. V. С. 34; *Зуев А. С., Слугина В. А.* «Служите мне государю своему царю и великому князю Алексею Михайловичу». Русская присяга и шертовальная запись середины XVII в. // Исторический архив. 2011. № 2. С. 187.

ки», «погыцких новых неясашных тамошних земель иноземцы»³⁰⁷), либо вообще еще точно не идентифицированных («иноземцы»³⁰⁸, «новых немирных земель иноземцы»³⁰⁹, «многие иноземцы разных языков»³¹⁰, «новоприисканные всякие иноземцы»³¹¹, «ыные иноземцы»³¹², «немирные неясачные иноземцы разных родов»³¹³ и т. п.). Высокая частота употребления на крайнем северо-востоке Сибири социополитонима «иноземцы» в собирательно-обобщающем значении объясняется слабой осведомленностью русских землепроходцев об обитателях и географии этого региона. Для сравнения заметим, что западно-сибирские народы назывались собственно «сибирскими иноземцами» значительно реже.

Социополитоним «иноземцы» применительно к аборигенам юго-восточной части Западной Сибири и Восточной Сибири употреблялся как в мирном или нейтральном контексте (в основном в документах, исходивших из приказа Казанского дворца и Сибирского приказа, и в той их части, где нормировались правила поведения русских в отношении аборигенов, а также в дипломатических обращениях к правителям соседних народов и государств — монголам, калмыкам, китайскому богдохану)³¹⁴, так и, причем намного более

³⁰⁷ См., например: ДАИ. Т. 2. С. 262; Т. 3. С. 57; Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. 2. С. 388; ОРЗПМ. С. 221, 233; РМЛТО. С. 64, 65; Первое столетие сибирских городов... С. 91.

³⁰⁸ См., например: ДАИ. Т. 8. С. 181; КПМГЯ. С. 37, 78; ОРЗПМ. С. 96, 115, 117, 233, 234, 235, 237, 236, 240, 242, 273, 278; РМЛТО. С. 77, 260, 280, 309; СДИБ. С. 108.

³⁰⁹ См., например: КПМГЯ. С. 238.

³¹⁰ См., например: Там же. С. 164.

³¹¹ См., например: ОРЗПМ. С. 237.

³¹² См., например: Зуев А. С., Слугина В. А. «Служите мне государю моему царю... С. 188–189.

³¹³ См., например: АИ. Т. 4. С. 473.

³¹⁴ См., например: АИ. Т. 4. С. 68, 449; Т. 5. С. 51, 191, 193, 194, 204, 440, 441, 475; ДАИ. Т. 2. С. 156, 173, 242, 270, 273, 274; Т. 3. С. 41, 282; Т. 4. С. 76; Т. 7. С. 137, 282, 303, 370; Т. 8. С. 180, 264, 267; Т. 10. С. 287; Т. 11. С. 62, 160; РИБ. Т. 15. V. С. 24, 27, 29, 31; ПСИ. Кн. 1. С. 89, 144, 419, 421, 426, 443, 447,

интенсивно, в контекстах, описывавших независимое от русской власти положение аборигенов, их нежелание подчиняться, а также конфликтное (военное) русско-аборигенное взаимодействие (в делопроизводственном языке местных русских администраторов, камбонтантов и колонистов)³¹⁵. Это вполне объяснимо: народы этих реги-

512, 542; *Миллер Г. Ф.* История Сибири. Т. 3. С. 320, 322; *Стрелов Е. Д.* Акты архивов Якутской области... С. 166, 167, 168, 169; КПАМГЯ. С. 29, 30, 36, 52, 54, 63, 67, 69, 78, 80, 82, 84, 86, 94, 96, 99, 105, 106, 107, 109, 112, 115, 118, 125, 132, 136, 147, 184, 197, 204, 244; Материалы по истории Якутии... Ч. 1. С. 46, 47, 378; Ч. 2. С. 882–883; Ч. 3. С. 971, 972, 973, 974, 979, 982, 994, 995, 999, 1003, 1014, 1015, 1016, 1043, 1044, 1046, 1055, 1056, 1058, 1060, 1061, 1065; ОРЗПМ. С. 125, 297, 359, 360, 362, 363, 364, 367, 378, 421, 424, 426, 427, 428, 429, 432; РМЛТО. С. 98, 113, 115, 156, 248, 250, 306, 307; РМО. 1654–1685. С. 26, 30, 31, 130, 226, 299; РМО. 1685–1691. С. 74, 78, 127, 204, 205, 206, 254; РКО. Т. 1. С. 200, 309, 485; РКО. Т. 2. С. 125, 352, 494; К истории Бурятии в XVII в. С. 185, 186; Первое столетие сибирских городов... С. 51, 52, 55, 56, 164; Прибыльные дела сибирских воевод... С. 123, 131; *Бутанаев В. Я.* История вхождения Хакасии... С. 179; *Иванов В. Н.* Вхождение Северо-Восточной Азии... С. 193.

³¹⁵ См., например: АИ. Т. 4. С. 68, 473; Т. 5. С. 191; ДАИ. Т. 2. С. 162, 177, 254, 256, 257, 262, 263, 264, 275; Т. 3. С. 36, 56, 58, 68, 322, 333, 337, 353, 354; Т. 4. С. 18, 81, 82; Т. 5. С. 39, 68, 380, 384; Т. 6. С. 319, 320, 396; Т. 7. С. 4, 32, 35, 139, 304; Т. 8. С. 43, 174, 181, 183, 266, 267; Т. 9. С. 214, 215; Т. 10. С. 342, 343, 347, 357, 393; Т. 12. С. 98; РИБ. Т. 15. V. С. 3, 21; ПСИ. Кн. 1. С. 216, 410, 420, 421, 425, 426, 427, 428, 441, 442, 443, 444, 447, 449, 461, 462, 465, 468, 469, 470, 473, 478, 497, 498, 506, 527, 530, 536, 542; РМО. 1654–1685. С. 33, 132, 255, 345; РМО. 1685–1691. С. 84, 180, 259; РКО. Т. 2. С. 607; КПАМГЯ. С. 37, 44, 46, 51, 52, 54, 64, 65, 68, 69, 78, 87, 92, 93, 98, 103, 146, 148, 164, 186, 220, 238, 239, 246; КПЦКЧ. С. 26, 31, 32; ОРЗПМ. С. 96, 115, 117, 129, 135, 153, 216, 217, 221, 233, 234, 235, 237, 236, 239, 240, 242, 251, 273, 275, 278, 290, 299, 303, 377, 391, 405, 420; РМЛТО. С. 77, 115, 116, 120, 125, 206, 258, 259, 260, 274, 280, 309; Материалы по истории Якутии... Ч. 3. С. 875, 968, 969, 975, 976, 977, 1002; СДИБ. С. 108, 220; *Миллер Г. Ф.* История Сибири. Т. 2. С. 422; Т. 3. С. 160, 167, 178, 200, 202, 211, 247, 317, 320, 366, 369; Первое столетие сибирских городов... С. 51, 52, 55, 56; Прибыльные дела сибирских воевод... С. 123, 131, 219; *Зуев А. С., Слугина В. А.* «Служите мне государю своему... С. 188–189; *Иванов В. Н.* Вхождение Северо-Восточной Азии... С. 177, 192; *Титов А.* Сибирь

онов оказали русским более упорное и длительное сопротивление, нежели народы Западной Сибири.

Семантика слова «иноземцы», как уже говорилось выше, по отношению к разным коренным народам Сибири заметно варьировалась. Расстановка акцентов на том или ином смысловом значении, содержащемся в данном слове, зависела от места и статуса, занимаемого сибирскими народами в социально-политическом пространстве Московского государства, от характера их взаимодействия с русской властью и русскими и, соответственно, от их восприятия русской стороной. Соответственно, то или иное значение данное слово приобретало в зависимости от контекстов, описывавших разные варианты русско-аборигенных взаимоотношений. Эти значения усиливались с помощью речевых конструкций, в которых социополитоним «иноземцы» сопрягался с разными словами, выполнявшими функцию указателей-классификаторов, благодаря чему приобретал разные смысловые нагрузки и понятийные нюансы. При этом выявляются два макрорегиональных варианта его употребления, которые условно можно назвать западно-сибирским и восточно-сибирским.

В территориальных рамках Западной Сибири в употреблении этого слова отчетливо прослеживается акцентирование внимания на политическую неадаптированность местных народов, уже являвшихся подданными-ясачными, к российской государственности. Но при этом в официальных документах центральных правительственных учреждений социополитоним «иноземцы» по отношению к местным аборигенам на протяжении всего XVII в., как уже указывалось, употреблялся преимущественно в нейтральном значении, обозначая ясачноплательщиков, и не нес в себе явно выраженного смыслового указания на опасность с их стороны. Исключением являлись лишь самоеды, применительно к которым данный социополитоним употреблялся в контекстах, озвучивавших состояние их неповиновения и враждебности.

в XVII веке... С. 50, 110, 111; [Ремезов С. У.] Чертежная книга Сибири. Т. 2. С. 108.

Значения, актуализируемые в социополитониме «иноземцы» применительно к народам юго-восточной части Западной и всей Восточной Сибири, заметно отличались от западно-сибирского варианта. В восточно-сибирском варианте контексты употребления данного слова в разного типа документах свидетельствуют о том, что русскими в большей степени упор делался на таких его значениях, как политическая независимость, сопротивление, противоборство, неподчиненность или неокончателная подчиненность русской власти. На это явно указывает высокая частота использования социополитонима при описании военной опасности, исходящей от аборигенов данных регионов, а также процедур их замирения. Гамма оттенков, наполнявших этот социополитоним семантикой конфликтности, устанавливается его сочетаемостью со словами и выражениями, передающими чувства враждебности и угрозы: «воровские», «изменники», «непослушные», «неясачные», «немирных земель люди» и др. Акцент на значении «неподчиненность», содержащемся в социополитониме «иноземцы», также отчетливо поставлен в ряде справочно-географических произведений, созданных в конце 1660-х — начале 1670-х гг. Так, в частности, в росписи Чертежа Сибири 1667 г. при описании р. Бии и Телецкого озера указывается, что «около тех мест кочуют многие иноземцы: саянцы, мундусцы, кайманцы, таутелеуты, яумундуссы, учюги, карагайцы, а ясаку великим государем не платят»³¹⁶.

Еще одной особенностью восточно-сибирского варианта использования социополитонима «иноземцы» являлось номинирование им народов, слабо известных или совершенно неизвестных русским. Особенно часто такое номинирование встречается в документах, описывающих процесс продвижения русских землепроходцев по северо-востоку Сибири. К примеру, в отписке якутских воевод В. Пушкина и К. Супонева в Москву от 1646 г. сообщается, что в бассейнах рек Северо-Восточной Сибири обитают многочисленные необъясаченные группы «тунгусов и юкагирей, и ковымцов, и шерем-

³¹⁶ Титов А. Сибирь в XVII веке... С. 50.

бойцов и *иных розных родов иноземцов*³¹⁷. В наказной памяти тех же якутских воевод сыну боярскому В. Власьеву, откомандированному на Колыму в 1647 г., предписывалось приводить «под государеву, царскую высокую руку» «*новых немирных землиц неясашных юкагирей и тунгусов и всяких иноземцев розных языков, которые по тем рекам и по иным по сторонним рекам живут*» и «*ясак и поминки с тех с новоприискных всяких иноземцов збирать*»³¹⁸ (курсив наш. — Авт.). Учитывая этот факт, можно предположить, что называя не только неподчиненные, но даже неизвестные народы Восточной Сибири «иноземцами», русская власть рассматривала их как своих возможных потенциальных подданных. В связи с этим еще раз вспомним о том, что ряд народов, уже известных русским с начала XVII в. — тунгусов, енисейских киргизов, бурят, стали называть «иноземцами» лишь тогда, когда была дана установка на их подчинение. Обращает на себя внимание также то обстоятельство, что еще не подчиненные «немирные» и неясачные «иноземцы» нередко квалифицировались русскими как «изменники»³¹⁹, как будто они уже являлись настоящими подданными.

Наряду с заметными вариациями рассматриваемый социополитоним содержал в себе и смысловые значения, общие в отношении *всех* сибирских народов. В значительном числе случаев он наполнялся правовым содержанием. О том, что сибирские народы воспринимались как особая социально-правовая общность, свидетельствует постановка акцента на их специфичном статусе в структуре российского общества — она осуществлялась с помощью слов «иноземство» /

³¹⁷ ОРЗПМ. С. 216

³¹⁸ Там же. С. 236–237.

³¹⁹ В Московской Руси «изменниками» называли людей, являвшихся подданными царя, но нарушивших присягу, совершивших акт измены, предательства по отношению к царю, в том числе вышедших или пытавшихся выйти из подданства. См.: СРЯ. М., 1979. Вып. 6. С. 172–175; *Ерусалимский К. Ю.* Рождение государственной измены: Россия и Польско-Литовское государство конца XV–XVI вв. // *Предательство: опыт исторического анализа.* М., 2012. С. 168–169.

«иноземчество» и выражения «братья иноземцы», которые подчеркивали их своеобразное правовое положение. К примеру, в случаях предоставления государственных льгот или каких-либо финансовых или правовых послаблений в отношении коренного населения Сибири часто употреблялось выражение «для их иноземства / иноземчества»³²⁰. Соответственно, в употреблении слова «иноземцы», помимо выражения прочих значений, заметно стремление отграничить аборигенов как представителей особой общности от членов других социальных групп, проживавших в Московском государстве, прежде всего — от православных подданных царя. Данную мысль дополнительно подтверждает тот факт, что русские уравнивали между собой этнически совершенно не родственные народы Сибири. Так, в 1629 г. вышедшим из повиновения тубинским князям Соту и Каяну было предложено «принести» «великому государю вину» и выплачивать «ясак противу иных своих братьев иноземцев, твоих государевых ясачных людей»³²¹, под которыми явно понимались не просто кровные родственники тубинцев, а в целом ясачное население Сибири, подчиненное московскому царю. В 1647 г. бурятским кыштымам-данникам, которые не были тюрками³²², следовало привести в пример «их братьев иноземцев киргизов и тубинцев», являвшихся соответственно тюрками и тюркизированными самодийцами, а также «иных многих земель всяких людей Сибирского царства»³²³.

Номинарование сибирских аборигенов «иноземцами» также часто увязывалось с их неправославным вероисповеданием. Это отчетливо выявляется путем как изучения контекста документов, так и анализа сочетаемости и заменяемости данной номинации лексикой вероисповедального характера. В уже упоминавшейся грамоте мо-

³²⁰ См., например: *Документы Печатного двора...* С. 372; *Кузнецов-Красноярский И.* Томского уезда служилые и подводные татары... С. 586; *Павловский В.* Вогулы. Казань, 1907. С. 56; *Перевалова Е. В.* Северные ханты... С. 57.

³²¹ *Миллер Г. Ф.* История Сибири. Т. 2. С. 422–423.

³²² Кыштымами предбайкальских бурят были отдельные тунгусо-, кето- и самодийскоязычные группы населения, обитавшие к востоку от Енисея.

³²³ *Миллер Г. Ф.* История Сибири. Т. 3. С. 320.

сковского митрополита Афанасия от 1565 г. татары, вогулы и югричи были отнесены к «иноземцам» в связи с тем, что они не являлись православными христианами. В этой же грамоте социополитоним «иноземцы» коррелировал со словами «неверные» и «некрещенные»³²⁴, что позволяет судить о религиозном характере одного из его значений. В царской грамоте 1621 г. тобольским воеводам при оговаривании условий добровольного крещения в православие татар, остяков, самоедов и вогулов они также были названы одним общим словом — «иноземцы»³²⁵. Религиозная семантическая нагрузка данного социополитонима прослеживается в отписке 1627 г. кузнецкого воеводы в Москву: в ней «иноземцами» обозначены как язычница — кузнецкая юртовская татарка Тоибика, так и католики — «литовские люди», служившие в кузнецком гарнизоне; все они пожелали принять православие³²⁶. В наказе 1681 г. сибирского митрополита Павла игумену Феодосию о строительстве монастыря на р. Селенге местное аборигенное население (скорее всего, буряты и тунгусы), еще не обращенное в православие, было обозначено «иноземцами» и «иноверцами всяких вер»³²⁷. В его же грамоте к Феодосию от 1683 г. аборигенки, с которыми сожительствовали местные русские, были названы «некрещеными иноземками»³²⁸. О религиозной нагрузке изучаемого слова говорят и правительственные распоряжения 1685 и 1686 гг., в которых тобольские татары — при указании на их иноверие — были названы «иноземцами»³²⁹.

Религиозную семантику социополитонима «иноземцы», однако, не следует преувеличивать. Как показывает анализ источников, для русской государственной власти и русского населения в про-

³²⁴ Введенский А. А. Торговый дом XVI–XVII веков. С. 153.

³²⁵ Тобольский архиерейский дом в XVII веке. С. 148.

³²⁶ РИБ. СПб., 1884. Т. 8. Стб. 468, 469.

³²⁷ Древние церковные грамоты Восточно-Сибирского края (1653–1726) и сведения о даурской миссии, собранные миссионером Архимандритом Мелетием. Казань, 1875. С. 11.

³²⁸ Там же. С. 12.

³²⁹ ПСЗРИ. Т. 2. С. 663, 738.

цессе восприятия ими коренных народов Сибири на первый план выдвигались не столько их иная вера, сколько особенности их политического и социально-правового статуса, а также их культурная специфика в самом широком смысле этого слова. Об этом определенно свидетельствует тот факт, что сибирских аборигенов, принявших православие, зачастую продолжали обозначать «иноземцами», прямо указывая на то, что они уже крещены («иноземцы крещеные», «иноземцы новокрещеные»), и даже объединять в одну группу с иноверцами: «иноземцы крещеные и некрещеные». Исключением являлись лишь те, кто, приняв крещение, зачислялся в служилые люди: их достаточно быстро и сослуживцы, и власть начинали идентифицировать как *своих* — русских людей.

Называя различные этносы Сибири одним словом «иноземцы», и тем самым мысленно конструируя из них одну общность, русские, несомненно, стремились подчеркнуть и их заметное этнокультурное отличие от самих себя — их инаковость, их не принадлежность к русскому православному народу. В связи с этим обратим внимание на то, что в русско-греко-латинском «Лексиконе», изданном в 1704 г., его составитель, справщик (редактор) московской типографии Ф. Поликарпов-Орлов объяснил значение слова «иноземец» посредством слова «иноплеменник»³³⁰. Слово же «иноплеменник» содержит в себе отчетливые этнокультурные коннотации, обозначая человека иного этнического происхождения, иной культуры, иной веры. И хотя указанное сравнение «иноземцев» с «иноплеменниками», было сформулировано Поликарповым в начале XVIII в., можно уверенно полагать, что оно отразило одно из смысловых значений слова «иноземцы», присутствовавших в русском дискурсе в более раннее время.

Другой (зачастую неизвестный) язык сибирских аборигенов, их образ жизни, духовные ценности, правила поведения не могли не создавать между ними и русскими ощутимого барьера во взаимопонимании, по крайней мере в период первых контактов. Вследствие

³³⁰ *Polikarpov F. Lexikon trejazycnyj = Dictionarium trilingue: Moskva 1704. München, 1988. S. 287.*

этого аборигены должны были восприниматься русскими как люди, обладавшие некоей культурной автономией, внутренний мир которых был закрыт для непосредственного осознания и понимания. Поэтому, вполне возможно, одним из смысловых аспектов социополитонима «иноземцы» могла быть и идея неизвестности, непонятности и загадочности.

Подводя итог, можно считать, что социополитоним «иноземцы» применительно к аборигенам Сибири вошел в русскую деловую лексику во второй половине XVI в., с 1620–1630-х гг. он начал широко распространяться и приобретать популярность, а к середине XVII в. стал нормой делопроизводственных документов. Заметим, что в первой половине XVII в. данный социополитоним стал активно применяться и к народам Северного Кавказа — адыгам (черкесам), чеченцам, кумыкам и др., подчиненным Москве или находящимся в процессе подчинения³³¹. Включенные же в состав Московского государства поволжские народы — татары, марийцы, чувашаи, согласно известным нам источникам, обычно не идентифицировались как «иноземцы». И в связи с этим обращает на себя внимание тот факт, что северокавказские народы, процесс инкорпорации которых в состав России начался в середине XVI в., в последующее время были весьма слабо адаптированы русской властью. Названные же поволжские народы, напротив, были интегрированы в российское социально-политическое и правовое поле достаточно прочно уже к концу XVI в. Исходя из этого, можно предположить, что распространение в XVII в. социополитонима «иноземцы», изначально обозначавшего иностранцев, на отдельные этносы, входившее в состав Московского государства или находившееся в процессе подчинения, определялось

³³¹ См., например: Белокуров С. А. Сношения России с Кавказом. Материалы, извлеченные из московского главного архива министерства иностранных дел. М., 1889. Вып. 1. С. 113, 120, 371, 559; Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв. М., 1957. Т. 1. С. 138, 139; 140, 264, 273, 318, 319; Русско-дагестанские отношения XVII — первой четверти XVIII вв. Махачкала, 1958. С. 114, 116; Русско-чеченские отношения. Вторая половина XVI — XVII в. М., 1997. С. 114, 115.

степенью и полнотой их подчинения русской власти. Кроме этого, популяризация слова «иноземцы» могла явиться реакцией правительственного аппарата на сложение полиэтничного государства.

Анализ контекстуальных связей, в которых находился социополитоним «иноземцы», свидетельствует о том, что он применялся для описания сибирских аборигенов как лояльных русской власти и подданных (ясачных), так и воинственных, враждебных и непокоренных. Подтверждается уже сделанное в историографии наблюдение о полисемантической данности данного социополитонима. Наше же исследование позволяет заключить, что его смысловое поле включало в себя три основных представления:

– *первое* — о степени подчиненности / неподчиненности аборигенов русской власти и их адаптированности к ней; при этом в западно-сибирском варианте акцент делался на неокончательную политическую адаптированность, а в восточно-сибирском — на слабую подчиненность или же на неподчиненность и на готовность к сопротивлению; в этом смысле под «иноземцами» подразумевались либо *иные* народы / люди, которые находились в начале процесса превращения в *своих* — *настоящих* подданных русского царя (общесибирский вариант), либо *иные*, которые, будучи *чужими* и даже врагами, в перспективе могли начать превращаться в *своих* (восточно-сибирский вариант);

– *второе* — об особом социально-правовом статусе сибирских этносоциумов в структуре российского общества;

– *третье* — об их этнокультурной (в том числе религиозной) инаковости.

Социополитоним также выполнял функцию слова-обобщения для обозначения уже известных и еще неизвестных этнотерриториальных групп коренного сибирского населения.

Есть основания также констатировать эволюцию указанных представлений: если в условиях подчинения или недавнего объясачивания изучаемый социополитоним имел более политическое (точнее, даже военно-политическое) значение, то по мере инкорпорирования аборигенов в российское политико-правовое простран-

ство он все более приобретал этнокультурное и социально-правовое звучание, не теряя, однако, и политической нагрузки, указывавшей на незавершенность процесса политико-правовой инкорпорации и включения в российский социум. Эта незавершенность хорошо демонстрируется тем, что социополитоним «иноземцы» не получил в русском законодательстве XVII в. сколько-нибудь внятного правового определения³³². Основной законодательный акт того времени — Соборное Уложение 1649 г., прописавшее статусные роли и функции основных социальных групп населения Московского государства, ни словом не обмолвилось о собственно сибирских иноземцах³³³. Соответственно, можно полагать, что определение на законодательном уровне прав и обязанностей сибирских «иноземцев», их местоположения в социальной структуре российского сообщества было еще не актуально для государства. Составители Уложения по сути не осознали народы Сибири как «навечно» подданных русского монарха, еще не осмыслили в юридических категориях протекавший процесс их «присвоения» Российским государством. Показательно и то, что нормы русского судебного законодательства стали распростра-

³³² Правда, нечеткость терминологии вообще была свойственна русской политико-правовой мысли XVII в. и «отражала реальную нечеткость юридических представлений эпохи» (Александров В. А., Покровский Н. Н. Власть и общество... С. 224).

³³³ Под теми «иноземцами» и «чужеземцами», которые упоминались в Соборном Уложении, понимались выходцы из стран Европы, в первую очередь служилые иноземцы. Лишь один раз — в 3-й статье главы XIV — речь шла вообще о всех «иноземцах», среди которых составители законов, возможно, подразумевали и сибирских аборигенов (Соборное Уложение 1649 года... С. 71). Из населения Сибири Уложение называет «служилых и посадских и пашенных людей» (Там же. С. 96). В двух статьях (гл. XX, ст. 117, 118) говорится о возможности покупать в Сибири «татар и татарченков» (Там же. С. 117). Лишь дважды упоминаются ясачные люди (гл. X, ст. 161; гл. XVI, ст. 43) (Там же. С. 48, 78). При этом народы Поволжья, уже почти столетие находившиеся в составе Российского государства, фигурируют в Уложении неоднократно.

няться на сибирских иноземцев лишь с начала XVIII в.³³⁴ Восприятие русской властью иноземцев, даже ясачных, как не полностью *своих*, подчеркивание специфики их положения выражались и особой (по сравнению с русскими) квалификацией их выступлений против государственного порядка. Как заметил А. Ю. Конев, если применительно к русским такого рода преступления оценивались как «бунт» и «заговор», то к иноземцам — как «измена» и «шатость»³³⁵.

Учитывая вышесказанное, можно согласиться с мнением тех исследователей, которые считают, что за сибирскими аборигенами в конце XVI — XVII в. «признавался, до определенной степени, внешний статус “иноземного элемента”»³³⁶, что социополитоним «иноземцы» в контексте отношения к русской государственной власти означал «не полностью закрепившиеся в подданстве», «подобные иностранцам»³³⁷. Такая интерпретация подкрепляется и тем обстоятельством, что «иноземцами» в Сибири называли не только тех, кто

³³⁴ См.: *Вершинин Е. В.* Воеводское управление... С. 133, 135, 136.

³³⁵ *Конев А. Ю.* Шертоприводные записи и присяги сибирских «иноземцев» конца XVI–XVIII вв. // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. Тюмень, 2006. № 6. С. 173.

³³⁶ *Конев А. Ю.* Народы Западной Сибири в социальной структуре России... С. 76; По мнению А. Ю. Конева, «длительное бытование термина “иноземцы” в отношении коренных обитателей Сибири было связано не только с тем, что в массе своей они не принадлежали к Русской православной церкви, но и с тогдашним восприятием Сибири скорее не как периферии, обладающей комплексом признаков, присущих Русскому государству, а как пограничной / фронтальной территории с размытыми культурно-цивилизационными параметрами» (*Конев А. Ю.* Народы Сибири в социально-правовом измерении империи... С. 141)

³³⁷ *Ковалюшкина Е. П.* «Инородческий вопрос» в Сибири... С. 50. С. А. Токарев полагал, что «якуты, как и другие народы Сибири, не считались в XVII в. подданными царя, а считались покоренными племенами», поскольку «их, например, не приводили к присяге новому царю» (*Токарев С. А.* Очерк истории... С. 83). Это, конечно, не соответствует действительности: все реально покоренные иноземцы, в том числе и якуты, в обязательном порядке присягали на верность новым монархам.

принял подданство, но и тех, кто оставался вне юрисдикции русской власти (неясчные «иноземцы») и / или оказывал вооруженное сопротивление (немирные «иноземцы»), но потенциально мог стать подданным.

Таким образом, социополитоним «иноземцы» применительно к народам Сибири имел преимущественно политическое звучание, означая переходное состояние от потенциального подданства к реальному, хотя и содержал в себе также этнокультурные и социально-правовые смысловые нагрузки, степень проявления которых зависела от контекста употребления самого социополитонима. Его «политизированность» подтверждается и тем, что по мере закрепления народов Сибири в российском подданстве, ускорения процесса их административной, правовой и культурной русификации он в течение XVIII в. вышел из употребления, так и не став обозначением этнокультурной и социально-правовой инаковости. На смену ему пришли другие обозначения — «иноверцы» и «инородцы», имевшие иные смыслы, связанные с религиозным (первый) или культурно-социальным (второй) значением, но не политическим³³⁸. А поскольку слово «иноземцы» выступало не только социальным, но и политическим определителем (обозначая политический статус социальной группы по отношению к русскому монарху), то мы и квалифицируем его как социополитоним.

Сделанные нами выводы ограничиваются употреблением и смысловым значением социополитонима «иноземцы» применительно лишь к сибирским аборигенам. Не исключено, что изучение его ис-

³³⁸ См.: Сословно-правовое положение и административное устройство... С. 22–23; *Слокум Д. У.* Кто и когда были «инородцами»? Эволюция категории «чужие» в Российской империи // *Российская империя в зарубежной историографии. Работы последних лет: Антология.* М., 2005; *Конев А. Ю.* «Инородцы» Российской империи: к истории возникновения понятия // *Теория и практика общественного развития.* 2014. № 13; *Он же.* «Инородцы» — сословный проект империи...; *Бобровников В. О., Конев А. Ю.* Свои «чужие»: инородцы и туземцы в Российской империи // *Ориентализм vs. ориенталистика.* М., 2016.

пользования в рамках других регионов и в отношении других групп населения Московского государства (например, коренных народов Поволжья или Северного Кавказа или выходцев из стран Европы, находившихся на русской службе) может скорректировать изложенное выше представление о том, какие смысловые нагрузки он имел в московском социально-политическом дискурсе XVI–XVII вв.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Расширяя свои владения от Урала к Тихому океану, Российское государство включало в свой состав народы, весьма заметно различавшиеся по языку, хозяйственному укладу, социальной и потестарной организации. Чтобы закрепить свою власть над ними и утвердиться на новых — сибирских — территориях, государство неизбежно должно было переформатировать и перенастроить под свои потребности местное полиэтнокультурное социально-политическое пространство, сделать его своим и присвоить. Эта задача решалась непосредственно в процессе присоединения Сибири, которое началось в конце XVI в. и в основном закончилось в начале XVIII в.

Никакой четко сформулированной, вербализованной и расписанной по пунктам идеологической программы «сибирского взятия», равно как и аналогичной программы в отношении сибирских народов московское правительство не разработало. Но подобные программы в то время и не могли появиться на свет, учитывая то обстоятельство, что московские «политтехнологи», опираясь на прецедентное право («по старине») и сугубо практический подход («смотря по тамошнему делу»), в целом не были склонны к теоретизированию, выработке отвлеченного универсального политического, юридического и экономического понятийно-категориального аппарата и соответственно к формулированию каких-либо программных документов.

Тем не менее, присоединение Сибири имело все же явно выраженные идеологические основания и обоснования, которые заключались в необходимости выполнения миссии, «предначертанной» и «предопределенной» богом. Эта миссия, в частности, предполага-

ла распространение пределов Русского православного царства как оплота истинной веры и превращение как можно больших территорий и народов во владение / собственность православного царя как наместника бога на земле. Выполнение этой миссии обосновывало и предопределяло перманентную экспансию, которая подпитывалась и другими причинами как политико-идеологического характера (необходимость показать и доказать высокий статус русского царя в мировой иерархии правителей путем установления его власти над многими народами и землями), так и материального характера (потребность в пополнении казны «богоизбранного» царя). И вполне можно утверждать, что при отсутствии разработанной идеологической программы «сибирского взятия» существовала ее главная установка, вполне понимаемая русскими людьми XVI–XVII в. и заключающаяся в максимально возможном расширении пределов Русского православного царства.

В свою очередь расширение осознавалось как безусловное присвоение новых территорий и народов — превращение их из *иных* в *своих*. И не случайно русские люди того времени, прежде всего интеллектуалы — летописцы, осмысливали присоединение Сибири как *взятие*. Слово «взять» означало «приобрести», «сделать своим», «присвоить». Поэтому и захват / завоевание территорий и городов в то время, как и ранее, обозначалось «взятием»¹.

Но если понимание необходимости расширения Русского православного царства и территориальных пределов власти его правителя было вполне достаточно для «внутреннего» употребления, то обоснование прав на Сибирь и ее народы перед тогдашним «мировым сообществом» и самими сибирскими аборигенами требовали иной аргументации и легитимации, что вполне осознавалось русской властью.

Основным легитимирующим аргументом, часто излагаемым русской стороной иностранным правителям, было указание на давность (пусть и весьма относительную) своего владения каким-либо народом и территорией. Исходным моментом отчета давности являлись принесение присяги-шерты и тем самым признание власти царя,

¹ См.: СРЯ. М., 1975. Вып. 2. С. 166–170.

а также внесение дани-ясака. При этом присвоение Сибирского юрта аргументировалось прежде всего тем, что он являлся «искони» «государевой» «вечной вотчиной» и его правители издавна «бывали из рук государей наших», т. е. акцент делался на «вотчинные» (наследственные) права, личные взаимоотношения русского царя и сибирских беков / ханов и когда-то данные последними присяги на верность. Права же на иные (помимо сибирских татар) народы доказывались преимущественно тем, что они «издавна» являются подданными — данниками царя. Владение же «землями» обосновывалось весьма просто — на них живут люди и «устроены города многие», подвластные царю.

Важными показателями, демонстрировавшими всему миру присвоение русским царем сибирских территорий, являлось включение в его титулатуру политико-географических названий (политонимов), связанных с Сибирью (князь «Югорский», «Обдорский», «Кондинский»), ключевым из которых являлся титул «царь Сибирский», а также включение в царский герб короны, символизировавшей покоренное «Сибирское царство». Тем самым московские политики явно давали понять иностранным правителям, что сибирские земли являются владением московского государя.

Осуществляя подчинение сибирских народов, русская власть твердо была уверена в том, что иноземцы, хоть раз давшие шерть и ясак, становятся навеки подданными-холопами русского царя, пусть даже это «вечное» подданство периодически требовалось подтверждать новыми присягами. И даже те народы, которые лишь формально числились в подданстве или под протекторатом, но фактически находились вне какой-либо юрисдикции и влияния Российского государства, все равно рассматривались властью как потенциально подданные. Проанализированные нами варианты и контексты употребления обобщающего названия сибирских аборигенов — *иноземцы* — определенно свидетельствуют о том, что так называли тех, кто по представлению русской стороны имел политический статус, характеризовавшийся широким спектром отношений к русской власти: от потенциального до фактического подданства. Маркировав

(в территориальных рамках Сибири) какую-либо этнотерриториальную группу «иноземцами», русская власть тем самым декларировала свои притязания на обладание ею, на ее превращение в перспективе в «вечных холопов» «великого государя». В связи с этим весьма показателен следующий факт: Русское царство, а в последующем Российская империя упорно добивались и добились того, что все сибирские народы, которые в XVII в. были обозначены «иноземцами» и к тому же хоть раз дали дань-ясак и / или присягу-шерть, оказались российскими подданными². Соответственно все сибирские территории, на которые в XVII в. претендовало Русское православное царство, называя их население «иноземцами», в конце концов, пусть даже с опозданием на столетия, были включены в его состав³.

В отношениях с собственно сибирскими народами русская власть расставляла иные, нежели в международной дипломатии, акценты в обосновании прав царя на владение ими. Она явно не ограничивалась фактическим захватом территории и подчинением (мирным или преимущественно военным путем) населения, но и стремилась (хотя не всегда и не в полной мере это удавалось) формализовать данный процесс — придать законную силу владению царя новыми подданными, причем не только для самой себя, но и в большей степени для самих новоявленных «вечных холопов».

Основными механизмами легитимации власти царя и подданства аборигенов выступали оглашение жалованного слова и процедура шертования, которые являлись публично-правовыми актами (действиями). При этом, хотя слово *шерть* и было заимствовано от ордынцев и в ритуалах шертования заметны иноземческие элементы, тем не менее само приведение к шерти вполне соответствовало известной русским издавна практике присяги, а шертовальная запись по своему содержанию либо полностью, либо в своих основных

² Исключение составила, пожалуй, лишь часть населения Приамурья, переселившаяся в середине XVII в. в Маньчжурию, и инисейские киргизы, увезенные в начале XVIII в. со своей родной земли джунгарами.

³ Последней такой территорией стала Тува, оказавшаяся под российским протекторатом, а *de facto* в составе России в 1914 г.

смысловых аспектах и формулировках соответствовала крестоцеловальной записи православных подданных. И это обстоятельство, как и стремление, постепенно реализовавшееся на практике, к головному индивидуальному шертованию говорят о том, что русская власть внедряла в политико-правовые отношения с сибирскими иноземцами собственно русские представления о подданстве. Соответственно нет никаких оснований рассматривать шертование (равно как и практику аманатства) «ордынским наследием» в сибирской политике Российского государства.

Приведение к шерти осуществлялось разновариантно: либо по волеизъявлению самих иноземцев (что было крайне редко), либо под угрозой применения силы, либо после ее применения, когда побежденные иноземцы демонстрировали покорность. Процедура шертования должна была сопровождаться оглашением текста шертовальных записей, которые в своем подавляющем большинстве составлялись на основе крестоцеловальных записей и содержали как стандартизированный, так и вариативный (определяемый конкретными условиями) перечень обязательств присягнувших на верность русскому царю. И как раз лишь наличие вариативного компонента в шертовальных записях отличало их от крестоцеловальных. Крестоцеловальные записи на верность каждому конкретному монарху в любой части Российского государства были абсолютно идентичны, они не могли изменяться и дополняться по желанию местных властей.

На практике, однако, при подчинении сибирских иноземцев шертовальные записи использовались русскими землепроходцами и администраторами не часто. Русская сторона нередко ограничивалась лишь устным кратким оглашением сути шертных обязательств, которые предлагались иноземцам. Встречались и ситуации, когда русская власть вообще не настаивала на шертовании, удовлетворяясь проявлением лояльности и покорности со стороны иноземцев. Тем не менее, весьма показателен тот факт, что развитие в XVII в. процедуры шертования и формуляра шертовальных записей было прямо связано с развитием крестоцелования — христианской присяги, что свидетельствует о формировании общего дискурса «подданства»

русскому монарху. Заметим также, что факт рядоположенности двух процедур, подтверждавших подданство населения новому монарху, вступившему на престол, — присяги христиан и присяги иноверцев — однозначно свидетельствует о формировании единого института легитимации царской власти для всех категорий населения Сибири (и шире — России), независимо от их вероисповедания, набора и характера обязанностей перед монархом.

Оглашение жалованного слова и шертование, независимо от того, как они первоначально воспринимались контрагентами русской стороны (как присяга на верность или соглашение о неких взаимных обязательствах) и какой имели первоначальный эффект (от безусловного подданства до установления протекторатных отношений), сразу же приносили в потестарную культуру аборигенов новые политико-правовые понятия и отношения — превращали их, пусть даже на первых порах и формально, в людей, подвластных «великому государю»⁴. Оба этих действия, пусть даже в весьма общих чертах, регламентировали политические отношения между русской властью и сибирскими аборигенами, вводя их в определенные рамки, предложенные, конечно, русской стороной, но принятые (под давлением или без него) и осознанные (с разной степенью быстроты) сибирскими народами. Кроме того, через оглашение жалованного слова и шертование русская власть стремилась включить коренное население Сибири в политическую систему государства, сделать его *своим*, навязать ему ряд важнейших концептов собственной политической культуры, прежде всего представления о ревностном служении «государю всея Руси», а также о самом русском государе — наместнике бога на земле как верховном правителе, судье, собственнике и распорядителе всего, находящегося в пределах его государства.

Жалованное слово и шертовальная запись в своей совокупности, подкрепленные практикой «дипломатического дарообмена», содер-

⁴ Особо оговорим, что речь идет о шертовании тех народов, которые реально стали подданными Российского государства. Хотя были и ситуации, когда шертование (енисейских киргизских князцов, хотогойтских алтын-ханов) не давало результата, желаемого русской стороной.

жали в себе элементы договора о взаимных обязательствах: иноземцы должны были блюсти мир, верно служить и исправно давать ясак, а «великий государь» — защищать и жаловать их. Это вполне соответствовало общей практике «договорных отношений», существовавших в XVII в. между царем и его подданными⁵. В контактах русских с рядом народов Южной Сибири (киргизами, телеутами) шерти реально представляли собой договоры, оформлявшие протекторатные (с русской стороны) отношения, которые, правда, постоянно нарушались, поскольку трактовались контрагентами по-разному. Во взаимодействии же с основной массой сибирских этнотерриториальных общностей жалованные слова и шерти лишь внешне и весьма условно имели договорной характер, а сам «договор» *de facto* являлся фикцией.

Русская сторона рассматривала «договор» как набор обязательств иноземцев, предписанных к неукоснительному исполнению, тогда как обязательства царя рассматривались ею не как собственно обязанности, а как милость и проявление могущества и щедрости. Иначе в государстве-вотчине, возглавляемой «наместником бога», и быть не могло: царь отвечал только перед богом, но никому из своих подданных ничем не был обязан, а его забота о них по существу являлась заботой хозяина-собственника о своих «холопах» и «сиротах», обязанных прежде всего пополнять государственную казну. Именно поэтому обязанности иноземцев расписывались относительно конкретно и подробно, а «милости» царя — весьма кратко и обще. К тому же в случае неисполнения царем его обязательств не предусматривались какие-либо возможные санкции в его адрес и ответные действия иноземцев. Отказ же иноземцев от исполнения своих обязанностей превращал их в «изменников» с последующим применением к ним наказаний — небесных и земных кар: «...и буди на мне божий огненной меч и сабля великих государей буди на моей шее».

⁵ См. также: Kivelson V. Muscovite «Citizenship»: Rights without Freedom // The Journal of Modern History. Vol. 74. №3. P. 483; Кивельсон В. Картография царства: Земля и ее значение в России XVII в. М., 2012. С. 260, 297.

Присоединение Россией Сибири, ее номинальное присвоение русским царем, навязывание сибирским народам новых (русских) политических понятий и отношений и правовое оформление этого процесса сопровождалось и кардинальным переформатированием местного социально-политического пространства в целях его инкорпорации в систему российской государственности. Русская власть с самого начала своего появления в Сибири занялась властным освоением территории — начала внедрять здесь русскую систему управления, перекраивая существовавшие у аборигенов властные вертикали и управленческие структуры по подобию уездно-волостного устройства, бывшего в центральной части страны на исконно русских территориях, и превращая аборигенную потестарную элиту — князей / князцов и «лучших людей» — в должностных лиц русского аппарата местного управления и проводников русской политики. И хотя внутренняя социально-потестарная организация местных этносоциумов оставалась, за редким исключением (сибирские татары), без изменений, и русская администрация по собственной инициативе редко вмешивалась в обыденную управленческую и судебную практику внутри аборигенных сообществ, ключевые властные функции перешли все же в руки русского монарха и его агентов на местах. Русская власть, взяв под свой контроль те сферы жизнедеятельности сибирских народов, которые обеспечивали их лояльность и выполнение роли налогоплательщиков, неизбежно начала нормировать и регулировать широкий спектр отношений внутри аборигенных сообществ. Пожалуй, наиболее ярко это выразилось в быстро распространившейся практике обращения иноземцев, как улусных людей, так и их князцов к местной русской администрации по самым разнообразным поводам.

Освоение, переформатирование и присвоение сибирского социально-политического пространства, включаемого в состав Российского государства, осуществлялись и путем его описания, когда русская сторона обозначала аборигенные социально-политические структуры и явления, а также территориальные сообщества словами, понятными ей самой и имевшимися в московском социаль-

но-политическом лексиконе. С помощью этих слов — соционимов, социополитонимов, политонимов и т. д. — русские идентифицировали, номинировали, классифицировали и ранжировали существовавшие у сибирских народов социальные, хозяйственные и территориальные группы, в том числе элиты⁶, делали их понятными себе и тем самым *своими*. Важно отметить, что в этом нарративе русские землепроходцы и управленцы использовали преимущественно русскую (князь / князец, «лучшие люди», холопы, волость, земляца, сотня и т. д.) или хорошо им известную тюрко-монгольскую («улусные люди», «улус», «орда», «юрт» и т. д.) лексику, почти не принимая во внимание номинации, бывшие в лексиконе собственно сибирских аборигенов, хотя таковые, несомненно, у них имелись. Да и сами аборигены быстро освоили и стали применять русскую терминологию. Это способствовало не только адаптивному их социально-потестарной «номенклатуры» к русскому социально-политическому дискурсу, но и ее унификации в пределах Сибири.

Включение сибирских народов в политическую систему Российского государства и их социополитическая инкорпорация в русское политико-правовое и социальное пространство определялись не только государственной политикой, имевшей бесспорно огромное влияние на адаптационные процессы, но и степенью знакомства самих народов в «дорусский» период с системой господства-подчинения, господствовавшими у них ментальными установками и культурными паттернами, их умением воспринимать новации и приспосабливается к ним, подстраивая под русские «правила игры» свои нормативно-поведенческие практики, а также способностью к логической реконструкции традиционных представлений о мироустройстве путем приведения их в соответствие с изменившейся ситуацией (включение «русского фактора» в качестве важного

⁶ Это не было только русской спецификой. Точно так же поступали и западноевропейцы при описании аборигенных сообществ колонизируемых территорий. См.: *Акимов Ю. Г.* Северная Америка и Сибирь в конце XVI — середине XVIII в.: Очерк сравнительной истории колонизаций. СПб., 2010. С. 216.

компонента в картину мироздания). Иначе говоря, сибирские иноземцы — *иные* люди, адаптируясь к новым условиям жизне существования, облегчали русской стороне их превращение в *своих*.

В целом, подводя итог нашему исследованию, можно констатировать, что утвердившиеся в историографии тезисы о невмешательстве русской власти в социально-потестарное устройство аборигенных сообществ Сибири и об ее охранительной политике в их отношении в XVII в. нуждаются в серьезной корректировке. Все вышеизложенное позволяет утверждать, что уже в ходе подчинения сибирских территорий и народов в конце XVI — XVII в. русская власть проводила кардинальное реформатирование сибирских социумов, порой весьма аморфных, в понятные ей политические, социальные и территориальные единицы и структуры, которые адаптировались к институтам и практикам российской государственности. При всех разнообразных вариантах административно-территориального устройства аборигенных сообществ, при всей слабой организации и регламентированности управления ими вполне заметна общая тенденция к унификации. Одновременно русская центральная и местная администрация, а также землепроходцы, лексически конструируя понятный им самим облик сибирских аборигенов, решали задачу их освоения, осмысливания как *своих*.

По сути с самого начала присоединения Сибири русская власть осуществляла вербальную (понятийно-терминологическую) и практическую (политико-правовую и административную) русификацию социально-потестарных структур, существовавших у сибирских аборигенов. Этот процесс ускорился и стал явно выраженным с 1620–1630-х гг., когда московское правительство начало отказываться от предоставления отдельным этнотерриториальным группам сибирских аборигенов административной автономии и служебного статуса и приступило к унификации административно-территориального устройства и управления сибирской «государевой вотчиной». И эта унификации шла по русским правилам. Поэтому вряд ли можно, по крайней мере в точном смысле этого слова, говорить о «синтезе» «московской социально-политической системы»

и «местных государственных или потестарных структур» в указанное время⁷. Синтез, являясь процессом соединения (объединения, сочтения, составления) различных, ранее разрозненных элементов, понятий и явлений в одно целое, подразумевает некую равнозначность соединяемых частей и приводит к появлению чего-то принципиально нового. В процессе же взаимодействия Российского государства и сибирских народов, первое подчиняло вторых, стремилось превратить их в *своих*, не меняя при этом собственных сущностных признаков. Ничего принципиально нового не рождалось. Соответственно, речь следует вести о социально-политической ассимиляции — процессе, в ходе которого сибирские народы включались в институциональные структуры государства путем восприятия и принятия основополагающих паттернов русской политической культуры. Как верно подметила Е. П. Ковалышкина, «народы Сибири для государства на всех этапах аборигенной политики оставались лишь объектом реализации его демиургических замыслов. Под формой опеки, руководства, воспитания государство претендовало не только на эксплуатацию их труда, но навязывало им цели и перспективы развития в соответствии с собственным пониманием должного и с учетом собственных интересов»⁸.

Начавшийся в конце XVI в. процесс освоения и присвоения Российским государством социальных и потестарных структур сибирских народов к началу XVIII в. был далек от завершения⁹. Сами

⁷ Эту мысль четко озвучивает Л. И. Шерстова. См.: Шерстова Л. И. Аборигенная политика московского царства в Сибири: проблема синтеза социально-политических институтов в XVII в. // Вестн. Томск. гос. ун-та. 2012. № 365. С. 97.

⁸ Ковалышкина Е. П. «Инородческий вопрос» в Сибири: Концепции государственной политики и областническая мысль. Томск, 2005. С. 149.

⁹ Процесс административно-правовой унификации (путем русификации) российских «национальных» окраин не был завершен и в последующее время, несмотря на то что он являлся основным трендом имперской административно-территориальной политики (См., например: Российская многонациональная цивилизация: Единство и противоречия. М., 2003. С. 121–132; Дамешек И. Л. Сибирь в российском имперском регионализме

народы сохраняли особый статус в социальной структуре общества Московской Руси и специфичность подданства, которые обозначались особыми словами — *иноземцы* и *ясачные*. В связи с этим можно согласиться с А. Ю. Коневым, который утверждает, что основания и условия подданства коренного сибирского населения в конце XVI — XVII в. отличались от подданства русско-православного населения, что «от подданства, скрепленного осознанием этноконфессионального ... единства, следует отличать варианты подданства, возникавшие вследствие завоевания и присоединения соседних народов»¹⁰. При этом, однако, маркировка «ясачные иноземцы», введенная в оборот и активно использовавшаяся русской властью, свидетельствует о том, что сибирские аборигены воспринимались этой властью как находящиеся на пути превращения из *иных* в *своих*. Наделяя аборигенов особыми статусом и функциями, государство тем самым делало их частью своего социально-политического пространства.

(1822–1917 гг.): Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Омск, 2006; Ремнев А. В. Российская власть в Сибири и на Дальнем Востоке // *Imperium inter pares: Роль трансферов в истории Российской империи (1700–1917)*. М., 2010; Тренавлов В. В. «В царстве другого царства быть не может». Вассальные владения в составе России (XVII — начало XX в.) // *Российская история*. 2015. № 3.

¹⁰ Конев А. Ю. Народы Западной Сибири в социальной структуре России XVII–XIX веков // *Сословия, классы, страты российского общества: история и современность*. СПб., 2002. С. 76.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АИ — Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией

ВГО — Всесоюзное географическое общество

ДАИ — Дополнения к актам историческим, собранные и изданные Археографической комиссией

ЖМНП — Журнал министерства народного просвещения

КПМГЯ — Колониальная политика Московского государства в Якутии XVII в.

КПЦКЧ — Колониальная политика царизма на Камчатке и Чукотке в XVIII веке

НИА СПбИИ — Научно-исторический архив Санкт-Петербургского Института истории РАН

ПСЗРИ — Полное собрание законов Российской империи. Собрание Первое

ПСИ — Памятники Сибирской истории XVIII в.

ПСРЛ — Полное собрание русских летописей

ОРЗПМ — Открытия русских землепроходцев и полярных мореходов XVII века на Северо-Востоке Азии

ОР РНБ. Эрм. Собр. — Отдел рукописей Российской национальной библиотеки, Эрмитажное собрание

РГАДА — Российский государственный архив древних актов

РИБ — Русская историческая библиотека, издаваемая Археографической комиссией

РКО — Русско-китайские отношения

РМЛТО — Русские мореходы в Ледовитом и Тихом океанах: Сб. документов о великих русских географических открытиях на Северо-Востоке Азии в XVII веке

РМО — Русско-монгольские отношения

Сб. РИО — Сборник Императорского Русского исторического общества

СГГД — Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в государственной коллегии иностранных дел

СДИБ — Сборник документов по истории Бурятии. XVII век

СПбФ АРАН — Санкт-Петербургский филиал Архива РАН

СРЯ — Словарь русского языка XI–XVII вв.

ЧОИДР — Чтения в Обществе истории и древностей российских

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
Глава 1. Присоединение Сибири к России в конце XVI — начале XVIII века	39
Народы Сибири накануне русской колонизации	39
Хроника подчинения Российским государством сибирских народов	52
Русский опыт подчинения «иных» земель и народов к началу присоединения Сибири	72
Государственная стратегия и землепроходческая практика подчинения сибирских народов	88
Глава 2. Политико-правовое оформление легитимности власти русского царя над Сибирью и ее народами	126
Политико-идеологическое и дипломатическое обоснование принадлежности Сибири и ее народов русскому царю	126
Политико-правовые акты оформления и подтверждения подданства сибирских иноземцев русскому царю: жалованное слово и шертовальная запись	146
Процедуры приведения к присяге-шерти сибирских иноземцев	194
Контингент иноземцев, приводимых к шерти	244

«Договорной» характер шерти и «дипломатический» дарообмен	268
Глава 3. Освоение и присвоение Российским государством социально-политического пространства Сибири	293
Огосударствление земли и объясачивание иноземцев	293
«Белый царь» как «милостивый государь» и адаптация сибирских иноземцев к русской политико-правовой системе	318
Переформатирование и адаптирование русской властью социальных, потестарно-политических и территориальных структур сибирских народов	353
Иноземцы — «свои» и «иные»: понятийно-терминологическая классификация политического статуса сибирских народов	397
Заключение	427
Список сокращений	439

Научное издание

Зуев Андрей Сергеевич,
Игнаткин Павел Сергеевич,
Слугина Виктория Александровна

ПОД СЕНЬ ДВУГЛАВОГО ОРЛА:
инкорпорация народов Сибири в Российское государство
в конце XVI — начале XVIII в.

Редактор *С. В. Исакова*
Верстка *А. С. Терёшкиной*
Обложка *Е. В. Неклюдовой*

Подписано в печать 23.12.2017 г.
Формат 60 × 84/16. Уч.-изд. л. 27,75. Усл. печ. л. 25,8.
Тираж 300 экз. Заказ № 199.
Издательско-полиграфический центр НГУ
630090, Новосибирск, ул. Пирогова, 2.